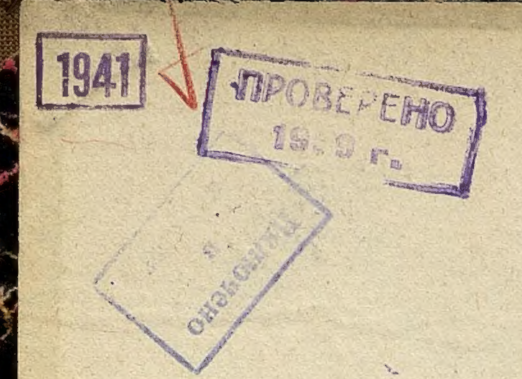
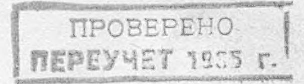

1941
ПРОВЕРЕНО
19 9 г.

Платонов

Статьи по русской истории
т. I

словскій (Сборн. Гос. Знаній, II, отдѣлъ 2-й, стр. 130) и М. О. Кояловичъ («Три подъема русскаго народн. духа», стр. 6) полагаютъ, что соборъ былъ въ 1550 году. При всемъ этомъ разногласіи любопытно то, что изслѣдователи, кромѣ г. Замысловскаго, не указываютъ тѣхъ мотивовъ, по какимъ они предпочитаютъ тотъ или другой годъ. Отыскивая въ источникахъ точку опоры, которая позволила бы намъ сознательно примкнуть къ какому-либо мнѣнію, мы нашли таковыхъ двѣ: 1) въ Степенной Книгѣ по списку Хрущова, которымъ пользовался Карамзинъ (т. VIII, прим. 182, 184) и отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ Собраніи Госуд. Грамотъ и Договоровъ (т. II, № 37), мы читаемъ, что царь Иванъ Васильевичъ «бысть въ возрастѣ 20-го году», когда онъ съ воззваніемъ обратился къ народу на Красной площади. Двадцатый же годъ жизни царя приходится, какъ сказано, на 1549—1550 годы. Эту данную, очевидно, и имѣлъ въ виду Соловьевъ; на нее опирается и г. Замысловскій. 2) Другая же данная находится въ предисловіи къ Стоглаву. Въ немъ помѣщена, между прочимъ, рѣчь царя Ивана къ Стоглавому собору, происходившему, какъ извѣстно, въ 1551 году. Царь говоритъ: «*Въ предыдущее лѣто* билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, а бояре такоже, и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а азъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ. и бояре мои (и) всѣ приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. да благословилися есми у васъ *тогды же* судебникъ исправити по старинѣ»... (Стоглавъ, изд. 1862 г., Казань, стр. 46—47, и изд. 1863 г., Спб., стр. 38—39). Въ этой картинѣ всеобщаго покаянія, прощенія и примиренія легко можно видѣть указаніе на первый земскій соборъ, который, дѣйствительно, имѣлъ нравственное значеніе. Другой мѣры подобнаго всеоб-

щаго умиротворенія мы за то время не знаемъ. А при такомъ пониманіи вышеприведенныхъ словъ царя для насъ важное значеніе пріобрѣтаютъ слова: въ «предыдущее лѣто». Значитъ, земскій соборъ былъ только однимъ «лѣтомъ» ранѣе собора Стоглаваго и одновременно («тогды же», какъ выражается царь Иванъ Васильевичъ), когда составлялся Судебникъ, то-есть въ 1550 г. Этотъ выводъ совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Степенной Книги Хрущова, что царь Иванъ созвалъ соборъ въ двадцатый годъ своей жизни. Такимъ образомъ, выражаясь точно, мы имѣемъ право полагать, что первый земскій соборъ произошелъ *по московскому счету въ 7058 году*, иначе— въ промежутокъ времени между 1-мъ сентября 1549 и 1-мъ сентября 1550 года.

Оставляя въ сторонѣ прочіе земскіе соборы XVI вѣка, какъ достаточно описанные [1]), остановимся на обстоятельствахъ 1612 года, на исторіи второго земскаго ополченія. Н. И. Костомаровъ, послѣдній изслѣдователь смуты XVII вѣка, говоря объ

---

[1]) Впрочемъ, умѣстнымъ здѣсь будетъ упомянуть о земскомъ соборѣ 1566 года. Вмѣсто одной приговорной грамоты этого собора (Собр. Г. Гр. и Дог. I, № 192, и Прод. Др. Росс. Вивл. VIII, стр. 1—42) будущій историкъ долженъ принять къ свѣдѣнію и еще одинъ документъ, чрезвычайно интересный. Это—такъ называемая Александро-Невская Лѣтопись, извѣстная и Карамзину, и Соловьеву, но напечатанная очень недавно («Русск. Историч. Библіотека», III, ст. 161—294). Она никѣмъ еще не разслѣдована относительно состава и происхожденія, но, безъ сомнѣнія, составляетъ надежный источникъ по массѣ доброкачественнаго матеріала. Это—лѣтопись офиціальнаго характера, по строю своему любопытная тѣмъ, что являетъ собою переходную ступень между лѣтописью и позднѣйшими разрядами. Собственно о соборѣ 1566 г. въ ней заключается много частностей, дополняющихъ соборный протоколъ. Такъ, лѣтопись говоритъ, что соборъ происходилъ въ личномъ присутствіи царя и его родни; далѣе объясняетъ, почему на соборѣ не было митрополита, указываетъ точно день соборнаго засѣданія (28-го іюня) и проч. Кромѣ того, любопытныя указанія объ этомъ соборѣ приводятся А. П. Барсуковымъ въ его трудѣ «Родъ Шереметевыхъ» (т. I, 286), но неизвѣстно, откуда онъ ихъ почерпнулъ.

ополченіи 1612 г., сообщаетъ, что у князя Д. М. Пожарскаго было желаніе «окружить себя земскимъ соборомъ, правильно выбраннымъ, который бы имѣлъ право рѣшать судьбу всей земли» («Смутное время», т. III, гл. 3-я, I). Но почтенный историкъ умалчиваетъ, осуществилось ли такое желаніе или нѣтъ, и нигдѣ въ литературѣ на это указаній не находится. А между тѣмъ существуютъ данныя, хотя и не совсѣмъ точныя, но позволяющія высказаться по этому вопросу съ достаточной опредѣленностью.

Сборнымъ пунктомъ второго ополченія былъ Ярославль. По прибытіи туда въ апрѣлѣ 1612 г. князь Пожарскій и всѣхъ чиновъ люди, съ нимъ бывшіе, отправляютъ по городамъ грамоты (Собр. Г. Гр. и Дог. II, № 281; Др. Росс. Вивл. XV, стр. 180; А. Э. II, № 203), въ которыхъ, прося себѣ у городовъ матеріальной поддержки, просятъ въ то же время, чтобы города прислали къ нимъ «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два по три» для «земскаго совѣта» и «совѣтъ свой отписали за руками» о томъ, какъ бы въ такое трудное время не остаться безгосударнымъ, какъ стоять противъ враговъ русской земли, какъ ссылаться безъ царя съ иностранными государями и какъ устраивать впредь государственный порядокъ. Изъ грамотъ видно, такимъ образомъ, что города призывались дать своимъ выборнымъ инструкціи не только объ избраніи царя, но и объ управленіи государствомъ до этого избранія. Стало быть, въ войскѣ Пожарскаго было, дѣйствительно, желаніе вручить управленіе страною представителямъ земщины, а не личному усмотрѣнію немногихъ избранныхъ вождей. Осуществилось ли это желаніе, то-есть собрался ли въ Ярославлѣ земскій соборъ, мы можемъ догадываться по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего, распоряженія тогдашней исполнительной власти, князя Пожарскаго «съ товарищи», дѣлались «по боярскому приговору и *всей совѣту земли*», «*по указу всей земли*», «*по приговору всей земли*», какъ объ этомъ говорится въ самихъ грамотахъ Пожарскаго

(А. Э. II, №№ 204, 205, 206; А. И. II, №№ 336, 337, 339, 341, 343; Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, *Лебедева*, стр. 45—46, №№ 255 и 257). Это указываетъ намъ, что соборное начало находилось въ большомъ почетѣ въ земскомъ ополченіи 1612 г., если его начальники распоряжались именемъ земскаго совѣта; но отсюда еще нельзя заключать, строго говоря, о дѣйствительномъ существованіи при князѣ Пожарскомъ совѣта выборныхъ отъ земщины. Въ смутное время, до образованія второго ополченія, зачастую злоупотребляли именемъ земщины и ея инціативѣ приписывали такія дѣла, въ которыхъ она совершенно не участвовала; такъ, напримѣръ, земщинѣ приписывался въ официіальныхъ грамотахъ выборъ на царство В. И. Шуйскаго и королевича Владислава, тогда какъ и то и другое было дѣломъ немногихъ власть тогда имѣвшихъ лицъ. И въ данномъ случаѣ упоминаніе въ грамотахъ общаго земскаго совѣта, повторяемъ, еще не давало бы намъ права дѣлать выводъ о дѣйствительномъ его существованіи въ 1612 году,—если бы о немъ не упоминали еще и лѣтописцы. Они вообще мало и кратко говорятъ о земскихъ соборахъ, но зато на ихъ сообщенія въ этомъ дѣлѣ—mutatis mutandis—можно болѣе положиться, чѣмъ на нѣкоторыя торжественно-риторическія окружныя грамоты той эпохи. Въ лѣтописяхъ же того времени мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ указаніями, что въ Ярославлѣ дѣла рѣшались «всею ратью», «всѣми ратными людьми», чего, конечно, нельзя понимать буквально: не могла же *вся масса* ополченцевъ принимать участіе въ рѣшеніи, напримѣръ, дѣлъ чисто-дипломатическаго характера, не всегда удобныхъ для гласнаго обсужденія и недоступныхъ пониманію всякаго ополченца. Мы должны предположить въ данномъ случаѣ у совѣта всей рати извѣстную организацію, по всей вѣроятности, выборную, въ чемъ утверждаетъ насъ до нѣкоторой степени и аналогія съ совѣтомъ въ рати Ляпунова въ 1611 году. Тамъ дѣла рѣшались не вѣчевымъ порядкомъ, а выборными людьми, какъ говоритъ Карам-

зинъ (т. XII, изд. 1829 г., стр. 310). Если вѣрить лѣтописи, то не только ратные люди принимали участіе въ обсужденіи земскихъ дѣлъ, но и духовенство, и посадскіе. Лѣтопись говоритъ, что вскорѣ по прибытіи ополченія въ Ярославль, Пожарскій и К. Мининъ созвали «*всю рать свою, властей призваша и посадскихъ людей*», и разсуждали, «како бъ земскому дѣлу было прибыльнѣе»: какой политики держаться относительно Швеціи и бродячихъ казаковъ. Самый предметъ совѣщанія, очень сложный, дѣлалъ неудобнымъ вѣчевое его обсужденіе. Рѣшено было послать въ Новгородъ посольство, чтобы уладить нейтралитетъ Шведовъ, а противъ казаковъ рѣшили воевать (Новый Лѣт., 148—149; Ник. Лѣт. VIII, 181; Лѣт. о мят., изд. 2-е, 243). Въ іюлѣ 1612 г. снова представилась нужда отправить въ Новгородъ пословъ по дѣлу о кандидатурѣ на русскій престолъ шведскаго принца. Лѣтопись говоритъ, что по этому дѣлу «Московскаго... государства *народъ*, митрополитъ Кириллъ и начальники и *всѣ ратные люди*» написали грамоту въ Новгородъ, что они шведскому королевичу «всѣ ради», если онъ приметъ православіе (Ник. Лѣт. VIII, 184; Лѣт. о мятеж., 248; иначе: въ Нов. Лѣт., 150). Эта грамота ратныхъ людей дошла до насъ (Доп. къ А. И., I, № 164). Писана она отъ лица бояръ и воеводъ и отъ «всѣхъ чиновъ всякихъ людей всѣхъ городовъ». Изъ этой грамоты, между прочимъ, ясно видно, что отношенія Новгорода и Ярославля были въ то время настолько сложны, что обсужденіе ихъ не могло происходить на вѣчѣ, а требовало извѣстной организаціи, болѣе дѣлу соотвѣтствовавшей. Наконецъ, о примѣненіи ратью соборнаго начала для рѣшенія дѣлъ мы въ лѣтописи находимъ и еще одно указаніе. Какъ извѣстно, на жизнь князя Пожарскаго сдѣлано было въ Ярославлѣ покушеніе. Виновнаго поймали и повели, какъ выражается лѣтопись,—«*всею ратью и посадскіе люди* къ пыткѣ и пыташа ево, онъ же все разказаше и товарищей своихъ всѣхъ сказа, и ихъ переимаша, они же всѣ повинишася, и

землею жъ ихъ всѣ разослаша по городомъ, по темницамъ» (Ник. Лѣт. VIII, 186; Лѣт. о мятеж., 250; Нов. Лѣт., 151). Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ соборное рѣшеніе дѣла. Соборное начало примѣнялось ополченіемъ и послѣ взятія Москвы отъ поляковъ. Это видно изъ одной позднѣйшей сравнительно грамоты земскаго собора 1613 года. Соборъ 1613 г., выбравъ на царство Михаила Θеодоровича, вступилъ съ нимъ въ письменныя сношенія и, между прочимъ, въ мартѣ 1613 г. писалъ ему изъ Москвы о томъ, что всякаго рода запасовъ для царскаго дворца въ разоренной Москвѣ еще не имѣется, хотя о нихъ уже думали и объ ихъ собираніи распорядились уже давно. «... *И до насъ холопей твоихъ*», писали выборные земскіе люди,—«послалъ бояринъ князь Дм. Т. Трубецкой да столникъ князь Дмитрей Пожарскій, для твоихъ государевыхъ обиходовъ, отписывать дворцовыхъ селъ... по приговору Кирилла митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собору и *по совѣту всеа земли*» (Дворц. Разр., I, Прилож. № 12). Кто же могъ составлять въ данномъ случаѣ «совѣтъ всея земли», какъ не тѣ люди, которые его составляли въ Ярославлѣ, и когда могли они заботиться о дворцовыхъ припасахъ, какъ не по взятіи уже Москвы отъ поляковъ?

Итакъ, группируя еще разъ всѣ данныя о соборѣ 1612 г., мы видимъ, что, во-первыхъ, князь Пожарскій желалъ окружить себя соборомъ земскихъ представителей (это фактъ достовѣрный); во-вторыхъ, въ своихъ распоряженіяхъ власти земской рати постоянно опирались на авторитетъ земскихъ приговоровъ; въ-третьихъ, лѣтописцы неоднократно говорятъ объ участіи духовенства, служилыхъ и посадскихъ людей въ обсужденіи и рѣшеніи дипломатическихъ и иныхъ дѣлъ, чему мы имѣемъ подтвержденіе въ дипломатической грамотѣ ополченія въ Новгородъ, писанной отъ лица «всѣхъ чиновъ... людей всѣхъ городовъ», а не отъ лица только воеводъ, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, мы знаемъ документальную данную, что въ 1612 г. въ Москвѣ, до созванія избирательнаго собора

1613 года, происходилъ «совѣтъ всея земли». Какіе же выводы можемъ мы сдѣлать изо всего этого? Прежде всего, одинъ непоколебимый, какъ намъ кажется, выводъ: въ земскомъ ополченіи 1612 года—и до и послѣ взятія Москвы—власть не сосредоточивалась въ рукахъ однихъ излюбленныхъ воеводъ, а раздѣлялась земскимъ соборомъ, составъ коего намъ точно неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что соборъ этотъ состоялъ изъ трехъ главныхъ элементовъ тогдашняго общества: изъ духовныхъ, служилыхъ и тяглыхъ (посадскихъ) людей—обычный составъ московскихъ земскихъ соборовъ. Одного сказать не можемъ, были ли соборные участники *правильными* представителями земщины. Пожарскій звалъ такихъ представителей. Можетъ ли быть, чтобы земля, находившаяся тогда въ порывѣ патріотическаго энтузіазма, не отозвалась на приглашеніе своего вождя и не послала «по два, по три» уполномоченныхъ изъ города, когда посылала цѣлыя дружины и послѣднее достояніе? [1]).

[1]) Если мы допустимъ, что въ ополченіи 1612 г. были горожане, главною обязанностію которыхъ было участвовать въ земскомъ совѣтѣ при князѣ Пожарскомъ, то это предположеніе поможетъ намъ, можетъ быть, разгадать одну темную частность въ исторіи тѣхъ лѣтъ. Г. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что послѣ взятія Москвы, которое совершилось около 26-го октября 1612 г., земскій соборъ съѣзжался для царскаго избранія не одинъ разъ, а два: въ концѣ 1612 г., когда дѣла рѣшить не успѣли, и въ 1613 г., когда былъ избранъ Михаилъ Θеодоровичъ. Такой фактъ нашъ историкъ почерпнулъ изъ письма Гонсѣвскаго, который осенью 1612 г. участвовалъ въ походѣ Сигизмунда подъ Москву и во время своихъ военныхъ операцій поймалъ нѣсколькихъ дѣтей боярскихъ, «торопецкихъ пословъ»; они, по словамъ Гонсѣвскаго, были на Москвѣ для избранія царя, но, не рѣшивъ ни на чемъ, уѣхали ни съ чѣмъ назадъ и объявили, между прочимъ, Гонсѣвскому, что избраніе царя назначено на 23-е марта (Смутное время. III, стр. 292). Въ русскихъ источникахъ нигдѣ нѣтъ и намека на двѣ сессіи избирательнаго собора. Простое хронологическое соображеніе говоритъ намъ, что Гонсѣвскій ошибся, что между концемъ октября и февралемъ не могло состояться двухъ собраній выборныхъ, ибо съѣзды ихъ, при медленности вообще тогдашнихъ сообщеній, затруднялись еще и вслѣдствіе смуты. Такимъ образомъ, одинокое и сомнительное свидѣтельство Гонсѣвскаго остается загад-

Принято думать, что временное московское правительство позаботилось о созваніи выборныхъ для избранія государя только въ декабрѣ 1612 г. Такъ пишетъ и Соловьевъ (Ист. Р., т. VIII, изд. 1873 г., стр. 441—442) и другіе. Между тѣмъ, остается незамѣченною одна важная грамота земскаго ополченія въ Новгородъ (Доп. къ А. И. I, № 166), которая свидѣтельствуетъ намъ, что въ первыя же двѣ недѣли по освобожденіи Москвы, то-есть въ началѣ ноября, въ Москвѣ уже подумали о созваніи избирательнаго собора и «о обиранѣ государьскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали въ Сибирь [1]) и въ Астрахань, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Сѣверу и во всѣ городы Московскаго государства, чтобъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства, изо всякихъ чиновъ люди, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ, прислали... къ Москвѣ» (Доп. къ А. И., т. I, № 166, стр. 294). Приглашенные представители земли съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 г. Объ этомъ мы можемъ судить по тому обстоятельству, что въ январѣ, не позднѣе, избирательный земскій соборъ даровалъ князю Трубецкому въ вотчину область Вагу, что и засвидѣтельствовалъ своею грамотою отъ января 1613 г. (Др.

кой, если не предположить, что онъ поймалъ торопецкихъ выборныхъ изъ числа созванныхъ княземъ Пожарскимъ въ Ярославль, затѣмъ послѣдовавшихъ за ополченіемъ въ Москву и оттуда отпущенныхъ въ виду созванія новаго собора для избранія царя.

[1]) Представителей Сибири обыкновенно не замѣтно на земскихъ соборахъ. Въ 1682 г., собирая представителей отъ торговыхъ и посадскихъ людей, московское правительство прямо указало прислать выборныхъ изо всѣхъ мѣстъ тогдашней Руси, *кромѣ Сибири*, что извѣстно намъ документально (Полн. Собр. Зак. II, № 899). Въ виду этого упоминаніе о Сибири въ грамотѣ ополченія получаетъ нѣкоторый интересъ. Желая провѣрить, дѣйствительно ли Сибирь была привлечена къ дѣлу избранія государя, мы обратились къ подписямъ на избирательной грамотѣ собора 1613 г. (С. Г. Г. и Д. I, № 203), но среди нихъ не нашли ни одной подписи за сибирскіе города. Этотъ фактъ врядъ ли можно объяснить случайностію; вѣроятнѣе, что представителей Сибири вовсе не было на соборѣ 1613 года, какъ и на прочихъ.

Росс. Вивл., т. XV, стр. 201)[1]. Послѣ пререканій, длившихся такимъ образомъ мѣсяцъ, земскій соборъ выбралъ въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова и остался при немъ поддержать авторитетомъ всей земли молодого царя въ первые годы его правленія.

Мы не будемъ распространяться о данныхъ для дѣятельности этого собора. Часть ихъ прекрасно разработана А. П. Барсуковымъ во второмъ томѣ его «Рода Шереметевыхъ». Мы же позволимъ себѣ представить лишь немногія соображенія относительно состава собора 1613 г. О составѣ его даетъ намъ свѣдѣнія только избирательная грамота собора (Собр. Г. Гр. и Д. I, № 203). Строго говоря, она не можетъ служить источникомъ для исторіи событій того времени, такъ какъ въ нѣкоторой своей части почти буквально списана съ избирательной грамоты Бориса Ѳеодоровича Годунова (А. Э. II, № 7), а во второй половинѣ составляетъ вольный пересказъ другихъ современныхъ ей документовъ [2]. Но эта грамота избирательная

---

[1]) Несмотря на совершенно спутанныя въ печати хронологическія даты этой грамоты, мы увѣренно относимъ ее къ январю 7121 (1613) года, основываясь на содержаніи грамоты: въ ней походъ Сигизмунда подъ Москву (въ 1612 г.) трактуется, какъ событіе прошедшее (стр. 207), а царское избраніе, какъ событіе еще несовершившееся (стр. 208). Стало быть, грамота писана никакъ не позже 1613 года, хотя въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ она и помѣщена подъ 1614 годомъ.

[2]) Опредѣленіе состава этой грамоты—не наша цѣль; поэтому, въ подтвержденіе нашей мысли о несостоятельности этого памятника, мы ограничимся указаніями на нѣкоторыя только заимствованія въ этой грамотѣ. Въ ней, напримѣръ, начало (родословіе) прямо выписано изъ избирательной грамоты Бориса Годунова (С. Г. Гр. и Д. I, № 203. —А. Э. II № 7). Слова Бориса къ земскому собору—изъ той же грамоты собора 1598 г.—вложены цѣликомъ въ уста Михаила Ѳеодоровича (С. Г. Гр. и Д. I, № 203, стр. 620, и А. Э. II, № 7, стр. 21; со словъ: «Не мните себѣ того»...). Слова иноки Александры приписаны инокѣ Мареѣ (С. Г. Гр. и Д. I, № 203, стр. 628, и А. Э. II, № 7, стр. 33—34; со словъ: «И толикъ плачъ и вопль и рыданіе»...). Длинная рѣчь патріарха Іова къ Борису превратилась, съ незначительными измѣненіями, въ рѣчь арх. Ѳеодорита Михаилу Ѳеодоровичу (С. Г. Гр. и Д. I, №

дорога намъ тѣмъ, что на ней находятся подписи соборныхъ людей. Всѣхъ подписей—277. Изъ нихъ 57 подписей принадлежатъ духовенству, 136 подписей—боярамъ и высшимъ служилымъ чинамъ, а остальныя 84 подписи—городскимъ выборнымъ свѣтскихъ чиновъ. Представлены же были по меньшей мѣрѣ 50 городовъ, кромѣ престольной Москвы. Такимъ образомъ, на 50 городовъ приходится 84 подписи, не считая подписей духовенства изъ городовъ, или среднимъ числомъ по двѣ подписи на каждый городъ. Но это не значитъ, что города имѣли только по два представителя на соборѣ. Подписавшіе грамоту городскіе представители почти всѣ подписывали не за однихъ себя, а за всѣхъ представителей своего города и уѣзда, и поэтому мы лишены возможности точно опредѣлить численный составъ собора. Тѣмъ не менѣе, смѣло можно сказать, что соборъ 1613 года былъ очень люденъ сравнительно съ другими соборами. Мы знаемъ, что Пожарскій звалъ по десяти человѣкъ отъ города (Доп. къ А. И. I, № 166, стр. 294),

---

203, стр. 622, и А. Э. II, № 7, стр. 21—23; со словъ: «не буди противенъ вышняго Бога промыслу»...). Наконецъ, извѣстная сцена народнаго плача и просьбъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, описанная въ избирательной грамотѣ Бориса, цѣликомъ перенесена въ Кострому составителемъ грамоты 1613 г. (С. Г. Гр. и Д. I, № 203, стр. 627, со словъ: «Преосвященный архіепископъ... и съ нимъ весь вселенскій соборъ».., и А. Э. II, № 7, стр. 32—33, со словъ: «Святѣйши же Іовъ Патріархъ и съ нимъ весь вселенскій соборъ»...). Этими примѣрами далеко не исчерпываются всѣ заимствованія грамоты царя Бориса, которая, при этомъ, была не единственнымъ источникомъ для составителя грамоты 1613 г. Онъ имѣлъ въ виду и наказъ собора посламъ, отправленнымъ въ Кострому, откуда заимствовалъ рѣчь арх. Ѳеодорита къ Михаилу Ѳеодоровичу (С. Г. Гр. и Д. I, № 203, стр. 616, отъ словъ: «Вѣдомо ему, Вел. Государю»..., и ibid. III, № 6, стр. 16, отъ словъ: «Вѣдомо тебѣ, Вел. Государю»...), и извѣстительную грамоту посольства изъ Костромы въ Москву о согласіи Михаила Ѳеодоровича принять престолъ; отсюда въ формѣ вольнаго пересказа заимствована рѣчь посольству иноки Марѳы (С. Г. Гр. и Д. I, № 203, стр. 620, III, № 10, стр. 41—42, со словъ: «а онъ, Государь, еще не въ совершенныхъ лѣтахъ»...).

и можемъ по нѣкоторымъ даннымъ заключить, что города не скупились на число своихъ выборныхъ, а присылали даже и больше указанной нормы. Такъ, о Нижнемъ-Новгородѣ извѣстно, что онъ послалъ «для царскаго обиранья» трехъ поповъ, тринадцать посадскихъ, двухъ стрѣльцовъ и одного дьяка, всего 19 человѣкъ, кромѣ выборныхъ отъ дворянъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій. Между тѣмъ, изъ этихъ 19-ти лицъ только четверо расписались на избирательной грамотѣ (Дворц. Разр. I, Прилож. № 13, ст. 1085—86, и подписи въ С. Г. Гр. и Д. I, № 203). Въ виду этихъ данныхъ, если мы примемъ, что каждый изъ пятидесяти (minimum) представленныхъ городовъ прислалъ на соборъ не девятнадцать человѣкъ, какъ Нижній-Новгородъ, а только десять, согласно указанной нормѣ, то получимъ очень солидную цифру 500 городскихъ представителей. Сложивъ эту цифру съ числомъ представителей духовенства и высшихъ московскихъ чиновъ, которыхъ на соборѣ было болѣе двухсотъ, мы получили составъ собора въ семьсотъ слишкомъ человѣкъ,— выводъ гадательный, но не невѣроятный. Многолюдствомъ собора можно отчасти объяснить и тотъ фактъ, что соборъ зачастую засѣдалъ въ самомъ просторномъ помѣщеніи тогдашней Москвы— въ Успенскомъ соборѣ.

Соборы царствованія Михаила Θеодоровича описаны не разъ, и описаны удовлетворительно. Разряды, которыми доселѣ не пользовались для этихъ описаній, группируютъ въ себѣ почти весь матеріалъ для исторіи соборовъ первой половины XVII вѣка, извѣстный ранѣе по отдѣльнымъ грамотамъ, разбросаннымъ въ различныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, разряды даютъ новыя подробности и часто исправляютъ хронологію. Но изложеніе этихъ новыхъ данныхъ неудобно безъ повторенія давно извѣстныхъ вещей, и поэтому мы, оставляя ихъ въ сторонѣ, упомянемъ только о соборѣ 1622 года, который до сихъ поръ не принимался во вниманіе въ спеціальныхъ трудахъ по исторіи соборовъ. Деулинское перемиріе и созданныя имъ отношенія къ Польшѣ не удовлетворяли московскаго пра-

вительства; дипломатическіе раздоры съ Польшей не прекращались, и уже въ 1621 году Москва, пользуясь удобными обстоятельствами, желаетъ объявить Польшѣ войну. Правительство 12-го октября 1621 года доказываетъ земскому собору необходимость войны, и выборные люди обѣщаютъ всѣми средствами поддержать своего государя въ этой войнѣ (Книги Разр., I, ст. 773 и далѣе). Вслѣдствіе такого рѣшенія собора, 14-го октября 1621 г. «съ собора» посланъ былъ въ Польшу гонецъ Борняковъ съ боярской грамотой къ «панамъ Радѣ» (Кн. Раз., I, ст. 826—827). Грамота содержала въ себѣ рѣшительныя представленія и требованія московскихъ бояръ, за неисполненіемъ которыхъ долженъ былъ послѣдовать разрывъ и объявленіе войны Польшѣ. Черезъ три съ половиной мѣсяца Борняковъ возвратился въ Москву и привезъ съ собой отвѣтный листъ «пановъ Рады», по московскимъ понятіямъ крайне оскорбительный. Предстояла поэтому война. Но московское правительство, прежде чѣмъ ее объявить, снова обратилось къ земскому собору (въ началѣ марта 1622 г., то-есть черезъ пять мѣсяцевъ послѣ собора 1621 г.). На соборѣ были изложены всѣ обстоятельства отношеній къ Польшѣ и, вѣроятно, рѣшено было начать войну. Говоримъ: вѣроятно, потому что о соборѣ 1622 г. дошли до насъ очень неполныя свѣдѣнія— въ окружной царской грамотѣ отъ 14-го марта 1622 г., записанной въ разрядной книгѣ 7130 года (Книги Разр., I, стр. 830—831). Эта царская грамота, ничего не говоря о соборномъ рѣшеніи, повѣствуетъ о соборѣ такъ: «Мы Великій Государь... совѣтовавъ съ отцомъ нашимъ... святѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ... *учиняя соборъ* говорили... митрополитомъ и архіепископомъ и епископомъ и всему освященному собору и бояромъ нашимъ и думнымъ людемъ и дворяномъ и *всего Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ*, что намъ великому государю отъ Польскаго короля и отъ Пановъ Радъ такихъ неправдъ и многихъ грубостей и своему Государьскому имени безчестье болши того терпѣти не мочно... И указали

есмя съ собору боярамъ нашимъ и воеводамъ и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ всѣхъ городовъ... быти на нашу службу готовымъ тотчасъ, а ожидать о службѣ нашихъ грамотъ». Таковы всѣ существенныя свѣдѣнія о соборѣ 1622 г. Весьма вѣроятно, что этотъ соборъ и соборъ 1621 года, бывшій пятью мѣсяцами раньше, принадлежали къ одной и той же сессіи. Долгія соборныя сессіи были въ обычаѣ тѣхъ лѣтъ. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича такія продолжительныя сессіи смѣняли одна другую и составляли постоянный земскій соборъ около молодого государя. Въ этомъ согласны теперь всѣ изслѣдователи. Но нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что постоянное пребываніе въ Москвѣ земскихъ выборныхъ прекратилось въ 1619 году, между тѣмъ какъ гораздо естественнѣе предполагать, что постоянные земскіе соборы продолжались до 1622 г. Въ 1619 г., распуская одну сессію выборныхъ, правительство, вмѣстѣ съ этими выборными, рѣшило вызвать имъ на смѣну новыхъ городскихъ представителей, по пяти или шести отъ каждаго города (Книги Разр., I, ст. 615 и 618; С. Г. Гр. и Д. III, № 47; А. Э. III, № 105). Когда съѣхались эти представители и что они дѣлали, неизвѣстно, но изъ факта ихъ созванія ясно, что сессіей 1619 г. постоянные соборы не кончились. Отъ 1620 года извѣстій о соборахъ нѣтъ (это, строго говоря, еще не доказываетъ, что соборовъ de facto не было въ 1620 г.); зато отъ 1621 и 1622 гг. мы имѣемъ о нихъ свѣдѣнія. Послѣ же 1622 и до 1632 г., въ теченіе десяти лѣтъ, о соборахъ не слышно. Съ большой вѣроятностью можно поэтому думать, что послѣднимъ годомъ постоянныхъ земскихъ соборовъ былъ 1622, а не 1619 годъ [1]).

---

[1]) Изъ прочихъ соборовъ времени Михаила Ѳеодоровича интересенъ по своей загадочности какой-то земскій соборъ, бывшій въ патріаршество Іоасафа I, то-есть въ промежутокъ времени между 31-мъ января 1634 г. и 28-мъ ноября 1640 г. (Митр. *Макарія*, Ист. церкви, XI, стр. 77 и 94). Отъ собора дошло до насъ только письменное мнѣніе, поданное духовенствомъ (*Записки Отд. Русск. и Слав. Археоло-*

Переходимъ теперь къ собору 1648—1649 гг., слушавшему Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. О внѣшней исторіи этого собора имѣются краткія, противорѣчивыя и научною критикой заподозрѣнныя данныя. Вопреки прямому смыслу такъ называемаго Предисловія къ Уложенію, наука говоритъ, что земскіе выборные ста тринадцати русскихъ городовъ (Архивъ ист.-юр. свѣдѣній *Калачева*, т. I, статья *И. Е. Забѣлина*, подписи) не только слушали Уложеніе и подписали его, но и вложили въ него значительную долю собственнаго труда, выработали его, создали. Еще въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія замѣчены были въ Уложеніи слѣды законодательной инціативы выборныхъ. Въ 1875 г. на нихъ указывалъ г. Сергѣевичъ (Сборн. Госуд. Знаній, II), а въ 1879 году г. Загоскинъ обстоятельно занялся вопросомъ о дѣятельности выборныхъ по составленію Уложенія («Уложеніе ц. Ал. Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 гг.»). Трудами этихъ ученыхъ выяснилось, что въ Уложеніи до 88 статей въ восьми главахъ составлено при участіи или по иниціативѣ выборныхъ [1]). Особенно любопытна работа надъ Уложеніемъ г. Загоскина, исчерпы-

---

гіи *Имп. Русск. Археол. Общества*, II, стр. 372—374, и Ист. Россіи *Соловьева*, XI, Дополненія). На соборѣ разсуждалось объ оскорбленіи въ Крыму государевыхъ пословъ и о мѣрѣ къ наказанію Крымцевъ. Трудно точно указать, когда произошло это оскорбленіе пословъ. Нельзя ли здѣсь разумѣть тѣхъ насилій, которымъ подверглись въ Крыму московскіе послы Коробьинъ и Матвѣевъ въ 1634—35 гг. на обратномъ пути изъ Константинополя, куда они были посыланы (Ист. Россіи *Соловьева*, т. IX, изд. 1875 г., стр. 263—264)? Если же эта догадка справедлива и соборъ происходилъ въ 1634 или 1635 году, то его можно счесть за одно изъ засѣданій соборной сессіи 1632—1634 гг. Объ отношеніяхъ Москвы къ Крыму за это время часто упоминаетъ наказъ 1643 года московскимъ посламъ въ Константинополь (*Врем. М. Общ. Ист. и Др. Р.*, т. IX); но въ наказѣ нѣтъ свѣдѣній объ оскорбленіи въ Крыму московскихъ пословъ.

[1]) Глава VIII (статьи 1—7); гл. X (ст. 137, 146, 147, 149, 185, 236); гл. XI (ст. 1—18, 30); гл. XIII (ст. 1—7); гл. XV (ст. 2, 3); гл. XVII (ст. 34, 35, 42—44); гл. XIX (ст. 1—40); гл. XX (ст. 57—58). Объ этомъ у г. *Загоскина* «Улож. ц. Ал. Михайловича», стр. 55, 56.

вающая всѣ данныя для уясненія занимающаго насъ вопроса. Но и при всѣхъ своихъ достоинствахъ, трудъ уважаемаго ученаго допускаетъ нѣкоторыя исправленія и дополненія, къ изложенію которыхъ мы ниже приступаемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что въ число статей, составленныхъ при помощи земщины, должна быть внесена, кромѣ указанныхъ выше, еще и 3-я статья XII главы Уложенія («О судѣ патріаршихъ... людей и крестьянъ»). Она представляетъ собою краткій пересказъ 2-й статьи XIII главы («О монастырскомъ приказѣ») въ примѣненіи къ болѣе ограниченному кругу лицъ. А извѣстно, что вся XIII глава возникла по инціативѣ земскаго собора. Далѣе, г. Загоскинъ, отыскивая источникъ первыхъ 34-хъ статей XIX главы («О посадскихъ людѣхъ»), видитъ его въ двухъ челобитьяхъ земскаго собора отъ 25-го октября и 25-го ноября 1648 года, въ которыхъ выборные люди просятъ государя «отписать на себя» промышленныя слободы бѣломѣстцевъ (А. Э. IV, № 32). Дѣйствительно, первыя 33 статьи XIX главы ясно вытекаютъ изъ этихъ челобитій. Статья же 34-я приказываетъ городскимъ торговымъ людямъ, которые записаны въ гостиную и суконную сотни, жить непремѣнно на Москвѣ, а не въ ихъ городахъ, и нести тягло съ городскихъ своихъ дворовъ, если они эти дворы не захотятъ продать. Содержаніе этой статьи, такимъ образомъ, не заключается въ содержаніи вышеназванныхъ челобитій, и Н. П. Загоскинъ ошибается, усматривая здѣсь зависимость. Статья 34-я вытекла изъ другого совершенно челобитья, изъ челобитья гостей и гостиной сотни, поданнаго государю 4-го января 1649 года (Доп. къ А. И. III, № 47). Исторія этой 34-й статьи такова: въ іюлѣ 1648 года, во время московскихъ смутъ, посадскіе люди «разныхъ городовъ» били челомъ, чтобы дозволить ихъ товарищамъ, записаннымъ въ гостиную и суконную сотни, отправлять свою службу не въ чужихъ, а въ своихъ городахъ (А. Э. IV, № 28). Правительство эту просьбу исполнило и тѣмъ возбудило неудовольствіе со сто-

роны москвичей, членовъ гостиной сотни и гостей, которымъ отъ новаго порядка вещей тяжелѣе стало служить. Они 4-го января 1649 года подали челобитную, прося возстановленія старыхъ служебныхъ обычаевъ, и правительство, несмотря на то, что люди черныхъ сотенъ старались этому противодѣйствовать, согласилось на доводы гостей и гостиной сотни и указало взятымъ въ гостиную и суконную сотни людямъ жить постарому на Москвѣ, а не по городамъ. Этотъ-то указъ, отмѣнявшій предписаніе 1648 года, вошелъ въ Уложеніе и составилъ 34-ю статью XIX главы, о чемъ свидѣтельствуетъ позднѣйшая, отъ 15-го февраля 1649 г., челобитная тѣхъ же гостей (Доп. къ А. И. III, № 47, стр. 158: «...а по твоему государеву Уложенію велѣно тѣмъ людемъ быти въ гостиной сотнѣ», то-есть въ Москвѣ). Всѣ документы по этому любопытному дѣлу напечатаны въ «Дополн. къ Акт. Историческимъ» (т. III, № 47) и совершенно ясно указываютъ на происхожденіе 34-й статьи иное, чѣмъ полагаетъ г. Загоскинъ.

Въ видѣ дополненія къ очерку дѣятельности земскаго собора 1648—1649 гг. слѣдуетъ упомянуть объ интересномъ дѣлѣ по поводу запрещенія иностраннымъ купцамъ торговать внутри Московскаго государства. Указъ, ограничивающій торговыя права англичанъ, обнародованъ былъ 1-го іюня 1649 г. Возникъ онъ, какъ въ немъ написано, по челобитьямъ «гостей и торговыхъ всякихъ людей», поданнымъ «въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 157 (1649) году» (С. Г. Гр. и Д. III, № 138). Подъ челобитьями «прошлыхъ лѣтъ» можно разумѣть челобитье торговыхъ людей 1646 года, дошедшее до насъ (А. Э. IV, № 13) и заключающее много жалобъ на недобросовѣстные пріемы торговли иностранцевъ. Челобитье же «нынѣшняго 157 года» долго оставалось неизвѣстнымъ, пока не было въ 1879 г. напечатано въ «Сборникѣ князя Хилкова» (№ 82, стр. 238—255) съ приложеніемъ всего дѣлопроизводства по этому челобитью. Изъ напечатанныхъ документовъ видно, что въ 1648 году торговые люди, вѣроятно, замѣчая безрезультат-

ность своихъ прежнихъ челобитій по дѣлу о торговыхъ иностранцахъ, возбудили это дѣло на земскомъ соборѣ, составлявшемъ Уложеніе, и достигли того, что уже не одни торговые люди, а земскій соборъ во всемъ своемъ составѣ подалъ государю два челобитья, прося запретить иностранцамъ торговлю внутри государства. Одно челобитье было ото всѣхъ служилыхъ выборныхъ, другое—ото всѣхъ тяглыхъ. Государь, выслушавъ просьбу собора, приказалъ со своею думою, чтобы изъ Посольскаго приказа была доставлена «память» о томъ, когда и какія торговыя права получили иноземцы въ Московскомъ государствѣ. Память эта, очень пространная и важная для насъ по массѣ данныхъ, была доставлена 20-го декабря 1648 года на имя князей Одоевскаго, Прозоровскаго и Волконскаго и дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, то-есть на имя тѣхъ лицъ, которымъ была поручена редакція Уложенія. Этими лицами память была внесена къ государю, который прослушалъ ее и затѣмъ подвергъ все дѣло объ иностранныхъ купцахъ на всестороннее обсужденіе земскаго собора. Выборные, какъ служилые, такъ и тяглые, опять категорически высказались о необходимости и возможности запретить иностранцамъ торговлю внутри государства и не пускать ихъ далѣе Архангельска. Ихъ такъ называемая «сказка» очень тонко разоблачаетъ всѣ коммерческія уловки и плутни, употреблявшіяся въ ту эпоху иностранцами. Что слѣдовало затѣмъ по этому дѣлу, неизвѣстно, но чрезъ полгода правительство удовлетворило желаніе собора, и такимъ образомъ указъ 1-го іюня 1649 г. служитъ новымъ примѣромъ проявленія земской инціативы на соборѣ 1648—1649 годовъ.

Земскій соборъ для составленія Уложенія былъ созванъ на 1-е сентября 1648 года, хотя подготовительныя работы по Уложенію начались въ іюлѣ еще мѣсяцѣ. Когда же соборъ кончилъ свое дѣло кодификаціи? На всѣхъ трехъ (а не двухъ, какъ полагаетъ Н. П. Загоскинъ) первоначальныхъ изданіяхъ Уложенія помѣщено вмѣсто выхода слѣдующее: «совершена сія книга... лѣта 7157 генваря въ 29 день». Такая дата долго за-

ставляла думать, что 29-го января 1649 г. Уложеніе было уже напечатано. Г. Загоскинъ a priori подвергъ это сомнѣнію, полагая, что Уложеніе печаталось позже, и въ связи съ этой догадкой высказалъ другую, что Уложеніе окончено было составленіемъ въ концѣ декабря 1648 г. («Улож. ц. Ал. Мих.», стр. 63 и слѣд.). Но въ томъ же году, когда вышло изслѣдованіе г. Загоскина, были напечатаны документы, извлеченные членами Археологическаго института изъ московскихъ архивовъ и опровергающіе предположенія г. Загоскина. На основаніи расходной книги Печатнаго двора 7157 года, хранящейся въ библіотекѣ Синодальной типографіи, оказывается, что Уложеніе впервые печаталось съ 7-го апрѣля по 20-е мая 1649 года (*Сборникъ Археол. института*, II, стр. 21). Составленіемъ же оно было кончено не въ декабрѣ 1648 г., а только 29-го января 1649 г., ибо слова: «совершена сія книга... лѣта 7157 генваря въ 29 день» находятся на подлинномъ столбцѣ Уложенія и, стало быть, показываютъ день окончанія законодательныхъ работъ (*Сборникъ Археол. института*, II, стр. 11). Названіе столбца «книгою» («совершена сія книга»...) не должно насъ смущать: здѣсь словомъ «книга» означается не вещество осязаемое, а сводъ. На основаніи приведенныхъ данныхъ можно сказать, что Уложеніе составлялось въ продолженіе полугода, а это до нѣкоторой степени измѣняетъ ходячее мнѣніе о баснословной скорости, съ какою будто бы былъ составленъ нашъ кодексъ. Впрочемъ, и полгода—очень короткій срокъ для такой обширной работы, особенно если взять въ сравненіе продолжительность кодификаціонныхъ работъ въ европейскихъ государствахъ въ нашъ вѣкъ.

Въ заключеніе остановимся на земскомъ соборѣ 1653 года о присоединеніи Малороссіи. Съ этимъ соборомъ—вотъ уже 25 лѣтъ—связано странное недоумѣніе, которое легко разрѣшается исключительно съ помощію напечатаннаго матеріала. Въ обстоятельствахъ созванія этого собора Соловьевъ усмотрѣлъ еще въ 1857 г., что соборы, такъ сказать, вымерли: «оста-

лась одна форма», соблюдавшаяся только по традиціи. Вотъ что писалъ онъ тогда въ полемической статьѣ противъ К. Аксакова: «6-го сентября 1653 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ гетману Богдану Хмельницкому ближняго стольника Р. Стрѣшнева и дьяка Бредихина... съ объявленіемъ, что онъ принялъ его (Хмельницкаго) въ подданство, а 1-го октября созванъ былъ соборъ для разсужденія о томъ, принимать ли гетмана въ подданство» («Шлецеръ и анти-историч. направленіе», *Русск. Вѣстн.* 1857 г., апрѣль, стр. 449). Этотъ фактъ рѣшенія дѣла до созванія собора и превращеніе собора въ лишенную смысла церемонію указываютъ, по мнѣнію Соловьева, на вымираніе соборовъ и ихъ безсиліе подать помощь государству. Аксаковъ защищалъ значеніе собора 1653 г. Онъ писалъ въ отвѣтъ Соловьеву, что московское правительство разъ уже (въ 1651 г.) заручилось согласіемъ собора на принятіе Малороссіи, а теперь, въ 1653 году, созывая соборъ послѣ рѣшенія дѣла, ждало отъ него только окончательной нравственной санкціи дѣла (Полн. собран. сочин. *К. С. Аксакова*, т. I, стр. 206—207). Но апріорныя догадки, какъ иногда онѣ ни симпатичны, всегда остаются только догадками, а скепсисъ Соловьева заставлялъ задумываться послѣдующихъ изслѣдователей. Оставалось въ подозрѣніи, имѣлъ ли соборъ 1653 года какой-нибудь смыслъ, и совершенно яснымъ казалось, что дѣло было рѣшено до собора и соборъ былъ вовсе не нуженъ. Тѣмъ не менѣе, позднѣйшій изслѣдователь земскихъ соборовъ г. Загоскинъ становится на сторону Аксакова и старается—опять-таки гадательно—доказать, что соборъ 1653 г. имѣлъ значеніе. По мнѣнію Н. П. Загоскина, это ясно и безъ «предположеній» о первомъ соборѣ (1651 г.), на который ссылается Аксаковъ и который, какъ думаетъ г. Загоскинъ, есть ничто иное, какъ фикція, измышленная Аксаковымъ (*Загоскина*, Ист. права Моск. государ., I, стр. 295—296). А надобно замѣтить, что о соборѣ 1651 года есть печатныя извѣстія у Д. Н. Бантыша-Каменскаго въ «Исторіи Малой Россіи» (М. 1822 г., I, стр. 3—4).

Итакъ, въ литературѣ и до нашихъ дней соборъ 1653 года не объясненъ удовлетворительно, и до сихъ поръ возможно полагать, что польско-малороссійскій вопросъ рѣшенъ былъ до его созванія. А между тѣмъ, недоразумѣніе разрѣшается просто: земскій соборъ занимался польскими и малороссійскими дѣлами съ 25-го *приблизительно мая 1653 г. по 1-е октября*, и засѣданіе 1-го октября, отъ котораго до насъ дошло три различныхъ редакціи протокола (С. Г. Гр. и Д. III, № 157, и П. Собр. Зак. I, № 104; Дворц. Разр. III, ст. 369; Акт. Южн. и Зап. Россіи, X, № 2), было послѣднимъ торжественнымъ собраніемъ выборныхъ людей этой сессіи. Стрѣшневъ и Бредихинъ, отправленные въ сентябрѣ, посланы были, очевидно, съ вѣдома собора, и, такимъ образомъ, соборъ 1653 г. никакъ нельзя считать пустою формой. Къ такимъ выводамъ пришли мы на основаніи слѣдующихъ данныхъ: 1) Въ X-мъ томѣ «Исторіи Россіи» Соловьева (изд. 1877 г., стр. 312—316) приведены выписки изъ неизданныхъ дворцовыхъ разрядовъ 1654 года о торжественномъ отпускѣ, который данъ былъ 23-го апрѣля 1654 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ князю А. Н. Трубецкому и его войску, выступавшему въ походъ на Польшу. Царь говорилъ въ этотъ день рѣчь московскимъ и городскимъ дворянамъ, шедшимъ на войну, и, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «*Въ прошломъ году* были соборы *не разъ*, на которыхъ были и отъ васъ выборные, *отъ всѣхъ городовъ дворянъ по два человѣка*; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ польскихъ королей; вы слышали это отъ своихъ выборныхъ» и т. д. Въ этихъ словахъ государя для насъ важно извѣстіе о *многихъ соборахъ въ* 1653 (или, вѣрнѣе, въ 7161 году), тогда какъ обыкновенно принимался въ расчетъ одинъ соборъ или одно его засѣданіе 1-го октября. Далѣе, интересно сообщеніе, что на эти соборы 7161 года были вызваны дворяне въ количествѣ *двухъ* человѣкъ отъ города. Это извѣстіе можно сопоставить съ другою данной. 2) Въ III-мъ томѣ «Дворцовыхъ Разрядовъ» (стр. 350—351) подъ 7161 го-

домъ читаемъ слѣдующее: «Мая во 2 день посланы государевы грамоты въ Замосковные и во всѣ Украинные городы)... велѣно *во всѣхъ городахъ* выслать *изо всякаго города* изъ выбора *по два человѣка дворянъ* добрыхъ и разумичныхъ людей, и выслать къ Москвѣ на указной срокъ, мая къ 20 числу». Немного ниже читаемъ, что въ грамотахъ отъ 15-го мая этотъ «указный срокъ» измѣненъ былъ вмѣсто 20-го мая на 5-е іюня. Ясно, что вызывались въ Москву эти «добрые и разумичные» люди не для чего иного, какъ для земскаго собора, тѣмъ болѣе, что число ихъ—два изъ города—совпадаетъ съ указаніемъ царской рѣчи. Если эта догадка справедлива, то, стало быть, въ концѣ мая или въ началѣ іюня въ Москвѣ уже составился земскій соборъ, которому и было предложено заняться польскими дѣлами. А что эта догадка справедлива, достаточно утверждается слѣдующей данной: 3) въ «Актахъ, отн. къ исторіи Южн. и Западн. Россіи», въ X-мъ томѣ (Примѣчаніе къ № 2-му), читаемъ, что въ московскомъ Архивѣ мин. ин. дѣлъ, въ Польскихъ дѣлахъ (св. № 4, тетр. № 6, на 22 лл.) «находится черновое, съ помарками, рѣшеніе земскаго собора, 25-го мая 1653 года, о томъ же литовскомъ и черкасскомъ дѣлѣ, безъ конца». Къ сожалѣнію, рѣшеніе это не напечатано. Но и одно упоминаніе о немъ для насъ чрезвычайно важно. Очевидно, отсрочка пріѣзда выборныхъ до 5-го іюня состоялась слишкомъ поздно, и выборные, не воспользовавшись ею, собрались къ раньше указанному сроку, 20-му мая, а правительство нашло возможнымъ открыть соборную сессію не позже 25-го мая. Къ этимъ свѣдѣніямъ о соборѣ 1653 г. необходимо прибавить, что по составу своему онъ несомнѣнно былъ полнымъ: разряды категорически говорятъ, что на соборѣ «изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, и изъ *посадскихъ людей* были *выборные люди*» (Дворц. Разр. III, ст. 369).

Бросимъ теперь общій взглядъ на обстоятельства дѣятельности земскаго собора 1653 года. Онъ былъ созванъ вскорѣ

послѣ отправленія въ Польшу посольства князей Репнина и Волконскаго. Два уже года продолжались дипломатическія пререканія между Москвой и Польшей по поводу малороссійскихъ дѣлъ и оскорбленій государевой чести. Отношенія двухъ государствъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обострялись. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1653 г. въ Польшу были отправлены полномочные послы-бояре, упомянутые князья Б. А. Репнинъ и Ѳ. Ѳ. Волконскій, для послѣднихъ переговоровъ. Они должны были рѣшительно требовать удовлетворенія государевой чести и наказанія виновныхъ въ умаленіи царскаго титула. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было приказано сдѣлать представленіе о малороссійскихъ дѣлахъ: сообщить о томъ, что Богданъ Хмельницкій переговаривается съ Москвой о принятіи его въ подданство, и посовѣтовать полякамъ лучше обращаться съ украинцами (*Соловьева*, Ист. Россіи, т. X, изд. 1877 г., стр. 271 и слѣд.). Отправляя пословъ, московское правительство позаботилось одновременно и о созывѣ земскихъ представителей, желая имѣть ихъ подъ рукою, такъ какъ приближалась развязка польско-малороссійскаго вопроса, зависѣвшая всецѣло отъ исхода полномочнаго посольства. Выборнымъ, надо полагать, были представлены всѣ обстоятельства дѣла, и они, конечно, еще раньше 1-го октября высказались за принятіе Хмельницкаго и за войну съ Польшей, если только Польша не измѣнитъ политики. Отправленіе Стрѣшнева и Бредихина въ Малороссію состоялось не иначе, какъ съ вѣдома собора, ибо порученіе, имъ данное, было весьма важно: они должны были объявить Хмельницкому, что государь его приметъ подъ свою руку, если посольство Репнина постигнетъ неудача. Стрѣшневъ и Бредихинъ выѣхали 6-го сентября, а въ серединѣ сентября воротился Репнинъ съ извѣстіемъ о полной своей неудачѣ. Тогда 20-го числа послали догнать Стрѣшнева, и ему было велѣно уже прямо объявить Хмельницкому о принятіи его государемъ. Чрезъ десять дней послѣ этого, 1-го октября, состоялось торжественное собраніе земскаго со-

бора, въ праздникъ, послѣ обѣдни, въ Грановитой Палатѣ, въ присутствіи государя (Дворц. Разр. III, ст. 369). Было прочтено витіеватое изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и была единодушно рѣшена война съ Польшей и принятіе Малороссіи. Прямымъ слѣдствіемъ такого соборнаго рѣшенія былъ царскій указъ боярину В. В. Бутурлину ѣхать къ казакамъ, принять ихъ офиціально въ подданство и привести къ присягѣ. Указъ Бутурлину былъ объявленъ того же 1-го октября, въ той же Грановитой Палатѣ, гдѣ происходилъ соборъ, и, вѣроятно, на самомъ соборѣ (Дворц. Разр. III, ст. 372). Ужъ одинъ этотъ фактъ, что В. В. Бутурлинъ, какъ тогда говорилось, прямо «съ собора» былъ посланъ исполнить соборное рѣшеніе, а не ранѣе, ужъ одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что засѣданіе 1-го октября имѣло значеніе и смыслъ: 1-го октября соборъ сошелся безо всякихъ разсужденій и преній утвердить давно выработанное рѣшеніе и этой санкціей закончить свою долгую сессію, которая, какъ мы видѣли, началась еще въ маѣ 1653 года.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

(Опытъ характеристики).

(1886).

О личности царя Алексѣя Михайловича писано не разъ. Издано много его писемъ и бумагъ, составлена біографія (Хмыровымъ въ «Древней и Новой Россіи» 1875 года), даны характеристики (С. М. Соловьевымъ въ XII т. «Исторіи Россіи» и И. Е. Забѣлинымъ въ «Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи»). Но изображеніе личности допускаетъ большія варіаціи, чѣмъ изображеніе факта. За характеристиками Соловьева и Забѣлина могутъ послѣдовать новыя, основанныя на томъ же матеріалѣ, но дающія иныя точки зрѣнія и новую оцѣнку личности. Болѣе совершенная разработка эпохи дастъ и болѣе вѣрное представленіе о ея дѣятелѣ. Послѣднее слово о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, конечно, еще не сказано и не скоро будетъ сказано. Поэтому мы думаемъ, что представляемый нами очеркъ написанъ не на устарѣлую тему.

Реформа русской жизни, съ такою быстротой и рѣзкостью проведенная Петромъ Великимъ, надолго заслонила отъ взглядовъ потомства до-Петровскую Русь. То, что было до Петра, для многихъ представлялось лишеннымъ всякаго историческаго интереса, и многимъ казалось [1]), что только дѣлами Петра на-

---

[1]) Напримѣръ, Бѣлинскому, въ его статьѣ по поводу Котошихина, (Соч. т. IV).

чиналась историческая жизнь въ Россіи. Титаническая личность царя-преобразователя, съ его безпримѣрной энергіей, громадными душевными силами и замѣчательнымъ разнообразіемъ дѣятельности, затмевала собой его предшественниковъ—московскихъ государей XVII вѣка, величавыхъ и спокойныхъ, закрытыхъ отъ глазъ толпы строго размѣреннымъ чиномъ московской придворной жизни. Для многихъ послѣдующихъ поколѣній время Петра представлялось эпохой, оторванной отъ всей предыдущей исторіи, а личность Петра—одиноко стоящей въ ряду русскихъ монарховъ XVII вѣка по стремленіямъ и дѣятельности.

Но мало-по-малу воззрѣнія мѣнялись. Въ лицѣ С. М. Соловьева русская наука дошла до убѣжденія, что до-Петровское время и реформа Петра тѣсно связаны между собой, что въ теченіе XVII вѣка «обозначились явно новыя потребности государства и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII вѣкѣ, въ такъ называемую эпоху преобразованія» [1]. Изученіе XVII вѣка получило особенный интересъ именно съ точки зрѣнія подготовленія къ реформѣ. Стало ясно, что самъ преобразователь Петръ воспитался въ понятіяхъ не совсѣмъ противоположныхъ его дѣятельности, что онъ имѣлъ на своемъ пути предшественниковъ. Пристальный взглядъ изслѣдователя уже въ половинѣ XVII вѣка найдетъ слѣды двухъ теченій въ культурной жизни нашихъ предковъ: сыщетъ новаторовъ, какъ извѣстный бояринъ Матвѣевъ, и старо-думовъ, какъ первые расколоучители; сыщетъ такихъ беззавѣтныхъ поклонниковъ просвѣщенія, какъ Ѳ. М. Ртищевъ, и противниковъ этого самаго просвѣщенія, говорящихъ, что въ греческой и латинской грамотѣ «еретичество есть». Кіевская и греческая наука, принесенная въ Москву въ XVII вѣкѣ учеными монахами, жизнь людной «нѣмецкой» колоніи въ Москвѣ, торговля и дипломатическія сношенія съ Западомъ, военныя и иныя заимствованія у иностранцевъ,—все это очень затроги-

[1]) Сочиненія С. М. Соловьева, I, Спб. 1882, стр. 84.

вало москвичей, широкой струей вносило иноземное вліяніе въ московскую жизнь, настойчиво будило культурный вопросъ и порождало опредѣленныхъ сторонниковъ и противниковъ новшествъ. Нельзя никакъ сказать, что передъ эпохою Петра Московское государство было въ состояніи спокойной, самодовольной косности. Цѣлое поколѣніе людей, предшествовавшее Петру, выросло и прожило среди борьбы старыхъ понятій съ новыми вѣяніями, которыя были еще слабы, но съ каждой минутой крѣпли. Вопросъ объ образованіи и о заимствованіяхъ съ Запада родился раньше Петра: онъ стоялъ уже опредѣленно при его отцѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Безусловно справедливо замѣчаніе С. М. Соловьева, что ходъ преобразованія, при особенностяхъ русской жизни, долженъ былъ зависѣть отъ личности государя и начаться его иниціативой. Если пылкая, энергичная личность Петра сдѣлала его реформу быстрымъ и рѣзкимъ переворотомъ, если впечатлѣнія его дѣтства, бурнаго и не вполнѣ счастливаго, отразились крайностями въ нѣкоторыхъ мѣрахъ Петра, то личностью Алексѣя Михайловича, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять многія особенности его эпохи. Поэтому личность царя Алексѣя, дающая очень интересный матеріалъ для психологическаго этюда, представляетъ для насъ не одинъ психологическій интересъ. Царь Алексѣй, какъ образованный человѣкъ своего времени, стоялъ лицомъ къ лицу со всѣми вопросами, трогавшими тогдашнее общество; онъ шелъ навстрѣчу новшествамъ, вводилъ ихъ въ свою частную жизнь и въ то же время оставался въ высшей степени православнымъ и въ высшей степени московскимъ человѣкомъ. И новаторы, и старыхъ воззрѣній люди могли считать его своимъ, но въ сущности царь Алексѣй не принадлежалъ всецѣло ни къ тѣмъ, ни къ другимъ: онъ стоялъ въ серединѣ всѣхъ движеній въ московскомъ обществѣ, но самъ не двигался ни въ какую сторону. Отчасти, быть можетъ, поэтому въ его царствованіе культурный вопросъ не нашелъ своего разрѣшенія, хотя уже чувствовалась близость и необходимость реформы.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой-нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего себя отдать практической дѣятельности, какъ отдалъ себя Петръ. Сынъ и отецъ вполнѣ противоположны по характеру: въ царѣ Алексѣѣ нѣтъ той иниціативы, какая отличаетъ характеръ Петра. Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, спокойной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна мирной и мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать въ себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возраста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ, съ пятилѣтняго возраста, переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бор. Ив. Морозова. Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на часовникъ, псалтирь и апостольскія дѣянія, семи лѣтъ научили писать, а девяти лѣтъ стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь «нѣмецкаго дѣла», были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя, словомъ, всѣ обычные предметы дѣтскаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка—«нѣмецкіе печатные листы», т. е. гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обученіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ осиротѣлъ (потерялъ и отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было

вліяніе боярина Морозова на молодого царя: онъ замѣнилъ ему отца. Дальнѣйшіе годы жизни Алексѣя Михайловича дали ему много впечатлѣній, много опыта. Занятія государственными дѣлами, необычныя волненія 1648 года, путешествіе въ 1654—1655 годахъ за границы государства, въ сторону, завоеванную у поляковъ, близость къ одному изъ крупнѣйшихъ людей вѣка—Никону—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя Михайловича, образовало въ немъ цѣльный и стройный характеръ. Царь возмужалъ и изъ мальчика, доступнаго всякому вліянію, сталъ человѣкомъ очень опредѣленнымъ, съ оригинальной умственной и нравственной физіономіей.

Современники очень любили царя Алексѣя. Самая наружность царя очень говорила въ его пользу. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта, взглядъ этихъ глазъ никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, окаймленное русой бородой, было добродушно-привѣтливо и въ то же время серьезно и важно, а полная, даже черезчуръ полная фигура его сохраняла всегда чинную и важную осанку. Но царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: не личная гордость создала эту осанку, а сознаніе важности и святости сана; этимъ сознаніемъ царь былъ полонъ.

Симпатичная наружность отражала такую же симпатичную душу. Современники-иностранцы, независимые отъ царя Алексѣя люди (Коллинсъ, Рейтенфельсъ, Лизекъ), въ одинъ голосъ говорятъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что это былъ рѣдкій монархъ и человѣкъ: «такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». «Гораздо тихимъ» зоветъ царя и русскій эмигрантъ Котошихинъ. Уже одни согласные отзывы современниковъ заставили бы считать Алексѣя Михайловича свѣтлой личностью; но для нашихъ на него воззрѣній есть матеріалъ болѣе прочный—извѣстные намъ біографическіе факты и литературныя произведенія царя Але-

кс়ѣя. Онъ очень любилъ писать и писалъ письма, сочинялъ даже вирши, составилъ «Уложеніе сокольничья пути», т. е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ; онъ пробовалъ писать свои мемуары (о польской войнѣ), имѣлъ даже привычку собственноручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ официальныхъ грамотахъ, причемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего замѣтно, что у Алексѣя Михайловича живой умъ и чрезвычайно впечатлительная душа. Его все одинаково занимаетъ: и польская война, и болѣзнь придворнаго, и политика, и хозяйство умершаго патріарха Іосифа, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и садоводство, и прелести соколиной охоты, и театральныя представленія, и мелкія ссоры въ любимомъ его монастырѣ. Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ буйства простого монаха: «до слезъ стало; видитъ Чудотворецъ, что во мглѣ хожу»,—пишетъ онъ монаху по поводу его поведенія. Отъ своей впечатлительности царь Алексѣй могъ легко вспылить, могъ браниться по совершенно пустому дѣлу. Но гнѣвъ его такъ же скоро уходилъ, какъ легко приходилъ. Являлось раскаяніе, и, по своей добротѣ, царь не зналъ, какъ мириться съ тѣмъ, кого обидѣлъ. Онъ безъ мѣры ласкалъ старика Родіона Стрѣшнева, послѣ того какъ въ запальчивости обидѣлъ его не одними только

словами. Тестя своего Милославскаго государь однажды собственноручно «смирилъ» за неумѣстное и грубое хвастовство; но какъ ни сильно на этотъ разъ вспыхнулъ «гораздо тихій» царь, его дальнѣйшія отношенія къ Милославскому не измѣнились, и ссора прошла безслѣдно. Даже въ такой крупной размолвкѣ, какая была у царя съ Никономъ, послѣ удаленія Никона изъ Москвы въ 1658 году, Алексѣй Михайловичъ старается установить съ патріархомъ такія отношенія, которыя бы не напоминали о ссорѣ: онъ забываетъ свою обиду и засылаетъ къ Никону съ лаской «спросить о здоровьѣ»: ему просто непріятно имѣть врага или казаться чьимъ-нибудь врагомъ.

Доброта царя, съ другой стороны, вызывала постоянное благотвореніе: при дворцѣ всегда жили убогіе «старики-богомольцы» и «Христа-ради юродивые»; отъ имени царя раздавалась щедрая милостыня, и по праздникамъ дѣлались обильные «кормы»; Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ тюрьмы, подавалъ тамъ милостыню «несчастнымъ» и нерѣдко освобождалъ преступниковъ отъ наказаній. Онъ не могъ равнодушно видѣть страданій другихъ, всегда утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе, чѣмъ только могъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо царя къ князю Одоевскому по поводу смерти его сына,—письмо, полное самыхъ теплыхъ дружескихъ утѣшеній, на какія способенъ только глубоко добрый человѣкъ.

Эта доброта Алексѣя Михайловича постоянной и неизмѣнной чертой добродушія отражалась на лицѣ и на внѣшнемъ обращеніи царя; она сказывалась и въ ласковой рѣчи, и въ свѣтлой, беззлобной шуткѣ, которую очень любилъ царь Алексѣй. Добродушіе и мягкая снисходительность часто мѣшали ему быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ отношеніи къ людямъ: онъ могъ иногда казаться безхарактернымъ человѣкомъ. Отлично понимая людей, видя всѣ ихъ недостатки, онъ просто по добротѣ душевной терпѣлъ ихъ около себя, какъ,

напримѣръ, уже упомянутаго нами Милославскаго, много разъ скомпрометированную личность. Добродушіе царя Алексѣя помогало ему легко смотрѣть на рѣзкія выходки извѣстнаго Ордина-Нащокина, талантливаго дипломата и администратора, но тяжелаго и обидчиваго человѣка. Властолюбивый Никонъ пользовался большимъ вліяніемъ на государя, и добродушный Алексѣй Михайловичъ оказывалъ этому вліянію только пассивное сопротивленіе. Лишь изрѣдка, въ мимолетномъ порывѣ гнѣва, царь сердился на Никона и тогда въ глаза называлъ его «мужикомъ» и «глупымъ человѣкомъ». Стать независимо отъ Никона царю долго мѣшалъ недостатокъ характера, но что царь Алексѣй былъ не безхарактерный человѣкъ, это показываетъ судьба того же Никона. Разъ лишивъ его своей симпатіи, Алексѣй Михайловичъ уже никогда не поддавался обаянію своего стараго авторитета, хотя много разъ случай создавалъ къ этому поводъ.

Такова была природа царя: живая, впечатлительная и мягкая въ высшей степени. Любовь къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ и развитыхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны въ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ непохожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять, привыкъ высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь

всегда искренна и полна содержаніемъ. Высказывался онъ чрезвычайно легко, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе развило въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обряду и поэтому строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами не были грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ, и пріятнымъ, и полезнымъ. Однако, при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту религіи и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; дѣло только въ томъ, что его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православіе, чѣмъ понимало его большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло несомнѣнно дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣ-

ніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувствованнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла, теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое нами письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно добрый и деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія и способность нравственно оцѣнить свое положеніе и обязанности сказывается въ царѣ Алексѣѣ и тогда, когда онъ былъ душеприказчикомъ патріарха Іосифа и не рѣшался ничего ни взять, ни купить себѣ изъ вещей патріарха. Его очень прельщала серебряная посуда покойнаго, но онъ «воздержался», и писалъ объ этомъ Никону, что онъ ничего не хочетъ покупать. «Не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно: а се какой я буду приказчикъ—самому мнѣ (вещи) имать, а деньги мнѣ платить себѣ же». Такая нравственная щекотливость—замѣчательное явленіе для того вѣка.

Зато не стѣснялся царь Алексѣй Михайловичъ, если ему случалось кого-нибудь не утѣшать, а наставлять и бранить. Тогда онъ въ своихъ посланіяхъ имѣлъ обычай очень пространно доказывать вину, показывать, противъ чего именно и насколько сильно погрѣшилъ виновный.

*

рѣчь царя въ этихъ случаяхъ была строгой нравственной сентенціей, подчасъ довольно рѣзкой, но всегда доказательной. Въ такихъ посланіяхъ особенно ярко сказывается, какъ много и основательно царь размышлялъ. Въ его умѣ были настолько ясны всѣ его философско-нравственныя воззрѣнія, что всякій частный случай онъ легко подводилъ подъ общія нравственныя понятія и безъ труда оцѣнивалъ его съ точки зрѣнія своего міросозерцанія. Трудно, конечно, возстановить это міросозерцаніе. Оно отдѣльными мыслями, иногда простыми намеками сквозитъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Возьмемъ нѣкоторые примѣры. Выходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ, напримѣръ, ясное понятіе о значеніи своей власти въ государствѣ, какъ власти, исходящей отъ Бога и назначенной для того, чтобы «разсуждать людей въ правду» и «безпомощнымъ помогать». Въ одномъ изъ писемъ къ Одоевскому царь размышляетъ, «какъ жить мнѣ государю и вамъ боярамъ», и пишетъ: «Богомъ и государю, и боярамъ даровано люди... разсудити въ правду, всѣмъ равно». И роль боярства при государѣ, такимъ образомъ, царь Алексѣй объясняетъ по-своему. Вотъ и другой примѣръ: во время путешествія Никона за мощами митрополита Филиппа въ Соловки въ 1652 году Никонъ принуждалъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей держать себя по-монашески. Государь унималъ религіозное рвеніе Никона на томъ основаніи, что «никого де (онъ) силою не заставитъ Богу вѣровать».

При постоянномъ религіозномъ настроеніи, при постоянной вдумчивости была въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одна черта, придающая ему еще болѣе симпатичности и многое въ немъ объясняющая: онъ былъ замѣчательный эстетикъ. Эстетическое чувство сказывалось въ его страсти къ соколиной охотѣ, а позже—къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника, кромѣ обычнаго удовольствія охоты, соколиная потѣха удовлетворяла въ Алексѣѣ Михайловичѣ и чувству красоты. Въ своемъ Сокольничьемъ уложеніи онъ очень тонко

разсуждаетъ о красотѣ различныхъ охотничьихъ птицъ, о красотѣ птичьяго лета и боя, о внѣшнемъ изяществѣ сокольниковъ. Ясно, что для него занятіе охотой составляло высокое эстетическое наслажденіе. То же чувство красоты заставляло его увлекаться внѣшнимъ благолѣпіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за нимъ. Внѣшность всякаго рода торжествъ и церемоній всегда занимала царя именно съ этой точки зрѣнія. Большой эстетическій вкусъ его сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это—одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, конечно, прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки въ Коломенскомъ. Мирная красота этихъ мѣстъ—обычный типъ великорусскаго пейзажа—такъ соотвѣтствуетъ характеру «гораздо тихаго» царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и очень свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайловича. Въ немъ религія и молитва не исключала удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и комедійныя развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ. «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя»,—пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ:—«будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». Такимъ образомъ въ глазахъ Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и этотъ взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по его мнѣнію, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться, нужно гнать ее—такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ Одоевскаго не плакать о смерти сына: «Нельзя, что (бъ) не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно,—да въ мѣру,

чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать». Но если жизнь—не тяжелое, мрачное испытаніе, то она и не сплошное наслажденіе для царя Алексѣя: цѣль жизни—спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ; въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь говоритъ своимъ сокольникамъ: «правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ». Такимъ образомъ страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него, все-таки, только забава и не должна мѣшать дѣлу. Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, «чинъ». «Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна,—никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ». Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича—залогъ успѣха во всемъ: «безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье»,—говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ и маломъ дѣлѣ. Онъ только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя строгій аскетизмъ съ чистыми и мирными наслажденіями.

Такова была личность Алексѣя Михайловича, богаче всего одаренная сердцемъ, бѣднѣе—твердой волею. Казалось бы, что его царствованіе должно было быть мирнымъ и тихимъ временемъ для Московскаго государства, а между тѣмъ, теченіе исторической жизни поставило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри, и внѣ государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссію, безконечно-трудная,—все это требовало

чрезвычайныхъ усилій правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ, и, все-таки, бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣла справляться и съ домашними затрудненіями. Правительство Алексѣя Михайловича стояло на должной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство,—для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи, во всѣхъ сферахъ государственной жизни видна намъ добродушная и важная личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ руководитъ работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ полнымъ пониманіемъ дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного быстраго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякое дѣло онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, какіе ему настойчиво ставитъ жизнь; но отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой иниціативы, какой отличался Петръ. Тѣмъ не менѣе, крупный умъ царя Алексѣя былъ виденъ не только его современникамъ, но и современникамъ эпохи Петра. Не даромъ въ самую пору преобразованій Петра Великаго князь Яковъ Долгоруковъ равнялъ дѣла Алексѣя съ дѣлами Петра и говорилъ Петру: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ».

НОВАЯ ПОВѢСТЬ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА.

(1886).

Эпоха смуты въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII вѣка представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ и важныхъ страницъ нашей исторіи, какъ по исключительности и сложности историческихъ явленій, такъ и по глубокому ихъ вліянію на послѣдующую жизнь государства. Этимъ объясняется то большое вниманіе, съ какимъ наши историки относились къ этой эпохѣ: мы имѣемъ нѣсколько общихъ обзоровъ Смутнаго времени (Д. П. Бутурлина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова) и много монографій, посвященныхъ той или другой частности или, чаще, личности какого-либо дѣятеля эпохи (вспомнимъ богатую литературу объ Авр. Палицынѣ). Факты смуты въ ихъ послѣдовательности и связи сводились и объяснялись не разъ. Общее значеніе событій смуты, ея причины и слѣдствія занимали многихъ ученыхъ. При существующихъ разногласіяхъ, однако, окончательная историческая оцѣнка эпохи составляетъ еще дѣло будущаго: она зависитъ и отъ общаго состоянія нашихъ историческихъ знаній, и отъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ собираніи и разработкѣ сохранившихся данныхъ о самой эпохѣ. Мы далеко не можемъ сказать, чтобы такъ-называемые источники для исторіи смуты были всѣ извѣстны: много цѣннаго матеріала скрыто еще въ стѣнахъ нашихъ древлехранилищъ или вовсе утеряно; напримѣръ, исторію великаго посольства подъ Смоленскъ самъ С. М. Со-

ловьевъ излагаетъ по «Дополненіямъ къ Дѣяніямъ Петра Великаго» Голикова; подлинныхъ документовъ объ этомъ посольствѣ наука пока не знаетъ. Изъ того же, что извѣстно и издано, многое издано не научно (такъ мы не имѣемъ хорошаго изданія Новаго Лѣтописца) и очень многое не изслѣдовано критически [1]). Главною задачей будущихъ изслѣдователей смуты, по нашему мнѣнію, должно стать именно собираніе новаго и критика уже извѣстнаго матеріала, потому что только точное изслѣдованіе первыхъ источниковъ смуты поможетъ сдѣлать новые шаги къ уясненію какъ общаго смысла эпохи, такъ и многихъ частностей, еще загадочныхъ и темныхъ. Съ этой точки зрѣнія каждый новый памятникъ смутной эпохи представляется намъ безусловно цѣннымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, и въ такомъ убѣжденіи мы рѣшаемся познакомить читателя съ однимъ документомъ о смутѣ, еще неизданнымъ и представляющимъ собою нѣсколько любопытныхъ для историка чертъ.

Документъ этотъ находится въ библіотекѣ Московской духовной академіи [2]). Онъ не совсѣмъ неизвѣстенъ въ ученой литературѣ: имъ пользовался уже г. Кедровъ въ своемъ трудѣ объ Авр. Палицынѣ [3]). Приводя выдержку изъ этого памятника, г. Кедровъ полагаетъ, что это «посланіе, писанное изъ Кремля какимъ-то женатымъ лицомъ, вѣроятно, подъ Смо-

---

[1]) У насъ почти нѣтъ изслѣдованій объ источникахъ для исторіи смуты, если не считать замѣчаній *С. М. Соловьева* (въ IX т. Ист. Россіи, гл. 5), статьи г. *Кондратьева* «О такъ-называемой Рукописи патріарха Филарета» (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г.) и нѣкоторыхъ мѣстъ у *А. Н. Попова* въ его «Обзорѣ Хронографовъ», т. II.

[2]) Ркп. № 175, въ 4-ю д., 561 лл., XVI и XVII вв., полууст. и скорописью. Описаніе рукописи см. у архим. *Леонида* «Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкія Сергіевы Лавры въ библіотеку Троицкой дух. семинаріи въ 1747 г.», въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.* за 1884 г., кн. III, стр. 182. Другихъ списковъ разбираемаго произведенія, насколько мы знаемъ, нѣтъ.

[3]) *С. Кедрова*, Авраамій Палицынъ въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.* 1880 г., IV, стр. 62.

ленскъ» въ промежутокъ времени между декабремъ 1610 г. и апрѣлемъ 1611 г. При описаніи рукописей Московской духовной академіи, архим. Леонидъ, не опредѣляя времени написанія этого памятника, но, очевидно, относя его происхожденіе къ самому времени смуты, кратко замѣчаетъ о немъ, что это—«одно изъ троицкихъ посланій» [1]). Такимъ образомъ объ одномъ и томъ же произведеніи мы имѣемъ два разнорѣчивыхъ отзыва, при чемъ, на нашъ взглядъ, оба они одинаково неправильны.

Въ единственномъ дошедшемъ до насъ спискѣ произведеніе это называется «повѣстью» [2]), хотя не одно повѣствованіе о событіяхъ составляетъ его цѣль. При внимательномъ чтеніи становится вполнѣ ясно, что авторъ не заботился о полномъ всестороннемъ описаніи событій: онъ предназначалъ свое произведеніе не для потомства, а для современниковъ; его трудъ имѣлъ практическую цѣль, и разсказъ о событіяхъ являлся въ глазахъ писателя только средствомъ доказать свою мысль и добиться исполненія своихъ желаній. Главная мысль произведенія (написаннаго въ самомъ концѣ 1610 г. или въ самомъ началѣ 1611 г.) — необходимость отказаться отъ подчиненія избранному въ цари королевичу Владиславу, а главное желаніе автора—возбудить открытое возстаніе въ Москвѣ противъ поля-

---

[1]) *Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др.*, 1884 г., III, стр. 196.

[2]) Полное заглавіе произведенія таково: «Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ и о страданіи новаго страстотерпца святѣйшаго киръ Ермогена патріарха всеа Русіи и о посланыхъ нашихъ преосвященнаго (sic) Филарета митрополита Ростовскаго и болярина князя Василія Голицина съ товарыщи и о крѣпкомъ стояніи града Смоленска и о новыхъ измѣнникахъ и мучителей (sic) и гонителей и разорителей и губителей вѣры христіанскіе Ѳедки Ондронова съ товарыщи». Трудно рѣшить, автору или переписчику принадлежитъ это заглавіе; вѣроятнѣе,—послѣднему, потому что авторъ въ самомъ произведеніи избѣгаетъ называть «новыхъ измѣнниковъ» ихъ собственными именами и, сверхъ того, онъ настолько владѣетъ слогомъ, что не оставилъ бы словъ безъ должнаго грамматическаго согласованія.

ковъ и изгнать польскій гарнизонъ изъ Москвы. Но такъ какъ авторъ жилъ въ самой Москвѣ и по наружности держалъ сторону поляковъ, изъ боязни за свою жизнь и благополучіе семьи, то въ своемъ произведеніи онъ не означилъ своего имени и бросилъ свою рукопись на улицахъ Москвы въ надеждѣ, что тотъ, кто найдетъ и прочтетъ ее, постарается распространить ее въ народѣ. Всѣ эти обстоятельства объясняются какъ изъ общаго содержанія произведенія, такъ особенно изъ послѣсловія къ нему: «А сему бы есте писму вѣрили безъ всякаго сумнѣнія», пишетъ авторъ москвичамъ: «азъ вамъ сказываю и пишу. И азъ ихъ думы и мысли слышечи, помнячи свою православную вѣру, и не хощу души своей грѣшной до конца погубити и въ геенѣ сю быти. Грѣхомъ своимъ великимъ и слабостію и славою міра сего прельстился и къ нимъ ко врагомъ прилѣпился также, якоже и прочая братія наша, для ради суетныя сея славы и тлѣннаго богатества: всѣ мы, того ищучи, въ томъ и погибли; аще бы того не искали, всѣ бы отъ Бога не отпали и душами и тѣломъ не пали и не пропали. И нынѣ азъ усмотрихъ, что послѣдуючи имъ, врагомъ креста Христова и всѣхъ насъ православныхъ христіянъ губителемъ, и будучи въ ихъ во отпадшей отъ Бога вѣрѣ и не отставъ отъ нихъ, быти въ геенѣ огненнѣй душею и тѣломъ. Явно мнѣ не мощно отъ нихъ о(т)стати и вамъ про се сказати или бы единому кому отъ васъ втайнѣ рещи: боюся, некли тотъ человѣкъ умомъ своимъ поползнется и не утерпитъ и вамъ скажетъ имя мое, и отъ васъ разнесется и до нихъ, враговъ и губителей христіянскихъ, донесется. Тогда мя взявъ злой смерти предадутъ. Азъ же у нихъ нынѣ зѣло пожалованъ. Сами вѣдаете, что всѣ мы смерти боимся; а се также имѣю жену и дѣти, якоже и вы; аще мнѣ самому случится умрети, вѣстно и на Господа надежда, что не умрети, но ожити за ту правду, ино жена и дѣти осиротити, межъ дворъ пустити, или будетъ всего того горши,—на позоръ дати. А вамъ будетъ, православніи, втѣпоры ничего не учинити, понеже нынѣ враговъ воля и сила

стала. Для ради того явно вамъ самъ не дрѣзну сказати, отъ нихъ отстати. Сего ради писмомъ вамъ потрудихся написати; аще Господь помилуетъ всѣхъ насъ и избавитъ насъ отъ тѣхъ нашихъ видимыхъ враговъ и живи будемъ всѣ, тогда явно вамъ будетъ и про насъ про грѣшныхъ. Аще будетъ вамъ и молвити что,—и азъ вамъ нынѣ врагъ и навѣтникъ; ино Господь зритъ тайная моя, что съ вами же хощу душу свою положити за православную вѣру и за святыя божія церкви, а нынѣ, якоже и выше рѣхъ, нужда ради не отстану отъ нихъ. И кто сіе писмо возметъ и прочтетъ, и онъ бы его не таилъ, давалъ бы разсмотряючи и вѣдаючи своей братіи православнымъ христіаномъ прочитати вкратцѣ, которыя за православную вѣру умрети хотятъ, чтобы имъ было вѣдомо, а не тайно; а не тѣмъ, которыя были наша же братія православныя христіане, а нынѣ всею душею безъ раскаянія отвратилися отъ христіянства и во враги намъ претворилися и съ ними со враги соединилися и вкупѣ съ ними вооружилися и хотятъ насъ до конца погубити; тѣмъ бы есте отнюдь не сказывали и не давали прочитати» [1]).

Изъ этого отрывка мы видимъ, что имѣемъ дѣло съ подметнымъ письмомъ. Такія письма бывали иногда средствомъ для возбужденія умовъ въ Московскомъ государствѣ. Котошихинъ, разсказывая о московскомъ мятежѣ 1662 г., упоминаетъ о «воровскихъ листахъ» на И. Д. Милославскаго, прибитыхъ ночью «по воротамъ и по стѣнамъ». Сохранился намекъ и на то, что въ 1606 г. Болотниковъ, стоя въ Коломенскомъ, поднималъ московскую чернь «листами», разумѣется, подметными [2]).

---

[1]) Рукопись Моск. дух. ак. № 175, лл. 387 об.—388 об.—Для удобства чтенія и въ виду того, что въ текстѣ нѣтъ темныхъ мѣстъ, мы исправляемъ правописаніе рукописи, раскрывая титла и разставляя знаки препинанія.

[2]) «О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича» Котошихина, изд. 3-е, стр. 114. А. А. Э. II, № 57, стр. 129. Въ *Зап. Отд. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Арх. Общ.*, т. II, стр. 682, помѣщено под-

Но, насколько извѣстно, до насъ не дошло подобныхъ анонимныхъ произведеній, писанныхъ съ цѣлью обращенія въ массѣ. Поэтому посланіе осторожнаго патріота, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, составляетъ любопытную литературную новинку, тѣмъ болѣе, что оно очень пространно, написано хорошимъ языкомъ и содержаніемъ представляетъ для историка нѣкоторый интересъ. Авторъ его излагалъ и обсуждалъ дѣла, знакомыя каждому москвичу; стало быть, въ изложеніи фактовъ онъ не могъ давать просторъ своей фантазіи; что же касается взглядовъ автора, то произведеніе вполнѣ отражаетъ политическое настроеніе писавшаго, съ тою страстностью, какая понятна въ человѣкѣ, увлеченномъ въ самый разгаръ происходившей вокругъ его борьбы. Этимъ и обусловливается историческая цѣнность разбираемаго памятника.

Прежде чѣмъ опредѣлимъ время его написанія и сгруппируемъ тѣ скудныя черты, какія заключаются въ произведеніи относительно лица писавшаго, обратимся къ содержанію письма и ознакомимся съ нимъ подробнѣе. Оно начинается обращеніемъ къ москвичамъ [1]) и прямымъ призывомъ къ оружію противъ поляковъ: «Не нерадите о себѣ», пишетъ авторъ,— «вооружимся на общихъ сопостатъ нашихъ и враговъ и постоимъ вкупѣ крѣпостнѣ за православную вѣру и за святыя божія церкви и за свои души и за свое отечество и за достояніе, еже намъ Господь далъ» (л. 369). Въ примѣръ москвичамъ авторъ ставитъ гражданъ осажденнаго Сигизмундомъ

метное письмо царю Алексѣю Михайловичу объ административныхъ безпорядкахъ; въ *Чт. Общ. Ист. и Др.*, 1860 г. II, находимъ подметное письмо имп. Петру Великому. Говоря здѣсь о тайныхъ произведеніяхъ, разсчитанныхъ на возбужденіе умовъ, мы не касаемся подобныхъ твореній раскольничьей литературы XVII и XVIII вв., въ родѣ тетрадокъ Григорья Талицкаго (*Есиповъ*, Раскольничьи дѣла XVIII ст., I, стр. 4 и слѣд.).

[1]) «Преименитаго великаго государства Московскаго матере градовомъ Россійскаго царства православнымъ христіяномъ всякихъ чиновъ людемъ»,—такъ называетъ авторъ москвичей.

Смоленска, которые храбро противятся «общему нашему супостату и врагу королю» и своимъ мужествомъ прославили себя не только въ Россіи, но «и до Рима или будетъ и далѣ паки жъ ту славу и хвалу пустили, яко же и у насъ». Смольняне, по мнѣнію автора, много вреда нанесли войску Сигизмунда, и если Смоленскъ отстоится отъ поляковъ и прогонитъ осаждающихъ, то смольнянамъ будетъ принадлежать честь спасенія всего государства. Не менѣе достойный примѣръ являетъ собою и великое посольство подъ Смоленскъ къ Сигизмунду отъ Гермогена, «первенца и главы церковныя всея Руси», «нeложнаго стоятеля крѣпкаго поборателя по вѣрѣ христіанской», а затѣмъ «отъ благородныхъ и великихъ самѣхъ земледержцовъ нашихъ и правителей, нынѣ же близь рещи и кривителей» [1]), также «и отъ всѣхъ людей всякихъ чиновъ». Посольство, по словамъ автора, было отправлено «на добрѣйшее дѣло»: просить у Сигизмунда его сына на московскій престолъ; хотя неправославный родъ польскаго короля и подобенъ горькому и кривому древу, но «за величество рода» этого московскіе люди хотѣли «вѣтвь отъ него отвратити», очистить эту вѣтвь «водою и духомъ и посадить на высокомъ и преславномъ мѣстѣ», иначе говоря, обратить Владислава въ православіе и возвести его на московскій престолъ, чтобы этимъ водворить порядокъ въ государствѣ, выгнать изъ Москвы и изъ всего царства враговъ-поляковъ «и впредь тихо и безмятежно жити». Но авторъ знаетъ, что король Сигизмундъ не сочувствуетъ цѣли посольства и имѣетъ свои замыслы: онъ, какъ всѣ его предшественники [2]), желаетъ просто завладѣть Московскимъ государствомъ

[1]) Авторъ вообще очень не любитъ боярства, державшаго сторону Сигизмунда, и безпощадно называетъ его «землеѣдцами», «измѣнниками», «богоотступниками», «кровопролителями», «братьями Іуды предателя» и т. п.

[2]) Намекъ на предшествовавшихъ Сигизмунду Польскихъ королей мы видимъ въ слѣдующихъ словахъ автора: «отъ давнихъ лѣтъ мысля (sic) на наше великое государство всѣ они окаянники и безбожники, иже и прежъ того были своже (то-есть, Сигизмунда) братія въ той

и искоренить въ немъ истинную вѣру; поэтому онъ обрадовался приходу посольства, думая, что теперь ему легко будетъ забрать Москву въ свои руки. Однако нежеланіе Москвы и другихъ городовъ быть подъ властью поляковъ и, особенно, крѣпкое сопротивленіе Смоленска мѣшаютъ королю въ его намѣреніи. За короля стоятъ и ему служатъ на Руси только тѣ измѣнники, которые прельстились его милостями: пользуясь властью, они «мало не до конца» отдали государство врагамъ и сулятъ Сигизмунду успѣхъ въ его стремленіи завладѣть Москвой [1]). Хотя Смоленска король еще не взялъ,—а безъ этого

ж(е) ихъ проклятой землѣ и вѣрѣ, како бы имъ великое государство наше похитити и вѣра христіянская искоренити и своя богомерзская учинити; но не у бѣ имъ было время, дондеже пріиде до того нынѣшняго нашего сопостата врага короля» (л. 372).

[1]) Вотъ какъ авторъ говоритъ объ этихъ измѣнникахъ: «И тѣ... его (короля) доброхоты и наши злодѣи, о именехъ же ихъ нѣсть здѣ слова, растлилися умы своими и восхотѣша прелести міра сего работати и въ велицѣй славѣ быти, и иніи не сыи (sic) человѣцы, не по своему достоинству саны честны достигнути; и сего ради отъ Бога отпали и отъ православныя вѣры отстали и къ нему сопостату нашему королю вседушно пристали, и окоянными своими душами пали и пропали, и хотятъ ево злодѣя нашего на наше великое государство посадити и ему служити, и по се время мало не до конца Російское царство ему врагу предали; аще бы имъ мощно, то единемъ бы часомъ привлекли его врага сюдѣ (то-есть, въ Москву) и во всемъ бы съ ними (то-есть, съ поляками) надъ нами волю свою сотворили» (л. 373—373 об.). Въ другомъ мѣстѣ объ этихъ доброхотахъ Сигизмунда авторъ говоритъ: «И тако тѣ наши благородніи зглупали и душами своими пали и пропали на вѣки, аще отъ того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино заедино съ ними со враги вооружилися вкупѣ и хотятъ насъ всѣхъ погубити и вѣру христіанскую искоренити. Аще будетъ и есть избранніи, сердцемъ желанніи, по христіянстѣй вѣрѣ и по всѣхъ по насъ жалѣютъ и радятъ отъ тѣхъ же чиновъ и боярскихъ родовъ, но не могутъ ничего учинити и не смѣютъ стати, что не съ кѣмъ побораги и своего величества отбыти, а имъ врагомъ ничего не сотворити, понеже сильно обовладѣли и многихъ маловременнымъ богатствомъ и славою прелстили и иныхъ закормили и вездѣ свои слухи и доброхоты поистоновили (sic) и поизнасадили» (л. 382—382 об.).

онъ не можетъ идти къ Москвѣ,—однако онъ увѣренъ въ успѣхѣ и потому удерживаетъ у себя великое посольство и московскихъ пословъ «всякою нужею, гладомъ и жаждою конечно моритъ и плѣномъ прéтитъ». Отъ этого многіе изъ посольства покорились Сигизмунду и большинство разъѣхались и разошлись—кто въ Москву, а кто «по своимъ мѣстамъ»; остались подъ Смоленскомъ «въ малѣ дружинѣ» только два «вящихъ самыхъ» посла, то-есть митрополитъ Филаретъ и князь В. Голицынъ, и крѣпко стоятъ противъ замысловъ короля на основаніи договора, заключеннаго съ Жолкѣвскимъ подъ Москвой. Поведеніе этихъ «вящихъ» пословъ авторъ ставитъ въ примѣръ москвичамъ и затѣмъ переходитъ къ дѣятельности патріарха Гермогена. Онъ называетъ Гермогена «столпомъ», держащимъ все государство, исполиномъ, безъ оружія побѣждающимъ толпы враговъ. Гермогенъ словомъ Божіимъ заграждаетъ уста врагамъ и поучаетъ народъ «страха ихъ и прещенія не боятися», стоять за свою вѣру и за «свои души» такъ же крѣпко, какъ стоятъ смольняне и послы подъ Смоленскомъ. Упоминаніе о Смоленскѣ и послахъ заставляетъ автора снова обратиться къ пространному изложенію роли и заслугъ смольнянъ и посольства передъ всей землей. Авторъ убѣжденъ, что только они да патріархъ своимъ мужествомъ мѣшаютъ Сигизмунду и русскимъ измѣнникамъ завладѣть Московскимъ государствомъ: на краю государства смольняне храбро отбиваются отъ поляковъ и этимъ какъ бы побуждаютъ москвичей, чтобы и они «тако же крѣпко вооружилися и стали противу сопостатъ своихъ», а въ столицѣ («здѣсь у насъ», какъ выражается авторъ) патріархъ «всѣхъ насъ крѣпитъ и учитъ и тому же граду ревновати велитъ». Затѣмъ авторъ снова призываетъ москвичей вооружиться, освободить царство и «не выдать по Бозѣ спасителей нашихъ», смольнянъ и Гермогена. «Сами видите», говоритъ онъ о полякахъ и измѣнникахъ, «что̀ они нынѣ надъ нами чинятъ»: творятъ насилія, грозятъ смертью, смѣются и ругаются надъ русскими людьми, оскор-

бляютъ святыню русскую [1]); въ то же время сами ходятъ вооруженными, стягиваютъ въ Москву подкрѣпленія, а русскихъ воинскихъ людей разсылаютъ изъ Москвы, боясь возстанія и желая окончательно господствовать въ столицѣ. Что же касается до того, что поляки поддерживаютъ порядокъ въ Москвѣ, «сами своихъ людей казнятъ», то авторъ называетъ это такимъ же лицемѣріемъ, какъ и постоянныя съ ихъ стороны увѣренія въ томъ, будто Сигизмундъ хочетъ дѣйствительно дать сына на Московское царство. Все это дѣлается, по словамъ автора, для того, чтобы москвичей «областити и укротити и великимъ бы нашемъ моремъ не взмутити и имъ бы самѣмъ врагомъ въ немъ не потонути» (л. 378). На самомъ же дѣлѣ поляки и измѣнники ждутъ только того, чтобы палъ Смоленскъ и король явился съ войскомъ въ Москву; тогда будетъ русскимъ людямъ конечная погибель. «Отнюдь ничему тому не бывати, православніи, что сыну здѣ у насъ живати», рѣшительно говоритъ авторъ: король землю Московскую разоряетъ, воюетъ Смоленскъ, на смерть моритъ пословъ и въ Москвѣ («у насъ здѣ въ великомъ градѣ») чинитъ притѣсненія,—«такъ ли сыну прочити, что все наконецъ губити?» восклицаетъ авторъ и прибавляетъ, что Сигизмундъ «не токмо сыну прочить, но и самъ здѣ жити не хочетъ»: ему нужно только завладѣть Русью и управлять ею изъ Польши. Въ доказательство этого авторъ приводитъ бурную бесѣду съ патріархомъ Михаила Салтыкова, котораго, однако, прямымъ именемъ не называетъ. Салтыковъ желалъ, чтобы патріархъ склонился на сторону Сигизмунда и народу повелѣлъ цѣловать крестъ не Владиславу, а самому королю; когда же патріархъ отказался отъ этого, то Салтыковъ грубо

---

[1]) «Въ видъ существа Божія и Пречистыя Его Матере стрѣляютъ, яко-же нынѣ свидѣтельствуютъ злодѣйственнеи руцѣ пригвоженнеи къ стѣнѣ подъ образомъ Матери Божіи», говоритъ авторъ (л. 377). Это—ясное указаніе на дѣло поляка Блинскаго, описанное Маскѣвичемъ и Буссовымъ (Сказанія современн. о Дим. Самозванцѣ, *Устрялова*, изд. 3-е, т. II, стр. 47—48; т. I, стр. 131—132).

обругалъ его, за что Гермогенъ проклялъ Салтыкова «со всѣмъ его сонмомъ» [1]). Удалившись со своими единомышленниками отъ патріарха, Салтыковъ испугался того, что обнаружилъ свои замыслы относительно Сигизмунда и, сверхъ того, оскорбилъ патріарха,—и вотъ, боясь народнаго негодованія, онъ сперва сталъ отпираться, будто ничего не говорилъ, а затѣмъ началъ лицемѣрно увѣрять, что съ патріархомъ «безъ памяти говорилъ», и въ концѣ концовъ выпросилъ у патріарха прощеніе. Но онъ не оставилъ своихъ интригъ и сталъ притѣснять Гермогена съ помощью «бѣсовской сонмицы» своихъ единомышленниковъ. Авторъ затѣмъ пространно разсказываетъ, что, несмотря на всѣ бѣды, патріархъ Гермогенъ крѣпко стоитъ за русское дѣло, стоитъ одинъ, потому что некому ему пособить; его духовные сыны—московская іерархія—вмѣстѣ съ московскимъ боярствомъ преданы полякамъ ради мірскихъ благъ, творятъ ихъ волю, «государьское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе и покорилися и поклоняются невѣдомо кому» (здѣсь авторъ разумѣетъ, очевидно, Ѳ. Андронова, хотя «проклятаго имени его» еще не сообщаетъ). Всего хуже, по мнѣнію автора,

---

[1]) О лицѣ, бранившемъ патріарха, авторъ говоритъ, что по «его злому дѣлу недостоитъ его во имя *мысленнаго* или *святаго* назвати», и въ то же время отзывается о немъ, какъ о «начальномъ губителѣ» (л. 379). Такимъ «начальнымъ» сторонникомъ короля, называвшимся во имя «мысленнаго» (архистратига Михаила; есть и святые съ этимъ именемъ), мы можемъ считать боярина М. Г. Салтыкова, о столкновеніи котораго съ патріархомъ сохранились къ тому же и другія извѣстія (см. Ник. Лѣт. VIII, 152—153, и С. Г. Г. и Д. II, стр. 491). О томъ, чего желалъ Салтыковъ отъ Гермогена, авторъ выражается темно: Салтыкову хотѣлось, чтобы патріархъ «сдался» въ ихъ сторону и «всего бы міра спасеніе (то-есть, крестъ) злодѣйцу отцу (то-есть, Сигизмунду) усты касатися (то-есть, цѣловать) повелѣлъ» (л. 379). Встрѣтивъ твердый отпоръ, Салтыковъ «отверзлъ свои человѣкоубіенныя уста и начать, аки безумный песъ на аеръ зря, лаяти и нелѣпыми словами, аки сущій буй каменіемъ, на лице святителю метати и великоимянитое святительство безчестити и до рождьшія его неискусным и болѣзненнымъ словомъ доходити» (л. 379 об.). О томъ, что Салтыковъ грозилъ патріарху ножемъ, нашъ авторъ не упоминаетъ.

то, что боярство не только само подчинилось полякамъ, но и всѣхъ русскихъ людей имъ выдало и соединилось со врагами противъ своихъ. Тѣ же бояре, которые остались вѣрны родинѣ, не могутъ ничего предпринять, потому что сила враговъ слишкомъ велика, и если не станетъ Гермогена, то не будетъ спасенія и всему государству. Съ грустью авторъ замѣчаетъ, что патріархъ не имѣетъ поддержки въ народѣ: «А вы, православніи, не помогаете ему государю (то-есть, Гермогену) ни въ чемъ; говорите усты, а въ дѣлѣхъ вашихъ государь (должно быть: Господь) вѣсть, что будетъ. Паки молю вы съ великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ; мужайтеся и вооружайтеся и совѣтъ межу собой чините, како бы намъ отъ тѣхъ враговъ своихъ избыти!» (л. 383). Авторъ призываетъ народъ молить Бога о помощи и подниматься на враговъ, грозя погибелью въ случаѣ дальнѣйшаго бездѣйствія. «Что стали, что оплошали, чего ожидаете?» спрашиваетъ онъ,—«али того ожидаете, чтобъ вамъ самъ великій тотъ столпъ (то-есть, патріархъ) святыми своими усты изрекъ и повелѣлъ бы вамъ (на) враги дерзнути и кровопролитіе воздвигнути?» Этого, по словамъ автора, не будетъ: «сами вѣдаете, ево то есть дѣло, что тако ему повелѣвати на кровь дерзнути? ей, ей, никакоже такова отъ него государя поущенія не будетъ; и самъ онъ государь велика разума и смысла и мудра ума; мню: мыслитъ, чтобы не отъ него зачалося, а ожидаетъ съ часу на часъ божія поможенія и вашего тщанія и дерзновенія на нихъ (то-есть, на враговъ). Аще и безъ его государева словеснаго повелѣнія и ручнаго писанія по своей правдѣ дерзнете на нихъ злыхъ и добро сотворите и ихъ враговъ побѣдите, не будетъ отъ него на васъ клятва и прещеніе, паче же веліе благословеніе на васъ и на чадѣхъ вашихъ» (л. 383 об.—384). Послѣ такого рѣшительнаго призыва авторъ снова рисуетъ яркими красками насилія поляковъ въ Москвѣ [1])

[1]) Здѣсь авторъ приводитъ нѣсколько не лишенныхъ значенія

и считаетъ поведеніе польскаго гарнизона вполнѣ достаточною причиной для того, чтобы возстать на оскорбителей: «То ли вамъ не вѣсть, то ли вамъ не повеленіѣ, то ли вамъ не наказаніе, то ли вамъ не писаніе!» восклицаетъ авторъ по поводу поведенія поляковъ. Мало, по его мнѣнію, сокрушаться сердцемъ и плакать о томъ, что отечество подъ властью враговъ: надо «сотворить подвигъ и радѣніе», возстать съ молитвою на враговъ и этимъ искупить тѣ великіе грѣхи, за которые Господь посылаетъ такія тяжелыя испытанія на свой

фактическихъ чертъ: «Сами вси видите», говоритъ онъ,—«какое гоненіе на православную вѣру и какое утѣсненіе всѣмъ православнымъ христіаномъ отъ тѣхъ губителей нашихъ враговъ: всегда многимъ смертное посѣченіе, а инымъ зѣлное раненіе, а инымъ грабленіе и женамъ безчестіе и насилованіе; и купльствуютъ не по цѣнѣ, отнимаютъ сило; и паки: не цѣною цѣнятъ и сребро платятъ, но съ мечемъ надъ главою стоятъ надъ всякимъ православнымъ христіаниномъ, куплю дѣющаго (sic), и смертію претятъ; нашъ же братъ православный христіанинъ, видя свое осиротѣніе и беззаступленіе и ихъ враговъ великое одолѣніе, не смѣетъ инъ и устъ своихъ отверзти, боясь смерти, туне живота своего ступается и толко слезами обливается» (л. 384—384 об.). Далѣе авторъ описываетъ военныя предосторожности польскаго гарнизона въ Москвѣ: «которая страна и стѣна имѣетъ двои врата въ рядъ по себѣ, и одни врата (поляки велѣли) затворити и замки закрѣпити, а другія буттося отворити, да и тѣ вполы; и множественнаго христіяньскаго народа не тѣснопроходными и ускими враты проходити, но и широкими не одними и многими только такъ было исходити, понеже божіею было благодатію безчисленно христіяньска народа расплодилося и умножилося; нынѣ такъ за грѣхи всѣхъ насъ умалилося: высѣчено и выгнано въ плѣнъ отъ тѣхъ же враговъ и губителей проклятыя ихъ земли и вѣры; а аще и умалилося, аще и мало зрится, а еще много соберется и, всегда въ тѣхъ (то-есть, воротахъ) тѣснити, нелѣпо рещи, аки мышей давити, и шуму и виску и крику быти для того ускаго и нужнаго проѣжденія и прохожденія; и имъ самѣмъ врагомъ, вооруженымъ всякимъ смертнымъ оружіемъ, обаполъ тѣхъ утѣсненыхъ вратъ пѣшимъ и на конехъ готовымъ стояти и противу самѣхъ вый нашихъ и сердецъ то свое оружіе въ рукахъ своихъ держати и всѣмъ намъ живую и явную смерть казати» (л. 384 об.—385). Эти замѣтки автора напоминаютъ немного краткое описаніе хода дѣлъ въ Москвѣ, сдѣланное въ Казанской грамотѣ 1611 г. (С. Г. Г. и Д. II, № 224.—А. А. Э. II, № 170).

народъ и отдастъ его во власть недостойнымъ людямъ. Авторъ разумѣетъ здѣсь извѣстнаго Ѳ. Андронова; онъ раньше еще намекалъ на него и обѣщалъ «объявить его проклятое имя»; теперь онъ подробно описываетъ значеніе и поведеніе Андронова въ Москвѣ, но имени его все-таки не объявляетъ прямо, а даетъ понять его язвительными, насмѣшливыми намеками, настолько ясными, что у читателей не могло остаться никакихъ сомнѣній, о комъ именно повѣствуетъ авторъ [1]). О значеніи Андронова онъ прямо выражается, что Андроновъ «что хощетъ, то творитъ, а никто ему не возбранитъ»; бояре ничего ему не могутъ сдѣлать изъ боязни или потому, что вмѣстѣ съ нимъ преданы врагамъ. Андронову повинуются люди всякихъ чиновъ, ухаживаютъ за нимъ толпою и ждутъ его милостей и приказаній [2]). Онъ завладѣлъ, «аки Ихнилатъ», царскими сокро-

---

[1]) «Сами видите, кто той есть, неѣси (sic) человѣкъ и невѣдо(мо) кто: ни отъ царскихъ родовъ, ни отъ боярскихъ сыновъ, ни отъ иныхъ избранныхъ ратныхъ головъ, сказываютъ, отъ смердовскихъ рабовъ. Его же окаяннаго и треклятаго по его злому дѣлу не достоитъ его во имя Стратилата (то-есть, Ѳеодора Стратилата), но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпьца, но во имя землеѣдца, или во имя святителя, но во имя мучителя и гонителя и разорителя и губителя вѣры христіяньскія. И по словущему реклу его тако же не достоитъ его по имяни святаго назвати, но по нужнаго прохода людцкаго—Аѳедроновъ» (л. 385 об.—386). И созвучіе насмѣшливаго прозвища съ дѣйствительною фамиліей Андронова, и указаніе на имя «во имя Стратилата», и разсказъ о поступкахъ Андронова, слѣдующій ниже, вполнѣ ясно показываютъ, о комъ говоритъ авторъ.

[2]) «А сами наши земледержцы и правители, нынѣжъ, якоже и преже рѣхъ, землесъѣдцы и кривители, тѣ яко ослѣпоша или онѣмотѣша; паче же рещи, не смѣютъ ни единъ тому врагу воспретити и великому государству ни въ чемъ пособити, и иніи молчатъ и не говорятъ и ни въ чемъ ему не претятъ, понеже съ нимъ же со врагомъ всѣхъ насъ погубити хотятъ. И полцы велицы всякихъ чиновъ люди за тѣмъ врагомъ хотятъ (должно быть: ходятъ) и милости и указу отъ него смотрятъ, не токмо простіи и непмянитіи люди, но и сами болярскія и дворянскія дѣти и сами дворяне доброродни и изрядни всѣмъ, иже иному онъ врагъ креста Христова и всѣхъ православныхъ христіянъ, и въ подножіе ногъ негожъ» (л. 386). Въ другомъ мѣстѣ,

вищами и истребляетъ царскую казну, отправляя драгоцѣнности къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; этимъ онъ и его единомышленники хотятъ подслужиться королю, чтобы обезпечить себѣ милость его въ будущемъ на тотъ случай, если онъ завладѣетъ Москвой [1]). Описавъ беззаконія Андронова и еще разъ бросивъ общій взглядъ на печальное положеніе Московскаго государства, авторъ снова повторяетъ призывъ къ возстанію и оканчиваетъ свое письмо тѣмъ послѣсловіемъ, которое мы привели выше и изъ котораго почерпнули характеристику самаго произведенія.

Опредѣлить время написанія нашего памятника съ точностью нѣтъ возможности, потому что въ немъ самомъ не находится никакой хронологической даты. Сопоставленіе разныхъ частностей разсказа приводитъ только къ тому точному заключенію, что авторъ писалъ свое письмо послѣ отправленія великаго посольства изъ Москвы подъ Смоленскъ (около поло-

---

гдѣ авторъ впервые намекаетъ на Андронова (л. 382), онъ говоритъ про бояръ, что они «смотря(тъ) изъ рукъ и изъ скверныхъ устъ его (то-есть, Андронова), что имъ дастъ и укажетъ, яко нищіи у богатаго проклятаго».

[1]) «И еще же врагъ и лютый злодѣй нашъ не въ свое достояніе вниде, аки Ихнилатъ, въ цареву ризницу въѣся казити и губити то великое царское сокровище, отъ многихъ лѣтъ многими государи самодержьцы великими князи и цари всеа Русіи собрано (въ рукописи: собраны) и положено; онъ же окаянный, аки вышереченный Ихнилатъ, во единомъ часѣ или паки не во мнозѣ времяни, все хочетъ изъѣсти и расточить и погубить, и ту цареву ризницу хощетъ пусту до конца оставити, аки пустую и бездѣльную храмину; а уже и оставилъ, и нынѣ тѣ великія сокровища, тяжкоцѣнныя камыки и потрица (sic) и всякія вещи, иже нами невѣдомы и не знаемы, съ своими единомысленники разбиваетъ и вещь къ вещи прибираетъ, къ тому же злата и сребра и бисерія велія ковчеги насыпаетъ и къ тому прежереченному сопостату нашему врагу королю и похитителю подъ оный заступный нашъ градъ посылаетъ» (л. 386—386 об.). Какъ извѣстно, Андроновъ былъ назначенъ отъ короля казначеемъ вмѣстѣ съ В. И. Головинымъ, почему и имѣлъ возможность распоряжаться царскими сокровищами. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VIII, изд. 3, стр. 344—345; *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс., XII, прим. 641; Ник. Лѣт. VIII, стр. 147).

вины сентября 1610 г.) и ранѣе сожженія Москвы (19-го марта 1611 г. [1]). Въ предѣлахъ же этого полугодія пріурочить появленіе письма къ тому или другому мѣсяцу возможно лишь гадательно, хотя и съ нѣкоторою надеждой на вѣроятность выводовъ. Нужно замѣтить, что авторъ писалъ уже послѣ того, какъ полякъ Блинскій за святотатство былъ наказанъ отсѣченіемъ рукъ. По разсказу Маскѣвича можно заключить, что это происходило въ октябрѣ 1610 г.; Буссовъ же относитъ это событіе къ январю 1611 г. Во всякомъ случаѣ, оно было не ранѣе второй половины октября, уже послѣ отъѣзда изъ Москвы Жолкѣвскаго, такъ какъ дѣло Блинскаго разбиралъ Гонсѣвскій [2]). Авторъ знаетъ, что Ѳедоръ Андроновъ распоряжается царскою казной; назначеніе Андронова казначеемъ послѣдовало въ концѣ того же октября [3]). Авторъ описываетъ ссору М. Салтыкова съ патріархомъ; если отожествлять происшествіе, имъ описанное, съ извѣстнымъ намъ столкновеніемъ этихъ лицъ, то слѣдуетъ отнести его къ 30-му ноября и 1-му декабря 1610 года [4]). Затѣмъ, авторъ

---

[1]) Въ «Повѣств. о Россіи» *Арцыбашева*, т. III, кн. V, прим. 1362—1364, собраны данныя о времени этихъ событій.

[2]) «Сказ. современниковъ о Дм. Самозванцѣ», т. II, стр. 47—48; т. I, стр. 132—133. Буссовъ помѣщаетъ дѣло Блинскаго около 25-го января, но точность этого указанія нельзя провѣрить. Жолкѣвскій уѣхалъ изъ Москвы въ серединѣ октября: 30-го окт. (стараго стиля) онъ пріѣхалъ подъ Смоленскъ (Русск. Ист. Библ. т. I, стр. 689).

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. VIII, изд. 3, стр. 344—345.

[4]) Въ историческихъ трудахъ иногда повѣствуется о двухъ подобныхъ столкновеніяхъ на основаніи Новаго Лѣтописца (Ник. VIII, 152) и Казанской грамоты на Вятку (С. Г. Г. и Д. II, № 224.— А. А. Э. II, № 170), писанной не позже 19-го января 1611 г. (А. Э. II, стр. 291). Арцыбашевъ, различая два случая столкновенія патріарха съ Салтыковымъ, какъ бы съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относится къ ихъ подробностямъ (Пов. о Россіи, т. III, кн. 5, прим. 1406 и 1424). Такое же сомнѣніе проглядываетъ и у С. М. Соловьева (Ист. Россіи, т. VIII, изд. 3-е, стр. 350 и 362). Оба историка согласно помѣщаютъ первый случай ссоры подъ 30-мъ ноября и 1-мъ декабря 1610 г. (С. Г. Г. и Д. II, стр. 491: «передъ Николинымъ днемъ въ пятницу»; такъ какъ въ 1610 г. 6-е декабря было въ четвергъ, то пятница

знаетъ, что члены посольства стали разъѣзжаться изъ-подъ Смоленска; расколъ въ посольствѣ и отъѣздъ его видныхъ членовъ—думнаго дворянина Сукина, дьяка Сыдавнаго и Авр. Палицына—произошелъ въ серединѣ декабря 1610 г. [1]). Стѣсненное положеніе посольства, о которомъ говоритъ авторъ, началось очень давно—еще съ октября [2]). Далѣе, ни однимъ словомъ своего письма авторъ не упоминаетъ о Тушинскомъ Ворѣ; изъ этого обстоятельства можно заключить, что Вора уже не существовало въ ту минуту, когда писалъ авторъ. Онъ не могъ бы совершенно умолчать о Лжедимитріи при томъ важномъ значеніи, какое имѣлъ этотъ послѣдній въ отношеніяхъ москвичей и поляковъ: припомнимъ, что смерть самозванца сразу измѣнила антипатію русскихъ къ полякамъ въ активное имъ сопротивленіе. Нельзя предположить и того, чтобъ авторъ былъ тайнымъ сторонникомъ Вора и въ его пользу старался возмутить Москву: его преданность Гермогену, врагу Вора, и прямое замѣчаніе, что «божіимъ изволеніемъ царскій корень у насъ изведеся» (л. 373), разубѣждаютъ въ

приходится на 30-е ноября); относительно же второй ссоры хронологическихъ указаній нѣтъ. Для насъ имѣетъ значеніе первая ссора, потому что, если лѣтописецъ не перемѣшалъ событій (Ник. VIII), то вторая ссора произошла довольно поздно, когда уже собиралось вокругъ Ляпунова ополченіе, не ранѣе января 1611 г. Между тѣмъ, нашъ авторъ, очевидно, близкій къ московской администраціи, «пожалованный» поляками, ничего не знаетъ о движеніи въ городахъ противъ поляковъ: иначе онъ указалъ бы москвичамъ на это движеніе. Разъ нашъ авторъ описываетъ первый случай столкновенія Салтыкова съ Гермогеномъ, его разсказъ подтверждаетъ показаніе Казанской грамоты, что Салтыковъ требовалъ присяги на имя короля, въ чемъ сомнѣвается С. М. Соловьевъ (Ист. Росс., т. VIII, стр. 350).

[1]) Сукинъ и Сыдавный были на прощальной аудіенціи у короля Сигизмунда 18-го (8-го) декабря (Русск. Ист. Библ., т. I, стр. 708). Отпускная грамота новоспасскому архимандриту Евфимію и келарю Палицыну дана Сигизмундомъ 12-го дек. 1610 г. (С. Г. Г. и Д. II, № 218, стр. 485—486. Арцыбашевъ основательно думаетъ, что эта дата стараго стиля: «Пов. о Россіи», т. III, кн. 5-я, прим. 1413).

[2]) Уже въ октябрѣ послы были вынуждены *тайно* переписываться съ Москвой (*Голиковъ*, Дѣянія Петра В., изд. 2-е, т. XIII, стр. 342).

этомъ. Остается предположить, что о смерти Вора нашъ авторъ уже зналъ и потому только не упоминалъ о немъ; стало быть, онъ писалъ позже 11-го декабря 1610 г. [1]). Наконецъ, рисуя положеніе дѣлъ въ Москвѣ, авторъ говоритъ, что Гермогена притѣсняютъ и желаютъ погубить (л. 380 об.), что поляки творятъ въ Москвѣ насилія, убиваютъ и грабятъ многихъ и держатъ у всѣхъ воротъ вооруженную стражу (л. 384—385). Подобные этимъ факты находимъ мы въ грамотахъ Казанской и Рязанской, писанныхъ въ январѣ 1611 г. [2]). Изъ Казанской грамоты узнаемъ, что 7-го января въ Казани уже знали о натянутыхъ отношеніяхъ между московскимъ населеніемъ и поляками, о строгихъ караулахъ, содержимыхъ поляками въ Москвѣ, объ уличныхъ убійствахъ, виновниками которыхъ считали поляковъ, о паникѣ среди торговаго населенія Москвы. Рязанская же грамота указываетъ намъ, что 12-го января въ Нижній пришло извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпитъ патріархъ отъ поляковъ: дворъ его разграбленъ, люди взяты, такъ что у патріарха «писать некому». Очевидно, что всѣ эти событія въ Москвѣ происходили въ декабрѣ (быть можетъ, даже въ концѣ его). Такимъ образомъ, нѣсколько чертъ разбираемаго произведенія даютъ намъ нѣкоторое основаніе думать, что авторъ зналъ то положеніе дѣлъ, какое было въ Москвѣ въ самомъ концѣ 1610 г., т.-е. писалъ не ранѣе второй половины декабря. Съ другой стороны, существуютъ и такія черты, которыя не позволяютъ отнести это произведеніе ко времени позднѣе января 1611 г. Авторъ, напримѣръ, рѣшительно говоритъ, что Гермогенъ не желаетъ, чтобы возстаніе противъ поляковъ началось отъ него (л. 383 об.); между тѣмъ, какъ разъ въ самомъ концѣ 1610 г. или въ первые дни 1611 г. патріархъ началъ рѣшительно высказываться противъ поляковъ и посылать свои грамоты съ бла-

---

[1]) О времени смерти Вора см. А. Ист. II, № 307.
[2]) С. Г. Г. и Д. II, № 224 и 228; А. Э. II, № 170 и 176.

гословеніемъ на возстаніе противъ нихъ. Современники—и полякъ Маскѣвичъ, и русскій кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій—прямо свидѣтельствуютъ, что патріархъ началъ дѣйствовать непосредственно послѣ смерти Вора; увѣщевалъ народъ противъ поляковъ «мужески... стояти и братися», писалъ во всѣ города грамоты объ этомъ и особенно звалъ Ляпунова на помощь Москвѣ. Маскѣвичъ указываетъ даже, что въ концѣ декабря поляки перехватили гонца съ подлинными патріаршими грамотами [1]). Но грамотамъ мы достовѣрно знаемъ, что нижегородцы получили отъ Гермогена словесное благословеніе на возстаніе въ самомъ началѣ 1611 г., если не въ концѣ 1610 г. [2]); знаемъ также, что въ половинѣ января 1611 г. московскому боярскому правительству было уже извѣстно о возстаніи Пр. Ляпунова, а Ляпуновъ, какъ можно думать, поднялся съ вѣдома патріарха [3]). Ни о дѣятельности Гермогена, ни о народномъ движеніи въ городахъ нашъ авторъ не говоритъ ни слова, а между тѣмъ, для его цѣли ему было бы чрезвычайно важно опереться на авторитетъ Гермогена и на примѣръ Рязани и другихъ городовъ. Противъ этого могутъ возразить, что авторъ, быть можетъ, просто не считалъ приличнымъ и практически удобнымъ заявить, что патріархъ готовъ благословить москвичей на возстаніе. Но тогда, по нашему мнѣнію, остается въ силѣ то замѣчаніе, что авторъ ничего не зналъ о движеніи противъ поляковъ въ городахъ: никакія, ка-

---

[1]) Изборникъ *А. Н. Попова*, 306 (также Рукопись Филарета, 42—43). Сказ. современниковъ о Дим. Самозванцѣ, изд. 3-е, II, 48—49.

[2]) С. Г. Г. и Д. II, № 228.—А. Э. II, № 176, стр. 301. Есть нѣкоторое вѣроятіе, что стѣсненія патріарху, о которыхъ здѣсь говорится, были слѣдствіемъ того, что поляки перехватили грамоты патріарха, какъ это разсказываетъ Маскѣвичъ.

[3]) Изъ Москвы извѣщали гетмана Сапѣгу объ измѣнѣ Ляпунова и многихъ городовъ 14-го января 1611 г. (С. Г. Г. и Д. II, № 237). О томъ, что возстаніе Ляпунова было вызвано дѣятельностью Гермогена, находимъ указаніе у кн. И. М. Катырева-Ростовскаго (Изборн. *А. Н. Попова*, 306), въ одной изъ городскихъ грамотъ 1611 г. (А. Э. II, № 179) и у Жолкѣвскаго (Записки, изд. 2-е, стр. 115).

жется, соображенія не могли ему препятствовать въ томъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на патріотизмъ читателей указаніемъ на возстаніе ихъ соотечественниковъ. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что авторъ писалъ свое письмо отнюдь не позднѣе января 1611 г.; онъ былъ близокъ къ тогдашнему московскому правительству, отъ него «зѣло пожалованъ» и потому могъ довольно скоро узнать то, что было извѣстно приверженцамъ Сигизмунда уже въ серединѣ января 1611 г.

Если, такимъ образомъ, по указаніямъ текста нашего памятника мы имѣемъ право отнести время его написанія къ концу декабря или къ январю, то, сообразивъ обстоятельства московской жизни за эти мѣсяцы, въ общемъ теченіи событій найдемъ также основанія для подобнаго вывода. Смерть Вора имѣла громадное вліяніе на настроеніе московскихъ людей; много свидѣтельствъ сохранилось о томъ, что тотчасъ, какъ Вора не стало, въ Московскомъ государствѣ началось сильное движеніе противъ поляковъ. Первые признаки этого движенія относятся, несомнѣнно, еще къ 1610 г. Опредѣленныя формы это движеніе получило уже въ январѣ и февралѣ 1611 г., когда стали собираться въ городахъ дружины и происходили стычки между поляками и городскими ополченіями [1]). Разбираемое нами произведеніе не знаетъ еще о томъ, что въ городахъ русскіе люди ополчаются на поляковъ [2]). Нельзя допустить той мысли, чтобъ авторъ хотѣлъ умолчать о возстаніи Русской земли противъ поляковъ; это обстоятельство должно было бы стать однимъ изъ самыхъ главныхъ его аргументовъ. Поэтому надо думать, что писалъ онъ раньше, чѣмъ народное движеніе стало явно обозначаться, то-есть, или въ

---

[1]) Перечень событій, происходившихъ въ январѣ и февралѣ 1611 г., см. у Арцыбашева, т. III, кн. 5-я, стр. 269—274.

[2]) Лишь въ одномъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что ни Москва, ни Смоленскъ, ни другіе города не хотятъ быть за Сигизмундомъ («и иныхъ и всѣхъ градовъ нашихъ не хотящихъ за него»—л. 373). Но это нельзя, конечно, считать указаніемъ на возстаніе городовъ.

концѣ декабря 1610 г., или въ началѣ января 1611 г. Его произведеніе, кажется намъ, было однимъ изъ раннихъ проявленій новаго настроенія въ русскихъ людяхъ; авторъ былъ однимъ изъ первыхъ выразителей рѣзкаго поворота общественнаго мнѣнія противъ поляковъ. Вотъ почему онъ такъ подробно останавливается на объясненіи замысловъ Сигизмунда, которые, немногимъ позднѣе января, стали уже ясны всѣмъ московскимъ людямъ; вотъ почему онъ такъ осторожно говоритъ о томъ, что Гермогенъ сочувствуетъ возстанію; онъ боится ошибиться, не зная еще, какъ будетъ держать себя патріархъ: благословитъ ли онъ народъ на подвигъ противъ враговъ, или поставитъ себя въ сторонѣ отъ этого дѣла. Все это естественно въ произведеніи, написанномъ въ ту переходную минуту, когда положеніе дѣлъ начинало мѣняться, но неясно еще было, какой оборотъ примутъ событія, какого направленія держаться, что̀ дѣлать. Такимъ переходнымъ моментомъ въ Москвѣ были именно конецъ декабря и начало января. На праздники Рождества и Крещенія въ Москву стекалось много народу изъ окрестныхъ мѣстъ; весьма возможно, что нашъ авторъ думалъ воспользоваться многолюдствомъ въ столицѣ и составилъ свое письмо именно въ это время въ видахъ большаго его распространенія въ народѣ, тѣмъ болѣе, что настроеніе умовъ въ Москвѣ въ тѣ минуты было далеко неспокойно [1]).

Что касается до личности самого автора, то о ней ничего опредѣленнаго сказать нельзя: авторъ старался скрыть самого себя, такъ какъ игралъ въ опасную игру. Если то, что онъ говоритъ о себѣ въ послѣсловіи, не сочинено имъ въ видахъ предосторожности, чтобы сбить съ толку слѣдователей, на тотъ случай, если бы письмо попало въ руки поляковъ,—то авторъ—человѣкъ семейный и, вѣроятно, не духовное лицо, потому что «зѣло пожалованъ» у московскаго правительства,

[1]) См. описаніе святокъ 1610 г. у Маскѣвича въ Сказ. современник. о Дим. Самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 49—50.

притворялся приверженцемъ Сигизмунда и вообще принималъ участіе въ политическихъ дѣлахъ «для ради суетныя сея славы и тлѣннаго богатества». Всего вѣроятнѣе, что онъ принадлежалъ къ служилому слою московскаго люда, изъ котораго вышло большинство друзей Сигизмунда. Измѣнниками онъ называетъ постоянно московскихъ бояръ и дворянъ, къ измѣнникамъ причисляетъ и себя: «славою міра сего прельстился», говоритъ онъ о себѣ, «и къ нимъ ко врагомъ прилѣпился такоже, якоже и прочая братія наша». Невозможно рѣшить, принадлежалъ ли авторъ къ старому дворянскому роду, или лично выдвинулся своею службой и практическою смѣткой, какъ выдвигались многіе въ смутную пору. Авторъ, судя по слогу его письма, довольно начитанъ (онъ знаетъ «Стефанита и Ихнилата»), бойко владѣетъ перомъ, выражается риторически, умѣетъ подобрать риѳму и даже весь свой разсказъ покушается сдѣлать риѳмованнымъ. Вотъ и все, что можно сказать о личности нашего автора по даннымъ его произведенія.

МОСКОВСКІЯ ВОЛНЕНІЯ 1648 ГОДА.

(1888).

Въ одной изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки намъ удалось встрѣтить очень любопытный документъ, касающійся исторіи извѣстнаго московскаго бунта 1648 года. Оцѣнкѣ этого документа, до сихъ поръ не извѣстнаго въ печати, и посвящены предлагаемыя замѣтки.

До настоящаго времени главными источниками свѣдѣній о московскихъ волненіяхъ 1648 года служили показанія иностранцевъ. Довольно подробно описалъ московскій бунтъ Олеарій. Но самъ онъ не былъ въ Москвѣ во время бунта и писалъ по разсказамъ другихъ, намъ неизвѣстныхъ лицъ, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя неточности и хронологическая путаница въ его повѣствованіи [1]). Гораздо болѣе точенъ разсказъ о бунтѣ его очевидца, напечатанный на голландскомъ языкѣ въ 1648 г. особою брошюрой въ Лейденѣ. Разсказъ составленъ въ формѣ письма «нарочито знатною и достовѣрною особою», какъ выражается заглавіе брошюры [2]). Особа эта, по всей вѣроятности,

---

[1]) *Олеарія* Beschreibung, въ изданіи 1656 года, стр. 253—260; въ переводѣ *Барсова* стр. 270—279. Олеарій въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ въ 1639 году.

[2]) Описаніе голландской брошюры въ «Замѣткѣ» о ней г. *Феттерлейна* (*Вѣстн. Европы* за 1880 г., февраль, стр. 895—898). Переводы брошюры—у *К. Н. Бестужева-Рюмина* «Московскій бунтъ 23-го іюня 1648 года» (*Историч. Вѣстникъ* за 1880 г., январь, стр. 69—73).

принадлежала къ голландскому посольству, бывшему въ Москвѣ въ 1648 году,—и легко можетъ быть, что напечатанное повѣствованіе представляетъ собою отрывокъ изъ офиціальныхъ посольскихъ донесеній [1]).

Что касается до русскихъ извѣстій о бунтѣ, то, несмотря на ихъ многочисленность, они даютъ историку весьма мало. Въ офиціальныхъ документахъ находимъ только самыя краткія упоминанія о московскихъ волненіяхъ. Патріархъ Іосифъ, особыми грамотами извѣщая свою паству о смутахъ, призывалъ ее молиться, чтобы Господь «православное христіянство отъ межоусобныя брани свободилъ»; но онъ считалъ излишнимъ излагать причины и ходъ московскихъ волненій въ своихъ грамотахъ къ русскимъ архіереямъ [2]). Въ разрядныхъ книгахъ о «межусобствѣ» говорится кратко, неточно и съ невѣрною датой [3]). Въ прочихъ же до сихъ поръ извѣстныхъ бумагахъ, касающихся бунта, вовсе нѣтъ его описаній [4]). И частныя русскія извѣстія, уцѣлѣвшія въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ памятникахъ XVII вѣка, не разсказываютъ о бунтѣ подробно. Въ Псковской первой лѣтописи находится любопытный и точный, но отрывочный и съ неправильною хронологическою датою разсказъ о народныхъ волненіяхъ «на праздникъ на Срѣтеніе Господне» [5]). Въ одномъ изъ списковъ Новаго Лѣтописца (въ такъ называемой «Лѣтописи о многихъ мятежахъ») обстоя-

---

1) О голландскомъ посольствѣ—въ Дворц. Разрядахъ, III, 94—95. Авторъ повѣствованія—«нарочито *знатная*» особа—врядъ ли могъ принадлежать къ числу торговыхъ и служилыхъ голландскихъ выходцевъ, осѣдло жившихъ въ Москвѣ. Самый тонъ разсказа, дѣловой и сухой, и обѣщаніе извѣстить о дальнѣйшихъ событіяхъ въ Москвѣ, «если что еще произойдетъ здѣсь», даютъ поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ дипломатическою депешею.

2) Акт. Арх. Эксп. IV, № 30.

3) Дворц. Разряды, III, 93—94.

4) Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 412.—*Латкина* Земскіе соборы древней Руси, стр. 210.

5) Полн. Собраніе Русск. Лѣтописей, т. IV, стр. 339—340.

тельно перечислены событія только перваго дня народныхъ волненій, все же остальное передано сбивчиво и въ немногихъ строкахъ [1]). Лучше, хотя и кратко, повѣствуетъ о бунтѣ другой списокъ того же Лѣтописца, изданный въ отрывкѣ княземъ М. А. Оболенскимъ [2]). Наконецъ, въ напечатанныхъ А. Н. Поповымъ дополненіяхъ къ хронографу поздней редакціи находятся очень краткія замѣчанія о бунтѣ; они сдѣланы, по всѣмъ признакамъ, очевидцемъ и прекрасно возстановляютъ хронологію событій, но очень бѣдны фактическимъ содержаніемъ [3]). Болѣе другихъ современниковъ бунта словоохотливъ извѣстный троицкій келарь Симонъ Азарьинъ: въ своей «Книгѣ о чудесахъ преп. Сергія» онъ описываетъ бѣгство изъ Москвы, поимку и погибель Траханіотова и очень ярко рисуетъ его хищничество и самоуправство. Но разсказъ Симона ничего не даетъ для изображенія событій, происходившихъ въ самой Москвѣ въ смутные дни 1648 года [4]).

Таковъ матеріалъ, находящійся въ распоряженіи изслѣдователей въ настоящее время. И теперь онъ не кажется достаточно полнымъ, а въ старое время, когда не знали и половины обнародованныхъ нынѣ документовъ, неполнота матеріала заставляла писателей спутывать обстоятельства московскихъ бунтовъ 1648 и 1662 года и излагать ихъ вмѣстѣ [5]). Карам-

---

1) Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, стр. 357—358.

2) «Новый Лѣтописецъ по списку кн. *Оболенскаго*». М. 1853 (и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.* XVII), Приложеніе I, стр. 5—6.

3) Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 247—248.

4) «Книга о чудесахъ преп. Сергія» (въ Памятникахъ древней письменности. LXX. С.-Пб. 1888), стр. 123—125.

5) См., напримѣръ, *Хилкова* (*Манкіева*) Ядро Росс. Исторіи, по изд. 1770 г., стр. 361—362.—Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи, IV, стр. 8—9.—*Голикова* Дѣянія Петра В., изд. 2-е, XIII, стр. 12—13.—Нужно замѣтить, что и въ наше время еще возможны подобныя ошибки: въ книгѣ г. *Латкина* «Земскіе соборы» (стр. 211) извѣстіе Котошихина о бунтѣ 1662 г. отнесено къ бунту 1648 года.

зинъ первый замѣтилъ такія погрѣшности въ предшествовавшихъ ему трудахъ и первый далъ подробное описаніе народныхъ волненій 1648 года, руководясь Олеаріемъ и «Лѣтописью о многихъ мятежахъ» [1]). Въ этихъ источникахъ день бунта обозначенъ различно: въ Лѣтописи—2-го іюня, у Олеарія—6-го іюля. Карамзинъ не принялъ этихъ чиселъ, основываясь на томъ показаніи Олеарія, что первая вспышка народнаго неудовольствія произошла во время крестнаго хода въ Срѣтенскій монастырь; «а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23-го числа іюня». Къ этому-то послѣднему дню Карамзинъ съ полною увѣренностью и отнесъ начало волненій. Позднѣе Арцыбышевъ предпочелъ ту дату—25-го мая, какую онъ нашелъ въ разрядной книгѣ [2]); а Берхъ, считая «вѣрнѣйшимъ матеріаломъ» офиціальную грамоту о московскомъ пожарѣ 3-го іюня 1648 года, бывшемъ во время бунта, полагалъ первымъ днемъ бунта 2-е іюня [3]). Такимъ образомъ возникло въ литературѣ хронологическое противорѣчіе, не вполнѣ разрѣшенное и до настоящаго времени. С. М. Соловьевъ слѣдуетъ примѣру Арцыбышева и разсказываетъ о бунтѣ подъ 25-мъ мая, отвергая извѣстіе Олеарія о крестномъ ходѣ въ день бунта [4]). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ за Карамзинымъ считаетъ днемъ бунта 23-е іюня, когда совершался обычный въ Москвѣ крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь [5]). А гг. Латкинъ и Зерцаловъ приводятъ нѣсколько данныхъ за наиболѣе вѣроятную дату—день 2-го іюня, хотя и не пытаются объяснить недоразумѣніе, возникающее по поводу того крестнаго хода, о

[1]) Въ статьѣ «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» («Сочиненія *Карамзина*», изд. 3-е, т. VIII, М. 1820, стр. 229—253).

[2]) *Арцыбышева* Повѣствованіе о Россіи, т. III, кн. VI, стр. 93.—Дворц. Разряды, III, 93.

[3]) Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. С.-Пб. 1831, стр. 48—49 и прим. 35 и 36.

[4]) Ист. Россіи, X, по изд. 1877 г. стр. 138.

[5]) *Истор. Вѣстникъ* за 1880 г., январь, стр. 69.

которомъ говоритъ не одинъ Олеарій, но и русскій хронографъ [1]).

Помимо хронологическихъ недоразумѣній, въ источникахъ о бунтѣ 1648 года оказываются и фактическія противорѣчія. Сопоставленіе русскихъ текстовъ съ текстомъ Олеарія и анонимною Лейденскою брошюрой не разъ ставитъ читателя втупикъ. Большой пожаръ, происшедшій во время смутъ, Олеарій относитъ къ третьему дню народныхъ волненій, анонимная же брошюра—ко второму дню, и это послѣднее подтверждается нѣкоторыми другими документами. Казнь Траханіотова, по Олеарію, происходила ранѣе пожара, въ третій день бунта. Анонимная брошюра передаетъ объ этой казни безъ точнаго указанія времени, но послѣ разсказа о пожарѣ. Согласны съ брошюрой и неопредѣленныя показанія Симона Азарьина. Хронографъ же, не разъ упомянутый нами, точно указываетъ и день—5-го іюня, и даже самый часъ казни Траханіотова. Эта точная дата противорѣчитъ не только Олеарію, но и «Лѣтописи о многихъ мятежахъ», по точному смыслу которой Траханіотовъ былъ казненъ до пожара, «во второй день» безпорядковъ. Не говоримъ о другихъ разностяхъ въ разсказахъ о бунтѣ: значительная часть ихъ отмѣчена К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его примѣчаніяхъ къ переводу голландской брошюры.

Намъ кажется, что повѣствованіе о бунтѣ, случайно встрѣченное нами, разъясняетъ окончательно хронологическія недоразумѣнія, показанныя выше, и до нѣкоторой степени помогаетъ выйти изъ противорѣчій, представляемыхъ прочими источниками. Какъ уже сказано, это повѣствованіе находится въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 70 (изъ собранія графа Ѳ. А. Толстого, отд. II, № 237). Сборникъ составленъ (судя по переплету, въ позднѣйшее время, быть можетъ, для самого графа Толстого) изъ нѣсколькихъ

[1]) *Латкина* Земскіе соборы, стр. 210.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 247.

небольшихъ рукописей, не имѣющихъ одна къ другой ни малѣйшаго отношенія. Рукописи писаны разными почерками, на разной бумагѣ и въ разное время [1]). Послѣдняя по счету рукопись, вошедшая въ этотъ сборникъ (лл. 34—47), есть не что иное, какъ собраніе лѣтописныхъ замѣтокъ, вѣроятно, заключавшихъ собою какой-нибудь обширный лѣтописный трудъ. Замѣтки писаны четкою скорописью второй половины XVII вѣка и посвящены описанію московскихъ событій за время отъ января 1648 до ноября 1653 года. Во всемъ своемъ объемѣ онѣ не представляютъ большого историческаго интереса, приближаясь и литературнымъ стилемъ, и до нѣкоторой степени подборомъ событій къ тому лѣтописному отрывку, какой былъ изданъ княземъ Оболенскимъ въ дополненіяхъ къ его Новому Лѣтописцу [2]). Любопытно только начало замѣтокъ—о

---

[1]) Такой характеръ сборника избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ разборъ всѣхъ его составныхъ частей. Вкратцѣ содержаніе сборника изложено *Калайдовичемъ* и *Строевымъ* въ ихъ извѣстномъ Обстоятельномъ описаніи славяно-россійскихъ рукописей гр. *Ѳ. А. Толстого.* М. 1825, стр. 386—387.

[2]) Новый лѣтописецъ по списку кн. *Оболенскаго*, Приложеніе I.— Кромѣ тѣхъ статей о событіяхъ 1648 года, которыя будутъ приведены ниже цѣликомъ, въ сборникѣ Q. XVII. 70 находимъ слѣдующія замѣтки: 1) л. 38—о смерти царевича Дмитрія Алексѣевича (кратко); 2) л. 38 об.—о дарованіи 25-го декабря 1651 года «его государеву духовнику Благовѣщенскому протопопу» Стефану Вонифатьеву «владелинской шапки»; 3) лл. 38 об.—40—о перенесеніи мощей патріарха Іова (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 8); 4) л. 40—о смерти патріарха Іосифа (кратко); 5) лл. 40—41 об.—о пяти пожарахъ въ Москвѣ 29-го мая—5-го іюня 1652 г. (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 8—9); 6) лл. 41 об.—45—о перенесеніи мощей митр. Филиппа (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 9—10); 7) л. 45—45 об.—объ устроеніи завода, чтобы «лить колоколъ большой»; «а вылитъ колоколъ 162 года ноября въ 5 день» (это—самая поздняя дата въ рукописи); 8) лл. 45 об.—46 об.—объ избраніи и поставленіи Никона на патріаршество и о поднесеніи ему митры (короче, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 10—12); 9) лл. 46 об.—47—объ объявленіи войны Польшѣ (кратко); 10) л. 47—объ отправленіи 9-го октября 1653 г. В. В. Бутурлина «къ пану Богдану

событіяхъ 1648 года. Здѣсь мы находимъ хотя довольно сжатый, но обстоятельный и вполнѣ оригинальный разсказъ о бунтѣ съ такими подробностями, какихъ нѣтъ въ другихъ русскихъ повѣствованіяхъ.

Прежде всего этотъ разсказъ даетъ полную разгадку хронологическихъ недоразумѣній. Относя начало бунта ко 2-му іюня, авторъ нашего памятника объясняетъ, почему именно въ этотъ необычный день состоялся крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, тогда какъ въ другіе годы ходъ совершался раньше—именно 21-го мая [1]). По словамъ автора, церковное торжество было отложено, «потому что было маія 21 число... въ самый праздникъ, въ Троицынъ день». Государь по обычаю былъ въ день Пятидесятницы въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, «а безъ себя государь праздновати Владимерской иконѣ не велѣлъ». Въ Москву царь Алексѣй возвратился только 1-го іюня, и на другой же день совершенъ тотъ крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, съ которымъ связалось начало волненій. Такимъ образомъ, показаніе Олеарія и русскаго хронографа о крестномъ ходѣ въ день бунта находитъ не только подтвержденіе, но и полное объясненіе. Если вспомнимъ, что въ офиціальной выходной книгѣ 7156 (1648) года крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь показанъ также 2-го іюня [2]), то для насъ не останется уже никакихъ сомнѣній относительно того, что народное движеніе въ Москвѣ началось 2-го іюня,—число, котораго, несмотря на многія свидѣтельства, не рѣшились принять С. М. Соловьевъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Что касается до фактическихъ показаній нашего памятника, то оцѣнить ихъ легче всего можно путемъ непосредственнаго знакомства съ изучаемымъ текстомъ. Небольшой объемъ

Хмѣлницкому съ черкасы принять ево и ко кресту привесть» и о посылкѣ В. П. Шереметева во Псковъ «на литовскіе городы».

[1]) Объ учрежденіи крестнаго хода 21-го мая въ лѣтописяхъ сохранились обстоятельныя извѣстія: П. Собр. Р. Лѣт., VI, 254; VIII, 254.

[2]) «Выходы государей царей» и пр. М. 1844, стр. 181—182.

его позволяетъ привести здѣсь цѣликомъ начало памятника— три первыя его статьи, касающіяся событій 1648 года. Пробѣгая эти статьи, читатель увидитъ какъ литературныя особенности изучаемаго лѣтописца, такъ и богатство его фактическихъ данныхъ въ сравненіи съ прочими русскими повѣствованіями о бунтѣ, а также и полное соотвѣтствіе хронологическихъ показаній нашего текста съ показаніями помянутаго уже хронографа и другихъ русскихъ источниковъ. Подстрочныя примѣчанія къ тексту, отмѣчая параллельныя мѣста прочихъ документовъ, имѣютъ цѣлью облегчить для читателя сопоставленіе данныхъ разныхъ источниковъ для исторіи бунта.

Разсказъ о происшествіяхъ 1648 года въ нашемъ документѣ дословно таковъ:

(л. 34) «156 (1648)-го году генваря въ 16 день совокупился государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи съ благовѣрною царицею и великою княгинею Марьею Ильиничною. А радость у него государя была въ седмомъ часу дни. А пришелъ государь царь и съ царицею въ соборъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни вѣнчаніе было. А во дни было часовъ 8. А взялъ онъ государь царицу Ильину дочь Даниилова сына Милославсково и ему Ильѣ пожаловалъ государь царь на своей царьской радости окольничество».

«156 (1648)-го іюня въ 2 день праздновали Срѣтенію чюдотворныя иконы Владимерскія, (л. 34 об.) потому что было маія 21 число царя Констянтина и матери его Елены въ самый праздникъ въ Троицынъ день. А государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи былъ втѣпоры у праздника у живоначальные Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ и съ царицею, а безъ себя государь праздновати Владимерской иконѣ не велѣлъ, а отъ Троицы государь пришелъ іюня въ 1 день. И на праздникъ Срѣтенія чюдотворныя иконы Владимерскіе было смятеніе въ мірѣ, били челомъ всею землею государю на земсково судью на Левонтья Степанова сына Плещѣева, что отъ нево въ міру стала великая налога и во вся-

кихъ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ по ево (л. 35) Левонтьеву наученью отъ воровскихъ людей напрасные оговоры [1]). И государь царь того дни всей землѣ ево Левонтья не выдалъ».

«И того жъ дни возмутились міромъ на ево Левонтьевыхъ заступниковъ, на боярина и государева царева дятку на Бориса Иванова сына Морозова, да на окольничево на Петра Тиханова сына Трахаліотова, да на думново дьяка на Назарья Иванова сына Чистово и иныхъ многихъ единомысленниковъ ихъ, и домы ихъ міромъ розбили и розграбили. И самово думново дьяка Назарья Чистого у нево въ дому до смерти прибили» [2]).

«И іюня въ 3 день, видя государь царь такое въ міру (л. 35 об.) великое смятеніе, велѣлъ ево Земсково судью Левонтья Плещѣева всей землѣ выдать головою, и его Левонтья міромъ на Пожарѣ прибили ослопьемъ [3]). И учели міромъ просити и заступниковъ ево единомысленниковъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова. И государь царь высылалъ на Лобное мѣсто съ образомъ чюдотворныя иконы Владимерскія патріарха Іосифа Московскаго и всеа Русіи, и съ нимъ митрополитъ Серапіонъ Сарскій и Подонскій, и архіепископъ Серапіонъ Суждальскій [4]), и архимандриты, и игумены, и весь

---

[1]) Подобное же обвиненіе противъ Плещеева встрѣчается у *Олеарія* (по изд. 1656 г. стр. 253; въ переводѣ *Барсова* стр. 268).

[2]) О грабежахъ и смерти Чистаго подъ тѣмъ же числомъ 2-го іюня говорится въ Лѣт. о мн. мят. (изд. 2-е, стр. 358) и въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 247). *Олеарій* (по изд. 1656 г. стр. 255—256; въ переводѣ стр. 271—273) и Лейденская брошюра (*Ист. Вѣстн.*, стр. 69—70) обстоятельно и довольно согласно описываютъ убійство Чистаго и грабежи.

[3]) О казни Плещеева 3-го іюня говорится въ Лѣт. о мн. мят. (изд. 2-е, стр. 358), въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 247—248), въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6) и въ Лейденской брошюрѣ (стр. 71). *Олеарій* даетъ наиболѣе подробное описаніе смерти Плещеева (по изд. 1656 г. стр. 257—258; въ переводѣ стр. 275).

[4]) Серапіонъ, архимандритъ Владиміро-Рождественскій, былъ митрополитомъ Сарскимъ въ 1637—1653 гг. Серапіонъ, игуменъ Тольгскій, былъ архіепископомъ Суздальскимъ въ 1634—1653 гг. (*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 1035 и 662; 656 и 344).

чинъ священный. Да съ ними жъ государь посылалъ своего царьскаго сигклиту боляръ своихъ: своего государева дядю болярина Никиту Ивановича Романова, (л. 36) да болярина князя Дмитрея Мамстрюковича Черкасково, да болярина князя Михаила Петровича Пронсково [1]), и съ ними много дворянъ,— чтобъ міромъ утолилися. А заступниковъ Левонтьевыхъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова указалъ де государь съ Москвы разослать, гдѣ де вамъ міряномъ годно, и впредь де имъ Борису Морозову и Петру Траханіотову до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлъ ни въ какихъ приказѣхъ не бывать. И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался, и міромъ и всею землею положили на ево государьскую волю» [2]).

«И того жъ дни тѣ прежреченные Борисъ Морозовъ и Петръ (л. 36 об.) Траханіотовъ наученіемъ дьявольскимъ разослали людей своихъ по всей Москвѣ, велѣли всю Москву выжечь. И онѣ люди ихъ большую половину Московского государства выжгли: отъ рѣки Неглинны Бѣлой городъ до Чертольскіе стѣны каменново Бѣлово города, и Житной рядъ и

---

[1]) Объ этихъ боярахъ см. Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XX, 102, 103, 105.

[2]) Объ этой бесѣдѣ царскихъ посланныхъ съ народомъ говорятъ одни иностранцы. *Олеарій* упоминаетъ одного только Н. И. Романова и разсказываетъ, что народъ черезъ Романова просилъ у царя выдачи Морозова, Траханіотова и Плещеева; казнь Плещеева и была будто бы слѣдствіемъ этой просьбы народа (въ изд. 1656 г. стр. 257; въ переводѣ стр. 274). Но мы имѣли уже случай замѣтить, что Олеарій путалъ порядокъ событій. Лейденская брошюра, вообще точнѣе Олеарія передающая факты, разсказываетъ (стр. 71), что самъ царь вышелъ къ народу и просилъ его подождать и не требовать смерти Морозова и Траханіотова въ теченіе двухъ дней. Показанія брошюры о смыслѣ происходившихъ переговоровъ довольно сходны съ нашимъ памятникомъ. Но русскій писатель, почтительно относясь къ особѣ царя Алексѣя, не говоритъ, что государь лично бесѣдовалъ съ народомъ. Однако слова: «и на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался» и т. д.,—заставляютъ думать, что царь Алексѣй принималъ очень близкое участіе въ переговорахъ съ толпою, и что голландская брошюра, быть можетъ, права въ своемъ показаніи.

Мучной и Солодяной, и отъ тово въ міру сталъ всякой хлѣбъ дорогъ; а позади Бѣлова города отъ Тверскихъ воротъ по Москву рѣку да до Землянова города [1]). И многихъ людей ихъ зажигальщиковъ переимали и къ государю царю для ихъ измѣнничья обличенья приводили, а иныхъ до смерти побивали» [2]).

«И іюня въ 4 день міромъ и всею землею опять за ихъ великую измѣну и за пожегъ возмутились (л. 37) и учели ихъ измѣнниковъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова у государя царя просить головою [3]). А государь царь тое ночи іюня противъ 4 числа послалъ Петра Траханіотова въ ссылку на Устюгъ Желѣзной воеводою [4]). И видя государь царь во всей землѣ великое смятеніе, а ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду, послалъ отъ своего царьскаго лица окольничево своего князь Семена Романовича Пожарсково, а съ нимъ 50 человѣкъ московскихъ стрѣльцовъ, велѣвъ тово Петра Траханіотова на дорогѣ сугнать и привесть къ себѣ государю къ Москвѣ. И окольничей князь Семенъ Романовичъ Пожарской сугналъ ево Петра на дорогѣ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ и привезъ ево къ Москвѣ связана іюня въ 5 день [5]). И государь царь велѣлъ ево (л. 37 об.) Петра Траханіотова

---

[1]) О размѣрахъ пожарища—въ Псков. лѣт. (стр. 340), въ Лѣт. о мн. мят. (стр. 358), въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 248), въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6), въ Дворц. Разр. (III, 93—94) и у *Олеарія* (въ изд. 1656 г. стр. 258; въ переводѣ стр. 276).

[2]) Извѣстіе нашего текста о поджогахъ сходится съ разсказомъ Лейденской брошюры (стр. 72). Очевидно, оба документа передаютъ дѣйствительно существовавшее убѣжденіе народной массы въ томъ, что поджигали Москву «измѣнники» бояре.

[3]) Нашъ текстъ приводитъ совершенно тотъ же мотивъ новаго возмущенія 4-го іюня, какъ и Лейденская брошюра (стр. 72).

[4]) Трудно сказать, что слѣдуетъ разумѣть здѣсь: Устюгъ ли Великій, или Устюжну Желѣзопольскую. Замѣчаніе *Симона Азарьина*, что Траханіотовъ бѣжалъ изъ Москвы «Ярославскою дорогою»,—не рѣшаетъ дѣла (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 125).

[5]) О поимкѣ Траханіотова, кромѣ *Симона Азарьина*, говоритъ *Олеарій* (въ изд. 1656 г. стр. 258; въ переводѣ стр. 275). Дата 5-го іюня вполнѣ сходится съ показаніемъ хронографа (Изборникъ, стр. 248).

за ту ихъ измѣну и за московской пожегъ передъ міромъ казнить на Пожарѣ [1]). А тово Бориса Морозова государь царь у міру упросилъ, что ево сослать съ Москвы въ Кириловъ монастырь на Бѣлоозеро, а за то ево не казнить, что онъ государя царя дятка, вскормилъ ево государя. А впредь ему Борису на Москвѣ не бывать и всѣмъ роду ево Морозовымъ нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ не бывать и владѣть ничѣмъ не велѣлъ. На томъ міромъ и всею землею государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися [2]). А стрѣльцовъ и всякихъ служивыхъ людей государь царь пожаловалъ, велѣлъ имъ свое государево жалованье давать денежное и хлѣбное вдвое. А которые погорѣли, и тѣмъ государь жаловалъ на дворовое строенье (л. 38) по своему государеву разсмотрѣнью. А дятку своево Бориса Морозова іюня въ 12 день сослалъ въ Кириловъ монастырь подъ началъ» [3]).

«157 (1648)-го октября противъ 22 числа въ ночи родился государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи сынъ, благовѣрный царевичъ Дмитрей Алексѣевичъ, на самый праздникъ Явленія чюдотворныя иконы Казанскія. И

---

[1]) Нашъ текстъ указываетъ, что Траханіотова казнили «на Пожарѣ»; то же находимъ въ Псков. лѣт. (стр. 340), въ Лѣт. о мн. мят. (стр. 358) и въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6). *Симонъ Азарьинъ* говоритъ иначе: «на Земскомъ дворѣ отъ черныхъ людей убіенъ бысть» (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 125).

[2]) По прямому смыслу этого мѣста выходитъ, что царь говорилъ съ народомъ о Морозовѣ лично и въ тотъ же день, 4-го іюня, когда рѣшился выдать Траханіотова. Такъ представляетъ дѣло и Лейденская брошюра (стр. 72). *Олеарій* же разсказываетъ, что государь лично вступился за Морозова уже тогда, когда мятежъ совсѣмъ утихъ (въ изд. 1656 г. стр. 259—260; въ переводѣ стр. 277—279).

[3]) Это извѣстіе съ тою же датой читаемъ въ Лейденской брошюрѣ (стр. 73: «12-го іюня часа за два до разсвѣта») и въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6: «іюня же въ 12 день, за часъ до дни»). Въ брошюрѣ разсказано, что высылка Морозова послѣдовала по причинѣ новаго волненія народа. На то же могутъ намекать и слова *Оболенскаго*, что Морозова сослали «по ихъ же черныхъ людей челобитью».

для тое радости государь пожаловалъ дятку своево Бориса Морозова опять къ Москвѣ».

Таковы замѣтки нашего текста о московскихъ волненіяхъ 1648 года. Значеніе этихъ замѣтокъ, прежде всего, въ томъ, что съ помощью ихъ мы можемъ лучше оцѣнить пространные разсказы современниковъ бунта иностранцевъ: теперь легко опредѣлить ошибки Олеарія и степень точности свѣдѣній, переданныхъ неизвѣстнымъ голландцемъ на его родину. Новый русскій текстъ, вмѣстѣ съ извѣстными ранѣе краткими записями русскихъ людей, даетъ для исторіи бунта матеріалъ, безъ сомнѣнія, болѣе прочный, чѣмъ показанія чуждыхъ русской жизни иноземцевъ, какъ бы правдивы ни были въ данномъ случаѣ ихъ разсказы. И поддаваясь теперь критической провѣркѣ на основаніи русскихъ данныхъ, эти иноземные разсказы сами пріобрѣтаютъ бо́льшую опредѣленность и цѣнность въ глазахъ изслѣдователя. Съ другой стороны, помимо своей фактической полноты, новый текстъ любопытенъ еще и тѣмъ, что сохранилъ намъ очень яркое отраженіе взглядовъ и чувствъ москвича-современника бунта, не умѣвшаго справиться со своими впечатлѣніями. Авторъ замѣтокъ о бунтѣ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія бунтовщиковъ. Тогда какъ другіе русскіе писатели зовутъ ихъ «мятежниками», «черными людьми», иногда «земскими людьми»,—онъ называетъ ихъ «міромъ» и «всею землею». Эти названія, слишкомъ почетныя для московской толпы, указываютъ, что авторъ замѣтокъ считалъ поведеніе и притязанія москвичей дѣломъ вполнѣ правымъ и законнымъ. Бояре, пострадавшіе въ бунтѣ, въ глазахъ автора—«измѣнники», а нѣкоторые даже и поджигатели. Онъ безъ всякаго сожалѣнія говоритъ о погибели ихъ, какъ о достойной карѣ за «ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду». Онъ еще настолько подавленъ впечатлѣніями отъ происшедшаго, что не считаетъ нужнымъ скрывать уступокъ, сдѣланныхъ толпѣ молодымъ и мягкимъ царемъ Алексѣемъ: другіе русскіе лѣтописатели ни слова не говорятъ о томъ, что государь «къ Спа-

сову образу прикладывался», и что онъ Морозова «у міру упросилъ». Всѣ эти черты разбираемаго разсказа, обнаруживая одностороннее отношеніе автора къ событіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что авторъ вполнѣ искренно, безъ предвзятыхъ соображеній и внѣшнихъ стѣсненій, передавалъ свои воспоминанія о бунтѣ. Это усиливаетъ интересъ памятника и служитъ въ то же время ручательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ очевидцемъ, записавшимъ факты вскорѣ послѣ того, какъ они произошли,—вѣроятно, даже раньше, чѣмъ совершилось возвращеніе Морозова въ Москву. Объ этомъ возвращеніи въ памятникѣ повѣствуется уже совершенно инымъ, спокойнымъ тономъ.

О НАЧАЛѢ МОСКВЫ [1]).

(1890).

Члены послѣдняго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ съ удовольствіемъ, конечно, выслушали докладъ маститаго историка И. Е. Забѣлина «О первоначальномъ поселеніи Москвы». Отыскивая кругомъ Москвы мѣста, гдѣ скорѣе всего могъ бы завязаться узелъ народно-хозяйственной дѣятельности, г. Забѣлинъ очень мѣтко предположилъ, что такихъ мѣстъ слѣдуетъ искать на рѣчныхъ путяхъ, шедшихъ черезъ Москву или вблизи отъ нея. Еще покойный Н. П. Барсовъ, говоря о рѣкѣ Москвѣ, замѣтилъ, что «въ область Клязьмы шли отъ нея (Москвы-рѣки) пути, вѣроятно, по р. Сходнѣ... и по Яузѣ» [2]). Отъ той же самой мысли отправился въ своихъ изысканіяхъ и г. Забѣлинъ. Изслѣдуя съ археологической стороны берега Сходни, онъ нашелъ на нихъ слѣды поселеній, указывающихъ на существованіе здѣсь «волока» между Сходней и Клязьмой. Существованіе на Яузѣ поселковъ съ именемъ «Мытищъ» (отъ пошлины «мыта») и нѣкоторыя другія соображенія привели изслѣдователя къ заключенію, что подобный волокъ былъ и на Яузѣ. Устья Сходни и Яузы, поэтому, сочтены были г. Забѣлинымъ за искомыя имъ мѣста первоначальныхъ поселеній въ окрест-

---

[1]) Замѣтка по поводу доклада И. Е. Забѣлина на VIII-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ.

[2]) «Очерки р. историч. географіи», стр. 30.

ностяхъ нынѣшней Москвы. Населеніе осѣло здѣсь благодаря волокамъ, служившимъ для торговаго движенія. Естественно, что тотъ княжескій дворъ, въ которомъ встрѣтились, въ 1147 году, князья Юрій и Святославъ, скоро—именно въ 1156 году—превратился въ укрѣпленный городъ: отсюда князь съ удобствомъ могъ наложить свою руку на торговые пути и извлекать изъ нихъ свои выгоды.

Боимся, что въ частностяхъ мы неточно передали мысли И. Е. Забѣлина (мы воспроизводимъ ихъ по личнымъ воспоминаніямъ); но думаемъ, что правильно поняли ту его мысль, которая вызвала эту замѣтку. Г. Забѣлинъ склоненъ предполагать, что историческій городъ Москва возникъ благодаря условіямъ экономическаго характера. Создали его торговое движеніе по рѣчнымъ путямъ и желаніе князя наблюдать за нимъ.

Трудно спорить противъ этого вывода, разъ онъ построенъ на данныхъ археологіи и исторической географіи. И того, и другого рода данныя больше, чѣмъ всякій иной матеріалъ, даютъ изслѣдователю-историку лишь то, что умѣетъ взять его личная проницательность. Но кромѣ нихъ есть о первоначальной Москвѣ и рядъ лѣтописныхъ извѣстій, изъ которыхъ г. Забѣлинъ въ своемъ докладѣ воспользовался лишь двумя. Если оставаться въ сферѣ однихъ этихъ лѣтописныхъ сообщеній и въ нихъ искать отвѣта на вопросъ о началѣ Москвы-города, то можно придти къ опредѣленному впечатлѣнію (не скажемъ—выводу), и оно не будетъ согласоваться съ выводами г. Забѣлина.

Прежде всего остановимся на извѣстіяхъ лѣтописей о Москвѣ подъ 1147 и 1156 гг. Они общеизвѣстны. Первое изъ нихъ, описывая свиданіе и обѣдъ князей въ Москвѣ, не называетъ при этомъ Москву *городомъ*[1]). Поэтому, съ полнымъ правомъ г. Забѣлинъ въ разборѣ этого извѣстія разу-

[1]) П. С. Р. Л. II, 29 (мы предпочитаемъ старое изданіе Ипатьевской лѣтописи новому).

мѣстъ подъ словомъ «Московъ»—княжескую вотчину, дворъ, а не городъ. Для поясненія того, что̀ представляла собою тогда Москва, какъ княжескій дворъ, г. Забѣлинъ въ докладѣ Съѣзду приводилъ извѣстное описаніе «Игорева сельца» и «двора Святославля» [1]). Можно догадаться, что̀ заставило г. Забѣлина высказаться именно такъ. Онъ вѣритъ буквальному смыслу извѣстія такъ называемой Тверской лѣтописи о построеніи Москвы-*города* въ 1156 году [2]). Извѣстіе это таково: «Того же лѣта (6664) князь великій Юрій Володимеричь заложи градъ Москву на устнике Неглинны выше рѣки Аузы» [3]). Прямой смыслъ этихъ словъ, дѣйствительно, говоритъ, что городъ Москва былъ основанъ на девять лѣтъ позже княжескаго «обѣда» въ Москвѣ-вотчинѣ. Но этому не всѣ вѣрятъ: г. Иловайскій, напримѣръ, думаетъ, что «послѣднее извѣстіе можетъ быть истолковано въ смыслѣ расширенія или обновленія городскихъ стѣнъ» [4]). Мы же думаемъ, что истолковать и объяснить послѣднее извѣстіе очень трудно. Во-первыхъ, оно дошло до насъ въ позднемъ (XVI вѣка) лѣтописномъ сборникѣ, авторъ котораго имѣлъ обычай измѣнять литературную форму своихъ болѣе старыхъ источниковъ. Нельзя, поэтому, быть увѣреннымъ въ томъ, что и въ данномъ случаѣ составитель сборника не измѣнилъ первоначальной формы разбираемаго извѣстія: его редакція отличается большою обстоятельностью и точностью топографическихъ указаній, что намекаетъ на ея позднее происхожденіе (это уже высказалъ г. Забѣлину на засѣданіи съѣзда П. Н. Милюковъ). Такимъ образомъ, уже общія свойства источника заставляютъ заподозрить доброкачественность

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 26—27.—Намекъ на то, что въ 1147 году Москва не была еще городомъ, находится и въ статьѣ г. Забѣлина: «Исторія и древности Москвы» («Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», II, стр. 129, 135).

[2]) «Опыты изученія р. древн. и ист.», стр. 128, 135.

[3]) П. С. Р. Л. XV, 225.

[4]) «Исторія Россіи», II, 531.

его сообщенія. Во-вторыхъ, авторъ Тверской лѣтописи, заявивъ объ основаніи Москвы въ 1156 году, самъ повѣствуетъ «о Москвѣ» ранѣе: онъ сокращаетъ извѣстіе Ипатьевской лѣтописи о свиданіи князей въ Москвѣ въ 1147 году и ничѣмъ не оговариваетъ возникающаго противорѣчія, не объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ его Москвой 1147 года [1]). Это прямо приводитъ къ мысли, что авторъ въ данномъ случаѣ или плохо самъ понималъ свой разнорѣчивый матеріалъ, или же въ извѣстіи о построеніи города Москвы хотѣлъ сказать не совсѣмъ то, что можно прочесть у него по первому впечатлѣнію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обязательна особенная осторожность при пользованіи даннымъ извѣстіемъ. Въ-третьихъ, наконецъ, сопоставленіе извѣстія съ текстами другихъ лѣтописей убѣждаетъ, что авторъ Тверского сборника заставилъ князя Юрія «заложить градъ Москву» въ то время, когда этотъ князь окончательно перешелъ на югъ и когда вся семья его уже переѣхала изъ Суздаля въ Кіевъ черезъ Смоленскъ [2]). По всѣмъ этимъ соображеніямъ невозможно, намъ кажется, ни принять извѣстія на вѣру цѣликомъ, ни внести въ него какія-либо поправки.

Такъ, изъ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстій о Москвѣ, одно настолько неопредѣленно, что само по себѣ не доказываетъ существованія *города* Москвы въ 1147 году, а другое, хотя и очень опредѣленно, но не можетъ быть принято за доказательство того, что *городъ* Москва былъ основанъ въ 1156 году. Поэтому, трудно раздѣлять тотъ взглядъ, что время возникновенія Москвы-города намъ точно извѣстно. Правильнѣе въ этомъ дѣлѣ опираться на иныя свидѣтельства, съ помощью которыхъ можно достовѣрно указать существованіе Москвы только въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка [3]). При описаніи со-

[1]) П. С. Р. Л. XV, 208.

[2]) П. С. Р. Л. II, 78—81; I, 148—149.

[3]) Мы не считаемъ возможнымъ опираться на извѣстія о существованіи Москвы въ первой половинѣ XII вѣка, подобныя извѣстіямъ

бытій, послѣдовавшихъ въ Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбскаго, лѣтописи впервые говорятъ о Москвѣ, какъ городѣ, и о «Москьвлянахъ», какъ ея жителяхъ. Ипатьевская лѣтопись подъ 1176 (6684) г. разсказываетъ, что больной князь Михалко, направляясь съ юга въ Суздальскую Русь, былъ принесенъ на носилкахъ «до Куцкова (въ другихъ спискахъ: до Кучкова), рекше до Москвы»; тамъ онъ узналъ о приближеніи своего врага Ярополка и поспѣшилъ во Владиміръ «изъ Москьвѣ» въ сопровожденіи Москвичей. «Москьвляни же,—продолжаетъ лѣтописецъ, —слышавше, оже идетъ на нѣ Ярополкъ, и възвратишася въспять, блюдуче домовъ своихъ» [1]. Въ слѣдующемъ 1177 (6685) г. лѣтопись прямо называетъ Москву городомъ въ разсказѣ о нападеніи Глѣба Рязанскаго на князя Всеволода: «Глѣбъ же на ту осень приѣха на Московь (въ другихъ спискахъ: Москву) и пожже городъ весь и села (въ другихъ спискахъ: пожже Москву всю и городъ)» [2]. Эти извѣстія, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ существованіи города Москвы, въ то же время даютъ одинъ любопытный намекъ. Въ нихъ еще не установлено однообразное наименованіе города:—городъ называется то—«Московь», то—«Кучково», то—«Москва»; не доказываетъ ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? Имѣя это въ виду, возможно и не связывать возникновенія Москвы непремѣнно съ именемъ князя Юрія. Легенды о началѣ Москвы, собранныя Карамзинымъ, не уничтожаютъ такой возможности:

Густынской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 298—299) и Пролога (подъ 12-е февраля въ словѣ о Алексіѣ митрополитѣ). Въ этихъ извѣстіяхъ, какъ уже не разъ замѣчено, подъ Москвою разумѣется вся сѣверовосточная Русь.

[1]) П. С. Р. Л. II, 118. Въ Лаврентьевской лѣтописи (по изд. 1872 года стр. 356) короче.—И годомъ раньше лѣтописи поминаютъ городъ Москву, но не поясняя, что это за пунктъ (П. С. Р. Л. II, 116 — Лаврент. лѣтоп., стр. 353).

[2]) Лавр. лѣт., стр. 363.

по нашему мнѣнію, ихъ нельзя эксплоатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событій XII вѣка [1]).

Такъ, оставаясь въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ, мы приходимъ къ мысли о томъ, что фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже въ серединѣ XII вѣка не можетъ считаться прочно установленнымъ. Съ другой стороны, и торговое значеніе Москвы въ первую пору ея существованія не выясняется текстомъ лѣтописей. Если вдуматься въ извѣстія лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы, если только можно такъ выразиться. Нѣтъ сомнѣнія, что Москва была самымъ южнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Суздальско-Владимірскаго княжества. Съ юга, изъ Черниговскаго княжества, дорога во Владиміръ шла черезъ Москву, и именно Москва была первымъ городомъ, который встрѣчали приходцы въ Суздальской Руси. Когда по смерти Боголюбскаго князья Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ пошли на сѣверъ изъ Чернигова, именно въ Москвѣ, на границахъ княженія Андрея Боголюбскаго, встрѣтили ихъ Ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, котораго не желали пускать внутрь княжества, они указали: «пожди мало на Москвѣ». Ярополкъ отправился «к дружинѣ Переяславлю», а Михалко, не слушая Ростовцевъ, поѣхалъ во Владиміръ [2]). Москва здѣсь рисуется, какъ перекрестокъ, отъ котораго можно было держать путь и въ Ростовъ, на сѣверъ, и во Владиміръ, на сѣверо-востокъ. Внутренніе пути Суздальской Руси сходились въ Москвѣ въ одинъ путь, шедшій на югъ, въ Черниговскую землю. Черезъ годъ Михалко, выбитый изъ Владиміра, опять идетъ изъ Чернигова на сѣверъ по зову Владимірцевъ. На встрѣчу ему выходятъ и Владимірцы, его

[1]) Попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи И. Д. Бѣляевымъ, не можетъ считаться удачной (см. его статью: «Сказанія о началѣ Москвы» въ «Русск. Вѣстн.» 1868 г., № 3).

[2]) Лавр. лѣт., стр. 353—354.

друзья, и племянникъ Ярополкъ—его врагъ. Первые хотятъ его встрѣтить и охранить, второй—желаетъ не допустить его въ занятую Ростиславичами землю. При разныхъ цѣляхъ враги спѣшатъ въ одинъ и тотъ же пунктъ—въ Москву. Очевидно, въ данномъ случаѣ встрѣчать Михалка всего удобнѣе было на границѣ княжества, съ какой бы цѣлью его ни встрѣчали [1]). Когда, наконецъ, Михалко и братъ его Всеволодъ укрѣпились прочно во Владимірѣ, князь Черниговскій, Святославъ Всеволодовичъ, отправилъ къ нимъ ихъ женъ, «приставя къ нимъ сына своего Олга проводити ѣ до Москвѣ». Проводивъ княгинь, Олегъ вернулся «во свою волость въ Лопасну» [2]). Здѣсь опять не требуетъ доказательствъ пограничное положеніе Москвы: княгинь проводили до перваго пункта владѣній ихъ мужей. Всѣ приведенныя указанія относятся къ 1175—1176 гг. Не менѣе любопытенъ и позднѣйшій фактъ. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, затѣявъ въ 1207 (6715) г. походъ на югъ, на Ольговичей («хочю поити к Чернигову»,—говоритъ онъ), послалъ въ Новгородъ, требуя, чтобы сынъ его Константинъ съ войсками пришелъ оттуда на соединеніе съ нимъ. Константинъ послушался и «дождася отца на Москвѣ». «На Москву» пришелъ и самъ Всеволодъ и, соединясь тамъ со своими сыновьями, «поиде съ Москвы... и придоша до Окы», которая была тогда внѣ предѣловъ Суздальскаго княжества [3]). Въ этомъ случаѣ Москва ясно представляется послѣднимъ, самымъ южнымъ городомъ во владѣніяхъ Всеволода, откуда князь прямо вступаетъ въ чужую землю, во владѣнія Черниговскихъ князей. Пограничное положеніе Москвы естественно должно было обратить ее на этотъ разъ въ сборное мѣсто дружинъ Всеволода, въ операціонный базисъ предпринятаго похода.

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 356.—П. С. Р. Л. II, 118.
[2]) П. С. Р. Л. II, 118.
[3]) Лавр. лѣт., стр. 408—409.

Но не только по отношенію къ Черниговской землѣ Москва играла роль пограничнаго города: съ тѣмъ же самымъ значеніемъ являлась она иногда и въ отношеніяхъ Суздальской и Рязанской земель. Въ 1177 (6685) г. князь Рязанскій Глѣбъ, нападая на владѣнія Всеволода, обратился именно на Москву, какъ это указано выше. То же повторилось и въ 1208 (6716) году: Рязанскіе князья «начаста воевати волость Всеволожю великаго князя около Москвы» [1]). Москва по отношенію къ Рязани представляется намъ первымъ доступнымъ для Рязанцевъ пунктомъ Суздальской земли, къ которому у нихъ былъ удобный путь по Москвѣ-рѣкѣ (Этимъ путемъ такъ или иначе воспользовались и татары Батыя, пришедшіе изъ Рязанской земли, отъ Коломны, прежде всего къ Москвѣ).

Итакъ, слѣдя по лѣтописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ея имя въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи. Москва — пунктъ, въ которомъ встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга. Москва — пунктъ, на который прежде всего нападаютъ враги Суздальско-Владимірскихъ князей. Москва, наконецъ,—исходный пунктъ военныхъ операцій Суздальско-Владимірскаго князя, сборное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ юга. Къ Москвѣ, поэтому, смѣло можно примѣнить указаніе, сдѣланное Н. П. Барсовымъ относительно Владиміра на Клязьмѣ. По словамъ Барсова, онъ былъ построенъ «едва ли не въ видахъ огражденія Суздальско-Ростовской земли со стороны Черниговскаго порубежья». Эта же самая цѣль обороны съ юга преслѣдовалась, вѣроятно, и построеніемъ города Москвы. По крайней мѣрѣ, объ этомъ скорѣе всего позволяетъ говорить письменный матеріалъ.

---

1) Лавр. лѣт., стр. 413.

*

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ГОРОДА XVI ВѢКА [1].

(1890).

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Минист. Народн. Просвѣщенія* за 1890 годъ о трудѣ г. Чечулина уже былъ данъ отчетъ П. Ѳ. Симсономъ. Г. Симсонъ съ большою обстоятельностью остановился на многихъ книгахъ г. Чечулина, отмѣтилъ нѣкоторыя методологическія несовершенства изслѣдованія и указалъ на то, что авторъ не всегда былъ внимателенъ къ литературѣ изучаемаго имъ вопроса. За всѣмъ тѣмъ остается возможность, не повторяя сказаннаго г. Симсономъ, дать общую характеристику любопытной книги г. Чечулина и на основаніи этой характеристики указать на происхожденіе и достоинствъ, и недостатковъ его труда.

Первое же знакомство съ книгою г. Чечулина обнаруживаетъ тотъ путь, какимъ шло въ данномъ случаѣ ученое изслѣдованіе. Авторъ, желая изучить положеніе городовъ Московскаго государства «главнымъ образомъ, какъ крупныхъ бытовыхъ единицъ, какъ культурныхъ центровъ» (стр. 9),—убѣдился, что въ основу такого изученія слѣдуетъ положить такъ называемыя «писцовыя книги» въ широкомъ смыслѣ этого термина. Писцовыхъ книгъ о городахъ XVI вѣка почти не

---

[1]) Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Изслѣдованіе *Н. Д. Чечулина.* С.-Пб. 1889.

сохранилось и, наоборотъ, писцовыхъ книгъ о городахъ XVI и XVII вѣковъ дошло до насъ такъ много, что обработка ихъ силами одного человѣка требовала десятка, если не десятковъ лѣтъ. Съ полнымъ основаніемъ соображая, что смута на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ много измѣнила въ экономической жизни всего государства и городовъ въ частности, г. Чечулинъ счелъ возможнымъ ограничить взятый для изученія матеріалъ однимъ XVI вѣкомъ. Онъ собралъ дошедшія до насъ описанія сорока приблизительно городовъ XVI в. и извлекъ изъ этихъ описаній все то, что могло служить матеріаломъ для возстановленія культурно-хозяйственнаго быта великорусскаго города въ XVI в. Въ дополненіе къ богатымъ свѣдѣніямъ основнаго источника г. Чечулинъ выбралъ всѣ необходимыя для него данныя изъ печатныхъ матеріаловъ иного рода, изъ актовъ и грамотъ XVI в. Въ рукахъ у автора оказался такимъ образомъ большой запасъ свѣдѣній о тѣхъ населенныхъ пунктахъ, которые назывались «городами» въ XVI вѣкѣ, и авторъ полагалъ, что «возможно изучать во всей подробности положеніе всѣхъ тѣхъ поселеній, которыя *тогда* носили названіе городовъ, и *только ихъ*» (стр. 9). Иная постановка изученія, какая была принята покойнымъ Ильинскимъ [1]), казалась г. Чечулину не совсѣмъ правильною. Ильинскій вводилъ въ кругъ своего изслѣдованія не только то, что носило имя «города», но и всѣ поселки «съ городскимъ характеромъ экономической дѣятельности», какъ бы они ни назывались. Г. Чечулинъ увѣренъ, будто пріемъ Ильинскаго «предрѣшаетъ» то положеніе, что «по своимъ занятіямъ жители городовъ и тогда отличались отъ жителей селъ и деревень». Самъ же г. Чечулинъ думаетъ, что это положеніе слѣдуетъ еще доказать: «Мы (говоритъ онъ) еще будемъ изучать во всей подробности, пожалуй, во всѣхъ мелочахъ, составъ, занятія, повинности и другія экономиче-

---

[1]) «Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ»— *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 г., іюнь, стр. 210—214.

скія отношенія городскихъ жителей, чтобы уже послѣ этого сказать, какое же было преобладающее занятіе жителей города, и различались или нѣтъ между собой городъ и деревня, и если различались, то какія особенности города и въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какія присущи были городамъ особыя черты» (стр. 9). Сообразно съ такимъ пониманіемъ задачи, авторъ и расположилъ матеріалъ въ своей книгѣ. Посвящая вступительную главу книги общей характеристикѣ своего матеріала и своихъ пріемовъ изслѣдованія, г. Чечулинъ прямо заявляетъ читателю: «Наше изслѣдованіе есть, главнымъ образомъ, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами: въ зависимости отъ этого нѣкоторые вопросы... будутъ нами разобраны весьма подробно, другіе... менѣе подробно» (стр. 12). Историческимъ матеріаломъ иного рода г. Чечулину «приходилось вообще пользоваться гораздо менѣе». И исторію изучаемыхъ городовъ въ XVI в. г. Чечулинъ считалъ лишнимъ излагать въ своей книгѣ, потому что, какъ онъ выражается, «невозможно представить очеркъ городовъ въ предшествовавшее время, который бы разъяснилъ намъ приблизительно тѣ же вопросы и отношенія, изслѣдованіемъ которыхъ въ XVI в. мы занимались» (стр. 12). Но и изслѣдованіе «вопросовъ и отношеній» XVI вѣка авторъ намѣренъ былъ вести не всегда полно. На стр. 11 онъ указываетъ рядъ темъ, которыхъ онъ касался лишь постольку, поскольку онѣ имѣли отношеніе къ исторіи собственно города: такъ, напримѣръ, положеніе въ городѣ нетяглыхъ общественныхъ классовъ авторомъ оставлено безъ полнаго освѣщенія; въ сторонѣ оставленъ и вовсе не разъясненъ вопросъ о внѣгородскомъ землевладѣніи тяглыхъ горожанъ,—все это, конечно, потому, что основной матеріалъ автора не давалъ возможности освѣтить эти темы. Такимъ образомъ знакомство со введеніемъ къ книгѣ показываетъ читателю, что онъ можетъ ожидать отъ изслѣдованія г. Чечулина только систематизаціи данныхъ писцовыхъ книгъ о городахъ, иначе говоря, работы

въ кругѣ только одного сорта матеріала. Такая работа и производится авторомъ по городамъ. Въ I-й главѣ онъ даетъ очеркъ Новгородскихъ пригородовъ; во II-й главѣ описываетъ города Торопецъ и Устюжну; въ III-й—псковскіе пригороды; въ IV-й онъ собираетъ данныя о торгѣ во Псковѣ (другихъ данныхъ объ этомъ городѣ у автора нѣтъ). Въ V-й главѣ авторъ ведетъ читателя въ центральныя области Московскаго государства и знакомитъ его съ положеніемъ городовъ Коломны, Можайска, Серпухова и Мурома; въ VI-й главѣ, наконецъ, авторомъ описаны города восточной и южной окраины: Казань, Свіяжскъ, Лапшевъ, затѣмъ Тула и еще семь городовъ по южной границѣ. Книга заключается главою общаго характера: авторъ предлагаетъ въ ней «общій очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в.» и сводитъ въ одно цѣлое всѣ свои выводы, разбросанные въ предшествующихъ главахъ. Здѣсь же онъ пытается отвѣтить и на тотъ вопросъ о различіи города и деревни въ XVI в., который онъ, вопреки мнѣнію Ильинскаго, считалъ недоступнымъ для разрѣшенія a priori (стр. 309—312). Между городомъ и селомъ онъ проводитъ различіе и «соціально-экономическое», и «юридическое». По его мнѣнію, это различіе настолько замѣтно и рѣзко, что «даетъ намъ полное право разсматривать положеніе городовъ отдѣльно отъ изученія положенія селъ и деревень».

Итакъ, авторъ желалъ изучить бытъ тѣхъ населенныхъ пунктовъ Московскаго государства, которые назывались въ XVI в. «городами». Изученіе свое г. Чечулинъ основалъ почти исключительно на такомъ матеріалѣ, который давалъ свѣдѣнія преимущественно о культурно-хозяйственной жизни городского населенія. Не имѣя, кромѣ показанія писцовыхъ книгъ, никакихъ иныхъ систематическихъ данныхъ по своему предмету, нашъ изслѣдователь подчинился, такъ сказать, своему матеріалу и изображалъ городскую жизнь лишь въ тѣхъ ея сторонахъ, которыя были освѣщены писцовыми книгами, и лишь съ такою полнотой, какую допускалъ этотъ основной

источникъ. Писцовыя книги давали рядъ извѣстій для исторіи хозяйства и податной организаціи городскихъ общинъ,—авторъ именно объ этихъ сторонахъ городского быта говорилъ болѣе всего. Въ показаніяхъ писцовыхъ книгъ попадались фактическіе пробѣлы,—и г. Чечулинъ допускалъ соотвѣтственные пробѣлы въ своемъ изслѣдованіи. Словомъ, частныя задачи изслѣдованія опредѣлились сообразно съ основнымъ матеріаломъ, и объемъ изслѣдованія ставился въ зависимость отъ полноты того или другого документа. Такая зависимость работы отъ матеріала даетъ намъ право сказать, что книга г. Чечулина представляетъ собою не столько изслѣдованіе о городахъ XVI в. вообще, сколько предварительную разработку данныхъ писцовыхъ книгъ XVI в. о городахъ Московскаго государства.

Если опредѣлять трудъ г. Чечулина такимъ образомъ, то ясны станутъ его положительныя стороны. Авторъ впервые ввелъ въ оборотъ науки богатый фактическій матеріалъ, выработалъ самостоятельно пріемы ученой эксплоатаціи этого матеріала, собралъ и систематизировалъ рядъ любопытныхъ цѣнныхъ историко-статистическихъ данныхъ и частью разрѣшилъ, частью поставилъ въ новой обстановкѣ нѣкоторые вопросы изъ исторіи городского хозяйства и права. Такъ, онъ удовлетворительно объяснилъ различіе тягла и оброка (стр. 120—122 и др.); привелъ цѣнныя соображенія о томъ, что податное различіе дворовъ «лучшихъ» и «молодшихъ» основано было не на хозяйственномъ достаткѣ посадскихъ семей, а на числѣ рабочихъ рукъ въ той или другой семьѣ (стр. 46, 242—243, 283—284, 319). Далѣе, авторъ собралъ любопытныя свѣдѣнія по вопросу о запустѣніи Московскихъ городовъ во второй половинѣ XVI вѣка (стр. 166, 175, 345) и по вопросу объ общественномъ положеніи «дворниковъ на осадныхъ дворахъ» (стр. 162, 270 и слѣд., 333, 349). Наконецъ, авторъ вновь возбудилъ и даже попытался рѣшить вопросъ, давно уже спорный, о передѣлахъ земельныхъ участковъ въ древнерусскихъ податныхъ общинахъ, сидѣвшихъ на черной землѣ (стр. 74,

116, 221—222, 232). Всѣ эти частности изслѣдованія г. Чечулина даютъ ему значеніе самостоятельнаго ученаго труда, произведеннаго далеко не безъ пользы для русской исторіографіи. Трудомъ этимъ, можно сказать, начата у насъ систематическая разработка той категоріи источниковъ, которая давно должна была бы лежать въ основаніи трудовъ по исторіи нашего общественнаго быта вообще и по исторіи русскаго города въ частности.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Чечулина мы могли бы на этомъ и закончить, если бы самъ авторъ понималъ свою задачу такъ, какъ она у него въ сущности исполнена. Если бы самъ г. Чечулинъ смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на опытъ систематической разработки источника, то возражать ему можно было бы лишь по частностямъ изложенія, что уже обстоятельно и выполнилъ г. Симсонъ. Но дѣло въ томъ, что г. Чечулинъ желалъ, какъ уже показано выше, обслѣдовать не историческій источникъ, а историческій фактъ, изучить не писцовыя книги, а русскій городъ XVI вѣка (говоря его словами, «разъяснить положеніе городовъ»). Тема, такъ поставленная самимъ авторомъ, налагаетъ на него нѣкоторыя обязательства; исполненія ихъ читатель въ правѣ ожидать и требовать. Прежде всего вполнѣ необходимо было бы выяснить въ изслѣдованіи о городахъ вопросъ: что же такое былъ древнерусскій городъ? Безъ яснаго представленія объ этомъ нельзя было и избирать городскую жизнь XVI вѣка предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Первыя страницы книги г. Чечулина свидѣтельствуютъ, что онъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, но отнесся къ его разрѣшенію не вполнѣ правильно. Рядъ историческихъ справокъ показалъ г. Чечулину, что понятіе города разно строилось разными учеными. Приводя, по крайней мѣрѣ, десятокъ отзывовъ, существующихъ въ исторической литературѣ, о характерѣ древнихъ городскихъ поселеній, нашъ авторъ находитъ въ нихъ «множество противорѣчій» и говоритъ, что «ни одного изъ вышеприведенныхъ

мнѣній нельзя признать вполнѣ соотвѣтствующимъ истинѣ» (стр. 5). По мнѣнію г. Чечулина, неудовлетворительное состояніе вопроса о городахъ «совершенно объясняется тѣмъ, что до недавняго сравнительно времени о положеніи городовъ было извѣстно еще недостаточно данныхъ». Рѣшаясь искать этихъ данныхъ въ писцовыхъ книгахъ, г. Чечулинъ до конца изслѣдованія отложилъ свое собственное рѣшеніе вопроса о томъ, что такое былъ русскій городъ, а исходную точку изслѣдованія опредѣлилъ внѣшнимъ образомъ: сталъ изучать все то, что въ XVI вѣкѣ называется офиціально «городомъ». При всей своей логичности этотъ пріемъ, однако, неправиленъ; въ сущности, онъ повелъ къ тому, что въ трудѣ г. Чечулина не оказалось ясно поставленной темы. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлью историографическихъ справокъ г. Чечулина было указать, что въ литературѣ нашей о древнерусскихъ городахъ не выработалось однообразнаго представленія, а накопилось «множество противорѣчій». Но вѣдь противорѣчія существуютъ въ литературѣ о чемъ угодно, и не они одни должны заботить изслѣдователя. Г. Чечулину надлежало, изучая свой вопросъ историографически, показать, съ какихъ точекъ зрѣнія смотрѣла историографія на древніе города и какихъ положительныхъ результатовъ достигла она въ изученіи городовъ. Самъ онъ мимоходомъ указываетъ, что уже изучены «съ достаточной полнотою права и обязанности городского населенія въ разныя эпохи», изучено и «отношеніе къ городамъ законодательства». Стало быть, съ юридической точки зрѣнія изучаемый авторомъ вопросъ уже разработанъ такъ или иначе. И та точка зрѣнія, на какой стоитъ нашъ авторъ, привела уже къ нѣкоторымъ цѣннымъ результатамъ, которые автору слѣдовало бы принять во вниманіе: вопросъ о культурно-экономическомъ значеніи древнерусскихъ городскихъ поселеній былъ уже прежде г. Чечулина намѣченъ и разрабатывался въ связи съ вопросомъ о происхожденіи городовъ. Напримѣръ, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ появилась о древнерусскихъ городахъ замѣчательная статья Ф. И.

Леонтовича[1]), которую г. Чечулинъ оставилъ безъ вниманія; въ ней съ очевидностью было показано, что названіемъ «городъ» въ древней Руси обозначались совершенно разнаго типа поселенія: и простыя укрѣпленія, не всегда даже жилыя, и бойкіе центры народнаго труда, при которыхъ возникли для обороны ихъ крѣпости. Крѣпость, съ помѣщенными въ ней гарнизономъ и администраціей, собственно и носила имя города; торгово-промышленный поселокъ, расположенный около «города», назывался «посадомъ». Много мѣткихъ замѣчаній и соображеній высказано проф. Леонтовичемъ по вопросу о происхожденіи и значеніи въ народной жизни какъ «городовъ-осадъ», то-есть простыхъ укрѣпленій, такъ и «городовъ-общинъ», то-есть укрѣпленныхъ торгово-промышленныхъ поселковъ. Всѣ эти замѣчанія и соображенія г. Чечулинъ долженъ былъ бы принять въ расчетъ при постановкѣ своей темы: они для него были важнѣе, чѣмъ цитированныя имъ отдѣльныя замѣчанія о городахъ въ трудахъ, напримѣръ, Костомарова и Хлѣбникова. Если статья г. Леонтовича могла дать г. Чечулину надлежащее представленіе о томъ, съ какими вопросами слѣдовало обращаться къ изученію того, что называлось «городомъ», то статья А. К. Ильинскаго, названная нами выше, должна была убѣдить его, что не одни города были представителями той формы народно-хозяйственнаго труда, которую мы теперь зовемъ городскою. «Рядки», «волочки», «слободы» жили одною жизнью съ городскими «посадами», иногда даже посадами и назывались; различіе между ними и посадами заключалось только въ томъ, что одни находились при городахъ, совмѣщали торгово-промышленное значеніе съ административно-военнымъ, другіе же были пунктами исключительно экономическаго значенія. Труды гг. Леонтовича и Ильинскаго совершенно твердо установили, во-первыхъ, что го-

[1]) Рецензія на книгу г. *Самоквасова* «Древніе города Россіи» въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», т. II, С.-Пб. 1875.

родами въ древней Руси назывались поселенія разнаго типа, а во-вторыхъ, что не одни города въ Московскую эпоху были крупными бытовыми единицами, культурно-экономическими центрами. Съ этими положеніями г. Чечулину слѣдовало бы считаться прежде всего; онъ же обошелъ молчаніемъ статьи названныхъ изслѣдователей въ своемъ исторіографическомъ обзорѣ (стр. 2—6) и отмѣтилъ въ немъ только рядъ случайныхъ противорѣчій въ литературѣ «въ доказательство полной неустановленности тутъ какихъ бы то ни было положеній». Нѣтъ нужды доказывать, что тутъ допущенъ нашимъ авторомъ существенный недосмотръ, дурно отразившійся на постановкѣ его основной задачи.

Если бы авторъ въ постановкѣ темы вышелъ изъ положеній, раньше добытыхъ спеціальною литературой предмета, то онъ устранилъ бы существующее въ его трудѣ несоотвѣтствіе между задачей труда и тѣмъ матеріаломъ, которымъ эта задача рѣшается. Авторъ думалъ изслѣдовать города, какъ «культурно-экономическіе центры»; но вѣдь въ приложеніи къ быту древней Руси понятія «городъ» и «культурно-экономическій центръ» не совпадаютъ. Если изучать всѣ «города» XVI вѣка, то нужно быть готовымъ къ тому, что въ число «культурно-экономическихъ центровъ» попадутъ поселки, не имѣющіе такого значенія (таковъ Веневъ у нашего автора, таковы часто Псковскіе пригороды). Выводы изъ такого изученія должны, само собою разумѣется, касаться не только народно-хозяйственнаго, но и военно-административнаго быта города. Если же изучать городскую жизнь XVI вѣка въ нашемъ смыслѣ слова, то нельзя было ограничиваться только находившимися при укрѣпленныхъ городахъ «посадами», а слѣдовало ввести въ кругъ изслѣдованія и всѣ тѣ торгово-промышленныя поселенія, которыя были въ одних культурно-хозяйственныхъ условіяхъ съ «посадами» (такъ поступилъ г. Ильинскій). Въ томъ же видѣ, какъ формулировалъ г. Чечулинъ свою задачу, она не можетъ считаться правильно-поставленною темой. Въ сущности эту тему можно

безъ натяжекъ передать словами: изученіе съ культурно-экономической точки зрѣнія военно-административныхъ пунктовъ. Понятно, что при этой постановкѣ темы невозможно дать ни полнаго опредѣленія города (ибо не изслѣдуется его военное и административное значеніе), ни полнаго очерка жизни торгово-промышленныхъ общинъ (ибо изслѣдуются только тѣ изъ всѣхъ такихъ общинъ, которыя находились при крѣпостяхъ и жили подъ вліяніемъ служилаго люда: гарнизона и администраціи).

Вотъ въ чемъ, на нашъ взглядъ, заключается коренной методологическій недостатокъ книги г. Чечулина. Благодаря этому недостатку, авторъ не успѣлъ дать въ концѣ своего труда точное общее опредѣленіе города въ XVI вѣкѣ, которое онъ обѣщалъ читателю, какъ свой конечный выводъ. Между городомъ, съ одной стороны, и селомъ и деревней, съ другой, онъ находитъ только «разницу не качественную, а количественную», различіе не по роду правъ и обязанностей и не по роду хозяйственной дѣятельности населенія, а по величинѣ общины и ея хозяйственныхъ оборотовъ (стр. 309—312). Въ сущности, авторъ и не могъ придти къ иному болѣе опредѣленному выводу, разъ онъ соединялъ въ своемъ изученіи торгово-промышленные города (Псковъ, напримѣръ) и города безъ торга и промысловъ, а съ пашней (какъ Веневъ). Опредѣленному и цѣльному въ хозяйственномъ отношеніи типу поселеній, то-есть селу и деревнѣ, авторъ противополагалъ типъ, смѣшанный въ хозяйственномъ отношеніи и объединенный лишь въ отношеніи военно-административномъ, то-есть города. Разница должна была получиться лишь количественная, ибо въ городахъ—смотря по городу—и торговали, и ремеслами занимались, а въ то же время и пахали, совсѣмъ такъ же, какъ пахали, а могли и иными ремеслами заниматься въ селѣ и въ деревнѣ. Понятно также, почему, противополагая городъ деревнѣ, авторъ умолчалъ о торгово-промышленныхъ поселеніяхъ, не носившихъ имени города: въ отношеніи «количественной разницы» рядки и слободы совершенно уничтожаютъ

рѣзкое различіе между «городомъ» и деревнею въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Чечулинъ. Городъ, какъ количественно крупный центръ, могъ быть окруженъ въ уѣздѣ поселеніями самой разнообразной величины, при существованіи которыхъ «количественное» значеніе города могло терять всякое значеніе. Но какъ бы то ни было, именно изъ «количественнаго» развитія города г. Чечулинъ объясняетъ и особенности городскихъ «соціально-экономическихъ условій» жизни, и особенности культурнаго быта городовъ, и, наконецъ, «отличіе города отъ деревни и села даже и въ юридическомъ отношеніи». По мнѣнію г. Чечулина, юридическая особенность города выражалась въ томъ, что городъ всегда оставался государственною собственностью, тогда какъ иные поселки могли быть въ обладаніи частныхъ лицъ. Здѣсь опять встрѣчаемся съ послѣдствіями методологической погрѣшности автора. Государственный характеръ городскихъ поселеній обусловливался ничѣмъ инымъ, какъ военнымъ и административнымъ значеніемъ города. Количественно крупный центръ, лишенный этого значенія и не носившій названія города, могъ быть свободно объектомъ частной собственности, хотя бы и жилъ городскою жизнью. Доказательство тому—слободы бѣломѣстцевъ, иногда очень крупныя, существовавшія около городовъ, даже на городской землѣ, и жившія въ одинаковыхъ культурно-экономическихъ условіяхъ съ самимъ городомъ.

Мы слишкомъ долго остановились на выясненіи тѣхъ причинъ, которыя, по нашему мнѣнію, сообщили труду г. Чечулина характеръ изслѣдованія не фактовъ, а источниковъ. Эти причины заключаются въ недостаточно ясной постановкѣ темы и въ недостаточно полномъ ея развитіи. Отъ тѣхъ же причинъ зависятъ нерѣдко и частные недостатки труда. Для примѣра укажемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ, не задаваясь цѣлью исчерпать всѣ тѣ возраженія, какія можно было бы предъявить автору. Довольно часто, при разсмотрѣніи какого-нибудь отдѣльнаго, входящаго въ тему, вопроса, г. Чечулинъ какъ бы колебался, чѣмъ руководиться въ изслѣдованіи: идти ли за отвле-

ченными требованіями, вытекающими изъ темы, или оставаться строго въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія заключалъ въ себѣ основной источникъ автора, писцовыя книги. Къ сожалѣнію, авторъ по большей части рѣшался на послѣднее и, поступая такъ, жертвовалъ цѣльностью темы и полнотою вывода. Такимъ образомъ, напримѣръ, поступилъ онъ въ вопросѣ о положеніи «земцевъ» въ Новгородской и Псковской областяхъ (стр. 42—44, 125—126). О земцахъ въ городахъ писцовыя книги давали автору небогатыя указанія, но на ихъ основаніи можно было до нѣкоторой степени опредѣлить положеніе этого, уже исчезавшаго въ XVI в., класса. Г. Чечулинъ, замѣчая, что «мы имѣемъ относительно этихъ земцевъ вообще очень мало свѣдѣній», характеризуетъ ихъ состояніе крайне неудовлетворительно: «Земцы (говоритъ онъ) были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти боярскія остальныхъ областей, но все же какими-то служилыми людьми. Тотъ же фактъ, что они вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, являлись иногда и тяглыми, нужно объяснять тѣмъ, что, поселившись почему-либо въ городѣ, на общинной городской землѣ, они принимали участіе и во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ» (стр. 43). Нужно признать, что это—не опредѣленіе общественнаго класса, а скорѣе сознаніе автора въ томъ, что онъ затрудняется дать необходимое опредѣленіе. Мы не можемъ, конечно, требовать отъ г. Чечулина, чтобы онъ занялся изслѣдованіемъ положенія земцевъ въ эпоху самостоятельности Новгорода. Онъ могъ здѣсь опереться на литературу предмета, которая установила, какъ безспорное положеніе, что земцы были мелкими землевладѣльцами (на какомъ правѣ—для даннаго случая довольно безразлично). Но для характеристики земцевъ въ XVI в. г. Чечулинъ долженъ былъ сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлалъ: тема этого требовала, а матеріалы позволяли. Дѣло автора было разрѣшить тѣ вопросы, о которыхъ онъ только замѣчаетъ: «не указаны ихъ (земцевъ) юридическія отличія отъ прочихъ дѣтей боярскихъ,... равно какъ и обстоятельства, сопровождавшія исчезновеніе этого

класса или превращеніе его въ другой» (стр. 44, примѣч.). Писцовыя книги и другіе документы XVI вѣка даютъ полное основаніе отрицать какое бы то ни было «юридическое» различіе между земцами и дѣтьми боярскими, и именно писцовыя книги скорѣе всего могутъ возстановить намъ процессъ превращенія земцевъ въ московскіе чины. Обстоятельства, повліявшія на перемѣну въ положеніи земцевъ, заключались въ установленіи московскихъ порядковъ въ Новгородской области. Въ присоединенный Новгородъ Москва выслала свою военную силу: г. Чечулинъ нашелъ, между прочимъ, въ Корелѣ этихъ московскихъ эмиссаровъ, «дѣтей боярскихъ, служилыхъ людей *москвичъ*» (стр. 35). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Москва и на мѣстное общество возлагала военную повинность и въ этомъ дѣлѣ слѣдовала своему правилу связывать право личнаго землевладѣнія съ обязанностью служить государству. Земцы пользовались въ Новгородѣ правомъ личнаго землевладѣнія и поэтому въ московское время подпали служебной повинности и стали именоваться дѣтьми боярскими по московской служебной терминологіи. Такъ именно появились рядомъ съ «дѣтьми боярскими *москвичами*» «дѣти боярскіе *земцы*», нетяглые дворы которыхъ г. Чечулинъ нашелъ въ той же Корелѣ (сравн. у г. Чечулина стр. 35, 42, 44). Никакихъ различій въ правахъ и службѣ между дѣтьми боярскими пришлыми и туземными предполагать нельзя: различіе было лишь въ происхожденіи лицъ и ихъ правъ на землю. Что же касается земцевъ-тяглыхъ людей, то ихъ существованіе не должно было смущать автора. Нѣтъ необходимости и даже возможности думать, что московское правительство всѣхъ земцевъ поверстало въ службу; а разъ земецъ оставался внѣ служилаго класса, онъ eo ipso становился тяглымъ человѣкомъ и долженъ былъ превратиться или въ посадскаго человѣка, или въ крестьянина. Итакъ, въ тотъ историческій моментъ, который изучалъ г. Чечулинъ, земцы перестали уже существовать, какъ особый классъ: подъ вліяніемъ московскихъ порядковъ они расходились по разнымъ сословнымъ группамъ. Г. Чечулинъ

располагалъ совершенно достаточными данными для того, чтобы обстоятельно изучить и объяснить это явленіе; но онъ ограничился тѣмъ, что перечислилъ свои фактическія данныя и привелъ литературныя мнѣнія о земцахъ. Причину этой неполноты изслѣдованія мы видимъ именно въ неясности теоретической конструкціи труда: авторъ считалъ для себя необязательнымъ идти далѣе того, что прямо давалъ ему источникъ по исторіи города, а рѣшеніе вопроса о земцахъ XVI вѣка требовало соображеній, касающихся не только исторіи городовъ. Совершенно такую же неполноту изслѣдованія можно отмѣтить и въ вопросѣ о сябрахъ (стр. 65, 324), и въ вопросѣ о сельскихъ владѣніяхъ городского класса (стр. 44—45), и въ разсужденіи о причинахъ запустѣнія городовъ къ концу XVI в. (стр. 166, 175, 345), и, наконецъ, въ вопросѣ о дворникахъ на осадныхъ дворахъ.

По этому послѣднему вопросу въ книгѣ г. Чечулина собранъ богатый и любопытный матеріалъ, на основаніи котораго авторъ нѣсколько разъ пытается выяснить общественное состояніе дворниковъ. Изъ многихъ данныхъ имъ опредѣленій одно точнѣе всѣхъ прочихъ передаетъ мысль автора: «дворниками (говоритъ онъ) назывались тѣ зависимые отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди, которыхъ должны были содержать на своихъ дворахъ отсутствующіе служилые люди для содѣйствія охранѣ города» (стр. 275). Авторъ думаетъ, что еще можно подвергать сомнѣнію «вторую часть» его опредѣленія, то-есть объясненіе цѣли, съ какою являлись дворники на осадныхъ дворахъ, но что первая часть его опредѣленія «совершенно несомнѣнна». Однако какъ ни увѣренъ былъ авторъ въ томъ, что дворники находились въ зависимыхъ отношеніяхъ къ дворохозяевамъ, онъ не рѣшался точно опредѣлить юридическую сущность этой зависимости. На стр. 59 онъ высказался такъ: «считаемъ дворниковъ стоявшими въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ или даже, пожалуй, холоповъ, то-есть вообще зависимыми отъ владѣльца дворовъ людьми». И на стр. 271—272 встрѣчается та

же мысль, что положеніе дворниковъ «является весьма близкимъ къ положенію крестьянъ»; за этимъ, однако, на стр. 274, авторъ помѣщаетъ существенную оговорку, что совсѣмъ отожествлять крестьянъ и дворниковъ нельзя: «дворники, очевидно, не могутъ быть считаемы за крестьянъ и, во всякомъ случаѣ, это если и крестьяне, то непашенные, а приближающіеся уже отчасти къ холопамъ». Наконецъ, на стр. 349, находимъ замѣчаніе, что черные люди «выходили изъ числа посадскихъ и закладывались за служилаго человѣка, дѣлаясь у него дворникомъ». Не ловимъ автора на противорѣчіяхъ самому себѣ, но думаемъ, что существо дворнической зависимости осталось у него совершенно не выясненнымъ. Эту зависимость онъ сближаетъ то съ крестьянскою, то съ холопьею, то съ зависимостью закладчика. Всѣ эти виды зависимаго состоянія настолько различались между собою, что сближеніе дворничества со всѣми съ ними разомъ ничего не объясняетъ въ дворничествѣ. Читатель поэтому не можетъ удовлетвориться тѣмъ рѣшеніемъ вопроса, какое предложено ему г. Чечулинымъ, и долженъ самъ разбираться въ матеріалѣ, собранномъ у нашего автора.

Писцовыя книги не даютъ прямыхъ свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ дворохозяевъ и дворниковъ; зато онѣ объясняютъ намъ, кто шелъ въ дворники въ XVI вѣкѣ. Въ Торопцѣ, напримѣръ, во дворѣ служилаго человѣка былъ «дворникъ человѣкъ его», то-есть холопъ дворохозяина (стр. 59). Въ Коломнѣ «въ числѣ дворниковъ мы видимъ 5 разсыльщиковъ, 4 воротниковъ, 4 пушкарей и 1 тюремнаго сторожа», при чемъ одинъ пушкарь, будучи дворникомъ, въ то же время, внѣ всякаго сомнѣнія, оставался служилымъ человѣкомъ (стр. 162). Въ Тулѣ 21% въ числѣ дворниковъ составляли приходцы изъ другихъ городовъ; кромѣ нихъ въ числѣ дворниковъ были дьячки (земскіе, площадные, губные), бобыли, люди «торговые» и «ратные», «человѣкъ» дворохозяина, то-есть холопъ, и, наконецъ, люди «черные» (стр. 276—277). Объ этихъ послѣднихъ писцовыя книги даютъ иногда такія, напримѣръ, указа-

нія: «дворъ И. М. Крюкова (служилаго человѣка), бывалъ дворъ черной, а въ немъ дворникъ Мокейко Серпуховитинъ, а купилъ у него, чернаго человѣка» (стр. 278); въ данномъ случаѣ прежній черный человѣкъ Мокейко, продавъ свой дворъ бѣломѣстцу и выйдя изъ тягла, самъ сталъ въ этомъ же дворѣ дворникомъ. Въ Каширѣ, далѣе, въ дворникахъ видимъ рыболововъ изъ государевой слободы (стр. 279). Въ Тулѣ «боярскимъ дворникомъ» былъ владѣльческій крестьянинъ (стр. 281); наконецъ, въ Тулѣ же, въ самомъ городѣ, имѣлъ осадный дворъ соборный протопопъ, а во дворѣ этомъ дворникомъ жилъ монахъ «чорной старецъ Митрофанъ, иконникъ» (стр. 300). Всѣ эти данныя, взятыя исключительно изъ книги г. Чечулина (по документамъ ихъ можно было бы пополнить), показываютъ, насколько разнообразенъ былъ соціальный составъ той среды, которая исполняла обязанности дворниковъ. Среди дворниковъ были люди съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ (гарнизонные люди, дьячки, монахи, слобожане, крестьяне, холопы) и люди безъ опредѣленнаго общественнаго положенія (приходцы, бывшіе черные люди, вышедшіе изъ своей тяглой общины). И нужно замѣтить, что дворники первой категоріи черезъ вступленіе въ дворничество далеко не всегда выходили изъ прежняго своего состоянія: пушкарь, будучи дворникомъ, оставался пушкаремъ, монахъ, будучи дворникомъ, оставался церковнымъ человѣкомъ и т. д. Стало быть, дворничество само по себѣ въ XVI вѣкѣ могло быть только фактическимъ занятіемъ, не будучи юридическимъ состояніемъ. Это — первое и, кажется, безспорное замѣчаніе, какое позволяетъ сдѣлать матеріалъ г. Чечулина; оно подтверждается и иными соображеніями. Продолжая наши наблюденія надъ матеріаломъ, замѣчаемъ, что уже въ XVI вѣкѣ правительство принялось за регламентацію дворничества. Оно, очевидно, находило, что дворничество не могло, не нарушая интересовъ государя и государства, совмѣщаться съ податнымъ состояніемъ. Поэтому въ 1578 году, например, оно приказало вернуть съ дворничества рыболововъ въ ту го-

сударева слободу, откуда они вышли (стр. 279); поэтому оно, не запрещая прямо монастырямъ принимать въ дворничество на городскіе дворы тяглыхъ людей, въ то же время приказывало: «учнутъ въ томъ ихъ монастырьскомъ дворѣ жити торговые люди, и съ тѣхъ людей, съ ихъ промысловъ, во всякіе наши подати имати съ посадскими людми вѣрядъ» (А. А. Э. I, № 323, стр. 384; у г. Чечулина стр. 271—272, примѣч.). А нѣкоторые удѣльные князья уже въ XV вѣкѣ прямо не дозволяли монастырямъ принимать на ихъ городской дворъ «тяглыхъ людей» (Д. къ А. И. I, № 200; у г. Чечулина стр. 271—272, примѣч.). При такихъ условіяхъ въ дворники могли идти вполнѣ законно и свободно только люди, или вовсе не несшіе на себѣ государственныхъ повинностей и службъ, или отъ нихъ избавившіеся, или же, наконецъ, умѣвшіе совмѣщать частное услуженіе съ тягломъ. Ограничивая вступленіе въ дворничество, правительство, однако, не смотрѣло еще въ XVI вѣкѣ на дворничество, какъ на опредѣленное состояніе частной зависимости. Писцы, писавшіе Зарайскъ въ концѣ XVI вѣка, нашли тамъ около двухсотъ дворниковъ и не знали, какъ съ ними поступить; они писали: «и всего дворниковъ торговыхъ и пашенныхъ (и мастеровыхъ) людей и которые живутъ на дворничествѣ, а кормятся по міру, дѣлаютъ наймуючись, 198 человѣкъ; а впередъ тѣмъ людемъ какъ государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи укажетъ» («Зарайскъ», М. 1883, стр. 1; у г. Чечулина стр. 279). Очевидно, здѣсь администрація не знала: писать ли дворниковъ въ тягло по торгамъ, мастерству и пашнѣ, или же считать людьми не тяглыми, какъ лицъ, состоящихъ на частной службѣ. Такъ рядомъ съ пестротою соціальнаго состава можно замѣтить юридическую неопредѣленность класса. Думаемъ, что при этихъ условіяхъ говорить о юридической зависимости дворниковъ отъ дворохозяевъ надо очень осторожно. Зависимость эта могла существовать, если дворникомъ былъ холопъ или крестьянинъ двороладѣльца, но ея могло и не быть, если дворникъ несъ на себѣ государ-

ственное тягло или службу, а къ дворохозяину состоялъ въ отношеніяхъ найма. Правда, личный наемъ въ древней Руси самъ по себѣ былъ источникомъ гражданской зависимости, велъ къ кабальному холопству; но законъ призналъ этотъ порядокъ установленія холопства только въ 1597 году, и поэтому трудно говорить о зависимости дворниковъ по закону въ XVI вѣкѣ. Зависимость здѣсь могла быть только фактическая или же вытекала изъ условій, постороннихъ дворничеству: изъ холопьей кабалы, изъ крестьянской порядной, изъ закладнической сдѣлки.

Быть можетъ, мы ошибаемся въ данномъ случаѣ, утверждая, что въ XVI вѣкѣ дворничество не опредѣлилось въ особую форму гражданской зависимости; но мы не ошибемся, если скажемъ, что и въ вопросѣ о дворникахъ г. Чечулинъ не дошелъ до надлежащей полноты изслѣдованія, до опредѣленнаго убѣдительнаго вывода. Это нежеланіе автора исчерпывать вопросъ иногда ведетъ его даже къ прямымъ промахамъ. Указаніемъ на одинъ изъ такихъ промаховъ мы и закончимъ нашу рецензію. Не одинъ разъ г. Чечулинъ обращается къ существенному для него вопросу о томъ, кому принадлежала земля занятая тяглыми общинами: государю или общинѣ (стр. 148, 196, 322—323). Самъ онъ склоненъ рѣшать этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что «землю, на которой стояли города, нужно считать государевою». Выводъ этотъ онъ ставитъ, однако, не вполнѣ рѣшительно и оговаривается, что «изслѣдователи по исторіи русскаго права не разсмотрѣли спеціально» трактуемаго имъ вопроса. Ссылки на литературу, сдѣланныя г. Чечулинымъ, въ данномъ случаѣ и неполны, и неточны: г. Чечулинъ не указалъ на тѣ, напримѣръ, труды гг. Чичерина, Владимірскаго-Буданова и Ключевскаго, въ которыхъ можно найти наиболѣе цѣнныя указанія о предметѣ, его занимающемъ. А вслѣдствіе этого и самая постановка вопроса въ книгѣ г. Чечулина оказалась — выразимся прямо — отсталою, и выводъ его оказался лишеннымъ научнаго значенія.

Весь отчетъ нашъ о трудѣ г. Чечулина былъ направленъ

къ тому, чтобы выяснить истинный характеръ труда и указать на недостатки его конструкціи. Съ особеннымъ вниманіемъ остановясь на методологической сторонѣ книги, мы не думали указаніями на ея несовершенства умалить достоинства книги, отмѣченныя нами прежде всего. Если же разборъ нашъ переходилъ иногда въ осужденіе, то мы въ этихъ случаяхъ исходили изъ мысли, давно выраженной словами: «малый достоинъ есть милости; сильніи же сильнѣ истязани будутъ» (Прем., VI, 6).

«ИСТОРІОГРАФИЧЕСКОЕ» СОЧИНЕНІЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ[1]).

(1891).

Третій томъ «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго весьма скоро былъ замѣченъ и оцѣненъ съ разныхъ точекъ зрѣнія въ нашей періодической литературѣ. Двѣ изъ критическихъ статей, именно П. В. Безобразова и В. Н. С—жева, вызвали даже отповѣдь со стороны г. Иловайскаго и повлекли за собой газетную полемику. Такимъ образомъ, наша рецензія является до нѣкоторой степени запоздалою и будетъ говорить о книгѣ послѣ того, какъ о ней уже было много сказано. Тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что, съ одной стороны, широкое содержаніе разбираемаго труда, а съ другой стороны, его, во всякомъ случаѣ, важное значеніе въ ряду новыхъ историческихъ трудовъ дозволяютъ намъ, не повторяя сдѣланныхъ ранѣе отзывовъ, сказать нѣсколько словъ для характеристики научныхъ достоинствъ работы г. Иловайскаго.

Г. Иловайскій давно пользуется извѣстностью, какъ ученый, дѣятельно работавшій въ самыхъ различныхъ областяхъ своей спеціальности. Репутація талантливаго изслѣдователя создана была ему еще диссертаціей его по исторіи Рязанскаго княжества. Книгу эту ставили въ примѣръ того, какъ должно обрабатывать подобныя темы. Изслѣдованія о началѣ Руси, предпринятыя г. Иловайскимъ съ точки зрѣнія такъ называе-

---

[1]) Исторія Россіи. Соч. *Д. Иловайскаго.* Томъ третій. Московско-Царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. М. 1890.

мой Славянской школы, оживили интересъ къ этому вопросу и вызвали большую полемику, не оставшуюся безъ ученыхъ результатовъ. Рядъ популярныхъ статей по русской и всеобщей исторіи укрѣпилъ за г. Иловайскимъ репутацію ученаго, обладающаго литературнымъ талантомъ. Понятно поэтому сочувствіе, съ какимъ знатоки дѣла привѣтствовали мысль г. Иловайскаго взяться за общее изложеніе русской исторіи; понятны и тѣ благопріятные отзывы, какими привѣтствовано было начало «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго. Въ этой Исторіи широкая спеціальная подготовка автора соединялась съ большимъ литературнымъ умѣньемъ; публика получала возможность ознакомиться съ современнымъ состояніемъ русской исторіи, какъ науки, не съ помощью механическихъ компиляцій, составленныхъ людьми, не работавшими самостоятельно надъ русскою исторіей, а при посредствѣ писателя съ прочно установленною ученою репутаціей. Первые два тома, соотвѣтствуя своему назначенію, заслуживали тѣхъ похвалъ, которыя имъ высказала критика. Теперь передъ нами третій томъ успѣшно начатаго труда.

Этотъ третій томъ обнимаетъ исторію Московскаго государства при великомъ князѣ Василіи III и царяхъ Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ и исторію Литовско-польскаго государства отъ времени Александра до времени Сигизмунда III. Кромѣ восьми главъ, посвященныхъ событіямъ политическимъ, находимъ главы о «внутреннихъ дѣлахъ при Василіи III» (глава II), о «внутреннемъ бытѣ Литовской Руси при Ягеллонахъ» (глава III), о «юго-восточныхъ окраинахъ Московскаго государства и покореніи Сибири» (глава X), о «государственномъ строѣ Московской Руси» (глава XI), о «доходахъ, войскѣ и церкви въ Московской Руси» (глава XII), о «состояніи просвѣщенія въ Московской Руси XVI вѣка» (глава XIII) и о «польщизнѣ, казачествѣ и еврействѣ въ Западной Руси» (глава XV). Эти послѣднія главы представляютъ собою экскурсы въ область исторіи права, хозяйства, культуры, вещественнаго быта и ко-

лонизаціи въ данную эпоху. Книга заключается обширными «примѣчаніями», въ которыхъ, слѣдуя примѣру С. М. Соловьева, г. Иловайскій сводитъ источники сразу къ нѣсколькимъ страницамъ текста (на 598 страницъ всего 99 примѣчаній) и нерѣдко даетъ цѣлые историко-критическіе этюды.

Изъ перечня содержанія книги г. Иловайскаго видно, что она, какъ и первые томы его «Исторіи Россіи», представляетъ собою попытку дать въ общедоступномъ изложеніи обзоръ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые въ настоящее время входятъ въ науку русской исторіи. Цѣль книги, говоря словами самого г. Иловайскаго, — «возсоздать въ словѣ прошедшіе вѣка своего народа» путемъ художественной передачи *важнѣйшихъ* историческихъ событій. «Историкъ, по словамъ г. Иловайскаго, не долженъ расплываться въ мелочныхъ обозрѣніяхъ бытовыхъ сторонъ и теряться въ чрезвычайной сложности историческаго матеріала,... онъ долженъ найти и оттѣнить наиболѣе важное, наиболѣе существенное» [1]). Эта высокая задача историческаго синтеза кажется г. Иловайскому очень сложною: «съ одной стороны, она—наука, съ другой—искусство», замѣчаетъ онъ. Научная сторона дѣла—«изученіе источниковъ и пособій, ихъ взаимная провѣрка или критическое къ нимъ отношеніе, возстановленіе событій въ ихъ истинномъ видѣ, разъясненіе ихъ причинъ и слѣдствій, опредѣленіе естественныхъ и общественныхъ условій и различныхъ вліяній, вѣрная, по возможности безпристрастная, оцѣнка дѣятелей и обстоятельствъ». За подготовительнымъ трудомъ историческаго изслѣдованія «слѣдуетъ работа, такъ сказать, творческая», состоящая въ томъ, чтобы провести изслѣдованный матеріалъ черезъ призму собственнаго воображенія, выдержать историческую перспективу въ размѣщеніи матеріала и придать изложенію художественно-стройную форму [2]).

---

[1]) Эти мысли высказаны г. Иловайскимъ въ предисловіи къ І-й части его Исторіи (изд. 1876 г.).

[2]) См. указанное предисловіе.

Понятно, что, столь возвышенно понимая свою цѣль, г. Иловайскій считаетъ себя дѣятелемъ «на томъ поприщѣ, на которомъ мы уже имѣемъ великіе труды Карамзина и Соловьева и, кромѣ того, замѣчательное начало Русской Исторіи Бестужева-Рюмина». Это онъ заявлялъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, заявляетъ и въ настоящее время въ своихъ полемическихъ объясненіяхъ съ г. Безобразовымъ. Въ «Отвѣтной замѣткѣ г. Безобразову» онъ прямо называетъ Соловьева и Карамзина своими «предшественниками», спрашивая: «есть ли археологическій элементъ у моихъ предшественниковъ и особенно въ многотомной Исторіи С. М. Соловьева? [1]) Г. Иловайскій склоненъ даже думать, что онъ, какъ болѣе поздній дѣятель въ сферѣ исторіографіи, пошелъ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ отмѣчаетъ, что нѣкоторые отдѣлы въ его книгѣ являются впервые, и объясняетъ это обстоятельство «болѣе усложнившимися требованіями современности, а отчасти личными взглядами на задачи общаго обозрѣнія русской исторіи». Указывая въ своей книгѣ на «особый отдѣлъ Западной Россіи» и «на внутренніе или культурно-историческіе и бытовые отдѣлы», онъ по поводу нихъ говоритъ: «мнѣ приходилось создавать почти вновь: у Карамзина сей отдѣлъ является только въ зародышѣ; у С. М. Соловьева, какъ извѣстно, онъ представляетъ довольно хаотическій наборъ разныхъ свѣдѣній, лишенныхъ органической связи въ частяхъ и въ цѣломъ» [2]).

Такимъ образомъ, ясно, что г. Иловайскій придаетъ своему труду весьма широкое научное значеніе, причисляетъ свою Исторію къ тому разряду общихъ историческихъ трудовъ, который онъ довольно своеобразно именуетъ «исторіографическими сочиненіями») (вѣроятно, противополагая этотъ терминъ термину «монографическій») [3]). Эта точка зрѣнія, высказанная самимъ г. Иловайскимъ, должна обусловить характеръ требова-

[1]) *Новое Время*, № 5356.
[2]) *Новое Время*, № 5338 и № 5356.
[3]) *Новое Время*, № 5356.

ній, какія критика можетъ предъявить къ исполненію его III-го тома «Исторіи Россіи».

Передъ нами — не изслѣдованіе фактовъ, отъ котораго мы могли бы ожидать полной ученой самостоятельности, новизны изысканій, мелочного изученія источниковъ, свѣжести выводовъ. Какъ общій обзоръ событій, книга г. Иловайскаго должна представить намъ точное изображеніе успѣховъ, достигнутыхъ монографическою разработкой данной эпохи, то-есть XVI вѣка; въ ней должны были слиться въ стройныя картины тѣ отдѣльныя черты прошлой жизни, которыя выяснялись отдѣльными, шедшими въ разбродъ изслѣдованіями; на ней должны были отразиться тѣ новые взгляды, которые получили права гражданства въ ученой литературѣ; она должна была со вниманіемъ отнестись къ новымъ видамъ историческаго матеріала, вошедшаго въ научный оборотъ. Словомъ, книга г. Иловайскаго должна была точно кристаллизовать въ себѣ тотъ моментъ развитія, въ какомъ она застала нашу исторіографію, какъ удачно выраженная законодательная формула кристаллизуетъ извѣстный моментъ правового сознанія. Это было бы достигнуто внимательнымъ отношеніемъ къ современной исторической литературѣ, и, пожалуй, не столько библіографически-полнымъ ея изученіемъ, сколько чуткостью къ тѣмъ теченіямъ, которыя въ ней обнаруживаются. Mutatis mutandis, ту же мысль находимъ и у самого г. Иловайскаго, который, разсуждая принципіально, признаетъ, что для такого труда, каковъ его трудъ, въ литературномъ заимствованіи «не заключалось бы ровно никакого грѣха» [1]) и что «исторіографическое сочиненіе менѣе подходитъ къ понятію объ изслѣдованіи, чѣмъ къ понятію о компиляціи». На этомъ основаніи г. Иловайскій считаетъ возможнымъ прямо сказать, что «Исторіи Карамзина и Соловьева суть компиляціи въ обширномъ смыслѣ, а не изслѣдованія» [2]).

---

1) *Новое Время*, № 5338.
2) *Новое Время*, № 5356.

Имѣя въ виду, что терминомъ «компиляція» г. Иловайскій обозначаетъ не только тѣ сочиненія, которыя просто пересказываютъ чужіе труды, но и тѣ, которыя передѣлываютъ ихъ въ «изящную архитектурную постройку», — мы и рѣшаемся думать, что высказали мысль, не чуждую и г. Иловайскому.

Но если историческое сочиненіе общаго характера можетъ опираться на рядъ предварительныхъ изслѣдованій, въ немъ не должно быть ошибокъ и заблужденій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является возможность провѣрить фактъ на основаніи этихъ предварительныхъ изслѣдованій. Если историческій трудъ претендуетъ на то, чтобы завершить собою извѣстный періодъ въ исторіографіи, подвести итоги всему сдѣланному раньше и передать новѣйшія пріобрѣтенія науки общественному сознанію,— изложеніе этого труда должно щеголять своею отдѣлкою такъ, какъ до сихъ поръ блещетъ законченностью своей литературной обработки «Исторія государства Россійскаго» Карамзина, какъ до сихъ поръ увлекаютъ насъ стройностью логическихъ построеній чтенія Гизо, независимо отъ того, насколько состарились взгляды и выводы этихъ «великихъ трудовъ», независимо даже отъ того, насколько велико было значеніе этихъ трудовъ въ ихъ время.

Въ какой же мѣрѣ удовлетворяетъ высказаннымъ требованіямъ разбираемая книга? Мы думаемъ, что она имъ не вполнѣ удовлетворяетъ, и какъ ни отвѣтственно высказать то, что мы скажемъ,—мы думаемъ, что книга г. Иловайскаго составлена довольно поспѣшно. Прежде всего, объ этомъ свидѣтельствуетъ языкъ книги, отличающійся нѣкоторою небрежностью; объ этомъ же говоритъ присутствіе въ книгѣ ошибокъ, легко устранимыхъ, и, наконецъ, то же доказываютъ нѣкоторыя особенности личныхъ воззрѣній автора на изучаемую имъ эпоху.

Начнемъ съ изложенія книги. Оно какъ будто не оправдываетъ репутаціи хорошаго стилиста, созданной автору компетентными критиками первыхъ томовъ его Исторіи. Не останавливаясь на общей оцѣнкѣ языка книги, нѣсколько одно-

образнаго и замѣтно испорченнаго стремленіемъ къ архаизмамъ (стремленіемъ, свойственнымъ теперь, надо замѣтить, не одному г. Иловайскому),—мы скажемъ только, что изложеніе г. Иловайскаго заключаетъ въ себѣ и курьезы. Что слѣдуетъ думать о «стилѣ» слѣдующихъ, напримѣръ, фразъ: «Іорданъ произвелъ оглушительный залпъ изъ своей артиллеріи» (стр. 39); «по распоряженію правительства, въ такой день народъ сгонялся сюда со всѣхъ сторонъ, запирались *лавки* и *мастерскія*, чтобъ удивить иностранцевъ своимъ (?) *многолюдствомъ*, а слѣдовательно, и *могуществомъ*» (65); «старшины ихъ (инородцевъ) приходили къ нему (царю) съ поклонами, *приносили* хлѣбъ, медъ, *быковъ* и *говядину* частію въ даръ, а частію продавали» (192); «въ кремлѣ же находилась и главная городская *святыня*, то-есть соборный *храмъ съ дворами* священниковъ и причетниковъ, а въ главныхъ городахъ *архіерейскіе дворы*» (435)? Эти неудачныя фразы (а ихъ довольно много), безъ сомнѣнія, говорятъ о поспѣшности, съ какою онѣ составлялись, и на нихъ не стоило бы останавливаться, если бы онѣ однѣ свидѣтельствовали объ этой поспѣшности. Но дѣло въ томъ, что иногда и цѣлыя страницы обличаютъ торопливость автора. На стр. 45-й онъ излагаетъ отвѣтъ заволжскихъ старцевъ Іосифу Волоцкому такимъ образомъ, что, не взявъ въ руки подлинныхъ писаній Іосифа и старцевъ, читатель не уразумѣетъ ихъ смысла. Г. Иловайскій говоритъ: «Когда Іосифъ написалъ посланіе Василію Ивановичу съ увѣщаніемъ казнить еретиковъ и со ссылками на примѣры строгости изъ Ветхозавѣтной исторіи, со стороны заволжскихъ старцевъ послѣдовалъ на это посланіе ѣдкій отвѣтъ... Приведемъ нѣкоторыя черты изъ сего отвѣта: на слова Іосифа, что *Моисей скрижали разбилъ*, старцы возражаютъ»... Ни изъ послѣдующаго возраженія старцевъ, ни изъ приведенныхъ словъ г. Иловайскаго нѣтъ возможности понять, о чемъ идетъ споръ и къ чему тутъ слова «Моисей скрижали разбилъ». И въ этомъ виноватъ самъ авторъ: онъ повѣствуетъ о спорѣ, не приводя главнаго тезиса, поставленнаго

Іосифомъ: «грѣшника или еретика убити *молитвою* или *руками* едино есть»; онъ пропускаетъ самое важное слово *руками* въ словахъ Іосифа «Моисей скрижали руками разбилъ»; поэтому и все изложеніе спора лишено и научной точности, и простой удобопонятности. Въ иномъ родѣ мѣсто на стр. 417-й, гдѣ авторъ не просто не договорилъ, какъ въ первомъ примѣрѣ, но и сказалъ лишнее. Г. Иловайскій даетъ здѣсь перечень московскихъ придворныхъ чиновъ и затѣмъ говоритъ: «*Чины эти* и значеніе ихъ большею *частію* мы *видѣли* уже въ предыдущую эпоху» (однако, во II-мъ томѣ перечисленія ихъ нѣтъ, насколько мы знаемъ). «Теперь же ихъ число и значеніе расширились и *кромѣ того* встрѣчаемъ *новые: таковыми* является»... Читатель думаетъ далѣе найти такіе чины, которыхъ нѣтъ въ только что данномъ г. Иловайскимъ перечнѣ якобы *старыхъ* чиновъ,— и ошибается: у г. Иловайскаго далѣе слѣдуетъ повтореніе прежняго перечня. Остается такимъ образомъ загадкою, какіе же чины считать новыми.

Если къ промахамъ въ стилѣ причислимъ опечатки и ошибки, которыхъ въ книгѣ г. Иловайскаго весьма достаточно, то получимъ полное право сказать, что съ внѣшней стороны книгу портитъ небрежность ея исполненія. Опечатки и описки у г. Иловайскаго настолько замѣтны, что о нихъ стоитъ поговорить, и самъ г. Иловайскій указывалъ на нихъ въ разъясненіяхъ, данныхъ имъ г. Безобразову. Помимо неизбѣжныхъ опечатокъ въ буквахъ существуютъ недосмотры въ цѣлыхъ словахъ и даже фразахъ. На стр. 161-й читаемъ *Бѣльскій* вмѣсто *Шуйскій*; на стр. 304-й *Иванъ Андреевичъ* Хворостининъ вмѣсто *Андрей Ивановичъ*; на стр. 354-й Іовъ уже послѣ поставленія его въ патріархи названъ *митрополитомъ*. Одинъ изъ критиковъ, г. Безобразовъ, указавъ г. Иловайскому, что по его изложенію (на стр. 190) можно предположить существованіе двухъ городовъ съ именемъ Тула, объяснилъ это тѣмъ, что въ данномъ мѣстѣ г. Иловайскій неосмотрительно заимствовалъ у С. М. Соловьева разсказъ о набѣгѣ крымцевъ въ 1552 году.

На это г. Иловайскій замѣтилъ, что дѣло заключается «въ простой опечаткѣ»... Въ книгѣ напечатано: «Крымскій ханъ... осадилъ Тулу; *когда же узналъ* о присутствіи московскихъ поляковъ... повернулъ назадъ». Поразъясненію г. Иловайскаго слѣдуетъ исправить опечатку такъ: «Крымскій ханъ... осадилъ *Тулу. Когда ханъ узналъ»* и т. д. [1]). Для г. Иловайскаго ясно, что здѣсь нѣтъ заимствованія отъ Соловьева, но мы думаемъ, что здѣсь нѣтъ и простой типографской опечатки, такъ какъ цитируемый разсказъ г. Иловайскаго былъ напечатанъ раньше книги отдѣльною статьей [2]), при чемъ злополучная фраза имѣла въ немъ третью, столь же неудачную редакцію, какъ и двѣ вышеприведенныя: «Крымскій ханъ... осадилъ *Тулу; узнавъ* о присутствіи» и т. д. Этотъ казусъ можетъ служить доказательствомъ, что опечатки у г. Иловайскаго—не опечатки, а описки, свидѣтельствующія о недостаткѣ у автора вниманія къ своему тексту.

Обратимся теперь къ внутреннему содержанію труда г. Иловайскаго: оно убѣдитъ насъ въ томъ же, въ чемъ убѣждаютъ его внѣшнія свойства.

У г. Иловайскаго, прежде всего, есть прямыя ошибки. Одну изъ нихъ указалъ уже В. С. Иконниковъ [3]) въ разсказѣ нашего автора о смерти перваго сына Грознаго, малютки Дмитрія: г. Иловайскій приписалъ его смерть болѣзни, тогда какъ есть указанія, что царевичъ утонулъ (210, 249). Г. Иловайскій, далѣе, переводитъ выраженіе «на мскахъ» словами «на ямскихъ» (169), хотя слово *мескъ*, въ значеніи *лошадь*, встрѣчается не разъ въ памятникахъ, подлежащихъ прямому вѣдѣнію историка, и г. Иловайскій легко могъ бы найти это слово въ словаряхъ (*мескъ*—въ Академическомъ, *мъска*, *мьскъ*—у Миклошича). О мѣстоположеніи знаменитаго Кириллова мо-

---

1) *Русск. Обозрѣніе*, 1890, XII, стр. 397. *Новое Время*, № 5338.
2) *Русск. Архивъ*, 1888, XII, стр. 481.
3) *Русская Старина*, 1891, I (на обложкѣ).

пастыря г. Иловайскій имѣетъ довольно превратное понятіе, такъ какъ говоритъ, что Іоаннъ «Шексною поднялся въ *Бѣлое озеро* и *прибылъ* въ Кирилловъ монастырь» (210). Лѣтописи, которымъ слѣдовалъ г. Иловайскій, говорятъ кратко: «Шексною вверхъ х Кирилу чудотворцу» (Ник. VII, 203; Львов. V, 12). Простая справка съ «Учебнымъ атласомъ» Е. Е. Замысловскаго (который рекомендованъ читателю самимъ г. Иловайскимъ въ предисловіи ко II-му тому его Исторіи) показала бы автору, что Кирилловъ монастырь на десятки верстъ отстоитъ отъ Бѣлаго озера и что на дорогѣ къ нему не приходится подниматься въ озеро. Въ XVI вѣкѣ, какъ и теперь, въ Кирилловъ монастырь прямая дорога—по Шекснѣ до Горицкаго монастыря и затѣмъ верстъ шесть сухимъ путемъ; такъ, безъ сомнѣнія, ѣхалъ и Грозный. Далѣе, г. Иловайскій, на стр. 423-й, опредѣляя положеніе бобылей, говоритъ: «иногда обѣднѣвшій крестьянинъ, чтобы облегчить себѣ бремя податей и повинностей, съ цѣлаго земельнаго участка переходилъ у того же владѣльца на половинный участокъ, то-есть поступалъ въ разрядъ *бобылей*». Такимъ образомъ, здѣсь бобыль опредѣляется, какъ крестьянинъ съ половинною пашней. Но на стр. 432-й авторъ упоминаетъ «дворы *бобыльскіе* или дворы крестьянъ *безпашенныхъ*», а на стр. 451-й замѣчаетъ, что въ слободахъ различались дворы крестьянскіе и *бобыльскіе*, первые были съ землею, *вторые безъ земли*». Эти противорѣчія, не устранимыя даже съ помощью того предположенія, что авторъ отличаетъ бобылей сельскихъ отъ посадскихъ и слободскихъ, вскрываютъ ошибку г. Иловайскаго: она состоитъ въ томъ, что *податное* отличіе бобылей авторъ отнесъ къ ихъ *хозяйственному* положенію. Послѣднее было разнообразно: были и беземельные бобыли и бобыли пашенные; но всѣ они обыкновенно являлись въ глазахъ правительства половинными плательщиками. Но половинное тягло еще не обусловливало «половиннаго участка» земли. Пойдемъ далѣе. На стр. 437-й г. Иловайскій не вполнѣ основательно разсуждаетъ о составѣ город-

ского Московскаго государства, при чемъ даже смѣшиваетъ гостей съ людьми гостинной сотни, говоря о гостяхъ, что «въ Москвѣ они составляли особую гостинную сотню». Нельзя не пожалѣть, что въ данномъ случаѣ г. Иловайскій не обратился,— не говоря уже о новыхъ трудахъ,—къ старой книгѣ Плошинскаго, гдѣ онъ нашелъ бы необходимѣйшія свѣдѣнія по данному вопросу. Болѣе тонкаго свойства ошибку находимъ на стр. 452-й въ словахъ: «взиманіе и раскладка податей производились самими земскими общинами посредствомъ выборныхъ *окладчиковъ*». Терминъ *окладчики* существуетъ въ документахъ, относящихся къ мірской раскладкѣ и взиманію сборовъ, но только— сборовъ экстренныхъ, пятой и десятой денегъ; обыкновенно же подати раскладываютъ и взимаютъ выборныя власти иныхъ наименованій. Подобная же шаткость представленій обнаруживается и тремя страницами ниже, въ опредѣленіи *десятенъ*: «Дворяне и боярскіе дѣти», говоритъ авторъ: «сообразно своимъ помѣстьямъ, были расписаны по городамъ, и эти отдѣлы (?) назывались *десятнями*» (стр. 455). Что такое «отдѣлы», понять не легко; но можно, кажется, догадываться, что это, по представленію г. Иловайскаго, или группы лицъ, или же городскіе округа. И то, и другое не вѣрно, потому что десятня—документъ. Это зналъ уже въ 1872 году К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ «Исторіи» котораго десятни опредѣлены, какъ «списки лицъ», «списки помѣстнаго дворянства» (Введеніе, 107). И г. Иловайскій могъ бы поэтому не повторять заблужденій болѣе старыхъ изслѣдованій и архивныхъ описаній [1]). Послѣ указанныхъ примѣровъ мы считаемъ себя въ правѣ высказать и общее замѣчаніе, что обзоръ государственнаго устройства и управленія Московской Руси сдѣланъ въ книгѣ г. Иловайскаго не съ достаточной внимательностью. Не только (по словамъ самого г. Иловайскаго въ пре-

[1]) Откуда проистекали эти заблужденія, можно узнать изъ «Описи десятенъ XVI—XVII вв.» *Н. В. Сторожева*. (Опис. докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст., VII, стр. 3—4, прим. 9).

дисловіи) «нѣкоторыми изъ самыхъ новѣйшихъ детальныхъ работъ авторъ успѣлъ воспользоваться только въ примѣчаніяхъ къ настоящему тому»,—но и не «самыми новѣйшими» работами авторъ не воспользовался въ должной мѣрѣ. Поэтому, напримѣръ, на стр. 444-й читаемъ довольно старыя мысли о существованіи «канцеляріи» при боярской думѣ; на той же страницѣ находимъ не менѣе старое отождествленіе четырехъ отдѣленій думской канцеляріи, то-есть приказовъ съ «четями», основанное на излишнемъ довѣріи къ русскому переводу Флетчера, сдѣланному К. М. Оболенскимъ; страница 422-я убѣждаетъ насъ въ томъ, что г. Иловайскій признаетъ права собственности на землю только за крестьянами-своеземцами и не признаетъ ихъ за крестьянскими общинами на черныхъ земляхъ, ибо причисляетъ къ «общей массѣ *безземельнаго* крестьянства» всѣхъ крестьянъ, не владѣвшихъ землями на правѣ личномъ. Хотя въ данномъ случаѣ авторъ имѣетъ право выражать подобный взглядъ, такъ какъ юридическая сущность общиннаго крестьянскаго землевладѣнія не вышла еще изъ области научныхъ споровъ,—однако терминъ «безземельный» безусловно не приложимъ къ древне-русскому крестьянину, сидѣвшему на черной землѣ, и является такою оригинальною формулой рѣшенія спорнаго вопроса, какой мы не найдемъ ни у одного изслѣдователя, какого бы взгляда онъ ни держался. Столь же оригинально категорическое заявленіе г. Иловайскаго (стр. 433) о передѣлахъ общинныхъ земель въ Московской Руси, которое, однако, самъ авторъ ограничиваетъ фразой: «въ XVI вѣкѣ мы находимъ только нѣкоторые намеки на возникновеніе крестьянскихъ передѣловъ». Любопытно знать, что разумѣетъ авторъ подъ передѣлами: очередное пользованіе тяглыми участками или перемежовку самыхъ участковъ и если послѣднее,—то гдѣ онъ нашелъ намеки на передѣлы?

Однако воздержимся отъ дальнѣйшаго обсужденія частностей. И то, что̀ указано, надѣемся, подтверждаетъ наше мнѣніе, что у г. Иловайскаго есть прямыя ошибки. Замѣтимъ только, что мы воздерживались судить эти ошибки съ точки зрѣнія

«самыхъ новѣйшихъ» трудовъ, которыми не успѣлъ воспользоваться г. Иловайскій и которые указаны ему В. Н. С—жевымъ [1]).

Ошибки г. Иловайскаго происходятъ отъ недостаточнаго вниманія къ литературѣ и не новѣйшей.

Итакъ, и изложеніе III-го тома «Исторіи Россіи», и его фактическій матеріалъ не стоятъ по степени обработки на той высотѣ, какая приличествуетъ сочиненію «исторіографическому», по терминологіи г. Иловайскаго. Но, можетъ быть, личные взгляды автора на описанную имъ эпоху, оцѣнка лицъ, событій и отношеній, словомъ, субъективная сторона труда представляетъ большую цѣнность?

Всякій, кто прочиталъ книгу г. Иловайскаго, согласится, что центральное мѣсто въ ней занимаетъ личность и дѣятельность Грознаго. Авторъ съ большимъ вниманіемъ относится къ мотивамъ, руководившимъ политикою Грознаго, и не разъ дѣлаетъ попытки выяснить этотъ сложный характеръ. Вотъ почему, не имѣя возможности остановиться на всей совокупности историческихъ взглядовъ г. Иловайскаго, мы просимъ у читателей позволенія ограничиться только воззрѣніями автора на Грознаго.

Г. Иловайскій принадлежитъ къ разряду тѣхъ нашихъ историковъ, которые отрицаютъ политическій смыслъ въ личной дѣятельности царя Іоанна и натуру его признаютъ патологиче-

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1891, февраль, стр. 925—927. На эти страницы рецензіи г. С—жева г. Иловайскій отвѣчалъ (*Новое Время*, № 5374) заявленіемъ, что ему извѣстны книги, названныя рецензентомъ, между прочимъ, и изслѣдованіе, изданное въ 1888 году пишущимъ эти строки. Пользуемся случаемъ замѣтить г. Иловайскому, что въ нашей книгѣ нѣтъ того «вывода», который онъ тамъ усмотрѣлъ, «о невинности Годунова въ убіеніи царевича Дмитрія», а есть только выводъ, что нѣкоторыя литературныя произведенія не могутъ служить основаніемъ для обвиненія Бориса въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, вопреки мнѣнію г. Иловайскаго, мы не можемъ присвоить себѣ и чести считаться въ числѣ послѣдователей Е. А. Бѣлова по этому вопросу.

ской. Въ силѣ чувствъ, направленныхъ противъ Іоанна, нашъ авторъ соперничаетъ съ Карамзинымъ и Костомаровымъ и рѣзко высказывается противъ защитниковъ и апологетовъ Грознаго (см. примѣч. 54-е). Однако, смѣемъ думать, что къ аргументаціи своихъ предшественниковъ г. Иловайскій не прибавилъ ничего существеннаго и новаго и въ то же время оставилъ безъ должнаго вниманія тѣ недавнія пріобрѣтенія нашей исторіографіи, которыя съ пользою можно было привлечь къ освѣщенію эпохи Грознаго. Странно поэтому читать заявленіе г. Иловайскаго, что «мы имѣемъ передъ собою довольно подробную и документальную исторію сего царствованія» (стр. 644); другіе историки сознавали, что въ исторіи сего царствованія есть незаполненные пробѣлы.

Характеристика Грознаго у г. Иловайскаго весьма несложна: она состоитъ изъ многократныхъ указаній на то, что Іоаннъ былъ отъ природы даровитъ, но подвергся нравственной порчѣ и сталъ рабомъ грубыхъ страстей, что и обратило его въ азіатскаго деспота, представителя «татарщины», что и лишило его возможности здраво понимать задачи государственной политики. «Отъ природы (говоритъ г. Иловайскій) Иванъ IV былъ, очевидно, впечатлителенъ и даровитъ, что̀, можетъ быть, обусловливалось отчасти и самымъ происхожденіемъ его съ женской стороны: бабушка его была греко-италіанка, а мать литво-руссинка» (стр. 166). Хотя и не ясно, что̀ и почему обусловливалось иностраннымъ происхожденіемъ съ женской стороны— впечатлительность или же даровитость (какъ будто московскій человѣкъ самъ по себѣ, безъ чужой крови, не могъ быть впечатлителенъ и даровитъ!),—однако, хорошо уже и то, что г. Иловайскій не отрицаетъ этихъ качествъ въ Грозномъ. Уже въ дѣтствѣ натура Іоанна подъ вліяніемъ среды была испорчена жестокосердіемъ, которое проявлялось не разъ въ поступкахъ молодого царя до его женитьбы. Однако «два незабвенныхъ мужа», Сильвестръ и А. Адашевъ, и царица Анастасія имѣли до поры до времени прекрасное воспитательное вліяніе на Іоанна,—пока

не возобладали въ немъ «дурныя стороны характера», пока Іоанну не показалось, что совѣтники отнимаютъ у него власть. «При деспотическихъ наклонностяхъ, при понятіяхъ о своей неограниченной власти, наслѣдованныхъ отъ *отца* и *дѣда* и усиленныхъ *преданіями византійскими*, Іоаннъ началъ все болѣе и болѣе тяготиться своими совѣтниками» (стр. 247). Послѣдовалъ разрывъ, начались казни, совершилось нравственное паденіе Іоанна. Онъ дѣйствовалъ, по словамъ автора, «вполнѣ уподобляясь какому-либо дикому татарскому хану» (стр. 271); онъ—«высокомѣрный, заносчивый тиранъ» (стр. 288); онъ—«трусъ, который, перепугавшись при первой вѣсти о врагѣ, бѣжитъ отъ него» (стр. 312); «чѣмъ ближе всматриваемся мы въ эту эпоху, тѣмъ яснѣе выступаетъ вся политическая недальновидность Грознаго, его замѣчательное невѣжество относительно своихъ соперниковъ на Ливонію» (стр. 320). Печаленъ конецъ Іоанна: свои бѣды онъ усугубилъ убійствомъ сына. «Ничего другого (замѣчаетъ по этому поводу г. Иловайскій) и невозможно было ожидать отъ безумнаго тирана, который такъ привыкъ предаваться необузданнымъ порывамъ своихъ страстей, для котораго не было ничего святого въ этомъ мірѣ» (стр. 326). Пробѣгая страницы, посвященныя Іоанну, читатель чувствуетъ, какъ растетъ у автора не цѣльная характеристика этого лица, а отрицательное къ нему отношеніе. Полную формулу этого отношенія мы находимъ въ заключительныхъ строкахъ къ исторіи царствованія Грознаго, гдѣ авторъ собираетъ воедино все сказанное раньше по частямъ (стр. 330—331). Здѣсь находимъ указаніе, что Іоаннъ обнаружилъ «недюжинныя правительственныя способности», но обратилъ «наслѣдованную имъ отъ предковъ сильную власть въ орудіе жестокой и нерѣдко безсмысленной тираніи», отчего «московское самодержавіе... получило до извѣстной степени характеръ азіатской деспотіи». Политика Грознаго была «яркимъ отраженіемъ татарщины», однимъ изъ «самыхъ крупныхъ послѣдствій двухвѣкового татарскаго ига». Результатомъ же этой политики было смутное

время: «Иванъ Васильевичъ самъ приготовилъ и облегчилъ тотъ взрывъ народныхъ движеній и всякой розни, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Смутнаго времени».

Таково послѣднее слово автора о Грозномъ. Оригинальна въ немъ только категоричность утвержденія, что Грозный былъ «отраженіемъ татарщины» (самая же мысль о вліяніи татарщины на правительственные обычаи Московской Руси вѣдь далеко не нова). Къ этому утвержденію г. Иловайскій возвращается не разъ и обстоятельнѣе высказываетъ его не въ главѣ о Грозномъ, а въ главахъ, посвященныхъ внутреннему быту Москвы. На стр. 409-й узнаемъ, что «азіатскія деспотіи и служили образцами, которымъ съ такимъ успѣхомъ подражалъ Иванъ IV»; на стр. 410-й этотъ «азіатскій деспотизмъ» Грознаго разсматривается, какъ «порожденіе татарскаго ига»; въ главѣ XII помѣщена цѣлая рубрика: «вліяніе Ивана Грознаго на нравы», въ которой о Грозномъ говорится, что, «выросши самъ подъ вліяніемъ татарщины, онъ, въ свою очередь, способствовалъ ея поддержанію и усиленію» (стр. 483).

Но гдѣ же доказательства этихъ тезисовъ? Гдѣ же объясненіе того, чтó авторъ разумѣетъ подъ понятіемъ «татарщины» и «азіатскаго деспотизма»? Если собирать тѣ черты, которыми авторъ характеризуетъ Грознаго и его политику, какъ отраженіе татарщины, то придется перечислить: «раболѣпіе» въ противоположность «гражданскому чувству» (стр. 331, 410), «суровыя черты, съ которыми царская власть относилась къ своимъ подданнымъ» (стр. 409), «необузданный произволъ» (стр. 409), «крайняя порочность и звѣрство», «суевѣріе, кощунство и самое гнусное распутство» (стр. 483), «гнетъ и насиліе со стороны высшихъ начальственныхъ лицъ, раболѣпіе и забвеніе человѣческаго достоинства со стороны низшихъ» (стр. 484). Но всѣ эти отрицательныя стороны личной и общественной нравственности не слагаются въ цѣльное представленіе объ общественномъ и политическомъ порядкѣ и не могутъ составлять монопольныхъ свойствъ татарщины и азіатства, почему и «та-

тарщина» г. Иловайскаго остается неопредѣленною. По даннымъ г. Иловайскаго можно было бы предположить, что у него есть безсознательная тенденція объяснять все темное въ русскомъ быту XVI вѣка вліяніемъ татаръ, а всѣ свѣтлыя стороны этого быта относить къ нашимъ національнымъ достоинствамъ. Но это было бы невѣрно, ибо г. Иловайскій знаетъ и положительныя стороны «татарщины» въ русской жизни, онъ говоритъ о Грозномъ, что «его ничѣмъ необузданный произволъ и общій терроръ, внушаемый... казнями, доказали только великую силу терпѣнія и глубокую покорность Провидѣнію со стороны русскаго народа,—*качества, въ которыхъ его закалила* особенно предшествовавшая долгая *эпоха татарскаго ига»* (стр. 409). Какъ же опредѣлить послѣ этого, что̀ такое у г. Иловайскаго татарщина сама по себѣ и татарщина въ смыслѣ татарскаго вліянія на русскую жизнь, и въ какомъ смыслѣ понимать слова, что Грозный — отраженіе татарщины?

Если понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что Грозный подражалъ порядкамъ азіатскихъ деспотій, считая ихъ образцами для себя (на это даетъ право одна изъ вышеуказанныхъ фразъ г. Иловайскаго),—то гдѣ же доказательства этого? У г. Иловайскаго ихъ нѣтъ совсѣмъ; онъ даже не воспользовался тѣми литературными аналогіями между царемъ Махметомъ и Грознымъ, которыя съ именемъ Ивашки Пересвѣтова вращались въ русскомъ обществѣ XVI вѣка и оправдывали крутость Іоанна афоризмами Махмета: «аще не такою грозою великій народъ угрозити, ино и правды въ землю не ввести» [1]); между тѣмъ, эти аналогіи можно было бы обернуть въ пользу мнѣнія г. Иловайскаго. Въ точномъ обоснованіи это мнѣніе весьма нуждается, такъ какъ стремленіе Іоанна къ татарскимъ образцамъ весьма мало вѣроятно. Если же понимать татарство Грознаго въ смыслѣ его отдѣльныхъ грубыхъ замашекъ, усвоенныхъ имъ изъ среды,

[1]) То, что говоритъ авторъ о писаніяхъ Пересвѣтова, не связано у него съ разсужденіями о татарщинѣ Грознаго (стр. 499, 643, 687).

его воспитавшей, то врядъ ли стоитъ спорить противъ такого «татарства»: пусть оно было, но можно ли имъ объяснить смыслъ политики Грознаго, можно ли внѣшнія замашки полагать въ основаніе характеристики политическаго дѣятеля? Конечно, нельзя.

Неопредѣленность и афористичность характеристики Грознаго у г. Иловайскаго бросаются въ глаза тѣмъ болѣе, что въ этой характеристикѣ нѣтъ полнаго внутренняго согласія частей и нѣтъ той полноты, какой можно требовать при настоящемъ состояніи нашей исторіографіи.

Какъ можетъ читатель согласить, напримѣръ, «недюжинныя правительственныя способности» Іоанна (330) и «политическую недальновидность Грознаго, его замѣчательное невѣжество относительно своихъ соперниковъ на Ливонію» (321)? Ключа къ пониманію этого несоотвѣтствія въ изложеніи нашего автора не дано. Какъ можетъ читатель размежевать византійскія традиціи въ политикѣ Іоанна и татарское на нее вліяніе? Авторъ и здѣсь не даетъ руководящей нити. Выше нами приведены мѣста изъ книги г. Иловайскаго, рекомендующія Грознаго съ его политикой, какъ отраженіе татарщины и прямое слѣдствіе татарскаго ига. Но вперемежку съ этими мѣстами находимъ и утвержденіе, что понятіе о неограниченной власти, наслѣдованное Іоанномъ отъ отца и дѣда, было усилено *преданіями византійскими* (247), что обычай соцарствія сына отцу водворился, конечно, *не безъ вліянія Византіи*» (326). Это вліяніе Византіи вообще на развитіе въ Москвѣ самодержавной власти особенно подчеркивается авторомъ тамъ именно, гдѣ онъ говоритъ, что Иванъ IV подражалъ азіатскимъ деспотіямъ (409), при чемъ, по изложенію г. Иловайскаго, проводниками византійскаго вліянія были «церковная іерархія и письменность», «вліяніе же золотоордынскихъ образцовъ дѣйствовало долго и непосредственно». Но вѣдь указаніе путей и способовъ вліянія не опредѣляетъ еще его сферы и не разрѣшаетъ недоумѣній, здѣсь возникающихъ, о самой сущности традицій ви-

зантійскихъ и татарскихъ (или содержаніе ихъ было одинаково?). Если здѣсь позволительно отъ вопроса о личной политикѣ Грознаго отойти въ область политическихъ отношеній той эпохи вообще, то мы можемъ представить и еще одинъ образецъ внутреннихъ несоотвѣтствій въ изложеніи г. Иловайскаго.

Авторъ доказываетъ, что «такъ называемая нѣкоторыми писателями борьба Іоанна съ боярскимъ сословіемъ въ сущности никакой дѣйствительной борьбы не представляетъ» (263). Власть была такъ сильна, что наиболѣе строптивымъ боярамъ «оставалось только орудіе слабыхъ и угнетенныхъ—*тайная* крамола... Но таковой при Иванѣ IV мы не видимъ». Побѣги нѣкоторыхъ бояръ въ Литву «не могутъ быть названы борьбою *какого-либо* сословія противъ государственнаго строя». «Въ Москвѣ (продолжаетъ авторъ) было *одно только* сословіе, которое могло оказать нѣкоторое противодѣйствіе кровожадному самодурству Ивана IV, хотя бы только однимъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Мы говоримъ о высшемъ *духовенствѣ*. И какъ ни было оно, въ свою очередь, зависимо отъ царской власти и угнетено тираномъ, оно все-таки *выставило изъ среды себя* достойнаго борца. Но любопытно, что этотъ человѣкъ *вышелъ не изъ другого какого сословія, а именно изъ боярскаго*. Слѣдовательно, только *черезъ духовный* авторитетъ сіе сословіе могло тогда проявить какой-либо *открытый протестъ* противъ тирана». Въ этомъ комплексѣ фразъ, изложенныхъ на одной страницѣ (264) и переданныхъ нами въ послѣдовательности, какую далъ имъ авторъ, многое непонятно. Боярство не могло вести борьбы съ властью, даже не прибѣгало къ тайной крамолѣ; пыталось бороться духовенство, давшее «изъ среды себя» митрополита Филиппа; но этотъ Филиппъ былъ бояринъ; стало быть, боярство («сіе сословіе») могло тогда проявить открытый протестъ черезъ духовный авторитетъ. Таковъ въ сущности ходъ разсужденія, которое сперва отрицаетъ возможность даже тайной борьбы, а затѣмъ намекаетъ на возможность борьбы открытой, которое сперва объявляетъ

Филиппа въ его протестѣ представителемъ духовенства, а затѣмъ—представителемъ боярства. Что эти противорѣчія—не кажущіяся, подтверждается фразой о Филиппѣ на стр. 269-й: «такъ этотъ достойный представитель *вмѣстѣ* и боярскаго, и духовнаго сословія палъ,... отстаивая свое архипастырское право печалованія, увѣщанія и поученія». Здѣсь совершенно такое же, какъ и выше, смѣшеніе понятій: за архипастырское право Филиппъ могъ бороться, только какъ представитель духовенства; какъ бояринъ, онъ не имѣлъ никакого отношенія къ архипастырскому праву. И читатель въ правѣ спросить автора: какого же, наконецъ, сословія представителемъ былъ Филиппъ? Вѣроятно, духовнаго, ибо, въ концѣ концовъ, г. Иловайскій нашелъ у боярства свои особыя опредѣленныя притязанія на сословное право. Изъ послѣдующаго изложенія г. Иловайскаго узнаемъ, что бояре-князья, служившіе Москвѣ, «еще не успѣли забыть о недавнемъ прошломъ и при удобномъ случаѣ *могли высказывать притязанія*, несогласныя съ развивающимся самодержавнымъ строемъ, въ особенности *притязаніе на право* быть главными совѣтниками государя и занимать важнѣйшія мѣста въ управленіи» (412). Еще во время Грознаго «поддерживались тѣсныя связи между потомками удѣльныхъ князей и населеніемъ ихъ бывшихъ удѣловъ, поддерживались старыя воспоминанія и *притязанія*» (414). Грозный «возможно скорѣе» старался порвать эти старыя связи. Если притязанія бояръ-князей на власть московскими государями были парализованы, по мнѣнію г. Иловайскаго (413), съ помощью умѣлой политики государей въ отношеніи боярской думы,—то притязанія боярства «занимать важнѣйшія мѣста въ управленіи», получившія выраженіе въ мѣстничествѣ, были терпимы самимъ Иваномъ Грознымъ:... «въ 1550 году... были изданы правила взаимнаго счета мѣстами... само правительство такимъ образомъ признавало законность этихъ счетовъ» (415). Такъ самъ г. Иловайскій нашелъ у боярскаго класса такія притязанія, съ которыми считались и боролись московскіе государи. Не рискованно ли послѣ

этого утверждать вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ, что не существовало «никакой дѣйствительной борьбы» у власти съ боярами? Если не было борьбы открытой, если не было борьбы правильно организованной, то глухая борьба сословныхъ боярскихъ притязаній съ принципами московской автократіи, несомнѣнно, шла, и эти притязанія, питаемыя всѣмъ сословіемъ, были не менѣе серьезны для московскихъ государей, чѣмъ «тайная крамола», которой, по мнѣнію автора, не существовало.

Но гораздо важнѣе, чѣмъ внутреннее несогласіе частей въ оцѣнкѣ политики Грознаго, неполнота этой оцѣнки. Въ нашей исторической наукѣ не въ самые послѣдніе годы былъ выясненъ тотъ національно-политическій идеалъ, который создался въ русской письменности XV—XVI вѣковъ и представлялъ Москву центромъ «православія», а московскаго государя «царемъ православія». Литературные взгляды были восприняты офиціальною московскою средою; въ нихъ воспитался Грозный; во имя ихъ принялъ онъ царскій титулъ и требовалъ отъ Востока признанія этого титула. Страница 169-я книги г. Иловайскаго свидѣтельствуетъ, что авторъ не признаетъ такого пониманія дѣла: мотивовъ принятія царскаго титула онъ вовсе не объясняетъ, книжныя теоріи о «Москвѣ—третьемъ Римѣ», онъ какъ будто считаетъ послѣдствіемъ принятія титула, а не мотивомъ его; въ литературную же образованность самого Грознаго до 1547 года онъ не вѣритъ (стр. 175, 620). Если въ толкованіи дѣла авторъ хотѣлъ сдѣлать шагъ назадъ сравнительно съ настоящимъ положеніемъ исторіографіи, онъ долженъ былъ бы представить въ свою пользу доказательства бо̀льшія, чѣмъ простое отрицаніе взгляда С. М. Соловьева (ссылка на Курбскаго ничего не доказываетъ, такъ какъ ничего не говоритъ о времени до 1547 года).

Такъ же мало можетъ удовлетворить читателя, знакомаго, напримѣръ, со вторымъ томомъ «Русской Исторіи» К. Н. Бестужева-Рюмина, изложеніе причинъ Ливонской войны Грознаго въ книгѣ г. Иловайскаго. Г. Иловайскій и здѣсь остался позади

своихъ предшественниковъ съ предпочтеніемъ Крымскаго похода Ливонской войнѣ, предпочтеніемъ, которое основано на томъ соображеніи автора, что желавшіе Крымскаго похода «совѣтники Іоанна были люди умные и понимавшіе дѣло, а главное, хорошо цѣнившіе современныя имъ обстоятельства» (стр. 219). Но до сихъ поръ именно въ томъ и высказывалось сомнѣніе, хорошо ли цѣнили совѣтники Іоанна современныя обстоятельства, и этого сомнѣнія г. Иловайскій не разсѣиваетъ своими доводами о народномъ одушевленіи въ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ и своими указаніями на возможность (неудачныхъ) походовъ черезъ степь. Думаемъ поэтому, что и послѣ книги г. Иловайскаго на Ливонскую войну Грознаго не будутъ смотрѣть, какъ на плодъ его личнаго близорукаго произвола.

Прямой пробѣлъ въ изложеніи г. Иловайскаго составляетъ молчаніе о томъ народно-хозяйственномъ кризисѣ, признаки котораго давно подмѣчались изслѣдователями, изучавшими русское общество въ эпоху Грознаго, и были собраны воедино В. О. Ключевскимъ въ XV главѣ его «Боярской думы». Подвижность земледѣльческаго класса, заставлявшая землевладѣльцевъ въ эксплоатаціи земель переходить отъ труда свободнаго къ труду зависимому, многое объясняетъ въ исторіи московскаго общества XVI вѣка и является одною изъ существеннѣйшихъ причинъ смутнаго времени, которое г. Иловайскимъ ставится на счетъ одному Іоанну Грозному, его личной политикѣ (стр. 330, 414).

Подведемъ итоги сказанному. Къ разсмотрѣнію частностей труда г. Иловайскаго мы приступили съ замѣчаніемъ, что трудъ этотъ кажется намъ составленнымъ поспѣшно. Полагаемъ, что недосмотры, которые нами отмѣчены, подтверждаютъ это замѣчаніе и служатъ доказательствомъ того, что книга требуетъ пересмотра и усовершенствованія. Въ настоящемъ своемъ видѣ она никакъ не можетъ имѣть того значенія, какое склоненъ ей придавать авторъ. «Исторіи» Карамзина и Соловьева явились съ цѣльными воззрѣніями на русскую историческую жизнь, воз-

зрѣніями, которыя для своего времени представляли новизну; давали толчокъ наукѣ. «Исторіи» Карамзина и Соловьева внесли въ науку такъ много новаго матеріала, что стали на долгое время въ рядъ «источниковъ» для исторіи. Взгляды г. Иловайскаго иногда требуютъ простыхъ поправокъ и новинкою не являются; матеріалъ, обработанный г. Иловайскимъ, и до него составлялъ общее достояніе, ибо г. Иловайскій рукописями не пользовался [1]). Мѣрка труда «исторіографическаго» (по терминологіи г. Иловайскаго) для его книги оказывается слишкомъ крупною.

Если же приложить къ произведенію г. Иловайскаго иное мѣрило, болѣе соотвѣтствующее,—посмотрѣть на его книгу, какъ на опытъ популярнаго изложенія русской исторіи, разсчитанный на среду не-спеціалистовъ,—то книга окажется обладающею большими достоинствами и можетъ заслужить благодарность автору со стороны читающей публики. Живое изложеніе, умѣнье стройно комбинировать матеріалъ, фактическая полнота при сравнительно небольшомъ объемѣ труда—неотъемлемыя достоинства «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго, какъ сочиненія популярнаго. Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ рецензентовъ, которые взглянули на разбираемую книгу, какъ на грубую компиляцію. Авторъ безусловно широко освѣдомленъ въ нашей исторической литературѣ и со стороны изложенія совершенно самостоятеленъ. Но работая съ помощью не исключительно источниковъ, авторъ неизбѣжно долженъ былъ становиться въ зависимость отъ монографической литературы; и этого ему нельзя ставить въ упрекъ. Напротивъ, слѣдуетъ совершенно согласиться съ авторомъ, когда онъ признаетъ своей заслугой то, что, слѣдя за развитіемъ нашей исторіографіи, онъ нашелъ нужнымъ ввести въ свое изложеніе новые отдѣлы и достаточно потрудился какъ надъ исторіей Литовско-русскаго государства, такъ и надъ исторіей на-

[1]) Исключеніе составляетъ одна, если не ошибаемся, эпистола Ивана Пересвѣтова (см. стр. 687).

шей внѣшней культуры. Въ полнотѣ своего плана онъ пошелъ далѣе писателей середины нашего вѣка и приблизился къ той наиболѣе полной программѣ, которой старался слѣдовать въ своей специальной «Русской исторіи» К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. И, конечно, въ отдѣлахъ, вновь введенныхъ, г. Иловайскій не имѣлъ такихъ образцовъ, съ которыхъ ему можно было бы грубо копировать, а между тѣмъ, эти отдѣлы полностью, ясностью и живостью изложенія не уступаютъ всѣмъ прочимъ главамъ книги.

Послѣднія наши слова свидѣтельствуютъ, что мы не задались цѣлью во что бы то ни стало уничтожить значеніе труда г. Иловайскаго. Мы только не считали возможнымъ принять ту точку зрѣнія на этотъ трудъ, на какую желалъ бы поставить читателя авторъ. Мы отрицательно отнеслись къ той мысли, что трудъ г. Иловайскаго можетъ вліять на развитіе нашей исторіографіи или отражать во всей полнотѣ ея современные успѣхи. Но мы далеки отъ того, чтобы отрицать назидательное значеніе «Исторіи» г. Иловайскаго для среды неспеціалистовъ, для читающей публики, которая, конечно, и не замедлитъ оцѣнить разбираемую книгу такъ же благосклонно, какъ оцѣнилъ ее съ точки зрѣнія этой публики критикъ *Русскаго Вѣстника* (февраль 1891 г.).

НѢЧТО О ЗЕМСКИХЪ «СКАЗКАХЪ» 1662 ГОДА [1]).

(1891).

Съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ управленія Московскимъ архивомъ министерства юстиціи сталъ Н. А. Поповъ, замѣтно большое оживленіе въ работахъ по описанію, изданію и изслѣдованію богатствъ этого архива. Производятся эти работы служебнымъ персоналомъ архива; ведутся онѣ весьма энергично, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ извѣстною системою, благодаря чему послѣднія книжки «Описанія документовъ и бумагъ» архива пріобрѣтаютъ несомнѣнное научное значеніе и не малый интерессъ. Имена участниковъ этого изданія, а равно и другихъ ученыхъ дѣятелей архива, пользуются извѣстностью въ нашей исторической литературѣ, появляясь не только въ изданіяхъ самого архива, но и на страницахъ ученыхъ нашихъ журналовъ.

Къ этой почтенной средѣ архивныхъ дѣятелей примыкаетъ А. Н. Зерцаловъ, выступившій впервые съ матеріалами для исторіи земскаго собора 1648 — 1649 гг., напечатанными г. Латкинымъ въ 1884 г. («Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.»). Другую часть этихъ матеріаловъ г. Зерцаловъ напечаталъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древно-*

---

1) О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг. *А. Зерцалова.* (Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1860 г., книга III). М. 1890.

стей за 1887 годъ (кн. III). Наконецъ, въ послѣднее время г. Зерцаловъ обнародовалъ новыя свои архивныя находки, касающіяся народныхъ волненій въ Москвѣ въ 1648, 1662 и 1771 годахъ [1]). И въ прежнихъ изданіяхъ, и въ настоящемъ пріемъ отношенія г. Зерцалова къ матеріалу однообразно простъ: печатаются документы, цѣликомъ или въ выдержкахъ, иногда приведенные въ нѣкоторый порядокъ, иногда же и безъ того; документамъ предпосылается введеніе, заключающее въ себѣ краткій пересказъ печатаемыхъ документовъ и первоначальную оцѣнку ихъ пригодности, какъ источника для исторіи того или другого вопроса. За ученое изслѣдованіе самаго вопроса г. Зерцаловъ не берется, оставаясь въ роли только издателя и комментатора. Нельзя, конечно, не благодарить г. Зерцалова за ту энергію, съ какою онъ отыскиваетъ документы; но нельзя не отмѣтить, что онъ не всегда достаточно цѣнитъ интересъ и значеніе документа, попадающаго въ его руки. Благодаря послѣднему обстоятельству, изданія г. Зерцалова заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ памятниками значительнаго интереса, не мало и такого матеріала, о которомъ нельзя даже сказать, на что̀ онъ можетъ пригодиться при изученіи вопроса, занимающаго г. Зерцалова. Такой малопригодный балластъ особенно великъ въ послѣднемъ изданіи г. Зерцалова «О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ».

Изданіе это состоитъ изъ трехъ, совершенно другъ отъ друга независимыхъ отдѣловъ. Въ первомъ, послѣ введенія, помѣщены документы, относящіеся къ исторіи московскихъ волненій 1648 года. На первомъ мѣстѣ (стр. 29—116) напечатаны многочисленныя выписки изъ приходо-расходной книги Патріаршаго казеннаго приказа за 7156 — 7159 годы. Эти выписки могутъ служить лучшимъ подтвержденіемъ только что̀

---

[1]) Перечисляя труды г. Зерцалова, не касаемся его критическихъ статей; о нихъ см. «Памятную книжку Моск. архива мин. юст.» М. 1890, стр. 227.

сказанныхъ нами словъ о недостаткѣ строгаго выбора документовъ въ изданіи г. Зерцалова. Разъ книга Патріаршаго приказа напечатана не цѣликомъ, — она не можетъ служить съ пользою для изученія патріаршаго хозяйства; но она не касается и исторіи бунта 1648 г., такъ какъ къ бунту никакого отношенія не имѣетъ, кромѣ развѣ того, что упоминаетъ имена лицъ, извѣстныхъ по обстоятельствамъ бунта. Не бо̀льшее значеніе для исторіи волненій можетъ имѣть и роспись жильцовъ, ходившихъ «въ походы» съ царемъ Алексѣемъ въ 1647—1648 годахъ (стр. 207—219); въ ней, кстати сказать, какъ разъ нѣтъ упоминаній о томъ майскомъ походѣ царя въ Троицкій монастырь, за которымъ послѣдовалъ бунтъ. Любопытнѣе другіе документы — сыскныя дѣла о Л. Плещеевѣ и Скобельцыныхъ (стр. 116—192), о князѣ Юсуповѣ и его людяхъ (192 — 207), о безпорядкахъ на Покровской улицѣ въ Москвѣ и т. д. (223 — 231). Эти дѣла рисуютъ намъ любопытныя черты нравовъ того времени и свидѣтельствуютъ о ненормальностяхъ общественной жизни, позволявшихъ, напримѣръ, такому ничтожному человѣку, какъ сосланный въ Сибирь Леонтій Плещеевъ, открыто похваляться: «про меня де вѣдаетъ государь, что я *зернщикъ*»; «у меня де Москва была въ рукѣ вся, я де и боярамъ указывалъ» (186). Не Леонтій, конечно, а случайные люди первыхъ лѣтъ Алексѣева царствованія держали «въ рукѣ» Москву: Леонтій же былъ этимъ людямъ не совсѣмъ чужой человѣкъ. Для исторіи частнаго землевладѣнія въ XVII вѣкѣ не лишенъ значенія документъ, заключающій въ себѣ перечень вотчинъ Б. И. Морозова и его брата Глѣба (стр. 231 — 236); этотъ документъ слѣдуетъ сопоставить съ извѣстными статьями И. Е. Забѣлина о вотчинномъ хозяйствѣ Б. И. Морозова. Напрасно, однако, г. Зерцаловъ ссылается на этотъ документъ въ доказательство своего мнѣнія, что изъ ссылки «Морозовъ вернулся въ Москву не ранѣе 14-го сентября 157 г.», ибо «25-го сентября онъ получилъ изъ Помѣстнаго приказа на свои вотчины» новые документы (20).

Можно, кажется, считать установленнымъ, что Морозовъ былъ вызванъ изъ Тверской вотчины 22-го октября 157 (1648) года и прибылъ въ Москву къ 29-му октября; стало быть, 25-го сентября документы получены были изъ Помѣстнаго приказа еще въ отсутствіе Морозова. При оцѣнкѣ перечисленныхъ матеріаловъ г. Зерцаловъ допускаетъ и другія неточности. Такъ, на стр. 18-й, въ примѣчаніи 80, число приказовъ, существовавшихъ въ 1648 году, безо всякой оговорки онъ ограничиваетъ цифрою 24; на стр. 19-й общеземское челобитье о реформѣ посадскаго устройства онъ выдаетъ за челобитье московскихъ жителей.

Несравненно бо́льшее историческое значеніе могутъ имѣть документы, собранные г. Зерцаловымъ для объясненія бунта 1662 года и изданные имъ, къ сожалѣнію, безъ всякихъ сколько-нибудь вразумительныхъ легендъ. Въ томъ порядкѣ, какой принятъ издателемъ въ размѣщеніи документовъ, мы, прежде всего, знакомимся съ подлинными «сказками» торговыхъ людей г. Москвы, составленными по поводу финансоваго кризиса 50—60-хъ годовъ XVII вѣка. По желанію правительства, торговыя московскія корпораціи въ 1662—1663 годахъ «подавали и сказывали многія сказки о пополненіи серебра», точнѣе, о мѣрахъ, которыми можно было бы поправить дурныя послѣдствія правительственной операціи съ мѣдными деньгами. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ проектированныхъ московскимъ купечествомъ мѣропріятій. Десять «сказокъ», напечатанныхъ г. Зерцаловымъ, заслуживаютъ спеціальной оцѣнки какъ потому, что характеризуютъ взгляды московскихъ людей на задачи и средства экономической политики, такъ и потому, что даютъ любопытныя свѣдѣнія о фактической сторонѣ кризиса, дошедшаго въ тотъ моментъ до своего апогея. Очень любопытна одна частность въ этихъ сказкахъ московскихъ людей; она вноситъ новую и притомъ драгоцѣнную черту въ исторію древне-русскаго представительства. Въ февралѣ 1662 г. люди Кадашевской слободы, въ апрѣлѣ гости и люди гостиной и суконной сотенъ,

въ маѣ люди черныхъ сотенъ и слободъ предлагаютъ правительству, въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса, собрать земскій соборъ, вмѣсто того, чтобы обсуждать положеніе дѣла съ однимъ московскимъ купечествомъ. «А о семъ великаго государя милости просимъ,—говорятъ кадашевцы,—чтобъ великій государь изволилъ взять сказки у городовыхъ земскихъ людей, что то дѣло всего его великаго государства» (стр. 250). Гости и гостиной сотни торговые люди выражаются еще опредѣленнѣе: «о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся для того, что то дѣло всего государства всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лутчихъ людей по 5 человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить не возможно» (260). Люди суконной сотни ограничиваются краткимъ заявленіемъ: «а о мѣдныхъ деньгахъ сказать и ихъ на мѣрѣ поставить, что имъ быть, или перемѣнить, о томъ не домыслимся, что то дѣло великое всего государства всей земли» (264). Люди же черныхъ сотенъ и слободъ даютъ своему заявленію форму, довольно близкую къ формѣ заявленія гостей: «о томъ великаго государя милости просимъ, чтобъ великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лутчихъ людей, а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть потому, что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей» (265). Почти девять лѣтъ прошло со времени послѣдняго земскаго собора 1653 года; правительство, видимо, отказывалось отъ прежней своей практики частыхъ соборныхъ совѣщаній; но земщина еще помнила эту практику, считала ее лучшимъ средствомъ «на мѣрѣ поставить» важное дѣло и просила возвращенія къ старинѣ. Эта просьба земскихъ людей, оставшаяся безъ удовлетворенія, является еще однимъ лишнимъ свидѣтельствомъ противъ стараго мнѣнія, что земскіе соборы сами собою склонились къ упадку, обратясь въ лишенную реальнаго смысла формальность.

*

За «сказками» московскихъ людей помѣщено нѣсколько мелкихъ документовъ, касающихся исторіи того же финансоваго кризиса [1]), а затѣмъ слѣдуетъ полное сыскное дѣло о бунтѣ 1662 года (295—362). Оно съ мелочною подробностью вскрываетъ передъ читателемъ весь ходъ волненія, всѣхъ его коноводовъ и участниковъ. Для возстановленія фактовъ мятежа документъ г. Зерцалова будетъ, безспорно, первымъ, важнѣйшимъ источникомъ.

Не буду останавливаться на третьемъ отдѣлѣ изданія г. Зерцалова: здѣсь помѣщены бумаги, извлеченныя изъ слѣдственнаго производства по поводу московскаго бунта 1771 года. Онѣ даютъ полный перечень лицъ, попавшихъ подъ слѣдствіе, а также сообщаютъ и кое-какія данныя о ходѣ самаго бунта.

Все сказанное, надѣюсь, можетъ дать читателю основаніе судить благосклонно о характерѣ и пригодности труда г. Зерцалова. Новый сборникъ почтеннаго собирателя не будетъ обойденъ ни однимъ изслѣдователемъ общественной исторіи XVII (преимущественно) вѣка. Лепта, вносимая г. Зерцаловымъ въ сокровищницу нашей археографіи, заслуживаетъ признанія и благодарности.

---

[1]) Въ нихъ есть не лишенное значенія свидѣтельство, что еще въ 1662 году Касимовскіе посадскіе люди «живутъ... за Касимовскимъ царевичемъ Васильемъ Араслановичемъ, и таможенные доходы сбираются... на него-жъ»; при этомъ посадскіе люди названы «крестьянами» царевича (стр. 282). Фактомъ этимъ можно, кажется, пополнить списокъ «кормленій» XVII вѣка, помѣщенный у *А. С. Лаппо-Данилевскаго* (Организація прям. обл., 511).

Какъ возникли чети?

Къ вопросу о происхожденіи Московскихъ приказовъ-четвертей.

(1892).

Въ послѣднее время вопросъ о «четвертяхъ» сталъ на очередь въ спеціальной литературѣ. Въ трудахъ молодыхъ ученыхъ П. Н. Милюкова, С. М. Середонина и В. Н. Сторожева, вмѣстѣ съ пересмотромъ старыхъ данныхъ и мнѣній по вопросу, сдѣланы были попытки и новыхъ толкованій. Эти новыя толкованія, представленныя, съ одной стороны, гг. Милюковымъ и Сторожевымъ, съ другой—г. Середонинымъ, уничтожаютъ старыя теоріи о происхожденіи и значеніи «четвертей» и въ то же время строятъ на ихъ мѣсто совершенно разнорѣчивыя предположенія. Тому, кто сопоставитъ одно съ другимъ эти предположенія, становится ясно, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои слабыя стороны и цѣликомъ не можетъ быть принято. Вопросъ, такимъ образомъ, ими не разрѣшается, и причиною этого слѣдуетъ считать не что иное, какъ недостатокъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ приходится строить ту или другую теорію.

Въ самомъ дѣлѣ, офиціальные документы, сохранившіеся отъ конца XVI вѣка, ничего опредѣленнаго не говорятъ ни о томъ, *какъ* возникли чети, ни о томъ, *отчего* и *для чего* онѣ возникли. Довольно неожиданно, и на первый взглядъ необъяснимо, рядомъ съ Большимъ Дворцомъ и Большимъ Приходомъ, сбиравшими дворцовые и государственные доходы, во второй половинѣ XVI вѣка становятся замѣтны нѣсколько че-

тей, дьячихъ канцелярій, точно также сбиравшихъ доходы. Что могло въ XVI вѣкѣ вызвать необходимость въ подобномъ дробленіи государственной кассы, въ такомъ безпорядочномъ, на первый взглядъ, нагроможденіи финансовыхъ учрежденій? Или же это дробленіе было наслѣдіемъ еще удѣльныхъ временъ, наслѣдіемъ, не замѣтнымъ для насъ въ первой половинѣ XVI вѣка и оставившимъ слѣдъ въ документахъ только съ семидесятыхъ годовъ этого столѣтія?

До недавняго времени господствовало именно послѣднее предположеніе, что многочисленность кассъ создалась въ Москвѣ, какъ результатъ постепеннаго присоединенія удѣловъ; для управленія вновь присоединенною областію создавалась, будто бы, «областная четь», которая мало-по-малу получала значеніе преимущественно финансоваго учрежденія, такъ какъ имѣла дѣло съ податными слоями областного населенія. Позднѣйшими представителями этого взгляда можно считать М. Ф. Владимірскаго-Буданова [1]) и А. С. Лаппо-Данилевскаго [2]). Съ большимъ основаніемъ противъ такого пониманія дѣла выступилъ П. Н. Милюковъ [3]). Онъ стремится доказать, что чети были не ар-

---

[1]) Обзоръ исторіи русскаго права, изданіе 1886 года, I, стр. 156—157.

[2]) Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1890, стр. 453—455 (и далѣе).

[3]) Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка. Спб. 1892 (изъ *Журн. М. Н. Пр.)*, глава I, § 2, и глава V, § 22. Здѣсь изложена исторія самаго вопроса о четвертяхъ. *В. Н. Сторожевъ* не безъ основанія замѣтилъ, что мнѣніе г. Милюкова находится «въ тѣсной связи съ мнѣніемъ А. Лохвицкаго» (*Журн. М. Н. Просв.*, 1892, январь, стр. 195; сравн. у г. *Милюкова* стр. 38). Мы бы прибавили, что къ своимъ выводамъ г. Милюковъ приведенъ былъ и соображеніями чисто теоретическаго свойства: въ исторіи московской финансовой администраціи онъ склоненъ наблюдать «эволюцію финансоваго управленія: выдѣленіе изъ Дворца—Большого Прихода и раздѣленіе послѣдняго на чети» (сравн. стр. 34 и Оглавленіе); эта эволюціонная теорія поддерживалась, въ глазахъ изслѣдователя, и показаніемъ Маржерета о подчиненіи четей Большому Приходу.

ханизмомъ въ слагавшейся системѣ московскаго управленія, а напротивъ, новинкою, вызванною къ жизни отвлеченными административными соображеніями, постепеннымъ раздѣленіемъ доходовъ на дворцовые и государственные, и затѣмъ этихъ послѣднихъ — на общегосударственные и мѣстные. По словамъ г. Милюкова, «Московскій Большой Дворецъ первоначально одинъ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго государства. Къ послѣдней четверти XVI вѣка, однако, находимъ доходы государственные уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ; вмѣстѣ съ ними выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ. Затѣмъ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе государственныхъ доходовъ на спеціальные общегосударственные—продуктъ новыхъ государственныхъ потребностей — и отчасти изстари сложившіеся, отчасти вновь переведенные на деньги или вновь обращенные на государственное употребленіе мѣстные доходы; и опять соотвѣтственно этому раздѣленію выдѣляются изъ Большого Прихода областные приказы, долго сохраняющіе связь съ Большимъ Приходомъ, какъ и самъ Большой Приходъ сохраняетъ продолжительную связь съ Большимъ Дворцомъ» [1]).

Этой теоріи г. Милюкова можно сдѣлать такой же упрекъ, какой г. Милюковъ дѣлаетъ А. Д. Градовскому за его изображеніе четей — въ излишнемъ схематизмѣ. Очень трудно убѣдиться въ томъ, напримѣръ, къ чему г. Милюкова привели его апріорныя точки зрѣнія,—въ первоначальномъ тожествѣ Большого Прихода, Четвертного приказа (и просто Четверти) и Дворца, къ тому же еще въ годы сравнительно поздніе (1581—1583 гг.), тогда какъ самъ же г. Милюковъ готовъ въ другомъ мѣстѣ признать, что выдѣленіе четей изъ Большого Прихода (не только этого послѣдняго изъ Дворца) обозначилось уже *къ* послѣдней *трети* или четверти XVI вѣка [2]). Самъ

---

[1]) *П. Н. Милюковъ*, стр. 34.
[2]) Ibidem, 26—27, 29 и 300.

г. Милюковъ не скрываетъ, хотя и представляетъ кажущимся, то противорѣчіе, въ какомъ стоятъ двѣ группы фактовъ, собранныхъ имъ одна для доказательства тожества доходовъ «четвертныхъ» и «Большого Прихода», другая—для доказательства ихъ различія [1]). Съ другой стороны, по изложенію г. Милюкова, учрежденіе четвертей какъ будто не имѣло иной цѣли, кромѣ той, чтобы раздѣлить кассы поступленій общегосударственныхъ и мѣстныхъ; по крайней мѣрѣ, болѣе практическихъ соображеній для этого учрежденія не указывается. Но можно ли предполагать, чтобы московское правительство руководилось такого рода теоретическими побужденіями въ созданіи вѣдомствъ? Могли ли въ то время существовать и двигать практическими мѣропріятіями такія отвлеченныя представленія о принципахъ и задачахъ устройства финансоваго управленія? Была ли, наконецъ, дѣйствительная потребность въ томъ, чтобы вмѣсто одной кассы создать ихъ нѣсколько, и если была, то въ какой формѣ выразилась на дѣлѣ?

Одновременно съ г. Милюковымъ вопроса о четяхъ коснулся и С. М. Середонинъ, представивъ свои догадки о происхожденіи этихъ учрежденій при разборѣ показаній о нихъ Флетчера [2]). Гипотеза г. Середонина, сравнительно съ представленіями г. Милюкова, болѣе исторична. Г. Середонинъ начинаетъ съ опредѣленнаго момента и факта: «по уничтоженіи намѣстниковъ во многихъ волостяхъ, — говоритъ онъ, — и вслѣдъ за введеніемъ тамъ самоуправленія кругъ дѣйствій центральныхъ учрежденій расширяется, что понятно само собою, разъ уничтожена была инстанція, черезъ которую до сихъ поръ правительство сносилось съ областнымъ населеніемъ» [3]). Мѣсто этой упразд-

---

[1]) Ibidem, 28.

[2]) Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. Спб. 1891, глава IV, §§ 1 и 3.

[3]) *С. М. Середонинъ*, стр. 261. Едва ли не подъ вліяніемъ книги *Ѳ. М. Дмитріева* («Исторія судебныхъ инстанцій») пришелъ г. Сере-

женной инстанціи заняли въ центральномъ управленіи не учрежденія, а лица: казначеи и дьяки. Въ первый разъ въ опричнинѣ эти лица сомкнулись въ учрежденіе, которое должно было управлять изъятыми изъ земщины городами и волостями. «Тогда (говоритъ г. Середонинъ) скоро послѣ 1566 года и возникъ въ Москвѣ Дворовый или Дворцовый Четвертной приказъ, Четверть, вѣдавшая всѣ опричные города и волости... Дьяки, сидѣвшіе въ этомъ приказѣ, вѣдавшіе доходы на царя, завѣдывали каждый извѣстными областями». По уничтоженіи опричнины это учрежденіе, возвращенное съ своимъ вѣдомствомъ въ государство, потеряло единство, распалось на нѣсколько дьячихъ канцелярій, соотвѣтственно числу дьяковъ Четвертного приказа; вмѣсто этого приказа или одной Четверти стало нѣсколько четвертей. Прежде Четверть въ опричнинѣ содержала на свои доходы опричниковъ, теперь четверти, возвратясь въ государство, содержатъ вообще служилыхъ людей, «четвертчиковъ». Послѣ столькихъ пертурбацій вѣдомство каждой изъ этихъ четей не могло сразу опредѣлиться и устояться, чѣмъ и объясняются перемѣны въ этихъ вѣдомствахъ, происходившія непрерывно до самаго конца XVI вѣка.

Главное достоинство этой схемы въ томъ, что въ ней вѣрно и очень чутко взята исходная точка—въ административныхъ реформахъ Грознаго. Слабая же сторона схемы заключается въ томъ, что опричнина, хотя и остроумно, и даже не безъ основаній, но безъ настоятельной нужды включена въ число стадій, чрезъ которыя при своемъ зарожденіи прошли чети. Оба автора, и г. Милюковъ, и г. Середонинъ, какъ и слѣдовало ожидать, стали въ затрудненіи предъ тѣми «*дворовымъ* Большимъ Приходомъ» и «*дворцовымъ* Четвертнымъ приказомъ», которые вскорѣ послѣ 1580 г. появляются въ грамотахъ рядомъ просто съ Большимъ Приходомъ и просто съ Четверт-

донинъ къ выбору этой исходной точки для своего разсужденія (см. стр. 264 у г. *Середонина*, стр. 120 и слѣд.—у г. *Дмитріева*).

нымъ приказомъ. Изъ путаницы показаній нѣсколькихъ грамотъ г. Милюковъ думалъ выйти чрезъ сближеніе «дворовыхъ» или «дворцовыхъ» учрежденій съ Большимъ Дворцомъ и чрезъ отожествленіе Большого Прихода съ Четвертнымъ приказомъ; а г. Середонинъ подъ терминомъ «дворцовый» разумѣлъ иной смыслъ: для него «дворовое» или «дворцовое» учрежденіе значило учрежденіе въ опричнинѣ. Отсюда и явилось у г. Середонина предположеніе, что Четвертной приказъ (онъ же и «дворовый Большой Приходъ») учрежденъ былъ въ опричнинѣ и оттуда въ видѣ четвертей переданъ въ земщину. Съ этимъ врядъ ли возможно согласиться; тѣмъ не менѣе, поиски г. Середонина въ опричнинѣ представляются намъ не совсѣмъ уже безосновательными: и по нашему мнѣнію, терминъ «дворовый» легче истолковать, какъ наслѣдіе опричнины, чѣмъ видѣть въ немъ признакъ зависимости четей и Большого Прихода отъ Дворца, признакъ запоздалый, не наблюдаемый въ третьей четверти XVI вѣка и воскресшій въ послѣднюю четверть. Такимъ образомъ, предположенія г. Середонина представляются намъ болѣе, чѣмъ схема г. Милюкова, близкими къ правильному разумѣнію дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, есть возможность нѣкоторыми соображеніями подтвердить правильность исходнаго пункта разсужденій г. Середонина; надобно только видоизмѣнить вопросъ, чтобы поставить это разсужденіе на болѣе правильный путь. Г. Середонинъ, какъ и г. Милюковъ, старался уловить *причину появленія* Четвертного приказа или четей; легче, намъ кажется, опредѣлить *цѣль учрежденія* ихъ. Она въ XVI вѣкѣ довольно ясна. Назначеніе четей—содержать извѣстное число служилыхъ людей годовымъ жалованьемъ изъ фонда, образуемаго путемъ взноса извѣстныхъ податныхъ платежей непосредственно въ четверти подлежащими податному обложенію лицами и общинами. Такимъ образомъ, у изучаемыхъ нами учрежденій какъ бы двѣ стороны; одна обращена къ служилымъ людямъ: четь выплачиваетъ имъ «годовыя деньги», «годовой оброкъ»; другая

обращена къ податному населенію: четь взимаетъ съ него «четвертные доходы». Совершенно основательно замѣтилъ Н. Д. Чечулинъ и подтвердили гг. Милюковъ и Середонинъ [1]), что въ чети шли доходы, имѣвшіе мѣстный характеръ, тогда какъ въ Большой Приходъ—доходы общегосударственные; въ чети въ XVI вѣкѣ направлялись всего чаще разные виды «оброчныхъ» денегъ, за «намѣстничъ доходъ и за присудъ оброкъ и пошлины», «за посельничъ доходъ» и т. д. Въ то же самое время оклады, которые давались изъ четвертей служилымъ людямъ, также носили, какъ сейчасъ указано, названіе «оброка» [2]). Можно поэтому представлять себѣ дѣло такъ, что назначеніемъ четей была передача оброчныхъ денегъ какимъ-то служилымъ людямъ, имѣвшимъ право на эти оброчныя деньги. Остается узнать, какія же это оброчныя деньги и кто имѣлъ на нихъ право; разрѣшеніе этихъ вопросовъ разрѣшитъ вопросъ и о цѣли учрежденія четей, и о смыслѣ ихъ дѣятельности.

Возможенъ, намъ кажется, лишь одинъ отвѣтъ на эти вопросы: идущія въ чети оброчныя деньги «за намѣстничъ доходъ» и проч. есть не что иное, какъ «кормленый окупъ», «оброкъ», установленный уложеніемъ 7064 (1555—1556) года въ видѣ выкупа за уничтоженныя кормленья; право на этотъ «оброкъ» получили тѣ, кто ранѣе имѣлъ право на кормленье. Объ этой операціи въ Никоновской лѣтописи [3]) читаемъ любопытное мѣсто, которымъ слѣдуетъ начинать исторію четей: «На грады и на волости (велѣлъ государь) положити *оброки* по ихъ промысломъ и по землямъ и тѣ *оброки збирати* къ цар-

---

[1]) *Чечулинъ*, Города Московскаго государства въ XVI в., стр. 186—187.—*Милюковъ*, Госуд. хозяйство Россіи, стр. 27.—*Середонинъ*, Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 307 и др.

[2]) Акты Московск. Государства, I, стр. 32, № 19.—Описаніе документовъ и бумагъ архива министерства юстиціи, VIII, Десятни, стр. 87, прим. 3.—*Сторожевъ*, Къ вопросу о четвертчикахъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1892 г., январь, стр. 197 и 206).

[3]) Ник. VII, 261 (также *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.*, V, отд. 2-е, стр. 96); сравн. Русск. Истор. Библ., III, стр. 256.

скимъ казнамъ своимъ *дьякомъ*; бояръ же и велможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ и кормленіемъ, праведными уроки, ему жъ достоитъ по отечеству и по родству, а городовыхъ въ четвертой годъ, а иныхъ въ третей годъ денежнымъ жалованьемъ». Оброки въ этой цитатѣ—будущіе «четвертные доходы», сбирающіе ихъ дьяки—«четвертные дьяки», «бояре и вельможи и всѣ воины»—«четвертчики», которые получили право на новое «кормленіе», на «праведные уроки», то-есть на годовой оброкъ изъ чети; наконецъ, «городовые» служилые люди—тѣ, которые жалованье «емлютъ съ городомъ» не каждый годъ [1]).

Изложенными соображеніями, какъ кажется, совершенно разъясняется вопросъ о томъ, *почему* и *для чего* возникли чети. Становится понятенъ спеціальный характеръ поступленій, шедшихъ въ четь, понятно и ихъ спеціальное назначеніе, о которомъ узнаемъ изъ десятенъ и другихъ документовъ. Г. Середонину нельзя, такимъ образомъ, отказать въ большой чуткости и прозорливости, дозволившей ему вѣрно опредѣлить тотъ моментъ и тотъ фактъ, отъ которыхъ дѣйствительно слѣдуетъ вести исторію интересующихъ насъ учрежденій. Но изложенныя соображенія все-таки не разрѣшаютъ недоумѣній, связанныхъ съ вопросомъ, *какъ* возникли чети, то-есть какую форму онѣ получили первоначально и какое мѣсто заняли въ московской административной іерархіи. Никоновская лѣтопись говоритъ, что царь велѣлъ «тѣ оброки збирати къ царскимъ казнамъ своимъ дьякомъ», и на основаніи этого извѣстія можно думать, что въ первый же моментъ своего существованія четь стала дьячьею канцеляріею. Г. Милюковъ полагаетъ, что эту дьячью

---

[1]) Значеніе уложенія 7064 года и (отчасти) смыслъ изложенныхъ здѣсь обстоятельствъ раскрыты въ трудѣ *В. О. Ключевскаго* «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» (*Русская Мысль*, 1892, январь, стр. 155 и слѣд., особенно стр. 158 и 160). Нѣсколько поздній, но очень краснорѣчивый примѣръ прямой связи установленія четвертныхъ сборовъ съ фактомъ уничтоженія намѣстничья управленія находится въ Русск. Ист. Библ., II, № 39, ст. 46—47.

канцелярію (или нѣсколько такихъ канцелярій) слѣдуетъ искать внутри Большого Прихода, а г. Середонинъ помѣщаетъ ее въ опричнинѣ. Оба они стоятъ на почвѣ догадокъ, а не твердыхъ выводовъ, и этимъ догадкамъ, кажется, нельзя дать полной вѣры въ виду слѣдующихъ соображеній.

Появленіе Четвертного приказа, или «Четверти», обусловленное появленіемъ «кормленаго окупа», наблюдается нѣсколькими годами позднѣе административной реформы 1555 года. Кормленый окупъ первоначально распредѣлялся между дьяками различныхъ приказовъ: онъ шелъ, напримѣръ, дьякамъ Большого Дворца и Помѣстнаго приказа (въ 1555—1556 гг.) [1]). Впервые «Четвертной приказъ» упоминается не въ 1582 году и не въ 1576 году, какъ думали, а уже въ 1569 году — и сразу съ очень опредѣленнымъ характеромъ учрежденія, вѣдающаго спеціальные сборы: «съ Поморскихъ съ Пушлахотцкихъ и съ Золотицкихъ дворовъ и съ поженъ и съ мельницъ и съ рыбныхъ ловель и со всякихъ угодей давати имъ въ нашу казну въ *Четвертной приказъ* дань и оброкъ по книгамъ писцовъ нашихъ Якова Сабурова и Никиты Яхонтова»,—читаемъ въ царской жалованной грамотѣ Кириллову монастырю отъ 26-го августа 7077 (1569) года [2]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1574 году, монастырскія власти просили государя, чтобы съ помянутыхъ Золотицкихъ дворовъ и угодій «имъ тѣ *оброчные деньги* и иные пошлины велѣти въ нашу казну платити имъ самимъ на Москвѣ въ *Четвертной приказъ*... а привозити имъ тѣ *оброчные деньги* на Москву въ *Четверть* са-

---

[1]) А. А. Э. I, № 243; сравн. А. И. I, № 165 (стр. 318); А. А. Э. I, № 250; *Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVI вѣка, 271—272 (о дьякѣ Угримѣ Львовѣ), 262—263 (о дьякѣ Путилѣ Нечаевѣ).

[2]) Рукопись археографической коммиссіи, № 112, стр. 533. Описаніе рукописи см. въ трудѣ *Н. П. Барсукова* «Рукописи археографической коммиссіи», С.-Пб. 1882, стр. 52—54). Этимъ любопытнымъ сборникомъ копій съ царскихъ грамотъ Кириллову монастырю мы будемъ пользоваться и ниже, отмѣчая, при цитатахъ въ самомъ текстѣ въ скобкахъ, страницы сборника.

мимъ на срокъ на Крещенье Христово ежегодъ съ Каргопольскими данными деньгами вмѣстѣ» (стр. 546—547). Достойно замѣчанія, что жалованная грамота 1569 года исчисляетъ владѣнія Кириллова монастыря въ Каргопольскомъ уѣздѣ по показаніямъ двухъ переписей: Якова Сабурова «съ товарищи» 7064 (1556) года и Никиты Яхонтова «съ товарищи» 7070 (1562) года, при чемъ эти переписи не всегда преслѣдуютъ одинакія цѣли. Сабуровъ писалъ уѣздъ обычнымъ порядкомъ, а Яхонтовъ писалъ, кажется, однѣ оброчныя статьи; поэтому и читаемъ въ грамотѣ такія, напримѣръ, выраженія: «въ дани тѣ угодья по Яковлеву письму Сабурова и въ оброкѣ по Микитину письму Яхонтова» (стр. 508). Оброки съ промысловъ и угодій опредѣляются и по тому и по другому письму [1]), но кормленый окупъ—по письму именно Яхонтова, напримѣръ: «съ того двора по Яковлевымъ книгамъ Сабурова дани и ямскихъ денегъ, и за городовые и за засѣчные, и за емчужное дѣло и всякихъ пошлинъ и пищалныхъ денегъ на годъ три алтыны и полтретьи деньги; а по Никитинымъ книгамъ Яхонтова за намѣстничь доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ двѣнадцать алтынъ съ деньгою; всего пятнадцать алтынъ и по(л)четверты деньги» [2]). Это обстоятельство позволяетъ построить предположеніе, что Яхонтовъ былъ посланъ въ 1562 г. въ Поморскіе города именно для опредѣленія размѣра четвертныхъ сборовъ, которые потомъ и были направлены въ спе-

---

[1]) Стр. 522: «Да въ тѣхъ же во Яковлевыхъ книгахъ Сабурова написано... съ варничного двора и съ поженъ... у Григорья Никитина оброку двадцать пять алтынъ, а въ книгахъ письма Никиты Яхонтова съ того двора и съ поженъ написанъ тотъ же оброкъ»; также стр. 523, 524, 532.

[2]) Стр. 520; сравн. стр. 520—521, 525. Исключеніе составляютъ слова на стр. 526—527: «Да въ Яковлевыхъ же книгахъ Сабурова написано: въ Золотицѣ дв. Гаврило Мохнаткинъ,... а дани и ямскихъ денегъ и всякихъ пошлинъ и пищалныхъ денегъ съ того двора на годъ два алтына и двѣ деньги, да за намѣстничъ доходъ и за присудъ оброку семь алтынъ съ полуденьгою, всего девять алтынъ пол-

ціальное учрежденіе, въ особый Четвертной приказъ. Замѣтимъ, что въ тѣ же самые годы тотъ же самый плательщикъ, то-есть Кирилловъ монастырь, имѣетъ дѣло и съ Большимъ Приходомъ, которому, въ 1564, 1568, 1576 годахъ платитъ неизмѣнно однѣ и тѣ же «ямскіе и приметные деньги, и за городовые и за засѣчные, и за емчужное дѣло» [1]). Различеніе платежей, идущихъ въ Четверть и Большой Приходъ, проводится въ документахъ весьма отчетливо,—знакъ, что твердо различаются и самыя учрежденія. Вотъ тому примѣръ: Въ началѣ 7085 (1576—1577) года власти Кириллова монастыря бьютъ челомъ государю: «идетъ де имъ въ Кирилловъ монастырь *на Москвѣ изъ Большого Приходу* нашего жалованья съ (sic) денежные годовые руги по 58 рублевъ и по 10 алтынъ и по 4 деньги на годъ; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ то наше жалованье денежную ругу давати на Бѣлѣозерѣ изъ Бѣлозерскихъ доходовъ ежегодъ безпереводно; и мы... пожаловали на нынѣшней 85 годъ дали имъ годовую ругу изъ Большого Приходу на Москвѣ,.... а впередъ пожаловали есмя, велѣли имъ давати не своихъ *изъ Бѣлозерскихъ изъ ямскихъ* денегъ...» [2]). Ямскія деньги изъ различныхъ мѣстъ поступаютъ въ Большой Приходъ,—ими же черезъ это именно учрежденіе и распоряжается московская администрація на мѣстахъ.

Эти наблюденія и справки могутъ, какъ кажется, убѣдить въ томъ, что уже въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVI вѣка Большой Приходъ и Четвертной приказъ, или просто Четверть, явно различаются: это—два параллельныхъ, но не со-

---

третьи деньги». Въ виду того, что это—единственное указаніе такого рода и что существованіе кормленаго окупа въ Золотицѣ въ 1556 г. (время переписи Сабурова) ничѣмъ инымъ не подтверждается, мы готовы подозрѣвать здѣсь пропуски обычныхъ въ другихъ случаяхъ словъ: «по Никитинымъ книгамъ Яхонтова» передъ словами «за намѣстничъ доходъ.

[1]) Стр. 414, 415, 417, 418, 493, 494, 549, 550.

[2]) Стр. 570—571.

впадающихъ учрежденія, вѣдомства которыхъ, близкія, но не тожественныя, касаются двухъ различныхъ видовъ окладныхъ доходовъ. И позже можемъ мы наблюдать такое же отсутствіе прямыхъ отношеній между изучаемыми учрежденіями.

Не было въ то же время прямой связи между Четвертью и опричниной: по крайней мѣрѣ, г. Середонинъ не нашелъ ея доказательствъ и остался при однѣхъ о ней догадкахъ. Мы же думаемъ, что есть данныя для того, напротивъ, чтобы совершенно отрицать эту связь. Они заключаются въ мѣстническомъ дѣлѣ Василія Зюзина съ Ѳедоромъ Нагимъ, въ томъ самомъ дѣлѣ, частности котораго уже привлечены къ изученію вопроса о четяхъ [1]). «Государь князь Иванъ Васильевичъ Московскій» и «великій князь Семіонъ Бекбулатовичъ всеа Русіи» были съ дворомъ въ Старицѣ, когда началось это дѣло. Понадобились справки въ Москвѣ и ихъ требуютъ грамотою отъ разряднаго дьяка Андрея Щелкалова. Онъ долженъ выписать нѣкоторые случаи изъ старыхъ разрядовъ и долженъ навести справки о жалованной на Галицкое кормленье грамотѣ: «И скажетъ Петръ, что онъ тогды про тое грамоту явки въ которыхъ будетъ *приказѣхъ* давалъ,—и ты бъ *по приказомъ* тѣхъ явокъ велѣлъ сыскати, а сыскавъ бы еси съ тѣхъ явокъ велѣлъ списати списки; да тѣ списки *за дьячьими приписьми* и *за своею печатью* прислалъ къ намъ часа того; да чтобъ еси велѣлъ сыскавъ выписати ис книгъ грамоты, какова грамота въ прошлыхъ лѣтѣхъ дана А. Шетневу да М. Тучкову на жалованье на Галичъ и кто у нихъ тогды былъ большей и хто меньшой, а сыскавъ и выписавъ то все противъ сее грамоты, *за своею приписью и за печатью* тое выпись къ намъ прислалъ...» (стр. 21). Троякаго рода порученія даются А. Щелкалову: во-первыхъ, справки изъ разрядовъ онъ долженъ навести въ своемъ Разрядномъ приказѣ; во-вторыхъ, о явкахъ спросить памятями

---

[1]) «Русскій Историческій Сборникъ», подъ редакціею *Погодина*, т. V, М. 1842, стр. 1—36.

другіе приказы и, получивъ отвѣты «за дьячьими приписьми», переслать ихъ (пакетомъ) «за своею печатью» къ царю; въ-третьихъ, наконецъ, у себя въ приказѣ, «за *своею* приписью», долженъ выписать изъ книгъ жалованную грамоту на Галичъ и тѣмъ же порядкомъ послать въ Старицу. И вотъ, на первое Щелкаловъ отвѣчаетъ государю: «что язъ, холопъ твой, въ разрядѣхъ сыскалъ, и язъ, написавъ на списокъ, *за своею приписью* послалъ къ тебѣ, государю»; на второе онъ ничего не можетъ отвѣтить, ибо Петра (Шетнева) на Москвѣ не оказалось и о явкахъ отъ него свѣдѣній нельзя было получить; на третье же у Щелкалова читаемъ вдвойнѣ для насъ любопытный отвѣтъ: «А о жалованной о Галицкой грамотѣ, какъ давана Ѳеонасью Шетневу, въ которыхъ книгахъ, сыскиваютъ *четвертные дьяки во всѣхъ четвертяхъ*, и что, государь, въ которой четверти сыщутъ, и язъ, государь, въ тотъ часъ выписавъ къ тебѣ, къ государю, пришлю» (стр. 22—24). Стало быть, въ 1576 году четвертей уже нѣсколько, и всѣ онѣ въ вѣдомствѣ Андрея Щелкалова, съ «приписью» котораго исходятъ изъ нихъ документы. Отсюда, кажется, возможенъ безспорный выводъ, что четверти существовали одновременно съ опричниной и внѣ ея, въ вѣдѣніи дьяка не дворового, а земскаго [1]). Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, приведенные документы 1576 года наводятъ на ту мысль, что четверти (или Четвертной приказъ) въ данномъ случаѣ подчинены Андрею Щелкалову именно потому, что онъ дьякъ Разряда, то-есть связаны не съ лицомъ дьяка, а съ учрежденіемъ. Не даромъ же цитированная нами выше грамота 1574 года, дававшая право Кирилловскимъ властямъ самимъ платить деньги въ Четверть на Москвѣ, подписана дьякомъ

---

[1]) «Дьякъ разряду дворового» Андрей Шерефединовъ былъ въ то время въ Старицѣ и судилъ то самое дѣло Зюзина съ Нагимъ, для котораго Андрей Щелкаловъ давалъ изъ Москвы справки (Русск. Историч. Сборникъ, V, стр. 1; сравн. *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, по Указателю).

Андреемъ Клобуковымъ, который въ тѣ приблизительно годы былъ въ Разрядѣ [1]). И еще болѣе знаменательно, что, когда въ 1577 году въ Разрядѣ Василій Щелкаловъ смѣнилъ брата Андрея, появилась и «четверть дьяка Василія Щелкалова», собиравшая уже въ 7087 (1578—1579) году доходы съ Каширы [2]). Въ то же самое время, въ 1578 году, находимъ еще «четверть дьяковъ Андрея Арцыбашева да Алексѣя Исакова», въ которую поступаетъ оброкъ съ рыбныхъ ловель въ Каргопольскомъ уѣздѣ [3]); но и Андрей Арцыбашевъ въ это время былъ разряднымъ дьякомъ [4]). Не смѣемъ утверждать, что всѣ эти намеки памятниковъ съ непререкаемою достовѣрностью доказываютъ наше предположеніе о подчиненіи четей разряднымъ дьякамъ, но думаемъ, что это предположеніе не менѣе вѣроятно, чѣмъ всѣ другія—о четяхъ въ Большомъ Приходѣ или въ опричнинѣ, что оно, далѣе, не опровергается прямо ни однимъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ фактовъ и, наконецъ, имѣетъ за себя апріорныя соображенія. Въ самомъ дѣлѣ, четвертные доходы, по своему происхожденію и назначенію, скорѣе всего могли сосредоточиться въ Разрядѣ. Кормленщики и ихъ потомки, верхній слой служилаго люда, и службою своею, и вознагражденіемъ за нее въ видѣ административныхъ полномочій, то-есть кормленіями, подлежали вѣдѣнію именно Разряда или, точнѣе, боярской думы, вѣдавшей ихъ черезъ Разрядъ; когда кормленія замѣнены были сборами въ Четверть, наблюденіе за сборами и четвертями всего скорѣе должно

---

1) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 548; *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 462—463, 554 и по Указателю.

2) Писцовыя книги *Калачева*, II, стр. 1305.

3) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 645—646 (царская грамота въ Каргополь 7086 года, 11-го мая, за приписью дьяка Андрея Арцыбашева).

4) Съ разрядными дьяками Шерефединовымъ и Стрѣшневымъ записанъ онъ въ разрядахъ 1578 года (Древн. Росс. Вивл., XVI, стр. 350); см. *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 473 и 554 (не ясно, почему къ *этому* времени г. Лихачевъ относитъ переходъ Арцыбашева въ Большой Приходъ); также Акты Московскаго Государства, I, № 21.

было сосредоточиться въ тѣхъ же рукахъ, въ Разрядномъ, а не другомъ приказѣ [1]).

Итакъ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVI вѣка Четвертной приказъ, или Четверть, представлялъ собою особую кассу, въ которой сосредоточивались опредѣленные сборы и вѣдались опредѣленные расходы. Эта касса была подчинена, по всей вѣроятности, Разрядному приказу. Въ восьмидесятыхъ годахъ Четвертной приказъ, распадавшійся и раньше на Четверти, теряетъ окончательно свое единство, потому что выходитъ изъ вѣдомства одного разряднаго думнаго дьяка и поступаетъ въ вѣдѣніе нѣсколькихъ думныхъ дьяковъ [2]). Въ такомъ положеніи и засталъ ихъ Флетчеръ. Въ виду того, что Разрядъ былъ думскою канцеляріей по преимуществу, а разрядный дьякъ по преимуществу секретаремъ думы, въ этой перемѣнѣ нельзя видѣть чего-либо существенно новаго: и раньше чети близки были къ думѣ, и теперь остались столь же близки къ ней; раньше завѣдывалъ ими одинъ думный дьякъ, а теперь, при развитіи дѣятельности четей, расширившимся учрежденіемъ стали завѣдывать всѣ думные дьяки.

Такова, по нашему представленію, исторія Четвертей въ XVI вѣкѣ. Намѣренно не касались мы до сихъ поръ той частности вопроса, которая особенно занимала предыдущихъ изыскателей, именно—смысла тѣхъ «Двороваго Большого Прихода» и «Дворцоваго Четвертного приказа», надъ которымъ задумы-

---

[1]) Не считаемъ нужнымъ распространяться о томъ, что Разрядъ принималъ участіе въ назначеніи денежнаго жалованья служилымъ людямъ; см., напримѣръ, Акты Моск. Госуд., I, №№ 21, 123, 124, и статью о четвертчикахъ *В. Н. Сторожева* (*Журн. М. Н. Пр.* 1892, январь, стр. 202—204).

[2]) Къ 1580 году относится первое указаніе на то, что рядомъ съ четью думнаго дьяка Василія Щелкалова, извѣстной намъ въ 1578—1579 гг., дѣйствуетъ независимо отъ нея четь думнаго же дьяка Андрея Щелкалова (А. А. Э. I, № 305). Не считаемъ помянутой нами чети А. Арцыбашева, быть можетъ, подчиненной тому же Василію Щелкалову.

*

вались г. Милюковъ и г. Середонинъ [1]). Прежде всего скажемъ, что эти «дворовыя» учрежденія замѣтны становятся не ранѣе 1581 года, когда Четверти (а равно и Четвертной приказъ) уже существуютъ и совершенно ясны въ своихъ функціяхъ; такимъ образомъ, считать «Дворцовый Четвертной приказъ» ихъ родоначальникомъ совершенно нельзя. Далѣе, названіе «дворовый» или «дворцовый» въ данномъ случаѣ рискованно толковать, какъ знакъ принадлежности учрежденія къ вѣдомству дворецкаго, то-есть къ Большому Дворцу. Навѣрное правъ г. Середонинъ, понимающій дѣло такъ, что терминомъ «дворовый» обозначалась принадлежность къ «двору», замѣнившему «опричнину» [2]). Въ самомъ дѣлѣ, по вѣрному замѣчанію г. Середонина, «дворовыя» учрежденія встрѣчаются только въ послѣдніе годы Грознаго, «когда дворъ едва ли не замѣнилъ опричнины» [3]). Можно думать по нѣкоторымъ соображеніямъ, что эта замѣна произошла около 1576 года; по крайней мѣрѣ, уже въ началѣ 1577 года встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на «дворовые города» въ царской грамотѣ Кириллову монастырю (9-го марта). По словамъ этого документа, у монастырскихъ властей была тарханная грамота на вотчины въ «дворовыхъ городѣхъ», и эту грамоту царь подтверждаетъ [4]), перечисляя «дворовые города» въ такихъ выраженіяхъ: «на Вологдѣ и въ Вологод-

---

[1]) *Милюковъ*, стр. 26; *Середонинъ*, стр. 251—252. Дѣло идетъ о трехъ грамотахъ 1581—1583 годовъ (А. А. Э. I, № 312 и № 318.— Доп. къ А. И. I, № 225), посланныхъ отъ Двороваго Большого Прихода и Дворцоваго Четвертного приказа въ Ростовъ и Двинскій уѣздъ. Въ подписяхъ подъ грамотами и въ текстѣ грамотъ находятся имена дьяковъ—въ двухъ Андрея Арцыбашева и Тимофея Ѳедорова, въ одной того же Арцыбашева и Семейки Сумарокова.

[2]) *Середонинъ*, стр. 255.

[3]) А. А. Э., I, примѣчаніе 63; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VI, изд. 1877 г., стр. 210—211 и примѣч. 95. У г. *Середонина* сравн. стр. 81—82 и 252; намъ кажется, авторъ близокъ здѣсь къ противорѣчію съ самимъ собою; то признаетъ *уничтоженіе* опричнины въ 1576 г., то вѣритъ въ *замѣну* ея «дворомъ».

[4]) Сравн. *Середонинъ*, стр. 80—81.

скомъ уѣздѣ, въ Пошехоньѣ и въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ Ростовѣ и въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ Дмитровѣ и въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ Каргополѣ и въ Каргопольскомъ уѣздѣ и въ Поморьѣ» [1]); у грамоты припись дьяка Андрея Шерефединова, о которомъ знаемъ, что это былъ дьякъ «разряду *дворового*» и дѣйствовалъ въ опричнинѣ [2]). Если сравнимъ названіе тѣхъ мѣстностей, о которыхъ говорится въ грамотахъ дьяка Арцыбашева изъ Двороваго Большого Прихода и Дворцоваго Четвертного приказа, съ этимъ перечнемъ дворовыхъ городовъ и со спискомъ городовъ, взятыхъ въ опричнину [3]),—то убѣдимся, что эти мѣстности, Ростовскій и Двинскій уѣзды, были въ опричнинѣ или въ «дворовыхъ» и что «дворовые» приказы, ихъ вѣдавшіе, близки не къ Большому Дворцу, а къ опричнинѣ [4]). Далѣе, названіе «дворовый» къ Четвертному приказу Андрея Арцыбашева прилагалось далеко не всегда: мы уже видѣли просто «Четверть» этого дьяка, въ 1578 году собирающую оброкъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ; тотъ же дьякъ въ томъ же 1578 году вѣдалъ и Двину, не называясь дворовымъ [5]); а товарищъ его Семейка Сумароковъ въ ноябрѣ 1582 года подписалъ грамоту въ Каргополь, въ которой приказывается мѣстнымъ властямъ о дѣлахъ писать «къ Москвѣ въ четверть къ дьякамъ нашимъ» [6]).

---

[1]) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 594—604. Двумя днями позднѣе выдана монастырю другая жалованная грамота на владѣнія на Бѣлоозерѣ, въ Бѣжецкомъ Верхѣ, въ Городецкомъ уѣздѣ, на Угличѣ, въ Твери, въ Московскомъ уѣздѣ и въ Поморьѣ. Эти мѣста не названы «дворовыми» и вообще не носятъ какого-либо общаго названія. Приписи у грамоты не сохранилось.

[2]) *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 467.—Русск. Ист. Сборникъ, V, стр. I. См. выше, стр. 179, прим. 1, и стр. 180, прим. 4.

[3]) Русск. Ист. Библ., III, ст. 255—256.

[4]) Александроневская лѣтопись (Русск. Истор Библ., III, ст. 256) прямо говоритъ, что въ учреждаемую опричнину «волости государь поималъ *кормленымъ окупомъ*».

[5]) А. А. Э., I, № 299.

[6]) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 683—684 (именъ не указано).

Такъ, очевидно, что Двина и Каргополь вѣдались и въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ, Четвертью, съ дьякомъ Арцыбашевымъ во главѣ, причемъ этого дьяка въ 1578 г. должно считать, вѣроятнѣе всего, разряднымъ [1]). Почему же эта Четверть Арцыбашева съ 1581 года называется «дворцовою» и даже «дворовымъ Большимъ Приходомъ»? Въ такую форму облекается для насъ этотъ вопросъ; какой бы отвѣтъ на него ни былъ данъ, онъ не будетъ имѣть сколько-нибудь важнаго значенія для исторіи происхожденія четей. Да врядъ ли въ настоящее время и можетъ быть данъ опредѣленный отвѣтъ: изъ предыдущаго изложенія можно заключить, что названіе «дворовый» значитъ «опричный»; учрежденіе, вѣдавшее Ростовъ и Двину въ 1581—1583 гг., одинаково вѣдало ихъ и раньше; не въ немъ, конечно, а въ опричнинѣ источникъ какихъ-то измѣненій, отразившихся на названіи этого учрежденія. Однако этихъ измѣненій мы не знаемъ; мы можемъ только догадываться о томъ, напримѣръ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ Арцыбашевъ сталъ, не оставивъ чети, дьякомъ Большого Прихода и получилъ въ то же время какія-то обязанности по «дворовому» управленію. Но разъяснить эти обстоятельства—дѣло будущаго.

---

[1]) Напомнимъ, что въ 1574 году Каргополемъ вѣдала тоже Четверть, какъ это видно изъ грамоты, подписанной разряднымъ же дьякомъ А. Клобуковымъ.

КЪ ВОПРОСУ О СОЧИНЕНІЯХЪ КН. И. А. ХВОРОСТИНИНА [1]).

(1893).

Въ одномъ изъ сборниковъ (синодиковъ) Императорской Публичной Библіотеки (F. I. 324) Е. В. Пѣтуховъ нашелъ очень любопытный памятникъ московской письменности XVII вѣка—разсужденіе о царствіи небесномъ [2]). За этимъ разсужденіемъ въ рукописи слѣдуетъ написанная тѣмъ же почеркомъ статья «о воспитаніи чадъ», а за нею, опять тѣмъ же почеркомъ, обращеніе «къ читателю», содержащее рядъ такихъ указаній на личныя свойства сочинителя, которыя, хотя и не опредѣляютъ точно лица писавшаго, дѣлаютъ его, однако, очень интереснымъ. Е. В. Пѣтуховъ всѣ три статьи памятника при-

---

[1]) «Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ». *Е. В. Пѣтухова* («Памятники древней письменности». XCIII). СПб. 1893. 8⁰. Стр. 56.

[2]) Любопытно рѣшить вопросъ, кто правъ въ опредѣленіи времени и принадлежности рукописи: Калайдовичъ и Строевъ говорятъ, что рукопись «въ 7191 (1683) году принадлежала подъячему Ѳ. Н. Полилову» (Описаніе рукописей гр. Ѳ. А. Толстого. М. 1825, стр. 100—101); Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ, что на рукописи годъ *7191* позднѣйшею рукою написанъ вмѣсто бывшаго *7148*; имя владѣльца читаетъ онъ: Палиловъ (Истор. Очерки, I, стр. 622); у г. Пѣтухова годъ *7191*, а владѣлецъ—Палмовъ (стр. 1). Замѣтимъ кстати, что запись, находящаяся на лл. 1—26 рукописи и, можетъ быть, заключающая 7148 годъ, не должна быть непремѣнно относима къ разбираемому «сочиненію», ибо рукопись F. I. 324 писана разными почерками и переплетена въ позднѣйшее время, такъ что можетъ заключать въ себѣ разновременныя части.

нялъ за одинъ нравоучительный трактатъ, какъ на основаніи внѣшнихъ признаковъ, такъ отчасти и по существу содержанія, и приписалъ весь этотъ трактатъ извѣстному князю Ивану Андреевичу Хворостинину. Можно не согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ заключеніемъ г. Пѣтухова.

Опредѣливъ литературныя свойства произведенія и его значеніе въ рядѣ близкихъ ему по темѣ памятниковъ нашей письменности, г. Пѣтуховъ пытается собрать всѣ данныя объ авторѣ труда, разсѣянныя въ двухъ послѣднихъ статьяхъ: «о воспитаніи чадъ» и «къ читателю». Авторъ оказывается замѣчательнымъ лицомъ: онъ былъ служилымъ человѣкомъ, воеводствовалъ въ полкахъ, имѣлъ «храмины», «имѣнія», «рабовъ», отличался образованіемъ, по его словамъ, «паче сверстникъ моихъ въ родѣ моемъ»; онъ шелъ правымъ путемъ: «не совратенъ бѣхъ отъ пути царьска, владыкамъ бѣ вѣренъ»,—и, тѣмъ не менѣе, его вмѣнили «яко еретика», обвинили въ измѣнѣ, не дозволили оправдаться, и онъ пострадалъ «въ темницахъ», «во юзахъ», «во изгнаніи», «въ заточеніи» [1]). Эти намеки, заключающіеся въ обращеніи «къ читателю», мало опредѣленны, хотя и любопытны. И свое указаніе, въ данномъ случаѣ на Хворостинина, г. Пѣтуховъ вывелъ не изъ перечисленныхъ данныхъ, а главнымъ образомъ изъ того мѣста статьи «о воспитаніи чадъ», гдѣ говорится о полемическихъ сочиненіяхъ на еретиковъ (стр. 49). Въ перечнѣ этихъ сочиненій г. Пѣтуховъ видитъ указаніе автора статьи «о воспитаніи чадъ» на его собственные обличительные труды. Но такъ ли это? Неужели писатель-полемистъ, успѣвшій охватить въ своихъ трудахъ (что удивительно!) широчайшій кругъ

[1]) Напрасно г. Пѣтуховъ послѣднія слова памятника понимаетъ въ томъ смыслѣ, что автору «была полная возможность бѣжать и сродники даже понуждали его къ этому». Выраженіе «пространна быша пути мои отбѣгати отъ озлобленія, злати быша стези к дарованію моему» и т. д. должно понимать такъ, что авторъ имѣлъ полную возможность избѣжать (а не: бѣжать отъ) притѣсненій, путемъ отреченія отъ истины, и что «сродницы и братія» понуждали его къ отреченію, онъ же остался твердъ.

темъ: и «осьмый римскій соборъ», и Лютера, и Кальвина, и Сервета, и Чеховича, и Буднаго, и «Ѳродияново злоумное писаніе», и «опрѣсночную римскую службу» и прочее, и прочее, — неужели такой писатель могъ быть заподозрѣнъ въ еретичествѣ и измѣнѣ и, съ другой стороны, могъ остаться намъ неизвѣстенъ по имени?... Невольно является недовѣріе къ тому, въ чемъ убѣжденъ г. Пѣтуховъ, то-есть къ тому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ библіографическимъ перечнемъ трудовъ новаго, намъ неизвѣстнаго полемиста. И самъ г. Пѣтуховъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что этотъ полемистъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, помѣстилъ перечень своихъ произведеній: «можно было бы ожидать (пишетъ онъ), что авторъ будетъ говорить о себѣ и о своихъ литературныхъ трудахъ вмѣстѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ говоритъ объ этомъ въ двухъ мѣстахъ, разъединенныхъ цѣлымъ трактатомъ о воспитаніи чадъ» (стр. 6). Намъ кажется, что внимательное чтеніе текста памятника до нѣкоторой степени разъясняетъ дѣло, несмотря на то, что этотъ текстъ не всегда исправенъ и понятенъ. Статья «о воспитаніи чадъ» называется: «предисловіе и слововѣщанія ко читателемъ» и есть дѣйствительно *предисловіе* къ какому-то компилятивному сборнику, составитель котораго заранѣе объясняетъ составъ сборника и перечисляетъ труды—чужіе, а не свои собственные,—внесенные имъ въ свое собраніе. Онъ проситъ: «не мните мя гордящеся, яко многое писаніе изучихъ», и потомъ перечисляетъ это «многое писаніе»: «на многіе ереси книги изложихъ... первое положихъ на осмый римскій соборъ, и второе на Лютра... Калвина, Сервѣта, Чеховича и Буднаго;... еще же на Ѳродияново (Афродитіаново) злоумное писаніе сотворихъ слово отъ св. Писанія и на опрѣсночную римскую службу положихъ свидѣтельство отъ словесъ Кирила патріарха Іерусалимскаго» (стр. 48—49). Развитіе полемической литературы во вторую четверть XVII столѣтія общеизвѣстно и въ послѣднее время было предметомъ внимательнаго изученія гг. Цвѣтаева, Каптерева, Голубцова, но никто не указалъ еще самостоятельнаго полемическаго трактата съ содержа-

ніемъ, соотвѣтствующимъ собранію нашего автора; зато составныя части этого собранія могутъ быть предположительно указаны. Знаемъ мы и разныя статьи «о восьмомъ соборѣ», и трудъ Максима Грека объ Афродитіановомъ сказаніи, и труды, которые приписывались Кириллу, патріарху іерусалимскому, и поэтому-то можемъ предполагать, что въ памятникѣ г. Пѣтухова имѣемъ дѣло съ предисловіемъ къ сборнику, заключавшему въ себѣ нѣсколько разновременныхъ полемическихъ статей. Пользу своего сборнаго «доброписанія» авторъ изучаемаго предисловія видитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что оно содѣйствуетъ «утвержденію» «ученія Господня», и въ этомъ «ученіи Господнемъ» онъ совѣтуетъ читателю воспитывать дѣтей своихъ. Такъ очень гладко «предисловіе» переходитъ въ «слововѣщаніе ко читателемъ, имуще нѣчто къ родителемъ о воспитанія чадъ». Это не особый трактатъ о воспитаніи, а только распространенное введеніе, мотивирующее предпринятый авторомъ компиляторскій трудъ.

Если наша догадка вѣрна, то-есть, если въ рукопись F. I. 324 внесено одно предисловіе къ пространному полемическому сборнику, ради его назидательнаго характера, то статья «къ читателю» должна разсматриваться, какъ послѣсловіе къ тому же сборнику. Въ этомъ убѣждаютъ первыя строки этой статьи, призывающія «любодушевнаго читателя» исправить, что̀ слѣдуетъ, «въ слозѣхъ и словесѣхъ или въ рѣчеточествѣ» автора, а затѣмъ намеки автора (на стр. 55) на то, что онъ потерпѣлъ гоненіе отъ духовенства—«владыкъ», «властей» и «церковникъ неученыхъ»—именно за труды богословскаго характера: «хотѣхъ мало написати и вразумѣти ово отъ греческихъ и римскихъ писмъ, овогда потребное предложити чтахся (то-есть: тщахся), и возбраненъ быхъ..., яко *еретика* вмѣняще мя». Указанія на личность автора въ этомъ послѣсловіи таковы, что невольно приводятъ на память князя Ивана Хворостинина и склоняютъ къ мысли, что г. Пѣтуховъ обнародовалъ вступительную и заключительную статьи къ тому полемическому «собранію» Хворостинина, которое было указано П. М. Строевымъ въ «Библіо-

логическомъ словарѣ» (стр. 289), но до сихъ поръ неизвѣстно. Заглавіе труда Хворостинина, приведенное Строевымъ, и указанія на полемическіе труды «предисловія», изданнаго г. Пѣтуховымъ, удивительно совпадаютъ. Однако не скроемъ, что признать принадлежащими именно Хворостинину двѣ статьи: «предисловіе» и «къ читателю», значитъ стать лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми затрудненіями. Прежде всего возникаетъ вопросъ, при чемъ же здѣсь статья «о царствіи небесномъ», какое отношеніе можетъ она имѣть къ полемическому «собранію»? По нашему разумѣнію, это—совершенно особое произведеніе. Г. Пѣтуховъ напрасно, по признакамъ чисто внѣшнимъ, соединилъ его съ послѣдующими статьями; онъ самъ (на стр. 13) отмѣтилъ въ нихъ различіе литературныхъ пріемовъ, и дѣйствительно статья «о царствіи небесномъ» составлена гораздо болѣе опытною въ литературномъ отношеніи рукою, съ витійствомъ отмѣнно изысканнымъ; и по сюжету она далека отъ послѣдующаго. Далѣе. Если признавать авторство Хворостинина, то что̀ понимать подъ его словами: «на опрѣсночную римскую службу положихъ свидѣтелство отъ словесъ Кирила патріарха іерусалимскаго» (стр. 49)? Если подъ «словесами Кирила» разумѣть 34-ю главу такъ называемой «Кириловой книги» (О опрѣснокахъ и о агнцѣ), то слѣдуетъ помнить, что Кирилова книга вышла въ 1644 году, Хворостининъ же умеръ въ 1625-мъ [1]). А что же другое можно разумѣть въ данномъ случаѣ? Мы думаемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ не на нашей обязанности. Наконецъ, замѣтимъ, что, давая вѣру показанію Строева о содержаніи полемическаго сочиненія Хворостинина, никакъ нельзя приписывать Хворостинину первыхъ 12-ти главъ «Изложенія на лютеры», какъ дѣлаетъ г. Пѣтуховъ (на стр. 21—22): кажется, твердо установлено, что эти главы были

---

[1]) Не останавливаемся на возможномъ противорѣчіи вышеуказанной даты рукописи F. I. 324—7148 (1640) годъ—съ фактами заимствованія изъ Кирилловой книги 1644 года.

переведены съ западно-русскаго нарѣчія на московское въ Великомъ Новгородѣ какимъ-то попомъ Стефаномъ, и такимъ образомъ Хворостининъ былъ непричастенъ этому дѣлу [1]).

Надѣемся, что наши бѣглыя замѣтки убѣждаютъ, во-первыхъ, въ томъ, что изданный г. Пѣтуховымъ текстъ представляетъ собою, по всей видимости, не одно цѣлое, а нѣсколько разнородныхъ статей, и, во-вторыхъ, въ томъ, что соображенія г. Пѣтухова объ авторствѣ Хворостинина требуютъ бо̀льшаго развитія и обоснованія.

---

[1]) *А. Голубцовъ*, Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара. М. 1891, стр. 93—95, примѣч. 36.

О ДВУХЪ ГРАМОТАХЪ 1611 ГОДА.

(1897).

I.

Всѣмъ писавшимъ о Смутномъ времени Московскаго государства приходилось касаться грамоты «отъ смольнянъ» или «изъ подъ Смоленска», составленной въ концѣ 1610 или началѣ 1611 года и призывавшей московскихъ людей на борьбу съ поляками. Она сохранилась при отпискѣ нижегородцевъ въ Вологду, при чемъ въ отпискѣ сказано, что нижегородцамъ прислалъ эту «смоленскую» грамоту патріархъ Гермогенъ 27 января 1611 года [1]). Содержаніе грамоты многихъ наводило на мысль, что происхожденіе документа не таково, какимъ его признали первые издатели; но, кажется, только одинъ Арцыбышевъ рѣшился сказать, что «подлинность этой грамоты сомнительна» и что «едва ли не *сочинено* это въ Москвѣ» [2]).

Думаемъ, что Арцыбышевъ былъ совсѣмъ правъ и что мы имѣемъ дѣло съ любопытною поддѣлкою, которая вышла не изъ-подъ Смоленска и не отъ смольнянъ, а изъ какого-то политическаго кружка московскихъ патріотовъ, неразборчивыхъ на средства и способы агитаціи. По тексту грамоты выходитъ такъ, будто грамоту писали въ королевскомъ обозѣ русскіе люди,

---

[1]) А. Э. II, № 176, стр. 299—301 и стр. 297. Также С. Г. и Гр. Д. II, № 226 (здѣсь текстъ неисправенъ) и № 229.

[2]) Повѣствованіе о Россіи, т. III, прим. 1421.

пришедшіе туда «изъ своихъ разоренныхъ городовъ и изъ уѣздовъ» и жившіе тамъ «не мало: иной больше году живетъ, иной мало не годъ». Между тѣмъ о Смоленскихъ, Дорогобужскихъ, Брянскихъ служилыхъ людяхъ у насъ есть свѣдѣнія, что они въ большомъ количествѣ (болѣе 500 человѣкъ) лѣтомъ 1610 года были въ Москвѣ и только въ сентябрѣ были отпущены оттуда съ великимъ посольствомъ (и впереди его) въ королевскій лагерь [1]). Очевидно, что они не могли писать грамоту, ибо жили подъ Смоленскомъ въ обозѣ не «больше году» и далеко не годъ. А кого же другого изъ русскихъ людей, не подчинившихся Сигизмунду, допустили бы поляки жить въ королевскомъ лагерѣ цѣлый годъ съ самаго начала Смоленской осады? Это—съ одной стороны. Съ другой, у насъ есть безспорныя, подлинныя Смоленскія письма, числомъ до десяти; стоитъ сравнить ихъ текстъ, трогательно простой и дѣловитый, съ риторическою манерою грамоты, чтобы почувствовать всю искусственность послѣдней [2]). Аналогіи ей находимъ не въ этихъ скорбныхъ «отпискахъ» и «грамотахъ», вышедшихъ изъ Смоленской осады, а въ Московскихъ и Троицкихъ воззваніяхъ и посланіяхъ, которыя писали «писцы борзые», въ спокойной «келліи», собирая «отъ божественныхъ писаній учительныя словеса». Однако приведенныя соображенія не имѣли бы рѣшающаго значенія для оцѣнки грамоты, еслибъ въ текстѣ ея не было прямыхъ несообразностей, изобличающихъ ея творцовъ. Одну изъ несообразностей отмѣтилъ Арцыбышевъ. Въ грамотѣ упоминается письмо Салтыкова и Андронова, писанное «послѣ Рождества Христова на пятой недѣлѣ въ субботу», то-есть, 26-го января 1611 года. Какъ бы ни толковали эту дату—въ томъ ли смыслѣ, что письмо писано въ Москвѣ («писали съ Москвы») 26-го января, или же въ томъ смыслѣ, что письмо получено

---

[1]) А. Зап. Россіи, т. IV, стр. 319—А. И. II, № 290.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 686—687.—Записки Жолкевскаго, изд. 2, прилож. № 29 и № 30.

[2]) А. И. II, №№ 265, 267, 354.—Доп. къ А. И. I, № 231.

подъ Смоленскомъ 26-го января,—все равно, дата невѣроятна потому, что Смоленская грамота, какъ мы указали выше, была переслана москвичами въ Нижній уже 27-го января. Въ одинъ день нельзя было изъ-подъ Смоленска подать вѣсть въ Нижній или Москву: самая быстрая обсылка между королевскимъ лагеремъ подъ Смоленскомъ и Москвою требовала недѣли въ одинъ конецъ [1]). Одинаково невѣроятно указаніе грамоты, что Сигизмунду «писали съ Москвы» о смерти Тушинскаго Вора и о радостномъ движеніи по этому поводу въ Москвѣ «за два дня предъ Рожествомъ Христовымъ». Можно установить, что убійство Вора, происшедшее 11-го декабря 1610 года, стало уже извѣстно въ Москвѣ 14-го декабря, а въ королевскомъ лагерѣ 18-го (по новому стилю 28-го) декабря [2]). Такимъ образомъ, датировку событій въ грамотѣ слѣдуетъ признать неудачною. Сверхъ того, удивляетъ и та особенность въ изложеніи грамоты, что писавшіе ее въ польскомъ станѣ маленькіе и гонимые русскіе люди (если только они ее писали) точно знаютъ содержаніе интимныхъ сообщеній королю со стороны его московскихъ приверженцевъ. Тотчасъ, какъ король узнаетъ о народномъ движеніи въ Москвѣ (раньше конца декабря онъ не могъ этого узнать), тотчасъ, какъ становится ему извѣстною агитація патріарха (о которой онъ также не могъ узнать ранѣе Рождества),—о томъ же самомъ узнаютъ и московскіе люди, «разоренные плѣнные», подъ страхомъ смерти и неволи живущіе въ королевскомъ лагерѣ; мало того, они безъ боязни и препятствій пишутъ объ этомъ въ Москву и съ необыкновенною быстротою пересылаютъ эти свои сообщенія. Все это мало вѣроятно. Если бы мы вздумали безъ оглядки повѣрить этому, то тѣмъ самымъ обязывались бы принять и увѣреніе авторовъ грамоты, что они подъ Смоленскомъ «не мало время» живутъ и потому «подлинно» про все вѣдаютъ. Мы видѣли, что по ихъ показанію они живутъ тамъ съ годъ или

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. II, стр. 472.
[2]) А. И. II, № 307 и № 308.—Русск. Ист. Библ. I, стр. 709.

«мало не годъ»: столь большое время могли быть въ королевскомъ станѣ лишь бѣглые тушинцы, которые промѣняли Вора на короля въ началѣ 1610 года. Но ихъ могли терпѣть подъ Смоленскомъ только при условіи вѣрной службы королю, и въ ихъ средѣ трудно предположить московскихъ корреспондентовъ: этотъ людъ шелъ за М. Салтыковымъ и порвалъ свои собственно московскія связи.

Однако сомнѣнія относительно Смоленской грамоты не приводили бы ни къ какимъ опредѣленнымъ догадкамъ о ея истинномъ происхожденіи, если бы не стало извѣстно интереснѣйшее «письмо», относящееся къ тому же самому времени и преслѣдующее тѣ же цѣли, какъ и Смоленская грамота [1]). Это письмо, возбуждающее московское населеніе противъ поляковъ, знакомитъ насъ—и притомъ съ полною достовѣрностью—съ такими пріемами политической борьбы, которые могутъ повергнуть насъ въ изумленіе своею тонкостью и сложностью. Московскіе патріоты распространяли политическія новости и внушенія посредствомъ анонимныхъ литературно-написанныхъ произведеній. Дѣйствуя подъ верховнымъ руководствомъ патріарха Гермогена, они своими писаніями старались внушить народной массѣ его мысли и желанія, но въ то же время ставили его какъ бы въ сторонѣ отъ дѣла вражды и возстанія: санъ и положеніе патріарха вполнѣ объясняютъ такое поведеніе московскихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюдая осторожность и относительно себя самихъ, московскіе патріоты старались скрыть отъ бояръ и поляковъ, владѣвшихъ Москвою, всякіе слѣды своего авторства. Они придавали своимъ произведеніямъ форму или подметныхъ посланій отъ безвѣстнаго лица [2]), или же посланій, составленныхъ «общимъ всѣмъ народомъ Московскаго государ-

---

[1]) Русск. Ист. Библ., XIII, ст. 187 и слѣд.—Журн. Мин. Нар. Пр., 1886, январь, статья «Новая повѣсть о смутномъ времени XVII в.»—*С. Платоновъ*, «Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII в.», стр. 86 и слѣд.

[2]) Русск. Имп. Библ., XIII, стр. 216—218.

ства [1]). Къ такому-то типу литературныхъ фабрикацій, на нашъ взглядъ, принадлежитъ и Смоленская грамота. Она написана тамъ же, гдѣ и прочія произведенія этого рода, — въ какомъ-либо хорошо освѣдомленномъ московскомъ кружкѣ, который держался идей и программы патріарха и считалъ себя въ правѣ всякими средствами возбуждать народное движеніе и поднимать народъ на поляковъ. Отъ такого предположенія насъ не можетъ воздержать то обстоятельство, что самъ патріархъ Гермогенъ распространялъ по областямъ Смоленскую грамоту и другія ей подобныя. Это не значитъ, что онъ участвовалъ лично въ составленіи этихъ сомнительныхъ документовъ. Онъ могъ принимать ихъ вполнѣ добросовѣстно за то, за что они выдавались: не даромъ сказалъ о немъ одинъ современникъ, что патріархъ былъ «къ злымъ и благимъ не быстро распрозрителенъ».

II.

Въ примѣчаніи 684-мъ къ XII тому «Исторіи» Карамзина графъ Д. Н. Блудовъ помѣстилъ списокъ подорожной 1611 года, найденной «въ бумагахъ покойнаго исторіографа». Эта подорожная очень любопытна, во 1-хъ, тѣмъ, что дана (2-го марта 1611 г.) *по благословенію патріарха Гермогена* гонцу изъ Устюга въ Чердынь «для всей земли *ратнова* скорова дѣла». Патріаршее «благословеніе» замѣнило въ обычномъ текстѣ подорожной «государевъ царевъ и великаго князя указъ», по которому выдавались казенныя подорожныя въ спокойные годы Московской жизни. Эта замѣна очень знаменательна: она показываетъ, что во главѣ временного правительства, которому повиновались тогда русскіе люди, отшатнувшіеся отъ Владислава, формально признавался патріархъ. Это было вполнѣ естественно и вѣроятно, но прямыхъ доказательствъ этого очень мало, и потому ничтожная сама по себѣ подорожная по-

---

[1]) А. Э. II, № 176, I.

лучаетъ извѣстную цѣну. Но ея значеніе не только въ имени патріарха. Подорожная заключаетъ въ себѣ маршрутъ гонца, указывающій направленіе той дороги, по которой ѣздили изъ Москвы черезъ Устюгъ въ Чердынь и далѣе въ Сибирь. Однако это указаніе пути, одно изъ древнѣйшихъ, передано въ текстѣ грамоты, къ сожалѣнію, неисправно. Печатный текстъ подорожной очень точно передаетъ ея рукописный оригиналъ, писанный позднимъ почеркомъ и находящійся въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки F. IV. 344 (на л. 32). И тамъ, и здѣсь одинаково читается: «отъ Устюга Великаго до Соли Вычегодскіе и до Богоявленскаго яму и до Паледина и до Каи городка и до Гаечь и до Чердыни». Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ «Паледина» скрывается правильная форма «Пыелдына», какъ сокращенно называли Пыелдынскій Спасскій погостъ на р. Сысолѣ; а слово «Гаечя» слѣдуетъ читать «Гаенъ» и разумѣть подъ нимъ Гайны или Гаенскій станъ на р. Камѣ. При такихъ исправленіяхъ обнаружится дѣйствительное направленіе дороги—съ устья Вычегды на р. Виледь, на верхнее теченіе Сысолы до Кайгородка и съ Сысолы къ Гайнамъ на Каму [1]). Города Лальскій на р. Лузѣ и Кай на р. Камѣ, черезъ которые обыкновенно ведутъ эту дорогу, остаются какъ будто южнѣе этого пути. Но надо помнить, что этотъ путь велъ на Чердынь. Когда же Сибирская дорога съ Устюга пошла на Соликамскъ, южнѣе Чердыни, тогда значеніе Лальска и Кая должно было вырасти и дорога черезъ нихъ пролегла параллельно со старою дорогою на Сольвычегодскъ и Пыелдынъ. Въ XVII вѣкѣ пользовались уже обѣими дорогами одинаково. Мы позволили себѣ указать на эти мелочи потому, что онѣ до сихъ поръ, какъ кажется, не останавливали на себѣ въ полной мѣрѣ вниманія изслѣдователей, и обѣ вѣтви Сибирскаго пути между Устюгомъ и верхнею Камою недостаточно различались.

---

[1]) А. Э. II, № 50.—Доп. къ А. И., т. IV, № 127; т. X, стр. 434.—*А. Дмитріевъ*, Пермская Старина, I, стр. 41.—*Г. С. Лыткинъ*, Зырянскій край. Спб. 1889, стр. 88 (карта).

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

(1897).

Утромъ 2-го января 1897 года не стало Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Онъ скончался отъ болѣзни легкихъ, которая удручала его еще съ начала 80-хъ годовъ и медленно подтачивала и безъ того не крѣпкое его здоровье. Уже съ весны прошедшаго года можно было предчувствовать близость роковой развязки, и, однако, теперь очень трудно освоиться съ мыслью, что его уже нѣтъ между нами и что живы только наши воспоминанія о немъ.

Покойному было еще далеко до глубокой старости. Родился онъ въ маѣ 1829 года въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, росъ въ деревнѣ, учился въ семьѣ,—«подъ вліяніемъ отца и матери», какъ онъ самъ о себѣ замѣтилъ, — и вынесъ изъ семьи хорошее знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками. Позднѣе научился онъ по-англійски и по-итальянски; въ гимназіи узналъ латинскій языкъ, но не могъ выучиться по-гречески, хотя и пробовалъ учиться приватно греческому языку у М. Ф. Грацинскаго, «отличавшагося даромъ не умѣть ничего передать». Любовь къ чтенію возникла въ К-нѣ Н-чѣ еще дома, благодаря хорошей библіотекѣ его отца, ставшей впослѣдствіи основаніемъ его собственнаго обширнаго книжнаго собранія. Окрѣпла же эта любовь къ серьезной книгѣ въ Нижегородской гимназіи, въ которую К-нъ Н-чъ поступилъ въ 1840 году и въ которой (за исключеніемъ одного 1844—

1845 года, проведеннаго въ дворянскомъ институтѣ) онъ оставался до 1847 года, до окончанія курса. Съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ онъ свою гимназію, справедливо замѣчая, что въ его время она «считалась если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ Казанскомъ округѣ». Въ то время, когда въ ней учились К-нъ Н-чъ и его близкій другъ, извѣстный Ст. В. Ешевскій, гимназія переживала пору обновленія и отъ ветхихъ порядковъ патріархальной педагогіи переходила къ болѣе живому преподаванію. Съ большою живостью вспоминалъ К-нъ Н-чъ свое гимназическое время и въ извѣстной своей статьѣ о Ешевскомъ, и въ устныхъ своихъ бесѣдахъ. Изъ всѣхъ преподавателей гимназіи наибольшее вліяніе на умственную жизнь учениковъ, и въ частности на К-на Н-ча, имѣлъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (онъ же «Андрей Печерскій»), преподаватель исторіи и одинъ изъ руководителей «литературныхъ бесѣдъ», существовавшихъ тогда въ гимназіи. Не одинъ разъ К-нъ Н-чъ пользовался случаемъ печатно высказать свою любовь и признательность бывшему учителю, къ которому онъ былъ близокъ до самой кончины Мельникова въ 1883 году. Откровенно свидѣтельствуя, что въ обыденномъ классномъ преподаваніи Мельниковъ впадалъ въ рутину, К-нъ Н-чъ въ то же время очень ярко рисуетъ ту увлекательную живость, съ какою Мельниковъ относился къ каждому ученику, въ которомъ замѣчалъ интересъ къ исторіи, то чуткое умѣнье, съ какимъ онъ поддерживалъ въ немъ и развивалъ склонность къ чтенію и литературнымъ занятіямъ. Подъ руководствомъ Мельникова К-нъ Н-чъ началъ и свои историческіе опыты, читанные въ «литературныхъ бесѣдахъ», и сотрудничество въ *Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1847 года, выходившихъ тогда подъ редакціею Мельникова; тамъ К-нъ Н-чъ печаталъ отзывы о новыхъ книгахъ. Вспоминая мелькомъ, въ біографіи Ешевскаго, о своихъ личныхъ занятіяхъ въ гимназіи, К-нъ Н-чъ говоритъ, что онъ въ тѣ годы «предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ рус-

скихъ писателей, читалъ Жоржъ-Занда, Гюго, Гете»; «былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе,—прибавляетъ онъ,—возможное только въ молодые года!)». Принимая такое заявленіе о преобладаніи склонности къ изящной литературѣ и литературной критикѣ, не слѣдуетъ, однако, забывать, что рядомъ съ литературнымъ чтеніемъ шло и историческое: К. Н-чъ писалъ въ гимназіи сочиненіе о Борисѣ Петр. Шереметевѣ; въ первое время университетскаго ученія у него уже было привезено изъ деревни въ Москву «довольно большое (для студента) собраніе книгъ по русской исторіи». Это указываетъ уже на ту широту умственныхъ интересовъ и на то разнообразіе занятій, какія всегда отличали покойнаго—какъ въ пору юношескихъ начинаній, такъ и на закатѣ дней. Имѣя въ виду именно это разнообразіе, даже разбросанность, К-нъ Н-чъ съ полнымъ основаніемъ могъ сказать о своемъ гимназическомъ времени то, что сказалъ онъ въ біографіи Ешевскаго: «Оглядываясь назадъ на это давно минувшее время, конечно, можно быть недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было методы, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были всѣ—какъ часто любилъ говорить Ешевскій—самоучки. Тѣмъ не менѣе, мы многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а главное, мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду и уваженіе къ наукѣ; прониклись тѣмъ вначалѣ смутнымъ благоговѣніемъ къ ея высшему вмѣстилищу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается безпорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе».

Съ такою подготовкою, сообщившею вкусъ и уваженіе къ знанію, а вмѣстѣ и возможность многое понимать и на многое отзываться, пріѣхалъ К. Н-чъ въ іюлѣ 1847 г. въ Московскій

университетъ и выдержалъ въ немъ существовавшіе тогда вступительные экзамены. Вмѣстѣ съ Ешевскимъ онъ поступилъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (теперь — факультетъ историко-филологическій), съ тѣмъ, чтобы скоро, въ томъ же 1847 году, перейти на юридическій факультетъ, оставивъ своего друга на философскомъ. Очень интересны воспоминанія К-па Н-ча о первыхъ его московскихъ впечатлѣніяхъ. Подъ вліяніемъ Мельникова, и онъ, и Ешевскій съ чувствомъ восторга и благоговѣнія къ старинѣ смотрѣли на Москву и Кремль, собрались къ Троицѣ и тамъ знакомились «впервые» съ памятниками церковной древности. И въ то же время оба они нетерпѣливо ждали открытія лекцій, не только изъ простого чувства любопытства, но и потому, что они уже были пріобщены къ университетской жизни. Отъ Мельникова получили они магистерскую диссертацію С. М. Соловьева, изъ газетъ узнали о его докторскомъ диспутѣ; оба «чуть не наизусть знали» статью К. Д. Кавелина о юридическомъ бытѣ древней Россіи (въ *Современникѣ* 1847 г.), читали статьи Грановскаго, книги Шевырева и Буслаева, переводы и статьи Каткова; слышали они и о Кудрявцевѣ и Леонтьевѣ. Словомъ, они оба были достойны войти подъ кровъ той almae matris, о которой съ такимъ трепетнымъ умиленіемъ всегда говорилъ и писалъ К-нъ Н-чъ. Въ жизни Московскаго университета то былъ его золотой вѣкъ, время его расцвѣта и наибольшаго блеска, когда его высокій ученый авторитетъ сочетался съ благороднѣйшимъ гуманизирующимъ вліяніемъ на все русское общество. «Всѣ мы — говорилъ о себѣ К-нъ Н-чъ—повиты и взлелѣяны духомъ этого высоконравственнаго времени въ жизни Московскаго университета!» «Едва ли много найдется людей нашего поколѣнія—прибавлялъ онъ о людяхъ, не бывшихъ въ Московскомъ университетѣ,—которые были бы свободны отъ прямого или косвеннаго вліянія Московскаго университета». Трудно теперь раскрыть съ полнотою и опредѣленностью ходъ занятій К. Н-ча въ его университетскую пору и тотъ строй отношеній и вліяній, въ которомъ опредѣли-

лись его общественные и ученые взгляды и вкусы. Быть можетъ, въ бумагахъ покойнаго отыщутся матеріалы для изученія и его личной юности, и всей той эпохи, а пока приходится руководиться его бѣглыми указаніями и воспоминаніями. Покойный всегда придавалъ большое значеніе въ біографіяхъ указаніямъ на тѣхъ, у кого тотъ или другой дѣятель учился, и самъ указывалъ въ числѣ своихъ профессоровъ,—очевидно, разумѣя наиболѣе вліявшихъ на него,—на Рѣдкина, Кавелина, Н. Крылова, Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева. Къ этимъ именамъ онъ прибавлялъ неизмѣнно Погодина; послѣдняго онъ уже не засталъ въ университетѣ, но, представленный ему съ наилучшей стороны П. И. Мельниковымъ и А. И. Мессингомъ, бывалъ у Погодина и руководствомъ его пользовался съ перваго же года жизни въ Москвѣ. Насколько можно догадываться, на первыхъ порахъ университетской жизни К. Н-чъ дѣлился именно между вліяніемъ бесѣдъ Погодина и обаяніемъ лекцій Соловьева и Кавелина. Къ Погодину, еще будучи на I курсѣ, Бестужевъ съ Ешевскимъ обратились за совѣтомъ, «какъ начать занятія?» Вѣрный себѣ, Погодинъ назвалъ имъ Шлецера: «читайте Шлецера», сказалъ онъ, и они «читали его мѣсяца три»; а затѣмъ они по его совѣту взяли на себя трудъ сличить въ спискахъ лѣтописей «извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 года» и много работали безъ всякаго успѣха, потому что для нихъ «самые пріемы были неясны», а пріемы были неясны уже потому, что работа имѣла цѣлью разъяснить вопросъ, который «занималъ» Погодина, и не клонилась къ собственной пользѣ учащихся. Рядомъ съ этими упражненіями, которыя въ лучшемъ случаѣ вели къ технической выучкѣ, шли простыя бесѣды съ Погодинымъ, и въ нихъ К. Н-ча поражалъ, какъ онъ говаривалъ, «русскій инстинктъ» Погодина, его яркій умъ и быстрая смѣтка, близость къ народному созерцанію и въ то же время рѣзко выраженная своеобычность, удивлявшая всегда «лица не общимъ выраженьемъ». Послѣ Мельникова именно Погодинъ и главнымъ образомъ Погодинъ воспиталъ въ

К-нѣ Н-чѣ русское чувство, подготовилъ его сближеніе съ людьми славянофильскаго оттѣнка и съ поборниками идеи славянства. Но въ первые университетскіе годы вліяніе Погодина на К. Н-ча парализовалось лекціями болѣе молодыхъ профессоровъ русской исторіи и права, особенно Кавелина, подъ вліяніемъ чтеній котораго К. Н-чъ даже перемѣнилъ факультетъ. Въ изложеніи Кавелина теорія такъ называемой «школы родового быта» отличалась особенною стройностью и завлекательностью; смѣна однихъ гражданскихъ состояній другими представлялась главнымъ содержаніемъ исторіи Руси, изученіе права и его развитія само собою ставилось на первый планъ. Для этого изученія К-ну Н-чу казалось необходимымъ перейти на юридическій факультетъ. Переходъ и совершился, несмотря на несочувствіе Погодина, который не вѣрилъ въ «юридическій характеръ» русской исторіи и спрашивалъ у К. Н-ча: «а святого Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?» Когда въ 1848 году Кавелинъ перешелъ въ Петербургъ, представителемъ историко-юридической теоріи въ Московскомъ университетѣ остался Соловьевъ. Чтенія его не могли въ глазахъ К. Н-ча равняться по блеску съ изложеніемъ Кавелина, «одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго ему случалось слышать»; но ученое вліяніе Соловьева на К-на Н-ча было очень глубоко и прочно; оно росло съ годами и перешло впослѣдствіи въ крѣпкую привязанность ученика къ учителю, силою своею удивлявшую тѣхъ, предъ кѣмъ она обнаруживалась. Помню два университетскихъ чтенія К. Н-ча о Соловьевѣ: одно въ 1879 году послѣ кончины Соловьева (напечатанное въ «Біографіяхъ и характеристикахъ»), другое— въ курсѣ исторіографіи 1880—1881 года. Они произвели глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ, даже потрясли ихъ сильнѣйшимъ волненіемъ лектора. Помню и то, какъ не одинъ разъ К. Н-чъ разсказывалъ намъ о послѣднемъ пріѣздѣ Соловьева въ Петербургъ и всегда съ особымъ чувствомъ упоминалъ, что Соловьевъ, уѣзжая, дружески благословилъ его, какъ

бы провидя свой близкій конецъ. Не берусь указывать мѣру вліянія на К. Н-ча другихъ его профессоровъ, но укажу на ту мастерскую и чрезвычайно сочувственную характеристику Грановскаго и Кудрявцева, какую онъ представилъ въ біографіи Ешевскаго: только живая любовь можетъ диктовать такія строки.

Между Погодинымъ, съ одной стороны, Кавелинымъ и Грановскимъ, съ другой, было такъ мало общаго, что у человѣка, внимательно относившагося и къ той и къ другой сторонѣ, «мысль привыкала къ работѣ (говоря словами самого К. Н-ча), смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе, и вырабатывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ». К. Н-чъ остался между двумя вліяніями на средней дорогѣ и бралъ отъ каждой стороны то, что считалъ ея правдой. Два міросозерцанія, дѣлившія людей сороковыхъ годовъ на кружки и лагери, разумѣется, очень знакомы были К. Н-чу, но можно думать, что они отражались въ его сознаніи скорѣе въ видѣ научныхъ направленій, чѣмъ въ качествѣ практическихъ программъ, и оттого онъ могъ отнестись къ нимъ спокойно, безъ предвзятости, такъ сказать, со стороны, и могъ своимъ сильнымъ критическимъ умомъ поймать положительныя черты обоихъ направленій. Всю жизнь отличала его широта пониманія, это умѣнье уразумѣть и истолковать самыя разнообразныя точки зрѣнія, умѣнье найти зерно истины и въ томъ, что̀, казалось бы, ему совершенно чуждо, даже враждебно. Какъ нельзя болѣе примѣнимы къ нему слова гр. А. Толстого:

> «Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,—
> Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
> Я знамени врага отстаивалъ бы честь».

Это свойство, которое должно назвать ученымъ безпристрастіемъ (но не безстрастіемъ), воспитано было всѣмъ складомъ московской жизни и занятій К. Н-ча. Они съ Ешевскимъ были

преданы своимъ учебнымъ интересамъ и далеко стояли отъ вопросовъ текущей общественной жизни. Имъ было извѣстно, но шло мимо нихъ «тогдашнее волненіе умовъ, котораго, особенно въ качествѣ запретнаго плода, никто изъ насъ (молодежи) хорошенько не понималъ», говоритъ о своемъ кружкѣ 1848—1849 годовъ К. Н-чъ: «самое начало 1848 года ошеломило насъ, и мы ровно ничего не понимали: въ эту эпоху мы даже газетъ не читали постоянно». Ничто, такимъ образомъ, изнутри не влекло молодыхъ друзей къ общественнымъ вопросамъ, а обстановка, въ которой они жили тогда, отпугивала отъ всякаго проявленія общественныхъ интересовъ и мнѣній. Именно въ ихъ студенческое время закрыты были каѳедры философіи, увеличена плата за слушаніе лекцій, число студентовъ въ Московскомъ университетѣ упало съ 1198 въ 1848 году до 821 въ 1850 г. При такихъ условіяхъ жизни между университетской молодежью интересъ къ современности становился дѣйствительно «запретнымъ плодомъ», и тѣ, кто не имѣлъ къ нему особаго влеченія, съ тѣмъ большимъ усердіемъ уходили въ кабинетную жизнь, привыкали къ созерцанію и спокойному анализу того, что для другихъ составляло боевую программу...

Курсъ университета К. Н-чъ окончилъ въ 1851 г. кандидатомъ и тогда же уѣхалъ изъ Москвы въ деревню Чичериныхъ домашнимъ учителемъ. Въ 1854 г. онъ возвратился въ Москву и до 1856 г. былъ учителемъ въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ. Однако преподаваніе въ то время не привязывало къ себѣ К. Н-ча; по его собственнымъ воспоминаніямъ, онъ не былъ идеально аккуратнымъ въ своихъ учительскихъ обязанностяхъ. Его болѣе привлекала къ себѣ историческая наука и журнальная дѣятельность, и съ 1856 года онъ становится формально въ ряды московскихъ литераторовъ, принимая на себя обязанности помощника редактора *Московскихъ Вѣдомостей* при редакторѣ В. Ѳ. Коршѣ. Въ 1859 г. онъ принялъ участіе въ основаніи критическаго *Московскаго Обозрѣнія* и въ первой его книжкѣ по поводу первыхъ восьми томовъ «Исто-

ріи Россіи» Соловьева помѣстилъ безъ подписи большой очеркъ «современнаго состоянія русской исторіи, какъ науки». Это былъ, по словамъ самого К. Н-ча, «опытъ русской исторіографіи въ ея главныхъ чертахъ». Послѣ рецензій и переводовъ, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, опытомъ этимъ К. Н-чъ началъ свою ученую дѣятельность въ сферѣ русской исторіи. Позднѣйшія статьи К. Н-ча, касавшіяся явленій нашей исторіографіи, закрыли собою эту первую статью, не подписанную авторомъ, заброшенную въ неудавшійся, на второй книжкѣ прекратившійся журналъ; но еще и теперь статья эта читается съ интерессомъ, и теперь не потеряли всего своего значенія страницы, посвященныя «Исторіи русскаго народа» Полевого и направленныя къ тому, чтобы отдать должное уваженіе попыткѣ Н. Полевого. Только статья о Полевомъ въ новомъ, еще не законченномъ обзорѣ нашей исторіографіи П. Н. Милюкова можетъ замѣнить собою давнишнія строки о Полевомъ К. Н-ча. Въ этой же статьѣ своей К. Н-чъ въ первый разъ выступилъ истолкователемъ и критикомъ той «новой школы» родового быта, у основателей которой самъ учился и къ которой самъ близко стоялъ. Переѣхавъ въ томъ же 1859 году въ Петербургъ и вступивъ въ составъ редакціи *Отечественныхъ Записокъ* А. А. Краевскаго, К. Н-чъ уже окончательно усвоилъ себѣ роль ученаго критика, имѣвшаго цѣлью «сближеніе науки съ обществомъ». Въ большихъ статьяхъ, писанныхъ по поводу сочиненій Кавелина, Соловьева, Б. Н. Чичерина, И. Кирѣевскаго, К. Аксакова, Хомякова, онъ толковалъ и обсуждалъ результаты ихъ ученыхъ трудовъ, основанія ихъ философіи, сущность ихъ общественныхъ стремленій. Этимъ онъ оказывалъ существенную услугу и тѣмъ, для кого писалъ, и тѣмъ, о комъ писалъ. Онъ знакомилъ публику съ лучшими представителями нашей исторической и общественной мысли въ тѣхъ ихъ работахъ, которыя не предназначались для широкаго круга читателей; онъ популяризировалъ идеи и знанія, возбуждалъ въ обществѣ интересъ къ исторіи, въ которой видѣлъ лучшее средство достигнуть «народнаго само-

сознанія». Такой взглядъ на исторію вынесъ онъ изъ той школы, которою былъ воспитанъ, и всегда высказывалъ его съ особеннымъ удареніемъ. Съ высоты этого взгляда онъ относился съ осужденіемъ къ мнѣніямъ литературныхъ дѣятелей 50-хъ и 60-хъ годовъ, не дорожившихъ связью съ умственными интересами и культурною работою предшествовавшихъ имъ поколѣній. Именно въ сохраненіи этой связи видя залогъ прочнаго и правильнаго развитія народной жизни, К. Н-чъ выступалъ на защиту болѣе старыхъ ученій и направленій, считая долгомъ литературной и общественной порядочности не глумиться надъ тѣмъ, что̀ кажется ветхимъ и отжившимъ, а изучить и «объяснить со стороны» каждое изъ замѣтныхъ и важныхъ явленій въ исторіи умственнаго развитія въ Россіи. Убѣжденный защитникъ, но въ то же время не слѣпой сторонникъ славянофиловъ, онъ первый «со стороны» показалъ, какъ серьезно это направленіе и сколь многое въ этомъ направленіи заслуживало благодарнаго признанія отъ историковъ и этнографовъ. Ученикъ историко-юридической школы, вѣрный ея основному положенію о закономѣрности историческаго развитія, онъ едва ли не первый съ такою тонкостью различилъ индивидуальныя особенности ея главныхъ представителей и съ большимъ сочувствіемъ, «со стороны» же, опредѣлилъ ея значеніе въ русской исторической наукѣ. Но отмѣченная нами широта пониманія и здѣсь помѣшала К. Н-чу обратиться въ простого апологета излюбленныхъ теорій и лицъ; онъ выступилъ критикомъ даже въ отношеніи своего учителя Соловьева, а въ отношеніи г. Чичерина обмолвился однажды, въ 1861 г., раздражительною статьею, хотя въ общемъ всегда высоко его ставилъ, и какъ мыслителя, и какъ изслѣдователя, и писалъ впослѣдствіи: «только съ почтеніемъ можно говорить о такихъ людяхъ».

Критическія статьи обнаружили и широкое общее образованіе К. Н-ча, и отличную подготовку его въ области собственно русской исторіи. Репутація спеціалиста была создана, ученыя связи укрѣпли, и К. Н-чъ, не оставляя круга чисто жур-

нальнаго, понемногу входитъ въ спеціально-ученую среду. Въ 1863 году выдержалъ онъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи, для чего потребовалось особое разрѣшеніе, такъ какъ онъ былъ кандидатомъ не историко-филологическаго, а юридическаго факультета. Въ 1864 году избранъ онъ былъ въ члены Археографической коммиссіи. Въ томъ же году онъ былъ призванъ къ высокой обязанности преподавать русскую исторію Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и его Августѣйшимъ братьямъ и сестрѣ Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ (Впослѣдствіи въ числѣ его учениковъ былъ и нынѣшній президентъ Императорской академіи наукъ Его Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ). Въ тѣ же годы 1863—1864 К-нъ Н-чъ редактировалъ «Записки» Географическаго общества. Наконецъ, въ 1865 году совѣтъ С.-Петербургскаго университета избралъ К. Н-ча исправляющимъ должность доцента по каѳедрѣ русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ насталъ новый періодъ въ жизни и дѣятельности К. Н-ча.

На каѳедрѣ русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ его основанія, К. Н-чъ былъ четвертымъ преподавателемъ послѣ Тр. Ѳ. Рогова, Н. Г. Устрялова и Н. И. Костомарова. Если Устряловъ въ тридцать почти лѣтъ преподаванія своего (1831—1859) успѣлъ остыть къ дѣлу и въ послѣдніе годы не читалъ даже общаго курса, то, напротивъ, Костомаровъ за короткое время своей дѣятельности въ университетѣ (1859—1862) поднялъ преподаваніе предмета, привлекая аудиторію не только блескомъ изложенія, но и свѣжестью научнаго содержанія. Послѣ Костомарова нельзя было читать кое-какъ, и это именно составляло главную трудность положенія К. Н-ча. Что онъ съ нею справился блестяще, кажется, нѣтъ нужды доказывать. Въ 1868 году онъ получилъ степень доктора honoris causa за трудъ «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка», а вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1869 году и званіе ординарнаго профессора. А спустя всего два года вышелъ въ свѣтъ и первый томъ его «Русской исторіи», выросшей изъ

университетскихъ чтеній К. Н-ча. Такимъ образомъ, и ученый цензъ, и яркое доказательство преподавательскихъ способностей и рвенія послѣдовали очень скоро послѣ избранія его на каѳедру, какъ оправданіе этого избранія. К. Н-чъ сталъ сразу на одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ и въ средѣ университетскихъ преподавателей, и въ средѣ ученыхъ представителей его предмета. Труды, на которыхъ основалась въ тѣ годы его репутація, заслуживаютъ названія первоклассныхъ и до сихъ поръ, особенно «Исторія», не утратили своего значенія; рѣдкій даръ изложенія дѣлалъ его лекціи одними изъ самыхъ увлекательныхъ. Въ первые годы преподаванія онъ одинъ велъ и общій, и спеціальные курсы; съ 1871 года, когда доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи былъ избранъ Е. Е. Замысловскій, К. Н-чъ чередовался съ нимъ въ чтеніи общаго курса, такъ что одинъ курсъ студентовъ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ общій курсъ у К. Н-ча, другой, также въ теченіе двухъ лѣтъ, у Е. Е. Замысловскаго; для студентовъ же старшихъ курсовъ, избравшихъ спеціальностью русскую исторію, читалъ постоянно К. Н-чъ. Сводя III и IV курсы въ одну аудиторію, онъ въ одинъ годъ прочитывалъ обзоръ русской исторіографіи, въ другой—критическое обозрѣніе какого-либо вида источниковъ русской исторіи. Практическихъ упражненій К. Н-чъ обыкновенно не велъ, но требовалъ, чтобы каждый студентъ III курса избралъ себѣ тему для сочиненія къ выпускному экзамену, и самый экзаменъ на IV курсѣ состоялъ въ бесѣдѣ по поводу представленнаго сочиненія.

Помню, какъ лѣтомъ 1878 года, записавшись въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, я получилъ отъ своего преподавателя русскаго языка, нынѣ уже покойнаго В. Ѳ. Кеневича, списокъ профессоровъ, которые должны были читать I-му курсу, и вмѣстѣ поздравленіе съ тѣмъ, что въ этомъ спискѣ было имя К. Н-ча. Понятно, съ какимъ чувствомъ ждалъ я первой лекціи русской исторіи; оказалось, что подобное моему ожиданіе было и у всей аудиторіи. Лекція между тѣмъ состоялась только въ октябрѣ: К. Н-чъ былъ въ отпуску.

За мѣсяцъ ожиданія мы уже успѣли освоиться съ прочими лекторами, заглянули на лекціи другихъ курсовъ и факультетовъ и уже обладали нѣкоторыми данными для сравнительной оцѣнки. Говорю за себя: то, что я услышалъ на лекціи К. Н-ча, не сразу стало понятнымъ, но сразу плѣнило и увлекло. Передъ нами былъ не лекторъ, не учитель, а собесѣдникъ, простой, изящный, остроумный и серьезный; онъ не «читалъ», а просто разговаривалъ о своемъ дѣлѣ, какъ говорятъ съ равными и близкими людьми. Чтобы понимать его быструю и живую рѣчь, съ отступленіями отъ главной темы, съ личными воспоминаніями, съ живыми характеристиками кружковъ и лицъ, съ мѣткими оцѣнками трудовъ, о которыхъ заходила рѣчь,—надобно было нѣкоторое напряженіе и нѣкоторая подготовленность; ее давала «Русская Исторія», которая, въ свою очередь, становилась доступнѣе послѣ лекцій. Казалось страннымъ, какъ мало соотвѣтствовалъ спокойный и сдержанный тонъ книги живости и субъективности устнаго изложенія, но тѣмъ привлекательнѣе и цѣннѣе казалось это изложеніе. Оно вводило слушателей въ самую жизнь ученыхъ круговъ и кружковъ, давало плоть и кровь каждому лицу, упомянутому въ бесѣдѣ, каждое ученое мнѣніе ставило въ ту жизненную обстановку, которая его воспитала и направила. Это умѣнье, даже, можно сказать, потребность К. Н-ча излагать каждый вопросъ исторіографически, пользуясь при этомъ не одною книжною справкою, но и личными воспоминаніями, сочеталась съ чрезвычайной живостью рѣчи, блиставшей умомъ и въ то же время изящною простотою, и производила тогда поистинѣ огромное впечатлѣніе. Если припомнить, что самое построеніе курса съ широкимъ руководящимъ введеніемъ, вызывало особый къ нему интересъ, то можно объяснить себѣ секретъ того обаянія, которое умѣлъ производить этотъ болѣзненный человѣкъ съ слабымъ голосомъ и худымъ смуглымъ лицомъ.

Мнѣ кажется (можетъ быть, я и ошибаюсь), что семидесятые годы были лучшимъ временемъ въ дѣятельности К. Н-ча, когда она снискала общее признаніе и уваженіе, когда К. Н-чъ занялъ

видное мѣсто въ Петербургскомъ обществѣ, и вокругъ него собирался, на его «вторникахъ», широкій кругъ его знакомыхъ и учениковъ. Въ то время (1878—1882 гг.) онъ былъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Въ эту же пору онъ былъ призванъ къ одному изъ самыхъ живыхъ и громкихъ дѣлъ, связанныхъ съ его именемъ, къ учрежденію высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Задуманные кружкомъ дамъ и профессоровъ, ревновавшихъ идеѣ женскаго образованія въ Россіи, курсы могли быть осуществлены, какъ правильно организованное учебное учрежденіе, только подъ условіемъ, что руководство курсами приметъ на себя лицо, облеченное довѣріемъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ качествѣ такого лица К. Н-чъ и сталъ въ 1878 году учредителемъ курсовъ, получившихъ въ просторѣчіи названіе «Бестужевскихъ». Онъ далъ имъ не одно свое имя и не одно свое сочувствіе, но явился ихъ дѣйствительнымъ руководителемъ и охранителемъ. До своей болѣзни въ 1882 г. онъ читалъ на курсахъ русскую исторію и, будучи предсѣдателемъ совѣта преподавателей, слѣдилъ за ходомъ преподаванія вообще. Много времени, труда и спокойствія отнимало у него это новое дѣло, отвлекая его отъ ученыхъ работъ; зато онъ могъ утѣшаться сознаніемъ, что много сдѣлалъ для молодого учрежденія; отсутствіе его особенно тяжело здѣсь чувствовалось тогда, когда, вслѣдъ за его отказомъ въ 1884 г., по возвращеніи изъ-за границы, взять на себя управленіе курсами, въ 1885 году былъ временно прекращенъ пріемъ учащихся на курсы. Но и не входя уже въ это дѣло своимъ личнымъ участіемъ, онъ продолжалъ ему сочувствовать и не разъ посѣщалъ курсы въ качествѣ почетнаго гостя, вызывая своимъ появленіемъ оваціи со стороны молодежи.

Практическая дѣятельность К. Н-ча въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ и на курсахъ остановила его ученыя работы. Въ 1875 году онъ напечаталъ большую статью о В. Н. Татищевѣ; но второй томъ его «Исторіи» замедлилъ,

работы надъ изученіемъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ были оставлены. Здоровье, вообще некрѣпкое, начало измѣнять К. Н-чу: его спеціальный курсъ, читанный намъ въ 1881—1882 г. (о запискахъ русскихъ людей XVIII вѣка), отражалъ на себѣ явный упадокъ силъ лектора. Весною 1882 года К. Н-чъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ, и его увезли въ Италію. Два года жилъ онъ тамъ, отдыхая и увлекаясь изученіемъ классической старины древняго Рима. «Я теперь на немъ помѣшанъ», писалъ онъ оттуда въ 1883 году; онъ даже думалъ по возвращеніи, при удобныхъ обстоятельствахъ, прочитать на своихъ курсахъ исторію Рима: «можетъ быть, когда-нибудь исполню свою фантазію и прочту Римъ»... Однако этому не суждено было быть. Вернулся онъ, хотя и бодрымъ, но слабымъ, и долженъ былъ выйти въ отставку, при чемъ былъ почтенъ избраніемъ въ почетные члены университета; не остался онъ и на курсахъ. Многія отношенія и связи, ослабѣвшія съ отъѣздомъ за границу, имъ не были возобновлены, и въ жизни его настало затишье. Единственнымъ дѣломъ, живымъ и волновавшимъ его, было редактированіе *Извѣстій* Славянскаго благотворительнаго общества въ 1885—1887 годахъ. Жилъ онъ въ тѣсномъ кругу близкихъ знакомыхъ и учениковъ, возобновившихъ въ маломъ видѣ его «вторники», и имѣлъ утѣшеніе убѣдиться въ томъ, что къ нему съ наилучшими чувствами шла не только та молодежь, которая у него училась, но и та, которая о немъ только слышала отъ старшихъ товарищей по факультету. Называя себя полу-шутя, полу-печально «отставнымъ человѣкомъ», онъ, однако, возобновилъ ученыя работы: въ 1885 году выпустилъ въ свѣтъ давно уже отпечатанные листы II-го тома «Исторіи», доведя изложеніе до смерти Іоанна Грознаго; въ 1887 году въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечаталъ и заключительный этюдъ этой «Исторіи»—обзоръ событій Смутнаго времени. Съ лѣтописями онъ покончилъ тѣмъ, что выпустилъ въ свѣтъ «лѣтопись Авраамки» въ XVI томѣ «Пол-

наго Собранія Лѣтописей» и раздарилъ ученикамъ свои листки со своднымъ текстомъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ редакцій. А затѣмъ—онъ много читалъ и отзывался (обыкновенно въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*) рецензіями на всѣ труды, его интересовавшіе, при чемъ не избѣгалъ вносить въ рецензіи свои воспоминанія—тѣ самыя, какія придавали такой интересъ и колоритность его лекціямъ.

Казалось, для слабаго и больного ученаго уже не было будущаго, а между тѣмъ, судьба готовила ему послѣдній тріумфъ. Въ 1890 году, когда онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ, состоялось его избраніе въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Онъ не скрывалъ своей глубокой радости и высказывалъ особое удовольствіе по тому поводу, что ему пришлось по академическому креслу быть замѣстителемъ Карамзина и Соловьева, которыхъ онъ такъ высоко ставилъ и почиталъ. Вступивъ въ составъ Академіи, онъ замѣтно оживился, посѣщалъ засѣданія, писалъ отчеты, рѣчи и рецензіи, интересовался всѣми мелочами въ жизни и дѣятельности Академіи. Какъ кажется, онъ мечталъ написать монографію о Карамзинѣ, но не собрался, ограничившись небольшимъ и сравнительно блѣднымъ очеркомъ для «Біографическаго словаря русскихъ дѣятелей» (вышелъ отдѣльною брошюрой въ 1895 году). Съ весны 1896 года болѣзнь окончательно завладѣла К. Н-чемъ и медленнымъ путемъ страданій привела его къ могилѣ.

Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ я имѣлъ цѣлью напомнить знавшимъ К-на Н-ча и разсказать его не знавшимъ лишь главнѣйшіе моменты въ жизни покойнаго, не болѣе. Оцѣнка его ученыхъ трудовъ давно уже сдѣлана; мѣсто его въ русской исторической наукѣ укажутъ тѣ, отъ кого мы ждемъ полнаго обзора русской исторіографіи; изображеніе сложнаго характера почившаго, всего своеобразнаго строя его умственныхъ интересовъ и душевныхъ свойствъ, конечно, дадутъ намъ люди, ближе, чѣмъ я, стоявшіе къ нашему учителю. Но какъ уче-

никъ почившаго, я не могу, кончая свою рѣчь о немъ, не сказать, что въ его лицѣ ушелъ отъ насъ, говоря его же словами, «большой» человѣкъ. Какъ ни будемъ мы смотрѣть на его направленіе, на свойства его ума и характера, на особенности его педагогическаго дара, мы должны будемъ признать его исключительныя силы и знанія, его исключительныя достоинства. Въ исторіи русской и всеобщей, въ этикѣ и правѣ, въ исторіи искусства, въ поэзіи Шекспира и Пушкина, вездѣ онъ находилъ интересъ и удовлетвореніе, на все имѣлъ свой взглядъ, все зналъ и помнилъ. Обыкновенно сдержанный, мягкій и осторожный, онъ, однако, не желалъ и по живости натуры не могъ скрывать своего отношенія къ дѣлу и лицамъ и высказывался, хотя и деликатно, но съ неизмѣнною опредѣленностью. Самъ пройдя въ юности чрезъ различныя, совершенно разнородныя вліянія и не отдавшись слѣпо ни одному, онъ не заставлялъ своихъ учениковъ jurare in verba magistri, напротивъ, стремился охранить въ каждомъ свободное развитіе личности и никогда не дѣлалъ вопроса изъ разницы личныхъ взглядовъ (единственное исключеніе, извѣстное намъ, способно только подтвердить общее правило). Зато у него не образовалось школы, хотя и было много учениковъ. Недавно высказано было мнѣніе, что такая школа въ С.-Петербургскомъ университетѣ была и есть; указывался и ея признакъ—наклонность къ изслѣдованію не историческихъ явленій, а историческихъ источниковъ. Мы думаемъ однако, что всѣ возможные изъ такого наблюденія выводы не могутъ быть связаны съ преподаваніемъ одного К. Н-ча и не могутъ быть признаны достаточными для характеристики «школы». К. Н-чъ по одному случаю дѣйствительно писалъ (въ 1883 году): «я вообще того мнѣнія, что изслѣдованіе источниковъ—лучшая тема магистерскихъ диссертацій и даже докторскихъ»; но онъ здѣсь же прибавлялъ, что не указывалъ подобныхъ задачъ тѣмъ, чьи «симпатіи не туда направлены». Эта оговорка лично для меня кажется очень знаменательною: К. Н-чъ дѣйствительно сообра-

зовался съ «симпатіями» учениковъ и полагалъ свой долгъ именно въ томъ, чтобы создать юношѣ обстановку для работы, не стѣсняя его личныхъ взглядовъ и способностей. Оттого среди его учениковъ есть и археологи, и историки самыхъ различныхъ оттѣнковъ; одинъ изъ работавшихъ у него на старшихъ курсахъ университета занимаетъ теперь каѳедру философіи, другой—каѳедру исторіи искусствъ. И каждый изъ насъ, какимъ бы путемъ онъ ни шелъ, навѣрное, хранитъ въ своей душѣ благодарнѣйшее воспоминаніе о многихъ минутахъ чистаго и глубокаго увлеченія наукою и прошлымъ родной страны, минутахъ драгоцѣнныхъ, которыми мы обязаны нашему почившему учителю. Надо ли указывать на то, что въ воспоминаніи о немъ заключается для насъ ободряющій примѣръ дѣятельности въ настоящемъ? И надо ли говорить о томъ, что общеніе съ нимъ и самое о немъ воспоминаніе есть одно изъ цѣннѣйшихъ стяжаній нашей юности?

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ.

(1898).

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны письма (числомъ 91) покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ графу С.-Д. Шереметеву, писанныя въ 1892—1896 годахъ по поводу предпринятаго графомъ изслѣдованія о личности такъ называемаго «перваго самозванца». Результаты своихъ изысканій въ матеріалахъ, относящихся къ исторіи Московской смуты, графъ С. Д. Шереметевъ сообщалъ К. Н. Бестужеву въ формѣ писемъ («разсужденій», какъ иногда выражался Бестужевъ), а послѣдній отзывался на сообщенія графа различными критическими замѣчаніями и, въ свою очередь, указывалъ на ту или иную фактическую подробность, на то или иное научное мнѣніе, которыя должны были быть приняты во вниманіе при изученіи эпохи. Покойный ученый не стѣснялся формою писемъ; въ сжатыхъ фразахъ, иногда намеками, высказывалъ онъ свои мысли о фактахъ и лицахъ смуты, о существующихъ взглядахъ и теоріяхъ. Живой обмѣнъ извѣстій между корреспондентами исключалъ возможность послѣдовательности въ обсужденіи темъ, дѣлалъ ненужными подробности. Тому, кто будетъ читать письма Бестужева, не зная хорошо эпохи, которой они посвящены, и не зная писемъ графа С. Д. Шереметева (они, къ сожалѣнію, остаются неизданными), — тому многое въ рѣчахъ Бестужева останется темнымъ и непонятнымъ. Зато знакомый съ дѣломъ

человѣкъ будетъ очень заинтригованъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ ведутъ рѣчь корреспонденты. Онъ встрѣтитъ здѣсь много свѣжаго и новаго въ смыслѣ пониманія эпохи, много интереснаго въ намекахъ на добытые графомъ новые матеріалы, много неожиданнаго въ домыслахъ и предположеніяхъ, въ оцѣнкахъ лицъ и вліяній, партій и отношеній Смутной эпохи. Но не одинъ разъ и онъ пожалѣетъ о томъ, что письма оставлены безъ всякихъ поясненій и примѣчаній; вѣдь эти примѣчанія могли бы быть составлены такъ, чтобы объяснять прямой смыслъ писемъ безъ преждевременнаго обнаруженія всего того, что составляетъ детали будущей монографіи.

Оба корреспондента вѣрятъ тому, что «названный царь», «разстрига», царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія, былъ настоящій сынъ Грознаго, спасенный изъ Углича куда-то на сѣверъ, а оттуда въ Литву. Руководительство имъ они приписываютъ московскимъ боярамъ, совершенно не принимая теоріи г. Иловайскаго о литовской интригѣ. Кровавое происшествіе въ Угличѣ 15-го мая 1591 года представляется имъ, какъ убійство подмѣненнаго ребенка, допущенное или устроенное Нагими (стр. 14—15, 17 и др.). Спасенный царевичъ предназначался своими руководителями не только къ тому, чтобы свергнуть Годуновыхъ, но и къ тому, чтобы служить русскому дѣлу въ Литвѣ (18, 23). Въ его католичество поэтому корреспонденты не вѣрятъ, полагая, что онъ просто обманывалъ и іезуитовъ, и короля (4, 18). Все это или почти все въ нашей литературѣ высказывалось и прежде, но какъ разъ эти мнѣнія казались наименѣе обоснованными. Теперь же за ними стоитъ новая аргументація, дающая имъ сравнительно бо̀льшую силу.

Изслѣдованіе о личности Димитрія, въ той постановкѣ, какую ему даютъ наши корреспонденты, захватываетъ широкій кругъ лицъ и отношеній не только въ самую смутную пору, но много ранѣе и много позже. Это «изслѣдованіе назадъ и впередъ», какъ выражается Бестужевъ (4), на первомъ мѣстѣ ставитъ «взаимныя отношенія дѣятелей, разумѣется, на основаніи

общихъ условій времени» (8, 12). Изъ группировки лицъ по родственнымъ связямъ и инымъ отношеніямъ изслѣдователи надѣются узнать составъ и настроеніе партій, придворныхъ и политическихъ, и такимъ образомъ «слѣдить за теченіями жизни» (21). Эти «теченія жизни» интересуютъ ихъ всего болѣе: свойства и взгляды того или другого лица, программы и симпатіи той или другой семьи или политической группы составляютъ главный предметъ бесѣды. Общія условія, то-есть «политическое, экономическое, умственное и нравственное состояніе страны» (12) — на второмъ планѣ. Для исторіи массъ изъ «писемъ» нельзя извлечь ничего опредѣленнаго; зато для характеристики отдѣльныхъ дѣятелей и руководящихъ кружковъ есть много интересныхъ частностей. Остановимся на нѣкоторыхъ.

Ѳедора Никитича Романова Бестужевъ считаетъ важнѣйшимъ дѣятелемъ смуты. «Да, люди XVI и XVII вѣковъ умѣли вести интригу и, конечно, въ этомъ дѣлѣ самымъ большимъ мастеромъ явился человѣкъ, едва ли не самый умный, — Ѳеодоръ Никитичъ», говорится въ одномъ письмѣ (26). «Первенствующую роль въ событіяхъ Смутнаго времени» — пишетъ Бестужевъ позднѣе — «охотно признаю за Ѳедоромъ Никитичемъ, но не считаю его роль особенно славною» (37). Ѳедоръ Никитичъ — «человѣкъ умный, но безпринципный; онъ жертвовалъ не только людьми, но и правдой» (36, 37). Такъ, въ 1606 году онъ принялъ участіе въ канонизаціи царевича, въ Угличское убіеніе котораго не вѣрилъ (36). По мнѣнію Бестужева, Ѳедоръ Никитичъ былъ посвященъ въ тайну спасенія царевича: «вѣдь безъ Ѳедора Никитича ничего не могло обойтись (пишетъ онъ): мнѣ сдается, что онъ болѣе другихъ дѣятелей замѣшанъ въ событіяхъ» (11); «съ самаго момента событія 1591 года онъ уже слѣдитъ за дѣломъ» (15). И не только въ Угличскомъ дѣлѣ, но и во всѣхъ перипетіяхъ смуты Ѳ. Н. Романовъ принималъ участіе: «во всѣхъ событіяхъ той эпохи, такъ или иначе, сказалась рука *царя Ѳеодора Микитича*», говоритъ Бестужевъ, вспоминая надпись на одномъ изъ портретовъ патріарха

Филарета (50, 60, 22). Покойному ученому какъ будто представлялось вѣское возраженіе, что «царь Θеодоръ Микитичъ» не могъ влiять непосредственно на ходъ дѣлъ уже потому, что постоянно былъ внѣ Москвы—то въ ссылкѣ, то на митрополіи въ Ростовѣ, то въ плѣну тушинскомъ и польскомъ: въ одномъ изъ писемъ (стр. 33) находимъ замѣчаніе, что Θедоръ Никитичъ «и изъ плѣна руководилъ всѣмъ». Во всѣхъ этихъ отзывахъ, конечно, много произвольнаго, но они очень любопытны какъ выраженіе общаго взгляда на отношенія эпохи, взгляда, имѣющаго свои основанія.

Патріархъ Гермогенъ представляется Бестужеву «простымъ русскимъ человѣкомъ» (99), «ревнивымъ оберегателемъ преданій» (27); «это, можетъ быть, человѣкъ былъ неглубокаго ума, но патріотъ несомнѣнно» (21). Онъ поневолѣ «принялъ горькую необходимость признать Владислава, но и то съ его, Гермогена, условіемъ: принять православіе... Спорить ему было нельзя, но и тутъ онъ сначала защищалъ Шуйскаго, потомъ предлагалъ своихъ кандидатовъ и только по нуждѣ призналъ Владислава» (32—33). Бестужевъ не понимаетъ, почему Гермогенъ стоялъ за В. В. Голицына (37), и ищетъ объясненія въ томъ, что Гермогенъ, если не принадлежалъ къ роду Голицыныхъ, то былъ изъ ихъ дома (21, 28, 31). Такимъ образомъ, онъ не вѣритъ преданію, что Гермогеномъ въ иночествѣ былъ названъ князь Ермолай Голицынъ. Въ этомъ невѣріи его могло бы укрѣпить одно извѣстіе, оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ нашимъ корреспондентамъ. По надписи на одной изъ вятскихъ иконъ, «святѣйшій патріархъ Гермогенъ» благословилъ въ 1607 году образомъ «зятя своего Корнилія Рязанцева». Врядъ ли бы могла княжна Голицына выйти замужъ за одного изъ обычныхъ посадскихъ людей, какими были «москвитины» Рязанцевы на Вяткѣ.

Князя Д. М. Пожарскаго Бестужевъ считаетъ на сторонѣ В. В. Голицына—на основаніи извѣстныхъ его словъ, сказанныхъ въ 1612 году, что Голицынъ такой «столпъ», за кото-

рый бы «всѣ держались», если бъ онъ не былъ въ плѣну (9). Бестужевъ «готовъ даже повѣрить, что вопросъ (кто долженъ быть царемъ): Романовъ или Голицынъ? отдѣлялъ бояръ отъ Пожарскаго», такъ какъ бояре въ междуцарствіе «берегли Москву для Романова», а Пожарскій желалъ Голицына (40). Эти рискованныя положенія, впрочемъ, не выдаются за доказанныя. Оцѣнка личныхъ свойствъ Пожарскаго у нашего историка не высока. «Я не считаю Пожарскаго человѣкомъ геніальнымъ (пишетъ онъ) и въ особенности не думаю, чтобы онъ былъ великимъ дипломатомъ... Пожарскій въ крайности и присягнулъ бы Тушинскому вору, ибо онъ признавалъ всѣ установившіяся правительства и никогда не велъ интриги. Это былъ человѣкъ средній, можетъ быть, но весьма почтенный» (18). Въ одномъ мѣстѣ наклонность Пожарскаго «признавать власть, признанную всей Россіей», называется даже «безпринципностью» (37). Университетскимъ слушателямъ Бестужева давно знакомъ этотъ мало благосклонный взглядъ Бестужева на Нижегородскаго воеводу, взглядъ, основанный на отзывахъ Соловьева о Пожарскомъ, какъ о человѣкѣ «мелкочиновномъ» и скромномъ. Теперь, когда мы лучше знаемъ организацію ополченія 1612 года и общественныя отношенія той эпохи, мы не будемъ стоять за этотъ взглядъ: фигура Пожарскаго кажется гораздо крупнѣе съ болѣе правильно взятой точки зрѣнія.

Такъ же опредѣленны, хотя и менѣе подробны и обстоятельны, отзывы «Писемъ» и о другихъ лицахъ смутной эпохи: о В. В. Голицынѣ, Нагихъ, Мининѣ, Д. Т. Трубецкомъ, Шуйскихъ и т. д. Интересны замѣчанія о боярскихъ кружкахъ, которые представляются какъ достаточно организованныя партіи, о духовенствѣ, которое называется «сильною партіей», о «торговыхъ людяхъ», которымъ усваивается политическое значеніе (17, 19 и др.). Всего достойнаго упоминанія не перечтешь. Хорошее знакомство съ эпохою, тонкая наблюдательность, живость изложенія придаютъ интересъ каждой строкѣ «Писемъ».

Интересны также отзывы и запросы Бестужева по поводу историческихъ документовъ, о которыхъ заходила рѣчь между корреспондентами. Такъ, о «слѣдственномъ дѣлѣ» 1591 года касательно смерти царя Димитрія Бестужевъ предлагаетъ рядъ вопросовъ (стр. 29), изъ коихъ ясно, что ему было неизвѣстно дѣйствительное состояніе этого документа. Онъ спрашиваетъ, каково начало этого «дѣла», предполагая, что оно сохранилось, но не напечатано. На самомъ дѣлѣ его нѣтъ, и дѣло напечатано цѣликомъ, какъ уцѣлѣло. Далѣе слѣдуетъ замѣчаніе: «любопытно, что чернякъ (этого дѣла) не истребленъ, когда онъ выдаетъ работу составителей». Поводомъ къ такому замѣчанію послужили «помарки и вставки» въ дѣлѣ. Но эти помарки и вставки никакой «работы составителей» не выдаютъ, потому что онѣ—обычныя помарки и вставки приказныхъ черняковъ: «дѣло» дошло до насъ въ столбцѣ, который склеенъ изъ подлинныхъ «рѣчей», челобитныхъ и другихъ документовъ слѣдствія. Если здѣсь и будетъ обнаруженъ когда-либо подлогъ, то не въ видѣ простыхъ «помарокъ и вставокъ». Такъ же рискованно предположеніе, что «дѣло Романовыхъ» «не такъ ветхо» какъ можно было бы заключить по точкамъ издателя» (29). Павловъ, который пустилъ въ ходъ это заявленіе, ничѣмъ, какъ извѣстно, его не доказалъ. Очень любопытно указаніе на «синодикъ Макарьевскаго монастыря», въ которомъ встрѣчается имя «инока Леонида» среди, если не ошибаемся, царскихъ именъ конца XVI и начала XVII вѣка (27, 51). Не менѣе интригуютъ и упоминанія объ «свѣдѣніяхъ австрійскихъ» (6). Кое-что указано изъ этихъ свѣдѣній въ *Historisk Tidskrift* за 1883 годъ. Если «Письма» разумѣютъ что-либо еще болѣе интересное, то, разумѣется, свѣдѣнія эти важны. Наконецъ, на стр. 45, Бестужевъ сообщаетъ, между прочимъ, со словъ пишущаго эти строки, что «Пирлингъ нашелъ нѣсколько документовъ, касающихся Разстриги, и намѣренъ ихъ печатать. Говорятъ, что онъ близокъ къ тому, чтобы признать его настоящимъ. Впрочемъ, Платоновъ, получившій отъ него письмо, го-

ворить, что Пирлингъ ставитъ такъ вопросъ, что эти бумаги укажутъ, если не то, кто былъ Разстрига, то, по крайней мѣрѣ, то, какъ онъ о себѣ говорилъ». Ужъ если сообщеніе отца П. Пирлинга попало въ печать независимо отъ его или моего желанія и вѣдома, то необходимо возстановить его точную форму. Въ письмѣ о. Пирлинга изъ Мантуи отъ $^{28}/_{16}$ марта 1894 г. стоятъ слѣдующія строки: «У меня всего въ виду 2—3 документа. Замѣчательны они тѣмъ, что исходятъ они отъ ближайшихъ сторонниковъ Димитрія. Если это не самая истина, то это, по крайней мѣрѣ, то, что Димитрій выдавалъ за истину». Только-что вышедшее въ Парижѣ изданіе о. Пирлинга «Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII» обнародываетъ именно такой документъ, который содержитъ «то, что Димитрій выдавалъ за истину». Это собственноручное письмо («entièrement autographe»), писанное по-польски названнымъ царевичемъ 24-го апрѣля 1604 г. и заключающее въ себѣ краткій разсказъ о его спасеніи «napred w samem panstwie moskwieskiem miedzy czierncamy do czasu piewniego, potym w granicach polskych». Но этотъ документъ еще не устанавливаетъ подлинно царскаго происхожденія Разстриги, а въ предисловіи къ документу о. Пирлингъ ничѣмъ не обнаруживаетъ, что на основаніи этого письма Разстриги онъ «близокъ къ тому, чтобы признать его настоящимъ».

Для любителей собирать и отмѣчать личныя мнѣнія замѣчу, что на стр. 53-й «Писемъ» не точно передано, будто я «не могу отречься отъ Отрепьева». Въ любомъ литографскомъ изданіи моего курса русской исторіи, начиная съ 1883 года, можно найти ясныя свидѣтельства того, что я не стою за тожество Гришки Отрепьева и царя Дмитрія Ивановича. Въ бесѣдѣ съ покойнымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ я могъ высказать только ту мысль, что доказывать тожество Разстриги съ настоящимъ царевичемъ труднѣе, чѣмъ доказывать его тожество съ Отрепьевымъ. Пока не получили извѣстности доказательства, убѣдившія нашихъ корреспондентовъ въ спасеніи

малютки Дмитрія, до тѣхъ поръ легенда объ Отрепьевѣ будетъ существовать. На стр. 48-й Бестужевъ признаетъ правильною дилемму: «если не Отрепьевъ, то настоящій, а такъ какъ несомнѣнно не Отрепьевъ, то... но для неубѣжденныхъ это все-таки надо доказать». Неубѣжденный же можетъ повернуть дилемму и такъ: если не настоящій (что не доказано), то Отрепьевъ. Третье можетъ быть только одно: неизвѣстно кто. Если не держаться этого третьяго и искать непремѣнно имени, то скорѣе придешь къ Отрепьеву, чѣмъ увѣруешь въ чудесное спасеніе отъ недоказаннаго убійства. Только это и могъ я высказывать, не будучи введенъ въ кругъ тѣхъ доказательствъ, которыми былъ убѣжденъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Изданіе писемъ сдѣлано тщательно. Извѣстный по неразборчивости почеркъ покойнаго историка прочтенъ въ общемъ хорошо. Можетъ быть, на стр. 23-й (строка 3 снизу) вмѣсто непонятной «*нерьяной* роли» слѣдуетъ читать «*невидной*», а на стр. 40-й (строка 4 сверху) вмѣсто «*за которыми*» должно быть «*за которымъ*». На стр. 25-й польскій текстъ искаженъ: вмѣсто, напримѣръ, «miasteczkach» стоитъ «mia eczkich», вмѣсто «czerńce» — «czerńu»; было бы нетрудно выписать приводимыя въ письмѣ фразы со стр. 177 — 178 доступнаго всѣмъ перваго тома изданія г. Прохазки «Archivum domus Sapiehanae». Есть промахи и въ «Указателѣ»: смѣшаны митрополитъ Діонисій и архимандритъ Діонисій; въ цифрахъ у имени кн. Д. М. Пожарскаго пропущена цифра 9. Подъ словомъ «Разстрига» указано «см. Отрепьевъ»; между тѣмъ, въ «Письмахъ» терминомъ Разстрига означается именно не Отрепьевъ, а названный царевичъ.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВСКІЙ [1].

Уже полгода прошло со времени кончины почетнаго члена нашего Общества, академика В. Г. Васильевскаго, этого «удивительнаго человѣка по качествамъ ума и сердца». Такъ назвалъ почившаго, подъ первымъ впечатлѣніемъ утраты, одинъ изъ близкихъ къ нему людей—и сказалъ глубокую правду [2]). Васильевскій былъ удивительный человѣкъ по необыкновенно счастливому сочетанію умственной силы съ моральною красотою. Исключительно одаренный природою, онъ не скрылъ даннаго ему таланта, но всѣ свои благородныя способности всецѣло отдалъ на служеніе наукѣ и русскому просвѣщенію. Проведенная въ кабинетѣ, аудиторіяхъ и библіотекахъ, его жизнь не изобиловала внѣшними событіями, но отличалась такимъ богатствомъ внутренняго содержанія, что было бы излишне смѣлымъ намѣреніе охватить въ минутной характеристикѣ весь кругъ ученыхъ работъ и умственныхъ интересовъ почившаго. Мое о немъ слово не имѣетъ такого намѣренія: оно должно служить лишь къ тому, чтобы въ самыхъ общихъ чертахъ возстановить въ вашей памяти всѣмъ намъ знакомый образъ покойнаго товарища, сотрудника и учителя.

---

[1]) Читано въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 9-го ноября 1899 года. В. Гр. Васильевскій скончался во Флоренціи 13-го мая 1899 года.

[2]) См. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1899 г., іюнь, стр. 1 (Некрологъ).

В. Гр. Васильевскій получилъ свое первое образованіе въ Ярославской семинаріи; оттуда въ 1856 году онъ поступилъ въ Главный Педагогическій Институтъ, а изъ Института, по случаю его закрытія въ 1859 году, былъ переведенъ въ С.-Петербургскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ съ званіемъ «старшаго учителя» въ 1860 году. Черезъ два года В. Гр. Васильевскій, въ числѣ многихъ другихъ сверстниковъ, посланъ былъ за границу для приготовленія къ профессурѣ. Въ Берлинѣ слушалъ онъ Момзена и Дройзена, въ Іенѣ—Адольфа Шмидта. Самъ онъ говаривалъ не разъ, что, отправляясь за границу, онъ вовсе не имѣлъ подготовки къ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ; тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ можно полагать, что онъ успѣлъ многому научиться въ Германіи. Назначенный по возвращеніи изъ путешествія преподавателемъ исторіи въ Виленскую гимназію, В. Гр. Васильевскій не отдалъ всѣхъ своихъ силъ педагогической практикѣ, но продолжалъ занятіе избранною имъ для спеціальнаго изученія исторіею древней Греціи. Въ 1866 году, во II-мъ томѣ «Вѣстника Европы», выступилъ онъ съ обширною и солидною критическою статьею по поводу ученыхъ «изслѣдованій, относящихся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи». А въ 1868 году началось печатаніе его магистерской диссертаціи о «политической реформѣ и соціальномъ движеніи въ древней Греціи въ періодъ ея упадка». По защитѣ диссертаціи, съ 1870 года, насталъ новый періодъ въ жизни В. Гр. Васильевскаго. Молодой ученый былъ приглашенъ на каѳедру исторіи въ С.-Петербургскій университетъ и съ тѣхъ поръ сосредоточился на изученіи среднихъ вѣковъ. По исторіи Западной Европы въ средніе вѣка читалъ онъ свои общіе курсы; Византія сама по себѣ и въ ея отношеніяхъ къ древней Руси была предметомъ его собственныхъ занятій и любимою темою спеціальныхъ курсовъ. Двадцать лѣтъ принадлежалъ В. Гр. Васильевскій университету и вообще дѣлу высшаго преподаванія, и въ эту пору создана была его слава первостепеннаго преподавателя и ученаго. Въ 1890 году, не покинувъ университета,

сталъ онъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ, этимъ самымъ достигнувъ, по собственному его признанію, исполненія единственной его честолюбивой мечты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», а немного позднѣе (1894 г.) и редакторомъ «Византійскаго Временника». Послѣднее десятилѣтіе его жизни отличалось такимъ образомъ большею сложностью обязанностей и болѣе широкимъ кругомъ сношеній. Несмотря на упадокъ здоровья и силъ въ эти годы, покойный съ изумительною бодростью и энергіею отдавался дѣлу и любимымъ занятіямъ. До самаго конца, измученный страданіями, не покидалъ онъ пера, и его послѣдняя статья была напечатана уже послѣ его смерти по рукописи, полученной въ редакціи журнала «за нѣсколько дней до его кончины» [1]).

Двумя особенностями отличалась умственная дѣятельность нашего ученаго: во-первыхъ, чрезвычайною широтою и живостью ученаго интереса и, во-вторыхъ, необыкновенною тонкостью и чуткостью критики. Въ самомъ дѣлѣ, началъ онъ свои занятія въ области изученія античной жизни; затѣмъ перешелъ къ темамъ литовско-русскимъ (1869—1874), одновременно началъ работы по изученію Византіи (съ 1872 г.); естественнымъ образомъ пришелъ отъ вопросовъ византійской исторіи къ вопросамъ исторіи русской и западно-европейской; въ то же время, и независимо отъ византійскихъ занятій, слѣдилъ онъ за литературою западно-европейской исторіи и былъ ея глубокимъ знатокомъ; Палестиновѣдѣніе нашло себѣ въ немъ дѣятельнаго поборника и работника; наконецъ, арабскіе писатели не разъ обращали на себя его вниманіе, какъ источникъ для возстановленія событій, входившихъ въ исторію Византіи и древней Руси. Съ другой стороны, В. Гр. Васильевскаго интересовали не только судьбы различныхъ народностей и разныхъ эпохъ, но и самые разнородные виды историческаго изученія. Онъ былъ

---

[1]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1899, іюнь, стр. 471.

не только знатокомъ историческихъ фактовъ, но и мастеромъ во многихъ сферахъ историческаго творчества. Изученіе текстовъ и ихъ критика, возстановленіе фактовъ и опредѣленія хронологическія, вопросы права и политики, соціальныя явленія, психологическія настроенія и всякія иныя стороны историческаго процесса, — все находило свое мѣсто въ изслѣдованіяхъ покойнаго историка и ко всему онъ относился съ полною компетентностью и въ то же время съ осторожностью и сдержанностью глубокаго ученаго.

Такая разносторонняя ученость и широта умственнаго кругозора заслуженно ставили В. Гр. Васильевскаго во главѣ цѣлой ученой дисциплины—византіевѣдѣнія. Хотя покойный съ обычною скромностью и заявилъ однажды, что онъ «никогда не счелъ бы безчестіемъ для себя быть и считаться ученикомъ А. А. Куника» [1]), однако нѣтъ сомнѣнія, что отъ Куника могъ исходить лишь первый толчекъ въ сторону изученія Византіи, лишь самая идея необходимости такого изученія; научное же движеніе въ этой области руководилось не Куникомъ, а именно Васильевскимъ. Первому принадлежали, по удачному выраженію Ѳ. И. Успенскаго, «старшинство и авторитетъ»; второму же— «боевая сила и вліяніе» [2]). Въ этомъ руководящемъ вліяніи была, думаемъ, главная роль В. Гр. Васильевскаго, съ которою онъ перейдетъ въ исторію нашей науки и общественности. Центральное и главенствующее положеніе въ средѣ нашихъ византинистовъ давала В. Гр. Васильевскому не только сила первенствующаго таланта, но и почетныя особенности его личности, «вносившей во всѣ отношенія согласіе и ясность» [3]).

Что касается до ученой критики В. Гр. Васильевскаго, то она была исключительною по сочетанію сознательно выработан-

---

[1]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1883, апрѣль, стр. 391.

[2]) Ѳ. И. Успенскій, «Русь и Византія въ X вѣкѣ». Одесса. 1888, стр. 5.

[3]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1899, іюнь, стр. 4 (Некрологъ).

наго метода съ непосредственною чуткостью и тончайшей наблюдательностью. По выраженію одного изъ его учениковъ и послѣдователей по спеціальности, «онъ обладалъ удивительнымъ талантомъ вычитывать въ сухихъ лѣтописяхъ то, чего другіе не замѣчали»; «не разъ (продолжаетъ этотъ ученый) случалось мнѣ провѣрять работы дорогого учителя, и я всегда убѣждался, что источники использованы имъ до послѣдней мелочи и ни единой черточкой нельзя пополнить его изложеніе» [1]). Эта сторона ученаго таланта В. Гр. Васильевскаго, можно сказать, сверкала, какъ грань алмаза, и предъ тѣми, кто вчитывался въ его статьи, и предъ тѣми, кто имѣлъ завидную долю слушать его спеціальные курсы въ университетѣ. Не владѣя гладкою фразою, онъ, однако, покорялъ себѣ аудиторію и увлекалъ ее великолѣпными образцами ученаго анализа. Не заботясь о доступности изложенія въ статьяхъ, онъ, однако, достигалъ того, что онѣ читались съ интересомъ и даже съ увлеченіемъ. Неизмѣнная оригинальность сюжета, изящество построенія, стройность и сила аргументаціи, своеобразная красота языка, какъ будто умѣвшаго переносить въ современность достоинства архаическаго краснорѣчія и даже его манерность; наконецъ, безподобный юморъ, которымъ былъ такъ богатъ этотъ строгій ученый,—вотъ всѣмъ извѣстныя свойства его статей.

Обаяніе личности покойнаго можно уже было чувствовать и не зная его близко, а только видя его со скамьи аудиторіи или же знакомясь съ его произведеніями. Личныя отношенія съ нимъ вызывали чувство живой симпатіи къ нему. Близкое же знакомство порождало непреходящее чувство удивленія предъ душевными качествами этого человѣка и крѣпкую привязанность къ нему. Казалось, сердце его, отзывчивое и мягкое, от-

---

[1]) Слова П. В. Безобразова (Некрологъ В. Гр. Васильевскаго въ «Византійскомъ Временникѣ», 1899, № 3—4, стр. 5). Срвн. такой же отзывъ въ статьѣ о В. Гр. Васильевскомъ Ѳ. И. Успенскаго въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1899, октябрь, стр. 291—292.

личалось свойствами, подобными тѣмъ, какими украшался его умъ,—чуткостью и широтою чувства. Тонкій наблюдатель историческихъ фактовъ, В. Гр. Васильевскій былъ не менѣе тонкимъ наблюдателемъ и цѣнителемъ людей и современности. Онъ хорошо понималъ характеры, чутко опредѣлялъ способности ума и достоинства душевныя. Съ неменьшею чуткостью цѣнилъ онъ явленія общественной жизни и безъ колебаній опредѣлялъ свое къ нимъ отношеніе, всегда исполненное нравственнаго достоинства и спокойной терпимости. Его благодушіе, миролюбіе и доброжелательность были поистинѣ безмѣрны. Онъ не умѣлъ враждовать и всегда старался отыскать объясненіе, оправданіе или извиненіе всякому направленному противъ него поступку. Добру онъ всегда умѣлъ сочувствовать, а зло его никогда не озлобляло. Всѣми силами служилъ онъ тому, что считалъ справедливымъ, и въ этомъ дѣлѣ не признавалъ ни партій, ни сторонъ. Это была одна изъ самыхъ благородныхъ, чистыхъ и возвышенныхъ натуръ. Ея достоинства, воспитанныя беззавѣтнымъ служеніемъ наукѣ и просвѣщенію, блистательно показываютъ намъ вѣчную и неизмѣнную справедливость давно высказанной поэтомъ мысли о томъ, что тамъ, «гдѣ высоко стоитъ наука, стоитъ высоко человѣкъ»...

О ТИТУЛѢ „ДУМНЫЙ ДЬЯКЪ".

(1900).

Въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ въ составѣ боярской думы Московскаго государства упоминаются думные дьяки. Это — младшій іерархически думный чинъ, члены котораго, по сообщенію современниковъ, даже не сидятъ, а стоятъ въ думныхъ собраніяхъ, докладываютъ и объясняютъ дѣла, но не участвуютъ на равныхъ правахъ съ боярами въ рѣшеніи дѣлъ. Громадное значеніе и вліяніе думныхъ дьяковъ въ московскихъ служебныхъ кругахъ объясняется не тѣмъ, что они признаются сановниками, а тѣмъ, что они стоятъ во главѣ важнѣйшихъ московскихъ приказовъ, находящихся въ ближайшемъ вѣдѣніи самой думы. Вся текущая дѣятельность московской центральной администраціи направляется думными дьяками; въ этомъ ихъ сила; отсюда ихъ извѣстность.

Однако, несмотря на свою извѣстность, думные дьяки, вмѣстѣ съ учрежденіемъ, въ которомъ они дѣйствовали, стали предметомъ большихъ разногласій въ нашей спеціальной литературѣ. Тому, кто желалъ бы навести краткую справку объ этомъ думномъ чинѣ, придется получить отъ разныхъ изслѣдователей различныя, взаимно несогласимыя показанія. У Н. П. Лихачева онъ найдетъ категорическое, основанное на хорошемъ знакомствѣ съ первоисточниками, утвержденіе, что «точный титулъ *думный дьякъ* появляется лишь въ послѣдней четверти XVI столѣтія, но участіе дьяковъ въ думѣ несомнѣнно даже для XV вѣка».

*

«Титулъ *думный дьякъ*,—продолжаетъ далѣе г. Лихачевъ,—въ документахъ первой половины XVI столѣтія замѣняется другими болѣе или менѣе соотвѣтствующими обозначеніями... такія, напримѣръ, названія, какъ *дьякъ введеной*, *дьяки великіе*, несомнѣнно, относятся къ дьякамъ, введеннымъ въ думу» [1]). Въ приведенныхъ цитатахъ высказана совсѣмъ ясная мысль: новымъ титуломъ въ концѣ XVI вѣка почтена старая должность, искони бывшая въ Москвѣ. Вопросъ о происхожденіи думнаго дьячества есть вопросъ о происхожденіи только титула. Менѣе ясности въ отзывахъ В. И. Сергѣевича. Въ I-мъ томѣ его «Юридическихъ Древностей» читаемъ: «Въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть, и ранѣе, появляется и титулъ думнаго дьяка... Дьяки-совѣтники своихъ государей—явленіе очень старинное. Но въ старину это было дѣломъ домашней, кабинетной жизни. Теперь же (то-есть «въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть, и ранѣе»?) дьяки удостоиваются и соотвѣтствующаго титула и такимъ образомъ явно, на глазахъ всего Московскаго государства, становятся рядомъ съ дѣтьми боярскими, живущими въ думѣ, съ окольничими и боярами введенными. Они—признанные члены государевой думы, а не тайные совѣтники (стр. 502—503). Выходитъ такъ, что удостоеніе титула «думный» было формальнымъ, сравнительно позднимъ, признаніемъ дьяковъ членами государевой думы. Изъ «тайныхъ совѣтниковъ» князя они были сдѣланы думцами. Во II-мъ томѣ того же труда оттѣнки изложенія становятся иными. «До насъ дошли,—пишетъ г. Сергѣевичъ,—указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ конца XVI вѣка... Но есть основаніе думать, что и думные дьяки могли появиться уже въ царствованіе Ивана Васильевича III... Прилагательное *думный* для обозначенія дьяка-совѣтника могло возникнуть позднѣе, но самое дѣло — приглашеніе дьяковъ въ думу—совершенно согласно съ поли-

---

[1]) *Н. П. Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVI вѣка. Спб. 1888, стр. 166, 180 и слѣд.

тикою Ивана III» (стр. 353). Когда же совершилось признаніе дьяковъ членами думы? Въ княженіе великаго князя Ивана III Васильевича, когда дьяковъ пригласили въ думу, или же позднѣе, когда ихъ удостоили соотвѣтствующаго титула? Затрудненіе читателя возрастаетъ еще болѣе при чтеніи страницы 396-й, гдѣ г. Сергѣевичъ говоритъ, что въ постановленіи думцами одного «боярскаго приговора» 1520 года участвовали «3 думныхъ дьяка», между тѣмъ, читатель еще не забылъ, что на стр. 353-й самъ авторъ, утверждая, что «до насъ дошли указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ *конца* XVI вѣка», прибавляетъ: «далѣе этого свидѣтельства памятниковъ, намъ извѣстныя, не восходятъ». Желаніе уразумѣть точно мнѣніе авторитетнаго ученаго ведетъ насъ, можетъ быть, къ мелочности и придирчивости, но и при всемъ томъ оно остается неудовлетвореннымъ. Рѣшаемся, впрочемъ, думать, что г. Сергѣевичъ въ данномъ вопросѣ слѣдуетъ г. Лихачеву, не выводя своихъ наблюденій изъ круга матеріаловъ, комбинированныхъ послѣднимъ. Эти матеріалы, повидимому, заставляютъ его признавать, что дьяки появились въ думѣ раньше, чѣмъ получили титулъ *думныхъ*. Если такъ, то и для г. Сергѣевича вопросъ о происхожденіи думнаго дьячества въ концѣ XVI вѣка есть вопросъ только о происхожденіи титула. Иначе стоитъ дѣло у гг. Ключевскаго и Владимірскаго-Буданова: они оба признаютъ должности думныхъ дьяковъ учрежденіемъ, выросшимъ при думѣ въ XVI вѣкѣ благодаря «новымъ потребностямъ администраціи», «усиленію письменнаго дѣлопроизводства» [1]). Думные дьяки стали какъ бы начальниками отдѣленій думной канцеляріи, отдѣленій, которыя разрослись въ цѣлые приказы съ обширнымъ кругомъ дѣлъ. Оставаясь подъ непосредственнымъ руководствомъ боярской думы, эти приказы передавались въ завѣдываніе дьякамъ,

---

[1]) *В. О. Ключевскій*, Боярская дума древней Руси. М. 1882, стр. 287—289. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е, К. 1900, стр. 177—178.

«какъ делегатамъ думы» (выраженіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова). При такомъ взглядѣ на дѣло, учрежденіе должностей думныхъ дьяковъ должно быть поставлено въ связь съ административною реформою, создавшею кругомъ думы рядъ важнѣйшихъ по значенію приказовъ. Тотъ, кто опредѣлитъ время этой реформы, узнаетъ и время появленія должностей думныхъ дьяковъ. До сихъ поръ, однако, это никѣмъ еще не сдѣлано, хотя въ послѣднія десятилѣтія достигнуты большіе успѣхи въ изученіи той именно эпохи, къ которой относится появленіе думнаго дьячества, и того именно административнаго строя, въ которомъ это дьячество стало такою вліятельною силою.

Можно думать, что и впредь ученые тщетно будутъ искать момента «учрежденія» новой должности думныхъ дьяковъ, потому что дьяки въ думѣ присутствовали всегда одинаково: и въ XV вѣкѣ, когда ихъ думными не звали, и въ XVI вѣкѣ, когда ихъ привыкли называть думными. Это совершенно ясно доказано г. Лихачевымъ, который оставилъ на долю послѣдующихъ изыскателей лишь одну задачу—объяснить, откуда появился въ XVI вѣкѣ ранѣе не существовавшій обычай именовать дьяковъ, ведущихъ доклады въ боярской думѣ, думными дьяками, несмотря на то, что они попрежнему стояли во главѣ приказовъ и продолжали называться по имени своихъ приказовъ—разрядными, помѣстными и т. д. [1]). Акты XVI в. не даютъ этому готоваго объясненія; мало того—въ актахъ и приказныхъ записяхъ очень рѣдко встрѣчаемъ названіе дьяковъ *думными* вплоть до 1613 года. И въ спискахъ думныхъ чиновъ дьяки XVI вѣка вовсе не записываются [2]). Это—признакъ того, что въ XVI вѣкѣ названіе *думный* скорѣе житей-

---

[1]) Напримѣръ, «думный дьякъ Помѣстныя избы», «думный дьякъ Помѣстного приказу» (*Н. П. Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 183).

[2]) Въ Древней Росс. Вивліоѳикѣ, т. XX, думные дьяки впервые приведены подъ 7163 (1654—1655) годомъ (стр. 111); въ Архивѣ Ист.-юр. свѣдѣній *Калачева*, книга 2, I, стр. 132,—подъ 7115 (1606—1607) годомъ.

ское прозвище, чѣмъ опредѣленное офиціальное наименованіе. То объясненіе, которое по нашему вопросу мы сейчасъ предложимъ, клонится къ тому же заключенію: названіе *думнаго* создалось бытовымъ порядкомъ, такъ сказать, само собою, съ появленіемъ опричнины Грознаго, благодаря тому, что явилась надобность какъ-нибудь отличать дьяковъ, по-старому докладывавшихъ дѣла думѣ, отъ дьяковъ, имѣвшихъ докладъ помимо старой боярской думы въ новомъ государевѣ «дворѣ» или «опришнинѣ». Первыхъ стали звать дьяками «изъ земскаго» или «думными», вторыхъ—дьяками «изъ опришнины» или «дворовыми». Затѣмъ мало-по-малу эпитетъ *думныхъ* закрѣпился за тѣми изъ дьяковъ, которые бывали въ думѣ, а прочіе параллельные эпитеты исчезли съ уничтоженіемъ «опричнины» и «двора». Справедливость этого наблюденія откроется всякому, кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть относящіеся къ дѣлу документы XVI вѣка и въ особенности тексты пространныхъ редакцій «разрядовъ» за вторую половину XVI столѣтія. Такимъ образомъ выходитъ, что въ эпоху Грознаго дѣйствительно произведена была перемѣна, но она касалась не столько дьячества, сколько самого правительства, и по отношенію къ дьякамъ сказалась только тѣмъ, что въ порядкѣ подчиненности раздѣлила дьяковъ на двѣ группы: подчиненныхъ, по-старому, боярской думѣ и подчиненныхъ вновь устроенному «двору». Новостью оказывался не «думный» дьякъ, который и раньше ходилъ въ думу, а дьякъ *дворовый*, который пересталъ носить дѣла въ думу земскимъ боярамъ, а началъ являться съ ними въ опричнину, къ новой власти.

Мимоходомъ мы высказали эту мысль въ нашихъ «Очеркахъ по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ» [1]) при характеристикѣ того раздвоенія, которое было внесено опричниною въ функціи московской администраціи. По нашему представленію опричнина не создала новыхъ учрежденій, кромѣ

[1]) Въ первомъ изданіи стр. 154; во второмъ стр. 117.

новаго «двора особнаго». Этотъ «особной дворъ» пользовался для своихъ цѣлей старыми, до него существовавшими органами управленія, выдѣляя изъ состава приказныхъ людей особый штатъ «дьяковъ изъ опришнины», но оставляя ихъ сидѣть въ ихъ прежнихъ приказахъ и вѣдать дѣла старымъ порядкомъ. Такимъ образомъ въ Разрядѣ, напримѣръ, въ 1574—1576 гг. сидѣли вмѣстѣ дьяки Щелкаловы, Шерефединовъ и Арцыбышевъ. Братья Щелкаловы при этомъ вѣдали дѣла и мѣстности «изъ земскаго», а Шерефединовъ и Арцыбышевъ—дѣла и мѣстности «дворовыя». Щелкаловы докладывали боярской думѣ, а ихъ товарищи—царю въ его «особномъ дворѣ». Но Разрядъ при этомъ оставался попрежнему единымъ учрежденіемъ, работавшимъ по старой правительственной традиціи; механизмъ его не измѣнился отъ того, что вмѣсто одной высшей инстанціи стало двѣ. Для удобства различенія стали Щелкаловыхъ звать думными дьяками, а ихъ товарищей—дворовыми; но этими названіями не отмѣчалось никакой перемѣны ни въ служебной чести, ни въ служебной практикѣ этихъ лицъ. Существо службы не мѣнялось оттого, что мѣнялся порядокъ подчиненности.

То, что мы теперь говоримъ, есть плодъ личныхъ наблюденій надъ сырымъ историческимъ матеріаломъ; это—только гипотеза. Но ею объясняется такъ много въ исторіи не только самой опричнины, но и вообще московскихъ учрежденій XVI в., что за эту гипотезу стоитъ постоять и надъ ея развитіемъ стоитъ поработать. Мы увѣрены, что историки права и учрежденій XVI вѣка въ Московскомъ государствѣ должны будутъ обратиться къ самому внимательному изученію опричнины, которая еще такъ недавно объявлялась нелѣпою и безсмысленною по своей цѣли и которая вовсе не изучалась со стороны ея дѣйствительнаго значенія и результатовъ.

РѢЧИ ГРОЗНАГО НА ЗЕМСКОМЪ СОБОРѢ 1550 ГОДА.

(1900).

Кто не знаетъ той знаменитой рѣчи Іоанна Грознаго, которая была имъ говорена на Лобномъ мѣстѣ первому земскому собору? Кто въ свое время не читалъ искуснаго перевода этой рѣчи, предложеннаго Карамзинымъ въ VIII томѣ его «Исторіи» и повтореннаго покойнымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его, къ сожалѣнію, не оконченной «Русской исторіи»? Рѣчь Грознаго—одинъ изъ прославленныхъ памятниковъ слова Московской Руси—печаталась дважды. Карамзинъ помѣстилъ текстъ этой рѣчи (и рѣчи Грознаго Адашеву) въ 182-мъ и 184-мъ примѣчаніяхъ къ своему VIII тому, замѣтивъ при этомъ, что «сія любопытная рѣчь находится въ Архивской Степенной Книгѣ Хрущева». Вскорѣ затѣмъ весь разсказъ объ обращеніи молодого царя къ народу и рѣчь его Адашеву были вторично изданы въ Румянцевскомъ «Собраніи Гос. Грамотъ и Договоровъ» безъ указанія оригинала, съ одною лишь отмѣткою: «въ спискѣ», которая должна была означать, что редакторы изданія не имѣли въ рукахъ офиціальнаго, «приказнаго», текста памятника. Можно не сомнѣваться, что въ ихъ распоряженіи была та же Степенная книга Хрущова, которую назвалъ Карамзинъ: въ этомъ убѣждаетъ полное тожество напечатаннаго ими текста и текста, который теперь можно читать въ Хрущовской рукописи. Съ тѣхъ поръ (съ 1819 года) не было никакихъ указаній на существованіе иныхъ списковъ занимающаго насъ памятника [1]).

---

[1]) Слова Н. П. Лихачева, (*Ист. Вѣстн.*, 1890, май, стр. 382) о

Уже Карамзинъ считалъ возможнымъ сомнѣваться въ точности отдѣльныхъ указаній, какими сопровождалась открытая имъ «рѣчь» въ Степенной книгѣ. Тамъ было сказано, что царь говорилъ рѣчь «въ возрастѣ 20 году»; Карамзинъ поправлялъ: «не 20, а 17». Степенная книга сообщала, что царь въ тотъ же день, когда говорилъ къ народу, пожаловалъ А. Адашева въ окольничіе; Карамзинъ не повѣрилъ этому, имѣя въ виду боярскіе списки въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» (т. XX), по которымъ Адашеву окольничество сказано было значительно позднѣе. Н. П. Лихачевъ также находилъ это указаніе невѣрнымъ и объяснялъ его «несомнѣнными искаженіями», допущенными въ дошедшихъ до насъ «спискахъ» памятника [1]). Вообще же достовѣрность памятника въ его цѣломъ оставалась до настоящаго времени внѣ сомнѣній, и изслѣдователи скорѣе жалѣли о краткости его и неясности, чѣмъ подозрѣвали его ненадежность. Еще въ недавніе годы на него ссылались, какъ на источникъ для исторіи земскаго собора 1550 года; но уже В. О. Ключевскій призналъ, что нельзя изъ его текста извлечь что-либо вполнѣ опредѣленное, и выразился такъ, что соборъ 1550 года «надобно пока считать потеряннымъ фактомъ въ исторіи устройства соборнаго представительства XVI вѣка» [2]).

Можно опасаться, что смыслъ этой фразы безутѣшнѣе, чѣмъ казалось тогда, когда она была напечатана. Непосредственное знакомство со Степенною книгою Хрущова производитъ неожиданное впечатлѣніе. Хранится эта книга въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (библіотеки Архива № 26—34) и представляетъ собою, насколько можно судить на основаніи общаго обзора, Степенную книгу обычнаго состава, тожественную съ напечатанной въ XVIII столѣтіи. Руко-

---

томъ, что рѣчь дошла до насъ «въ спискахъ», имѣютъ въ виду не рукописи, а два изданныхъ текста, о которыхъ не предполагалось, что они печатаны съ одной рукописи (Сравн. тамъ же стр. 391, прим. 2).

[1]) *Ист. Вѣстн.*, 1890, май, стр. 382.

[2]) *Русская Мысль*, 1890, январь, стр. 150.

пись письма XVII вѣка, писана скорописью въ листъ, въ ветхомъ переплетѣ; на одномъ изъ послѣднихъ ненумерованныхъ листовъ есть запись: «Книга гранографъ околничаго Семена Семеновича Колтовскаго» (извѣстенъ по боярской книгѣ 7199—1691 года) [1]). Въ XVIII столѣтіи рукопись принадлежала Андрею Ѳедоровичу Хрущову, «конфиденту» Артемія Волынскаго, казненному вмѣстѣ съ Волынскимъ въ 1740 году. Въ числѣ другихъ конфискованныхъ «гисторій» Степенная книга была въ 1742 году сдана въ архивъ Иностранной коллегіи [2]). Изъ этихъ данныхъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, не восходящимъ къ XVI вѣку; далеко не всѣ отнесутъ его даже и къ первой половинѣ XVII столѣтія. Одно это обстоятельство способно внушить нѣкоторую осторожность: не всегда позволительно довѣряться показаніямъ поздней лѣтописи о событіяхъ, о которыхъ нѣтъ современныхъ имъ извѣстій. Въ данномъ же случаѣ дѣло усложняется тѣмъ, что Хрущовская рукопись подверглась интерполяціи какъ разъ въ томъ мѣстѣ, которое насъ интересуетъ,—въ 9-й главѣ 17-й степени, тамъ, гдѣ говорится о «великомъ пожарѣ» и «покаяніи людстѣмъ». [3]). По существующему въ рукописи счету листовъ и страницъ, листъ 518 (стр. 1026) былъ вырѣзанъ и замѣненъ другимъ съ цѣлью дополненія текста. Вырѣзанъ всего одинъ листокъ (то-есть двѣ страницы) и къ оставшемуся его корешку частью пришитъ, частью приклеенъ сложенный листъ (то-есть четыре страницы),—и на этомъ-то листѣ находятся знаменитыя «рѣчи» царя Ивана! Именно онѣ [4]) и служили предметомъ вставки: предшествующій имъ и послѣдующій текстъ не отличается отъ обычнаго текста

---

[1]) «Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ», и пр. М. 1853, стр. 197.

[2]) *С. А. Бѣлокуровъ*, О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899, стр. 88—89.

[3]) Книга Степенная, часть II, стр. 246—249.

[4]) То-есть какъ разъ все то, что напечатано въ Собраніи Гос. Гр. и Дог., т. II, подъ № 37.

Степенной книги и подогнанъ интерполяторомъ къ основному тексту сосѣднихъ листовъ рукописи. Такую же замѣну листовъ можно наблюдать и въ другомъ мѣстѣ рукописи, именно въ изложеніи 24-й главы 15-й степени (листъ 469, стр. 928) [1]. Предстоитъ еще опредѣлить количество и тенденцію вставокъ и замѣнъ въ рукописи, на что пишущій эти строки не имѣлъ времени; но въ приложеніи къ интересующему насъ мѣсту возможно и теперь высказать нѣкоторыя соображенія.

Судя по водяному знаку на тѣхъ листахъ, которые вшивалъ интерполяторъ въ Хрущовскую книгу (голова шута), его трудъ могъ быть совершенъ не раньше, какъ во второй половинѣ или даже въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка. Въ томъ же удостовѣряетъ и почеркъ—грубый полууставъ, который всего вѣроятнѣе пріурочивается къ исходу XVII вѣка. Съ другой стороны, нѣтъ основаній относить порчу рукописи ко времени позднѣе 1740—1742 года, когда рукопись перешла отъ опальнаго Хрущова «на храненіе» сперва въ Иностранную коллегію, а затѣмъ въ ея архивъ. Достаточно поддѣлокъ, какъ извѣстно, связано съ концомъ XVII вѣка; манипуляціи съ Хрущовскою книгою совершенно соотвѣтствуютъ манерѣ той эпохи. Вотъ почему съ невольною подозрительностью относимся мы и къ «рѣчамъ» Грознаго. Если допустить мысль, что онѣ сфабрикованы лѣтъ полтораста спустя послѣ того времени, къ которому пріурочены, то можно легко объяснить и несоотвѣтствія, которыя указаны были еще Карамзинымъ, и кое-какія мелочи, бросающіяся въ глаза позднѣйшему ихъ читателю. Выраженіе «собрати свое государство *изъ городовъ всякаго чину*», мало понятное въ XVI вѣкѣ, какъ замѣтилъ В. О. Ключевскій [2]), совсѣмъ соотвѣтствуетъ языку и понятіямъ о земскомъ представительствѣ людей XVII столѣтія. Слова Грознаго Адашеву: «взялъ я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей»—мало вѣроятны въ

---

[1]) Книга Степенная, часть II, стр. 159—160.
[2]) *Русская Мысль*, 1890, январь, стр. 156—157.

устахъ Грознаго въ 1550 году; зато въ XVII вѣкѣ, когда происхожденіе Адашевыхъ было забыто, эти слова могли приписать царю, взявъ ихъ изъ письма Грознаго къ Курбскому о «собакѣ» Алексѣѣ Адашевѣ: «взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами» [1]). И вообще мотивы переписки Ивана IV съ Курбскимъ могли оказать вліяніе на композицію «рѣчей» 1550 года, какъ изъ Стоглава могло быть взято смутившее Карамзина указаніе Хрущовской книги на 20-й годъ возраста Грознаго. Рѣчь Грознаго, приведенная въ Стоглавѣ, о прощеніи бояръ и исправленіи Судебника [2]) указываетъ на «предыдущее лѣто», то-есть на 1550-й годъ, когда Грозному шелъ дѣйствительно 20-й годъ. А упоминаніе Грознаго въ Стоглавѣ, что онъ боярамъ «заповѣдалъ *со всѣми хрестьяны царствія своего»* помириться, могло возбудить въ умѣ человѣка XVII столѣтія представленіе о томъ, что царь «повелѣлъ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину».

Высказывая эти догадки, мы отнюдь ни на чемъ не настаиваемъ. Важно для насъ лишь то, что подобныя догадки становятся возможны послѣ знакомства съ Хрущовской рукописью. Уничтожить эту возможность можетъ лишь находка новыхъ списковъ «рѣчей» Грознаго, а утвердитъ ее—тщательное изученіе Степенной книги Хрущова. Не разсчитывая на первое, призываемъ ко второму нашихъ спеціалистовъ-палеографовъ. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью именно возбудить ихъ интересъ къ любопытному памятнику старой письменности.

---

[1]) *Устряловъ*, Сказанія князя Курбскаго, изд. 3-е, стр. 162.

[2]) Стоглавъ, по Казанскому изданію 1862 г., стр. 46—47.

О ТОПОГРАФІИ УГЛИЧСКАГО „КРЕМЛЯ" ВЪ XVI—XVII ВѢКАХЪ.

(1901).

Изученіе топографіи Угличскаго «кремля» или «города», въ которомъ жилъ и скончался въ 1591 году царевичъ Дмитрій Ивановичъ, можетъ имѣть большую важность для правильнаго пониманія «слѣдственнаго дѣла» о смерти царевича, для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній, занесенныхъ въ это «дѣло», для опредѣленія мѣста, гдѣ истекъ кровью царевичъ Дмитрій, и вообще для возстановленія обстановки, въ которой такъ загадочно окончилъ свои короткіе дни «неповинный отрокъ». Посмотримъ, однако, насколько возможна топографія древняго Углича.

Источниками нашихъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, кромѣ самого «слѣдственнаго дѣла» 1591 года (напечатаннаго въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» графа Н. П. Румянцева, томъ II, № 60), могли бы служить писцовыя книги того времени и имъ подобные документы, заключающіе въ себѣ описи крѣпостныхъ укрѣпленій и зданій внутри «городовъ». Но, къ сожалѣнію, для Углича не сохранилось раннихъ писцовыхъ книгъ или иныхъ описей, и автору этого сообщенія удалось собрать полезныя для его цѣли свѣдѣнія лишь изъ слѣдующихъ памятниковъ:

а) отрывокъ описанія г. Углича 1620 года, напечатанный М. А. Липинскимъ («Временникъ Ярославск. Демид. Лицея», т. L, ст. 78—85) [1];

---

[1]) Въ этомъ же изданіи находятся любопытныя указанія на суще-

б) опись городу Угличу 1665 года («Угличъ. Матеріалы для исторіи города», стр. 87);

в) писцовая книга города Углича 182—184 годовъ (то-есть 1674—1676 г.г.), изданная М. А. Липинскимъ (во «Временникѣ Ярославск. Демид. Лицея» и отдѣльно), также А. А. Титовымъ (въ «Трудахъ Яросл. Архивн. Коммиссіи», вып. II);

г) опись городовъ 1678 года («Дополненія къ Актамъ Истор.», т. IX, № 106, стр. 226);

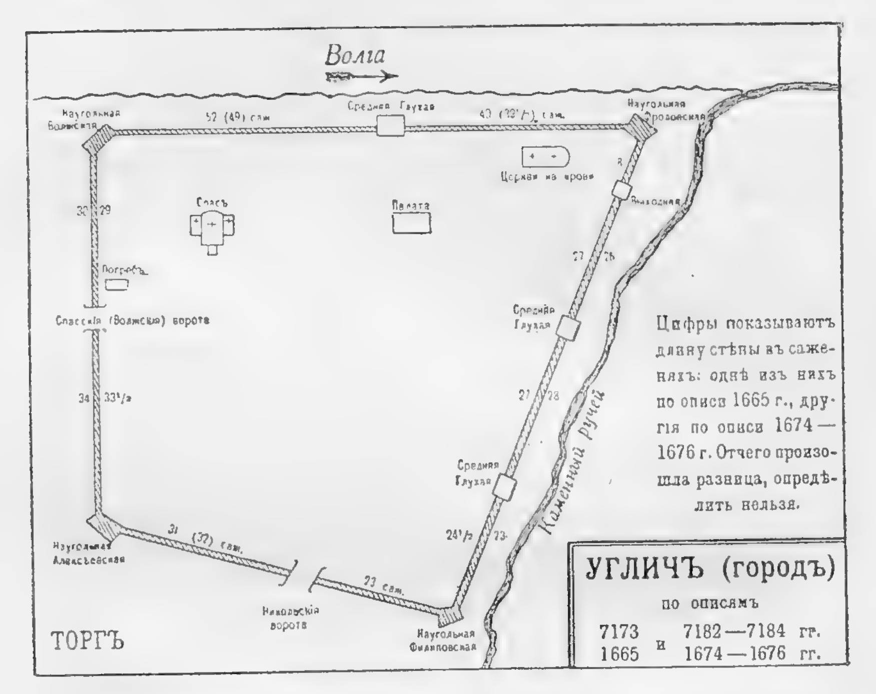
д) переписная книга Углича 1710 года (рукопись библіотеки П. А. Шляпкина [1]).

Изъ текста «слѣдственнаго дѣла» 1591 года мы извлекаемъ немного топографическихъ указаній. Въ «дѣлѣ» упоминается: «дворъ» дворцовый, «задній дворъ», «брусяная изба» на дворѣ, куда скрылся отъ толпы дьякъ Битяговскій; «переднія сѣни», гдѣ были «истобники»; «поставецъ вверху», у котораго стоялъ стряпчій съ слугами во время событія 15-го мая; «кормовой дворецъ», «хлѣбенный дворецъ», «поварня», «хлѣбня», «конюшня» и другія службы. Все это относится собственно ко двору царевича и упоминается столь бѣгло, что не только отдѣльныхъ частей дворца, но и всей дворцовой усадьбы нельзя точно пріурочить къ какому-нибудь опредѣленному пункту на планѣ города. Нѣкоторое указаніе на то, что «верхъ», то-есть дворецъ, былъ непосредственно около собора («Спаса»), можно видѣть лишь въ словахъ, что «Осипа Волохова привели къ царицѣ *вверхъ къ церкви* къ Спасу» (стр. 105). Но и это указаніе не особенно опредѣленно, благодаря краткости и бѣглости. Затѣмъ «слѣдственное дѣло» за предѣлами «двора» царевича, но внутри «города», помѣщаетъ какую-то «полату», въ которой

ствованіе плана или «чертежа» Углича, составленнаго въ 7138 (1630) году. См. стр. 175—176; срвн. Труды Ярославск. Архивной Коммиссіи, выпускъ III, стр. 335.

[1]) Не основываемся на «Угличскомъ лѣтописцѣ», пока историческая критика не оправдаетъ въ немъ того, что намъ представляется полнымъ баснословіемъ.

держали подъ карауломъ Волохову, и «дьячью разрядную избу», а также упоминаетъ «улицу» передъ дворцомъ и «оврагъ», куда метали тѣла побитыхъ «на дворѣ» 15-го мая людей. Этимъ и

ограничиваются данныя «дѣла». Упоминается въ «дѣлѣ» церковь «царя Константина», но рѣшительно не видно, чтобы она была въ «городѣ»: позднѣйшіе документы объ Угличѣ не знаютъ этой церкви и вовсе [1]).

Съ этимъ скуднымъ матеріаломъ въ рукахъ обращаемся къ писцовымъ книгамъ и описямъ XVII вѣка. Подробное описаніе

---

[1]) О ней упоминаетъ одно сказаніе о смерти цар. Дмитрія, говоря, что царевичъ былъ убитъ «противу церкви царя Константина» (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1864. IV, Смѣсь). Интересно знать, почему она исчезла и гдѣ была?

«города» въ Угличѣ встрѣчаемъ въ писцовой книгѣ 1674—1676 г. г., а подробное описаніе городскихъ стѣнъ находимъ, сверхъ того, и въ описи 1665 года. Сводя данныя этихъ документовъ, получаемъ возможность возстановить, съ соблюденіемъ масштаба, чертежъ городской стѣны съ 10 башнями [1]). Но и только. Всѣ прочія топографическія данныя описей на чертежъ не переносятся по неопредѣленности ихъ редакціи. Дворъ, улица, сооруженіе упоминаются и описываются безъ указанія ихъ точнаго мѣстонахожденія. Такъ, въ книгѣ 1675—1676 г.г., кромѣ улицъ и простыхъ дворовъ, въ кремлѣ, между прочимъ, названы: «палата за соборною церковью»; «погребъ» и надъ нимъ «амбары»; «колокольница» при соборной церкви; соборная теплая церковь Алексѣя человѣка Божія; съѣзжая изба; караульная изба; воеводскій дворъ; Богоявленскій дѣвичь монастырь. Но ни одно изъ этихъ сооруженій не можетъ быть точно обозначено на планѣ, кромѣ первой палаты, которая, какъ оказывается, была подъ однимъ изъ придѣловъ собора. Точно могутъ быть пріурочены, далѣе, упомянутыя въ книгѣ 1674—1676 гг. «палата каменная» (нынѣшній дворецъ-музей) и церкви деревянныя св. царевича Димитрія и архистратига Михаила. Объ этихъ церквахъ важно то указаніе рукописной переписной книги 1710 года, что обѣ церкви имѣли одинъ причтъ. Изъ нихъ, полагаемъ, образовалась нынѣ единая каменная церковь, что «на крови».

Столь неутѣшительны результаты изученія писцоваго матеріала! Онъ не даетъ почти ничего для плана древняго Углича и ничего не прибавляетъ къ тому, что мы знали изъ «слѣдственнаго дѣла» 1591 года. Другими словами, топографію Угличскаго кремля надо считать потерянною, ибо «слѣдственное дѣло», какъ мы видѣли, намъ ея не разъясняетъ.

Тѣмъ бо̀льшую важность могутъ имѣть правильно поставленныя раскопки на территоріи древняго Угличскаго «города».

---

[1]) Чертежъ прилагается на стр. 208.

Начало имъ положено въ 1900 году трудами К. Н. Евреинова и Н. А. Тихомірова, и уже добыты доказательства существованія каменныхъ сооруженій тамъ, гдѣ ихъ нельзя было предполагать по указаніямъ письменныхъ памятниковъ. Можетъ быть, результаты дальнѣйшихъ раскопокъ, освѣщенные справками съ рукописною стариною, скажутъ намъ много новаго и цѣннаго, чего не говоритъ намъ пока одна эта рукописная старина.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПАТРІАРХА ГЕРМОГЕНА.

(1901).

Происхожденіе патріарха Гермогена въ точности неизвѣстно. Современникъ его Гонсѣвскій, будучи въ Москвѣ въ 1610—1611 годахъ, добылъ какія-то (Богъ вѣсть, насколько вѣрныя) свѣдѣнія о пребываніи Гермогена «въ казакахъ донскихъ, а послѣ попомъ въ Казани». Мы не можемъ провѣрить этихъ свѣдѣній. Но изъ того, что Гермогенъ никогда не присоединялъ своей фамиліи къ монашескому имени,—какъ это дѣлали въ старину иноки «съ отечествомъ», служилаго, боярскаго или княжескаго рода,—имѣемъ поводъ заключать, согласно съ Гонсѣвскимъ, что Гермогенъ былъ незнатнаго происхожденія. Если бы онъ былъ человѣкомъ знатнымъ или родовитымъ, его внесли бы въ родословцы; но ни въ родословцахъ, ни въ синодикахъ среди старой знати имени Гермогена нѣтъ. Приведенныя соображенія суть только соображенія, а не положительные факты; они шатки, потому что ихъ легко опровергнетъ всякое новое историческое извѣстіе, если его достовѣрный смыслъ съ ними не совпадетъ. Но пока этого не случилось, эти соображенія имѣютъ силу историческаго доказательства и должны служить основаніемъ для провѣрки существующихъ преданій о происхожденіи и родствѣ знаменитаго патріарха. Такихъ преданій есть два. Одно относится къ 1710 году: въ записи, существующей на одной изъ иконъ Вятскаго Богоявленскаго собора, упоминается, что у Гермогена былъ зять Кор-

*

нилій Рязанцевъ; а Рязанцевы на Вяткѣ были извѣстными посадскими людьми. Очень легко повѣрить, что, согласно обычаямъ того времени, тесть былъ того же общественнаго положенія, что и зять, то-есть принадлежалъ къ «чину» посадскихъ тяглыхъ людей или къ посадскому духовенству. Напротивъ, совсѣмъ невозможно повѣрить тому, что нѣсколько разъ печатно заявлялъ П. И. Бартеневъ. По словамъ будто бы С. М. Соловьева (который самъ, однако же, этого не напечаталъ), Гермогенъ былъ изъ рода князей Голицыныхъ и въ міру до постриженія звался Ермолаемъ. Это преданіе противорѣчитъ всему тому, что слѣдуетъ считать наиболѣе вѣроподобнымъ въ отношеніи Гермогена. Вполнѣ понятно, что заявленіе г. Бартенева не встрѣтило ученаго сочувствія ни въ князѣ Н. Н. Голицынѣ, давшемъ обстоятельную монографію о родѣ князей Голицыныхъ, ни въ Н. П. Лихачевѣ, котораго должно считать однимъ изъ наилучшихъ у насъ генеалоговъ. Они не приняли сообщенія г. Бартенева.

Все это было кратко указано въ 1899 году пишущимъ настоящія строки въ его книгѣ «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ» (примѣчаніе 198). Въ послѣдней же книгѣ «Русскаго Архива» (№ 9 за 1901 годъ) помѣщена «Краткая замѣтка на мнѣніе С. Ѳ. Платонова о происхожденіи патріарха Гермогена», принадлежащая г. Д. М. Глаголеву (стр. 125). «Замѣтка» имѣетъ цѣлью меня опровергнуть. Приводя мое мнѣніе и притомъ не совсѣмъ услѣдивъ за оттѣнками моей мысли, г. Глаголевъ думаетъ, что я самъ признаю всѣ тѣ основанія, на которыхъ строю свое заключеніе, безотносительно шаткими; а потому г. Глаголевъ и замѣчаетъ: «*тѣмъ не менѣе*, онъ (Платоновъ) полагаетъ, что въ происхожденіи патріарха Гермогена отъ высокаго рода *можно* не сомнѣваться». Г. Глаголевъ хотѣлъ, конечно, здѣсь сказать совсѣмъ иное: я именно сомнѣваюсь въ происхожденіи Гермогена отъ высокаго рода. Г. Глаголевъ это понимаетъ, именно за это мною недоволенъ; но или онъ самъ, или его коррек-

торъ немного не справились съ требованіями стиля и вмѣсто «нельзя» напечатали «можно».

Итакъ, г. Глаголевъ, вопреки мнѣ, желаетъ показать, что Гермогенъ былъ высокаго рода. Доказательство имъ приводится одно, какъ разъ такое, которое я дѣйствительно совсѣмъ упустилъ изъ виду. Это—«мѣсто изъ *дневника Марины*, гдѣ прямо сказано, что Шуйскій, по совѣту клевретовъ, составилъ отъ имени патріарха, *своего родственника*, опредѣленіе». Г. Глаголевъ цитируетъ это мѣсто изъ книги Н. Г. Устрялова «Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, ч. II, стр. 194 (по изд. 1859 года), и отъ себя добавляетъ: «нужно сказать, что свѣдѣнія, сообщаемыя въ такъ называемомъ «дневникѣ Марины», отличаются вообще значительною точностью, и въ данномъ случаѣ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какъ современникъ, не могъ (?) сдѣлать невѣрное указаніе на такое событіе, которое онъ письменно приводитъ въ доказательство, почему патріархъ допустилъ Шуйскаго составить такое опредѣленіе отъ его имени: онъ былъ родственникъ Шуйскаго». «Съ этимъ прямымъ указаніемъ современника о происхожденіи патріарха Гермогена, во всякомъ случаѣ, нужно считаться (продолжаетъ г. Глаголевъ), и оно въ рѣшеніи вопроса должно имѣть большее значеніе, чѣмъ шаткія указанія». Въ послѣднихъ словахъ заключенъ урокъ тѣмъ, кто, подобно мнѣ въ данномъ случаѣ, высказываетъ твердое мнѣніе на шаткомъ основаніи.

Немного надо было труда, чтобы провѣрить справедливость указанія г. Глаголева и почувствовать силу преподаннаго урока.

Обращаемся къ «дневнику Марины» и видимъ, что взятая г. Глаголевымъ фраза не принадлежитъ автору дневника, а находится въ приводимомъ имъ письмѣ «каплана Николая де Мелло». Стало быть, мѣрку точности сообщеній этого письма слѣдуетъ установить особо отъ прочихъ извѣстій дневника [1]),

[1]) О Николаѣ де Мелло (Nicolas de Mello) см. о. *П. Пирлинга* «La Russie et le Saint-Siège, t. III, Paris, 1900, p. 235 sqq.

и не слѣдуетъ того, что говоритъ Николай де Мелло, приписывать автору дневника.

Далѣе. Устряловъ даетъ только переводъ дневника, и не всегда близкій и точный. Оригиналъ его изданъ А. И. Тургеневымъ [1]), и въ оригиналѣ приведенное г. Глаголевымъ мѣсто читается такъ: «Szuyski, uczyniwszy radę z swemi, przez Patryarchą Stolecznego a *powinnego swego* dekret takowy i edykt wydał» (стр. 193). Здѣсь, оказывается, нѣтъ ни «клевретовъ», ни «родственника», находящихся въ переводѣ Устрялова. Патріархъ называется словомъ «powinny», то-есть «обязанный», «зависимый». Таково первое значеніе этого слова, и лишь иногда можетъ оно значить то же, что powinowaty— сватъ, свойственникъ. Заимствованное г. Глаголевымъ изъ письма испанскаго монаха де Мелло мѣсто должно быть переведено такъ: «Шуйскій, посовѣтовавшись со своими (близкими), чрезъ посредство Московскаго патріарха, ему обязаннаго, издалъ грамоту». Указаніе на зависимость патріарха отъ царя особенно понятно въ устахъ августинскаго монаха, хорошо знавшаго иное положеніе на западѣ папскаго авторитета. Думать же, что заѣзжій испанецъ говоритъ о родствѣ патріарха съ царемъ, о чемъ не говоритъ ни одинъ туземный памятникъ, никакъ нельзя: Устряловъ просто допустилъ ошибку въ переводѣ, и жертвою ея сталъ г. Глаголевъ.

Кому же въ данномъ дѣлѣ принадлежатъ «шаткія указанія»? И есть ли нужда съ ними считаться въ вопросѣ о происхожденіи патріарха Гермогена? Урокъ, данный въ вышеприведенныхъ словахъ г. Глаголева, надѣюсь, будетъ полезенъ не мнѣ одному.

---

[1]) Historica Russiae Monumenta, tomus II, p. 155 sqq. Сравн. «Polska a Moskwa» г. А. Гиршберга (Львовъ, 1901), стр. 113.

КЪ ВОПРОСУ О НИКОНОВСКОМЪ СВОДѢ.

(1902).

Въ послѣдніе годы произошелъ очень любопытный обмѣнъ ученыхъ мнѣній по вопросу о времени составленія такъ называемой Никоновской лѣтописи. Выяснилось, что знатоки нашей рукописной старины А. А. Шахматовъ и Н. П. Лихачевъ согласно относятъ эту лѣтопись къ серединѣ XVI вѣка, что давній изслѣдователь лицевого лѣтописнаго свода А. Е. Прѣсняковъ вполнѣ раздѣляетъ ихъ мнѣніе и что одинъ лишь академикъ А. И. Соболевскій держится, повидимому, стараго предположенія о болѣе позднемъ происхожденіи не только лицевого свода, но и его основного источника—Никоновской лѣтописи [1]).

Думаемъ, что будущее принадлежитъ мнѣнію гг. Шахматова и Лихачева. Оно основано на пристальномъ изученіи всѣхъ *списковъ* Никоновской лѣтописи и не только опирается на соображеніяхъ палеографическаго характера, но поддерживается

---

[1]) *А. А. Шахматовъ.* Отзывъ о трудѣ П. А. Тихомірова «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси Сѣверо-восточной» въ «Отчетѣ о XL присужденіи наградъ гр. Уварова».—*Н. П. Лихачевъ.* Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ, I.—*А. А. Шахматовъ.* Рецензія на трудъ Н. П. Лихачева въ «Извѣстіяхъ Отд. Русск. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ», т. IV, кн. 4.—Статьи *А. Е. Прѣснякова* и *А. И. Соболевскаго* о лицевыхъ лѣтописяхъ въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», т. VI, кн. 4.

и изученіемъ литературной исторіи памятника, при чемъ эта послѣдняя возстановляется на основаніи непосредственнаго знакомства съ рукописями, содержащими данный лѣтописный сводъ. Нельзя не признать, что такое непосредственное знакомство съ рукописнымъ текстомъ есть непремѣнное условіе правильности и плодотворности всякаго вывода о памятникѣ, и нельзя не пожалѣть, что не всегда это условіе осуществимо. Можно быть увѣреннымъ, что и въ данномъ случаѣ многія частныя разногласія между изслѣдователями Никоновскаго свода были бы устранены, если бы имъ представилась возможность прямого и точнаго знакомства съ различными мелочными отличіями списковъ свода. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью обратить вниманіе интересующихся вопросомъ именно на такія особенности старѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи (П и О), которыя ведутъ насъ къ заключеніямъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о времени и способахъ ихъ составленія.

Мы признаемъ совершенно доказаннымъ, что списки П (Академическ. XIV) и О (Оболенск.) суть старѣйшіе списки Никоновскаго свода, и полагаемъ, что они въ окончательномъ своемъ видѣ вышли, такъ сказать, изъ однѣхъ рукъ и въ различныхъ своихъ частяхъ служили другъ другу оригиналами. Тѣсная близость этихъ списковъ и зависимость П отъ О всего яснѣе обнаруживается въ той части лѣтописи, которая относится къ 1471—1488 годамъ. Здѣсь мы наблюдаемъ, напримѣръ, что случайное сплетеніе штриховъ буквы ѕ и буквы ѿ въ спискѣ О дало поводъ писавшему текстъ списка П прочесть вмѣсто ѿ слово *бъ*; наблюдаемъ, далѣе, въ П рядъ пропусковъ такихъ мѣстъ, которыя въ спискѣ О составляютъ въ каждомъ случаѣ цѣлыя *строки* [1]). Эти пропуски, часто безсмысленные, именно *строкъ*,

---

[1]) См. «Полное Собраніе Р. Лѣтописей», т. XII, стр. 135, 168, 176, 177, 201, 202 и 219 (здѣсь отмѣчено *восемь* случаевъ пропуска строкъ списка О переписчикомъ П; въ другихъ спискахъ подобныхъ пропусковъ нѣтъ).

характеризующіе своеобразный порокъ зрѣнія писавшихъ или диктовавшихъ, особенно убѣдительно говорятъ намъ, что переписчики П имѣли предъ собою списокъ О, а не другую какую-либо рукопись. Убѣдившись на этихъ примѣрахъ во взаимной близости изучаемыхъ списковъ, мы придадимъ значеніе и тому обстоятельству, что текстъ списковъ П и О подъ 1453 годомъ отличается отъ текста всѣхъ прочихъ списковъ составомъ своихъ статей. Въ ПО есть «иной переводъ» повѣсти о взятіи Царьграда, отсутствующій въ спискахъ НАБТГ, и нѣтъ перечня греческихъ царей и сказанія И. Пересвѣтова, находящихся въ спискахъ НАБТ [1]). Такъ текстъ средней части свода въ спискахъ П и О приводитъ насъ къ мысли, что списокъ О предшествовалъ списку П, потому что иногда служилъ ему оригиналомъ. Иначе выражается взаимное отношеніе этихъ рукописей въ ихъ послѣднихъ частяхъ. Роли мѣняются, и списокъ П, повидимому, обращается, въ нѣкоторой своей части, въ оригиналъ для О.

Чтобы выяснить это обстоятельство, обратимся къ внѣшнему обзору списковъ П и О въ тѣхъ частяхъ ихъ, которыя насъ теперь интересуютъ.

О спискѣ П. г. Лихачевъ замѣтилъ: «замѣчательную особенность рукописи представляетъ чередованіе многихъ почерковъ, указывающее, по моему мнѣнію, на совмѣстную работу нѣсколькихъ писцовъ» [2]). Дѣйствительно, смѣна почерковъ въ П наблюдается часто, но въ такой подчасъ обстановкѣ, которая показываетъ, что работа не переходила послѣдовательно изъ рукъ одного писца въ руки другого, а исполнялась независимыми одинъ отъ другого нѣсколькими писцами. Иногда одинъ почеркъ смѣняетъ другой среди страницы и среди фразы (напримѣръ, л. 624 обл., л. 667); въ иныхъ же случаяхъ новый почеркъ является съ новаго листа, тогда какъ предшествующій листъ не дописанъ до своего конца,—знакъ, что писавшій послѣдую-

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XII, стр. 81—97—100.

[2]) «Палеографич. значеніе бумажн. вод. знаковъ», I, стр. 321.

щее не ждалъ окончанія переписки предшествующаго, а почему-то началъ новый листъ (напримѣръ, листы 634 и 635, 678 и 679). Въ одномъ случаѣ такой перерывъ текста посреди одного листа и продолженіе его послѣ пробѣла съ начала слѣдующаго листа не сопровождается даже перемѣною почерка: одинъ и тотъ же писецъ, не дописавъ до конца листъ 793-й, началъ листъ 794-й. Невозможно для всѣхъ такихъ случаевъ представить точное объясненіе; но на нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо остановиться: даже и не вполнѣ объясненные, они даютъ рядъ намековъ на то, какъ шла работа надъ сводомъ.

Прежде всего очень любопытенъ пробѣлъ между серединою 634-го листа и началомъ листа 635-го. На листѣ 634-мъ послѣднія извѣстія: отъ 22-го апрѣля 1490 г. о казни лекаря Леона и, отъ 9-го іюля 1490 г., о приходѣ въ Москву изъ Рима Юрія Траханіота. На листѣ 635-мъ первое извѣстіе отъ 5-го августа *того же года*—о рожденіи у великаго князя Ивана сына Андрея. Предъ этимъ извѣстіемъ въ строкѣ киноварью написаны слова: «въ лѣто 6998». Они излишни, такъ какъ выше, на л. 633 об., уже было написано: «въ лѣто 6998». Поэтому въ спискахъ ОНАБТ они вынесены на поля, а лицевой списокъ ихъ не воспроизвелъ вовсе [1]). Съ листа 635-го въ П начинается новая 86-я тетрадь и идетъ новый почеркъ, отличный отъ предшествующихъ листовъ; съ этихъ же приблизительно мѣстъ прекращаются признаки, указывавшіе на зависимость списка П отъ списка О (за годы 1471—1488, какъ мы отмѣтили выше). Совокупность этихъ внѣшнихъ признаковъ даетъ поводъ заключить, что въ работѣ надъ спискомъ П произошелъ какой-то перерывъ на 1490 годѣ. Цѣнное указаніе (Новгородской IV и Софійской лѣтописей), приведенное Н. П. Лихачевымъ и говорящее подъ 1490 годомъ о смерти дьяка Василія Мамырева, помогаетъ уразумѣть, отъ чего зависѣлъ этотъ перерывъ. По догадкѣ Н. П. Лихачева, Мамыревъ былъ лѣтопис-

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XII, стр. 223.

цемъ: съ его смертью въ лѣтописной работѣ произошла остановка, какъ разъ на извѣстіи о казни лекаря Леона,—и списокъ П отразилъ на себѣ явственнѣе всѣхъ прочихъ эту остановку [1]). Въ немъ по кончинѣ (5-го іюня) Мамырева слѣдуетъ всего лишь одно извѣстіе о Траханіотѣ, а затѣмъ начинается какъ бы новая часть — съ повторенія словъ «въ лѣто 6998». Очевидно, у лицъ, писавшихъ списокъ П, въ данномъ случаѣ оказался иной оригиналъ, чѣмъ былъ ранѣе (ранѣе мы предполагали оригиналомъ списокъ О).

Другой любопытный пробѣлъ наблюдаемъ между листами 678 и 679 списка П. На л. 678-мъ текстъ оканчивался извѣстіемъ, относящимся къ 7028 (1520) г., о построеніи каменной крѣпости Тулы. Послѣ заключительныхъ словъ этого извѣстія «а рѣка подъ нимъ Тула же» сдѣлана другимъ почеркомъ и другими, болѣе блѣдными, чернилами приписка: «Тоѣ же зимы постави Варлаамъ митрополитъ Іоанна архіепископа Ростову. Того же мѣсяца 16 на Вологду епископомъ Пимина постави». Эта приписка, дословно находящаяся и въ Воскресенской лѣтописи, плохо редактирована (не сказано, какого «мѣсяца 16») и въ Никоновскомъ сводѣ излишня, ибо оба извѣстія въ лучшей формѣ уже были помѣщены въ началѣ того же 678-го листа (съ указаніемъ «того же мѣсяца февраля въ 16»). Тѣмъ не менѣе, эта позднѣйшая и небрежная приписка вошла цѣликомъ, безо всякихъ оговорокъ и отмѣтокъ, въ текстъ списковъ ОНБТ (списокъ А не доходитъ до 7028 года) и опущена лишь въ лицевомъ спискѣ. За этою припискою въ П слѣдуетъ чистая страница; идущій же за нею 679-й листъ начинаетъ собою новую 92-ю тетрадь отличной отъ предшествующихъ листовъ бумаги. Онъ писанъ уже инымъ почеркомъ и на немъ, съ надписью «глава 59», начинается текстъ, совершенно тожественный съ

---

[1]) *Н. П. Лихачевъ.* «Палеографич. значеніе бумажн. вод. знаковъ», I, стр. CLXIII—CLXIV, примѣчаніе.—Полн. Собр. Р. Лѣт., т. IV, стр. 157, и т. VI, стр. 239.

Воскресенскою лѣтописью [1]). Очевидно, что въ данномъ случаѣ, разъ случайная приписка въ П усвоена спискомъ О, первый списокъ послужилъ второму оригиналомъ.

Наконецъ, отмѣтимъ еще то обстоятельство, что хотя въ спискѣ П и нѣтъ никакого пробѣла предъ началомъ «лѣтописца», посвященнаго царствованію Грознаго, но листъ 690-й, съ котораго начинается этотъ лѣтописецъ, писанъ инымъ почеркомъ и на иной бумагѣ, чѣмъ предыдущіе листы. Можно сдѣлать предположеніе (котораго мы лично и держимся), что въ данномъ случаѣ, начиная писать новый «лѣтописецъ», отошедшій отъ обычной редакціи Воскресенской лѣтописи, переписали заново и предшествующій ему конецъ стараго текста, взявъ для этой послѣдней части труда новый сортъ бумаги [2]).

Итакъ, основываясь на данныхъ, представляемыхъ спискомъ П, приходимъ къ заключенію, что онъ, во второй своей половинѣ, сложился изъ разновременныхъ тетрадей. Однѣ изъ нихъ, по всей видимости, были списаны со списка О, другія же, въ свою очередь, послужили оригиналомъ для списка О.

Посмотримъ, что даетъ намъ наблюденіе надъ особенностями списка О.

Н. П. Лихачевымъ выяснено, что первая часть этого списка (листы 1—939) отличается большею древностью и заводитъ насъ «очень далеко вглубь первой половины XVI столѣтія». Вся эта часть писана однимъ почеркомъ, за весьма малыми исключеніями; текстъ весьма исправенъ и имѣетъ характеръ бѣлового, окончательнаго: въ немъ незамѣтно редакторской работы, поправокъ начерно, оставленныхъ безъ переписки набѣло, незаполненныхъ пробѣловъ и т. п. Лишь въ одномъ мѣстѣ встрѣчаемъ мы мало понятную частность. На оборотѣ л. 913, внизу, переписчикъ подъ 7017 годомъ началъ писать разсказъ

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XIII, стр. 36—37; ср. т. VIII, стр. 268, 269.—*Н. П. Лихачевъ*, тамъ же, I, стр. 321.

[2]) *Н. П. Лихачевъ*, I, стр. 321.

о жалобѣ игумена Іосифа Волоцкаго великому князю на князя Θеодора Борисовича въ редакціи, дословно сходной съ находящейся въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, т. VI, стр. 249. До конца страницы онъ не окончилъ этого разсказа, но и не перенесъ его на 914-й листъ: написанное имъ начало было зачеркнуто, заклеено листкомъ бумаги, а на этомъ листкѣ кто-то другою рукою написалъ въ двухъ строкахъ начало извѣстія объ отпускѣ крымскихъ пословъ. Переписчикъ, писавшій 913-й листъ, на 914-мъ листѣ продолжилъ не свой зачеркнутый разсказъ, а чужую запись [1]). Стало быть, поправка была сдѣлана какимъ-то редакторомъ во время самаго писанія рукописи. Если будемъ имѣть въ виду, что подобная поправка представляется совершенно исключительною, можно сказать, единичною въ данной части рукописи, то убѣдимся, что первая часть списка О отличается большою выдержанностью и цѣльностью.

Тѣмъ знаменательнѣе слѣдующее наблюденіе. Листъ 933-й списка О хранитъ на себѣ слѣды нѣкотораго перерыва работы въ извѣстіяхъ о началѣ 7027 года. Первое извѣстіе этого года относится къ *январю* (смерть Максимиліана); второе повторяетъ слова «въ лѣто 7027» и относится къ *ноябрю* (посылка князя Ю. Пронскаго); слѣдующіе два относятся къ *августу*, а послѣ нихъ снова слѣдуютъ слова «въ лѣто 7027». Словомъ, хронологическая постепенность утрачена, и это обстоятельство совпадаетъ съ тѣмъ, что почеркъ и чернила въ данномъ мѣстѣ замѣтно мѣняются. Переписчикъ остановился на имени Юрья Пронскаго и вернулся къ своей работѣ явно съ другимъ перомъ и другими чернилами, то-есть чрезъ извѣстный промежутокъ времени. Невольно возникаетъ вопросъ, не здѣсь ли окончилась систематическая обработка Никонова свода, и не составляетъ ли все послѣдующее содержаніе свода лишь рядъ различныхъ дополненій къ своду, наросшихъ позднѣе? Предвидимъ возраженіе, что всѣ указанныя здѣсь извѣстія есть въ

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XIII, стр. 11.

Воскресенской лѣтописи и, очевидно, оттуда взяты въ Никоновъ сводъ, какъ и все послѣдующее. Но сила этого возраженія ослабляется такими соображеніями: во 1-хъ, въ этой части Никоновской лѣтописи еще нѣтъ дѣленія на главы, которое является тогда, когда Никоновская лѣтопись начинаетъ дословно брать изъ Воскресенской свое продолженіе (съ 7029 года); во 2-хъ, при общепринятомъ способѣ пополненія сводовъ неоднократными приписками, обнимавшими всего лишь по нѣскольку лѣтъ, возможно и повернуть вопросъ: не изъ списка ли О перешли въ Воскресенскій сводъ разбираемыя мѣста? Если принять такую мысль и смотрѣть на списокъ О, какъ на протографъ, въ данной части, Никонова свода, то получится интереснѣйшій выводъ. До 7027 года изложеніе Никоновскаго свода касается дѣлъ правительственныхъ по преимуществу; подъ 7027 годомъ послѣ хронологической путаницы, указанной выше, вниманіе лѣтописца обращается на чудеса отъ святынь въ равной мѣрѣ съ прежними его сюжетами, и весь этотъ матеріалъ, и старый, и новый, размѣщается крайне неловко съ постояннымъ повтореніемъ словъ «въ лѣто 7027». Мы находимся какъ бы передъ рядомъ позднѣйшихъ безпорядочныхъ приписокъ къ законченной стройной работѣ, и эти приписки идутъ до листа 939-го, гдѣ обрывается первый, скорописный почеркъ списка О.

Съ листа 940-го въ О начинается новый почеркъ и новая бумага—и то и другое позднѣйшаго сравнительно происхожденія. Смѣна почерковъ совершается на событіяхъ 7028 года, всего на 12 печатныхъ строкъ ранѣе тѣхъ приписокъ объ Іоаннѣ и Пименѣ, которыя мы отмѣтили въ спискѣ П, и, стало быть, предъ самымъ началомъ полнаго совпаденія текстовъ Никоновскаго и Воскресенскаго сводовъ. Внѣшній осмотръ рукописи показываетъ, что оборотъ 939-го листа загрязненъ и захватанъ явно болѣе всѣхъ сосѣднихъ листовъ, очевидно, потому, что находился когда-то наружи, какъ послѣдній листъ рукописи «поистрепавшейся», по выраженію Н. П. Лихачева.

Можно предположить, что и дѣйствительно этотъ листъ былъ если не послѣднимъ, то предпослѣднимъ при прежнемъ составѣ списка О, кончавшагося тѣми же словами «а рѣка подъ нимъ Тула же», которыми оканчивался когда-то листъ 678-й списка П. Этотъ конецъ списка О, бывшій на послѣднемъ листкѣ рукописи, или утратился, или былъ оторванъ, когда задумали продолжать лѣтопись, и снова воспроизведенъ уже со списка П, изъ котораго была заимствована при этомъ и случайная приписка объ Іоаннѣ и Пименѣ.

Къ какому же общему заключенію приводятъ насъ всѣ изложенныя нами мелкія наблюденія?

Для списка О выводъ довольно простъ. Первая часть его, т.-е. листы 1—939, есть бѣловая копія съ неизвѣстнаго намъ оригинала, совершенно независимая отъ списка П. Вторая же часть списка О, т.-е. листы 940—1165, представляетъ собою позднѣйшее дополненіе, которое, по всей видимости, имѣло оригиналомъ прежде всего списокъ П, именно листы его 678—689. Близость П и О, быть можетъ, возможно бы было наблюдать и дальше, если бы въ самомъ спискѣ П съ листа 690-го не произведено было рѣзкаго измѣненія текста и, въ зависимости отъ этого, перемѣны бумаги и почерка. Списокъ П перешелъ здѣсь отъ Воскресенской лѣтописи къ Львовской, выражаясь наглядно. Говоря такъ, мы не поддерживаемъ мысли Н. П. Лихачева, что П есть «бѣловая копія» со списка О и съ другого еще черняка. Напротивъ, вторую часть списка О мы рѣшительно не склонны считать старѣйшею, чѣмъ соотвѣтствующія части списка П.

Что касается до списка П, то его внѣшній составъ представляется намъ трудно объяснимымъ. Онъ сложенъ изъ разновременныхъ частей, написанныхъ отдѣльно другъ отъ друга и притомъ съ разныхъ оригиналовъ. Эти части сведены въ одинъ переплетъ и согласованы одна съ другою такъ, что остались мѣстами пробѣлы, а мѣстами и вычеркнутъ дважды написанный текстъ (напримѣръ, на л. 66, въ извѣстіи о смерти

Ярослава подъ 1054 годомъ). Однѣ изъ этихъ составныхъ частей, очевидно, списаны съ О, другія имѣли иные оригиналы, а кое-гдѣ и П служилъ оригиналомъ для второй части О. Первое заключеніе, какое мы въ правѣ сдѣлать, это то, что П не есть бѣловая копія готоваго свода. Уже если говорить о «чернякахъ» среди извѣстныхъ намъ списковъ Никоновской лѣтописи, то ближе всѣхъ подходитъ къ этому понятію именно П.

Итакъ, возможно ли установленіе одной общей даты для каждой изъ разбираемыхъ нами рукописей? Полагаемъ, что нѣтъ. Если даже принимать, что листы 1—939 въ спискѣ О написаны, такъ сказать, сразу, въ видѣ цѣльной копіи съ одного оригинала, то все-таки придется для листовъ 933—939 предположить перерывъ; а для всего послѣдующаго такой перерывъ уже несомнѣненъ: конецъ списка О замѣтно позднѣе начала. Еще сложнѣе датировка списка П: въ немъ каждая часть должна разсматриваться, какъ самостоятельная работа, и вызывать особое опредѣленіе. Успѣхъ здѣсь возможенъ будетъ лишь тогда, когда въ совмѣстной работѣ надъ рукописью дружно встрѣтятся палеографическій опытъ и глубокое знаніе лѣтописныхъ редакцій.

КЪ ВОПРОСУ О ТАЙНОМЪ ПРИКАЗѢ [1]).

(1902).

Книга г. Гурлянда—интересная книга. Авторъ предлагаетъ постановку и рѣшеніе вопроса о Тайномъ приказѣ, о которомъ до сихъ поръ больше разсуждали, чѣмъ знали. На первыхъ страницахъ труда г. Гурлянда сдѣланъ сводъ ученыхъ мнѣній о цѣляхъ и функціяхъ этого приказа, отмѣчена ихъ «рѣдкая разноголосица» и указана причина такой разноголосицы—въ томъ, что Тайный приказъ отличался случайнымъ и разнообразнымъ подборомъ дѣлъ и къ тому же не оставилъ по себѣ опредѣленнаго архива. Его дѣла тотчасъ послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича были ликвидированы и переданы въ другіе приказы. Раздѣливъ дальнѣйшую судьбу дѣлъ этихъ приказовъ, документы Тайнаго приказа въ настоящее время оказались въ различныхъ архивахъ. Г. Гурлянду принадлежитъ та заслуга, что онъ, опредѣливъ по «описямъ» дѣлъ приказа, куда именно передавались дѣла въ XVII вѣкѣ, не отступилъ передъ задачею систематическаго поиска ихъ въ современныхъ древнехранилищахъ и дѣйствительно нашелъ много дѣлъ и книгъ Тайнаго приказа, сверхъ давно извѣстныхъ, въ Государственномъ архивѣ, архивѣ Оружейной палаты и московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Ближайшему

---

[1]) И. Я. Гурляндъ. Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ. Ярославль. 1902.

опредѣленію взятаго для изученія матеріала и посвящена вторая половина «введенія» г. Гурлянда. Изложеніе темы у нашего изслѣдователя опирается такимъ образомъ на самостоятельномъ знакомствѣ съ широкимъ кругомъ первоисточниковъ.

Первая глава книги г. Гурлянда посвящена рѣшенію вопроса о времени и причинахъ происхожденія Тайнаго приказа. По мнѣнію г. Гурлянда, приказъ возникъ въ концѣ 1654 или въ началѣ 1655 года въ видѣ личной канцеляріи государя; царь образовалъ около себя опредѣленный штатъ дьяковъ, потому что былъ недоволенъ общею медленностью дворцовыхъ приказовъ и во время своихъ частыхъ «походовъ» изъ Москвы убѣдился въ удобствѣ имѣть около себя особыхъ дьяковъ. Образованный въ цѣляхъ личнаго удобства внѣ соображеній о какой бы то ни было реформѣ, Тайный приказъ «весьма быстро» получилъ «путемъ крутого поворота» новое, болѣе широкое значеніе. Какое именно,—выясняетъ вторая глава, посвященная «вопросу объ условіяхъ времени, въ которое появился Приказъ». Въ этой главѣ авторъ указываетъ на то обстоятельство, что съ конца 1656 или съ начала 1657 года «приказъ значительно и быстро расширяетъ кругъ своихъ занятій, пріобрѣтая все больше и больше значеніе одного изъ важнѣйшихъ общегосударственныхъ учрежденій». Раньше однако, чѣмъ опредѣлить новую компетенцію приказа, авторъ останавливается на вопросѣ объ условіяхъ, вызвавшихъ эту перемѣну, и разсуждаетъ такъ: «Приказъ явился въ такой моментъ, когда населеніе имѣло основаніе особенно желать возможности непосредственно обращаться къ царю, какъ къ источнику высшей правды и справедливости. Тайный приказъ поэтому явился центромъ, куда стали стекаться челобитья, жалобы и извѣты, искавшіе особаго вниманія къ себѣ и недовѣрявшіе общимъ учрежденіямъ. Въ силу особенностей своей натуры, царь не только не оттолкнулъ отъ своего приказа этой новой, самою жизнью предложенной задачи, но дѣятельно, сколько хватало его энергіи, взялся за ея разрѣшеніе» (стр. 115). Вниманіе автора остановилось на

тѣхъ злоупотребленіяхъ администраціи первой половины XVII вѣка, о которыхъ московскіе люди съ такою силою били челомъ своему правительству въ челобитьяхъ и въ соборныхъ «сказкахъ»; въ этихъ злоупотребленіяхъ была первая бѣда того времени. Вторая, по мнѣнію автора, заключалась въ рѣзкомъ экономическомъ кризисѣ, постигшемъ населеніе въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVII столѣтія. Обижаемое и разоряемое, обнищавшее и оголодавшее, населеніе должно было жаловаться и не могло не жаловаться на свое положеніе. Новый приказъ былъ мѣстомъ, куда всего удобнѣе могъ идти челобитчикъ и доноситель, искавшій прямого пути къ царской защитѣ. Еще раньше царя Алексѣя, при патріархѣ Филаретѣ, населеніе просило, а правительство пыталось ему дать учрежденіе, которое служило бы защитою слабыхъ отъ сильныхъ и во всемъ доискивалось бы «только правды, одной правды». Г. Гурляндъ думаетъ, что такимъ учрежденіемъ былъ «приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ», или «приказъ приказныхъ дѣлъ», или «приказъ сыскныхъ дѣлъ»: авторъ колеблется, признать ли ему эти приказы за одно или за различныя учрежденія, но онъ твердо держится того мнѣнія, что идея подобнаго учрежденія была усвоена лично патріархомъ Филаретомъ, имъ была проводима въ практику и съ его смертью была оставлена. Въ Тайномъ же приказѣ царь Алексѣй какъ бы возстановилъ это учрежденіе «высшей справедливости», какъ только выяснилъ себѣ его необходимость подъ давленіемъ житейскихъ указаній и челобитенной докуки. Итакъ, личная канцелярія царя превратилась въ организованный «приказъ тайныхъ дѣлъ», имѣвшій цѣлью осуществить «особыя начала управленія: начало непосредственнаго царскаго руководительства, начало высшей справедливости, начало надзора» (стр. 116). Третья глава труда г. Гурлянда выясняетъ организацію приказа, его составъ, степень личнаго вмѣшательства царя въ дѣла приказа. Личное участіе царя въ дѣлахъ приказа было такъ постоянно, что даже въ «совершенно обыденныхъ вопросахъ требовался докладъ царю» (123). Можно

сказать, что царь былъ прямымъ начальникомъ приказа и «фактически вѣдалъ его», какъ выражается г. Гурляндъ. Компетенцію приказа авторъ дѣлитъ на два отдѣла: «отдѣлъ первый—производство по дѣламъ и исполненіе порученій по предметамъ, которые вѣдалъ Приказъ тайныхъ дѣлъ; отдѣлъ второй—производство по дѣламъ и исполненіе порученій по предметамъ, которые непремѣнно относились къ компетенціи какого-нибудь другого учрежденія, но по отношенію къ которымъ (то-есть дѣламъ и порученіямъ) приказъ выступалъ въ роли органа, выражавшаго или начало непосредственнаго царскаго руководительства, или начало высшей справедливости, или начало надзора» (161). Первый отдѣлъ обнимаетъ «функціи, которыя вели свое начало отъ причинъ, приведшихъ къ возникновенію приказа» (какъ личной канцеляріи царя); второй отдѣлъ обнимаетъ «функціи, которыя вели свое начало отъ причинъ, сказавшихся уже тогда, когда приказъ образовался». Разсмотрѣнію перваго отдѣла компетенціи посвящена четвертая глава книги г. Гурлянда; разсмотрѣнію второго отдѣла—глава пятая. Въ четвертой главѣ авторъ устанавливаетъ, что приказъ вѣдалъ: а) личную переписку царя, б) имѣнія его и разныя хозяйственныя учрежденія, въ нихъ находившіяся, в) различныя промышленныя заведенія и промыслы, принадлежавшіе царю, г) Аптекарскій, Гранатный и Потѣшный дворы, д) торговыя операціи царя, е) малую казенную палатку, гдѣ хранились особенно цѣнные «товары», ж) дѣло сыска всякой руды и залежей, з) раздачу церковныхъ книгъ, и) дѣла Саввина Сторожевскаго монастыря, і) царскую благотворительность, к) личную кассу царя и пр., и пр. Въ главѣ пятой г. Гурляндъ особенно внимательно останавливается на проявленіи начала высшей справедливости въ дѣятельности Тайнаго приказа и снова возвращается къ оцѣнкѣ правительственныхъ пріемовъ патріарха Филарета, въ которомъ видитъ какъ бы предшественника царя Алексѣя въ «процессѣ возвращенія царя къ фактическому управленію» (257—261). Много любопытнаго указывается какъ

относительно способовъ надзора, явнаго и тайнаго, за должностными лицами, такъ и относительно вмѣшательства царя въ дѣла управленія помимо общаго порядка производства. Если укажемъ, что въ шестой главѣ («заключеніи») авторъ сводитъ въ общемъ очеркѣ все то, что уже намѣтилъ въ формѣ частнаго вывода въ предшествующемъ изложеніи, то исчерпаемъ главное содержаніе любопытной книги г. Гурлянда.

Дѣло историковъ-юристовъ опредѣлить, что именно новаго и полезнаго даетъ трудъ г. Гурлянда для исторіи права и администраціи въ древней Руси. Мы не будемъ останавливаться на поставленномъ юристами вопросѣ о томъ, доказалъ или нѣтъ г. Гурляндъ свою мысль, что Тайный приказъ изъ безформенной личной канцеляріи царя сталъ государственнымъ «учрежденіемъ» съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. Для насъ недостаточно ясно, можно ли вообще переносить современныя намъ понятія объ «учрежденіяхъ» въ Московскую пору и примѣнять ихъ къ приказамъ, относительно которыхъ и до сихъ поръ ученые не столковались, чѣмъ ихъ считать: коллегіями или органами управленія единоличнаго. Въ книгѣ г. Гурлянда историка прежде всего можетъ интересовать вопросъ о тѣхъ «условіяхъ времени», при которыхъ Тайный приказъ расширилъ свое вѣдомство и получилъ видъ чрезвычайно вліятельнаго и дѣятельнаго приказа. По связи съ этимъ вопросомъ и взглядъ г. Гурлянда на принципы и цѣли дѣятельности патріарха Филарета получаетъ значительный интересъ, особенно въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать внутреннее преемство между дѣятельностью дѣда-патріарха и внука-царя.

Какъ было указано, «условія времени», въ которое возникли перемѣны въ Приказѣ и обнаружился ростъ его компетенціи, г. Гурляндъ опредѣляетъ такъ: административный произволъ и злоупотребленія, съ одной стороны, и экономическій кризисъ, съ другой, вызывали въ населеніи жалобы и протесты; населеніе искало «той отдушины, черезъ которую его

голосъ могъ бы доходить до царя безъ посредства промежуточныхъ инстанцій» (83); Тайный приказъ сталъ такою «отдушиною», потому что царь не уклонился отъ обращенія къ нему населенія, и по этой причинѣ дѣятельность Приказа получила новый характеръ. Это объясненіе стройно, но, можетъ быть, слишкомъ просто. Злоупотребленія, произволъ и экономическое недовольство дѣйствительно «опредѣляли моментъ», какъ выражается г. Гурляндъ о 50-хъ годахъ XVII столѣтія. Но они же опредѣляли и всѣ прочіе моменты съ 1613 года. Какъ бы чувствуя силу такого возраженія, г. Гурляндъ указываетъ на то, что въ свое время съ административнымъ злоупотребленіемъ и экономическимъ бѣдствіемъ тою же мѣрою пробовалъ бороться патріархъ Филаретъ. При немъ было создано стоящее внѣ общаго административнаго порядка учрежденіе, «что на сильныхъ челомъ бьютъ», съ помощью котораго царь получалъ возможность «фактическаго управленія», понемногу ускользавшую изъ его рукъ съ развитіемъ приказныхъ формъ. Эта тенденція къ «фактическому управленію» отличала всю дѣятельность «владительнаго» патріарха; она была оставлена съ его кончиною и возстановлена царемъ Алексѣемъ въ Тайномъ приказѣ. Однако, характеризуя «программу» патріарха Филарета, г. Гурляндъ не разъ оговаривается, что эта «программа» скорѣе чувствуется, чѣмъ доказывается: такъ мало оставила она слѣда въ документахъ.

Но, можетъ быть, ея и ненадобно доказывать, если объясненіе «момента», въ который возникъ Тайный приказъ, поставить иначе. Послѣ смуты правительственный московскій порядокъ былъ осложненъ постояннымъ дѣйствіемъ такого органа, какого не знало или почти не знало Московское государство XVI вѣка,—земскаго собора съ выборными представителями отъ мѣстныхъ служилыхъ и тяглыхъ организацій. Этихъ представителей правительство держало при себѣ, кажется, непрерывно, вызывая ихъ въ Москву «для великаго государева и земскаго дѣла» на продолжительные сроки. Насколько можно

догадываться, нормальнымъ срокомъ было трехлѣтіе—срокъ, на который, по сообщенію Маржерета, вызывался въ Москву «изъ городовъ выборъ» для московской службы. Въ первое время существованія постоянныхъ соборовъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, ихъ роль была очень опредѣленной: соборы были органомъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые возстановили государственный порядокъ и избрали царя и на которыхъ поэтому лежала обязанность охраны порядка и власти, ими же созданныхъ. Соборы были поддержкою царской власти, ея союзниками и политическими единомышленниками, заодно дѣйствовавшими противъ общихъ имъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Понятна тѣсная солидарность власти и собора, при которой царь всякое свое дѣйствіе стремился опереть на авторитетъ собора, а соборъ дорожилъ государемъ, какъ внѣшнимъ символомъ только - что возродившагося порядка, и притомъ возродившагося именно въ интересахъ среднихъ классовъ общества, представленныхъ на соборахъ. Понятна и та особенность отношеній власти къ земскимъ представителямъ, что власть желала въ выборныхъ видѣть людей, «которые бъ умѣли разсказать обиды, и насильства, разоренье и чѣмъ Московскому государству полнитца»... Соборы играли роль той «отдушины», по выраженію г. Гурлянда, чрезъ которую населеніе имѣло возможность непосредственно сноситься съ властью. Широкая практика сословныхъ ходатайствъ, челобитій, заявленій объ общественныхъ нуждахъ, связанная съ дѣятельностью соборовъ 1642 и 1648—1649 годовъ, служитъ яркимъ тому примѣромъ. Она помогаетъ осуществленію правительственнаго надзора, содѣйствуетъ ему и служитъ средствомъ борьбы противъ административнаго злоупотребленія и произвола и средствомъ защиты сословнаго интереса передъ властью. Такъ обстояло дѣло до той поры, когда обнаружилось нѣкоторое ослабленіе солидарности между властью и ея основаніемъ—соборами. Случилось это въ эпоху составленія Уложенія и было послѣдствіемъ того, что представители среднихъ классовъ на соборѣ

провели въ законъ нѣкоторыя мѣры, направленныя противъ духовенства и боярства, главнымъ образомъ въ сферѣ ихъ землевладѣльческихъ правъ. Здѣсь нѣтъ мѣста объяснять, въ чемъ состояли эти мѣры; достаточно отмѣтить, что онѣ существенно затрагивали тѣхъ, кто отъ нихъ терпѣлъ. Патріархъ Никонъ вооружился противъ Уложенія и звалъ его «проклятой книгой»; такъ называемые «закладчики» грозили уличной смутою. По современному выраженію, тогда «міръ весь качался», было «въ міру великое смятеніе». Правительство, поставленное лицомъ къ лицу съ многократнымъ уличнымъ «гилемъ», увидѣло и въ земскомъ соборѣ тенденцію противъ своихъ ближайшихъ органовъ, бояръ и высшаго духовенства, и поняло, что оно расходится и съ соборами. Слова Никона, что соборъ 1648—1649 годовъ былъ «не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей», исполнены большого смысла: они указываютъ, что власть потеряла довѣріе къ собору, уразумѣвъ, что съ ея точки зрѣнія онъ можетъ быть и «не истинныя правды ради». Со вступленіемъ Никона въ патріаршество соборная практика и вовсе прекращается. Въ 1652 году сталъ онъ патріархомъ, въ 1653 году былъ послѣдній соборъ, въ 1662 году населеніе Москвы уже тщетно напоминаетъ правительству объ оставленной имъ привычкѣ совѣщаться со «всею землею». Все это даетъ намъ поводъ сказать, что «смутное время» 1648—1650 годовъ развело до тѣхъ поръ дружныя политическія силы, то-есть власть и соборы, и заставило власть искать дальнѣйшей опоры не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: началась бюрократизація управленія, и на мѣсто соборнаго начала выдвинуто было приказное. А съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла та «отдушина», о которой говоритъ г. Гурляндъ и которую мы видѣли въ соборахъ. Потерявъ возможность общенія съ властью на соборахъ, населеніе ждетъ осуществленія этой возможности отъ своего обращенія прямо къ государю чрезъ его личную канцелярію или Тайный приказъ. Съ своей стороны и

государь находитъ въ Тайномъ приказѣ удобный органъ надзора, чтобы развѣдать ту правду, которая раньше обнаруживалась чрезъ соборныхъ представителей.

Конечно, это только предположеніе, и мы его лишь намѣчаемъ, а не развиваемъ. Какъ бы ни было оно шатко, его можно высказывать не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ взглядъ г. Гурлянда. Оно даже удобнѣе въ томъ отношеніи, что не связываетъ вопроса о возникновеніи Тайнаго приказа съ вопросомъ объ административныхъ мѣропріятіяхъ патріарха Филарета и не заставляетъ искать между ними ни преемства, ни противоположности. Говоря такъ, мы, однако, находимъ, что замѣчанія г. Гурлянда о личности и системѣ Филарета любопытны и оригинальны и что г. Гурлянду принадлежитъ даже нѣкоторая заслуга въ томъ, что онъ пустилъ въ научный оборотъ забытую всѣми переписку патріарха Филарета съ царемъ Михаиломъ Θедоровичемъ и извлекъ изъ нея цѣнныя наблюденія надъ тѣмъ, каково было отношеніе «великихъ государей» къ боярскому совѣту ихъ времени. Вообще въ книгѣ г. Гурлянда мимоходомъ затронуто нѣсколько такихъ вопросовъ изъ исторіи нашего XVII вѣка (о приказахъ Приказныхъ дѣлъ и Сыскномъ, объ идеѣ общаго блага въ указахъ второй четверти XVII вѣка, о взаимоотношеніи «комнатной», «тайной» и «ближней» думы и пр.), которые возбуждаютъ интересъ и заслуживали бы особаго изслѣдованія. Позволимъ высказать надежду, что г. Гурляндъ не оставилъ ихъ навсегда.

СТОЛѢТІЕ КОНЧИНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II [1].

Сто лѣтъ назадъ, вечеромъ 6-го ноября 1796 года, скончалась императрица Екатерина II-я, послѣ двухдневной болѣзни, на 68 году жизни и на 35 году царствованія. «Екатеринино царствованіе, 34 года продолжавшееся (говоритъ въ своихъ запискахъ извѣстный А. С. Шишковъ), такъ всѣхъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслась и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію». Шишкову и всѣмъ сотрудникамъ и поклонникамъ дѣлъ почившей государыни казалось, что «Россійское солнце погасло» въ тотъ самый мигъ, когда «Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и, на ряду съ прочими, предстала предъ судъ Всевышняго».

Но такъ говорили и писали о своей «матушкѣ императрицѣ» лишь тѣ люди, сердца которыхъ дрожали отъ восторга и патріотической гордости при шумѣ Екатерининскихъ побѣдъ и умы которыхъ нѣмѣли подъ впечатлѣніемъ широкихъ и блестящихъ преобразованій Екатерины въ административномъ и сословномъ устройствѣ. Наступившее со смертью императрицы новое царствованіе,—«царство власти, силы и страха», какъ его звали современники,—иначе отнеслось къ дѣятель-

---

[1]) Читано на торжественномъ актѣ С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ 1-го декабря 1896 года.

ности предшествующаго правительства. Оно не только осудило прежніе порядки громко, рѣшительно и даже грубо; болѣе,— оно принялось суетливо и торопливо раздѣлывать все то, что было сдѣлано въ Екатерининское время. Отъ мелочей придворнаго быта до существеннѣйшихъ сторонъ общественной жизни, все терпѣло измѣненія, потому что признавалось негоднымъ, вреднымъ, распущеннымъ и даже развращеннымъ. Прошло всего около 4 лѣтъ, настало 12-е марта 1801 года, на русскій престолъ вступилъ императоръ Александръ—тотъ самый, котораго императрица Екатерина называла «мой Александръ»,— и вотъ Россія читала первый манифестъ юнаго императора о томъ, что онъ, воспріемля престолъ послѣ отца своего, принимаетъ вмѣстѣ «и обязанность управлять народъ по законамъ и по сердцу... Августѣйшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія». Государь давалъ обѣтъ «шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ», и этимъ торжественно возстановлялъ попранныя преданія Екатерининской эпохи.

Такова была поистинѣ превратная судьба Екатерининой славы въ ближайшемъ потомствѣ. На императрицу смотрѣли то какъ на «благое божество», то какъ на слабую женщину, не умѣвшую поддержать порядокъ не только въ Имперіи, но даже и въ собственномъ дворцѣ. Надобно признаться, что подобная двойственность отношенія передалась и въ послѣдующія поколѣнія—вплоть до нашего времени. Вѣдь и мы можемъ расходиться въ нашихъ взглядахъ на личность и дѣятельность «просвѣщенной» императрицы и можемъ различно цѣнить историческія послѣдствія ея политики. Не слышимъ ли мы въ современной намъ литературѣ восторженныхъ похвалъ уму и знаніямъ Екатерины, ея умѣнью угадывать и поддерживать талантливыхъ людей, которымъ Пушкинъ далъ такое звучное названіе «славной стаи Екатерининскихъ орловъ»? Не кружатся ли и теперь впечатлительныя головы при описаніи военныхъ побѣдъ и дипломатическихъ успѣховъ Екатерининскаго царствованія, при характеристикѣ той перемѣны въ настроеніи

и пріемахъ русской дипломатіи, когда она высоко подняла голову и стала говорить увѣреннымъ и твердымъ тономъ, повинуясь внушеніямъ самой императрицы стойко блюсти народные интересы и свою самостоятельность? И въ то же время не слышимъ ли мы горькихъ сѣтованій на то, что при Екатеринѣ случайное придворное вліяніе могло господствовать надъ существеннымъ государственнымъ интересомъ, какъ въ темную эпоху предшествующихъ Екатеринѣ временщиковъ? Не указываютъ ли на то, что наши колоссальныя пріобрѣтенія отъ Польши и Турціи все-таки «отзывались горечью»: во 1-хъ, въ то же самое время прусскіе, а особенно австрійскіе нѣмцы захватили не только славянскія, но прямо русскія земли, а во 2-хъ, благодаря этимъ захватамъ «скоропостижный прусскій король» выросъ до значенія первокласснаго европейскаго монарха, чего не хотѣли допускать наши старые политики. Наконецъ, не доказываютъ ли намъ, что громъ побѣдъ потрясъ хозяйственное благосостояніе страны и что ростъ политическаго могущества Россіи при императрицѣ Екатеринѣ сопровождался окончательнымъ нарушеніемъ того стариннаго равновѣсія, въ какое приведены были сословныя отношенія въ старой Московской Руси? Въ старой Руси надъ всѣми сословіями тяготѣла одинаково правительственная рука, равномѣрно распредѣлявшая государственныя повинности между отдѣльными группами населенія. При Екатеринѣ II послѣдняя тѣнь этой государственной тяготы была снята съ дворянства, на крестьянство же окончательно, рядомъ съ государственными обязанностями, надѣто было ярмо частной крѣпостной зависимости.

Вотъ сколько можетъ быть указано различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ цѣнили и до сихъ поръ цѣнятъ дѣятельность императрицы Екатерины II-й.

Я не думаю, чтобы возможно было разрѣшить въ созвучіе весь этотъ нестройный шумъ противорѣчій и соединить въ одну внутренне-цѣльную характеристику рядъ несоотвѣтствующихъ одинъ другому отзывовъ. Возможна и болѣе правильна

задача—объяснить причины существующихъ разнорѣчій и уловить ихъ существенныя черты. Мнѣ кажется, что эта задача не только исполнима вообще, но уже и исполнена въ спеціальной литературѣ, и намъ остается собрать ея указанія въ одинъ общій очеркъ.

Мы не будемъ останавливаться на томъ общемъ соображеніи, что дѣятельность императрицы Екатерины II обнимаетъ собою болѣе трети столѣтія и настолько богата историческимъ содержаніемъ, что уже самая количественная его сложность затрудняетъ дѣло его оцѣнки и систематическаго изученія. Это—общая причина, выступающая съ одинаковою силою при изслѣдованіи каждаго крупнаго историческаго факта или процесса: синтезъ изслѣдователя не охватываетъ эпохи во всей совокупности ея явленій, а господствуетъ лишь надъ отдѣльными группами ихъ, и только долгія усилія въ одномъ направленіи идущихъ умовъ приводятъ насъ къ желанному успѣху—правильному пониманію изучаемаго сложнаго факта. Для такъ называемой «эпохи преобразованій» Петра В. уже наступила, напримѣръ, пора правильнаго объясненія, несмотря на всю сложность преобразовательнаго движенія XVII—XVIII вв. На такой же ученый успѣхъ должны мы надѣяться и въ отношеніи Екатерининскаго царствованія, сколь ни великъ историческій матеріалъ, къ нему относящійся. Однако, если мы достигнемъ здѣсь точнаго знанія, оно врядъ ли представитъ намъ дѣятельность «просвѣщенной» императрицы принципіально цѣльною и согласованною во всѣхъ ея частяхъ. Вотъ почему мы рѣшаемся высказать мнѣніе, что разнорѣчія во взглядахъ на дѣятельность императрицы Екатерины зависятъ не отъ однихъ лишь субъективно взятыхъ точекъ зрѣнія, но и отъ обстоятельствъ, данныхъ самою дѣятельностью императрицы.

Какія же это обстоятельства?

Для того, чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего усвоить ту безспорную мысль, что вся

дѣятельность императрицы Екатерины была въ сущности направлена на борьбу съ окружающею политическою дѣйствительностью. Менѣе всего желала императрица мириться съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое она застала, вступая во власть; менѣе всего была способна жить день за день, покорно слѣдуя за случайностями текущей жизни. Превосходя образованіемъ почти весь Петербургскій дворъ, принадлежа по уму къ избраннѣйшимъ его людямъ, твердо вѣря и громко говоря, что «на этомъ свѣтѣ препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою репутацію», — молодая государыня страстно желала «умножить свою репутацію», взять въ свои руки политическое положеніе и господствовать надъ нимъ. Свѣтлая вѣра въ неограниченную мощь человѣческаго разсудка, вѣра, свойственная тому вѣку вообще, придавала бодрости въ борьбѣ и указывала цѣль борьбы—дать счастіе милліонамъ людей согласно съ велѣніями просвѣщеннаго разума. Сильный умъ, давно привыкшій къ критикѣ окружающей жизни, легко отыскивалъ слабыя ея стороны; тактъ и житейское чутье указывали безошибочно на лучшихъ помощниковъ и сотрудниковъ. Торжество надъ препятствіями казалось легко. Но прошли года и стало ясно, что побѣда одержана не по всей линіи боя и что кое-гдѣ пришлось уступить поле битвы, кое-гдѣ — даже капитулировать. Тамъ, гдѣ императрица могла поймать прочную историческую традицію и дѣйствовала въ духѣ вѣковыхъ національныхъ стремленій, ее ждалъ блистательный успѣхъ. Тамъ, гдѣ сила ума и знанія покоряла себѣ невѣжественную косность, правительство императрицы выступало въ привлекательной роли просвѣщенной и благодѣтельной власти. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда императрица рѣшалась идти противъ нѣкоторыхъ господствовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ теченій, потокъ общественной жизни несъ ее не въ ту сторону, куда она сама хотѣла плыть, и далеко уносилъ отъ нея даже близкихъ ей помощниковъ, не желавшихъ, какъ она, бороться съ силою

влекущаго потока. Уступая этой могучей силѣ, Екатерина, однако, никогда не мирилась съ неудачей и вмѣсто сломаннаго въ борьбѣ оружія искала новаго.

Никто не будетъ спорить, что наибольшимъ блескомъ отличалась внѣшняя политика Екатерининскаго царствованія. Въ самомъ дѣлѣ, при императрицѣ Екатеринѣ II-й Россія пріобрѣла всю Литву, Курляндію, Крымъ и Кубань—громадныя пространства земли, обладаніе которыми поставило Россію на берегахъ Чернаго моря, возвратило Руси ея западныя области, взятыя когда-то Литвою, и, наконецъ, навсегда избавило насъ отъ возмутительныхъ татарскихъ набѣговъ. Если бы во дни этихъ пріобрѣтеній могли возстать изъ гробовъ старые Московскіе люди, всѣ помыслы которыхъ въ XVI и XVII вѣкахъ устремлены были на ляховъ, литву и татаръ, они въ побѣдахъ Екатерины II-й увидали бы торжество завѣтныхъ русскихъ мечтаній, завершеніе того великаго дѣла, за которое они ложились костьми на западныхъ и южныхъ рубежахъ Московскаго государства. Съ самаго XIII вѣка, когда русская народность сразу подверглась натиску татаръ, литвы, нѣмцевъ и шведовъ, вопросъ народной обороны становится на первомъ мѣстѣ въ народной жизни и княжеской политикѣ. Сначала вопросъ этотъ заключался въ томъ, чтобы возвратить себѣ политическую независимость, отнятую татарами. Затѣмъ, когда это было достигнуто и татары изъ господъ стали трусливыми хищниками, приходившими къ намъ не за данью, а по-волчьи—за воровскимъ полономъ, тогда вопросъ измѣнился: заботились о томъ, чтобы достигнуть безопасной границы на югѣ, отъ татаръ, вернуть въ составъ государства русскія волости, взятыя Литвою и Польшею, и Новгородскій берегъ Финскаго залива, отнятый шведами. Столѣтія прошли раньше, чѣмъ вопросъ о прямомъ сохраненіи гибнувшей народности естественно перешелъ въ вопросъ о достиженіи для этой спасенной и окрѣпшей народности правильныхъ и естественныхъ границъ. Столѣтія прошли раньше, чѣмъ смиренное наставленіе Московскаго князя Симеона братьямъ жить въ мирѣ,

«чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не угасла» народной жизни,—смѣнилось горделивымъ заявленіемъ великаго князя Ивана III, что *вся* русская земля (и та, которою онъ еще не завладѣлъ) «отъ нашихъ прародителей изъ старины наша вотчина». И опять столѣтія прошли раньше, чѣмъ разгромъ Швеціи при Петрѣ Великомъ доказалъ Европѣ, что у «Московита» выросла грозная сила и что Москва, рѣшая свои вѣковыя задачи, можетъ осуществить, вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Балтійскаго побережья, и другія свои притязанія на Литву и Черноморье. Петръ Великій былъ прямымъ ученикомъ и продолжателемъ дореформенныхъ дипломатовъ Московской Руси, которые вели русскую политику по старымъ завѣтамъ и по старымъ же завѣтамъ въ маститой старости мѣняли дьячій кафтанъ на монашескую рясу. Но эти старые завѣты были забыты, когда со смертью Петра у русскаго кормила стали случайные люди и вовсе чуждые Россіи фавориты, которые, вмѣсто монашескаго сана, за дипломатическую покладливость принимали титулъ графа отъ германскаго императора. Одинъ только изъ такихъ графовъ канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ помнилъ Петровскіе завѣты, хотя и осложнялъ ихъ собственными заботами о поддержаніи въ Европѣ политическаго равновѣсія, о которомъ такъ мало заботился самъ Петръ. Тѣмъ не менѣе, именно Бестужевъ былъ первымъ политическимъ наставникомъ Екатерины II, и именно черезъ него Екатерина могла войти въ разумѣніе насущныхъ дѣлъ русской политики. И вотъ вѣковая старина оживаетъ въ дѣлахъ Екатерины. Черезъ головы своихъ близорукихъ предшественниковъ Екатерина оглядывается назадъ на Петра Великаго, справляется о томъ, какъ онъ *поступалъ* въ томъ или иномъ случаѣ, и соображаетъ, какъ онъ *поступилъ бы*, если бы былъ на ея мѣстѣ. Не даромъ она похваляется, что носитъ табакерку съ портретомъ Петра Великаго, чтобы всегда о немъ помнить: въ шутливой формѣ сказывается серьезная мысль, дѣлающая большую честь политическому чутью императрицы. Рѣшая польскій и турецко-татарскій вопросы, Ека-

терина чувствовала себя прямою продолжательницею Петра, а за нимъ и всей старорусской традиціи, и мы обязаны признать за ней эту высокую честь. Въ исторіи нашего національнаго объединенія Екатерина была такимъ же народнымъ бойцомъ, какъ и «добрый страдалецъ за землю русскую» Екатерининскій солдатъ, полагавшій душу свою на поляхъ Литвы и Польши, на Карпатскихъ нагорьяхъ и въ Дунайскихъ камышахъ. Они привели къ концу—каждый по-своему—то вѣковое дѣло, которое одинаково лежало на сердцѣ и большихъ и малыхъ людей Московской эпохи, и разрѣшили, наконецъ, ту задачу, надъ которою трудились лучшіе московскіе умы, до самого Петра Великаго включительно.

Итакъ, въ политикѣ внѣшней Екатерина сумѣла и смогла стать на высоту строго историческаго пониманія предстоявшихъ ей дѣлъ, и блестящій успѣхъ былъ здѣсь наградою, заслуженною и взятой прямо съ боя.

Сложнѣе и труднѣе для оцѣнки характеръ внутренней государственной дѣятельности императрицы. Русское общественное устройство терпѣло существенныя измѣненія въ ту пору, когда Екатерина вступала въ дѣла. Рушился окончательно тотъ старо-московскій порядокъ, по которому всякое лицо и всякая личная собственность разсматривались какъ орудіе правительственной дѣятельности, употребляемое для служенія государственному интересу. Въ Московской Руси не было ни личной слободы, ни сословнаго права; были вмѣсто нихъ только личныя привилегіи и временныя льготы. Все общество было построено на началахъ государственной крѣпости: каждый былъ прикрѣпленъ къ какой-либо государственной повинности, а по этой повинности былъ прикрѣпленъ къ тому мѣсту, гдѣ жилъ, и къ тому обществу, съ которымъ былъ связанъ круговою порукою въ отправленіи службъ или платежей. Въ этомъ государственно-крѣпостномъ порядкѣ была извѣстная своеобразная справедливость; она выражалась во всеобщемъ равенствѣ предъ государствомъ, равенствѣ безправія. И Петръ Великій не только

не измѣнилъ этому старому началу, но еще и подчеркнулъ его, самого себя называя неизмѣнно слугою государства. Служилые люди всѣхъ чиновъ были слиты при Петрѣ Великомъ въ одинъ классъ, «шляхетство», и поставлены въ тяжелый служебный режимъ. Всѣ уклонявшіеся отъ государственной тяготы и частно-зависимые люди (такъ называемые гулящіе люди и холопы) были введены въ непосредственныя отношенія къ государству и прикрѣплены къ государственнымъ повинностямъ. Государственная опека при Петрѣ Великомъ стала систематичнѣе, бдительнѣе и тяжелѣе. Тѣмъ съ большею силою сказалась реакція противъ Петровскихъ порядковъ, когда послѣ смерти Петра Великаго «шляхетство» получило возможность вмѣшиваться въ борьбу придворныхъ лицъ и партій въ знаменитую печальной памяти эпоху временщиковъ. Быстрая и частая смѣна правительствъ и правителей, вызываемая отсутствіемъ въ династіи правоспособныхъ представителей власти, совершалась иногда въ формѣ прямыхъ переворотовъ. Вполнѣ доказано, что эти перевороты производились гвардейскими полками, имѣвшими однородный, именно дворянскій, составъ и дѣйствовавшими за все «благородное россійское шляхетство» въ интересахъ цѣлаго сословія. Именно такимъ шляхетскимъ движеніемъ была поставлена на престолъ и императрица Екатерина. Естественно, что шляхетское вліяніе на политическія дѣла должно было обратиться въ пользу самого шляхетскаго сословія. Императрица Анна облегчила шляхетскую службу, обратила помѣстныя земли, дотолѣ признаваемыя государственными, въ наслѣдственную собственность дворянъ, ихъ владѣльцевъ, и вообще расширила права дворянъ въ ихъ недвижимыхъ имуществахъ. При Елизаветѣ дворянство превратилось уже въ замкнутое привилегированное сословіе и громко мечтало объ освобожденіи своемъ отъ обязательной службы государству. Императоръ Петръ III, слышавшій эти мечтанія, осуществилъ ихъ въ манифестѣ 18-го февраля 1762 года. Императрицѣ Екатеринѣ осталось или подтвердить вольность раскрѣ-

пощеннаго дворянства, и тогда во имя справедливости раскрѣпостить и прочія сословія, или, если этого нельзя было сдѣлать, то вернуть государство къ Петровскимъ формамъ и отнять у дворянства преждевременно усвоенную свободу. Такъ ставился вопросъ для Екатерины; что выберетъ она? послѣдуетъ ли Петру? продолжитъ ли дворянскую политику своихъ ближайшихъ предшественниковъ?

Вернуть государство къ Петровскимъ формамъ было невозможно, если бы Екатерина этого и желала: давать права и льготы болѣе легко, чѣмъ отнимать ихъ, да къ тому же отнимать у сословія, которое 20 лѣтъ уже стояло у власти и трона. Врядъ ли, впрочемъ, Екатерина и желала идти противъ правъ и льготъ: по ея собственнымъ словамъ, она поставила себѣ цѣлью «понравиться націи»; «съ республиканскою душою и добрымъ сердцемъ», «она старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и собственность». Могла ли государыня, такъ судившая о самой себѣ, усвоить себѣ политику порабощенія и реакціи? Разумѣется, нѣтъ. Напротивъ, широкіе освободительные планы витали въ умѣ государыни, воспитанной на либеральнѣйшихъ идеяхъ вѣка. Не только сохраненія шляхетской вольности хотѣла она, но она искреннѣйшимъ образомъ мечтала и о вольности крестьянской. И время было подумать о судьбѣ тѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которыхъ, подъ общимъ названіемъ «помѣщичьихъ подданныхъ», административная практика отдавала въ полное распоряженіе землевладѣльца, а законъ опредѣлялъ какъ сословіе государственныхъ плательщиковъ. Всѣ знали—отъ крестьянской избы до дворца,—что крестьянскій трудъ былъ данъ помѣщику за то, что помѣщикъ служилъ конемъ и мечемъ государству, и всѣ чувствовали, что разъ помѣщикъ получалъ право отвязать мечъ и снять доспѣхи, то и крестьянинъ могъ съ одинаковымъ правомъ оставить помѣщичью соху и съ барской запашки перейти на свою. Но въ то же самое время выходило такъ, что правительство могло обходиться безъ шляхетской службы,

*

а шляхетство не могло устроить своего хозяйства безъ принудительнаго крестьянскаго труда, и никто не умѣлъ въ то время удовлетворительно разрѣшить эту хозяйственную задачу. Съ одинаковой роковою неизбѣжностью тяготѣли надъ сознаніемъ Екатерины двѣ непримиримыя идеи: ея собственная идея—о необходимости освобожденія помѣщичьихъ подданныхъ, и шляхетская идея—о необходимости удержать на шляхетскихъ земляхъ даровую рабочую силу, какъ незамѣнимое основаніе хозяйства. Отъ своей идеи Екатерина не отказывалась никогда—до послѣдняго 10-лѣтія своей жизни. Даже и тогда, когда ей приходилось офиціально держаться иныхъ точекъ зрѣнія, она оставалась въ душѣ вѣрною себѣ и мучительно раздражалась отъ противорѣчія, въ которое попадала и изъ котораго ей не по силамъ было выйти. Обыкновенно осмотрительная въ выборѣ своихъ выраженій, она, однако, не сдерживалась въ отзывахъ о людяхъ съ крѣпостническимъ направленіемъ и даже давала имъ названіе «скотинъ». Но, тѣмъ не менѣе, сила вещей была сильнѣе единичной воли, и отъ благороднаго протеста противъ рабства Екатерина склонялась къ его признанію и регламентаціи съ тѣмъ, чтобы при первой возможности снова воспрянуть для протеста и освободительныхъ мечтаній. Вотъ почему отношеніе Екатерининскаго правительства къ крестьянскому дѣлу исполнено такихъ рѣзкихъ противорѣчій, отражающихъ на себѣ борьбу стремленій самой императрицы съ вожделѣніями господствовавшаго тогда въ общественной жизни шляхетства. Вотъ почему мы видимъ, какъ Екатерина выводитъ изъ частной зависимости такъ называемыхъ «экономическихъ» крестьянъ, принадлежавшихъ церковнымъ владѣльцамъ, и запрещаетъ вступать въ крестьянскую зависимость свободнымъ и вольноотпущеннымъ людямъ, но въ то же время закрѣпощаетъ малороссійскихъ крестьянъ; какъ она запрещаетъ крестьянамъ жаловаться на своего владѣльца, но въ то же время не соглашается называть крестьянина рабомъ, упорно утверждая, что «между крѣпостнымъ и невольникомъ разность», и

что смѣшеніе крестьянской и рабской зависимости есть «великое злоупотребленіе»; какъ она по грамотѣ дворянству 1785 г. признаетъ крестьянъ одною изъ статей хозяйственнаго инвентаря въ недвижимомъ дворянскомъ имуществѣ, и въ то же время составляетъ проектъ освобожденія крестьянъ, родившихся послѣ грамоты 1785 года. Полная противоположность и непримиримость всѣхъ этихъ дѣйствій и взглядовъ указываетъ на коренной разладъ въ правительственной средѣ, и притомъ разладъ, длящійся цѣлую четверть вѣка—знакъ, по которому мы можемъ представить себѣ, съ какимъ упорнымъ постоянствомъ императрица держалась своихъ идей, несмотря на рѣшительное несогласіе съ ними прочихъ правительственныхъ силъ. Въ этомъ разладѣ дѣйствій и словъ видятъ иногда двуличіе Екатерины, усвоившей якобы крѣпостническую политику вмѣстѣ съ привычкою щеголять либеральными рѣчами. Будемъ осторожнѣе и признаемъ за Екатериною искреннее желаніе бороться съ господствовавшимъ тогда теченіемъ, желаніе безуспѣшное, но не безполезное. Заслугою Екатерины была уже та рѣшимость, съ какою она отдала на общественный судъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, рѣшимость, какую не всегда находимъ и въ первой половинѣ XIX вѣка.

Можно ручаться, что крестьянское дѣло было больнымъ мѣстомъ для Екатерины, чувствовавшей въ этомъ дѣлѣ свое безсиліе не только справиться съ крѣпостническими тенденціями общества, но и просто представить себѣ тотъ порядокъ общественной жизни, который явился бы результатомъ освобожденія крестьянскаго труда. Сразу перейти къ этому порядку было для нея страшно, что она и выражала въ «Наказѣ» словами 260-й статьи: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ». И этотъ страхъ раздѣляли съ Императрицею и другіе очень умные и знающіе люди ея времени, напримѣръ, Болтинъ, рекомендовавшій осторожность и постепенность въ этомъ великомъ дѣлѣ, противникомъ котораго онъ отнюдь не былъ. Если бы Екатерина и надѣялась легко

сломить враждебное эмансипаціи шляхетство и сокрушить крѣпостной порядокъ, то этимъ самымъ, по ея представленію, попадала она еще въ большую трудность справиться съ общественнымъ хаосомъ и образовать новый общественный строй изъ элементовъ, предугадать которые она не могла. По своей знаменитой Коммиссіи 1767 года могла она судить, какъ трудно, даже невозможно, распоряжаться умонастроеніемъ и работою общественныхъ силъ. Такого рода мысли и опасенія, конечно, еще больше лишали Екатерину бодрости и увѣренности, чѣмъ прямая оппозиція крѣпостниковъ.

Зато тамъ, гдѣ путь былъ ясенъ и гдѣ не было противодѣйствій, правительство Екатерины дѣйствовало съ величайшимъ блескомъ. Новыя формы мѣстнаго управленія съ большимъ искусствомъ были сотканы изъ элементовъ бюрократическихъ и сословно-земскихъ; въ вопросахъ финансовыхъ правительство держалось освободительной политики; народное образованіе вызывало систематическія заботы правительства и разсматривалось какъ важнѣйшая потребность населенія; въ заботахъ о вновь пріобрѣтенныхъ на югѣ земляхъ, о такъ называемой Новороссіи, сказалась очень большая чуткость и дальновидность, какъ будто бы уже тогда прозрѣвали всю силу и быстроту экономическаго роста русскаго юга, расцвѣтающаго на нашихъ глазахъ. И во всемъ, что ни дѣлало Екатерининское правительство, оно выступало какъ просвѣщенная сила, не просто умудренная политическимъ опытомъ, но способная возвышаться до принципіальной постановки вопроса и знакомая съ теоретическими успѣхами современнаго ей знанія. Помѣщенная исторіею между Петромъ III и Павломъ I, Екатерина неизмѣримо лучше ихъ обоихъ оказалась подготовленною къ государственной дѣятельности, къ которой оба они готовились и на которую она, казалось, вовсе не могла и разсчитывать.

Такъ двоится наше впечатлѣніе отъ внутренней дѣятельности императрицы Екатерины II. Въ основномъ вопросѣ тогдашней русской общественной жизни — въ устройствѣ отношеній

между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классами—императрица была увлечена по тому направленію, по которому увлекались событіями и всѣ ея предшественники, въ сторону укрѣпленія и нарощенія шляхетскихъ правъ. Но подчиняясь дворянскому режиму, сочувствуя и содѣйствуя организаціи дворянства въ видѣ привилегированнаго сословія, Екатерина давала подобную же организацію и городскому населенію, мечтала о соотвѣтствующемъ подъемѣ правъ и крестьянства,—и здѣсь-то потерпѣла неудачу, столкнувшись съ интересами ею же поддержаннаго россійскаго шляхетства. Обратить это шляхетство въ прежнее безправное положеніе и отнять у него крестьянскій трудъ было невозможно или же чрезвычайно трудно. По крайней мѣрѣ, ни Екатерина, никто иной не могли себѣ представить государственнаго строя безъ крѣпостного труда. И здѣсь Екатерина поступается своими идеальными стремленіями ко всеобщей «свободѣ и собственности» и сохраняетъ крѣпостное право во всей его житейской цѣльности и безусловности. Но это не значитъ, чтобы Императрица вообще отказалась отъ своего либеральнаго міросозерцанія; напротивъ, либерализмъ государыни царитъ вездѣ, гдѣ проявляется творческій духъ правительства и личное вліяніе Екатерины отъ образованія государственнаго управленія до воспитанія внучатъ императрицы.

Вспомнимъ, что мы въ началѣ нашей рѣчи усомнились въ томъ, чтобы дѣятельность Екатерины можно было представить принципіально цѣльною и согласованною во всѣхъ ея частяхъ. Теперь мы можемъ оправдать такое сомнѣніе. Во внѣшней своей политикѣ Екатерина была ученицею старой Руси и Петра Великаго; во внутренней государственной дѣятельности, тамъ, гдѣ она дѣйствовала свободно, она проводила въ жизнь философскіе и публицистическіе принципы, которыми жили въ то время передовые теоретическіе умы; въ сферѣ же хозяйственно-крѣпостныхъ отношеній она подчинилась господствовавшей въ обществѣ тенденціи не только изъ политической осторожности, но также изъ страха предъ невѣдомыми послѣдствіями соціаль-

наго переворота. Таковы разнообразные мотивы, руководившіе умомъ императрицы. Во 1-хъ, вѣрно понятый вѣковой инстинктъ народной обороны, во 2-хъ, лишенные всякаго національнаго оттѣнка принципы либеральнаго раціонализма и, въ 3-хъ, узкія утилитарныя вожделѣнія землевладѣльческаго класса, ничего общаго не имѣющія ни съ истиннымъ патріотизмомъ, ни съ благородными порывами освободительной мысли,—что общаго между этими историческими двигателями, влекшими Екатерину одновременно по разнымъ путямъ?

Конечно, менѣе всего можно негодовать лично противъ историческаго дѣятеля, которому суждено было въ вихрѣ событій и вліяній вращаться въ различныя стороны и терять единство дѣйствій. Дѣло вѣдь идетъ не о цѣльности личныхъ взглядовъ, которымъ Екатерина всегда была вѣрна, а о правительственной дѣятельности, которая всегда представляетъ собою равнодѣйствующую всѣхъ вліяній и усилій состоящихъ въ правительствѣ людей. Вдумавшись въ это обстоятельство, оцѣнивъ личность Екатерины въ обстановкѣ, которая на нее дѣйствовала, мы скорѣе подивимся тому, что, при тысячѣ возможностей успокоиться на достигнутомъ успѣхѣ, Екатерина почти до конца своихъ дней продолжаетъ бороться за то, что считаетъ правымъ, продолжаетъ свѣтить русскому обществу яснымъ національнымъ сознаніемъ, неизмѣнною преданностью просвѣщенію, блескомъ прогрессивной европейской мысли. Въ исторіи нашего общества Екатерина одинъ изъ виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ культурныхъ дѣятелей, память о которомъ связана неразрывно со всякимъ успѣхомъ нашей гражданственности.

КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ ПЕТЕРБУРГА.

(1903).

Осенью 1702 года русскія войска отняли у шведовъ ихъ крѣпость Нотебургъ, стоявшую на истокѣ Невы, на мѣстѣ стараго Новгородскаго Орѣшка. Петръ Великій назвалъ эту крѣпость Шлиссельбургомъ. Весною 1703 года русскіе пошли вдоль Невы къ морю и 1-го мая взяли стоявшее недалеко отъ моря, при впаденіи р. Охты въ Неву, шведское укрѣпленіе Ніеншанцъ, или «Канцы», какъ его назвали русскіе люди. Переименовавъ Канцы въ Шлотбургъ, Петръ Великій временно устроилъ въ немъ свой «главный станъ». Въ «Журналѣ или поденной запискѣ» Петра Великаго говорится: «По взятіи Канецъ отправленъ воинскій совѣтъ, тотъ ли шанецъ крѣпить, или иное мѣсто удобнѣе искать (понеже оный малъ, далеко отъ моря и мѣсто не гораздо крѣпко отъ натуры), въ которомъ (совѣтѣ) положено искать новаго мѣста. И по нѣсколькихъ дняхъ найдено къ тому удобное мѣсто островъ, который назывался Люстъ-Еландъ (то есть веселый островъ), гдѣ въ 16 день маія (въ недѣлю Пятидесятницы) крѣпость заложена и именована «Санктпитербурхъ». Существуетъ догадка, что наименованіе «новозастроенной» крѣпости «Петербургъ» было торжественно дано ей въ Петровъ день, 29-го іюня 1703 года, въ именины царя Петра.

На основаніи этихъ извѣстій въ маѣ 1903 года празднуется двухсотлѣтній юбилей существованія Петербурга.

Юбилейное торжество будетъ имѣть для насъ дѣйствительный, живой смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ по-

нимать историческое значеніе событія, давшаго поводъ къ торжеству. «Иначе праздникъ будетъ празднымъ», какъ выразился нашъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ въ своихъ «Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ». Для того же, чтобы понять историческое значеніе событія, намъ надобно выяснить себѣ самимъ, какой смыслъ имѣло событіе для его современниковъ и для той дѣйствительности, въ которой оно совершилось. Тогда намъ станетъ ясно и значеніе даннаго событія во всемъ ходѣ исторической жизни народа; иначе говоря, мы поймемъ, что именно мы собрались праздновать.

Нѣтъ большой трудности отвѣтить на вопросъ о томъ, какой смыслъ имѣло основаніе Петербурга для Петра Великаго и для Русскаго государства начала XVIII вѣка. Наша историческая наука дастъ для этого достаточно матеріала, и автору настоящей замѣтки предстоитъ лишь трудъ свести въ одинъ краткій очеркъ итоги различныхъ историческихъ и историко-географическихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ послѣднія десятилѣтія или, точнѣе, во вторую половину XIX вѣка нашими историками.

Для современниковъ основаніе Петербурга имѣло значеніе спеціальное, военное и общее, государственное.

Въ военномъ отношеніи построеніемъ Петербурга завершалась важная операція—выходъ къ морю. Въ борьбѣ со шведами за Балтійскій берегъ еще Иванъ Грозный пытался дѣйствовать на морѣ и заводилъ въ Балтійскихъ водахъ наемныя каперскія суда. Въ свою очередь, шведы стремились совсѣмъ отрѣзать Москву отъ морского берега, что имъ и удалось въ началѣ XVII столѣтія. Море, создавая возможность свободнаго и легкаго общенія съ государствами средней Европы, давало бы Москвѣ союзниковъ и лишнія средства въ борьбѣ: обѣ стороны—и шведы, и русскіе—хорошо понимали это обстоятельство. Съ самаго начала шведской войны Петръ Великій направляетъ свои силы на пріобрѣтеніе гавани. Испытавъ неудачу подъ Нарвою, которая была одною изъ самыхъ значительныхъ гаваней Бал-

тики, Петръ ищетъ выхода къ морю черезъ Неву. Въ 1701 году начинаетъ онъ развѣдки о Невскомъ пути къ морю «отъ Волховского устья» до «Невскаго устья»; собираются свѣдѣнія о шведскихъ крѣпостяхъ, заграждающихъ этотъ путь, и о фарватерѣ въ Ладожскомъ озерѣ и Невѣ. Въ 1702 году уже приказано приступить къ постройкѣ 6 военныхъ 18-пушечныхъ кораблей «на Ладожское озеро». Но дѣло не спорилось до слѣдующаго года, когда, наконецъ, на р. Свири, въ Лодейномъ полѣ, устроили «верфь» и съ августа 1703 года начали спускать на воду уже построенныя суда. Не ожидая своей флотиліи, Петръ въ 1702 году начинаетъ дѣйствія противъ шведскихъ крѣпостей на Невѣ и, взявъ Нотебургъ, овладѣваетъ входомъ въ Неву изъ Ладожскаго озера. На слѣдующую весну 1703 года онъ захватываетъ и все теченіе Невы и выходитъ къ морю. Но этого было мало: надобно было укрѣпиться на Невскомъ устьѣ, чтобы непріятельскій флотъ съ моря, а сухопутное войско шведовъ изъ Финляндіи не могли сбить русскихъ съ только-что пріобрѣтенныхъ позицій. Для этой цѣли и была заложена въ устьяхъ Невы новая крѣпость, названная Петербургомъ. Подъ ея стѣнами находилъ безопасность и новый флотъ, строенный на Свири; а затѣмъ подъ ея стѣнами выросла и новая верфь («адмиралтейство»). Создалась такимъ образомъ боевая сила, оборонявшая вновь занятый край и послужившая затѣмъ опорою для дальнѣйшаго наступленія, главнымъ образомъ на Финляндію. Русскій флотъ, вышедшій изъ Невы въ Финскій заливъ, игралъ не малую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ войны. Опираясь на Петербургскія твердыни, онъ легко получалъ по Невскому водному пути все, что ему было необходимо, изъ внутреннихъ областей государства.

Таково было военное значеніе «новозастроенной» крѣпости «Питербурха».

Основаніе города въ устьяхъ Невы имѣло существенную важность и помимо стратегическихъ цѣлей Петра. Выходъ въ море надобенъ былъ не только для войска, но и для всего

русскаго общества. Въ глубокой древности, когда на русскомъ западѣ цвѣла жизнь «господина Великаго Новагорода», богатѣвшаго отъ торга съ Балтійскимъ поморьемъ, путь отъ Новгорода по Волхову, Ладожскому озеру и Невѣ въ море былъ однимъ изъ главнѣйшихъ путей русской торговли. Получая русскіе товары съ востока и сѣвера, Новгородъ передавалъ ихъ въ гавани Рижскаго и Финскаго заливовъ. И всѣ эти гавани: Рига, Перновъ, Ревель, Нарва — находились въ чуждыхъ рукахъ; одно Невское устье было Новгородскимъ. Въ устьѣ Невы и у о. Котлина встрѣчали нѣмцевъ русскіе лоцмана и вели ихъ суда чрезъ Невскіе и Волховскіе пороги, перегружая товаръ на мелкія лады, гдѣ это было нужно. Новгородскіе пригороды Ладога и Орѣшекъ стояли на этомъ пути, какъ пристани и крѣпости, для пріюта и обороны. Русская стража берегла Невское устье отъ вражескаго поиска съ моря. Словомъ, Невскій путь пользовался нѣкоторымъ благоустройствомъ, какъ одинъ изъ путей внѣшней торговли Великаго Новгорода. Но не одинъ Новгородъ имъ пользовался. Если вглядѣться въ карту Приладожья и въ сѣть тѣхъ рѣкъ, которыя несутъ свои воды въ Ладожское озеро, то нетрудно понять, что изъ Невы съ моря по этимъ рѣкамъ можно идти въ разные углы Руси и, наоборотъ, со всѣхъ этихъ рѣкъ можно попасть къ морю только по Невѣ. Изъ Невы Ладожскимъ озеромъ и Свирью приходили въ Онежское озеро, а тамъ былъ «судовой ходъ Онегомъ-озеромъ на обѣ стороны по погостомъ» — и велъ тотъ ходъ на сѣверъ къ Бѣлому морю, и на сѣверо-востокъ къ низовьямъ р. Онеги и р. Сѣверной Двины, и на юго-востокъ къ Каргопольскимъ и Бѣлозерскимъ мѣстамъ. Не дойдя до Свири, можно было свернуть въ р. Сясь: «отъ Орѣшка Ладожскимъ озеромъ на Сясьское устье; и Сясью и Тихвиною рѣками пріѣзжаютъ на Тихвину (монастырь), а съ Тихвины ѣздятъ къ Москвѣ и по городомъ: на Устюжну, въ Кашинъ, въ Дмитровъ». Такъ описывали эту дорогу московскіе люди и прибавляли, что то «дорога изъ-за рубежа къ Москвѣ старинная,

прямая». Такимъ образомъ Нева искони соединяла съ Балтійскимъ моремъ «прямою» дорогою и Новгородъ, и Москву, и весь сѣверъ. Этимъ опредѣлялось громадное значеніе этой рѣки для страны, не имѣвшей тогда въ своемъ распоряженіи иного выхода въ то самое западное море, съ которымъ она всегда торговала, на которое посылала свое сырье.

До XVI вѣка, пока русская торговля съ удобствомъ пользовалась нѣмецкимъ посредствомъ для сношеній со всѣми гаванями отъ Риги до Нарвы, значеніе Невы не сказывалось сильно, и русскій отпускъ свободно шелъ къ морю и Невою, и «горними путями» (то-есть сухопутьемъ). Но въ XVI вѣкѣ, съ усиленіемъ на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря Литвы и Швеціи, враждебныхъ Москвѣ, русская торговля стала терпѣть «тѣсноту». Для сношеній Руси съ нейтральными нѣмецкими рынками, Литва и Швеція стали создавать препятствія, затворяя гавани и затрудняя торговое движеніе. Русь продолжала стремиться къ морю, и борьба съ противодѣйствіемъ привела Грознаго къ знаменитой Ливонской войнѣ за морской берегъ. Война тогда окончилась пораженіемъ, и Русь потеряла даже послѣднюю полосу Балтійскаго берега, какую имѣла (отъ Наровы до Невы). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ эпоху смуты, эта полоса рѣшительно перешла во владѣніе шведовъ (въ 1617 году), и шведскій король Густавъ-Адольфъ съ торжествомъ объявлялъ подданнымъ, что Москва далеко отброшена отъ моря. Въ эту пору, зная, что всѣ гавани на восточномъ Балтійскомъ побережьѣ завоеваны шведами и потому не могутъ служить на пользу Руси, московскіе люди должны были обратить особое вниманіе на Финскій заливъ и на его восточную оконечность, всего ближе подошедшую къ кореннымъ русскимъ областямъ, издавна бывшую въ русской власти, доступную по множеству рѣчныхъ и озерныхъ путей, къ ней шедшихъ. Царь Алексѣй Михайловичъ уже рѣшился было «добывать» отъ шведовъ берега Финскаго залива, но ему помѣшала Малороссійская смута. Его сынъ царь Петръ добылъ эти завѣтные бе-

рега. Если будемъ помнить все только-что сказанное, поймемъ, почему Петръ спѣшилъ закрѣпить за собою Невскій берегъ какъ можно тверже. Нельзя было выпускать изъ рукъ такого важнаго мѣста, разъ его удалось занять, и Петръ дѣятельно его укрѣпляетъ различными твердынями. Сильная крѣпость въ устьяхъ Невы, крѣпость на о. Котлинѣ (Кроншлотъ), крѣпость Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) должны были охранять новое русское пріобрѣтеніе на старой Новгородской землѣ. А завоеваніе Нарвы и Выборга и окончательно закрѣпило за Русью ея новый городъ и портъ «Санктпитербурхъ».

За мѣрами чисто военными слѣдовали и мѣры къ тому, чтобы приспособить новый городъ къ потребностямъ страны. Петръ всячески привлекалъ въ Петербургъ иностранные корабли (давая даже преміи ихъ экипажамъ) для того, чтобы тотчасъ же сообщить новому городу характеръ коммерческаго порта. Въ Петербургѣ, немедленно послѣ его основанія, устроили гостиный дворъ и при немъ биржу. Отъ Петербурга внутрь страны устраивали дороги, не только сухопутныя (на Новгородъ), но и рѣчныя. Петръ прорылъ каналъ между Волховскимъ устьемъ и истокомъ Невы для обхода неспокойнаго Ладожскаго озера. Между рѣкою Мстою и рѣкою Тверцою былъ устроенъ каналъ (близъ Вышняго Волочка) для непрерывнаго воднаго сообщенія между Поволжьемъ и Ильменскими рѣками: рѣчной путь протянулся параллельно съ большою дорогою отъ Москвы на Новгородъ и Петербургъ. Производились изысканія для соединенія и р. Мологи съ р. Сясью; но этого дѣла при Петрѣ сдѣлать не успѣли. Налаживая пути къ новому порту, Петръ искусственно привлекалъ къ нему торговое движеніе. Онъ рядомъ распоряженій сокращалъ обороты Архангельскаго порта и даже думалъ о его закрытіи, а весь торговый обмѣнъ съ заграничными гаванями мечталъ сосредоточить въ С.-Петербургѣ. Торговая Москва, смотрѣвшая до тѣхъ поръ на сѣверъ, должна была какъ бы повернуться лицомъ на западъ. Петербургъ ста-

новился ея главнымъ агентомъ въ дѣлѣ торговыхъ сношеній съ Европою.

Такъ велико было значеніе Петербурга для Руси начала XVIII столѣтія. Но Петръ не довольствовался тѣмъ, что сдѣлалъ свой «Питеръ» крѣпостью и портомъ; онъ хотѣлъ сдѣлать его и столицею своего государства. Свои новыя учрежденія—сенатъ и коллегіи—онъ устроилъ въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ онъ сооружалъ дворцы, поселилъ гвардію и самъ осѣлъ со своимъ новымъ дворомъ на постоянное житье. Петербургъ офиціально объявлялся столицею, и это, очевидно, не было капризною прихотью Петра, полюбившаго Неву и новый городокъ, свой «парадизъ». Послѣ смерти Петра Великаго, при Петрѣ II, попробовали было перевести дворъ, учрежденія и гвардію въ Москву, но вскорѣ же, при императрицѣ Аннѣ, вернулись снова на Неву, хотя Нева была и на краю государства. Что же заставило поступить такъ и отказаться отъ славной Москвы? «Одинъ отвѣтъ: необходимость!» говоритъ С. М. Соловьевъ.

Во-первыхъ, новая столица лежала при морѣ, которое въ ту пору было наилучшимъ путемъ сообщенія. Поэтому она была ближе ко всѣмъ европейскимъ центрамъ, чѣмъ старая Москва, отстоявшая отъ морей чуть не на тысячу верстъ. Изъ западной Европы въ Москву надо было ѣхать или черезъ Архангельскъ, или черезъ Балтійскія гавани, или черезъ Литовско-Польское государство. Первый путь былъ очень неудобенъ и далекъ; послѣдній—ставилъ сообщеніе съ Москвою въ зависимость отъ польскаго правительства; тѣмъ большее значеніе получалъ путь чрезъ новыя русскія гавани на Балтійскомъ морѣ. И вотъ переселеніе столицы въ Балтійскую гавань на многія сотни верстъ приближало русское правительство «къ Европѣ». Стоитъ посмотрѣть на политическую карту Европы XVII—XVIII вѣковъ, чтобы понять ясно справедливость сказаннаго. Находясь въ Петербургѣ, русская власть могла скоро

и удобно сноситься съ любымъ мѣстомъ западной Европы, ни у кого не прося разрѣшенія на проѣздъ пословъ и гонцовъ (какъ раньше иногда просили у польскаго короля) и не подвергая ѣдущихъ неудобствамъ и случайностямъ долгаго пути по неустроеннымъ дорогамъ отъ моря до Москвы.

Во-вторыхъ, Ништадтскимъ миромъ 1721 года не окончилась борьба за Балтійское побережье и не былъ еще упраздненъ «Балтійскій вопросъ» о томъ, кому считаться хозяиномъ Балтійскихъ водъ. Швеція не легко мирилась со своимъ пораженіемъ и съ торжествомъ Россіи; другія государства, примыкавшія къ Балтійскому морю, боялись одинаково и возвращенія шведской гегемоніи, только-что свергнутой, и русскаго могущества, только-что созданнаго. Всѣ заинтересованныя правительства зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается на Балтикѣ, и, такъ сказать, придвигались къ морю. Русскому правительству нельзя было поэтому уходить отъ моря вглубь страны и относить свою столицу отъ берега, когда прочія столицы и власти были у берега. Стокгольмъ, Копенгагенъ, Киль, Берлинъ и Кенигсбергъ, Варшава и Данцигъ давали скорую возможность Швеціи, Даніи, Голштиніи, Пруссіи и Польшѣ знать, что происходитъ у ихъ Балтійскихъ сосѣдей. Россія изъ Москвы не могла этого знать съ желаемою быстротою. Такимъ образомъ рядомъ съ общею причиною—желаніемъ приблизиться къ Европѣ—здѣсь дѣйствовала и частная причина: необходимость не упустить пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на Балтійскомъ берегу при Петрѣ Великомъ. Вотъ почему русская столица осталась въ Петербургѣ и послѣ его основателя, служа отличнымъ проводникомъ европейскихъ вліяній на русскую жизнь.

Итакъ, съ основаніемъ Петербурга Русское государство пріобрѣло *сильную крѣпость*, обезпечивавшую Россіи выходъ въ Балтійское море, *удобный портъ*, къ которому стягивалось много торговыхъ путей съ русскаго сѣвера и изъ центра страны, и *новую столицу*, которая облегчала нашему государству сношенія съ европейскими государствами, въ составъ

конхъ Русь тогда вошла окончательно. Послуживъ однимъ изъ средствъ завоеванія Балтійскаго берега, Петербургская крѣпость, ставъ портомъ, усвоила всей странѣ экономическіе результаты этого завоеванія и, ставъ столицею, послужила символомъ новаго культурно-политическаго порядка, развившагося въ теченіе такъ называемаго «Петербургскаго періода» русской исторіи.

САВВА ЕФИМЬЕВЪ,

протопопъ Спасскій Преображенскаго собора въ Нижнемъ-Новгородѣ.

(1904).

Имя Саввы Ефимьева не пользуется никакою извѣстностью въ нашемъ обществѣ. Врядъ ли кто изъ широкой публики знаетъ, что Савва игралъ такую же видную роль въ нижегородской исторіи, какъ знаменитые его современники К. Мининъ и князь Д. М. Пожарскій. Послѣдующія строки имѣютъ цѣлью опредѣлить эту роль и объяснить значеніе Саввы въ нижегородскомъ ополченіи 1611—1612 годовъ.

О личной жизни протопопа Саввы намъ извѣстно очень мало. Въ главный нижегородскій соборъ перешелъ онъ, кажется, изъ нижегородской церкви свв. Козьмы и Дамьяна, стоявшей въ Старомъ острогѣ, на берегу Оки-рѣки. Въ 1604 г. къ нему отошелъ по государевѣ грамотѣ дворъ прежняго спасскаго протопопа Василія «съ огородомъ и садомъ», по мірской оцѣнкѣ посадскихъ людей «за двадцать за пять рублей» [1]). Изъ этого извѣстія можно заключить, что Савва сталъ настоятелемъ Спасо-Преображенскаго собора около 1604 г. и, во всякомъ случаѣ, не позже этого года. Въ 1606 году, въ августѣ, Савва съ причтомъ Спасскаго собора получилъ отъ царя Василія Ива-

---

[1]) Русская Историческая Библіотека, т. XVII. Писцовая книга по Н.-Новгороду, стр. 38, 116 и 82.

новича (Шуйскаго), тогда только-что вступившаго на престолъ, жалованную грамоту, въ которой опредѣлялись жалованье, владѣнія и права соборнаго духовенства [1]). По этой грамотѣ нижегородскимъ игуменамъ и «попамъ всего города» вмѣнялось въ обязанность «спасскаго протопопа Саввы слушати, на соборъ по воскресеньямъ къ молебнамъ и по праздникамъ къ церквамъ приходити»; за ослушаніе Савва могъ налагать на игуменовъ и священниковъ денежные штрафы и даже могъ за упорное непослушаніе «сажати въ тюрьму на недѣлю», требуя для этого приставовъ у нижегородскихъ воеводъ. Такимъ образомъ, прот. Саввѣ принадлежало первенство въ духовенствѣ всего Нижняго-Новгорода, и рядомъ съ нимъ могъ стать одинъ лишь неподчиненный ему архимандритъ главнѣйшаго нижегородскаго Печерскаго монастыря. Понятно, что, занимая виднѣйшее мѣсто среди священнослужителей Нижняго, Савва въ 1611 году, при началѣ патріотическаго движенія въ Нижнемъ, былъ очень замѣтенъ въ этомъ движеніи и стоялъ среди его руководителей. Когда же движеніе нижегородцевъ привело къ очищенію Москвы и дало возможность избрать новаго государя, Савва участвовалъ въ избраніи Михаила Θеодоровича въ числѣ прочихъ выборныхъ отъ Нижняго, а затѣмъ изъ Москвы поѣхалъ навстрѣчу государю—«его царскія очи видѣти» [2]). При Михаилѣ Θеодоровичѣ Савва получилъ подтвержденіе жалованной грамоты 1606 года для причта своего собора. Ему же лично, за его заслуги въ дѣлѣ нижегородскаго ополченія, было дано въ собственность въ нижегородскомъ кремлѣ, у самаго Спасскаго собора, «государево дворовое мѣсто», рядомъ съ такимъ же государевымъ дворовымъ мѣстомъ, пожалованнымъ знаменитому Минину. Такимъ отличіемъ не былъ почтенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ никто, кромѣ Минина и Саввы. Въ 1624 году Савва былъ еще живъ [3]). Если ко всему сказанному прибавимъ, что

[1]) Акты Ист., т. II, № 69.
[2]) Дворцовые Разряды, т. I, ст. 1086.
[3]) Акты Ист., т. II, № 69.

*

у Саввы было два сына, Игнатъ да Василій [1]), то исчерпаемъ все то, что намъ извѣстно о частной жизни нижегородскаго протопопа.

Скудость біографическаго матеріала есть типичная черта старо-московской жизни, не дававшей простора для индивидуальной свободы. Личность мало высказывалась и мало обнаруживалась въ томъ общественномъ строѣ, коимъ управляли «старина и пошлина», «мѣра» и «чинъ», иначе говоря, вѣками установленный порядокъ, который для жившихъ въ немъ былъ въ одно время и дѣйствительностью, и идеаломъ. Именно поэтому историку надобно не только много труда, но и много проницательности, чтобы за безстрастными показаніями послужныхъ списковъ и благочестивыхъ житій увидать живое лицо, угадать характеръ и воскресить дѣйствительную личность. Въ отношеніи занимающаго насъ теперь протопопа Саввы не поможетъ, однако, никакая проницательность и никакое трудолюбіе. Пока не нашлись (а надо думать, они и не найдутся) какія-либо новыя данныя о немъ самомъ, протопопъ Савва не встанетъ передъ нами, какъ характеръ, какъ опредѣленная личность. Для серьезнаго историка будетъ всего достойнѣе и не пытаться дать характеристику этого лица, черты котораго уже безслѣдно стерты временемъ. Есть иная, вполнѣ научная— и намъ доступная — задача, состоящая въ томъ, чтобы опредѣлить не самое лицо, а общественную роль протопопа Саввы въ исключительныхъ обстоятельствахъ его эпохи. Какъ дѣятель нижегородскаго движенія, Савва доступенъ нашему опредѣленію.

Въ послѣднія десятилѣтія исторія нижегородскаго подвига сдѣлала большіе успѣхи. И. Е. Забѣлинъ первый внесъ въ изученіе обстоятельствъ 1611—1612 гг. трезвый научный пріемъ, одинаково далекій какъ отъ риторическаго восхищенія на Карамзинскій ладъ, такъ и отъ обличеній Костомарова. Живое

---

[1]) Русск. Историч. Библ., т. XII, стр. 82, 116.

чувство народности, глубокое знаніе и пониманіе стараго Великорусья позволили г. Забѣлину избѣжать академической сухости изложенія и облечь въ плоть и кровь смутныя преданія и легенды о нижегородскихъ герояхъ. У него Мининъ и Пожарскій стали историческими и перестали быть легендарными, а нижегородскій «міръ» изъ несмысленной толпы, шедшей слѣпо за вожаками, обратился въ одухотворенную патріотическимъ чувствомъ разумную среду. Изложеніе г. Забѣлина было построено на старомъ, давно извѣстномъ, но заново освѣщенномъ матеріалѣ. Послѣ книги г. Забѣлина о Мининѣ и Пожарскомъ былъ обнародованъ новый матеріалъ—текстъ писцовыхъ книгъ и десятенъ по Нижнему-Новгороду и его уѣзду и тексты литературныхъ произведеній о Смутномъ времени. Съ ихъ помощью можно продолжить работу г. Забѣлина и дать уже правильную исторію нижегородскаго движенія.

Самый общій очеркъ этой исторіи опредѣлитъ намъ значеніе нашего протопопа Саввы въ общемъ ходѣ нижегородскихъ и общерусскихъ событій великой эпохи освобожденія Москвы.

Во второй половинѣ 1611 года, послѣ смерти Пр. Ляпунова подъ Москвою, земское устройство, созданное имъ, пало, дворянское ополченіе разъѣхалось по домамъ и органы центральной власти — «приказы», учрежденные въ подмосковной рати для управленія страною, попали въ распоряженіе казачьихъ вождей, одинаково враждебныхъ и полякамъ, сидѣвшимъ въ Москвѣ, и старому московскому порядку. Правительственныя учрежденія стали служить врагамъ земщины: они «изъ городовъ и съ волостей на казаковъ кормы сбирали», а казаки «ѣздили по дорогамъ станицами и побивали». Надъ измученною страною господствовали двѣ власти, желавшія стать правительствомъ: польская и казачья. Первая дѣйствовала именемъ короля Сигизмунда и «царя» Владислава и держалась окупаціей столицы. Вторая дѣйствовала именемъ «Всея Земли» и держалась «казачьими таборами», т.-е. подмосковнымъ ла-

теремъ, въ которомъ казаки устроили правительственный центръ. Обѣ власти были ни для кого нежелательны, кромѣ тѣхъ, кто измѣнилъ родинѣ ради милостей Сигизмунда, и тѣхъ, кто связался съ казаками и отсталъ отъ стараго общественнаго порядка. Но никто не могъ указать, гдѣ искать третьей, болѣе законной власти. Ее еще надобно было создать. А кто же могъ ее создать въ обществѣ, которое разсыпалось на свои составныя части, отдѣльные города и волости?

Съ паденіемъ государственнаго порядка на Руси еще жилъ церковный. За недостаткомъ боевыхъ вождей народнымъ движеніемъ начинали руководить духовные отцы. Изъ церковныхъ круговъ шла проповѣдь, призывавшая къ единенію и народному подвигу. Если пастыри не могли стать сами во главѣ обновленнаго политическаго порядка, то они могли дать совѣтъ, какъ его обновить. И на этотъ разъ въ 1611 году они давали странѣ не одинъ, а два взаимно-противоположные совѣта. Троицкая лавра думала и писала, что земщинѣ необходимо было соединить свои силы съ подмосковнымъ казачествомъ для совмѣстной борьбы съ поляками. На этой мысли были построены всѣ знаменитыя троицкія грамоты 1611—1612 гг. Патріархъ же Гермогенъ думалъ, что казаки—еще горшій врагъ Русской земли, чѣмъ поляки, и что землѣ слѣдуетъ соединить свои силы для борьбы не только съ поляками, но прежде всего и съ казаками. Именно это писалъ Гермогенъ нижегородцамъ въ августѣ 1611 года. Оба авторитета—и братія монастыря св. Сергія, и «вторый Златоустъ» патріархъ Гермогенъ — одинаково указывали, что починъ движенія долженъ былъ идти изъ мѣстныхъ обществъ; но направленіе движенія опредѣлялось ими разно.

Вотъ та обстановка, въ которой возникъ нижегородскій подвигъ.

Въ исторіи этого подвига мы теперь различаемъ слѣдующіе моменты. Первый,—когда Минину удалось подвигнуть нижегородскую посадскую общину на собираніе «казны многой» для очищенія Московскаго государства. Второй моментъ, — когда

приговоръ посадскихъ людей о собиранiи казны и наймѣ ратныхъ людей былъ сообщенъ офицiальнымъ лицамъ и высшему слою населенiя Нижняго-Новгорода, былъ ими принятъ и повелъ къ образованiю въ Нижнемъ особаго «приказа» для организацiи рати и ея хозяйства. Третiй моментъ, — когда этотъ особый приказъ, съ кн. Пожарскимъ и Мининымъ во главѣ, распространилъ свое влiянiе и власть на всю Низовскую область и собралъ около себя «для справки» общiй «земскiй совѣтъ» низовскихъ городовъ. И, наконецъ, четвертый моментъ,—когда, перемѣстившись въ Ярославль, нижегородская военно-административная власть обратилась въ правительство всей Русской земли и повела эту землю къ Москвѣ для «очищенiя государства» и для «царскаго обиранья».

Въ первый моментъ движенiя главная роль принадлежитъ, безспорно, Минину. Онъ, и никто иной, нашелъ въ себѣ силу «возбудить спящихъ» въ то время, когда прочiе застыли въ унынiи и уже отчаялись въ томъ, что Господь сохранитъ «останокъ рода христiанскаго» и оградитъ миромъ «останокъ Россiйскихъ царствъ и градовъ и весей». Въ земской избѣ Нижняго-Новгорода (которую теперь назвали бы «городскою думою») Мининъ началъ многiя рѣчи о необходимости «чинить промыслъ» надъ врагами. Какъ земскiй староста, онъ имѣлъ въ своей общинѣ вѣсъ и влiянiе и добился того, что былъ написанъ «приговоръ всего града за руками», т.-е. офицiальное постановленiе посадскихъ людей съ рукоприкладствомъ о томъ, чтобы поручить Минину произвести особый сборъ «на строенiе ратныхъ людей». Этотъ сборъ Мининъ «собою начатъ», т.-е. первый внесъ свою жертву на народное дѣло, а затѣмъ понесли свои вклады и прочiе нижегородцы. Такъ какъ приговоръ имѣлъ въ виду общее принудительное обложенiе тяглыхъ людей по достаткамъ и доходамъ, то Минину приходилось прибѣгать и ко взысканiямъ съ тѣхъ, кто не хотѣлъ добровольно подчиниться мiрскому приговору и подоходной раскладкѣ. По словамъ одного современника, Мининъ дѣйствовалъ среди своихъ согражданъ;

«уже волю вземъ надъ ними по ихъ приговору, съ Божіей помощью и страхъ на лѣнивыхъ налагая». Такъ, въ начальномъ моментѣ движенія первое мѣсто принадлежитъ Минину.

Когда затѣянное Мининымъ большое дѣло получило ходъ въ податной общинѣ Нижняго, оно не могло остаться безъ огласки. По самой своей сущности оно требовало широкаго оглашенія, такъ какъ нуждалось въ общемъ сочувствіи и поддержкѣ. Оно было объявлено и другимъ, не податнымъ чинамъ нижегородскаго населенія. По преданію, носящему признаки достовѣрности, произошло это такимъ образомъ. Въ Нижнемъ послѣ полученія одной изъ троицкихъ патріотическихъ грамотъ «нижегородскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша»; на совѣтѣ же томъ были печерскій архимандритъ Ѳеодосій, протопопъ Савва и прочее духовенство, «дворяне и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ». Совѣтъ рѣшилъ собрать нижегородцевъ на другой день въ Спасо-Преображенскій соборъ, прочесть тамъ троицкую грамоту и звать народъ на помощь Москвѣ. Такъ и сдѣлали. На другое утро собрали горожанъ колокольнымъ звономъ въ соборную церковь и уже ко всему населенію Нижняго, а не къ однимъ тяглымъ людямъ, обратились съ воззваніемъ о патріотическомъ подвигѣ. Первое мѣсто въ этомъ собраніи принадлежало Саввѣ. Послѣ обѣдни «предъ святыми вратами» говорилъ онъ рѣчь народу и самъ читалъ троицкую грамоту. Мининъ говорилъ послѣ Саввы. Оба они явились вождями движенія. Въ Мининѣ нашла своего вожака тяглая масса; Савва же Ефимьевъ оказался первымъ выразителемъ высшихъ слоевъ нижегородскаго населенія,—тѣхъ, которые на воеводскомъ дворѣ наканунѣ впервые пристали къ движенію, начатому Мининымъ въ своей податной средѣ. Вступленіе въ дѣло высшихъ круговъ нижегородскаго населенія было вторымъ моментомъ движенія, и въ этомъ второмъ моментѣ виднѣйшая роль принадлежитъ Саввѣ. *Онъ* стоитъ въ челѣ всей массы нижегородцевъ, *его* рѣчью начинается официальная исторія нижегородской рати, *его* благословеніе и молитвы осѣняютъ са-

мое возникновеніе подвига и встрѣчаютъ князя Д. М. Пожарскаго въ нижегородскомъ соборѣ.

И въ слѣдующихъ моментахъ движенія протопопу Саввѣ принадлежитъ дѣятельная роль. Подъ руководство Нижняго скоро стала вся Низовская земля, и только въ Казани произошло нѣкоторое осложненіе отношеній съ Нижнимъ. Чтобы выяснить недоразумѣніе, нижегородцы послали въ Казань посольство изъ духовныхъ и дворянъ, а во главѣ посольства товарища Пожарскаго Биркина и Савву протопопа. Когда же благое дѣло московскаго очищенія совершилось, и Пожарскій изъ Москвы звалъ выборныхъ изъ городовъ для государева обиранья, то Нижній опять выбралъ своимъ представителемъ Савву, который и подписался подъ избирательною грамотою такъ: «Изъ Нижняго Новагорода *выборный* спасскій протопопъ Савва».

Итакъ, Савва замѣтенъ для насъ съ начала до конца нижегородскаго подвига и можетъ быть опредѣленъ нами, какъ одинъ изъ его иниціаторовъ или, говоря старымъ русскимъ языкомъ, какъ одинъ изъ его «заводчиковъ». Въ этомъ его и значеніе. Какъ одинъ изъ тѣхъ, кому принадлежалъ почпнъ великаго дѣла, Савва, конечно, принималъ участіе въ обсужденіи его руководящаго плана, и въ этомъ отношеніи онъ для насъ особенно любопытенъ. Несмотря на то, что онъ читаетъ народу въ Спасскомъ соборѣ троицкую грамоту, онъ не раздѣляетъ троицкой программы, предполагавшей единеніе земскихъ силъ съ казачьимъ подмосковнымъ станомъ. Въ Нижнемъ рѣшено было держаться лозунга Гермогена: «и на поляковъ, и на казаковъ». Объ этомъ явственно говорили нижегородскія грамоты, пошедшія во всѣ окрестные города съ извѣстіемъ о началѣ движенія въ Нижнемъ. Объ этомъ же говорить изъ Нижняго послали въ Казань цѣлое посольство, въ которомъ былъ и Савва. Троицкая грамота, очевидно, служила для Саввы и другихъ руководителей Нижняго только поводомъ для бесѣды, но не приказомъ или обязательнымъ руководствомъ. Пошедшая отъ троицкой грамоты бесѣда привела къ отрицанію

ея совѣтовъ, — и въ этомъ надо видѣть залогъ успѣха нижегородскихъ начинаній.

Вѣрный завѣтамъ Гермогена, Нижній началъ войну съ казаками раньше, чѣмъ съ поляками, и побѣдилъ ихъ. Казаки вошли въ составъ земскаго ополченія лишь тогда, когда покорились земщинѣ и погасили зажженное ими пламя общественной розни. Тѣ же изъ нихъ, кто все еще мечталъ сжечь этимъ пламенемъ старый общественный порядокъ, были вынуждены бѣжать изъ государства навсегда. И лишь тогда, когда были побѣждены казаки, русскіе люди успѣли одолѣть и поляковъ въ Москвѣ.

Пристальное изученіе нижегородскаго подвига, замѣняющее легенду исторіей, не только не стираетъ красокъ съ этой величавой исторической картины, но, напротивъ, освѣжаетъ ихъ до изумительно яркаго блеска. Поразительная минута глубокаго душевнаго возбужденія, пережитая народной массой съ Мининымъ и Саввою во главѣ, не пропадаетъ безслѣдно. Собраны деньги и люди, найденъ даровитый вождь Пожарскій, даны ему помощники и средства, выработанъ планъ дѣйствій, — и въ одну зиму созрѣла организація, широкая и мощная, осмотрительная и смѣлая, неторопливая и энергичная. Блескъ великаго народнаго генія освѣщаетъ эту картину, и въ его безсмертныхъ лучахъ всего виднѣе для насъ три нижегородскихъ имени: «сирота государевъ»—посадскій человѣкъ Мининъ, «слуга государевъ» — стольникъ князь Пожарскій и «государевъ богомолецъ»—протопопъ Савва.

ВОПРОСЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ.

(1904).

Въ текущемъ году исполняется триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ первый самозванецъ началъ открытое междоусобіе въ Московскомъ государствѣ. Одинъ изъ современниковъ самозванца записалъ о немъ, что «во 112 (1604) году, августа въ 15 день, поиде злонравный въ Російскіе предѣлы двѣма дороги: отъ Кіева чрезъ Нѣпръ рѣку, а иные идоша по Крымской дорогѣ». Съ тѣхъ поръ междоусобіе на Руси не прекращалось цѣлый десятокъ лѣтъ, пока потрясенный общественный порядокъ не нашелъ для себя новыхъ прочныхъ формъ.

Загадочное происхожденіе перваго самозванца, сложность и важность поднятаго имъ движенія, изумительный успѣхъ самозванческой интриги, сказочный интересъ многихъ подробностей этой интриги — все это привлекало и теперь привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и писателей. Начиная съ XVIII вѣка и до нашихъ дней самозванецъ и его дѣло служатъ одною изъ любимыхъ, «ходячихъ» темъ для научныхъ монографій, романовъ, драмъ и иного рода литературныхъ произведеній. Вѣковая работа ученой мысли и творческаго воображенія еще не сняла покрова тайны съ самозванца, но успѣла разгадать въ немъ кое-какія черты, неизвѣстныя и непонятныя прежде, но любопытныя и важныя для правильнаго пониманія эпохи и дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Если мы и теперь не знаемъ,

кто именно былъ самозванецъ, то можемъ уже догадываться, откуда онъ могъ появиться и кѣмъ могъ быть придуманъ и поддержанъ. Въ этомъ надобно видѣть большой успѣхъ историческаго знанія, возбуждающій надежду на еще бо̀льшіе успѣхи въ будущемъ. Цѣль предлагаемой статьи состоитъ въ томъ, чтобы сообщить читателю въ самомъ краткомъ очеркѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ именно то, что можетъ теперь считаться наиболѣе достовѣрнымъ и вѣроятнымъ въ исторіи перваго самозванца. При этомъ будутъ опущены всѣ тѣ подробности о самозванцѣ, которыя обыкновенно вводятся въ его популярныя жизнеописанія и потому предполагаются всѣмъ извѣстными.

Внѣшняя исторія самозванческой интриги представляется теперь въ такихъ достовѣрныхъ чертахъ. Смутные слухи о существованіи человѣка, присвоившаго себѣ имя царевича Димитрія, появились въ Москвѣ въ 1598 году, лѣтъ черезъ 6—7 послѣ кончины настоящаго царевича. Въ 1600—1601 гг. эти слухи стали безпокоить царя Бориса. Лѣтомъ 1603 года уже на самомъ дѣлѣ появился въ Рѣчи Посполитой (въ Польшѣ) «царевичъ Димитрій» и вскорѣ былъ признанъ польскимъ правительствомъ за истиннаго царевича, несмотря на то, что изъ Москвы называли его самозванцемъ и официально извѣщали, что онъ монахъ Григорій Отрепьевъ. Въ мартѣ 1604 года этотъ Димитрій сошелся съ іезуитами и 24-го апрѣля былъ присоединенъ къ католичеству, о чемъ самъ онъ и извѣстилъ папу Климента VIII торжественнымъ письмомъ на польскомъ языкѣ. Поддержанный нѣкоторыми панами, самозванецъ собралъ небольшой отрядъ польско-литовской шляхетской конницы, человѣкъ въ тысячу съ небольшимъ, вошелъ въ сношеніе съ московскимъ козачествомъ и, разсчитывая на козачью помощь, началъ походъ на Москву, переправясь черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ. Въ это же время восточнѣе, на такъ называемомъ «полѣ» или «польской (степной) украйнѣ», началось движеніе на сѣверъ ставшихъ «за царевича Димитрія» козаковъ. Самъ

Лжедимитрій, повидимому, намѣревался въ случаѣ удачи идти прямо къ Москвѣ чрезъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ. Но высланные Борисомъ воеводы успѣли укрѣпить Новгородъ-Сѣверскъ и задержали самозванца подъ его стѣнами надолго. Дальше къ сѣверу самозванецъ и не двинулся. Получая извѣстія, что на «полѣ» козаки привлекли на его сторону много пограничныхъ городковъ, самозванецъ свернулъ вправо и пошелъ-было, вмѣсто Москвы, на «польскую украйну», чтобы оттуда уже направиться на сѣверъ, обойдя войска Бориса. Но во время этого марша на востокъ московскіе воеводы настигли самозванца, разбили его на голову и гнали до Путивля, то-есть до самой московской границы. Самозванецъ едва спасся въ каменной Путивльской крѣпости; его польскія дружины потеряли въ него вѣру и разбѣжались; казалось, его затѣѣ приходилъ конецъ.

Дѣло, однако, приняло иной оборотъ, благодаря событіямъ на «полѣ», въ нынѣшнихъ курскихъ и орловскихъ мѣстахъ. Было бы слишкомъ долго останавливаться на подробномъ выясненіи тѣхъ причинъ, по которымъ населеніе этихъ мѣстъ было готово къ смутамъ. Упомянемъ вкратцѣ, что населеніе «поля», бродячее, недавно появившееся здѣсь и еще не имѣвшее хозяйственной устойчивости, составлялось, главнымъ образомъ, изъ бѣглецовъ и выходцевъ, ушедшихъ отъ крѣпостной неволи и экономическаго гнета изъ центральныхъ областей государства. Земельная политика царя Ивана Грознаго и хозяйственные пріемы частныхъ землевладѣльцевъ направлялись тогда противъ интересовъ трудовой массы, что и вызывало въ концѣ XVI вѣка усиленный выходъ рабочаго населенія изъ центра государства на восточныя и южныя окраины. Незанятыя никѣмъ черноземныя пространства «дикаго поля» давали выходцамъ пріютъ и пропитаніе, а условія кочевой или полукочевой жизни выработали особый типъ общественной организаціи — козачьи товарищества, «станицы», съ излюбленными вожаками-«атаманами». Къ оставленному государству эти товарищества

относились враждебно, приписывая свои бѣды—закрѣпощеніе и необходимость бѣгства и скитаній—землевладѣльческому классу, «лихимъ боярамъ». Когда же на московскомъ престолѣ оказался государь изъ бояръ, Борисъ Годуновъ, и когда этотъ государь сталъ достигать козачество и на «полѣ», ненависть козачества обратилась на самого главу ненавистнаго порядка—Годунова. При Годуновѣ правительственная заимка «дикаго поля», постройка здѣсь городовъ-крѣпостей, водвореніе гарнизоновъ, большая подневольная запашка «на государя» земель вокругъ новыхъ городовъ, рядъ строгостей по отношенію къ бродячему козачеству, принудительное верстанье въ службу тѣхъ, кто служить не хотѣлъ,—все это показывало козакамъ, что государство съ его крѣпостнымъ строемъ вторгается уже и на «поле», проникаетъ туда, гдѣ отъ него прежде прятались. Одна эта правительственная колонизація «поля» должна была раздражать козаковъ. Въ началѣ же XVII вѣка рядъ случайныхъ обстоятельствъ особенно усилилъ это раздраженіе. Страну постигъ трехлѣтній неурожай, и сильный голодъ выгналъ на «поле» массы брошенныхъ и прогнанныхъ хозяевами крестьянъ и дворовыхъ холоповъ, озлобленныхъ на судьбу и господъ. Репрессіи Бориса, направленныя на бояръ, по обычаю того времени, приводили къ освобожденію боярской челяди, которой некуда было дѣться, и которая шла, голодая, на то же «поле». По счету одного современника, на Украйну въ первые годы XVII столѣтія сошло болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе и, разумѣется, ненавидѣвшихъ «лихихъ бояръ» и самого Годунова. Вотъ на эту-то среду и разсчитывалъ самозванецъ, когда шелъ въ предѣлы Московскаго государства; въ ней-то и искалъ онъ опоры и содѣйствія. И, дѣйствительно, эта среда спасла его дѣло, когда онъ дрожалъ въ Путивлѣ, брошенный своими польскими «товарищами».

Призванная къ мятежу посланіями или, какъ ихъ тогда называли, «прелестными письмами» самозванца, козачья масса

возстала на Бориса, склубилась въ большіе отряды, захватила на имя царя Димитрія много городовъ на «полѣ» и двинулась на сѣверъ къ Москвѣ по разнымъ дорогамъ. Такъ какъ самъ «царь Димитрій» находился западнѣе, то, имѣя въ виду соединеніе съ нимъ, козаки и сами избирали болѣе западные пути изъ тѣхъ, которыми вообще могли пользоваться. Поэтому-то они и спѣшили занять крѣпость Кромы, находившуюся въ узлѣ многихъ нужныхъ имъ дорогъ; а занявъ Кромы, козаки оказывались въ тылу у тѣхъ московскихъ войскъ, которыя побили самозванца и собирались «добывать» его въ Путивлѣ. Понятно, что, боясь быть отрѣзанными отъ Москвы, воеводы бросили самозванца, отступили назадъ къ Кромамъ и стали ихъ осаждать. Здѣсь оказался фокусъ всѣхъ военныхъ операцій, и была рѣшена судьба компаніи. Когда 13-го апрѣля 1605 года умеръ Борисъ, его войско подъ Кромами признало самозванца истиннымъ царемъ Димитріемъ, и самозванцу оставалось только совершить торжественный переѣздъ изъ Путивля до Москвы.

Этотъ послѣдній актъ кампаніи не совсѣмъ ясенъ для историковъ, потому что измѣна войска Годуновымъ подготовлялась тайно и совершилась внезапно. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что руководили дѣломъ самые знатные изъ московскихъ бояръ — князья Шуйскіе и Голицыны. Имъ трудно было бороться съ самимъ Борисомъ, который обладалъ большимъ политическимъ талантомъ и располагалъ громадными средствами. Борисъ-правитель и Борисъ-царь былъ очень непріятенъ отборной московской знати княжескаго происхожденія; но онъ былъ для нея неодолимъ. Когда его не стало, эта знать осмотрѣлась и поняла, что династія Годуновыхъ сама по себѣ очень слаба. Пользуясь именемъ царевича Димитрія, возстановлявшаго старую вѣковую династію, бояре отвлекли войско отъ Годуновыхъ; но это еще не значило, чтобы они хотѣли доставить торжество самозванцу, въ котораго они несомнѣнно не вѣрили. Когда ихъ измѣна Годуновымъ погубила семейство Бориса,

бояре задумали не допустить самозванца воцариться и попробовали поднять на него Москву еще раньше, чѣмъ онъ въ нее въѣхалъ. Однако, эта попытка не удалась, и ея руководитель князь В. И. Шуйскій угодилъ въ ссылку.

Признанный Москвою, сопровождаемый козаками и небольшимъ отрядомъ поляковъ, самозванецъ торжественно въѣхалъ въ столицу и вѣнчался на царство. Онъ отпустилъ свое войско по домамъ, въ Украйну и на «поле», окружилъ себя стрѣльцами и наемными отрядами иноземцевъ и почти годъ правилъ Москвою и царствомъ.

Такова вкратцѣ правдивая исторія появленія и воцаренія самозванца. Изъ нея слѣдуетъ, что появился самозванецъ помимо польскаго правительства, которое, однако, тотчасъ его признало, и помимо католическаго духовенства, которое, однако, за него крѣпко схватилось. Вторженіе самозванца въ московскіе предѣлы гораздо болѣе было разсчитано на возстаніе недовольныхъ Москвою козачьихъ массъ, чѣмъ на поддержку польской власти и общества. Наконецъ, побѣда самозванцу была доставлена не польскимъ войскомъ, а именно козачьими массами и содѣйствіемъ высшей боярской знати, не желавшей повиноваться династіи Годуновыхъ. Но это высшее боярство смотрѣло на самозванца лишь какъ на орудіе борьбы съ Годуновыми, которое слѣдовало бросить, когда борьба эта окончится; а козачьи станицы, приведя на Москву «истиннаго царевича», самимъ же самозванцемъ были отправлены назадъ, какъ только самозванецъ сѣлъ на Москвѣ.

Именно этими обстоятельствами объясняется какъ непрочность власти самозванца, такъ и его скорое паденіе. Въ русской исторической литературѣ не разъ высказывался взглядъ на самозванца, какъ на богато одаренную и свѣтлую личность, которая поражала и очаровывала москвичей блескомъ своего ума и своимъ культурнымъ превосходствомъ. Основанный на одностороннихъ и поверхностныхъ отзывахъ иностранцевъ, этотъ взглядъ очень далекъ отъ правды. Самозванецъ никому въ Мо-

сквѣ не нравился и никому не могъ да и не заботился угодить. Значенія и силы боярскихъ партій и кружковъ онъ не понималъ; друзей не цѣнилъ, а враговъ раздражалъ; православнаго обряда и обычая держался не твердо, а иновѣрцевъ и иноземцевъ баловалъ и явно предпочиталъ русскимъ людямъ; самъ не отличаясь добродѣтелями и воздержаніемъ, онъ попускалъ дурные нравы вокругъ себя. Немудрено, что уже черезъ полгода послѣ его воцаренія, въ январѣ 1606 года, шелъ упорный слухъ, что на Москвѣ уже точно дознались, будто царь Димитрій не настоящій царь. Населеніе Москвы стало проявлять признаки вражды къ самозванцевымъ гостямъ, полякамъ и литвѣ, и стало «поговаривать» про самого самозванца. Начались поэтому розыски и опалы, еще болѣе раздражавшіе московское населеніе. Понятно, что, когда наиболѣе смѣлые представители знати начали готовить возстаніе противъ самозванца, народная масса послѣдовала за ними: кто желалъ свергнуть самого «разстригу»-самозванца, а кто желалъ избить и изгнать изъ Москвы тѣхъ иноземцевъ, которые окружали «разстригу» и очень надоѣли москвичамъ. Къ маю заговоръ былъ готовъ. Руководила имъ московская родовая знать, бояре; силу его составлялъ столичный гарнизонъ, ставшій почти поголовно на сторону знати, и московская толпа. Друзья самозванца и враги «лихихъ бояръ», то-есть козаки, были далеко—на своихъ украйнахъ. Самозванцевы гости и стража не были въ силахъ его защитить, — и вотъ, 17-го мая 1606 г., самозванецъ былъ убитъ, «испровергъ свою злосмрадную душу», по современному выраженію. Взамѣнъ его воцарился глава заговора, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, и сейчасъ же объявилъ, что низверженный царь былъ не кто иной, какъ монахъ Григорій Отрепьевъ.

Такимъ образомъ, и въ самомъ началѣ дѣла съ самозванцемъ, когда еще никто его не видалъ въ глаза, московское правительство объявило самозванца Григорьемъ Отрепьевымъ; и въ концѣ этого дѣла, когда самозванца успѣла узнать вся

Москва, о немъ офиціально говорилось, что это — Гришка Отрепьевъ. Можно ли удивляться тому, что въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій держалось твердое убѣжденіе, что самозванцемъ былъ Гр. Отрепьевъ? Это была, казалось, вѣками освященная истина. Но въ XIX вѣкѣ, сначала вскользь и робко, затѣмъ все настойчивѣе и смѣлѣе, стали раздаваться голоса сомнѣнія, и, наконецъ, въ 60-хъ годахъ XIX вѣка вопросъ о личности самозванца былъ поставленъ съ полною рѣшительностью. Старая традиція потеряла обязательную силу, и о происхожденіи самозванца стали судить, не стѣсняясь преданіемъ. Съ тѣхъ поръ на вопросъ о томъ, кто былъ первый самозванецъ, предлагаются въ сущности четыре отвѣта: 1) самозванецъ былъ дѣйствительно Отрепьевъ; 2) самозванецъ былъ не Отрепьевъ, а какое-то невѣдомое лицо, руководимое Отрепьевымъ; 3) самозванецъ былъ не московскій человѣкъ, а зарубежный—изъ Литвы или Польши, и, наконецъ, 4) тотъ, кого обыкновенно называютъ самозванцемъ, былъ истинный царевичъ Димитрій, спасшійся отъ покушенія на его жизнь въ Угличѣ.

Было время, когда мнѣніе или преданіе о тожествѣ самозванца и Отрепьева казалось совсѣмъ оставленнымъ. Остроумныя статьи Н. И. Костомарова («Кто былъ первый Лжедимитрій»?) и Н. М. Павлова («Правда о Лжедимитріи») показали, что, настаивая на этомъ тожествѣ, ученые попадаютъ въ большое затрудненіе, такъ какъ не все могутъ объяснить въ исторіи самозванца и его окружавшихъ лицъ. Показанія современныхъ документовъ и разсказы современниковъ о самозванцѣ и Отрепьевѣ полны противорѣчій и несообразностей, которыхъ, по мнѣнію Костомарова и Павлова, нельзя объяснить. Однако, пересмотрѣвъ всѣ эти документы и разсказы, найдя кое-что и новое, позднѣйшіе изслѣдователи все-таки не отстали отъ мысли объ Отрепьевѣ. Такъ, напримѣръ, гг. Добротворскій и Казанскій (въ журнальныхъ статьяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ) предпочитали опредѣленное имя Отрепьева не-

опредѣленнымъ гаданіямъ Костомарова и Бицына. Въ самое же послѣднее время о. П. О. Пирлингъ во многихъ своихъ статьяхъ о Смутномъ времени съ осторожностью, но опредѣленно высказываетъ мысль, что самозванецъ могъ быть всего скорѣе именно Отрепьевымъ. Такимъ образомъ, это мнѣніе еще живетъ, и съ нимъ еще слѣдуетъ считаться. Оно сильно тѣмъ, что точно опредѣляетъ извѣстную личность, взявшую на себя роль царевича Димитрія, тогда какъ мнѣніе Костомарова и Павлова,—что самозванецъ былъ не Отрепьевъ, а кто-то другой, Отрепьевъ же былъ его вожакомъ или товарищемъ,—страдаетъ неопредѣленностью и, въ сущности, вопроса не рѣшаетъ. Если не Отрепьевъ, то кто же? И на этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ, если не считать отвѣтомъ догадку, что невѣдомый самозванецъ былъ москвичъ и, повидимому, носилъ имя «инока Леонида».

Третье мнѣніе, что самозванецъ былъ родомъ не изъ Московской Руси и былъ приготовленъ къ своей роли иноземною интригою, — наиболѣе искусственное и наименѣе удачное. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ его защищаетъ г. Иловайскій (въ книгѣ «Смутное время Московскаго государства»). Онъ думаетъ, что самозванецъ былъ мелкимъ шляхтичемъ, западно-русскимъ по происхожденію и ополяченнымъ; подготовили его къ самозванству нѣкоторые польско-русскіе паны. Немногимъ лучше и тѣ мнѣнія, которыя видятъ въ самозванцѣ побочнаго сына то одной, то другой изъ знатныхъ персонъ Рѣчи Посполитой; такого рода мнѣнія отъ времени до времени слышатся въ заграничной, по преимуществу польской печати. Они настолько анекдотичны, что на нихъ нѣтъ нужды останавливаться.

Интереснѣе мнѣніе о подлинности царя Димитрія, основанное на томъ, что царевичъ Димитрій будто бы не былъ убитъ въ Угличѣ, а спасся. Въ 60-хъ годахъ такую мысль можно было уловить въ брошюрѣ В. С. Иконникова («Кто былъ первый самозванецъ?»). Въ послѣднее десятилѣтіе эта мысль воскерсла. Въ изданной ученой перепискѣ К. Н. Бестужева-Рю-

*

мина съ гр. С. Д. Шереметевымъ («Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени». Спб. 1898) есть намеки на то, что оба корреспондента вѣрятъ въ спасеніе маленькаго царевича отъ покушенія на его жизнь. Въ недавно напечатанной статьѣ гр. С. Д. Шереметева, «Отъ Углича къ морю Студеному» («Старина и Новизна», книга 7-я. Спб. 1904), дается понять, что имено къ морю Студеному могли увезти царевича изъ Углича.

Трудно сказать, чтобы какое-нибудь изъ приведенныхъ мнѣній было научно доказано. Нельзя утверждать, что самозванцемъ былъ Отрепьевъ; но нельзя также утверждать, что Отрепьевъ имъ не могъ быть. Нельзя быть увѣреннымъ, что царевичъ Димитрій не могъ спастись отъ ранней смерти; но трудно повѣрить, что его дѣйствительно спасли въ 1591 году. Такъ какъ истина отъ насъ пока сокрыта, то правильнѣе будетъ не рѣшать категорически вопроса о происхожденіи самозванца, а отмѣтить въ этомъ вопросѣ лишь тѣ частности, которыя можно считать разъясненными.

Прежде всего недавно разъяснено съ достовѣрностью, что самозванецъ былъ не только русскій человѣкъ, но русскій именно московскаго происхожденія. Въ 1898 году о. Пирлингъ нашелъ и фототипически издалъ собственноручное письмо самозванца папѣ отъ 24-го апрѣля 1604 года («Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII publiée par le P. Pierling S. J.» Paris). Письмо это, въ 60 строкъ, только переписано самозванцемъ съ польскаго оригинала, составленнаго какимъ-то польскимъ стилистомъ. И вотъ изслѣдованіе этого письма, произведенное свѣдущими людьми (С. Л. Пташицкимъ и И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ), показало, что самозванецъ привыкъ писать московскимъ письмомъ и потому писалъ польскій алфавитъ на московскій ладъ, что онъ не вполнѣ понималъ литературную польскую рѣчь, которую переписывалъ, что онъ извращалъ польскія слова, изображая ихъ такъ, какъ мысленно произносилъ ихъ по-московски. Словомъ, самозванецъ

является предъ нами достовѣрно великороссомъ, мало привыкшимъ къ польской графикѣ и языку.

Разъ это такъ, нельзя думать, что самозванству обучили его въ Польшѣ, а не въ Москвѣ. Мы знаемъ, что самозванецъ объявилъ себя раньше въ частныхъ и, прибавимъ, мало вліятельныхъ кружкахъ польскаго панства, а уже потомъ получилъ офиціальное признаніе и только полгода спустя послѣ своего объявленія попалъ въ руки іезуитовъ. Иначе бы было дѣло, если бы самозванца создала польская политическая интрига. Поэтому можно съ увѣренностью предполагать, что самозванецъ былъ подготовленъ въ Москвѣ и, разумѣется, въ боярскихъ кругахъ. Сохранилось указаніе, что при первыхъ же слухахъ о появленіи самозванца, царь Борисъ сказалъ боярамъ, что это — ихъ дѣло. Кто именно изъ бояръ былъ причастенъ къ самозванщинѣ, обнаружить нельзя; но въ видѣ догадки можно сказать, что наиболѣе родовитая княжеская знать была здѣсь ни при чемъ, о самозванцѣ ничего интимнаго не знала, въ него не вѣрила и сначала воспользовалась имъ для сверженія династіи Годуновыхъ, а затѣмъ немедля попыталась свергнуть и самого самозванца. Не успѣвъ въ этомъ сразу, она добилась своего менѣе чѣмъ черезъ годъ.

Далѣе, тщательное изученіе всѣхъ документовъ, касающихся кончины истиннаго царевича Димитрія, убѣждаетъ въ томъ, что онъ дѣйствительно умеръ въ 1591 г., и потому легенда о его чудесномъ спасеніи, вѣроятно, останется навсегда легендою. Объ Отрепьевѣ же въ послѣдніе годы получилась возможность утверждать, что онъ не могъ быть старше истиннаго царевича Димитрія болѣе, чѣмъ на годъ, на два, иначе говоря, былъ его ровесникомъ. Къ этому выводу приводятъ нѣкоторыя данныя дворянскихъ списковъ («десятенъ») XVI вѣка. Установить такое наблюденіе важно потому, что ранѣе существовало мнѣніе, будто Григорій Отрепьевъ былъ значительно старше царевича и уже потому не могъ играть его роли.

Итакъ, всего вѣроятнѣе, что самозванецъ, бывшій великороссомъ по происхожденію, былъ подготовленъ въ средѣ враждебныхъ Годунову московскихъ бояръ и ими былъ выпущенъ въ Польшу. Въ своемъ походѣ на Москву онъ получилъ поддержку въ средѣ козачества и именно козачеству былъ обязанъ военнымъ успѣхомъ. Окончательное торжество подготовила ему политика знатнѣйшаго московскаго боярства; но она же его и погубила. Польское правительство и католическое духовенство стремились воспользоваться самозванцемъ въ своихъ видахъ; но ихъ участіе въ дѣлѣ вовсе не было руководящимъ или рѣшающимъ и привело къ неудачѣ ихъ плановъ и къ гибели многихъ поляковъ и католиковъ въ московскомъ переворотѣ 17-го мая 1606 года.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

(1905).

I. Литература о земскихъ соборахъ. II. Происхожденіе земскихъ соборовъ. III. Представительство на первомъ земскомъ соборѣ. IV. Другія формы совѣщаній въ XVI вѣкѣ. V. Начало выборнаго представительства въ Московскомъ государствѣ. VI. Роль выборнаго представительства въ Смутное время. VII. Земскіе соборы Смутнаго времени. VIII. Соборъ 1613 года. IX. Земскіе соборы времени царя Михаила Өедоровича. X. Земскій соборъ 1648 года и Уложеніе. XI. Конецъ земскихъ соборовъ и ихъ замѣстители.

I.

Съ середины XVI до середины XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ рядомъ съ постоянною государевою думою, дѣйствуетъ другой совѣщательный органъ, называемый въ наукѣ «земскимъ соборомъ», а въ памятникахъ того времени «совѣтомъ всея земли», «всею землею», или просто «соборомъ». Очень давно этотъ «совѣтъ всея земли» сталъ интересовать ученыхъ изслѣдователей, и они пытались дать ему научное опредѣленіе. Нашъ извѣстный юристъ, недавно умершій Б. Н. Чичеринъ, отнесъ соборы къ тому типу сословныхъ представительныхъ собраній, который развился въ средневѣковыхъ европейскихъ государствахъ и исчезъ съ усиленіемъ монархическаго начала въ концѣ среднихъ вѣковъ [1]). Полную парал-

---

[1]) *Б. Н. Чичеринъ.* О народномъ представительствѣ. М. 1866. (Второе изданіе: М. 1899).

лель нашихъ соборовъ съ западно-европейскими сословными собраніями старался установить В. И. Сергѣевичъ, полагавшій, что и причины возникновенія соборовъ на Руси были одинаковы съ причинами, породившими сословныя собранія на западѣ: и тамъ и здѣсь народное представительство служило орудіемъ государственнаго объединенія. Монархическая власть въ своей объединительной дѣятельности искала опоры себѣ въ сословіяхъ и созывала на совѣтъ ихъ представителей; когда же объединеніе достигалось, тогда необходимость въ такой опорѣ упразднялась, и сословныя собранія исчезали изъ практики [1]). Но въ то время, какъ Чичеринъ смотрѣлъ отрицательно на политическое значеніе московскихъ соборовъ и думалъ, что они исчезли «просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества», проф. Сергѣевичъ наблюдалъ въ соборахъ «условія жизненности». По его словамъ, «въ патріотической дѣятельности ихъ (то-есть соборовъ) московскіе государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ закона и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ». Самъ г. Сергѣевичъ это стороннее вліяніе приписывалъ московскимъ боярамъ. Взглядъ г. Сергѣевича былъ принятъ послѣдующими изслѣдователями соборовъ, и среди нихъ стало господствовать желаніе возможно полнѣе представить дѣятельность соборовъ и возможно яснѣе доказать ихъ жизнеспособность. Первой цѣли думали достигнуть тѣмъ, что въ изложеніе исторіи соборовъ включали не только дѣйствительные соборы, но и всѣ тѣ явленія московской жизни, въ которыхъ желали видѣть ту или иную форму «обращенія къ народу», или же проявленіе «соборнаго начала». Такимъ способомъ создано было понятіе о соборахъ «неполныхъ» и «фиктивныхъ», иначе говоря, о со-

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ.* Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ («Сборникъ Государственныхъ Знаній», т. II, Спб. 1875).

борахъ, которые вовсе не были соборами. Внѣшняя исторія соборовъ, благодаря этому, стала запутанной и сбивчивой и не давала (напримѣръ, въ наиболѣе «полномъ» изложеніи г. Латкина) [1]) никакого понятія о внутреннемъ развитіи изучаемаго учрежденія. Второй цѣли думали достигнуть тѣмъ, что доказывали активную роль соборовъ въ строеніи государственнаго порядка и не считали возможнымъ представлять ихъ «чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ» при монархѣ. Но такъ какъ ограничительнаго значенія соборы явно не имѣли, то оставалось утверждать, что ихъ роль была велика, но точно не опредѣлима, и что въ основѣ соборовъ «лежалъ фактъ, а не право». Это утвержденіе редактировалось иногда и иначе, словами извѣстнаго славянофила К. С. Аксакова, говорившаго, что на соборахъ «отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія» [2]). Подобными формулами правовое значеніе соборовъ, конечно, не могло быть точно выяснено; но существенно важная роль соборовъ въ жизни государства все-таки была показана.

Новый періодъ въ изученіи нашихъ соборовъ насталъ тогда, когда появились труды М. Ф. Владимірскаго-Буданова («Обзоръ исторіи русскаго права») и В. О. Ключевскаго («Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси») [3]). Первый изъ этихъ ученыхъ съ чрезвычайною точностью и ясно-

---

[1]) Земскіе соборы древней Руси. *В. Латкина* (Спб. 1885).

[2]) Исторія права Московскаго государства. *Н. П. Загоскина.* Томъ I, Казань, 1877, стр. 336 и слѣд. Полное собраніе сочиненій *К. С. Аксакова.* Т. I, М. 1861, стр. 150, 296 (по второму изданію: М. 1889, стр. 147, 283).

[3]) Первыя два изданія «Обзора» проф. Владимірскаго-Буданова появились въ 80-хъ годахъ, третье—въ 1900 году. Статьи проф. Ключевскаго напечатаны въ «Русской Мысли» 1890 г. (январь), 1891 г. (январь) и 1892 г. (январь). Онѣ, съ сожалѣнію, не окончены; нѣкоторымъ продолженіемъ ихъ могутъ служить страницы 377—379 третьяго изданія книги г-на Ключевскаго «Боярская дума древней Руси» (М. 1902).

стью мысли подвергъ критикѣ выводы своихъ предшественниковъ въ изученіи соборовъ, далъ правильное опредѣленіе самаго понятія о земскомъ соборѣ, бросилъ новый свѣтъ на обстоятельства происхожденія и прекращенія соборной практики, представилъ впервые строго научный обзоръ дѣятельности соборовъ и ихъ компетенціи,—словомъ, далъ прекрасный очеркъ изучаемаго учрежденія, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ ученой критики. Немногимъ позже В. О. Ключевскій поставилъ заново вопросъ о составѣ представительства на земскихъ соборахъ и пришелъ къ выводу, что въ XVI вѣкѣ московская жизнь не знала еще выборнаго представительства въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его себѣ теперь представляемъ. На соборахъ XVI в. «изъ городовъ выборъ» могъ и не означать выбранныхъ мѣстными обществами представителей; составъ представителей опредѣлялся самимъ московскимъ правительствомъ, которое звало на совѣщаніе тѣхъ провинціальныхъ людей, которыхъ оно само знало и считало способными судить о мѣстныхъ нуждахъ и взглядахъ, хотя никто ихъ къ тому и не выбиралъ и не уполномочивалъ. Мысль о выборномъ сословномъ представителѣ, уполномоченномъ представлять на соборѣ нужды и желанія своихъ избирателей, выработалась среди смуты, въ началѣ XVII в., и соборы при государяхъ новой династіи сложились уже по иному типу. Этотъ выводъ В. О. Ключевскаго, принятый затѣмъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ, открылъ смыслъ внутренняго развитія въ жизни соборовъ. Въ исторіи соборовъ обнаружено было извѣстное движеніе, и старый взглядъ, что соборы не пережили своей зачаточной фазы, былъ окончательно осужденъ.

Предлагаемая статья имѣетъ своею цѣлью, воспользовавшись накопившимся въ нашей наукѣ матеріаломъ, представить въ возможно краткомъ очеркѣ изложеніе того, какъ возникли соборы, какія внутреннія перемѣны въ нихъ произошли за время ихъ столѣтняго существованія и какія причины повели къ прекращенію соборовъ. Краткій очеркъ внутренней исторіи собо-

ровъ имѣетъ въ виду познакомить читателя съ самымъ существеннымъ и любопытнымъ въ жизни изучаемаго учрежденія— съ внутреннимъ ростомъ соборной практики и съ обстоятельствами ея паденія.

II.

Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагался изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ «совѣта всея земли» входилъ *освященный соборъ* русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патріархомъ во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ группъ соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась *боярская дума*, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свою «старину и пошлину». Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ-третьихъ, въ составъ земскаго собора входили *земскіе люди*, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ «совѣтъ всея земли». Безъ земскихъ людей «соборъ» изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою «всю землю» и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ-либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это—не «земскій соборъ», а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей

есть необходимое условіе для земскаго собора; «отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ» (слова проф. Владимірскаго-Буданова).

Соединеніе въ одномъ совѣщаніи думы и духовнаго собора было исконнымъ древнерусскимъ обычаемъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной практики и церковной жизни государь съ своимъ «синклитомъ» и митрополитъ (позже—патріархъ) «со властями» (такъ назывались іерархи) сходились вмѣстѣ и сообща обсуждали предлежащее дѣло. Вопросъ о времени происхожденія земскихъ соборовъ есть въ сущности вопросъ о томъ, когда именно къ экстреннымъ совѣщаніямъ «властей» и бояръ стали призываться новые совѣтники—«всякихъ чиновъ люди», взятые изъ среды управляемаго общества. Такъ поставленный вопросъ избавляетъ насъ отъ необходимости разсуждать о томъ, были ли земскіе соборы продолженіемъ и замѣною вѣча, или не были. Всѣ серьезнѣйшіе изслѣдователи сошлись на одномъ мнѣніи, что между вѣчемъ и соборомъ нѣтъ непосредственнаго реальнаго преемства. Шумъ вѣчевыхъ собраній затихъ на Руси раньше, чѣмъ созрѣлъ и окончательно сложился тотъ политическій порядокъ, котораго плодомъ и выраженіемъ были земскіе соборы. Вмѣсто того, чтобы выслѣживать пережитки вѣчевыхъ традицій въ позднѣйшую пору московскихъ порядковъ, основательнѣе будетъ посмотрѣть, не было ли въ древнѣйшія времена чего-либо напоминающаго земскій соборъ, то-есть совѣщаній княжескихъ бояръ и церковныхъ властей съ представителями земщины. Если бы мы нашли такія совѣщанія, то для насъ были бы обнаружены родоначальники изучаемыхъ нами соборовъ и намъ стало бы понятно, что соборы идутъ не отъ вѣчевыхъ традицій, а отъ иной формы княжескаго народосовѣтія.

Мы не будемъ долго останавливаться на извѣстіи лѣтописи подъ 1096 годомъ о томъ, что князья, враждовавшіе съ Ольгомъ Святославичемъ, звали его на миръ такими словами: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець

нашихъ и предъ людми градьскыми». Въ этомъ перечнѣ нельзя, конечно, видѣть ни вѣча, ни земскаго собора. Ученые согласны въ томъ, что это — совѣщаніе «властей» и думы, къ которому предполагалось привлечь «градскихъ людей», то-есть тѣхъ «старѣйшинъ», которые тогда постоянно призывались въ княжескія совѣщанія. Интересно здѣсь, однако, установить, что и въ эпоху вѣчевыхъ собраній существовали такія независимыя отъ вѣча формы совѣщаній, въ которыхъ правительственный элементъ сходился съ земскимъ. Для насъ гораздо важнѣе извѣстіе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ подъ 1211 г. о томъ, какъ великій князь Всеволодъ укрѣпилъ за своимъ вторымъ сыномъ Юріемъ, мимо старшаго сына Константина, городъ Владиміръ. «Князь великій Всеволодъ», говоритъ лѣтописецъ, «созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоана и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ». На первый взглядъ, здѣсь дѣйствуетъ прямой земскій соборъ: и бояре, и «власти», и «вси люди», при чемъ на совѣтъ созваны даже лица «съ городовъ и волостей». И. Е. Забѣлинъ, поддаваясь первому впечатлѣнію, написалъ прямо: «былъ созванъ земскій соборъ, первый по времени (1211 г.)» [1]. Но свойства приведеннаго извѣстія таковы, что заставляютъ быть осторожными въ выводѣ. Прежде всего, не во всѣхъ лѣтописяхъ дѣло изложено одинаково: есть разсказъ о данномъ дѣлѣ, по которому передача Владиміра Юрію была рѣшена по совѣту однихъ бояръ и епископа. На основаніи этого послѣдняго разсказа проф. Ключевскій склоненъ думать, что при Всеволодѣ не было «всесословнаго собора или земскаго вѣча, ни законодательнаго, ни совѣщательнаго» [2]. На это можно было

[1]) *И. Е. Забѣлинъ.* Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія («Историч. Вѣстникъ», 1881, февраль, стр. 256—257).

[2]) *В. О. Ключевскій.* Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М. 1902, стр. 46.

бы замѣтить, что въ двухъ лѣтописныхъ разсказахъ переданы два разныхъ момента дѣла: сначала съ епископомъ и боярами князь выработалъ рѣшеніе («много совѣтоваша о семъ»); затѣмъ на общемъ соборѣ это рѣшеніе получило окончательную санкцію («*да* сыну своему Юрью»). Но въ извѣстіи о соборѣ все-таки есть нѣчто сомнительное. Оно слишкомъ исключительно для данной эпохи, слишкомъ одиноко: въ лѣтописномъ матеріалѣ удѣльнаго періода не встрѣчается извѣстій, съ нимъ однородныхъ. Невольно является мысль, не перенесъ ли редакторъ даннаго лѣтописнаго свода въ изображаемую эпоху черты своего времени? Онъ работалъ въ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV: въ его пору скорѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ, могли существовать совѣщанія, подобныя тому, какое онъ изобразилъ въ 1211 году [1]). Мы знаемъ, что въ 1471 году, предъ походомъ на Новгородъ, Иванъ III «разосла по всю братію свою и по *вся* епископы земли своея, и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по *вся воя* своя, и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И *мысливше* о томъ *не мало* и конечное положыша упованіе на Господа Бога. И князь великій пріемъ благословеніе отъ митрополита... и отъ *всего священнаго собора* и начатъ вооружатися ити на нихъ; такоже и братіа его, и вси князи его и бояря, и воеводы и *вся воя* его». Въ этихъ словахъ предъ нами рисуется картина многолюднаго совѣщанія. Въ немъ участвуетъ «весь священный соборъ», затѣмъ дума («князи и бояря») и, сверхъ того, «воеводы и вся воя», то-есть та служилая среда, которая не входила въ составъ постояннаго государева совѣта. Если даже не

---

[1]) Въ этомъ извѣстіи Воскресенскаго и лицевого Никоновскаго сводовъ сомнительно для XIII вѣка упоминаніе «дворянъ» послѣ «купцовъ». Терминъ «дворяне», обычный въ московское время, рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ болѣе раннихъ эпохъ; но и въ нихъ онъ означаетъ княжескихъ слугъ, упоминанія о которыхъ мы ждали бы прежде упоминанія о купцахъ.

вѣрить разсказу о соборѣ 1211 г. и считать, что онъ редактированъ лѣтописцемъ позднѣйшимъ, то разсказъ о 1471 годѣ заставляетъ насъ повѣрить тому, что въ XV вѣкѣ Московская Русь знала уже форму народосовѣтія, близкую къ нашему опредѣленію земскаго собора. Правда, земскіе люди на совѣтѣ 1471 года представлены только воеводами и «воями», то-есть одними служилыми людьми; но мы увидимъ, что таково или почти таково было представительство и на первыхъ, точно намъ извѣстныхъ, земскихъ соборахъ XVI столѣтія. Таковъ былъ земскій элементъ и на знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ 1551 года, гдѣ вмѣстѣ съ духовными отцами сидѣли «князи и боляре и воини». Царь Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ участникамъ этого собора, взывалъ не къ одному духовенству: «весь священный соборъ (говоритъ онъ) и иноцы и прочіи вси Божіи молебницы, такоже и братія моя вси любиміи мои князи, и боляре и воини, и все православное христіанство, помогайте ми и пособствуйте вси единодушно вкупѣ!» Присутствіе на Стоглавомъ соборѣ свѣтскихъ чиновъ, и, повидимому, не однихъ думныхъ, заставило такого осторожнаго изслѣдователя, каковъ былъ покойный проф. И. Н. Ждановъ, признать этотъ соборъ «церковно-земскимъ» [1]). Къ тому же заключенію ведетъ и программа занятій Стоглаваго собора, выходившая изъ сферы собственно церковныхъ вопросовъ въ область государственно-земскую.

Представленные здѣсь примѣры правительственныхъ собраній, въ составъ которыхъ входили, сверхъ обычныхъ освященнаго собора и боярской думы, еще совѣтники изъ управляемаго общества, показываютъ намъ, гдѣ намъ надобно искать

---

[1]) Объ излагаемыхъ извѣстіяхъ см.: *М. А. Дьяконовъ*. Нѣсколько словъ по поводу новаго историко-юридическаго изслѣдованія (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1885 г. № 3, стр. 173—185) и *И. Н. Ждановъ*. Церковно-земскій соборъ 1551 года (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 г., февраль; перепечатано въ «Сочиненіяхъ И. Н. Жданова», томъ I, Спб. 1904).

предшественниковъ земскихъ соборовъ. Ими были не вѣча, а соединенныя собранія «властей» и бояръ съ участіемъ въ нихъ приглашенныхъ со стороны постороннихъ лицъ. Если бы удалось показать, что эти постороннія лица были изъ разныхъ общественныхъ классовъ и почитались за представителей «всея земли», можно было бы говорить, что мы знаемъ земскіе соборы еще въ XV вѣкѣ и что ихъ возникновеніе, пожалуй, позволительно возводить и на два вѣка далѣе, въ самое начало удѣльной поры. Но въ томъ-то и дѣло, что представительный элементъ въ разсмотрѣнныхъ собраніяхъ слишкомъ неопредѣленъ и случаенъ. Поэтому никто изъ ученыхъ и не рѣшается начать исторію земскихъ соборовъ ранѣе XVI столѣтія. Разсматривая же болѣе ранніе примѣры совѣщаній широкаго состава, ученые (И. Н. Ждановъ и В. О. Ключевскій) подмѣчаютъ, что доминирующее въ нихъ положеніе занимаетъ освященный соборъ, и потому ставятъ вопросъ: «Не имѣлъ ли вліянія, какъ примѣръ и образецъ, на зарожденіе мысли о земскомъ соборѣ и на самую его организацію совѣтъ іерарховъ?» «Это вліяніе болѣе, чѣмъ вѣроятно (говоритъ В. О. Ключевскій), только трудно опредѣлить его степень и указать его слѣды». «Земскій соборъ (говоритъ И. Н. Ждановъ) появляется въ Московскомъ государствѣ какъ будто незамѣтно; учрежденіе это выростаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ» [1]). Ходъ мысли нашихъ изслѣдователей, очевидно, таковъ. Освященный соборъ у насъ съ глубокой древности былъ благоустроеннымъ, канонически опредѣленнымъ, учрежденіемъ. Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали государственное значеніе. Сходясь въ такихъ случаяхъ съ «властями» въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государя, его дума, уступали «властямъ» первое мѣсто

[1]) *В. О. Ключевскій* въ «Русской Мысли», 1892 г., I, стр. 143; *И. Н. Ждановъ* въ «Истор. Вѣстникѣ», 1880 г., II, стр. 302, и въ «Сочиненіяхъ», т. I, стр. 368.

и подпадали дѣйствію тѣхъ порядковъ, какими былъ давно крѣпокъ соборъ «властей». Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній «властей» и думы — подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было призваніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ.

Таковъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникли внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изо «всѣхъ людей».

III.

Поэтому-то земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ и появились «какъ будто незамѣтно» (по выраженію проф. Жданова). Первый земскій соборъ, отъ котораго дошелъ до насъ документъ съ точными свѣдѣніями о составѣ собора и его предметѣ, былъ соборъ 1566 года. Составъ его, какъ увидимъ, весьма близокъ къ составу тѣхъ совѣщаній, которыя мы только-что наблюдали, и весьма мало походитъ на позднѣйшіе, болѣе благоустроенные земскіе соборы XVII столѣтія. По типу своему этотъ земскій соборъ есть нѣчто промежуточное между старымъ совѣщаніемъ широкаго состава и представительнымъ собраніемъ позднѣйшимъ.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что, начиная нашу рѣчь о соборахъ соборомъ 1566 года, мы забываемъ знаменитый «соборъ» 1550 года, на которомъ Грозный искалъ примиренія между «землей» и боярами, собравъ «свое государство изъ городовъ всякого чину» и лично обѣщавъ народу правый судъ и оборону. Именно этимъ соборомъ прежде и начинали исторію земскихъ соборовъ на Руси. Въ особыхъ обстоятельствахъ со-

званія этого собора искали объясненія причинъ возникновенія соборовъ вообще. Верховная власть искала будто бы въ земскомъ представительствѣ опоры противъ боярства съ его бюрократическими злоупотребленіями. Приведенная Карамзинымъ рѣчь Грознаго, произнесенная земскому собору на Красной площади съ Лобнаго мѣста, въ сѣни хоругвей, въ окруженіи духовенства и бояръ, легла въ основаніе яркой психологической характеристики Грознаго, данной славянофилами. Вообще моментъ перваго обращенія царя къ народу въ 1550 году признавался столь важнымъ и знаменательнымъ, что даже попалъ въ учебники. Тѣмъ досаднѣе необходимость разоблачить истину. Разсказъ объ обращеніи царя къ народу на Лобномъ мѣстѣ находится всего въ одной лишь рукописи, въ такъ называемой Степенной книгѣ Андрея Хрущова, и составляетъ въ ней позднѣйшую вставку, сочиненную въ концѣ XVII вѣка или началѣ XVIII-го, на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ пособій. Это— вымыселъ, которому нельзя вѣрить, потому что онъ произволенъ и даже не всегда искусенъ. Если тщательно разобраться въ обстоятельствахъ дѣла [1]), то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что въ 1550 году не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ «землей» и никакой рѣчи на Красной площади къ людямъ «изъ городовъ всякого чину». Гражданскія реформы, которыми былъ занятъ тогда Грозный и о которыхъ онъ говорилъ Стоглавому собору, были обсуждаемы и рѣшаемы на совѣщаніяхъ стараго порядка съ «властями», боярами и «воинами». Дѣятельность этихъ совѣщаній хорошо освѣщена въ талантливыхъ статьяхъ покойнаго проф. Жданова, который, не зная еще о подложности разсказа Хрущовской книги, тѣмъ не менѣе ставилъ знаменитую рѣчь Грознаго народу въ рядъ второстепенныхъ и несущественныхъ эпизодовъ преобразовательной дѣятельности Грознаго, и писалъ еще четверть вѣка

---

[1]) Это сдѣлано въ статьѣ *П. Г. Васенко* «Хрущовскій списокъ Степенной книги» (въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1903, апрѣль).

назадъ: «До 1566 года мы не встрѣчаемъ указаній на созваніе земскаго собора».

Итакъ, первый достовѣрный земскій соборъ — это соборъ 1566 года. Отъ него до насъ дошелъ «приговорный списокъ» съ именами участниковъ собора и съ изложеніемъ соборныхъ мнѣній и, кромѣ того, лѣтописная запись о соборномъ приговорѣ. Сопоставленіе обоихъ документовъ ведетъ къ точнымъ заключеніямъ о составѣ собора и его дѣятельности [1]). Созванъ былъ соборъ для того, чтобы обсудить желательныя и возможныя условія мира съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Въ составъ собора вошелъ освященный соборъ безъ митрополита («а митрополита у того приговора не было, что Ѳеонасей митрополитъ въ то время митрополію оставилъ»); духовные отцы этого собора подали особое отъ другихъ чиновъ мнѣніе «всѣ соборнѣ» и подписали соборный приговоръ, архіереи же сверхъ того приложили свои печати къ приговору. Затѣмъ въ составъ собора вошла государева дума («всѣ бояре»), въ коей сверхъ боярскихъ чиновъ поименованы государевы казначеи и дьяки. Отъ бояръ послѣдовало также особое по дѣлу мнѣніе. Далѣе въ составѣ собора поименованы: «дворяне первая статья» 97 человѣкъ), «дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи» (99 человѣкъ), «Торопецкіе и Луцкіе помѣщики» (9 человѣкъ служилыхъ людей изъ Торопца и Великихъ Лукъ), «діаки и приказные люди» (33 человѣка). Всѣ эти группы можно разсматривать, какъ представителей служилаго класса. Наконецъ, на соборѣ были «гости и купцы и Смолняне» (всего 75 человѣкъ), о которыхъ лѣтопись дважды выражается: «гости и купцы и *всѣ торговые* люди». Въ этой группѣ надлежитъ видѣть представителей торгово-промышленнаго класса, ставшаго наверху «тяглыхъ», то-есть податныхъ слоевъ московскаго населенія. Если бы этой послѣдней группы не значилось въ числѣ участниковъ собора,

---

[1]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, I, № 192; Русская Историческая Библіотека, III, стр. 277—278.

мы имѣли бы полное основаніе отнести соборъ къ числу совѣщаній стараго типа, въ которыхъ къ «властямъ» и думѣ присоединялись одни «воины», то-есть служилые люди. Только участіе въ совѣтѣ новаго элемента, «всѣхъ торговыхъ людей», выдѣляетъ этотъ совѣтъ изъ ряда предшествующихъ совѣщаній XV—XVI вѣковъ. Тѣмъ болѣе близокъ соборъ 1566 года къ старымъ соборамъ, что на немъ мы не видимъ *выборнаго* представительства: нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что земскіе представители явились на соборъ въ силу общественнаго выбора. Самыя обстоятельства той минуты, когда былъ созванъ соборъ, косвенно указываютъ на то, что какъ будто и не было времени требовать и ждать выборныхъ отъ провинцій. Соборъ собрался для обсужденія обстоятельствъ, которыя выяснились въ переговорахъ съ литовскими послами, прибывшими въ Москву. Переговоры происходили 17—25-го іюня; соборъ состоялся 28-го іюня; его приговоръ былъ составленъ 2-го іюля; приговоры съ послами продолжались съ 5-го іюля [1]). Въ такіе промежутки времени нельзя было и думать о созывѣ выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ государства. Очевидно, на соборъ были призваны, въ качествѣ земскихъ представителей, только тѣ дворяне и торговые люди, которые были, такъ сказать, подъ рукою, въ самой Москвѣ.

Однако, если на соборѣ не было выборнаго представительства, все-таки нельзя считать составъ собора случайнымъ. Вѣдь было же

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 71, стр. 336 и слѣд. (Посольство пановъ Хоткевича и Тишкевича). Послы пріѣхали въ Москву 30-го мая (стр. 316); переговоры начались 9-го іюня (стр. 353), но получили дѣловой характеръ не ранѣе 17-го іюня, когда бояре съ государемъ приговорили вести дѣло не къ вѣчному миру, а къ перемирію (стр. 377 и 380). Именно о возможныхъ условіяхъ этого перемирія и шла рѣчь на земскомъ соборѣ, какъ это видно изъ боярскаго отвѣта на соборѣ. См. *М. Клочкова* «Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 г.» (въ «Вѣстникѣ Права», 1904, ноябрь); авторъ не совсѣмъ точно указываетъ на перерывъ переговоровъ до 12-го іюля.

какое-нибудь основаніе, по которому изо всей массы служилаго люда, бывшаго въ Москвѣ, на соборъ позвали съ небольшимъ двѣсти человѣкъ, а изъ торгово-промышленнаго населенія Москвы всего 75 человѣкъ. Такое основаніе обнаружено и указано проф. Ключевскимъ. Не прибѣгая къ выборному началу въ устройствѣ представительства, московское правительство все же желало слышать голосъ «всея земли», и само позвало на соборъ совѣтниковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли представлять собою различныя мѣстности страны и разные слои населенія. В. О. Ключевскій приходитъ къ догадкѣ, что «дворянскихъ представителей подбирали на соборъ, между прочимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья и къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ (ранѣе перевода на службу въ самую Москву)». Иначе говоря, человѣка, служившаго въ Москвѣ, звали на соборъ не спроста, а потому, что онъ имѣлъ ту или иную связь съ какою-либо областью и могъ за нее представительствовать на соборѣ. Равнымъ образомъ изъ торгово-промышленнаго класса были позваны на соборъ, по словамъ В. О. Ключевскаго, «сосредоточенные въ столицѣ мѣстные капиталисты»; но это высшее столичное купечество, собранное въ Москву со всей страны, представляло на соборѣ всѣ низшіе слои своего класса, и московскіе, и провинціальные, почему лѣтопись и называетъ его «*всѣми* торговыми людьми». Мы не будемъ останавливаться на изложеніи того метода, которымъ проф. Ключевскій пришелъ къ своему цѣнному выводу, но отмѣтимъ, что этотъ выводъ даетъ намъ новую точку зрѣнія на соборъ 1566 года. Прежде этотъ соборъ считался неполнымъ въ томъ смыслѣ, что на немъ была представлена не вся земля, а столица да два-три провинціальныхъ города; зато бывшіе на соборѣ представители считались выборными, каждый отъ своего чина и мѣста. Теперь мы отрицаемъ присутствіе выборнаго начала на этомъ соборѣ, но признаемъ, что призванные на соборъ общественные представители были подобраны

такъ, что представляли собою въ глазахъ правительства цѣлые десятки уѣздовъ и городовъ и всѣ важнѣйшіе «чины» свободнаго населенія государства. Поэтому соборъ и можетъ почитаться «земскимъ», представляющимъ собою «всю землю». Только въ соборномъ представителѣ надлежитъ видѣть, по выраженію г. Ключевскаго, «не столько *уполномоченнаго* какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько *призваннаго* правительствомъ отъ такой корпораціи». «Соборъ 1566 г. (продолжаетъ г. Ключевскій) былъ въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами». Въ этомъ отношеніи, прибавимъ мы, соборъ 1566 года совершенно походилъ на старыя совѣщанія XV—XVI вв., на которыхъ являлись въ качествѣ экстренныхъ совѣтниковъ представители мѣстной администраціи. Отличался же соборъ 1566 года отъ старыхъ совѣщаній тѣмъ, что имѣлъ общеземскій характеръ. Впервые мы видимъ на немъ опытъ представительства—хотя бы и своеобразный опытъ—за всю страну и за всѣ классы свободнаго населенія. Въ этомъ-то и заключается важное значеніе собора 1566 г. въ исторіи земскихъ соборовъ.

IV.

Другихъ соборовъ такого же состава, какъ соборъ 1566 года, мы въ царствованіе Грознаго болѣе не видимъ. Зато можемъ указать, что старая форма совѣщаній «властей» съ «синклитомъ» не была забыта. Соборъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ 1580 года имѣлъ именно такую форму. Съ царемъ Иваномъ и съ царевичемъ Иваномъ митрополитъ Антоній «со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ» уложили свой приговоръ по дѣлу. Такое же соединеніе высшихъ учрежденій, собора и синклита, произошло тотчасъ послѣ смерти Грознаго, когда его преемникъ, царь Θеодоръ и митрополитъ Діонисій 28-го іюля 1584 г. уложили, «чтобъ

впередъ тарханомъ не быти» [1]). Для насъ важно отмѣтить, что вѣковой обычай «смѣстныхъ» засѣданій «властей» и бояръ по важнѣйшимъ государственнымъ и церковнымъ дѣламъ не былъ вытѣсненъ изъ жизни новою формою земскаго собора. Мы увидимъ, что въ XVII вѣкѣ значеніе этого вѣкового обычая какъ бы воскресло съ новою силою, и послѣ 1653 г. соборы «властей» и бояръ замѣнили собою вышедшіе изъ обычая земскіе соборы.

Съ другой стороны, намъ важно отмѣтить въ эпоху Грознаго существованіе еще одного типа совѣщаній, примѣненнаго при обсужденіи вопроса о лучшемъ способѣ обороны южной границы государства отъ набѣговъ татаръ. Извѣстно, что все лѣто 1570 года татары безпокоили южную Московскую украйну, и отношенія Москвы и Крыма испортились. Подъ вліяніемъ татарскихъ угрозъ московское правительство поставило себѣ задачею «поустроити станицы и сторожи», то-есть привести въ порядокъ и улучшить ту сѣть сторожевыхъ разъѣздовъ и неподвижныхъ наблюдательныхъ постовъ, которая давно была раскинута на южной украйнѣ государства и оказывалась теперь не вполнѣ состоятельной. Дѣло было поручено боярину князю М. И. Воротынскому. Въ началѣ января 1571 года онъ потребовалъ себѣ «прежніе списки» сторожевыхъ постовъ и разъѣздовъ и распорядился вызвать изъ южныхъ городовъ въ Москву опытныхъ въ сторожевой службѣ лицъ, «которые прежъ сего ѣзживали (сторожить по украйнѣ) лѣтъ за десять или за пятнадцать». Эти лица, «изъ всѣхъ украинныхъ городовъ дѣти боярскіе, станичники и сторожи и вожи, въ генварѣ, а иные въ февралѣ къ Москвѣ всѣ съѣхались». О нихъ было доложено государю, и онъ велѣлъ Воротынскому ихъ «распросити» и съ ними составить новый планъ сторожевой охраны границъ. Въ

---

[1]) Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, № 200 и № 202 «Тарханы»—льготы, принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ въ сферѣ податей и повинностей.

исполненіе этого приказа Воротынскій «съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и съ станичники и съ вожи (то-есть съ проводниками)» въ февралѣ 1571 года постановилъ рядъ «приговоровъ», опредѣлявшихъ новый порядокъ сторожевой службы, мѣста расположенія наблюдательныхъ пунктовъ («сторожъ») и маршруты сторожевыхъ разъѣздовъ («станицъ»). Возникавшіе при этой технической работѣ административные вопросы передавались боярской думѣ, которая и разрѣшала ихъ своими «приговорами» [1]). Такимъ порядкомъ выработанъ былъ цѣлый сводъ правилъ украинной службы, цѣлесообразность которыхъ была оправдана дальнѣйшимъ ходомъ событій на украйнѣ. Въ этой любопытной комиссіи знатоковъ пограничныхъ мѣстъ и сторожевой службы мы имѣемъ примѣръ обращенія правительства къ свѣдущимъ людямъ за техническими свѣдѣніями и совѣтомъ въ дѣлѣ ихъ спеціальности. Свѣдущіе люди, призванные въ Москву, дѣйствуютъ подъ руководствомъ боярина и находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи боярской думы. Попадаютъ они въ составъ комиссіи по выбору и указанію правительства, а не вслѣдствіе полномочій отъ мѣстныхъ корпорацій.

Итакъ, рядомъ съ новою формою народосовѣтія, земскимъ соборомъ, въ XVI вѣкѣ существовали старые «соборы» духовныхъ властей съ боярами и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ. Всѣ эти три вида совѣщаній перешли и въ XVII вѣкъ. Ни въ одномъ изъ нихъ практика XVI столѣтія не выработала выборнаго представительства, и участники этихъ совѣщаній приходили на совѣтъ не уполномоченные тѣми земскими мірами, которые они иногда представляли въ глазахъ призвавшаго ихъ правительства.

Начало выборнаго представительства стало примѣняться въ московскомъ обществѣ только на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, а первые его твердые опыты заставило произвести Смутное время.

---

[1]) Документы, относящіеся къ этому дѣлу, изданы въ «Актахъ Московскаго Государства», т. I (Спб. 1890), №№ 1—14.

V.

Первыхъ представителей по выбору мѣстныхъ обществъ проф. Ключевскій видитъ на земскомъ соборѣ 1598 года, избравшемъ въ цари Бориса Годунова. Составъ этого собора г. Ключевскій признаетъ однороднымъ съ составомъ собора 1566 года по основанію представительства и значенію представителей, въ огромномъ большинствѣ призванныхъ, а не избранныхъ на соборъ. Но въ массѣ представителей, явившихся на соборъ въ силу своего должностного положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій, г. Ключевскій различаетъ группу дворянъ, названныхъ въ перечнѣ соборныхъ участниковъ общимъ наименованіемъ «изъ городовъ выборъ». Ихъ всего 34. Слово «выборъ» въ приложеніи къ служилымъ людямъ тогда могло значить не «выборные отъ городского дворянства», а «отборные изъ состава городскихъ дворянъ». Нѣкоторое число такихъ «отборныхъ» дворянъ призывалось въ то время изъ городовъ на постоянную столичную службу на срокъ до трехъ лѣтъ. Именно такіе «отборные», а не выборные, и могли разумѣться въ соборномъ спискѣ. Однако, проф. Ключевскій рядомъ соображеній приводитъ читателя къ выводу, что эти 34 человѣка «были выборные депутаты провинціальнаго дворянства, а не провинціальные дворяне выборнаго чина, прямо призванные на соборъ по должностному положенію, какое они занимали въ минуту призыва. Можно признать этотъ выводъ за правильный, и тогда можно повторить за г. Ключевскимъ, что «присутствіе выборныхъ представителей впервые становится замѣтно на послѣднемъ земскомъ соборѣ XVI вѣка и первымъ классомъ, которому досталось такое представительство, было провинціальное дворянство». Но можно и усомниться въ томъ, что въ Москвѣ въ 1598 году, составляя соборъ изъ 500 человѣкъ по старому принципу должностного представительства, предоставили новое право быть выборными представителями всего

тремъ десяткамъ провинціальныхъ дворянъ. Въ случаѣ такого сомнѣнія придется отодвинуть возникновеніе выборнаго представительства у дворянъ всего на семь лѣтъ позднѣе. Интересъ, какой для насъ представляетъ въ настоящую минуту соборъ 1598 года, заключается не въ этомъ вопросѣ о порядкѣ представительства, а въ томъ, что изслѣдованіе В. Ѳ. Ключевскаго окончательно установило правильность организаціи земскаго собора 1598 года. Въ прежнее время историки (И. Д. Бѣляевъ, Н. И. Костомаровъ) съ легкимъ сердцемъ объявляли этотъ соборъ игрушкою въ рукахъ Бориса и недостойною комедіей; теперь г. Ключевскій доказалъ, что «въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ». Если вѣрить современнымъ сообщеніямъ о такой агитаціи, то надо, вмѣстѣ съ г. Ключевскимъ, сказать, что «подстроенъ былъ ходъ дѣла, а не составъ собора». Изъ недавно обнародованныхъ матеріаловъ, польскихъ и нѣмецкихъ по преимуществу, относящихся къ избранію Бориса, стало хорошо видно, кто и какъ хотѣлъ вліять на ходъ дѣла въ 1598 году. Борьба за престолъ шла тогда главнымъ образомъ между Борисомъ Годуновымъ и Ѳедоромъ Никитичемъ Романовымъ, и обѣ стороны одинаково упорно стремились къ власти и побѣдѣ; однако, нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пытался нарушить законную форму собора [1]). Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, и съ значительной полнотою представительства, при чемъ на соборъ прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ та общественная среда, въ которой Борисъ имѣлъ популярность и которую поляки означали однимъ словомъ «посполъство» (простонародье)

---

[1]) Обстоятельства избирательнаго періода 1598 г. изложены въ моей книгѣ «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ» глава III, § 3).

въ противоположность панству (боярству). Соборъ по характеру представительства былъ аристократическимъ и столичнымъ; такой его составъ, судя отвлеченно, слѣдуетъ признать мало благопріятнымъ для Бориса, и во всякомъ случаѣ, менѣе благопріятнымъ для него, чѣмъ для Романовыхъ. Правильно составленный земскій соборъ съ формальной стороны совершенно правильно отдалъ вѣнецъ Борису не потому, что былъ подтасованъ въ своемъ составѣ, а потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить. Возможна различная оцѣнка политики собора, но невозможно сомнѣніе въ ея правомѣрности и въ правильности самого собора. А это очень важно для моральной оцѣнки изучаемаго нами учрежденія.

Кончая свою рѣчь о соборахъ XVII вѣка, В. О. Ключевскій осторожно замѣчаетъ, что «въ составѣ соборовъ XVI в. мало замѣтенъ выборный элементъ, *если* только онъ присутствовалъ». Первое прямое указаніе на его присутствіе, по мнѣнію г. Ключевскаго, относится къ 1605 году и читается у иностранцевъ, наблюдавшихъ московскіе порядки при Самозванцѣ. Здѣсь мы разойдемся съ г. Ключевскимъ въ томъ, что предпочтемъ неопредѣленнымъ указаніямъ иноземцевъ русское, и притомъ офиціальное, свидѣтельство 1606 года. Оно таково. При Самозванцѣ, какъ извѣстно, были оказаны большія милости помѣстному дворянству: дворянъ по городамъ верстали землями и одѣляли деньгами «для его государева царскаго вѣнца (коронаціи) и многолѣтняго здоровья». Въ связи, очевидно, съ этимъ верстаньемъ весною 1606 года было послано изъ Москвы въ Деревскую пятину распоряженіе: «Велѣно дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ изъ Деревскіе пятины выбрати дворянъ и дѣтей боярскихъ къ Москвѣ съ челобитными о помѣстномъ верстаньи и о денежномъ жалованьи и бити челомъ государю царю и великому князю Дмитрію Ивановичу». Мы не знаемъ, состоялись ли выборы и ѣздили ли выборные въ Москву отъ Деревской пятины; не знаемъ и того, были ли вызываемы выборные изъ другихъ областей и пред-

полагалось ли ихъ соединеніе въ Москвѣ въ одну коллегію. Но передъ нами безспорный фактъ: Москва требуетъ представителей отъ мѣстнаго дворянскаго общества и указываетъ порядокъ ихъ назначенія—общественный выборъ; для чего бы ни требовались эти лица въ Москву, они—выборные представители своего класса [1]). Вполнѣ возможно предположеніе, что такое требованіе выборныхъ отъ помѣстнаго дворянства случилось именно при Самозванцѣ по той причинѣ, что дворъ Самозванца былъ подъ сильнымъ вліяніемъ литовско-польскимъ. Какъ самъ Самозванецъ, такъ и его друзья, получившіе вліяніе въ Москвѣ, легко переносили на московскую почву литовско-польскія понятія. Какъ «дума» превратилась на ихъ языкѣ въ «раду», а «бояре» въ «сенаторовъ» («ordo senatorum»), такъ дворянскій представитель получилъ въ ихъ глазахъ видъ земскаго посла, избираемаго шляхтою въ повѣтахъ и воеводствахъ для посылки отъ мѣстнаго сеймика на государственный сеймъ. Какъ шляхта изъ своей среды *выбирала* «людей бачныхъ и ростропныхъ» (разсудительныхъ и благоразумныхъ), такъ и дворяне должны были *выбрать* своихъ представителей для посылки въ Москву. Разумѣется, это лишь догадка; но она позволительна потому, что освѣщаетъ намъ нѣсколько тотъ кругъ понятій и идей, въ которомъ легче всего могла оформиться мысль о выборномъ порядкѣ служилаго представительства въ Московскомъ государствѣ [2]). Что касается до выборнаго представительства московскихъ тяглыхъ классовъ, то врядъ ли оно нуждалось въ примѣрѣ Рѣчи Посполитой. Выборное начало издавна процвѣтало въ общественной жизни московскихъ податныхъ общинъ.

---

[1]) Акты юридическіе, Спб. 1838, № 365. *С. Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, глава IV, § 2 и примѣч. 101.

[2]) Выбираемые въ XVI вѣкѣ дворянами въ уѣздахъ «окладчики» не кажутся намъ представителями корпораціи; это эксперты, необходимые администраціи для точнаго учета служебныхъ силъ уѣзда, и только.

Можно не сомнѣваться, что присутствовавшіе на соборѣ 1598 г. старосты и сотскіе купеческихъ и черныхъ сотенъ были мірскіе выборные люди; но они были избраны не для собора, а для веденія хозяйственно-податныхъ дѣлъ своихъ сотенъ; на соборъ же они попали, вѣроятно, по своимъ должностямъ, а не по особому мірскому полномочію. Въ Смутное время, вынужденныя къ самодѣятельности политическою безурядицею, тяглыя общины сами перенесли выборное начало изъ хозяйственной въ политическую сферу и создали представительство, которымъ и воспользовалась позднѣе государственная власть.

VI.

Переходимъ къ поворотному моменту въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ—къ Смутному времени.

Въ Смутное время мы видимъ слѣдующіе земскіе соборы: соборъ стараго типа, созванный въ іюнѣ 1605 года для суда надъ Шуйскими и намъ очень мало извѣстный; избирательный соборъ 1610 года, важный потому, что его хотѣли образовать по новому началу выборнаго представительства, «сослався съ городы»; собраніе ратныхъ уполномоченныхъ въ подмосковномъ лагерѣ 1611 г., почитавшее само себя за «совѣтъ всея земли»; соборъ въ нижегородскомъ ополченіи 1612 г. и, наконецъ, избирательный соборъ 1613 года. Изъ этихъ пяти соборовъ нѣтъ нужды говорить о первомъ, повторившемъ, повидимому, образцы XVI вѣка; бесѣдѣ же объ остальныхъ необходимо предпослать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія. Они помогутъ намъ уяснить себѣ, какимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ практика представительства въ странѣ могла сдѣлать столь значительные шаги впередъ и на соборѣ 1613 г. явилась уже съ большимъ развитіемъ.

Податное самоуправленіе «тяглыхъ» общинъ въ московской Руси было «искони вѣчнымъ» явленіемъ. Князь налагалъ на

общину общую сумму податныхъ платежей; разнести эту сумму по частямъ на отдѣльныя податныя хозяйства было дѣломъ самой общины. Изъ этого дѣла вытекала необходимость извѣстнаго мірского устройства, такого, которое бы позволило распредѣлить податное бремя равномѣрно на всѣхъ членовъ общины и собрать во-время податные взносы отъ отдѣльныхъ плательщиковъ. Дѣлалось это посредствомъ выборныхъ «земскихъ старостъ», ведшихъ мірское хозяйство. Въ серединѣ XVI вѣка правительство Грознаго нашло возможнымъ передать мѣстнымъ податнымъ мірамъ всѣ функціи мѣстнаго управленія: и полицію, и судъ, и финансы; если община просила о дарованіи ей самоуправленія, правительство уже не назначало въ данную мѣстность своего намѣстника, а разрѣшало мѣстному населенію самому избрать изъ своей среды административный штатъ и самому вѣдать какъ податныя дѣла, такъ и судъ, и администрацію въ своей волости. Размѣры самоуправлявшихся волостей бывали иногда очень велики. Такъ, Важская «земля», или Важскій уѣздъ, получившій въ 1552 году право самоуправленія, охватывалъ бассейнъ р. Ваги, большого притока Сѣв. Двины. Этотъ старый «уѣздъ» соотвѣтствовалъ двумъ нынѣшнимъ — Шенкурскому и Вельскому, и дѣлился тогда на семь становъ. Дѣлаясь въ такомъ составѣ округомъ самоуправленія, Вага получала право избрать двѣ коллегіи уполномоченныхъ «о всякихъ дѣлахъ земскихъ управа чинить» — одну для Шенкурской, другую для Вельской половины уѣзда. Понятно, что каждый членъ такой коллегіи являлся въ ней какъ бы представителемъ той части уѣзда (посада, стана, волости), которая его выбрала и уполномочила. Кругъ дѣлъ такихъ коллегій былъ очень широкъ, и «излюбленныя головы», «судейки» и «старосты» иногда превращались въ мѣстное представительное собраніе не только по текущимъ дѣламъ, но и по дѣламъ особымъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ намъ извѣстенъ случай, когда въ городѣ Устюгѣ собрались изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и составили челобитье государю о томъ, чтобы от-

дѣлить ихъ крестьянское самоуправленіе отъ городского и учредить всеуѣздную земскую избу отдѣльно отъ посадской избы города Устюга. Ихъ челобитье было удовлетворено, несмотря на противодѣйствіе горожанъ. Если мы будемъ помнить, что такого рода земскія учрежденія существовали на всемъ московскомъ сѣверѣ и не только въ черныхъ (государственныхъ) тяглыхъ общинахъ, но и на частновладѣльческихъ земляхъ, монастырскихъ и боярскихъ,—то мы поймемъ, что выборное начало было хорошо извѣстно московскому обществу. Нельзя поэтому удивляться той роли, какую стали себѣ усваивать земскія организаціи московскаго сѣвера въ Смутное время. Царь Василій Шуйскій, растерявъ въ борьбѣ съ Тушинскимъ воромъ свои обычныя воинскія средства, сталъ искать экстренныхъ, и, между прочимъ, сталъ возбуждать къ дѣятельности сѣверное населеніе, прося его своими силами отстаивать свои мѣста отъ тушинцевъ, а если будетъ возможно, то итти черезъ Ярославль на помощь Москвѣ. Здѣсь ясенъ расчетъ на дѣйствіе мѣстныхъ организацій; но еще яснѣе сказался этотъ расчетъ въ мѣропріятіяхъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго, посланнаго царемъ Василіемъ въ Новгородъ за войскомъ. Изъ Новгорода, черезъ Каргополь и еще чаще черезъ Вологду, Скопинъ входилъ въ сношенія съ сѣверными тяглыми мірами отъ Перми до Соловковъ, посылалъ туда своихъ агентовъ, давалъ руководящія указанія и объединялъ дѣятельность городскихъ и волостныхъ міровъ, направляя ее къ освобожденію Москвы отъ Тушина. Сѣверъ воодушевился. Изъ многихъ мѣстъ земскія рати, собранныя и снабженныя тяглыми общинами, становились подъ начальство излюбленныхъ міромъ «головъ», служилыхъ людей и не служилыхъ, даже вдовыхъ поповъ, и шли на югъ, на бой противъ «воровъ». За ними оставались въ тылу, руководя походомъ и собирая новыя дружины и средства для борьбы, мірскіе совѣты или обычнаго состава, изъ старостъ и «лучшихъ людей», или же составленные особымъ порядкомъ. Въ Вологдѣ, которая по многимъ причинамъ полу-

чила значеніе одного изъ главныхъ центровъ земскаго движенія, образовался совсѣмъ особенный совѣтъ. Зимою 1608—1609 года въ Вологдѣ собралось много иностранныхъ купцовъ и «всѣ лучшіе люди, московскіе гости»; они ѣхали съ товарами и казною изъ Архангельска въ Москву и, не попавъ туда по причинѣ смутъ и осады Москвы тушинцами, зазимовали въ Вологдѣ. Узнавъ объ этомъ, царь Василій приказалъ вологодскимъ воеводамъ привлечь къ дѣлу обороны Вологды этихъ иноземцевъ и гостей: выборные отъ нихъ должны были участвовать въ руководствѣ военными дѣйствіями «съ головами и ратными людьми въ думѣ за одинъ».

Въ одной «думѣ», стало быть, сошлись представители разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, а не одни тяглые люди мѣстной податной общины. Двумя годами позднѣе, когда правительственный порядокъ въ странѣ исчезъ вовсе и области были предоставлены самимъ себѣ, такіе общесословные совѣты образовались по всѣмъ крупнымъ городамъ сѣвера. Они не только вѣдали оборону своего города, но стремились къ освобожденію Москвы отъ враговъ и вступали въ письменныя сношенія съ другими городскими мірами съ цѣлью достичь общеземскаго согласія и устройства. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличался ярославскій совѣтъ, грамоты котораго, отлично написанныя, свидѣтельствуютъ, что ярославскій «міръ» считалъ себя въ ту минуту (1611 г.) средоточіемъ всѣхъ сѣверныхъ областей. Изъ этихъ грамотъ, подписанныхъ мірскими совѣтниками, мы видимъ, что въ ярославскомъ совѣтѣ участвовали люди всѣхъ сословій: духовенство, дворяне, посадскіе люди. Такъ было и въ другихъ городахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, напримѣръ, всѣмъ міромъ, отъ архимандритовъ и воеводъ до стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, снаряжали гонцовъ къ патріарху Гермогену съ «совѣтными челобитными». Отъ всесословныхъ совѣтовъ въ отдѣльныхъ городахъ былъ одинъ шагъ до совѣтовъ нѣсколькихъ городовъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Въ томъ же 1611 году городскіе міры усвоили обычай посылать «для

добраго совѣта» въ другіе города своихъ представителей. Такъ, знаменитый рязанскій воевода Ляпуновъ послалъ въ Нижній «для договора» дворянина Биркина съ дьякомъ, дворянами и всякихъ чиновъ людьми, а въ Калугу своего племянника съ дворянами. Изъ Казани на Вятку ѣздили послами сынъ боярскій, два стрѣльца и посадскій человѣкъ. Пермь отправила двухъ «посыльщиковъ» въ Устюгъ «для совѣту о крестномъ цѣлованьѣ и о вѣстехъ». Изъ Галича на Кострому «для добраго совѣта» прислали дворяне одного дворянина, а посадскіе люди одного посадскаго человѣка. Изъ Ярославля «отъ всего города» дворянинъ да посадскій человѣкъ посланы были въ Вологду. Изъ Владиміра въ Суздаль отправили «на совѣтъ» дворянъ и посадскихъ «лучшихъ» людей. Словомъ, посылка представителей, выбранныхъ мѣстными обществами, изъ одного города въ другой стала обычаемъ, и соединеніе въ одномъ всесословномъ «совѣтѣ» представителей нѣсколькихъ областей образовалось естественно вслѣдствіе исключительныхъ событій Смутной эпохи. Мѣстная самоуправляющаяся община съ своей выборной «земской избою» служила какъ бы основою, на которой возникалъ сначала всесословный совѣтъ «всего города», а затѣмъ совѣтъ и нѣсколькихъ городовъ, образуемый выборными всѣхъ слоевъ свободнаго населенія, именно духовенства, дворянства и тяглыхъ людей. На этой же основѣ возникъ и выборный «совѣтъ всея земли»—въ тотъ моментъ, когда совѣтные люди изъ городовъ соединились впервые въ общеземскомъ соборѣ. Произошло это не сразу, но очень скоро, въ 1610—1612 г.

VII.

Лѣтомъ 1610 года царю Василію Шуйскому, по старому выраженію, былъ «обрядъ»: его лишили власти и постригли въ монахи. На его мѣсто московскіе бояре желали избрать государя «всѣмъ за одинъ, всею землею, сослався со всѣми городы». Изъ Москвы въ іюлѣ 1610 г. пошли въ города, даже

самые дальніе, грамоты съ приглашеніемъ прислать къ Москвѣ «изо всѣхъ чиновъ выбравъ по человѣку» для избранія царя. Въ первый разъ мы видимъ такія призывныя грамоты, которыя требуютъ *выборныхъ* представителей отъ *всѣхъ* чиновъ для участія въ соборѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда, помимо всякихъ отвлеченныхъ соображеній о выборномъ принципѣ представительства (если только они были), на выборное начало указывала вся практика сѣверныхъ городовъ за послѣдніе годы, содѣйствовавшая освобожденію Москвы отъ Тушина. Но исключительныя обстоятельства той минуты помѣшали земщинѣ воспользоваться московскимъ приглашеніемъ, и Москва, осажденная и поляками, и Воромъ, не получила областныхъ представителей. Черезъ мѣсяцъ послѣ приглашенія выборныхъ, въ августѣ 1610 года, боярская дума свидѣтельствовала сама, что въ Москву «изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали». Между тѣмъ земскій соборъ былъ необходимъ боярамъ для того, чтобы утвердить избраніе предположеннаго «царя» Владислава Сигизмундовича. Тогда, повидимому, въ Москвѣ составили земскій соборъ старымъ порядкомъ: къ «властямъ» и думѣ присоединили московскихъ дворянъ и людей придворныхъ чиновъ, затѣмъ человѣкъ около 40 «дворянъ съ городовъ, которые служатъ по выбору» (какъ было на соборѣ 1598 года), и, наконецъ, выборныхъ отъ московскаго торговаго и тяглаго населенія. Соборъ оказался, по старымъ понятіямъ, правильнымъ и правомочнымъ. Поэтому московскіе послы къ Сигизмунду объ избраніи Владислава говорили, что Владиславъ избранъ не одними боярами, а «всѣми людьми». Они отказывались повиноваться приказамъ боярской думы, потому что бояре, по словамъ пословъ, пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха и всего освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства». Послы же считали себя уполномоченными именно отъ всего земскаго собора: «а отъ однихъ бы бояръ (говорилъ кн. Голицынъ) я, князь Василій, и не поѣхалъ». Считая себя послами собора, старшіе послы, правя

свое посольство подъ Смоленскомъ, собирали на совѣтъ къ себѣ прочихъ членовъ соборнаго посольства и во вражескомъ лагерѣ устраивали нѣчто въ родѣ маленькаго «совѣта всея земли», говоря литовско-польскимъ дипломатамъ, что они безъ общаго совѣта ничего не предпринимаютъ и не рѣшаютъ. Въ словахъ и поступкахъ соборнаго посольства мы впервые слышимъ отъ московскихъ людей признаніе непререкаемаго авторитета земскаго собора и свидѣтельство того, что въ безгосударное время не бояре и даже не патріархъ, а лишь «вся земля» и «совѣтъ всѣхъ людей» имѣетъ значеніе верховной власти. Съ тѣхъ поръ, говоря словами В. О. Ключевскаго, «о земскомъ соборѣ думаетъ каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинація цѣпляется за него, какъ за источникъ власти и необходимую опору порядка; среди общаго броженія образъ земскаго собора все явственнѣе очерчивается въ смущенныхъ умахъ, и этотъ образъ не похожъ на земскій соборъ прежняго времени». Въ 1610 г. въ Москвѣ хотѣли, но не могли создать выборное представительство, «сослався съ городы». Въ 1611—1612 гг. сами «городы» успѣли изъ знакомыхъ имъ формъ мѣстнаго выборнаго представительства создать выборный «совѣтъ всея земли» и передать въ его руки верховное руководительство дѣлами страны.

Кандидатура королевича Владислава на московскій престолъ не удалась. Сигизмундъ не принялъ московскихъ условій, а московскіе люди не приняли его власти на иныхъ условіяхъ. Занятая польскимъ гарнизономъ Москва подверглась осадѣ со стороны земскихъ ополченій, желавшихъ изгнать «литву» и выбрать всею землею новаго государя. Со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ подходили отряды народныхъ войскъ, въ которыхъ группировались три общественныхъ слоя: во-первыхъ, московскіе люди стараго порядка, ранѣе державшіеся Шуйскаго, во-вторыхъ, ратные люди, тушинцы, со смертью Тушинскаго вора потерявшіе предводителя и программу дѣйствій, и, въ-третьихъ, казачьи скопища. Изъ многихъ вождей перваго слоя выдѣлялся

Прокопій Ляпуновъ, второго — князь Дм. Т. Трубецкой, а третьяго—Заруцкій. Когда всѣ отряды московскаго войска установились подъ Москвою въ постоянныхъ лагеряхъ, «таборахъ»; обжились и осмотрѣлись въ исключительной обстановкѣ осадной войны, то московскіе люди поняли, что имъ необходима какая-либо прочная организація. За осадною ратью была вся Русь, которая потеряла обычное свое правительство, плѣненное въ Москвѣ поляками, и которой надо было дать новые органы управленія. Ратнымъ людямъ мало было устроиться самимъ, но надо было «строить» и самую землю. Послѣ нѣкоторыхъ разрозненныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, названные воеводы рѣшили общимъ совѣтомъ обдумать ратный и земскій порядокъ и собрали 29—30-го іюня 1611 года въ своемъ ратномъ станѣ «всю землю». Приговоръ всей земли 30-го іюня и даетъ нѣкоторую возможность судить о томъ, что это былъ за ратный совѣтъ. Судя по тексту приговора, въ составъ совѣта вошли представители разныхъ частей подмосковной рати, а не разныхъ городовъ и уѣздовъ государства. Но такъ какъ ратные отряды представляли собою свои города и уѣзды, то ратный совѣтъ почиталъ себя представителемъ не одного ополченія, но всей земли, и дѣйствовалъ за все государство, называя себя совѣтомъ всея земли и дѣлая постановленія общегосударственнаго характера. Онъ установилъ подъ Москвою новыя государственныя учрежденія, «приказы», административные, финансовые и судебные, и сдѣлалъ рядъ распоряженій по служилому землевладѣнію и мѣстному управленію. Эти учрежденія и распоряженія упраздняли прежнее московское правительство, запертое въ осажденной Москвѣ, и отмѣняли всѣ признанныя неудобными, ранѣе дѣйствовавшія законоположенія. Словомъ, «совѣтъ всея земли» считалъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами всей страны и видѣлъ въ себѣ самомъ законнаго выразителя народной мысли и воли.

Однако, намъ нельзя видѣть въ этомъ совѣтѣ нормальнаго земскаго собора. Онъ состоялъ изъ ратныхъ людей, большин-

ство которыхъ принадлежало къ служилому классу и лишь нѣкоторая часть вышла изъ рядовъ городского и уѣзднаго податного класса, пославшаго подъ Москву свои дружины. Но эти представители городского населенія могли сами не быть горожанами и «мужиками», а всего вѣрнѣе, что въ огромномъ большинствѣ были тоже служилыми людьми, только «излюбленными», то-есть выбранными въ «головы» къ тяглымъ ратямъ тяглыми людьми. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного упоминанія о выборныхъ тяглецахъ въ составѣ ратнаго собора 1611 года, и это даетъ намъ основаніе сказать, что земскіе представители на этомъ соборѣ, если и представляли оба сословія, служилое и тяглое, сами принадлежали только къ первому. О составѣ совѣта 1611 года какъ лѣтопись, такъ и самый приговоръ 30-го іюня выражаются такъ: «всякіе служилые люди и дворовые и казаки»; о торговыхъ же и черныхъ людяхъ они ни разу не говорятъ. Стало быть, представительство на совѣтѣ далеко не было полнымъ и нормальнымъ. Кромѣ того, въ составъ «совѣта всея земли» не вошли ни патріархъ съ властями, ни боярская дума: патріархъ и бояре были затворены въ Москвѣ, въ плѣну у польско-литовскаго гарнизона. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей теоріи, совѣтъ 1611 года никакъ не могъ именовать себя «всею землею» и почитаться за земскій соборъ. Если ратное совѣщаніе и усвоило себѣ право думать за всю землю и заботиться о всей землѣ, то, конечно, не потому, что представители рати считали себя земскимъ соборомъ нормальнаго состава, а потому, что имъ удалось соединить въ своемъ приговорѣ представителей очень многихъ мѣстныхъ всесословныхъ совѣтовъ, отъ которыхъ пришли подъ Москву городскія и волостныя рати. Односословный по составу *ратный* совѣтъ отражалъ собою *всесословные городскіе міры*, дѣйствовалъ по ихъ довѣрію, стремился обезпечить ихъ интересы, наконецъ, преслѣдовалъ общую народную задачу—освобожденіе Москвы. Чувствуя за собою общенародное довѣріе, а предъ собою обще-

народную цѣль, совѣтъ 1611 года съ увѣренностью въ правотѣ называлъ себя «всею землею» и законодательствовалъ за всю землю.

Судьба этой первой попытки всеземскаго единенія была, однако, очень печальна. Внутренняя рознь казачества и консервативныхъ слоевъ населенія погубила ляпуновское ополченіе. Служилые люди побѣжали изъ ополченія послѣ того, какъ Ляпуновъ былъ убитъ казаками, и казаки остались одни въ своихъ таборахъ подъ Москвою. Въ ихъ рукахъ оставалась правительственная организація, созданная приговоромъ 30-го іюня 1611 года; но казачьему правительству не желали повиноваться городскіе міры, хорошо узнавшіе разрушительность казачьихъ инстинктовъ и тенденцій. Въ городахъ искали новаго центра и новыхъ вождей, и когда изъ Нижняго-Новгорода послышался призывъ къ новому единенію, онъ вызвалъ быстрое сочувствіе земщины. Въ Нижнемъ дѣло пошло обычнымъ въ то время порядкомъ. Воззванія патріарха Гермогена возбудили прежде всего городскую тяглую общину Нижняго съ ея выборнымъ старостою Козьмою Мининымъ во главѣ. Рѣшивъ собирать средства и людей «для московскаго очищенія», посадскіе люди передали дѣло въ прочіе слои нижегородскаго населенія. Въ городскомъ соборѣ протопопъ Савва и Мининъ объявили дѣло всему городу, и нижегородцы всѣмъ городомъ поручили устройство рати и организацію похода князю Пожарскому съ «товарищемъ» Биркинымъ (рязанскимъ посломъ въ Нижній) и дьякомъ Юдинымъ. Этотъ «приказъ» отъ имени всего Нижняго тотчасъ же, въ концѣ 1611 года, вступилъ въ сношенія съ окрестными городами и объявилъ имъ свою программу, состоявшую въ томъ, чтобы итти одинаково противъ поляковъ и противъ казаковъ и не повторять роковой ошибки Ляпунова, считавшаго возможнымъ союзъ съ казачествомъ. Отъ городовъ Пожарскій просилъ присылки средствъ и людей въ помощь нижегородцамъ. Люди требовались не только ратные: «для справки» (то-есть для соглашенія и

устройства) и «для земскаго совѣта» Пожарскій просилъ города и волости прислать въ Нижній «дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изо всѣхъ чиновъ по человѣку». Съ самаго начала дѣла нижегородцы желали имѣть у себя всесословный «земскій совѣтъ», и мы знаемъ, что онъ образовался и началъ дѣйствовать, распространяя свое вліяніе и власть на весь тотъ районъ, который присоединялся къ нижегородскому движенію.

Такъ было въ началѣ дѣла. Когда же, весною 1612 года, Пожарскій отбилъ отъ казаковъ Ярославль и распространилъ вліяніе Нижняго на весь сѣверъ и Поволжье, то онъ сдѣлалъ центромъ своей рати именно Ярославль, какъ крупнѣйшій городъ всего средняго Поволжья, а въ Ярославлѣ собралъ уже не мѣстный «земскій совѣтъ», а общегосударственный земскій соборъ. Въ началѣ апрѣля 1612 года изъ Ярославля пошла по городамъ грамота Пожарскаго и того «общаго совѣта», который при немъ находился. Въ грамотѣ послѣ изложенія происшедшихъ событій и усвоенной ярославскимъ ополченіемъ программы было приглашеніе поскорѣе прислать въ Ярославль «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками». Все государство приглашалось прислать представителей съ наказами, въ которыхъ былъ бы совѣтъ, «какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымн». Пожарскій, видимо, не спѣшилъ итти подъ Москву и думалъ въ Ярославлѣ создать общеземское правительство и избрать государя, предоставляя своимъ врагамъ подъ Москвою, полякамъ и казакамъ, истощать свои силы въ долгой борьбѣ. Призывъ Пожарскаго не остался безъ отвѣта, и въ Ярославлѣ на самомъ дѣлѣ сформировался соборъ правильнаго состава. Интересны свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, къ сожалѣнію, только косвенныя и приблизительныя: точныхъ данныхъ нѣтъ, потому что документовъ отъ практики собора 1612 г. не сохранилось. Разумѣется, освященнаго собора въ его правильномъ и полномъ составѣ тогда собрать было нельзя: па-

тріархъ Гермогенъ уже умеръ, а старшіе митрополиты были въ плѣну, новгородскій — у шведовъ, а ростовскій — у поляковъ. Однако, въ Ярославлѣ непремѣнно хотѣли имѣть освященный соборъ и создали его такимъ порядкомъ, что призвали въ Ярославль бывшаго на покоѣ стараго ростовскаго митрополита Кирилла и при немъ составили духовный совѣтъ. Сносясь по важнѣйшимъ дѣламъ съ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, этотъ духовный совѣтъ вѣдалъ церковное управленіе и именовалъ себя «священнымъ соборомъ». Въ этомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, не было узурпаціи: въ 1563 году, напримѣръ, при взятіи Полоцка, въ рати Грознаго бывшаго тамъ коломенскаго владыку Варлаама съ состоявшимъ при немъ духовенствомъ тоже называли «освященнымъ соборомъ». Точно также не могло быть въ Ярославлѣ нормальной боярской думы, «всѣхъ бояръ», такъ какъ «всѣ бояре» сидѣли съ поляками въ Москвѣ, но и они уже не считались законнымъ «синклитомъ». Однако, въ Ярославлѣ хотѣли имѣть и синклитъ. Въ рати Пожарскаго были два лица съ боярскимъ саномъ: В. П. Морозовъ и князь В. Т. Долгорукій. Съ ними вмѣстѣ въ высшемъ административно-военномъ совѣтѣ Пожарскаго дѣйствовали старшіе ратные предводители. Это и былъ «синклитъ», который называли тогда опредѣленными терминами: «бояре и воеводы», «начальники». Начальники и замѣняли собою «бояръ всѣхъ». Къ этимъ двумъ постояннымъ органамъ ярославскаго правительства, то-есть къ митрополиту Кириллу со властями (освященный соборъ) и Пожарскому съ начальниками (синклитъ) были присоединены выборные земскіе представители служилаго и тяглаго сословія,— и получился полный земскій соборъ. Онъ самъ считалъ себя «совѣтомъ всея земли»; на его «приговоры» опиралась исполнительная власть въ ополченіи; его почитали верховнымъ правительствомъ не только русскіе города, шедшіе за земскимъ ополченіемъ, но и иностранцы, именно шведы, начавшіе изъ занятаго ими Новгорода переговоры съ Пожарскимъ и «московскими чинами» (die Musscowitischen Stände).

Такъ впервые въ Московскомъ государствѣ былъ осуществленъ земскій соборъ на началѣ выборнаго представительства. Это начало было воспитано Смутнымъ временемъ, тою самодѣятельностью мѣстныхъ міровъ, которая развилась вслѣдствіе паденія государственнаго порядка. Съ уничтоженіемъ привычнаго правительственнаго строя, самою силою вещей въ важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлахъ на замѣну приказной власти являлось мірское полномочіе и довѣріе и вмѣсто приказнаго человѣка дѣйствовалъ мірской выборный человѣкъ. Когда мѣстные міры успѣли соединить свои силы въ одномъ общемъ порывѣ къ возстановленію народной независимости и государственнаго порядка, ихъ выборные люди соединились въ «общій совѣтъ», дѣйствовавшій уже за «всю землю». Вверху этого совѣта былъ, «по избранью всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства», стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій, съ нимъ рядомъ «выборный человѣкъ всею землею» Козьма Мининъ, а внизу простые «изо всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ» выборные люди. Эти излюбленные люди и государя желали избрать всею землею, «кого намъ Богъ дастъ».

VII.

Однако, Ярославскому собору не пришлось избрать государя, и «царское обиранье» совершено было уже другимъ земскимъ соборомъ послѣ «московскаго очищенья». Освободивъ Москву, отогнавъ далеко одну часть казаковъ и добившись подчиненія другой, временное правительство распустило выборныхъ ярославской сессіи и грамотами (до 15-го ноября 1612 г.) созывало въ Москву «изо всякихъ чиновъ», «изо всѣхъ городовъ», «по десяти человѣкъ отъ городовъ» для «государственныхъ и земскихъ дѣлъ», а главнымъ образомъ для избранія государя, которое должно было совершиться «всякими людьми отъ мала и до велика». Выборное начало въ представительствѣ выступаетъ на соборѣ 1613 года уже въ полной силѣ, какъ

общепринятая и вполнѣ выработанная норма. Составъ земскаго собора 1613 года, судя по подписямъ его участниковъ на соборной грамотѣ, опредѣляется такъ: Священный соборъ включалъ въ себѣ трехъ митрополитовъ (Ефрема, Кирилла и Іону), архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Священники давали свои подписи вмѣстѣ съ городскими представителями и иногда называли себя «выборными», — знакъ, что они являлись на соборъ мірскими уполномоченными на основаніи тѣхъ порядковъ, которые укрѣпились въ городахъ въ Смутное время и которые втягивали духовенство въ мірскія дѣла, вплоть до ратнаго дѣла. Поэтому-то бѣлое духовенство и слѣдуетъ считать не въ освященномъ соборѣ, а въ рядахъ земскихъ представителей. Боярская дума на соборѣ 1613 года играла особую роль. «Начальники» изъ Ярославля пришли съ Пожарскимъ подъ Москву и продолжали здѣсь быть правительственнымъ совѣтомъ. Когда бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, были освобождены, они по сану своему должны были занять первыя мѣста въ синклитѣ у Пожарскаго. Но «начальники», очевидно, относились къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ, и подняли вопросъ о нихъ Одинъ изъ современниковъ записалъ, что въ Москвѣ бояръ, которые въ осадѣ сидѣли, «въ думу не припускаютъ, а писали о нихъ въ городы ко всякимъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ?» И вопросъ, повидимому, былъ рѣшенъ отрицательно: бояре разъѣхались изъ Москвы по селамъ и не были на самомъ избраніи царя. Ихъ возвратили въ Москву, когда Михаилъ былъ уже избранъ, для участія въ окончательномъ провозглашеніи новаго царя въ засѣданіи 21-го февраля. Соборною же дѣятельностью руководили не эти старые бояре, а «начальники», которые, по свидѣтельству современника, снова восхотѣли себѣ царя «отъ иновѣрныхъ» и въ этомъ разошлись съ земскими людьми, хотѣвшими избирать царя изъ своихъ. Такъ устроены были высшіе органы управленія, церковнаго и государственнаго, вошедшіе въ соборъ. Земскіе представители на соборѣ 1613 года были, по основанію представительства, двухъ категорій.

Одни явились на соборъ по старому порядку, въ силу своего служебнаго положенія; это—придворные чины, «больші дворяне» и приказные люди. Другіе были посланы на соборъ по избранію и явились туда съ «договорами», то-есть съ инструкціями избирателей, и «съ выборами за всякихъ людей руками», то-есть съ документами, удостовѣряющими правильность ихъ избранія. Это были, по старому опредѣленію, «изо всѣхъ городовъ лучшіе и разумные постоятельные люди». Москва не опредѣляла ихъ числа точнымъ и обязательнымъ для городовъ порядкомъ. Въ одной грамотѣ Пожарскій просилъ, какъ мы видѣли, по десяти человѣкъ отъ города; по другому свидѣтельству, изъ Москвы просили прислать «изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ гостей и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже». Нельзя поэтому сказать, сколько всего выборныхъ ожидалось въ Москву. Нельзя опредѣлить и того, сколько ихъ дѣйствительно туда пріѣхало, такъ какъ у насъ нѣтъ точнаго списка участниковъ собора. Подъ однимъ экземпляромъ избирательной грамоты ими сдѣлано 235 подписей, подъ другимъ—238 подписей, а въ нихъ упомянуто около 277 именъ соборныхъ участниковъ [1]). Но это не есть точное число. Выборные подписывали грамоту одинъ за многихъ товарищей, не называя ихъ поименно; такъ, выборныхъ нижегородцевъ было на соборѣ, какъ мы случайно знаемъ, не менѣе 19-ти, а подписали грамоту всего 5 человѣкъ на одномъ экземплярѣ и 6 на другомъ. Можно поэтому думать, что число участниковъ собора, и въ частности выборныхъ изъ городовъ, было гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ по ихъ подписямъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что всего соборныхъ людей могло быть до 700. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ под-

---

[1]) «Утвержденная грамота объ избраніи М. Ѳ. Романова», изданная въ Москвѣ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (М. 1904).

писи соборныхъ выборныхъ, мы видимъ, что на призывъ Москвы откликнулось много городовъ и уѣздовъ. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соборѣ 1613 года. Для того времени это очень большое число, тѣмъ болѣе внушительное, что въ него вошли города самыхъ различныхъ областей государства, отъ Бѣлаго моря до Дона и Донца. Такимъ образомъ въ территоріальномъ отношеніи составъ представительства надобно признать достаточно полнымъ. Въ сословномъ же отношеніи принято считать соборъ 1613 г. самымъ полнымъ, потому что на немъ, кромѣ служилыхъ людей и тяглыхъ горожанъ, были еще «уѣздные люди». За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной грамоты есть 12 подписей, на другомъ—11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ уѣздныхъ людей обыкновенно разумѣютъ представителей крестьянства. Для Двинскаго уѣзда это и вѣроятно, потому что на Московскомъ сѣверѣ, какъ мы уже видѣли, процвѣтало крестьянское самоуправленіе въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ. Но для остальныхъ мѣстъ, отъ которыхъ явились представители «уѣздныхъ людей», это сомнительно. За исключеніемъ Устюжны «Желѣзныя», во всѣхъ прочихъ десяти уѣздахъ нельзя предполагать существованія свободныхъ отъ вотчинной власти крестьянскихъ міровъ. Эти мѣста Московскаго юга (Тула, Брянскъ, Новосиль, Курскъ и др.) извѣстны господствомъ служилаго землевладѣнія въ его мелкихъ формахъ, исключавшихъ въ то время возможность развитія свободнаго крестьянскаго владѣнія и самостоятельныхъ тяглыхъ организацій. Въ этихъ уѣздахъ подъ «уѣздными людьми» надлежитъ разумѣть скорѣе всего низшіе разряды служилыхъ людей, приписанныхъ по службѣ къ городамъ, а обезпеченныхъ участками пахотной земли и угодьями внѣ городовъ. Осторожнѣе будетъ не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 года сословное представительство было полнѣе, чѣмъ на прочихъ соборахъ XVII вѣка. На всѣхъ соборахъ одинаково крестьяне не пользовались правомъ отдѣльнаго представитель-

ства и на всѣхъ соборахъ одинаково были представлены уѣздные люди. Представительство сѣверныхъ областей сливало въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ посадскими людьми, съ которыми они иногда сливались и въ отношеніи податного самоуправленія, а представительство южной половины государства соединяло уѣздныхъ людей низшихъ служилыхъ званій вмѣстѣ съ помѣстнымъ дворянствомъ въ одну среду «всякихъ служилыхъ людей». Такое пониманіе дѣла кажется намъ единственнымъ возможнымъ.

Такъ опредѣлился составъ собора, избравшаго новую московскую династію. «Власти» и дума вошли въ соборъ цѣликомъ, какъ въ XVI вѣкѣ. Высшіе слои служилаго московскаго люда были допущены безъ избирательныхъ полномочій и, если не поголовно, то по старому порядку—на основаніи ихъ служебнаго положенія и значенія. Рядовое провинціальное дворянство (съ низшими слоями служилаго люда) и городское податное населеніе (съ близкими къ нему слоями свободнаго сѣвернаго крестьянства) были привлечены къ участію въ соборѣ на основѣ выборнаго представительства, въ которомъ приняло участіе и городское духовенство, избиравшее и избираемое въ городскихъ избирательныхъ округахъ. Въ такомъ приблизительно видѣ земскіе соборы сложились и дѣйствовали въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича. Въ новой своей фазѣ они были продуктомъ тѣхъ условій, которыя образовались въ московскомъ обществѣ благодаря бурямъ Смутнаго времени и которыя измѣнили не только составъ соборовъ, но и ихъ политическое значеніе.

IX.

Политическое значеніе собора 1613 года заключалось не въ томъ одномъ, что онъ избралъ новаго государя, но и въ томъ, что онъ образовалъ новый порядокъ въ

странѣ. На основаніи всего сказаннаго выше не трудно понять, что земскіе соборы 1612 года и 1613 года, Ярославскій и Московскій, были органами той общественной среды, которая сплотилась для борьбы не только съ поляками, съ которыми связало себя боярство, сидѣвшее въ Москвѣ, но и съ казаками, желавшими радикальнаго общественнаго переворота. Въ противоположность аристократическому слою боярства и демократическому слою казачества общественные слои, соединившіеся въ ярославскомъ ополченіи, представляли собою общественную середину, средніе классы, совершенно равнодушные къ кружковымъ стремленіямъ боярства и враждебные казачьему радикализму. Органомъ этихъ среднихъ классовъ и стали какъ Ярославскій соборъ въ ополченіи Пожарскаго, такъ и избирательный Московскій соборъ 1613 года. Побѣдивъ своихъ враговъ подъ Москвою и въ Москвѣ, освободивъ столицу и ставъ распорядителями дѣлъ въ государствѣ, средніе слои населенія стремились закрѣпить побѣду избраніемъ царя, который могъ бы стать внѣшнимъ символомъ ихъ единенія и торжества. Выразитель этихъ стремленій, земскій соборъ, въ отсутствіе большихъ бояръ успѣлъ отстранить кандидатуру иноземныхъ принцевъ на московскій престолъ, хотя «начальники» и хотѣли себѣ царя «отъ иновѣрныхъ». Равнымъ образомъ покончено было и съ самозванщиной, которая служила для казаковъ средствомъ узаконивать разрушительныя вожделѣнія. Соборъ избралъ *своего* царя изъ такого рода, который въ серединѣ XVI вѣка боярами-князьями назывался иногда «рабскимъ», но который въ то же время почитался стариннымъ «великимъ» московскимъ родомъ. Избравъ царя не отъ королей и князей, а отъ бояръ, соборъ сталъ охранять его, какъ своего избранника и ставленника, готовый въ немъ защищать свое единство и свой возстановленный земскій порядокъ. Съ своей стороны, избранный соборомъ, государь не видѣлъ возможности безъ содѣйствія собора править страною и унять «всемірный мятежъ» и даже не желалъ принимать власть и «идти къ Москвѣ», пока

соборъ не достигнетъ прочнаго успокоенія государства. Выходило такъ, что носитель власти и народное собраніе не только не спорили за первенство своего авторитета, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о собственной цѣлости и безопасности. Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшей солидарности, обращало государя и соборъ въ одну политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Соборъ не стремился раздѣлить съ верховною властью ея прерогативы, потому что сама власть ими тогда не дорожила; напротивъ, государь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможныя неудачи. Такимъ образомъ, вопросъ о формальномъ опредѣленіи отношеній царя и собора не имѣлъ тогда поводовъ возникнуть, и мы лично совершенно не вѣримъ въ существованіе такъ называемой ограничительной записи, будто бы данной Михаиломъ боярству.

Правительственное значеніе земскаго собора было основаніемъ новаго порядка, возникшаго въ Московскомъ государствѣ послѣ Смуты. Первые шаги новой власти дѣлались не иначе, какъ «по совѣту всея земли», и офиціально, и гласно признавалось, что важныхъ дѣлъ вообще нельзя было рѣшать «безъ совѣту всего государства». Вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще дѣла внѣшней политики; вопросы финансовые и податные, въ особенности назначеніе новыхъ экстренныхъ сборовъ; вопросы сословнаго устройства и отношенія сословныхъ группъ къ государственнымъ повинностямъ; вопросы административнаго благоустройства и, наконецъ, вопросы законодательные — вотъ сфера дѣйствія «совѣта всея земли» при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Въ первое десятилѣтіе его царствованія соборъ, повидимому, существовалъ непрерывно. Избравъ царя, соборъ 1613 г. оставался при немъ до 1615 года. Въ концѣ 1615 г. была призвана новая сессія выборныхъ, дѣйствовавшая до 1619 г. Въ срединѣ 1619 г. самъ соборъ рѣшилъ созваніе новой сессіи

представителей ему на смѣну, и эта новая сессія существовала въ Москвѣ до 1622 г. Повидимому, какъ ранѣе, въ XVI вѣкѣ, «изъ городовъ выборъ» (намъ уже извѣстный) командировался въ Москву на трехлѣтній срокъ, такъ въ первые годы царя Михаила выборные представители мѣстныхъ обществъ, замѣнившіе на соборахъ старый «выборъ», призывались въ Москву тоже на трехлѣтіе. Въ послѣдующее время, позднѣе 1622 г., непрерывности соборныхъ сессій не наблюдается, но соборы все-таки остаются весьма частымъ явленіемъ правительственной практики. У правительства какъ будто всегда находится подъ рукою контингентъ представителей «городовъ», и оно имѣетъ возможность въ короткій срокъ созвать ихъ на совѣщаніе хотя бы и по частному вопросу, случайно возникшему въ сферѣ внѣшнихъ сношеній или во внутренней жизни государства. При этомъ прежнее стремленіе возможно полнѣе устроить представительство областей къ концу царствованія Михаила какъ будто слабѣетъ. Такъ, въ началѣ 1642 года, при осложненіи отношеній съ турками и татарами, по вопросу о крѣпости Азовѣ земскій соборъ созвали менѣе, чѣмъ въ недѣлю, и при этомъ обошлись безъ епархіальныхъ архіереевъ въ освященномъ соборѣ и безъ выборныхъ отъ провинціальныхъ посадовъ. Мало того, къ избранію представителей были призваны не мѣстныя общества въ ихъ полномъ составѣ, а лишь тѣ провинціальные дворяне, которые находились въ ту минуту въ Москвѣ. Правда, въ январѣ 1642 г. въ Москвѣ по нѣкоторымъ причинамъ былъ значительный съѣздъ провинціальныхъ дворянъ; вѣроятно, этотъ съѣздъ и послужилъ основаніемъ для того, чтобы организовать выборы на соборъ въ самой Москвѣ. Меньшее напряженіе соборной дѣятельности къ концу правленія Михаила Ѳедоровича и меньшая забота о полнотѣ представительства объясняются, конечно, общимъ успокоеніемъ государства. Внѣшнія войны были кончены, казачество перестало грозить государству, общественное благоустройство сдѣлало нѣкоторые успѣхи,

и вмѣсто непрерывнаго ряда экстренныхъ усилій и тревогъ для правительства наступила будничная рутина, при которой не было уже побужденій непрерывно обращаться къ совѣту всея земли. Въ началѣ царствованія Михаила, въ періодъ наибольшей энергіи земскихъ соборовъ, они ни разу не пытались взять на себя иниціативу въ законодательствѣ или политикѣ и всегда лишь отвѣчали на обращенный къ нимъ запросъ государя. Даже соборъ 1619 года, выработавшій замѣчательно стройную программу внутренней политики, дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ подъ вліяніемъ и руководствомъ государева отца, патріарха Филарета, и въ сущности лишь давалъ отвѣты на вопросы, поставленные «владительнымъ» патріархомъ. Этой неизмѣнною пассивностью соборовъ достаточно уясняется то обстоятельство, почему соборы, насколько мы знаемъ, не заявляли сами о желательности урегулировать сроки ихъ созыва тогда, когда власть перестала ихъ регулярно созывать и дѣятельность соборовъ ослабѣла. Однако, предлагая правительству свой совѣтъ и свою помощь въ той мѣрѣ, въ какой оно ихъ желало, соборы всегда пользовались правомъ челобитій въ той мѣрѣ, въ какой они сами считали это нужнымъ для себя. Рутинная обстановка послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Михаила вела къ нѣкоторому забвенію тѣхъ повседневныхъ тяготъ и нуждъ, которыя угнетали сословную жизнь. На соборѣ 1642 г. сословные представители обнаружили эти тяготы и нужды съ полною откровенностью и указывали безъ обиняковъ на недостатки административнаго строя, отъ которыхъ терпѣло московское общество. Такимъ образомъ, не стремясь къ сохраненію исключительной роли постояннаго правительственнаго органа — роли, усвоенной имъ Смутою, — соборы не потеряли съ теченіемъ времени своего значенія «совѣта всея земли», служащаго точнымъ отзвукомъ дѣйствительнаго настроенія этой земли.

X.

Итакъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ земскій соборъ былъ выразителемъ среднихъ слоевъ московскаго общества, а самъ Михаилъ былъ царемъ этихъ же среднихъ слоевъ, которые противопоставили его боярскому царю «иновѣрному» (Владиславу) и казачьему царенку самозванному («Маринкину сыну»). Служа выразителями одного и того же общественнаго элемента, царь и соборъ были въ неразрывномъ союзѣ противъ общихъ враговъ, пока эти враги имѣли силу и были опасны. Замиреніе государства дѣлало этотъ союзъ менѣе напряженнымъ и сознательнымъ. Въ правительствѣ, вокругъ государя, заново сформировался разбитый Смутою «приказный», бюрократическій классъ; получивъ силу, онъ пользовался возможностью обходиться въ управленіи безъ «совѣта всея земли», злоупотреблялъ своимъ дѣловымъ вліяніемъ и незаконно обогащался. Недовольный администраціей, земскій людъ на соборахъ обличалъ ее, противополагая свой земскій интересъ «московской волокитѣ». На счетъ администраціи относили земскіе люди многія существенныя настроенія своей сословной жизни и били челомъ государю объ искорененіи безпорядковъ и насильствъ со стороны «сильныхъ людей», то-есть самоуправцевъ изъ дворцовой знати и приказныхъ дьяковъ. Жизнь разводила такимъ образомъ старыхъ союзниковъ, власть и земство, и иногда вела къ столкновеніямъ довольно остраго свойства.

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ эти столкновенія были словесными: земщина посредствомъ заявленій («сказокъ») на соборахъ и подачи коллективныхъ челобитій просила охраны своихъ правъ и интересовъ. Со вступленіемъ на престолъ царя Алексѣя дѣло стало серьезнѣе.

Царь Алексѣй былъ очень молодъ, неопытенъ и мягокъ для того, чтобы понимать дѣла и руководить ими. Около него образовалась такая клика дѣльцовъ, которая своимъ произво-

ломъ и наглостью превзошла всѣхъ «сильныхъ людей» времени царя Михаила. Держась за сильнаго покровителя, «дядьку» царя, боярина Б. И. Морозова, эти приказные люди хвалились, что у нихъ вся Москва «въ рукѣ»,—и довели Москву до открытаго бунта. Морозовъ едва уцѣлѣлъ, остальные насильники погибли. За Москвою толпа и въ другихъ городахъ произвела безпорядки. Предъ царемъ Алексѣемъ стала задача—найти средство умиротворить общество и примирить его съ правительственною средою, съ которою оно разошлось. Трудно сказать, по чьей мысли было указано хорошее средство, состоявшее въ томъ, чтобы собрать, привести въ порядокъ и пересмотрѣть дѣйствовавшіе тогда законы.

Не распространяясь объ этомъ сложномъ сюжетѣ, можно опредѣлить значеніе намѣченнаго предпріятія такъ. Страна не имѣла тогда не только печатнаго текста законовъ, но и рукописнаго ихъ сборника. Сборникъ XVI вѣка, такъ называемый Судебникъ, устарѣлъ. Дополненія къ нему записывались по вѣдомствамъ («указныя книги» приказовъ) не въ системѣ, а въ хронологическомъ порядкѣ, и составляли достояніе однѣхъ канцелярій. Пробѣлы въ законахъ пополнялись не всегда правильнымъ порядкомъ, чрезъ указъ государевъ, а произвольнымъ примѣненіемъ подходящихъ статей Литовскаго статута, Кормчей или же приказнаго обычая. Эти источники права, можетъ быть, и доброкачественные, были такъ же невѣдомы населенію, какъ и указъ государевъ, сказанный въ думѣ и записанный для себя дьякомъ. Поэтому была настоятельная нужда дать законъ въ руки населенію, составивъ кодексъ и публиковавъ его посредствомъ печати. Но одною кодификаціей дѣйствовавшаго права нельзя было тогда обойтись. Недовольное своей обстановкою, общество въ челобитіяхъ просило улучшеній своего быта. Именно средніе классы населенія, на которыхъ тогда покоился государственный порядокъ, съ особенною настоятельностью указывали на желательныя имъ перемѣны. Служилый людъ желалъ равномѣрнаго распредѣленія служеб-

ныхъ тяготъ и укрѣпленія своего имущественнаго положенія. Онъ жаловался на духовенство и знать, которыя отбирали у рядовыхъ служилыхъ людей ихъ земли и крестьянъ; онъ жаловался на администрацію, вносившую своимъ произволомъ безпорядокъ въ отправленіе службъ дворянами; онъ жаловался, наконецъ, на крестьянъ, не сидѣвшихъ на мѣстахъ и подрывавшихъ своимъ уходомъ помѣщичье хозяйство. Сокращеніе землевладѣльческихъ правъ духовенства и его исключительной подсудности, обузданіе произвола «сильныхъ» людей, льготныхъ землевладѣльцевъ бояръ и безконтрольной администраціи, наконецъ, прикрѣпленіе крестьянъ,—вотъ къ чему стремился служилый людъ. Тяглые черные люди, свободные обыватели посадовъ, желали того же въ своемъ быту, чего желали дворяне въ своемъ: равномѣрнаго распредѣленія платежей и повинностей и укрѣпленія имущественнаго положенія. Они жаловались на духовенство и знать, которыя вторгались съ своими торгово-промышленными операціями въ посады и увлекали къ себѣ изъ тягла городскихъ людей и земли; они жаловались на администрацію, угнетавшую своимъ произволомъ общину; они жаловались, наконецъ, на свою же братью, недобросовѣстныхъ или малодушныхъ тяглецовъ, не сидѣвшихъ на своихъ тяглыхъ участкахъ и подрывавшихъ незаконнымъ уходомъ общинное хозяйство. Сокращеніе судебныхъ льготъ духовенства и земельныхъ захватовъ на посадахъ духовенства и знати, обузданіе произвола и злоупотребленій «сильныхъ людей», наконецъ, прикрѣпленіе тяглыхъ людей къ посадамъ и недопущеніе на посады крестьянъ и вообще постороннихъ тяглой общинѣ элементовъ,—вотъ къ чему стремились тяглые люди. Къ этимъ пожеланіямъ торговый классъ присоединялъ еще одно—уничтоженіе на русскихъ рынкахъ торговой конкуренціи иноземныхъ купцовъ. Полное соотвѣтствіе стремленій служилыхъ людей и тяглыхъ придавало имъ особую силу и заставляло серьезно подумать о созданіи въ законѣ такихъ нормъ, которыя могли бы на дѣлѣ обезпечить интересы сред-

няго московскаго люда. Не трудно замѣтить, что эти новыя нормы, удовлетворяя общественную середину, должны были неизбѣжно направиться противъ общественныхъ вершинъ (духовенства и знати) и противъ общественныхъ низовъ (крестьянства и частновладѣльческихъ людей, боярскихъ и иныхъ «закладчиковъ»).

Такимъ образомъ правительству царя Алексѣя Михайловича предстояла не только кодификація, но и реформа. Ходъ ея былъ опредѣленъ такъ: 16-го іюля 1648 года государь съ освященнымъ соборомъ и думными людьми рѣшилъ вопросъ о кодексѣ: боярину князю Н. И. Одоевскому съ четырьмя помощниками было поручено собрать старый законодательный матеріалъ, тѣ «статьи», которыя «пристойны къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ», то-есть еще не утратили практической приложимости. Обнаруженные же въ старомъ законѣ пробѣлы предположено было пополнить «общимъ совѣтомъ», съ помощью земскаго собора, составъ котораго былъ тщательно обдуманъ. На соборъ къ 1-му сентября 1648 года призывались выборные люди: отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей «изъ чину по два человѣка»; дворянъ отъ большихъ городовъ по два человѣка, отъ меньшихъ городовъ и отъ Новгородскихъ пятинъ по одному человѣку; гостей три человѣка; отъ гостиной и суконной сотенъ по два человѣка; отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ провинціальныхъ посадовъ по одному человѣку. Въ такомъ видѣ составъ земскаго собора нѣсколько отличался отъ соборовъ болѣе раннихъ. Раньше придворные и столичные чины являлись на соборы въ большомъ числѣ и, повидимому, не по выбору. Въ 1642 г. впервые мы видимъ указаніе, что эта среда приглашалась выбрать своихъ представителей наравнѣ съ низшими служилыми чинами; но желательное количество выборныхъ изъ этихъ «большихъ статей» указано было тогда значительно большее, чѣмъ отъ прочихъ. На соборѣ 1642 года и было выборныхъ отъ стольниковъ 10, отъ жильцовъ 12, отъ мо-

сковскихъ дворянъ 22; провинціальные же дворяне выбрали всего по 3—4 человѣка отъ города. Въ 1648 г. было рѣшено уравнять московскіе чины съ провинціальными дворянами въ отношеніи количества представителей, чѣмъ достигался, конечно, полный перевѣсъ провинцій надъ Москвою и рядового дворянства надъ высшими служилыми чинами. Въ то же время провинціальные посады, не всегда представляемые на соборахъ, призывались всѣ къ участію въ «общемъ совѣтѣ», что также усиливало провинцію на соборѣ. Краснорѣчивы цифры, установленныя изслѣдователями: на 6 московскихъ выборныхъ дворянъ на соборѣ 1648 года было болѣе 150 провинціальныхъ и на 15 московскихъ гостей и тяглыхъ людей было не менѣе 80 посадскихъ изъ городовъ. Такое большое число мѣстныхъ представителей получилось потому, что къ представительству было приглашено и приглашеніемъ воспользовалось очень много городовъ и уѣздовъ: число представленныхъ городовъ на соборѣ 1648 года доходитъ до 120, если не болѣе.

Итакъ, подготовительная работа собиранія законодательныхъ матеріаловъ была въ 1648 г. возложена на «приказъ» князя Н. И. Одоевскаго и велась канцелярскимъ порядкомъ; обсужденіе же новыхъ «статей» будущаго кодекса предоставлено было «общему совѣту», который созывался на 1-е сентября 1648 года въ Москву. Приблизительно съ 1-го сентября и началась дѣятельность земскаго собора. Соборъ былъ раздѣленъ на двѣ палаты. Одну составляли дума и освященный соборъ, съ которыми царь и патріархъ «слушали» законопроектъ Одоевскаго. Другую составляли всѣ выборные люди, сидѣвшіе въ Отвѣтной палатѣ дворца подъ предсѣдательствомъ князя Ю. А. Долгорукаго. При чтеніи сдѣланнаго Одоевскимъ «собранія» выборные люди возбуждали вопросы о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіи дѣйствующаго закона и заявляли о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Заявленія выборныхъ, въ формѣ челобитій «всѣхъ выборныхъ людей отъ всея земли», восходили въ верхнюю палату, къ государю, а тамъ обыкновенно

получали санкцію, послѣ чего и обращались въ новыя «статьи» закона, находившія себѣ мѣсто въ кодексѣ. Эти новыя статьи, ранѣе обнародованія ихъ въ составѣ законодательнаго сборника, публиковались въ видѣ особыхъ государевыхъ указовъ и обращались къ немедленному исполненію, такъ что земщина могла по нимъ слѣдить за ходомъ и направленіемъ законодательныхъ работъ. Къ 29-му января 1649 года дѣло было окончено и «Уложенная книга» была готова. Она получила названіе «Соборнаго уложенія», потому что была совершена соборомъ и скрѣплена подписями соборныхъ людей.

Нетрудно, конечно, догадаться, о чемъ просили выборные люди въ своихъ соборныхъ челобитныхъ. Мы видѣли, что главнымъ ихъ желаніемъ было упорядоченіе ихъ служебъ, повинностей и платежей и укрѣпленіе ихъ имущественнаго положенія. Стремясь къ этому, они били челомъ: объ уничтоженіи исключительной подсудности духовенства; о воспрещеніи духовенству пріобрѣтать служилыя вотчины и объ отобраніи въ казну вотчинъ, пріобрѣтенныхъ имъ съ 1584 года; о воспрещеніи духовенству и боярству (вообще льготнымъ землевладѣльцамъ) принимать въ закладъ тяглые участки въ городахъ и брать за себя тяглыхъ людей (закладчиковъ); о воспрещеніи духовенству и боярамъ селить на посадскихъ «выгонныхъ» земляхъ своихъ людей и ставить для нихъ подгородныя слободы; о прикрѣпленіи къ тяглымъ участкамъ посадскихъ людей и о запрещеніи имъ выхода изъ посадовъ въ другія сословныя группы; объ уничтоженіи срока давности для исковъ; о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, иначе говоря, о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, и, наконецъ, объ уничтоженіи даннаго при царѣ Михаилѣ иноземнымъ купцамъ права льготнаго торга на внутреннихъ рынкахъ государства. Бо̀льшая часть этихъ ходатайствъ имѣла значеніе для одного какого-либо сословія: для служилыхъ людей, или для тяглыхъ, или для торговыхъ; но обыкновенно «вся земля» поддерживала односословное ходатайство, и челобитье являлось отъ имени

всѣхъ сословій. Между соборными представителями различныхъ сословныхъ группъ существовалъ очевидный союзъ, направленный противъ землевладѣльческихъ и судебныхъ льготъ высшихъ общественныхъ слоевъ и противъ остатковъ былой бродячей вольности низшаго тяглаго люда. Общественная середина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, «за себя стала» и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія «статьи», которыя бы дѣйствительно охраняли до тѣхъ поръ попираемый ея сословный интересъ. За исключеніемъ одного пункта (отобраніе земель, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ въ 1584—1648 гг.), всѣ остальныя челобитья были удовлетворены государемъ и обратились въ статьи Уложенія. Такихъ новыхъ статей на 1000 приблизительно статей Уложенія насчитывается около 80; это можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе о напряженности законодательной энергіи соборныхъ людей.

Такова была побѣда среднихъ классовъ на соборѣ 1648 г. Отъ новаго закона они выигрывали, а проигрывали ихъ житейскіе соперники, стоявшіе наверху и внизу тогдашней соціальной лѣстницы. Какъ въ 1612—1613 г. средніе слои общества возобладали, благодаря своей внутренней солидарности и превосходству силъ, такъ и въ 1648 г. они достигли успѣха, благодаря единству настроенія и дѣйствія и численному преобладанію на соборѣ. И всѣ участники «великаго земскаго дѣла», какимъ было составленіе Уложенія, понимали важность минуты. Однихъ она радовала: тѣ, въ чью пользу совершалась реформа, находили, что наступаетъ торжество справедливости. «Нынѣча Государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ», писалъ одинъ дворянинъ другому: «и ты, государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ!» Нѣкоторые даже находили, что слѣдуетъ итти далѣе по намѣченному пути перемѣнъ. Такъ, курскіе служилые люди были недовольны своимъ выборнымъ на соборѣ Малышевымъ и «шумѣли» на него, по одному выраженію, за то, что «у государева у Соборнаго

уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей государевъ указъ учиненъ», а по другому выраженію, за то, что «онъ на Москвѣ розныхъ ихъ прихотей въ Уложеньѣ не исполнилъ». Но если одни хотѣли еще больше, чѣмъ получили, то другимъ и то, что было сдѣлано, казалось дурнымъ и зловѣщимъ. Закладчики, взятые изъ льготной частной зависимости въ тяжелое государево тягло, мрачно говорили, что «ходить намъ по колѣно въ крови». По ихъ мнѣнію, общество переживало прямую смуту («міръ весь качается»), и обездоленной Уложеніемъ массѣ можно было покуситься на открытое насиліе противъ угнетателей, потому что этой массы будто бы всѣ боялись. Не одно простонародье думало такимъ образомъ. Патріархъ Никонъ подвергалъ рѣзкой критикѣ Уложеніе, называя его «проклятою» и беззаконною книгою. По его взгляду, оно составлено «человѣкомъ прегордымъ», княземъ Одоевскимъ, несоотвѣтственно царскому указанію и передано земскому собору изъ боязни предъ мятежнымъ «міро́мъ». Онъ писалъ: «и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ (т.-е. соборъ) былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Разумѣется, Никона волновали иныя чувства, чѣмъ боярскихъ закладчиковъ. Въ большой запискѣ онъ доказывалъ, что первоначальныя намѣренія государя заключались въ томъ, чтобы просто собрать старые законы «ни въ чемъ же отмѣнно» и преподать ихъ свѣтскому обществу, а не патріарху и не церковнымъ людямъ. Обманомъ же «ложнаго законодавца» Одоевскаго и междоусобіемъ отъ всѣхъ черныхъ людей вышелъ «указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ» и были допущены вопіющія нарушенія имущественныхъ и судебныхъ льготъ духовенства въ новыхъ законахъ, испрошенныхъ земскими людьми. Поэтому Никонъ не признавалъ законности Уложенія и не разъ просилъ государя Уложеніе «отставить», т.-е. отмѣнить. Таково было отношеніе къ собору и его Уложенной книгѣ у самаго яркаго представителя тогдашней іерархіи. Можемъ быть

увѣрены, что ему сочувствовали и прочіе: реформа Уложенія колебала самый принципъ независимости и особности церковнаго строя и подчиняла церковныя лица и владѣнія общегосударственному суду; мало того, она больно затрогивала хозяйственные интересы церковныхъ землевладѣльцевъ. Сочувствія къ ней въ духовенствѣ быть не могло, какъ не могло быть и сочувствія къ самому земскому собору, который провелъ реформу. Боярство также не имѣло основаній одобрять соборную практику 1648 года. Къ серединѣ XVI столѣтія изъ развѣянныхъ Смутою остатковъ стараго боярства, какъ княжескаго происхожденія, такъ и съ болѣе простымъ «отечествомъ», успѣла сложиться новая аристократія придворно-бюрократическаго характера. Не питая никакихъ политическихъ притязаній, это боярство приняло «приказный» характеръ, обратилось въ чиновничество и, какъ мы видѣли, повело управленіе мимо соборовъ. Хотя новые бояре и ихъ помощники, дьяки, сами происходили изъ рядового дворянства, а иногда и ниже, тѣмъ не менѣе у нихъ былъ свой гоноръ и большое стремленіе наслѣдовать не только земли стараго боярства, но и землевладѣльческія льготы стараго типа, когда-то характеризовавшія собою удѣльно-княжескія владѣнія. Обработанные И. Е. Забѣлинымъ документы вотчинъ знаменитаго Б. И. Морозова [1]) вводятъ насъ въ точное разумѣніе тѣхъ чисто государственныхъ пріемовъ управленія, какіе существовали во «дворѣ» и въ «приказахъ» Морозова. Вотъ эта-то широта хозяйственнаго размаха, поддерживаемая льготами и фактическою безотвѣтственностью во всемъ, и послужила предметомъ жалобъ со стороны мелкопомѣстнаго служилаго люда и горожанъ. Уложеніе проводило начало общаго равенства предъ закономъ и властью («чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меншаго чину, судъ и расправа была во вся-

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ.* «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» («Вѣстникъ Европы» 1871 г.).

кихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна») и этимъ становилось противъ московскаго боярства и дьячества за мелкую сошку провинціальныхъ міровъ. Притязанія этой сошки охранить себя посредствомъ соборныхъ челобитій отъ обидъ насильниковъ московская администрація свысока называла «шумомъ» и «разными прихотьми», а шумѣвшихъ—«озорниками». Тенденція Уложенія и челобитья соборныхъ людей никакъ не могли нравиться московской боярской и дьяческой бюрократіи.

Такъ, съ ясностью обнаруживается, что, созванный для умиренія страны, соборъ 1648 г. повелъ къ разладу и неудовольствіямъ въ московскомъ обществѣ. Достигшіе своей цѣли, соборные представители провинціальнаго общества возстановили противъ себя сильныхъ людей и крѣпостную массу. Если послѣдняя, не мирясь съ прикрѣпленіемъ къ тяглу и къ помѣщику, стала протестовать «гилемъ» (т.-е. безпорядками) и выходомъ на Донъ, подготовляя тамъ Разиновщину,—то общественная вершина избрала легальный путь дѣйствій и привела правительство къ полному прекращенію земскихъ соборовъ.

XI.

Земскій соборъ 1648 года былъ самымъ полнымъ, самымъ дѣятельнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ соборовъ при новой династіи. Почетно поставленные и обезпеченные казною на все время работъ въ Москвѣ, выборные люди привлекались иногда въ ряды московской администраціи не только для отдѣльныхъ порученій, но и на должности по мѣстному и центральному управленію. Имъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ почетомъ, оказывалось и довѣріе. Но въ то же время въ обстоятельствахъ собора 1648 года крылись уже причины быстрой развязки, конца соборовъ. Конецъ этотъ пришелъ такъ нежданно, что позднѣйшему наблюдателю онъ можетъ показаться какъ бы переворотомъ въ правительственной системѣ.

Послѣ собора объ Уложеніи въ Москвѣ были еще соборы въ 1650, 1651 и 1653 годахъ. Первый изъ нихъ занимался вопросомъ объ умиротвореніи Пскова, гдѣ тогда шло очень острое броженіе. Два послѣднихъ были посвящены вопросу о присоединеніи Малороссіи. Послѣднее засѣданіе собора 1653 г. происходило 1-го октября,—и болѣе соборы въ Москвѣ не созывались. Можно думать, что отъ нихъ московское правительство отказалось сознательно. Послѣ 1653 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда признавалось необходимымъ обратиться къ мнѣніямъ свѣдущихъ людей, въ Москвѣ созывали на совѣтъ уже не «всѣхъ чиновъ выборныхъ людей», а представителей только того сословія, которое было всего ближе къ данному дѣлу. Такъ, въ 1660, 1662—1663 годахъ шли совѣщанія бояръ съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и экономическаго кризиса. Въ 1672 г. въ Посольскомъ приказѣ высшее московское купечество было привлечено къ обсужденію армянскаго торга шелкомъ; въ 1676 году тотъ же вопросъ былъ предложенъ гостямъ въ Отвѣтной палатѣ. Въ 1681—1682 годахъ въ Москвѣ были двѣ односословныя коммиссіи: одна, служилая, занималась вопросами военной организаціи; другая, тяглая,—вопросами податного обложенія; обѣ были подъ руководствомъ одного предсѣдателя, князя В. В. Голицына, но ни разу не соединились въ одну палату выборныхъ. Только однажды члены служилой коммиссіи вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ и думою составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны мѣстничества; но это, конечно, не былъ земскій соборъ въ томъ смыслѣ, какъ мы условились понимать этотъ терминъ. Прибѣгая къ совѣту съ экспертами въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались спеціальныя свѣдѣнія, московская власть въ общихъ дѣлахъ, хотя бы и большой государственной важности, довольствовалась «соборомъ» властей и бояръ. Такъ, въ 1673 и 1679 годахъ экстренные денежные сборы въ виду войны съ турками были назначены приговорами освященнаго собора и думы. Ранѣе же такіе сборы назначались

неизмѣнно земскими соборами. Словомъ, послѣ 1653 г. московское правительство систематически стало замѣнять соборы другими видами совѣщаній, на которые ему указывала традиція. Мы видѣли, что и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ, и «соборы» властей и бояръ существовали еще до Смутнаго времени и были освящены еще большею давностью, чѣмъ выборные «совѣты всея земли». Признавъ послѣдніе нежелательными, легко обратились къ первымъ, видя въ нихъ не меньше смысла, но больше удобствъ и безопасности.

Однако, земскіе люди, замѣтивъ перемѣну въ отношеніи власти къ земскимъ соборамъ, не скрыли при случаѣ, что съ своей стороны они дорожатъ опальнымъ учрежденіемъ. Когда въ 1662 году, въ смутную пору тяжелаго денежнаго кризиса, московское правительство неоднократно звало на совѣтъ московскихъ гостей, людей гостиной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ и слободъ, то всѣ эти люди въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса предлагали созвать соборъ. «То дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ», говорили гости и торговые люди: «и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно». Черные люди просили того же: «О томъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лучшихъ людей; а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей». Но судьба соборовъ была уже рѣшена, и великій государь соборовъ болѣе не созывалъ.

Послѣ сказаннаго нами нѣтъ надобности много говорить о причинахъ прекращенія соборовъ. Служа въ XVII вѣкѣ политическимъ органомъ среднихъ классовъ московскаго общества, соборы были сначала въ тѣсномъ единеніи съ монархомъ, ко-

торый въ моментъ избранія своего самъ былъ излюбленнымъ вождемъ тѣхъ же среднихъ классовъ. Дружное соправительство двухъ родственныхъ политическихъ авторитетовъ, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась отъ сословныхъ вліяній и пока вокругъ нея не сложилась придворно-аристократическая бюрократія. При первыхъ же признакахъ разлада между земскимъ представительствомъ и «сильными людьми», между нижнею и верхнею палатами земскаго собора 1648 г., правительственная среда перестаетъ пользоваться помощью собора и прибѣгаетъ къ другимъ видамъ совѣщаній, существовавшимъ издавна въ московскомъ обиходѣ. Земскому собору перестаютъ довѣрять, потому что связываютъ его дѣятельность съ тѣмъ «въ міру великимъ смятеніемъ», которое колебало государство въ 1648—1650 годахъ. Власть ищетъ дальнѣйшей опоры уже не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: начинается бюрократизація управленія, торжествуетъ «приказное» начало, которому Петръ Великій далъ такое полное выраженіе въ своихъ учрежденіяхъ.

Такова была внутренняя причина паденія соборовъ. Не сомнѣваемся, что главнымъ виновникомъ перемѣны правительственнаго взгляда на соборы былъ патріархъ Никонъ. Присутствуя на соборѣ 1648 года въ санѣ архимандрита, онъ самъ видѣлъ знаменитый соборъ; много позднѣе онъ выразилъ свое отрицательное къ нему отношеніе въ очень рѣзкой запискѣ. Во второй половинѣ 1652 года сталъ Никонъ патріархомъ. Въ это время малороссійскій вопросъ былъ уже переданъ на сужденіе соборовъ. Когда же въ 1653 году соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, новыя дѣла уже соборамъ не передавались. Временщикъ и іерархъ въ одно и то же время, Никонъ не только пасъ церковь, но вѣдалъ и все государство. При его-то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ.

Очеркъ исторіи земскихъ соборовъ показываетъ намъ, что вопреки старымъ утвержденіямъ, будто бы соборы не пережили своей зачаточной формы, можно наблюдать въ жизни этого учрежденія извѣстное движеніе, ростъ и совершенствованіе. Въ первое время нашего знакомства съ соборами, въ 1566 году, соборъ является предъ нами какъ бы чрезвычайнымъ засѣданіемъ боярской думы, въ которое приглашены свѣдущіе люди, выбранные самимъ правительствомъ изъ лицъ, находившихся въ ту минуту въ столицѣ и принадлежавшихъ къ верхамъ двухъ основныхъ сословій страны, служилаго и тяглаго. Представительства, въ нашемъ обычномъ пониманіи этого слова, еще не существуетъ; его замѣняетъ правительственное приглашеніе. Провинціальное общество, если не считать дворянъ изъ Торопца и В. Лукъ, вовсе не представлено прямыми представителями. Изслѣдователямъ приходится пускать въ ходъ все свое остроуміе для того, чтобы объяснить, почему подобнаго рода собраніе могло почитаться въ XVI вѣкѣ за совѣтъ всея земли. Прошло столѣтіе и на своемъ закатѣ земскій соборъ предстаетъ предъ нами совсѣмъ въ иной формѣ. Въ составѣ собора 1648 года столица побѣждена провинціей и общественные верхи побѣждены общественною серединою. Прежде составъ собора опредѣлялся приглашеніемъ правительства, имѣвшимъ въ виду лишь столичныхъ обывателей, постоянныхъ и временныхъ. Позднѣе мы видимъ, что дворянскія уѣздныя общества и тяглыя городскія общины путемъ правильныхъ выборовъ посылаютъ на соборъ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ; и городъ Москва наряду съ провинціей посылаетъ отъ себя тѣмъ же порядкомъ избранныхъ въ его сословныхъ организаціяхъ представителей. Раньше на соборахъ бывали сотни москвичей и десятки «городовыхъ» людей; въ 1648 г. мы видимъ на соборѣ сотни городовыхъ людей и десятки москвичей. Начало выборнаго представительства, выработанное въ буряхъ Смутнаго времени, привело къ тому, что соборы стали отражать въ себѣ, вмѣсто одной столицы, все государство. Съ на-

шей точки зрѣнія, устройство представительства было въ 1648 г. мало совершенно; сравнительно же съ XVI вѣкомъ оно сдѣлало громадные успѣхи. Оно превратило земскіе соборы изъ вспомогательнаго правительственнаго совѣщанія въ политическій органъ среднихъ классовъ московскаго общества. Собственно говоря, одно учрежденіе какъ бы смѣнилось другимъ, хотя оба они и носили одно и то же имя «совѣта всея земли».

Въ томъ и въ другомъ своемъ видѣ, то-есть и тогда, когда соборъ былъ правительственною комиссіей свѣдущихъ людей, и тогда, когда соборъ сталъ собраніемъ земскихъ уполномоченныхъ,—онъ игралъ роль по преимуществу совѣщательную. Руководство московскою правительственною практикою сосредоточивалось въ боярской думѣ. Одинаково при государяхъ и въ безгосударное время дума стояла во главѣ текущаго управленія; совѣтъ же всея земли былъ совѣщаніемъ экстреннаго порядка, въ которое обращались только дѣла чрезвычайной важности. Изъ своей пассивной роли совѣтника соборъ выходилъ лишь въ исключительныя минуты государственной жизни, когда ему усвaивалась, можно сказать, верховная власть. Мы видѣли, что въ эпохи междуцарствія она принадлежала ему нераздѣльно; при новой династіи въ важнѣйшіе моменты ея дѣятельности (мѣропріятія 1619 года, Соборное уложеніе, присоединеніе Малороссіи и т. п.) сами государи сливали свой авторитетъ съ авторитетомъ «всея земли». Но проходилъ исключительный моментъ, наступало затишье,—и соборы опять входили въ свою обычную роль совѣтника, ожидающаго призыва со стороны власти. Мы видѣли, чѣмъ объяснялась эта пассивность земскихъ соборовъ въ пору ихъ наибольшаго процвѣтанія и значенія. Соборы были органомъ тѣхъ же среднихъ общественныхъ классовъ, представительницею и выразительницею которыхъ была сама новая династія. Въ общей «разрухѣ» царь и соборъ представляли одну политическую сторону, были одною политическою силою, имѣли одниxъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Это были не противники, готовые спорить между собою

за власть, а союзники, готовые дружно защищать общее добро. Не ревнивый контроль, а спокойное довѣріе характеризовало ихъ взаимныя отношенія, и не желаніе верховодить, а стремленіе «заложиться» другъ за друга господствовало въ нихъ. Таковъ былъ историческій моментъ, длившійся, прибавимъ, недолго. Въ серединѣ XVII вѣка жизнь стала разводить друзей. Власть постепенно освобождалась отъ вліянія среднихъ слоевъ населенія, бывшихъ ранѣе ея поддержкою. Она видѣла въ себѣ руководительницу всего замиреннаго послѣ Смуты московскаго общества, представительницу всего государства. Задачи ея естественно становились болѣе широкими и шли далѣе односторонней защиты интересовъ того или иного сословія. А соборы продолжали быть органомъ общественной середины и выразителями интересовъ именно среднихъ классовъ. Съ другой стороны, вокругъ государя постепенно образовалась «приказная», бюрократическая среда, своего рода «средостѣніе» между властью и обществомъ. Раздражаемая злоупотребленіями приказныхъ людей, земщина стала мѣнять тонъ на соборахъ; въ 1648—1649 гг. она явно стала противъ «сильныхъ людей», и въ борьбѣ съ ними инстинктивно потянулась къ тому, что называется законодательною иниціативой. Пассивный прежде совѣтникъ теперь становился неудобнымъ для приказно-бюрократическихъ круговъ и потому былъ очень скоро устраненъ. Стало быть, какъ въ отношеніи состава, такъ и въ отношеніи политической роли, исторія соборовъ представляетъ картину быстрыхъ перемѣнъ. Будучи собраніемъ чиновниковъ (правительственныхъ агентовъ, какъ выражается В. О. Ключевскій) въ началѣ своей дѣятельности, соборъ затѣмъ является собраніемъ земцевъ правительственной партіи, а въ концѣ показываетъ возможность обратиться и въ оппозиціонную организацію.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни быстро мѣнялась физіономія изучаемаго нами учрежденія, оно во всѣхъ фазахъ своихъ признавалось всѣми цѣннымъ и полезнымъ участникомъ московской государственной работы. Мы видѣли, какъ часто и охотно

прибѣгала власть къ созыву соборовъ и какъ высоко ставился «совѣтъ всея земли» всѣми временными правительствами Смутной эпохи. Соборы давали возможность власти точно узнать мнѣніе и настроеніе общества и достичь увѣренности, что принятое на соборѣ рѣшеніе будетъ принято и исполнено всѣмъ обществомъ. Для земщины соборъ былъ средствомъ довести до власти свои жалобы, нужды и желанія, «разсказать про неправды и разоренія», достичь справедливости и порядка въ своей жизни. На соборъ населеніе смотрѣло, какъ на лучшій свой органъ, безъ котораго нельзя было рѣшать важныхъ дѣлъ, «великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно», какъ выражались наши предки. Какъ средство общенія власти съ управляемымъ обществомъ, соборы сослужили Москвѣ большую службу. Московскій государственный порядокъ, изъ котораго ведетъ свое начало новая Россія, былъ созданъ и укрѣпленъ, послѣ ужасающей смуты начала XVII вѣка, болѣе всего авторитетомъ земскаго собора.

Таково значеніе и заслуги московскаго «совѣта всея земли». Отвѣчая потребностямъ и условіямъ своей эпохи, этотъ совѣтъ былъ движущимъ началомъ московской исторіи. Для насъ, съ нашими злобами дня, онъ только любопытный архаизмъ. Оживить его ветхія формы невозможно, какъ невозможно возстановить сословную жизнь Московской Руси. Но изучать старый «совѣтъ всея земли» намъ очень полезно: для разрѣшенія вѣковой проблемы объ идеальномъ отношеніи власти и народа онъ даетъ наблюдателю цѣнный и свѣтлый матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что наши предки умѣли находить отвѣчавшія потребностямъ ихъ времени формы «общаго совѣта» и совершенствовать ихъ сообразно съ успѣхами своей общественности.

МОСКОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИ ПЕРВЫХЪ РОМАНОВЫХЪ.

(1906).

Первые годы правленія царя Михаила Θеодоровича до сихъ поръ представляютъ собою такой историческій моментъ, въ которомъ не все доступно научному наблюденію и не все понятно изъ того, что уже удалось наблюсти. Не ясны ни самая личность молодого государя, ни тѣ вліянія, подъ которыми жила и дѣйствовала эта личность, ни тѣ силы, какими направлялась въ то время политическая жизнь страны. Болѣзненный и слабый, царь Михаилъ всего тридцати съ небольшимъ лѣтъ такъ «скорбѣлъ ножками», что иногда, по его собственнымъ словамъ (въ іюнѣ 1627 года), его «до возка и изъ возка въ креслахъ носятъ» [1]. Около царя замѣтенъ кружокъ дворцовой знати — царскихъ родственниковъ, которые вмѣстѣ съ государевой матерью тянулись къ вліянію и власти. Хотя одинъ современникъ и выразился такъ, что мать государя «инока великая старица Марθа правя подъ нимъ и поддержая царство со своимъ родомъ» [2], однако очевидно, что старица правила только дворцомъ и поддерживала не царство, а свой «родъ». Теченіе политической жизни шло мимо ея кельи и направлялось не ею; по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы великая старица вѣдала какое-либо государственное дѣло. Правитель-

---

[1]) Письма русскихъ государей, I, М. 1848, №№ 182, 183 и слѣд.
[2]) П. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 64.

*

ственный авторитетъ принадлежалъ тогда даже и не одному царю: рядомъ съ нимъ стояла «вся земля» или земскій соборъ, и предъ государевымъ указомъ и всея земли приговоромъ исчезали личныя воздѣйствія великой старицы и ея родни. Но и авторитетъ земскаго собора былъ въ тѣ годы, если можно такъ выразиться, пассивенъ. Соборъ являлся на сцену только тогда, когда къ нему обращались, и отвѣчалъ своимъ приговоромъ лишь на то, на что государь желалъ его приговора. «Вся земля» была какъ бы совѣщательнымъ органомъ при какомъ-то правительствѣ, во главѣ котораго стоялъ царь и въ составѣ котораго находились истинные руководители московской политики. Конечно, это не была боярская дума во всемъ ея составѣ; но мы не знаемъ, кто именно это былъ. Просматривая списокъ думныхъ людей тѣхъ лѣтъ, мы не можемъ точно сказать, кого изъ думцевъ надлежитъ считать только высшимъ чиновникомъ, и въ комъ изъ думцевъ надлежитъ видѣть вліятельнаго совѣтника и даже направителя власти. Между тѣмъ, если бы намъ удалось опредѣлить этотъ пока не вполнѣ вѣдомый правительственный составъ, мы получили бы возможность многое объяснить въ правительственныхъ пріемахъ и стремленіяхъ даннаго момента, нашли бы ключъ къ той загадкѣ, надъ которою много думали ученые разныхъ поколѣній, отъ академика К. И. Арсеньева, давно описавшаго «высшія правительственныя лица временъ царя Михаила Өедоровича», до современнаго намъ Д. И. Иловайскаго съ его «эпохою Михаила Өедоровича Романова».

Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью, путемъ пересмотра нѣкоторыхъ обстоятельствъ воцаренія и первоначальной практики династіи Романовыхъ, подойти къ опредѣленію того, въ чьихъ именно рукахъ оказались судьбы московскаго общества послѣ пережитой имъ тяжелой смуты и изъ кого составилось московское правительство при новой династіи XVII вѣка.

I.

Для нашей цѣли необходимо припомнить нѣкоторыя обстоятельства самаго избранія на престолъ царя Михаила.

Въ настоящее время можно считать совершенно выясненнымъ, что руководители земскаго ополченія 1611—1612 года ставили своею задачею не только «идти на очищеніе» Москвы отъ поляковъ, но и сломить казаковъ, захватившихъ въ свои руки центральныя учрежденія въ подмосковныхъ «таборахъ», а вмѣстѣ съ ними и правительственную власть. Какъ ни слаба была на дѣлѣ эта власть, она становилась на дорогѣ всякой иной попыткѣ создать центръ народнаго единенія; она покрывала своимъ авторитетомъ «всея земли» казачьи безчинства, терзавшія земщину; она грозила, наконецъ, опасностью соціальнаго переворота и водворенія въ странѣ «воровскаго» порядка или, вѣрнѣе, безпорядка. Обстоятельства поставили для князя Пожарскаго войну съ казаками въ первую очередь: казаки сами открыли военныя дѣйствія противъ нижегородцевъ. Междоусобная война русскихъ людей шла безъ помѣхи со стороны поляковъ и литвы почти весь 1612 годъ. Сначала Пожарскій выбилъ казаковъ изъ Поморья и Поволжья и отбросилъ ихъ къ Москвѣ. Тамъ, подъ Москвою, они были не только не вредны, но даже полезны для цѣлей Пожарскаго тѣмъ, что парализовали польскій гарнизонъ Москвы. Предоставляя обоимъ своимъ врагамъ истощать себя взаимною борьбою, Пожарскій не спѣшилъ изъ Ярославля къ Москвѣ. Ярославскія власти думали даже и государя избрать въ Ярославлѣ и собирали въ этомъ городѣ совѣтъ всея земли не только для временного управленія государствомъ, но и для государева «обиранья». Однако приближеніе къ Москвѣ вспомогательнаго польско-литовскаго отряда вынудило Пожарскаго выступить къ Москвѣ,—и тамъ, послѣ побѣды надъ этимъ отрядомъ, разыгрался послѣдній актъ междоусобной борьбы земцевъ и казаковъ. Приближеніе земскаго

ополченія къ Москвѣ заставило меньшую половину казачества отложиться отъ прочей массы и вмѣстѣ съ Заруцкимъ, ея атаманомъ и «бояриномъ», уйти изъ-подъ Москвы на югъ. Другая, бо̀льшая половина казаковъ, чувствуя себя слабѣе земцевъ, долго не рѣшалась ни бороться съ ними, ни подчиниться имъ. Надобенъ былъ цѣлый мѣсяцъ смутъ и колебаній, чтобы предводитель этой части казачества, тушинскій бояринъ кн. Д. Т. Трубецкой, могъ вступить въ соглашеніе съ Пожарскимъ и Мининымъ и соединилъ свои «приказы» съ земскими въ одно «правительство». Какъ старшій по своему отечеству и чину, Трубецкой занялъ въ этомъ правительствѣ первое мѣсто; но фактическое преобладаніе принадлежало другой сторонѣ, и казачество въ сущности капитулировало предъ земскимъ ополченіемъ, поступивъ какъ бы на службу и въ подчиненіе земскимъ властямъ. Разумѣется, это подчиненіе не могло сразу стать прочнымъ, и лѣтописецъ не разъ отмѣчалъ казачье своеволіе, доводившее рать почти «до крови», однако дѣло стало ясно въ томъ отношеніи, что казачество отказалось отъ прежней борьбы съ основами земскаго порядка и отъ правительственнаго первенства. Казачество распалось и отчаялось въ своемъ торжествѣ надъ земщиной.

Такое пораженіе казачества было очень важнымъ событіемъ во внутренней исторіи московскаго общества, не менѣе важнымъ, чѣмъ «очищеніе» Москвы. Если съ плѣномъ польскаго гарнизона падала всякая тѣнь власти Владислава на Руси, то съ пораженіемъ казачества исчезала всякая возможность дальнѣйшихъ самозванческихъ авантюръ. Желавшее себѣ царя «отъ иновѣрныхъ» московское боярство навсегда сошло съ политической арены, разбитое бурями смутной поры. Одновременно съ нимъ проиграла свою игру и казачья вольница съ ея Тушинскими вожаками, измышлявшими самозванцевъ. Къ дѣламъ становились «послѣдніе» московскіе люди, пришедшіе съ Кузьмою Мининымъ и Пожарскимъ городскіе мужики и рядовые служилые люди. У нихъ была опредѣленная мысль

«иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть» [1]), а хотѣть и обирать кого-нибудь изъ своихъ «великихъ родовъ». Такъ само собою намѣчалось главное условіе предстоявшаго въ Москвѣ царскаго избранія; оно вытекало изъ реальной обстановки данной минуты, какъ слѣдствіе дѣйствительнаго взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Сложившаяся въ ополченіи 1611—1612 гг. правительственная власть была создана усиліями среднихъ слоевъ московскаго населенія и была ихъ вѣрною выразительницею. Она овладѣла государствомъ, очистила столицу, сломила казачьи таборы и подчинила себѣ большинство организованной казачьей массы. Ей оставалось оформить свое торжество и царскимъ избраніемъ возвратить странѣ правильный правительственный порядокъ. Недѣли черезъ три послѣ взятія Москвы, то-есть въ серединѣ ноября 1612 года, временное правительство уже посылаетъ въ города приглашенія прислать въ Москву выборныхъ и съ ними о государскомъ избраніи «совѣтъ и договоръ крѣпкой». Этимъ какъ бы открывался избирательный періодъ, завершенный въ февралѣ избраніемъ царя Михаила. Толки о возможныхъ кандидатахъ на престолъ должны были начаться немедля. Хотя мы вообще и очень мало знаемъ о такихъ толкахъ, однако можемъ—изъ того, что̀ знаемъ,—извлечь нѣсколько цѣннѣйшихъ наблюденій надъ отношеніями существовавшихъ тогда общественныхъ группъ.

Недавно стало извѣстно одно важное показаніе о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ въ самомъ концѣ ноября 1612 года. Въ эти дни польскій король послалъ свой авангардъ подъ самую Москву, а въ авангардѣ находились и русскіе «послы» отъ Сигизмунда и Владислава къ московскимъ людямъ, именно князь Данило Мезецкій и дьякъ Иванъ Грамотинъ. Они должны были «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на

[1]) Дворц. Разр. I, ст. 13.

царство». Однако всѣ ихъ посылки въ Москву не повели къ добру, и Москва начала съ польскимъ авангардомъ «задоръ и бой». На бою поляки взяли въ плѣнъ бывшаго въ Москвѣ смоленскаго сына боярскаго Ивана Философова и сняли съ него допросъ. То, что показалъ имъ Философовъ, было давно извѣстно изъ московской лѣтописной записи. Его спрашивали: «хотятъ ли взять королевича на царство? и Москва нынѣ людна ли? и запасы въ ней есть ли?» По выраженію лѣтописца, Философову «даде Богъ слово, что глаголати»: онъ сказалъ будто бы полякамъ: «Москва людна и хлѣбна, и на то всѣ обѣщахомся, что всѣмъ померетъ за православную вѣру, а королевича на царство не имати» [1]). Изъ словъ Философова, думаетъ лѣтописецъ, король вывелъ заключеніе, что въ Москвѣ много силъ и единодушія,—и потому ушелъ изъ Московскаго государства. Не такъ давно напечатанный документъ освѣщаетъ инымъ свѣтомъ показаніе Философова. Въ изданныхъ г. А. Гиршбергомъ матеріалахъ по исторіи московско-польскихъ отношеній мы читаемъ подлинный отчетъ королю и королевичу князя Д. Мезецкаго и Ив. Грамотина о допросѣ Философова. Они, между прочимъ, пишутъ: «А въ роспросѣ, господари, намъ и полковникомъ сынъ боярской (именно Иванъ Философовъ) сказалъ, что на Москвѣ у бояръ, которые вамъ, великимъ господарямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобъ просити на господарство васъ, великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовита, а имянно де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на господарство чужеземца; а казаки де, господари, говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровского Колужского. И во всемъ деи казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ что хотятъ; а дворяне де и дѣти боярскіе разъѣхалися по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да

---

[1]) Никон. Лѣт., VIII, стр. 198—199.

казаковъ полпяты тысячи человѣкъ (то-есть, 4500), да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики чернь. А бояръ деи, господари, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали объ нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ думу, или нѣтъ? А дѣлаетъ всякія дѣла князь Дмитрей Трубецкой да князь Дмитрей Пожарской да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ» [1]). Очевидно, что изъ этихъ словъ отчета о показаніи Философова польскій король извлекъ не совсѣмъ тѣ выводы, какіе предположилъ московскій лѣтописецъ. Что въ Москвѣ большой гарнизонъ, король могъ не сомнѣваться: семь съ половиной тысячъ ратныхъ людей, кромѣ черни, годной по тѣмъ временамъ для обороны стѣнъ, составляли внушительную силу. Среди гарнизона не было единодушія, но Сигизмундъ видѣлъ, что въ Москвѣ преобладаютъ, и притомъ рѣшительно преобладаютъ, враждебные ему элементы. Не питая надеждъ на успѣхъ, онъ и рѣшился повернуть назадъ.

Такова обстановка, въ какой извѣстно намъ показаніе Философова. Обѣ воевавшія стороны придавали ему большое значеніе. Москва знала его не въ дѣловой, а, такъ сказать, въ эпической редакціи: отступленіе Сигизмунда, бывшее или казавшееся послѣдствіемъ рѣчей Философова, придало имъ ореолъ патріотическаго подвига, и самыя рѣчи редактировались лѣтописцемъ, подъ впечатлѣніемъ этого подвига, слишкомъ благородно и красиво. Король же узналъ показаніе Философова въ дѣловой передачѣ такого умнаго дѣльца, каковъ былъ дьякъ Ив. Грамотинъ. Сжато и мѣтко очерчивается въ отчетѣ кн. Мезецкаго и Грамотина положеніе Москвы, и мы въ интересахъ научной правды можемъ смѣло положиться на этотъ отчетъ.

Становится ясно, что черезъ мѣсяцъ по очищеніи Москвы

---

[1]) *Aleksander Hirschberg.* Polska a Moskwa. We Lwowie. 1901, стр. 361—364.

главныя силы земскаго ополченія были уже демобилизованы. По обычному московскому порядку, съ окончаніемъ похода служилые отряды получали разрѣшеніе возвращаться въ свои уѣзды «по домомъ». Взятіе Москвы было тогда понято какъ конецъ похода. Содержать многочисленное войско въ разоренной Москвѣ было трудно; еще труднѣе было служилымъ людямъ кормиться тамъ самимъ. Не было и основанія для того, чтобы держать въ столицѣ большія массы полевого войска—дворянской конницы и даточныхъ людей. Оставивъ въ Москвѣ необходимый гарнизонъ, остальныхъ сочли возможнымъ отпустить домой. Это-то и разумѣетъ лѣтописецъ, когда говоритъ о концѣ ноября: «людіе жъ съ Москвы всѣ розъѣхалися» [1]). Въ составѣ гарнизона, опять-таки по обычному порядку, были московскіе дворяне, нѣкоторыя группы провинціальныхъ, «городовыхъ», дворянъ (самъ Иванъ Философовъ, напримѣръ, былъ не москвичъ, а «смолянинъ», то-есть изъ смоленскихъ дворянъ), далѣе стрѣльцы (число которыхъ уменьшилось въ смуту) и, наконецъ, казаки. Философовъ точно опредѣляетъ число дворянъ въ 2.000, число стрѣльцовъ въ 1.000 и число казаковъ въ 4.500 человѣкъ. Получилось такое положеніе, которое врядъ ли могло нравиться московскимъ властямъ. Съ роспускомъ городскихъ дружинъ служилыхъ и тяглыхъ людей казаки получили численный перевѣсъ въ Москвѣ. Ихъ некуда было распустить по ихъ бездомовности и ихъ нельзя было разослать на службу въ города по ихъ ненадежности. Начиная съ приговора 30-го іюня 1611 года, земская власть, какъ только получала преобладаніе надъ казачествомъ, стремилась выводить казаковъ изъ городовъ и собирать ихъ у себя подъ рукою въ цѣляхъ надзора. И Пожарскій въ свое время, въ первой половинѣ 1612 года, стягивалъ служилыхъ

---

[1]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 198. Это совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Философова, что «дворяне и дѣти боярскіе разъѣхались по помѣстьямъ».

подчинившихся ему казаковъ въ Ярославль и затѣмъ велъ ихъ съ собою подъ Москву. Поэтому-то въ Москвѣ и оказалось такъ много казаковъ. Насколько мы располагаемъ цифровыми данными для того времени, мы можемъ сказать, что указанное Философовымъ число казаковъ «полпяты тысячи» очень велико, но вполнѣ вѣроятно. По нѣкоторымъ соображеніямъ, въ 1612 году подъ Москвою съ кн. Трубецкимъ и Заруцкимъ сидѣло около 5.000 казаковъ; изъ нихъ Заруцкій увелъ около 2.000, а остальные поддалися земскому ополченію Пожарскаго. Не знаемъ точно, сколько пришло въ Москву казаковъ съ Пожарскимъ изъ Ярославля; но знаемъ, что немногимъ позднѣе того времени, о которомъ идетъ теперь рѣчь, а именно въ мартѣ и апрѣлѣ 1613 года, казачья масса въ Москвѣ была столь значительна, что упоминаются отряды казаковъ въ 2.323 и 1.140 человѣкъ и ими не исчерпывается еще вся наличность казаковъ въ Москвѣ [1]. Такимъ образомъ надобно вѣрить цифрѣ Философова и признать, что въ исходѣ 1612 г. казачьи войска въ Москвѣ числомъ болѣе, чѣмъ вдвое, превосходили дворянъ и раза въ полтора превосходили дворянъ и стрѣльцовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Эту массу надобно было обезпечить кормами и надобно было держать въ повиновеніи и порядкѣ. Повидимому, московская власть этого не достигала, и побѣжденное земцами казачество снова поднимало голову, пытаясь овладѣть положеніемъ дѣлъ въ столицѣ. Такое настроеніе казаковъ и отмѣтилъ Философовъ словами: «и во всемъ казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ».

Съ одной стороны, казаки настойчиво и беззастѣнчиво требовали «кормовъ» и всякаго жалованья, а съ другой — они «примѣривали» на царство своихъ кандидатовъ. О кормахъ и жалованьѣ лѣтописецъ говоритъ кратко, но сильно [2]: онъ сообщаетъ, что казаки послѣ взятія Кремля «начаша прошати

---

[1] Мои «Очерки по исторіи смуты», глава V, § VII. Дворц. Разряды, I, ст. 1052 (сравн. 1094), 1054, 1109—1110, 1115.

[2] Ник. Лѣт., VIII, стр. 197.

жалованья безпрестанно», они «всю казну московскую взяша, и едва у нихъ немного государевы казны отняша»; изъ-за казны они однажды пришли въ Кремль и хотѣли «побить» начальниковъ (то-есть Пожарскаго и Трубецкого), но дворяне не допустили до этого и межъ ними «едва безъ крови проиде». По словамъ Философова, московскія власти «что у кого казны сыщутъ, и то все отдаютъ казакомъ въ жалованье; а что (при сдачѣ Москвы) взяли въ Москвѣ у польскихъ и русскихъ людей, и то все поимали казаки жъ» [1]). Наконецъ, архіепископъ Арсеній Елассонскій согласно съ Философовымъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о розыскахъ царской казны послѣ Московскаго очищенія и о раздачѣ ея «воинамъ и казакамъ», послѣ чего «весь народъ успокоился» [2]). Очевидно, вопросъ объ обезпеченіи казаковъ составлялъ тогда тяжелую заботу московскаго правительства и постоянно грозилъ властямъ насиліями съ ихъ стороны. Сознавая свое численное превосходство въ Москвѣ, казаки шли далѣе «жалованья» и «кормовъ»: они, очевидно, возвращались къ мысли о политическомъ преобладаніи, утерянномъ ими вслѣдствіе успѣховъ Пожарскаго. Послѣ московскаго очищенія во главѣ временнаго правительства почитался казачій начальникъ бояринъ князь Трубецкой, главную силу московскаго гарнизона составляли казаки: очевидна мысль, что казакамъ можетъ и должно принадлежать и рѣшеніе вопроса о томъ, кому вручить московскій престолъ. Стоя на этой мысли, казаки заранѣе «примѣривали» на престолъ наиболѣе достойныхъ, по ихъ мнѣнію, лицъ. Такими оказывались сынъ бывшаго Тушинскаго и Калужскаго царя «вора», увезенный Заруцкимъ, и сынъ бывшаго Тушинскаго патріарха Филарета Романова.

Московскимъ властямъ приходилось до времени терпѣть всѣ казачьи выходки и притязанія, потому что привести казаковъ въ полное смиреніе можно было или силою, собравъ въ Москву

---

[1]) *A. Hirschberg*, 363—364; срвн. Русск. Ист. Библ., I, ст. 353.

[2]) *А. А. Дмитріевскій*, «Архіепископъ Елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи». Кіевъ. 1899, стр. 164—166.

новое земское ополченіе, или авторитетомъ всея земли, собравъ земскій соборъ. Торопясь съ созывомъ собора, правительство, конечно, понимало, что произвести мобилизацію земскихъ ополченій послѣ только-что оконченнаго похода подъ Москву было бы чрезвычайно трудно. Другихъ средствъ воздѣйствія на казачество въ распоряженіи правительства не было. Терпѣть приходилось еще и потому, что въ казачествѣ правительство видѣло дѣйствительную опору противъ вождленій королевскихъ приверженцевъ. Философовъ не даромъ говорилъ, что «бояре и лучшіе люди» въ Москвѣ таили свое желаніе пригласить Владислава—«боясь казаковъ». Противъ поляковъ и ихъ московскихъ друзей казаки могли оказать существенную помощь, и Сигизмундъ повернулъ назадъ отъ Москвы въ концѣ 1612 г. скорѣе всего именно въ виду «полупяты тысячи» казаковъ и ихъ противу-польскаго настроенія. Счеты съ агентами и сторонниками Сигизмунда тогда въ Москвѣ еще не были закончены и отношенія къ царю Владиславу Жигимонтовичу еще не были ликвидированы. Философовъ сообщалъ, что въ Москвѣ арестовано «за приставы русскихъ людей, которые сидѣли въ осадѣ: Иванъ Безобразовъ, Иванъ Чичеринъ, Ѳедоръ Ондроновъ, Степанъ Соловецкій, Баженъ Замочниковъ; и Ѳедора де и Бажена пытали на пытцѣ въ казнѣ». Согласно съ этимъ и архіепископъ Арсеній Елассонскій говоритъ, что по очищеніи Москвы «враговъ государства и возлюбленныхъ друзей великаго короля, Ѳ. Андронова и Ив. Безобразова, подвергли многимъ пыткамъ, чтобы разузнать о царской казнѣ, о сосудахъ и о сокровищахъ... Во время наказанія ихъ (то-есть, друзей короля) и пытки умерли изъ нихъ трое: великій дьякъ царскаго судилища Тимоѳей Савиновъ, Степанъ Соловецкій и Баженъ Замочниковъ, присланные великимъ королемъ довѣреннѣйшіе казначеи его къ царской казнѣ» [1]). По обычаю той эпохи,

---

[1]) *А. Hirschberg*, 363.—*А. А. Дмитріевскій*, стр. 164 и 166 (рѣшаемся вмѣсто Μπαξένας Замойскій прочесть: Баженъ Замочниковъ).

«худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ», служившихъ королю, держали за приставами и пытали до смерти, а великихъ бояръ, виновныхъ въ той же службѣ королю, только «въ думу не припускали» и, самое большее, держали подъ домашнимъ арестомъ, пока земскій совѣтъ въ городахъ не рѣшитъ вопроса: «пускать ихъ въ думу, или нѣтъ?» До насъ не дошли грамоты, которыя были, по словамъ Философова, посланы въ города о томъ, можно ли бояръ князя Мстиславскаго «съ товарищи» пускать въ думу. Но есть полное основаніе думать, что на этотъ вопросъ въ Москвѣ въ концѣ концовъ отвѣтили отрицательно, такъ какъ выслали Мстиславскаго «съ товарищи» изъ Москвы куда-то «въ городы» и произвели государево избраніе безъ нихъ. Всѣ эти мѣры противъ московскаго боярства и московской администраціи, служившихъ королю, временное московское правительство кн. Д. Т. Трубецкого, кн. Д. М. Пожарскаго и «Куземки» Минина могло принимать главнымъ образомъ съ сочувствіемъ казачества, ибо въ боярахъ и «лучшихъ людяхъ» еще жива была тенденція въ сторону Владислава.

Таковы были обстоятельства московской политической жизни въ концѣ 1612 года. Изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь данныхъ ясенъ тотъ выводъ, что побѣда, одержанная земскимъ ополченіемъ надъ королемъ и казаками, требовала дальнѣйшаго упроченія. Враги были побѣждены, но не уничтожены. Они пытались, какъ могли, вернуть себѣ утраченное положеніе, и если имя Владислава произносилось въ Москвѣ не громко, то громко раздавались имена «Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго». Земщинѣ предстояла еще забота—на земскомъ соборѣ настоять, чтобы не прошли на престолъ ни иноземцы, ни самозванцы, о которыхъ, какъ видимъ, еще смѣли мечтать побѣжденные элементы. Успѣху земскихъ стремленій въ особенности могло мѣшать то обстоятельство, что земскому собору предстояло дѣйствовать въ столицѣ, занятой въ большинствѣ казачьимъ гарнизономъ. Преобладаніе казачьей массы въ го-

родѣ могло оказать нѣкоторое давленіе и на представительное собраніе, направивъ его такъ или иначе въ сторону казачьихъ вожделѣній.

Насколько мы можемъ судить, нѣчто подобное и случилось на избирательномъ соборѣ 1613 г. Иностранцы послѣ избранія на престолъ царя Михаила Θеодоровича получили такое впечатлѣніе, что это избраніе было дѣломъ именно казаковъ. Въ офиціальныхъ, стало быть отвѣтственныхъ, бесѣдахъ литовско-польскихъ дипломатовъ съ московскими, въ первые мѣсяцы послѣ выбора Михаила русскимъ людямъ приходилось выслушивать «непригожія рѣчи»: Левъ Сапѣга грубо высказалъ самому Филарету при московскомъ послѣ Желябужскомъ, что «посадили сына его на Московское государство государемъ одни казаки донцы»; Александръ Гонсѣвскій говорилъ князю Воротынскому, что Михаила «выбирали одни казаки». Съ своей стороны шведы высказывали мнѣніе, что въ пору царскаго избранія въ Москвѣ были «казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшіи» [1]). Эти впечатлѣнія постороннихъ лицъ встрѣчаютъ нѣкоторое подтвержденіе и въ московскихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Разумѣется, нечего искать такихъ подтвержденій въ офиціальныхъ московскихъ текстахъ: они представляли дѣло такъ, что царя Михаила самъ Богъ далъ и всею землею обрали. Эту же идеальную точку зрѣнія усвоили себѣ и всѣ русскія литературныя сказанія XVII вѣка. Царское избраніе, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось особымъ благодѣяніемъ Господнимъ, и приписывать казакамъ избраніе того, кого «самъ Богъ объявилъ», было въ глазахъ земскихъ людей неприличною безсмыслицею. Но все-таки въ московскомъ обществѣ осталась нѣкоторая память о томъ, что

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, II, 1073 и 1084.—Доп. къ А. И. II, стр. 30.—Мои «Очерки по ист. смуты», глава V, § VIII.—*А. И. Маркевичъ*, «Избраніе на царство М. Θ. Романова» (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, сентябрь, стр. 192).

въ счастливомъ избраніи законнаго государя приняли участіе и проявили починъ даже и склонные ко всякому беззаконію казаки. Авраамій Палицынъ разсказываетъ, что къ нему на монастырское подворье въ Москвѣ во время земскаго собора приходили вмѣстѣ съ дворянами и казаки съ мыслью именно о Михаилѣ Ѳедоровичѣ Романовѣ и просили его довести ихъ мысль до собора. Изданный И. Е. Забѣлинымъ поздній и въ общемъ недостовѣрный разсказъ о царскомъ избраніи 1613 г. заключаетъ въ себѣ одну любопытнѣйшую подробность о томъ, что права Михаила на избраніе объяснилъ собору между прочимъ «славнаго Дону атаманъ» [1]). Эти упоминанія о заслугахъ казаковъ въ дѣлѣ объявленія и укрѣпленія кандидатуры М. Ѳ. Романова имѣютъ очень большую цѣну: они свидѣтельствуютъ, что роль казачества въ царскомъ избраніи не была скрыта и отъ московскихъ людей, хотя имъ она представлялась, конечно, иначе, чѣмъ иноземцамъ.

Руководясь приведенными намеками источниковъ, мы можемъ себѣ ясно представить, какой смыслъ имѣла кандидатура М. Ѳ. Романова и каковы были условія ея успѣха на земскомъ соборѣ 1613 года.

Собравшись въ Москву въ исходѣ 1612 или въ самомъ началѣ 1613 года, земскіе выборные хорошо представили собою «всю землю». Окрѣпшая въ эпоху смуты практика выборнаго представительства позволила избирательному собору на самомъ дѣлѣ представить собою не одну Москву, а Московское государство въ нашемъ смыслѣ этого термина. Въ Москвѣ оказались представители не менѣе 50-ти городовъ и уѣздовъ; представлены были и служилый и тяглый классъ населенія; были и представители казаковъ [2]). Въ своей массѣ соборъ ока-

---

[1]) Сказаніе Палицына, изд. 1822 года, стр. 291. *И. Е. Забѣлинъ*, «Мининъ и Пожарскій», изд. 1896 г., стр. 299—300.

[2]) Не останавливаемся на данныхъ о составѣ и дѣятельности собора 1613 года: о нихъ намъ пришлось говорить дважды, именно въ «Очер-

зался органомъ тѣхъ слоевъ московскаго населенія, которые участвовали въ очищеніи Москвы и возстановленіи земскаго порядка; онъ не могъ служить ни сторонникамъ Сигизмунда, ни казачьей политикѣ. Но онъ могъ и неизбѣжно долженъ былъ стать предметомъ воздѣйствія со стороны тѣхъ, кто еще надѣялся на возстановленіе королевской власти или же казачьяго режима. И вотъ отнимая надежду какъ на то, такъ и на другое, соборъ прежде всякаго иного рѣшенія торжественно укрѣпился въ мысли: «а Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть». Въ этомъ рѣшеніи заключалось окончательное пораженіе тѣхъ, кто думалъ еще бороться съ результатами московскаго очищенія и съ торжествомъ среднихъ консервативно-настроенныхъ слоевъ московскаго населенія. Исчезало навсегда «хотѣніе» бояръ и «лучшихъ людей», которые «служили» королю, по выраженію Философова, и желали бы снова «просити на государство» Владислава. Невозможно было долѣе «примѣривать» на царство и «Воровскаго Калужскаго», а стало быть, мечтать о соединеніи съ Заруцкимъ, который держалъ у себя «Маринку» и ея «Воровскаго Калужскаго» сына.

Побѣда надъ боярами, желавшими Владислава, досталась собору, думается, очень легко: вся партія короля въ Москвѣ, какъ мы видѣли, была разгромлена временнымъ правительствомъ тотчасъ по взятіи столицы, и даже знатнѣйшіе бояре, «которые на Москвѣ сидѣли», вынуждены были уѣхать изъ Москвы и не были на соборѣ вплоть до той поры, когда новый царь былъ уже избранъ: ихъ вернули въ Москву только между 7-мъ и 21-мъ февраля. Если до собора сторонники приглаше-

---

кахъ», глава V, § VIII, и въ статьѣ «Къ исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ» (*Журналъ для всѣхъ* за 1905 годъ и отдѣльно). Кромѣ того, см. только-что названный трудъ А. П. Маркевича.

нія Владислава «имянно о томъ говорити не смѣли, боясь казаковъ», то на соборѣ имъ надобно было беречься еще болѣе, боясь не однихъ казаковъ, но и «всей земли», которая одинаково съ казаками не жаловала короля и королевича. Другое дѣло было земщинѣ одолѣть казаковъ: они были сильны своимъ многолюдствомъ и дерзки сознаніемъ своей силы. Чѣмъ рѣшительнѣе земщина становилась противъ Маринки и противъ ея сына, тѣмъ внимательнѣе должна была она отнестись къ другому кандидату, выдвинутому казаками, — къ «Филаретову сыну». Онъ былъ не чета «воренку». Нѣтъ сомнѣнія, что казаки выдвигали его по тушинскимъ воспоминаніямъ, потому что имя его отца Филарета было связано съ Тушинскимъ таборомъ. Но имя Романовыхъ было связано и съ инымъ рядомъ московскихъ воспоминаній. Романовы были популярнымъ боярскимъ родомъ, извѣстность котораго шла съ первыхъ временъ царствованія Грознаго. Незадолго до избирательнаго собора 1613 года, именно въ 1610 году, совсѣмъ независимо отъ казаковъ, М. Ѳ. Романова въ Москвѣ считали возможнымъ кандидатомъ на царство, однимъ изъ соперниковъ Владислава. Когда соборъ настоялъ на уничтоженіи кандидатуры иноземцевъ и Маринкина сына и «говорили на соборѣхъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ»,—то изъ всѣхъ великихъ родовъ естественно возобладалъ родъ, указанный мнѣніемъ казачества. На Романовыхъ могли сойтись и казаки, и земщина—и сошлись: предлагаемый казачествомъ кандидатъ удобно былъ принятъ земщиною. Кандидатура М. Ѳ. Романова имѣла тотъ смыслъ, что мирила въ самомъ щекотливомъ пунктѣ двѣ еще не вполнѣ примиренныя общественныя силы и давала имъ возможность дальнѣйшей солидарной работы. Радость обѣихъ сторонъ по случаю достигнутаго соглашенія, вѣроятно, была искрення и велика, и Михаилъ былъ избранъ дѣйствительно «единомышленнымъ и нерозвратнымъ совѣтомъ» его будущихъ подданныхъ.

II.

Изложенныя нами обстоятельства воцаренія М. Ѳ. Романова исключаютъ, по нашему мнѣнію, всякую возможность предполагать, что это воцареніе было обставлено боярскими ограниченіями. Новый государь былъ предложенъ не боярами, избранъ въ отсутствіе виднѣйшихъ бояръ «князя Мстиславскаго съ товарищи», приглашенъ на государство земскимъ соборомъ, а не думою. Нѣтъ, кажется, ни одного такого момента во всемъ ходѣ избранія, когда боярская власть или интрига могла бы повліять на ходъ общенароднаго дѣла и придать ему, явно или тайно, форму, удобную для бояръ или боярской думы.

Извѣстія о такъ называемыхъ ограниченіяхъ царя Михаила Ѳедоровича съ удобствомъ можно раздѣлить на двѣ группы. Въ первую надлежитъ отнести свидѣтельства современниковъ царя Михаила Ѳедоровича, во вторую—извѣстія, относящіяся къ XVIII столѣтію и принадлежащія иностранцамъ (и В. Н. Татищеву). Такъ какъ сводъ и критическій анализъ и тѣхъ и другихъ извѣстій данъ давно проф. А. И. Маркевичемъ [1]), то намъ нѣтъ необходимости приводить здѣсь ихъ тексты и останавливаться на деталяхъ интересующихъ насъ сообщеній. Скажемъ вообще, что извѣстія второй группы допускаютъ одну общую оцѣнку, потому что имѣютъ общій отличительный признакъ: они возникли одновременно и, повидимому, по одному и тому же поводу. Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Петра Великаго, въ періодъ образованія центральныхъ органовъ управленія новаго типа, вопросъ объ организаціи самой власти ставился на очередь самымъ ходомъ вещей. Разрушеніе боярской думы не повлекло за собою въ системѣ Петра образованія новаго законодательнаго учрежденія, а въ немъ многими чувствовалась нужда.

---

[1]) См. вторую половину статьи *А. И. Маркевича* «Избраніе на царство М. Ѳ. Романова» (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1891 г., октябрь).

Съ разныхъ сторонъ указывали Петру на существовавшій пробѣлъ и давали мысль объ учрежденіи «тайнаго совѣта» по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Самъ Петръ имѣлъ намѣреніе устроить, въ видѣ особой коллегіи, верховный объединяющій и направляющій органъ управленія. Но Петръ до конца дней своихъ довольствовался въ этомъ отношеніи своимъ «кабинетомъ», въ которомъ самъ вырабатывалъ законопроекты, не стѣсняясь никакими «коллегіями» и «совѣтами». А на нѣкоторыхъ его современниковъ и сотрудниковъ шведскій олигархическій переворотъ 1720 года повліялъ въ томъ направленіи, что ихъ мысль о благоустроеніи верховной власти перешла въ мечту объ ограниченіи личной власти государя [1]). Въ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта въ началѣ 1726 года многіе готовы были видѣть первый шагъ именно въ этомъ направленіи; а въ 1730 году «верховники» пытались сдѣлать и второй, болѣе опредѣленный и рѣшительный, шагъ въ сторону шведскихъ олигархическихъ порядковъ. Такимъ образомъ на пространствѣ двухъ десятилѣтій мы наблюдаемъ въ высшихъ кругахъ бюрократіи извѣстное теченіе политической мысли: оно отправляется отъ заботы возстановить нарушенную такъ называемой реформой правильность правительственныхъ функцій и приводитъ къ попыткѣ коренного государственнаго переворота. Сначала думаютъ создать что-нибудь соотвѣтствующее старой «думѣ государевой», а затѣмъ приходятъ къ рѣшимости упразднить старую полноту власти государя. И въ томъ и въ другомъ фазисѣ размышленій и разговоровъ лица, причастныя къ данному дѣлу, неизбѣжно должны были обращаться за справками и сравненіями къ прошлому, именно къ тѣмъ его моментамъ, когда въ старой Москвѣ ставились и рѣшались тѣ же самые вопросы о фор-

[1]) *П. Н. Милюковъ*, «Госуд. хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.», изд. 1, стр. 673—680 (*Его же*, «Попытка государственной реформы при воцареніи имп. Анны Іоанновны»).—*Н. П. Павловъ-Сильванскій*, «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.». С.-Пб. 1897, стр. 66--67.

махъ и способахъ управленія. Ища отвѣта на свои вопросы въ прошломъ, они вспоминали — по устнымъ преданіямъ — то, что̀ было встарину, и по-своему освѣщали то, что̀ вспоминали. Ихъ воспоминанія и толкованія получали широкое распространеніе въ кругу ихъ близкихъ и знакомыхъ,—и вотъ почему около 1720—1730 гг. иностранцы, жившіе въ Россіи и писавшіе о ней, располагали такими свѣдѣніями о смутномъ времени и о началѣ царствованія Михаила, какими не располагала ни печатная, ни рукописная историческая наша литература того времени. Приводя свои данныя, эти господа и ссылались иногда на частные архивы и частные разсказы. Страленбергъ, напримѣръ, упоминаетъ о письмѣ, «которое, какъ говорятъ, можно еще было видѣть въ оригиналѣ у недавно умершаго фельдмаршала Шереметева и изъ коего нѣкто, его читавшій, сообщилъ мнѣ (т.-е. Страленбергу) нѣсколько данныхъ». Шмидтъ-Физельдекъ, жившій въ домѣ графа Миниха, не иначе, какъ только путемъ слуховъ, ходившихъ въ кругу его патрона, могъ быть освѣдомленъ о документахъ, хранимыхъ, по его сообщенію, въ Успенскомъ соборѣ и какомъ-то «архивѣ». Историческій матеріалъ, добытый такимъ путемъ, не могъ быть, конечно, точенъ и полонъ. Преданіе знало, что въ смутное время избраніе на престолъ В. Шуйскаго было сопряжено съ обѣщаніями царя подданнымъ. Въ хронографахъ и рукописныхъ сборникахъ можно было найти и самую запись, на которой Шуйскій «поволилъ» цѣловать крестъ. Такимъ образомъ, при желаніи и стараніи, фактъ «ограниченій» Шуйскаго могъ быть установленъ твердо. Знало преданіе и о томъ, что Владислава избрали на условіяхъ; могли даже быть извѣстны и самыя условія тѣмъ, кто имѣлъ тогда доступъ въ архивы. Но условій, предложенныхъ, какъ предполагали, царю Михаилу, никто не зналъ, между тѣмъ преданіе помнило, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ правилъ не одинъ, не по-старому, а съ участіемъ земщины. Не зная дѣйствительныхъ отношеній царя и земскаго собора, представляли ихъ себѣ въ томъ видѣ, какой считали

нормальнымъ по понятіямъ своей эпохи. Такъ и явились, думается намъ, условія, изложенныя у Страленберга и повторенныя у Фокеродта и графа Миниха. Они воспроизводили положеніе, не дѣйствительно бывшее въ 1613 году, а такое, какое предполагалось для того времени естественнымъ: царская власть ограничена бюрократической олигархіей и связана рядомъ точно формулированныхъ условій въ административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ ея функціяхъ. Словомъ, преданіе о началѣ XVII вѣка строилось на данныхъ начала XVIII вѣка, и его детали въ нашихъ глазахъ должны характеризовать не первый, а второй изъ этихъ моментовъ. Таковъ будетъ, по нашему разумѣнію, единственно-правильный научный пріемъ въ оцѣнкѣ баснословнаго разсказа Страленберга и зависимыхъ отъ него показаній Фокеродта и Миниха. Что же касается до остальныхъ двухъ свидѣтельствъ XVIII столѣтія, именно упоминаній Шмидтъ-Физельдека и Татищева, то это только упоминанія, не болѣе. Одинъ говоритъ, что въ 1613 году существовала «eine förmliche Kapitulation», а другой—что царя Михаила избрали «съ такою же записью», какъ и В. Шуйскаго. Оба эти извѣстія доказываютъ только то, что ихъ авторы вѣрили въ справедливость ходившихъ въ ихъ время разсказовъ о существованіи ограничительной записи царя Михаила Θеодоровича и что самой записи они не видѣли и не знали.

Итакъ, если бы объ ограниченіяхъ 1613 года существовали только извѣстія XVIII вѣка, мы не дали бы имъ вѣры и воспользовались бы ими только для характеристики политическаго умонастроенія тѣхъ круговъ русскаго общества, которые подготовили «затѣйку» съ пунктами 1730 года, а также ея паденіе. Возникновеніе преданія о записи царя Михаила мы въ такомъ случаѣ объясняли бы неумѣніемъ дѣятелей Петровской эпохи понять соправительство Михаила съ земскимъ соборомъ иначе, какъ результатъ формальнаго ограниченія верховной власти и притомъ ограниченія по извѣстному образцу. Но въ данномъ случаѣ вопросъ осложняется тѣмъ, что о бояр-

скомъ ограниченіи власти М. Ѳ. Романова говорятъ два его современника—анонимный авторъ Псковскаго сказанія о смутѣ и извѣстный Котошихинъ. Надъ тѣмъ, что они говорятъ, стоитъ остановиться.

Псковское сказаніе «о бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ» давно уже оцѣнено С. М. Соловьевымъ и А. П. Маркевичемъ [1]). Однако и теперь физіономія этого памятника недостаточно ясна. Авторъ сказанія неизвѣстенъ; не поддается опредѣленію и самая среда, къ которой онъ принадлежалъ. Сдѣлано лишь то наблюденіе, что онъ не тяготѣлъ къ высшимъ кругамъ, псковскимъ или московскимъ, и писалъ «въ духѣ меньшихъ людей, въ духѣ собственно псковскомъ, съ сильнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ, ко всему, что тамъ дѣлалось, преимущественно къ боярамъ, ихъ поведенію и распоряженіямъ». Къ этимъ словамъ С. М. Соловьева слѣдуетъ добавить, что мѣстная «собственно псковская» тенденція сказателя не была политическою и не переходила въ сепаратизмъ. Его протестъ былъ направленъ противъ московскихъ бояръ, какъ представителей высшаго соціальнаго слоя, политически и экономически вреднаго одинаково для Пскова и Москвы, для всего русскаго народа. Демократическое настроеніе автора ведетъ его къ крайностямъ и несправедливости. Разъ дѣло касается «владущихъ», онъ готовъ на всякія обвиненія и подозрѣнія. Бояре Шуйскіе, по его мнѣнію, злодѣйски погубили кн. М. В. Скопина-Шуйскаго; затѣмъ другіе «отъ боярска роду» возненавидѣли «своего христіанскаго царя» и стали желать царя «отъ поганыхъ иновѣрныхъ», чѣмъ и погубили Москву; при освобожденіи Москвы отъ поляковъ «древняя гордость» боярина кн. Д. Т. Трубецкого, не желавшаго помочь Пожарскому, чуть было не помѣшала успѣху

[1]) Сказаніе—въ Полн. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 55—62—66.—О немъ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, II, ст. 1387—1390; *А. П. Маркевичъ*, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, октябрь, стр. 380—383. См. также мои «Древнерусскія сказанія и повѣсти», стр. 340—341.

дѣла. Стоявшіе съ Трубецкимъ подъ Москвою «рустіи бояре и князи», несмотря на горькій опытъ съ Владиславомъ, снова умыслили призвать иноземнаго царя и дважды посылали за нимъ въ Швецію, «и не сбыстся ихъ злый боярской совѣтъ», потому что «избрали ратные люди и всѣ православные на Московское государство царемъ» М. Ѳ. Романова. Когда, не ожидая исхода посольства въ Швецію, тотчасъ по взятіи Москвы собрались русскіе люди и стали говорить: «не возможно намъ пребыти безъ царя ни единаго часа»,—то владущіе и на соборѣ завели рѣчь объ иноземцѣ; «и восхотѣша началницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти». Такимъ образомъ до воцаренія Михаила Ѳедоровича бояре, руководившіе властью, приводили народъ къ бѣдамъ и гибели. При Михаилѣ пагубная дѣятельность владущихъ продолжалась, но изъ сферы политической она перешла въ сферу административно-хозяйственную. Вотъ какъ представляетъ ее себѣ авторъ: такъ какъ новый государь былъ молодъ и не имѣлъ «еще толика разума, еже управляти землею», то «не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ дьяволъ, возвыся паки владущихъ на мздоиманіе». Владущіе снова стали кабалить себѣ народъ, «емлюще въ работу силно собѣ» трудовое населеніе, возвращавшееся изъ плѣна и бѣговъ: они уже забыли прежнее «безвремяніе», когда «отъ своихъ рабъ разорени быша». Не боясь царя, они «его царьская села себѣ поимаша», такъ какъ государь не зналъ своихъ земель вслѣдствіе пропажи писцовыхъ книгъ, «яко земскія книги преписанія въ разореніе погибоша» [1]). Въ то же время, умаливъ хищничествомъ государ-

[1]) Дворцовыя села и земли дѣйствительно были расхищаемы въ смутное время, но уже въ началѣ 1613 года началось ихъ обратное движеніе во дворецъ. Соборъ 1612—1613 года постановилъ «отписывать дворцовыхъ селъ пашенныхъ и посопныхъ и оброчныхъ», и «отпищики посланы» (Дворц. Разр. I, ст. 1083—1084 и примѣч. 2). Такимъ образомъ хищеніямъ полагали конецъ. Но при царѣ Михаилѣ законнымъ порядкомъ и преимущественно въ мелкую раздачу стали снова и притомъ усиленно тратить дворцовый земельный фондъ (*Ю. В.*

ревы доходы, они понудили царя къ увеличенію податныхъ тяготъ: на государевы и государственные расходы брали со всей земли какъ обычные оброки и дани, такъ и экстренную пятую деньгу, «пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей»; на «царскую потребу и росходы» шли даже и тѣ доходы, изъ которыхъ прежде «государь царь оброки жаловаше», то-есть давалъ жалованье служилымъ людямъ (предполагаемъ, «четвертчикамъ»). Своекорыстно отнеслись бояре и къ тому случаю, когда подъ Москву явились «нѣцыи вои, въ Поморьи суще, бяху грабяще люди». Отставъ отъ грабежа и сознавъ свою вину, эти вои-казаки пожелали идти на помощь Пскову, будто бы осажденному тогда шведами,—«и пріидоша къ царствующему граду и послаша къ царю о собѣ». И вотъ «слышавъ бояре, начаша совѣтовати собѣ, какъ сія волныя люди собѣ поработити, понеже наши рабы прежде быша, а нынѣ намъ силны быша и не покоряхуся; и призвавше во градъ головъ ихъ, яко до трехсотъ,... и переимаша ихъ и перевязаша, а на прочихъ ратію изыдоша и разгромиша ихъ и многихъ переимаша, а достальныхъ 15.000 въ Литву отъѣхаша». Въ этомъ разсказѣ дѣло идетъ, очевидно, объ извѣстномъ походѣ воровскихъ казаковъ къ Москвѣ и о пораженіи ихъ княземъ Лыковымъ на рѣкѣ Лужѣ [1]), при чемъ событіе излагается съ точки зрѣнія казачьей,

---

Готье, «Замосковный край въ XVII вѣкѣ». М. 1906, стр. 320—326). Это обстоятельство по-своему и освѣщаетъ авторъ псковскаго сказанія. Надобно замѣтить, что и въ другихъ Псковскихъ лѣтописяхъ бояре обличаются въ присвоеніи земель: «а села государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ», говорится подъ 1618 годомъ въ первой Псковской лѣтописи (П. С. Р. Лѣт., IV, 332). Интересно, что здѣсь князь И. Ѳ. Троекуровъ представляется злодѣемъ, тогда какъ въ разбираемомъ Псковскомъ сказаніи ему высказывается похвала (ibid. V, 64): такъ мало знали во Псковѣ московскихъ бояръ. Обличеніе въ захватѣ дворцовыхъ селъ читаемъ и подъ 1607 годомъ; здѣсь виновными оказываются П. Шереметевъ и П. Грамотинъ (ibid. IV, 324).

[1]) Книги Разрядныя, I, ст. 1—29; Никон. Лѣт., VIII, стр. 214—216; *Соловьевъ*, II, 1062—1065.

«воровской», то-есть такъ, какъ изложилъ бы его участникъ воровского похода, желавшій его оправдать и даже идеализировать. Не говоря уже о томъ, что казачій приходъ подъ Москву произошелъ на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе шведской осады Пскова, самыя обстоятельства похода и правительственной репрессіи переданы совсѣмъ невѣрно, съ наивною тенденціозностью, идущею во что бы то ни стало противъ владущихъ бояръ. Бояре, жадно и злобно хватающіе себѣ царскія земли и рабочихъ людей, разоряющіе царя, государство и народъ, представляются автору главнымъ, даже единственнымъ пожалуй, зломъ его современности, на которое направлена вся сила его обличенія. Мы готовы поэтому, вспомнивъ казачьи рѣчи смутной эпохи противъ «лихихъ бояръ», счесть казакомъ и самого автора сказанія. Но это не будетъ вѣрно, такъ какъ нашъ авторъ не съ казаками, а противъ казаковъ. Говоря о казачьемъ возстаніи при В. Шуйскомъ, онъ характеризуетъ возставшихъ, какъ «не хотящихъ жити въ законѣ божіи и во блазѣй вѣрѣ и въ тишинѣ, но въ буйствѣ и во объяденіи и во упиваніи и въ разбойничествѣ живуще, желающе чюжаго имѣнія и приступльшихъ къ литовскимъ и нѣмецкимъ людемъ». Для него казаки—«яко полстіи звѣріе отъ пустыня»: вотъ почему псковичъ, вооруженный противъ бояръ, не можетъ быть поставленъ въ казачьи ряды. Онъ—земскій, только глубоко простонародный человѣкъ. Онъ видитъ въ царѣ Богомъ избранную для возсозданія стараго порядка власть, въ которой «Богъ воздвиже рогъ спасенія людей своихъ»,—и, когда около «блаженнаго», «зѣло кроткаго, тихаго» царя совершается зло и неправда, авторъ можетъ объяснить это только боярскимъ умысломъ. Отозвали хорошихъ воеводъ отъ Смоленска, а послали плохихъ и проиграли дѣло,—это вина бояръ: они это сдѣлали, они скрывали отъ царя неудачу, они не допускали къ царю вѣстниковъ; «сицево бѣ попеченіе боярско о земли Русской!» Осадили шведы Псковъ, во Псковѣ сталъ голодъ, къ царю «много посылаша изъ града о непорученіи»,—бояре скрывали

отъ царя вѣсти и вѣстниковъ, «людскія печали и гладу не повѣдаху ему», и Псковъ не получилъ помощи: «сицево бѣ попеченіе боярско о градѣ!» Разстроился бракъ царя съ Хлоповой, затѣмъ умерла его первая жена,—во всемъ виноваты бояре: «все то зло сотворися отъ злыхъ чаровниковъ и звѣрообразныхъ человѣкъ», которые «гнушахуся своего государя и гордяхуся». Кого именно изъ бояръ разумѣть виновниками зла на Руси, авторъ сказанія, повидимому, точно не зналъ. Таковъ для него и князь Д. Т. Трубецкой, надменный «древнею гордостью» бояринъ; таковы же для него «царевѣ матери племянники» Салтыковы, которые «гнушались» своего государя и не хотѣли «въ покореніи и въ послушаніи пребывати»; таковы же «подъ Москвою князи и бояре», призывавшіе шведскаго королевича на московскій престолъ; таковы же думцы царя Михаила Ѳедоровича, не пославшіе помощи подъ Смоленскъ и Псковъ. Для насъ Трубецкой, Салтыковы, Пожарскій съ «князьями и болярами» подъ Москвою и въ Ярославлѣ, князь Мстиславскій «съ товарищи», бывшіе въ думѣ царя Михаила съ начала его царствованія,—все это разные круги, направленія и репутаціи. Для автора Псковскаго сказанія всѣ эти люди—одинъ «окаянный и злый совѣтъ», въ которомъ онъ не различаетъ партій и направленій. Всякій, кто въ данное время пользуется, по выраженію Грознаго, «честію предсѣданія», тотъ для нашего автора и есть «владущій», стоящій у власти и злоупотребляющій ею. Съ демократическихъ низовъ своего Псковскаго міра авторъ готовъ былъ во всемъ подозрѣвать всякаго «владущаго» въ далекой Москвѣ.

Такова обстановка, въ которой находится краткое сообщеніе псковскаго автора о присягѣ царя Михаила. Оно дословно таково: владущіе, захватывая себѣ людей и земли, «царя нивочтоже вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый, еще же и лестію уловивше: первіе егда его на царьство посадиша и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ велможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но

разсылати въ затоки; сице окаяннiи умыслиша; а въ затоцѣ коему случится быти, и онѣ другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость паки обратитися. Сего ради и всю землю Рускую раздѣливше по своей воли» и т. д. [1]). Точный смыслъ этого показанiя состоитъ въ томъ, что владущiе бояре своевольничаютъ, не боясь государя, во-первыхъ, потому, что онъ молодъ, а во-вторыхъ, потому, что имъ удалось его склонить, «уловить лестiю», на то, чтобы не казнить, а только ссылать виновныхъ людей «велможска роду и боярска». Какъ это удалось владущимъ, не совсѣмъ ясно изъ фразъ нашего автора: его слова можно понять и такъ, что бояре взяли съ царя одно только это обѣщанiе подъ клятвою, когда его «на царство посадиша»; а можно понять и такъ, что, когда новаго государя посадили на царство и взяли съ него общую ограничительную «роту», присягу, то бояре склонили его и на особое въ ихъ пользу обязательство. Во всякомъ случаѣ, рѣчь идетъ о какой-то «ротѣ» и обязательствѣ въ пользу бояръ и по почину бояръ. Ничего точнаго и опредѣленнаго о формѣ и содержанiи ограниченiй авторъ, очевидно, не зналъ. Но онъ вѣрилъ въ «роту», потому что иначе не могъ себѣ объяснить своеволiя и безнаказанности «владущихъ», и самый предметъ этой «роты» онъ свелъ въ своемъ представленiи только къ обязательству не казнить владущихъ, а разсылать «въ затоки». Не знанiе политическаго факта, а желанiе объяснить непонятные факты, на основанiи слуха или своего домысла о царской «ротѣ»,—вотъ что лежитъ въ основанiи наивнаго сообщенiя псковскаго писателя о московскихъ дѣлахъ и отношенiяхъ. Ознакомясь поближе съ псковскимъ извѣстiемъ, мы не придадимъ ему значенiя компетентнаго свидѣтельства. Глубоко-простонародное воззрѣнiе на ходъ политической жизни, соединенное съ незнанiемъ дѣйствительной ея обстановки

---

[1]) Знаки препинанiя принадлежатъ намъ: въ печатномъ изданiи пунктуацiя намъ не представляется удовлетворительною (П. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 64).

и проникнутое слѣпою ненавистью къ сильнымъ міра сего, сообщаетъ псковскому сказанію извѣстный историко-литературный интересъ, но отнимаетъ у него значеніе историческаго «источника» въ спеціальномъ смыслѣ этого термина. Если бы объ ограниченіяхъ царя Михаила сохранилось одно только псковское сообщеніе, разумѣется, ему никто бы не повѣрилъ.

Иного рода сообщеніе извѣстнаго Котошихина. Вотъ его существеннѣйшее содержаніе: «Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на нихъ были иманы письма... А нынѣшняго царя (Алексѣя) обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали; и не спрашивали... А отецъ его блаженныя памяти царь Михаилъ Ѳеодоровичъ хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего» [1]). Опущенныя нами пока фразы говорятъ о содержаніи «писемъ» и компетенціи царя и бояръ; въ приведенныхъ же словахъ вотъ что устанавливается категорически: во-первыхъ, всѣхъ московскихъ царей послѣ Ивана Грознаго «обирали на царство», во-вторыхъ, съ нихъ брали ограничительныя «письма», и, въ-третьихъ, ограниченіе царя Михаила имѣло дѣйствительную силу, и онъ правилъ съ боярскимъ совѣтомъ. Котошихинъ зналъ московское прошлое, по выраженію А. И. Маркевича, «плоховато», и его былевыя показанія необходимо тщательно повѣрять. Самъ А. И. Маркевичъ, въ результатѣ такой повѣрки [2]), выяснилъ, что подъ терминомъ «обираніе» у Котошихина надо разумѣть не только избраніе въ нашемъ смыслѣ слова, но и особый чинъ вѣнчанія на царство съ участіемъ «всей земли». Лѣтописецъ, современный Котошихину, о царскомъ вѣнчаніи повѣствуетъ даже такъ, что самый починъ вѣнчанія усвояется земскимъ людямъ. О

---

[1]) *Котошихинъ*, гл. VIII, § 4.

[2]) *А. И. Маркевичъ*, «Гр. К. Котошихинъ и его сочиненіе» (Одесса. 1895), стр. 96—100. См. также выше названную статью А. И. Маркевича «Избраніе на царство М. Ѳ. Романова». Мы не исчерпываемъ здѣсь всѣхъ наблюденій покойнаго историка.

вѣнчаніи царя Ѳеодора Ивановича онъ, напримѣръ, говоритъ: «пріидоша къ Москвѣ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства и молили со слезами царевича Ѳедора Ивановича, чтобы не мѣшкалъ, сѣлъ на Московское государство и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ; онъ же государь не презрѣ моленія всѣхъ православныхъ христіянъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ». О вѣнчаніи же царя Михаила лѣтописецъ говоритъ, что по пріѣздѣ избраннаго царя въ Москву «пріидоша ко государю всею землею со слезами бити челомъ, чтобы государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ; онъ же не презри ихъ моленіе и вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ» [1]). Тотъ же починъ земщины разумѣетъ и Котошихинъ, когда разсказываетъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что по смерти его отца всѣ чины «соборовали» и «обрали» его и «учинили коронованіе». Роль земскихъ чиновъ на этомъ «коронованіи», по представленію Котошихина, ограничивается тѣмъ, что представители сословій присутствуютъ при церковномъ торжествѣ, поздравляютъ государя и подносятъ ему подарки; «а было тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей для того обранія человѣка по два изъ города» [2]). Такимъ образомъ сообщеніе Котошихина о томъ, что русскіе цари послѣ Грознаго были «обираны», никакъ не можетъ быть понято въ смыслѣ установленія въ Москвѣ принципа избирательной монархіи. Терминологія нашего автора оказывается здѣсь не столь опредѣленной и надежной, какъ представляется съ перваго взгляда. Равнымъ образомъ и свидѣтельство Котошихина о «письмахъ» надобно надлежащимъ способомъ уяснить и провѣрить. Какіе избранные на московскій престолъ государи и какимъ именно порядкомъ давали на себя письма, мы знаемъ безъ Котошихина; знаемъ и самые тексты «писемъ». Всѣ эти письма, по Котошихину, имѣютъ одинаковое содержаніе: «быть нежестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ

---

[1]) Ник. лѣт., VIII, стр. 5, 6, 206.
[2]) *Котошихинъ*, гл. I, § 6.

вины никого не казнити ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ з бояры и з думными людми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати». Мы же знаемъ, что этими условіями исчерпывалось содержаніе только записи Шуйскаго; договоры же съ иноземными избранниками имѣли болѣе широкое содержаніе. Шуйскій давалъ подданнымъ обѣщаніе не злоупотреблять властью, а править по старому закону и обычаю. А договоры съ польскимъ и шведскимъ королевичами имѣли цѣлью установить форму и предѣлы возникавшей династической уніи съ сосѣднимъ государствомъ и постановку въ Москвѣ власти чуждаго происхожденія. Иначе говоря, запись Шуйскаго гарантировала только интересы отдѣльныхъ лицъ и семей, другія же «письма» охраняли прежде всего цѣлость, независимость и самобытность всего государства. Въ этомъ — глубокое различіе извѣстныхъ намъ «писемъ», различіе, оставшееся внѣ сознанія Котошихина. Отсюда и неточность его въ передачѣ самыхъ ограничительныхъ условій. У Котошихина власть государя ограничивается боярскою думою («боярами и думными людьми») во всѣхъ случаяхъ безразлично. На дѣлѣ Шуйскій говорилъ только о боярскомъ *судѣ* и налагалъ на себя ограниченія лишь въ сферѣ сыска, суда и конфискаціи; въ договорѣ же съ Владиславомъ администрація, судъ и финансы обязательно входили въ компетенцію боярской думы, а законодательствовать могла лишь «вся земля». Зная это, отнесемся къ сообщенію Котошихина, какъ къ такому, которое лишь слегка и слишкомъ поверхностно касается излагаемаго факта. Какъ во всемъ прочемъ былевомъ матеріалѣ, Котошихинъ и здѣсь оказывается мало обстоятельнымъ и ненадежнымъ историкомъ. А разъ это такъ, наше отношеніе къ послѣдней частности въ разсказѣ Котошихина—къ ограниченіямъ царя Михаила — должно стать весьма осторожнымъ. Кому именно царь Михаилъ далъ на себя письмо, Котошихинъ не объясняетъ: онъ и вообще не говоритъ, кѣмъ были иманы на царяхъ письма. По его представленію, царь Михаилъ не могъ

ничего дѣлать «безъ боярскаго совѣту»; а такъ какъ боярскій совѣтъ Котошихинъ дважды въ данномъ своемъ отрывкѣ отожествляетъ «з бояры и з думными людми», то ясно, что подъ боярскимъ совѣтомъ мы должны разумѣть боярскую думу, какъ учрежденіе, а не сословный кругъ бояръ, какъ политическую среду. Сама боярская дума въ моментъ избранія Михаила, можно сказать, не существовала и ограничивать въ свою пользу никого не могла. Органомъ контроля надъ личною дѣятельностью государя и его соправительницею она могла быть сдѣлана лишь по волѣ тѣхъ, кто въ началѣ 1613 года владѣлъ политическимъ положеніемъ на Руси и могъ заставить молодого царя дать «на себя письмо». Но кто тогда имѣлъ силу это сдѣлать, Котошихинъ не говоритъ и не знаетъ, и если мы захотимъ придать вѣсъ его сообщенію о фактѣ ограниченія Михаила, то характеръ и способъ этого ограниченія должны еще опредѣлить сами. Въ этомъ отношеніи показаніе Котошихина совершенно не вразумительно.

Таковы извѣстія объ ограниченіи власти царя Михаила Ѳеодоровича. Ни одно изъ нихъ не передаетъ точно и вѣроподобно текста предполагаемой записи или «письма», и всѣ они въ различныхъ отношеніяхъ возбуждаютъ недовѣріе или же недоумѣніе. Изъ матеріала, который они даютъ, нѣтъ возможности составить научно-правильное представленіе о дѣйствительномъ историческомъ фактѣ. Дѣло усложняется еще и тѣмъ, что до насъ не дошелъ подлинный текстъ (если только онъ когда-либо существовалъ) ограничительной грамоты 1613 г. и не наблюдается ни одного фактическаго указанія на то, что личный авторитетъ государя былъ чѣмъ-либо стѣсненъ даже въ самое первое время его правленія [1]. Въ такомъ положеніи

[1]) Вмѣстѣ съ А. И. Маркевичемъ не считаемъ стѣсненіями фактовъ, приводимыхъ С. М. Соловьевымъ (II, 1293—1294), именно, измѣненія печати и распоряженій бояръ объ Андроновѣ (*Маркевичъ*, «Избраніе на царство М. Ѳ. Романова» въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, октябрь, стр. 390—392).

дѣла нѣтъ возможности безусловно вѣрить показаніямъ объ ограниченіяхъ, сколько бы ни нашлось такихъ показаній. Мы видѣли ранѣе, что въ моментъ избранія Михаила положеніе великихъ бояръ, представлявшихъ собою все боярство, было совершенно скомпрометировано. Ихъ разсматривали, какъ измѣнниковъ, и не пускали въ думу, въ которой сидѣло временное правительство—«начальники» боярскаго и не боярскаго чина съ Трубецкимъ, Пожарскимъ и «Куземкою» во главѣ; ихъ отдали на судъ земщины, написавъ о нихъ въ города, и выслали затѣмъ изъ Москвы, не позвавъ на государево избраніе; ихъ вернули въ столицу только тогда, когда царь уже былъ выбранъ, и допустили 21-го февраля участвовать въ торжественномъ провозглашеніи избраннаго безъ нихъ, но и ими признаннаго кандидата на царство. Возможно ли допустить, чтобы эти недавніе узники польскіе, а затѣмъ казачьи и земскіе, только-что получившіе свободу и амнистію отъ «всея земли», могли предложить не ими избранному царю какія бы то ни было условія отъ своего лица или отъ имени ихъ разбитаго смутою сословія? Разумѣется, нѣтъ. Такое ограниченіе власти въ 1613 году прямо немыслимо, сколько бы о немъ ни говорили современники (псковское сказаніе) или ближайшіе потомки (эпохи верховниковъ). Но, можетъ быть, необходимо допустить, что не само боярство, а какая-либо иная сила успѣла ограничить власть, дѣйствуя черезъ боярскую думу, какъ высшее учрежденіе, и обративъ эту думу въ свой служебный органъ? Чтобы отрицательно отвѣтить и на этотъ вопросъ, необходимы нѣкоторыя справки въ фактахъ правительственной практики времени царя Михаила. Попробуемъ ихъ дать.

III.

Послѣ избранія Михаила Ѳедоровича земскій соборъ отправилъ къ нему посольство «въ Ярославль или гдѣ онъ, государь, будетъ» для того, чтобы «государю бити челомъ и умо-

лять его, государя, всякими обычаи» быть на государствѣ и поспѣшить въ Москву. Посольство нашло Михаила въ Костромѣ 13-го марта; 14-го марта онъ далъ свое согласіе, «учинился въ царскомъ нареченіи и посохъ и благословеніе отъ Ѳеодорита, архіепископа Рязанскаго, и ото всего освященнаго собора принялъ». Такимъ образомъ, по официальной отмѣткѣ, «тое же зимы, въ великіи говѣйна, марта въ 14 день, нареченъ бысть богоизбранный государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи на царство». 19-го марта государь уже выѣхалъ изъ Костромы къ Москвѣ на Ярославль [1]).

Но еще ранѣе этого дня начались дѣловыя письменныя сношенія новаго царя и состоявшихъ при немъ лицъ съ земскимъ соборомъ въ Москвѣ. Вслѣдъ за своимъ посольствомъ соборъ посылалъ изъ Москвы донесенія новому монарху въ надеждѣ, что онъ не откажется принять власть, но еще не получивъ извѣщенія, что онъ ее дѣйствительно принялъ. Сохранились такія соборныя донесенія изъ Москвы отъ 4-го и 15-го марта. А 17-го марта изъ Костромы земскіе послы пишутъ въ Москву собору, прося «государеву печать и боярской списокъ прислати» немедля, такъ какъ, по ихъ словамъ, «у насъ, господа, за государевою печатью многіе государевы грамоты стали». Очевидно, новая власть не могла медлить началомъ своей дѣятельности и сразу взялась за работу. До самаго пріѣзда царя въ Москву (2-го мая) продолжались его письменныя сношенія съ московскими учрежденіями, и остатки этой переписки [2]) даютъ намъ нѣсколько цѣнныхъ намековъ

---

[1]) Дворц. Разряды, I, стр. 31, 44, 53, 65—67.

[2]) Мы разумѣемъ любопытное собраніе грамотъ, напечатанныхъ въ «приложеніи» къ первому тому Дворцовыхъ Разрядовъ. Что въ этомъ собраніи уцѣлѣли не всѣ относившіеся къ нему документы, ясно, напримѣръ, изъ текста на ст. 1049, гдѣ упоминаются не дошедшія до насъ письма («писали къ вамъ многижды»), или изъ текста на ст. 1177, гдѣ упомянутъ не сохранившійся до насъ списокъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (срвн. № 48 на ст. 1145).

на характеръ первоначальныхъ отношеній между царемъ Михаиломъ и органами центральной власти.

Прежде всего надлежитъ отмѣтить, что въ теченіе великаго поста съ государемъ сносится земскій соборъ, то-есть «освященный соборъ», «бояре» и «всякихъ чиновъ люди». Со среды святой недѣли, 7-го апрѣля, сношенія ведутся всего чаще отъ имени «Ѳедорца Мстиславскаго съ товарищи» и государь съ своей стороны пишетъ «бояромъ нашимъ князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищи» [1]). Обращеніе государя къ болѣе широкому кругу лицъ послѣ Пасхи наблюдается лишь въ немногихъ особо важныхъ случаяхъ. Объясненій такой перемѣнѣ въ самихъ документахъ нѣтъ, и потому мы о ней можемъ лишь гадать.

По нѣкоторымъ отпискамъ изъ Москвы можно заключить, что члены земскаго собора, избравшаго царя Михаила, не довольствовались тѣмъ, что ихъ послы видѣли новаго государя, но и сами хотѣли видѣть его очи. Такъ, напримѣръ, поступили нижегородскіе выборные, просившіеся у собора къ государю немедля по его избраніи [2]). Понемногу къ государю ѣхали изъ Москвы не только московскіе столичные служилые чины, но и провинціальные служилые представители. Въ концѣ марта всѣ они офиціально еще числились въ Москвѣ, и соборъ писалъ государю: «дворянъ, государь, и дѣтей боярскихъ безъ твоего государева указу съ Москвы мы никуды не отпускали опричь тѣхъ, которые отпущены къ тебѣ, государю, въ челобитчикахъ (то-есть въ соборномъ посольствѣ)...... и которые посланы по городомъ для твоихъ государевыхъ дѣлъ» [3]).

---

[1]) См. Д. Р., ст. 1103—1104. Отписка издателями помѣчена «послѣ 10-го апрѣля» неправильно: въ ней говорится объ отпускѣ къ государю П. Кобякова «того же дни», когда въ Москвѣ получена привезенная имъ съ Рязани отписка М. Вельяминова, то-есть 7-го апрѣля. Пасха въ 1613 году была 4-го апрѣля; поэтому 7-го апрѣля приходилось на среду святой недѣли.

[2]) Д. Р., 1085—1086.

[3]) Д. Р., 1084.

Позднѣе (но когда именно, сказать точно нельзя) государь велѣлъ стольникамъ, стряпчимъ и жильцамъ быть на службѣ съ нимъ «въ походѣ къ Москвѣ», и 25-го апрѣля въ селѣ Любиловѣ былъ имъ окончательный смотръ [1]). Около этого времени бояре писали изъ Москвы царю, что «на Москвѣ столниковъ и дворянъ болшихъ и стряпчихъ нѣтъ никого»; «да и городовые, государь, дворяне многіе (прибавляли они) поѣхали къ тебѣ, государю». Въ другой отпискѣ бояре выразились и еще категоричнѣе: «столники и дворяне болшіе и изъ городовъ выборные всѣ съ тобою, государемъ»; и это ихъ выраженіе государь повторилъ въ своей отвѣтной грамотѣ: «а дворяне и столники и стряпчіе съ нами всѣ; а что съ нами дворянъ болшихъ и столниковъ и стряпчихъ и дворянъ выборныхъ изъ городовъ, и мы къ вамъ послали имянной списокъ» [2]). Если принять во вниманіе, что нѣкоторыхъ московскихъ дворянъ въ тѣ дни не было ни въ Москвѣ, ни съ государемъ, потому что они, по боярскому выраженію, «разъѣхались по домомъ», «многіе разъѣхались по деревнямъ» [3]),—то можно придти къ заключенію, что нормальный составъ земскаго представительства на московскомъ соборѣ въ апрѣлѣ распался. Въ Москвѣ не осталось вовсе «большихъ» дворянъ придворнаго круга и придворной службы; остались «дворяне и дѣти боярскіе на Москвѣ немногіе»—попроще, изъ которыхъ было «въ воеводы послать некого» [4]). Переѣхали къ государю

---

[1]) Д. Р., 1145—1146. Можетъ быть, государь вызвалъ къ себѣ служилыхъ людей вслѣдствіе того «челобитья» князей Трубецкого и Пожарскаго, которое напечатано въ Д. Р., ст. 1207—1208, и издателями отнесено не туда, куда должно,—къ апрѣлю вмѣсто марта. Временное правительство Трубецкого и Пожарскаго уступило мѣсто боярской думѣ, съ Мстиславскимъ во главѣ тогда, когда Мстиславскій «съ товарищи» получили амнистію и съ нею первенство въ думѣ. Мы знаемъ, что это случилось не ранѣе 21-го февраля и не позднѣе Пасхи 1613 года.

[2]) Д. Р., 1128 и 1131, 1144, 1155—1156.

[3]) Д. Р., 1084, 1126.

[4]) Д. Р., 1128, 1131.

и городскіе выборные дворяне, и такимъ образомъ обѣ части служилаго представительства—и та, которая представительствовала по избранію, и та, которая была на соборѣ на основаніи своего служебнаго положенія и значенія,—собрались у государя «на походѣ» если не поголовно, то въ безспорномъ своемъ большинствѣ. Въ Москвѣ же оставались «власти»—митрополитъ Кириллъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, «бояре»—князь Мстиславскій съ товарищи, да тяглые представители, если только они не послѣдовали примѣру нижегородскихъ посадскихъ, пожелавшихъ видѣть государевы очи на походѣ, ранѣе пріѣзда государя въ Москву. Земскій соборъ, словомъ, раздѣлился, какъ и въ 1610 году. Тогда въ великомъ посольствѣ къ Сигизмунду поѣхали послы отъ властей, отъ думы и отъ сословныхъ представителей, при чемъ число послѣднихъ было очень значительно. Теперь членами посольства къ М. Ѳ. Романову были также «челобитчики» отъ властей (архіепископъ Ѳеодоритъ съ освященнымъ соборомъ), отъ думы (Ѳ. И. Шереметевъ «съ товарищи») и отъ «всякихъ чиновъ людей» достаточное число «по спискомъ», при чемъ это число, какъ мы только-что видѣли, все росло и росло. Въ 1610 году въ Москвѣ оставались, послѣ отъѣзда посольства, только «власти» или «освященный соборъ» да дума, а сословные представители считались находящимися въ посольствѣ, гдѣ они и соборовали съ старшими послами въ особо важныхъ случаяхъ ихъ посольскаго дѣла. Въ 1613 году въ Москвѣ оставались тѣ органы центральнаго управленія, которые соотвѣтствовали патріаршему совѣту и боярской думѣ нормальнаго времени, да (предположительно) нѣкоторое число земскихъ представителей тяглаго сословія [1]). Такое раздѣленіе собора и переѣздъ земскихъ выборныхъ къ государю документами косвенно пріурочивается ко времени Пасхи, когда вмѣсто всего собора изъ

---

[1]) *Платоновъ*, «Очерки по исторіи смуты», глава V, §§ 1 и 2.—Дв. Разр. I, ст. 17—18.

Москвы начинають писать царю власти и бояре, а чаще и одни бояре. Къ Свѣтлому воскресенью Москва естественно должна была опустѣть: кто могъ, ѣхалъ «по домомъ» и «по деревнямъ»; другіе же на «великъ день» должны были спѣшить къ государю. Переѣздъ изъ Москвы на тотъ или иной государевъ станъ былъ очень недалекъ и нетруденъ; поэтому къ государю ѣхали въ очень большомъ числѣ, и уже въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ состоялось такое совѣщаніе государя съ окружавшими его «всякими служилыми и жилецкими людми», которое было названо «соборомъ» и отъ себя послало въ Москву къ людямъ всякихъ чиновъ посольство, выбравъ его «изъ духовнаго чина и изъ бояръ и изъ окольничихъ и изо всякихъ чиновъ людей... да изъ городовъ дворянъ и атамановъ и казаковъ». Это соборное посольство, посланное по дѣлу о казачьихъ грабежахъ, было встрѣчено въ Москвѣ своего рода соборомъ, въ которомъ приняли участіе власти, бояре, «всякіе служилые люди и гости и торговые московскіе и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди» [1]). Очевидно, что, по представленію московскихъ людей, около государя у Троицы и около высшихъ исполнительныхъ органовъ власти въ Москвѣ находился одинъ, раздѣлившійся на два «собора», совѣтъ всея земли. Если вѣрить точности словоупотребленія въ тогдашнихъ актахъ, то слѣдуетъ заключить, что соборъ у Троицы былъ по составу преимущественно служилый, а соборъ въ Москвѣ—пестрый, съ замѣтнымъ участіемъ, при духовныхъ и служилыхъ людяхъ, также и тяглаго представительства. Съ пріѣздомъ государя въ Москву оба собора снова слились въ одинъ совѣтъ всея земли.

Приведенныя наблюденія позволяютъ сдѣлать тотъ выводъ, что царь Михаилъ Өедоровичъ не имѣлъ случая встрѣтиться съ боярскою думою въ ея полномъ составѣ вплоть до своего пріѣзда въ Москву. Въ «челобитчикахъ» къ нему явились немно-

---

[1]) Д. Р., 1162 и 1164, 1173, 1185.

гіе члены земскаго собора съ архіепископомъ Ѳеодоритомъ и близкимъ для Романовыхъ Ѳ. И. Шереметевымъ во главѣ, но не патріаршій освященный соборъ и не государева дума. Сношенія съ царемъ принадлежали сначала всему земскому собору, а не боярамъ и «начальникамъ», и когда однажды дьякъ по недомыслію редактировалъ земскую отписку государю отъ лица его «холопей» князей Трубецкого и Пожарскаго, то его поправили, въ чемъ онъ описался, и вмѣсто князей написали въ отпискѣ государевыхъ холопей «всякихъ чиновъ людей Московскаго государства» [1]). Только тогда, когда большинство земскаго собора оказалось у государя, онъ сталъ сноситься со своею думою, вѣдавшею въ Москвѣ текущія дѣла. При такихъ условіяхъ трудно предположить, чтобы бояре или боярская дума успѣли взять у царя Михаила «письмо» при его «нареченіи» 14-го марта или же въ теченіе тѣхъ семи недѣль, которыя прошли между нареченіемъ и пріѣздомъ царя въ Москву. А въ эти семь недѣль новый государь успѣлъ, какъ увидимъ, создать около себя свой правительственный кругъ и образовать такой порядокъ своихъ отношеній къ другимъ органамъ власти, который нисколько не напоминаетъ намъ о формальныхъ ограниченіяхъ государя.

По недостатку прямыхъ указаній на то, какъ были размежеваны правительственныя функціи между временнымъ правительствомъ въ Москвѣ и государемъ, только-что принявшимъ власть, намъ приходится довольствоваться намеками отдѣльныхъ грамотъ. Всѣ эти намеки говорятъ въ пользу того предположенія, что царь Михаилъ чувствовалъ себя лично совершенно независимымъ отъ боярства и отъ собора. Онъ иногда принималъ по отношенію къ нимъ даже гнѣвный тонъ. Изъ Ярославля, напримѣръ, онъ выговаривалъ собору, по поводу нѣкоторыхъ безпорядковъ, и напоминалъ съ достаточною жесткостью, что онъ не напрашивался на престолъ: «учинились есмя..... царемъ

[1]) Д. Р., 17, 1083 (срвн. текстъ съ примѣчаніемъ 1).

и великимъ княземъ всеа Русіи вашимъ прошеньемъ и челобитьемъ, а не своимъ хотѣньемъ, крестъ намъ цѣловали есте своею волею». Безпорядки не прекращались, — и отъ Троицы царь послалъ въ Москву рѣзкую грамоту, отказываясь даже идти въ Москву: «конечно и вседушно скорбимъ и за тѣмъ къ Москвѣ идти не хотимъ» [1]). Эта угроза отказаться отъ власти и ссылка на крестное цѣлованье по записи, въ которой, какъ извѣстно, московскіе люди обязывали себя къ безусловному повиновенію, мало вяжутся съ представленіемъ о государѣ, связанномъ формальными условіями. Еще болѣе рѣзкій тонъ, чѣмъ въ грамотахъ къ собору, проскальзываетъ въ грамотѣ къ боярамъ по поводу приготовленія въ Москвѣ царскаго жилища. Бояре не имѣли возможности приготовить къ государеву пріѣзду тѣ покои, какіе желалъ государь, и извѣстили его объ этомъ. Государь же рѣшительно потребовалъ повиновенія «по прежнему и по сему нашему указу». И необходимы были личныя представленія бояръ (кн. И. М. Воротынскаго), чтобы уладить дѣло [2]). Иногда со стороны государя видимъ молчаливый отказъ удовлетворить ходатайство бояръ, казалось бы, правильное и законное. Бояре просятъ государя прислать отъ себя въ Москву служилыхъ людей, годныхъ на отвѣтственныя порученія, потому что такихъ въ Москвѣ нѣтъ, всѣ съ государемъ: «и тебѣ бы, государю царю, смиловаться, прислать къ Москвѣ изъ стольниковъ, изъ дворянъ». На это государь отвѣчаетъ приказаніемъ выбрать и послать на дѣло пригодныхъ людей и къ этому прибавляетъ: «а дворяне и столники и стряпчіе съ нами всѣ... и мы къ вамъ послали имянной списокъ»—и только. Отъ себя государь не посылаетъ никого, и бояре принимаютъ этотъ отказъ безпрекословно [3]). Вообще, со стороны бояръ и собора мы не можемъ ни разу услѣ-

---

[1]) Д. Р., 1100, 1173, 1164.
[2]) Д. Р., 1141—1142, 1151—1154, 1179, 1189.
[3]) Д. Р., 1131 (срвн. 1141—1144), 1156.

дить и малѣйшаго намека на право соправительства съ новымъ монархомъ. Они являются лишь исполнителями его велѣній и его вѣрными подданными, «богомольцами» и «холопями». Наблюдаются, правда, такіе случаи, когда «Өеодорецъ Мстиславской съ товарищи» по вѣстямъ, то-есть вслѣдствіе экстренныхъ извѣстій военнаго характера, дѣлали распоряженія и назначенія именемъ государя; но это вызывалось исключительными обстоятельствами той политической минуты и вовсе не было осуществленіемъ политическаго права. Такъ 11-го апрѣля бояре «отпустили» къ Рыльску воеводу князя Данила Долгорукова и сформировали ему отрядъ своею властью; на другой день они «приговорили послать на воровъ на Заруцкаго и на черкасъ воеводу князя Ивана Одоевскаго». По вѣстямъ писали бояре приказанія и въ города, призывая мѣстныхъ воеводъ идти «въ сходъ» съ посланными изъ Москвы и указывая имъ высылать на службу мѣстныхъ дворянъ [1]). Но всѣ свои распоряженія бояре дѣлали именемъ государя и доносили ему о принятыхъ мѣрахъ немедля, иногда такъ и выражаясь, что «отъ тебя, государя, грамоты писали», «писали отъ тебя, государя,.... съ твоимъ государевымъ жалованнымъ словомъ» [2]). По спѣшности и важности дѣла бояре просили иногда государя подтвердить ихъ распоряженіе вторичною грамотою прямо отъ него: «государю пожаловать бы, велѣть отъ себя, государя, писать»; государь это, повидимому, и дѣлалъ [3]). Однако подобную самостоятельность бояръ мы наблюдаемъ только въ военныхъ, по существу дѣла экстренныхъ, распоряженіяхъ. Рѣшаясь отправлять по своему выбору полковыхъ воеводъ, они не рѣшались назначать воеводъ городовыхъ и писали въ началѣ апрѣля государю: «мы, холопи твои, въ городы учали были воеводъ и (людей) для сбору кормовъ отпускать, и воеводы приходятъ

---

[1]) Д. Р., 1106, 1110—1116, 1102—1104, 1112, 1118.
[2]) Д. Р., 1112, 1146, 1138.
[3]) Д. Р., 1126, 1130, 1151.

къ намъ..., а сказываютъ, что де во всѣ городы воеводы.... отпускаютъ отъ тебя, государя; и мы, холопи твои, въ городы воеводъ и для казачьихъ кормовъ сборщиковъ посылать безъ твоего государева указу не смѣемъ» [1]). На это государь отвѣчалъ указаніемъ, куда именно имъ отпущены были городовые о полковые воеводы, и разрѣшалъ боярамъ впредь отпускать воеводъ и въ города «по своему приговору», разъ бояре узнаютъ, что въ тѣхъ городахъ «безъ воеводъ быть не мочно» [2]). Не всегда, однако, государь одобрялъ и утверждалъ принятыя въ Москвѣ мѣры. Такъ онъ запретилъ собору и боярамъ отбирать земли у тѣхъ служилыхъ людей, которые находились при немъ въ его походѣ, и вообще не одобрялъ московскихъ распоряженій о помѣстныхъ земляхъ; онъ писалъ собору: «многіе дворяне и дѣти боярскіе бьютъ намъ челомъ о помѣстьяхъ, что вы у нихъ помѣстья отнимаете и отдаете въ раздачу безъ сыску; и вамъ бы тѣ докуки отъ насъ отвести;... мы у тѣхъ помѣстій и вотчинъ до нашего указу отымать не велѣли» [3]). Не только конфискацію, но и пожалованіе земель государь, какъ кажется, усвоилъ исключительно своей личной власти. Мы знаемъ примѣръ, когда сеунщику П. Кобякову за сеунчъ бояре дали только деньги, а государь пожаловалъ его придачею къ помѣстному окладу и пустилъ «въ четь». Въ сохранившемся отъ первой половины 1613 года любопытномъ «земляномъ спискѣ» всѣ земельныя пожалованія сдѣланы, повидимому, самимъ государемъ [4]). Таково общее впечатлѣніе, полу-

---

[1]) Д. Р., 1105—1106, 1108.

[2]) Д. Р., 1124, 1130, 1139—1140.

[3]) Д. Р., 1100.

[4]) Д. Р., 1104 и 1119.—*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1895, кн. I: «Докладная выписка 121 (1613 г.) о вотчинахъ и помѣстьяхъ». Этотъ документъ слѣдуетъ относить ко времени до 11-го іюля 1613 года: въ немъ кн. И. Б. Черкаскій и кн. Д. М. Пожарскій показаны въ томъ чину, въ которомъ они состояли до 11-го іюля, дня ихъ пожалованія въ бояре.—Даже въ безгосударное время санкція государя,—«какъ Богъ дастъ на Московское государство государя царя и

чаемое при знакомствѣ со спискомъ; если бы оно и не оправдалось, то безспорнымъ останется тотъ фактъ, что государь не былъ никѣмъ стѣсненъ въ правѣ земельныхъ пожалованій и свободно пользовался имъ въ первые три мѣсяца своего царствованія.

Кажется, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что приведенныя данныя не свидѣтельствуютъ о существованіи какихъ бы то ни было стѣсненій для личной власти новаго государя въ первое время его дѣятельности; напротивъ, знакомство съ его дѣловою перепискою ведетъ къ мысли, что царю земскій соборъ вручилъ власть безъ всякихъ ограничивающихъ ее условій. Сейчасъ увидимъ, что и въ подборѣ ближайшихъ сотрудниковъ царь, повидимому, слѣдовалъ только своему личному вкусу и семейнымъ симпатіямъ и связямъ.

Въ моментъ царскаго избранія подъ верховенствомъ земскаго собора и начальствомъ Трубецкого и Пожарскаго дѣйствовала въ Москвѣ обычная центральная администрація, «приказы» и «чети». Врядъ ли есть возможность возстановить во всѣхъ подробностяхъ ея составъ. Но можно видѣть, что въ ней соединились остатки стараго московскаго приказнаго штата, уцѣлѣвшаго отъ бѣдствій осады, съ тѣми приказными людьми, которые пришли подъ Москву въ разныхъ ополченіяхъ и въ пору московской осады сидѣли во временныхъ «приказахъ», устроенныхъ въ осадномъ лагерѣ. Изъ первыхъ можно указать, напримѣръ, дьяка Ефима Телепнева, сидѣвшаго на Денежномъ дворѣ еще до московской осады и оставленнаго тамъ при боярахъ и при царѣ Михаилѣ [1]). Таковъ же думный дьякъ

великаго князя»,—считалась необходимою для земельныхъ пожалованій, сдѣланныхъ земскимъ соборомъ (*И. Е. Забѣлинъ*, Мининъ и Пожарскій, изд. 3-е, М. 1896, стр. 282).

[1]) Русск. Ист. Библ., II, ст. 242, 391, 393.—Акты Зап. Россіи, IV, стр. 496 (срвн. Кн. Разр., I, ст. 89): слова гетмана Гонсѣвскаго о томъ, что Е. Телепневъ при немъ, «на денежномъ дворѣ будучи», за приставомъ сидѣлъ по обвиненію въ утайкѣ казны.—Р. Ист. Библ., IX,

Алексѣй Шапиловъ: уже въ 1607 году мы его видимъ дьякомъ въ Казанскомъ дворцѣ, гдѣ онъ остается всѣ смутные годы, несмотря даже на то, что поляки считали его неблагонадежнымъ. Въ пору воцаренія Михаила Ѳедоровича Шапиловъ вѣдаетъ Казанскій дворецъ и Сибирскій приказъ и продолжаетъ стоять во главѣ этого вѣдомства и при новомъ государѣ [1]). Среди тѣхъ, кто вошелъ въ составъ московской администраціи конца 1612 и начала 1613 гг. изъ походныхъ и осадныхъ канцелярій, самое видное мѣсто принадлежитъ думному дьяку Петру Третьякову. Прямой «тушинецъ», Третьяковъ пріѣхалъ въ Тушино «первымъ подъячимъ» Посольскаго приказа лѣтомъ 1608 года и уѣхалъ отъ вора изъ Калуги только къ осени 1610 года уже дьякомъ, а черезъ годъ былъ вторымъ думнымъ дьякомъ въ Помѣстномъ приказѣ подъ Москвою въ таборахъ тушинскихъ бояръ кн. Трубецкого и Заруцкаго. Въ моментъ избранія царя Михаила онъ вѣдалъ, кажется, Посольскій приказъ и при царѣ Михаилѣ остался посольскимъ дьякомъ до самой своей смерти въ 1618 году [2]). Черезъ тѣ же казачьи таборы Трубецкого и Заруцкаго прошелъ и думный дьякъ Сыдавный Васильевъ (иначе Зиновьевъ), отправленный въ великомъ посольствѣ къ Сигизмунду изъ Москвы и уѣхавшій отъ великихъ пословъ. Во временномъ правительствѣ 1612—1613 гг. онъ былъ разряднымъ дьякомъ [3]). Иною дорогою явился въ Москву къ концу 1612 года дьякъ Иванъ Болот-

---

стр. 16, 17, 236 (срвн. *Забѣлинъ*, «Мининъ и Пожарскій», изд. 3-е, стр. 293, 294, 297).—Еще въ 1624 году Еф. Г. Телепневъ оставался «на денежномъ дворѣ и у книжново у печатново дѣла» (Кн. Разр., I, ст. 1037).—Сборникъ кн. Хилкова, № 65.

[1]) А. И. II, стр. 44 и №№ 64, 82, 310; III, № 7.—А. Э. II, № 75.—Русск. Ист. Библ., т. IX, стр. 20 и слѣд.

[2]) О П. Третьяковѣ см. мои «Очерки по исторіи смуты» (по указателю); также А. Э. II, №№ 165 и 192; А. И. II, № 120, и Сборникъ кн. Хилкова, стр. 72—73.

[3]) Акты Зап. Россіи, IV, стр. 318, 392; *И. Е. Забѣлинъ*, Мининъ и Пожарскій, изд. 3-е, стр. 291—292.

никовъ. Изъ городскихъ ярославскихъ дьяковъ онъ попалъ въ ополченіе Пожарскаго; съ нимъ пришелъ онъ подъ Москву и тамъ вошелъ въ составъ центральнаго управленія, а послѣ избранія въ цари М. Ѳ. Романова былъ отправленъ къ нему въ послахъ отъ земскаго собора и при новомъ государѣ сталъ дьякомъ Большого дворца [1]). Въ нѣкоторыхъ приказахъ временное правительство 1612—1613 гг. свело вмѣстѣ дьяковъ, служившихъ ранѣе различнымъ и даже взаимно враждебнымъ властямъ. Такъ въ Помѣстномъ приказѣ сидѣли думный дьякъ Ѳ. Д. Шушеринъ и дьякъ Герасимъ Мартемьяновъ. Изъ нихъ первый былъ тушинецъ, отъ Тушинскаго вора выбѣжалъ въ Москву послѣ паденія Шуйскаго, въ августѣ 1610 года, и въ слѣдующемъ 1611 году оказался помѣстнымъ дьякомъ въ таборахъ Трубецкого и Заруцкаго, гдѣ и оставался до взятія Москвы [2]). Герасимъ Мартемьяновъ былъ совершенно чуждъ Тушину: онъ служилъ Шуйскому, потомъ былъ у Ляпунова, послѣ его смерти, оставшись нѣкоторое время въ подмосковныхъ таборахъ, перешелъ въ ополченіе Пожарскаго и съ Пожарскимъ пришелъ къ Москвѣ. У Пожарскаго онъ вѣдалъ помѣстныя дѣла, какъ Шушеринъ вѣдалъ ихъ у Трубецкого [3]). Когда приказы обоихъ воеводъ осенью 1612 года были соединены,—во вновь образованномъ Помѣстномъ приказѣ сѣли вмѣстѣ оба дьяка, при чемъ Шушеринъ, какъ «думный», получилъ

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ*, тамъ же, стр. 286, 302; А. Э. II, № 203 (подписи); Дв. Разряды, I, 17 и 1140.

[2]) О Шушеринѣ—А. Э. II, № 192; А. И. II, стр. 352; Акты г. Юшкова (*Чтенія*, 1898, III, №№ 305, 307, 309); А. Э. II, № 207; А. И. III, №№ 41 и 67.

[3]) О Мартемьяновѣ—Акты г. Юшкова, №№ 287, 289, 299, 300, 302, 308, 312; А. Э. II, № 192. Интересно сопоставить у г. Юшкова грамоты отъ 22-го и 26-го іюля 1612 г. (№№ 308 и 309): одна дана Пожарскимъ за приписью Мартемьянова, другая—Трубецкимъ за приписью Шушерина. Въ это время воеводы еще не соединились. Позднѣе при царѣ Михаилѣ на одной и той же грамотѣ видимъ припись Шушерина, а «помѣту Гарасимову» (т.-е. Мартемьянова); срвн. А. И. III, №№ 41 и 66 (стр. 61).

первенство. Такъ остались они сидѣть и при царѣ Михаилѣ. На Земскомъ дворѣ уцѣлѣлъ даже одинъ изъ ставленниковъ Сигизмунда дьякъ Аѳанасій Царевскій. Опредѣленный на Земскій дворъ при польскомъ режимѣ, онъ былъ оставленъ тамъ по освобожденіи Москвы боярами и продолжалъ тамъ служить въ первое время царствованія Михаила Ѳедоровича, пока не былъ посланъ на ратную службу подъ Смоленскъ [1]). Приведенные примѣры съ полною ясностью показываютъ намъ, что въ Москвѣ, освобожденной отъ народнаго врага, временная правительственная власть не разбирала политическаго прошлаго тѣхъ лицъ, съ которыми ей приходилось работать, и довольствовалась лишь убѣжденіемъ, что эти лица въ данное время надежны и годны. Какъ само временное правительство составилось изъ лицъ различныхъ политическихъ симпатій, служившихъ когда-то взаимно враждовавшимъ господамъ, такъ и орудія этого правительства отличались большою политическою пестротою. Нѣтъ сомнѣнія, что такая пестрота была очень удобна для новаго государя и развязывала ему руки въ дѣлѣ предстоявшаго ему правительственнаго подбора, избавляя его отъ возможности борьбы съ однороднымъ и одностороннимъ, неудобнымъ или непріятнымъ для него административнымъ составомъ.

Новый государь оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого застало на мѣстахъ его избраніе. Не было ни одной опалы, ни одного удаленія въ пору «нареченія» новаго монарха. Любопытно, что даже дѣлопроизводство о такъ называемыхъ «измѣнникахъ», то-есть предавшихся Сигизмунду московскихъ людяхъ, старались какъ будто не связывать съ именемъ новаго царя и доносили ему, напримѣръ, что извѣстнаго Андронова «вершатъ по его злодѣйскимъ дѣламъ, какъ всякихъ чиновъ и черные

---

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, стр. 403; А. И. II, № 314, примѣчаніе.— *А. П. Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, т. II, facsimile грамотъ на стр. 300 и 350.—Дворц. Разр., I, 104, 102; А. И. III, № 4.

люди объ немъ приговорятъ» [1]): новый царь не долженъ былъ выступать съ своей санкціей въ мрачныхъ дѣлахъ смутнаго прошлаго. Но принимая отъ собора власть и съ нею извѣстный составъ правительственныхъ лицъ, государь немедля ввелъ въ него своихъ близкихъ людей. Изъ переписки Михаила Ѳедоровича съ земскимъ соборомъ и московскими боярами видно, что уже въ началѣ апрѣля въ государевѣ походѣ у государя былъ образованъ приказъ Большого дворца. Въ немъ были посажены Борисъ Михайловичъ Салтыковъ и дьяки Иванъ Болотниковъ и Богданъ Тимоѳеевъ. Изъ нихъ И. И. Болотниковъ извѣстенъ уже намъ, какъ членъ земскаго посольства и дѣятель Ярославскаго ополченія, вѣроятно, вѣдавшій дворцовыя дѣла и во время боярскаго правительства въ Москвѣ. Салтыковъ же былъ лицомъ, что называется, своимъ у царя Михаила по родству съ его матерью и по житейской близости: два брата Борисъ и Михаилъ Салтыковы «съ нимъ, государемъ, жили въ Ипатскомъ монастырѣ», когда земское посольство туда явилось. Подъ руководствомъ государева пріятеля старшаго Салтыкова «дворецъ» принялъ въ свое завѣдываніе дворцовыя и монастырскія села и земли и сталъ собирать съ нихъ «кормъ» на государя и его свиту и казаковъ [2]). Въ то же время младшій Салтыковъ, Михаилъ Михайловичъ, получилъ званіе кравчаго. Обозначились одновременно и другіе «ближніе» люди: въ концѣ апрѣля 1613 года на стану въ селѣ Любиловѣ смотръ служилымъ людямъ производили князь Аф. Вас. Лобановъ-Ростовскій и Константинъ Ивановичъ Михалковъ [3]). Оба

---

[1]) *Соловьевъ*, II, 1293—1294.

[2]) Дв. Разр. I, ст. 1140; также 104, 1105, 1108, 1113.—«Изборникъ» *А. Н. Попова*, стр. 357.—Жалованную грамоту, данную изъ этого «дворца», см. въ *Чтеніяхъ М. О. Ист. и Др.*, 1896, III, смѣсь, стр. 10—11.

[3]) О. М. М. Салтыковѣ—*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.*, 1895, кн. I, «Докладная выписка», стр. 3; Дв. Разр. I, ст. 99—100.—О Лобановѣ-Ростовскомъ и Михалковѣ Дв. Разр. I, 1147. Лобанову было скоро сказано боярство: Др. Р. Вивл. XX, стр. 90.

они, несомнѣнно, принадлежали къ довѣреннымъ лицамъ новой царской семьи. Первый изъ нихъ получилъ званіе чашника, крупную помѣстную дачу и былъ назначенъ въ завѣдующіе Стрѣлецкимъ приказомъ [1]). Второй сдѣланъ постельничимъ и «намѣстникомъ трети московскія», получалъ многіе знаки царской ласки, до прощенія казеннаго долга, а родъ его былъ офиціально признанъ не «обычнымъ»: бояре въ своемъ приговорѣ по одному мѣстническому дѣлу установили, что «Михалковы и у прежнихъ государей бывали ближніе люди» [2]). Немногимъ позднѣе названныхъ явился и еще одинъ довѣренный человѣкъ—Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ, пожалованный 13-го іюля 1613 года въ казначеи. Трудно прослѣдить за тѣмъ, какія именно соображенія и житейскія связи повліяли на приближеніе къ молодому царю столь «обычныхъ» лицъ, каковы въ сущности были Михалковъ да Траханіотовъ. Врядъ ли могли они причитать себя въ близкое родство съ новою династіей; скорѣе это были ея довѣренные агенты, введенные въ ряды ранѣе сформированной администраціи въ качествѣ такихъ лицъ, на которыхъ новый государь могъ вполнѣ положиться.

Рядомъ съ довѣренными дѣльцами Михаилъ Ѳедоровичъ выдвигалъ понемногу и свою родню вообще. Не говоря уже о царскомъ дядѣ Иванѣ Никитичѣ Романовѣ, замѣтны становятся многія лица Романовскаго круга, ранѣе затертыя въ водоворотѣ «смутныхъ лѣтъ и московскаго разоренья». Большее значеніе, чѣмъ прежде, получаютъ теперь бояре Ѳ. И. Шереметевъ и князь Б. М. Лыковъ-Оболенскій. Первому изъ нихъ преданіе усвояетъ очень видную роль въ дѣлѣ избранія Михаила Ѳедоровича, какъ родственнику Романовыхъ, представлявшему ихъ на земскомъ соборѣ. Дѣйствительно, сверхъ общаго происхожденія отъ Ѳедора Кошки, Ѳ. И. Шереметевъ

---

[1]) Дв. Разр. I, 104. *Чтенія*, 1895, I, стр. 4.
[2]) Дв. Разр. I, 132, 135; Русск. Ист. Библ., IX, стр. 3, 5 и далѣе.

былъ близокъ Романовымъ еще и потому, что былъ женатъ на внучкѣ Никиты Романовича (Иринѣ Борисовнѣ Черкаской), двоюродной сестрѣ царя Михаила Θедоровича. Въ смутные годы Θ. И. Шереметевъ неизмѣнно тяготѣлъ къ Романовымъ и въ 1613 году былъ первымъ посломъ отъ собора къ избранному въ цари его сородичу. Князь Б. М. Лыковъ былъ женатъ на дочери Никиты Романовича (Анастасіи), родной теткѣ царя Михаила, и Романовымъ былъ несомнѣнно свой. И онъ, и Шереметевъ сдѣлали свою служебную карьеру ранѣе воцаренія Романовыхъ: оба получили боярство при Розстригѣ, благоволившемъ, какъ извѣстно, Романовскому кругу; оба служили Шуйскому и думою, и мечемъ; оба были въ «семибоярщинѣ» и оба сидѣли въ московской осадѣ. Новый государь приблизилъ ихъ къ себѣ, и въ его думѣ оба они стали одними изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ сановниковъ. Приближенъ былъ и тотъ «племянникъ» Романовыхъ, который во время ихъ опалы при царѣ Борисѣ былъ съ ними вмѣстѣ судимъ,— князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій, сынъ Марѳы Никитичны, двоюродный братъ царя Михаила и шуринъ Θ. И. Шереметева. Онъ былъ первый, кого новый государь пожаловалъ изъ стольниковъ въ бояре: въ день вѣнчанія Михаила на царство, 11-го іюля 1613 года, было сказано боярство по мѣстническому старшинству сначала стольнику князю И. Б. Черкаскому, затѣмъ стольнику князю Д. М. Пожарскому. Въ первые дни царствованія въ царской близости видимъ и стольника князя Ив. Θ. Троекурова, сына Анны Никитичны Романовой, двоюроднаго же брата государева: на пиру 11-го іюля онъ «вина наряжалъ» вмѣстѣ съ другими «ближними» людьми; но боярство ему было сказано только въ 1620 году, такъ какъ «отечествомъ» Троекуровы не были велики. Близко къ государю сталъ и его шуринъ князь И. М. Катыревъ-Ростовскій, за которымъ была замужемъ рано умершая сестра царя Татьяна Θедоровна Романова. Вызванный подъ Москву боярскимъ правительствомъ 1612 года изъ Тобольска, куда онъ былъ со-

сланъ Шуйскимъ на воеводство, Катыревъ поспѣлъ въ столицу къ царскому избранію и съ начала новаго царствованія сталъ близко ко дворцу, хотя почему-то и не былъ въ боярахъ [1]).

Если припомнимъ, что за этими наиболѣе замѣтными «зятьями», «племянниками» и «шурьями» Романовской семьи потянулись во дворецъ ихъ менѣе замѣтные родственники изъ князей Черкаскихъ, князей Сицкихъ, Головиныхъ, Салтыковыхъ, Морозовыхъ и другихъ,—то мы поймемъ, что расположеніе новаго государя быстро наполнило дворецъ новою придворною знатью. Эта новая среда ничѣмъ не была стѣснена и ограничена въ своей дворцовой и государственной карьерѣ и, соединясь съ приказною средою довѣренныхъ дѣльцовъ, скоро составила въ Москвѣ многолюдный правящій кругъ, общія свойства котораго намъ, можетъ быть, удастся до извѣстной степени опредѣлить. Ко времени пріѣзда въ Москву Филарета Никитича этотъ кругъ не только вполнѣ сформировался, но уже требовалъ нѣкотораго обузданія, потому что проявилъ признаки самоуправства и распущенности. Извѣстный голландецъ Масса очень дурно аттестуетъ московскую правящую среду въ своихъ письмахъ 1616—1618 гг. По его словамъ, въ Москвѣ правленіе было столь худо, что, «если останется въ теперешнемъ положеніи, долго продлиться не можетъ»; высшіе чиновники чрезвычайно корыстолюбивы и лицепріятны, а государь попускаетъ имъ, надѣясь лишь на возвращеніе изъ плѣна своего отца, который «одинъ былъ бы въ состояніи поддержать достоинство великокняжеское» [2]). Справедливость отзыва Массы можно подтвердить, напримѣръ, обстоятельствами весьма извѣстнаго дѣла Хлоповой и тѣми мѣропріятіями, ко-

[1]) О перечисленныхъ лицахъ см. *А. П. Барсукова* «Родъ Шереметевыхъ», т. II; «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя М. Ѳ. Романова», ч. I, стр. 293 и слѣд.; ч. II, стр. 66 и слѣд.; «Др. Росс. Вивл.», XX, ст. 76, 78, 91 и др.; Дв. Разр. I, стр. 96, 99—100; также мои «Очерки по исторіи смуты» (о лицахъ по указателю).

[2]) *Вѣстникъ Европы*, 1868, августъ, стр. 798, 808.

торыя провелъ черезъ земскій соборъ Филаретъ въ первые же дни по своемъ возвращеніи въ Москву.

Въ результатѣ нашихъ справокъ о составѣ правительственнаго круга при новомъ государѣ, выяснилось, что лица этого круга врядъ ли имѣли интересъ и возможность добиваться, черезъ боярскую думу или непосредственно, ограниченія царской власти. Поставленныя у власти личнымъ довѣріемъ царя, связанныя часто родствомъ съ новою династіею, не имѣвшія между собою иныхъ связей, кромѣ родства или службы, эти лица помимо династіи не имѣли ни особой силы, ни широкаго авторитета для того, чтобы тянуться къ власти черезъ формальное ограниченіе ея высшаго носителя. Они пользовались и даже злоупотребляли тѣмъ вліяніемъ, которое имъ давала близость къ царю, но, разумѣется, они понимали, на чемъ основано ихъ вліяніе, и не могли колебать его основанія.

Но передъ нами можетъ стать еще одинъ вопросъ. Если ни въ боярской думѣ, ни въ придворной средѣ, ни въ высшемъ административномъ штатѣ мы не можемъ открыть слѣды такой организаціи, которой можно было-бы приписать ограниченіе царя Михаила,—то не былъ ли такою организаціею земскій соборъ въ его полномъ составѣ, не тотъ соборъ, который избралъ Михаила, думаемъ, безъ всякаго «письма», а тотъ, который правилъ страною совмѣстно съ царемъ въ первые годы царствованія?

Въ дѣятельности постояннаго земскаго собора за первое десятилѣтіе царствованія М. Ѳ. Романова были такія черты, которыя далеко выводили соборы за предѣлы чисто совѣщательныхъ функцій. Соборъ выступалъ рядомъ съ государемъ, какъ верховный національно-политическій авторитетъ въ дѣлахъ особой важности. На него ссылались даже въ дипломатическихъ сношеніяхъ, говоря (Дж. Мерику), что отвѣтъ по дѣлу «безъ совѣту всего государства» дать нельзя. Въ отношеніяхъ внутреннихъ соборъ являлся иногда рядомъ съ государемъ,

заслоняя собою обычные правительственные органы. Казакамъ на Волгу посылались грамоты непосредственно отъ собора вмѣстѣ съ царскими. Ворамъ-казакамъ въ 1614 году послано было увѣщаніе отъ собора съ особымъ соборнымъ посольствомъ, въ составъ котораго вошли духовныя и свѣтскія лица. Такіе же послы отъ собора, «околничіе и дворяне болшіе, а съ ними изо властей архимариты и игумены и изъ приказовъ дьяки», собирали по городамъ въ 1614 же году экстренные денежные сборы [1]). Населеніе видѣло надъ собою не одного царя съ его приказными людьми, но и соборъ съ его выборными послами. Соправительство собора съ государемъ было для всѣхъ явно; но оно не было результатомъ формальнаго ограниченія власти государя, а было только слѣдствіемъ единства стремленій центральнаго правительства и создавшаго его представительнаго собранія. И царь, и соборъ были представителями одной и той же соціальной среды, овладѣвшей положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и стремившейся создать свой порядокъ. Обѣ силы дѣйствовали согласно, ибо имѣли одно и то же происхожденіе и одинаковыя цѣли, и потому заботились не объ опредѣленіи своихъ правъ, а объ обезпеченіи взаимной помощи. И ни одинъ изъ изслѣдователей исторіи земскихъ соборовъ не рискуетъ утверждать, что въ данное время соборамъ принадлежали ограничительныя полномочія. Даже тѣ историки, которые вѣрятъ въ существованіе «письма», даннаго на себя Михаиломъ, не утверждаютъ, что это письмо было взято соборомъ [2]). Въ виду

---

[1]) *Соловьевъ*, II, 1128.—А. Э. III, №№ 26, 31, 32, 44.—Русск. Ист. Библ., т. XVIII, ст. 147 и слѣд.—Книги Разр. I, ст. 4 и слѣд.

[2]) *Н. П. Загоскинъ*, «Исторія права Моск. государства», I, стр. 246—247: «предполагать, будто земскіе соборы стояли у престола царя Михаила съ ограничивающимъ власть его значеніемъ, предполагать, будто политическое значеніе земскихъ представителей было условіемъ самаго избранія царя,—значитъ не понимать значенія избранія Михаила Ѳеодоровича и не имѣть близкаго знакомства съ источниками, относящимися къ этой эпохѣ».—*В. И. Сергѣевичъ*, «Русск. юрид. древности», т. II, изд. 2-е, стр. 374—375: «въ какой мѣрѣ былъ ограниченъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и кѣмъ,—остается совершенно неизвѣстнымъ».

такой опредѣленности дѣла намъ нѣтъ нужды долго останавливаться на вопросѣ о возможности ограниченія земскимъ соборомъ власти царя Михаила Ѳедоровича. На этотъ вопросъ надлежитъ отвѣчать отрицательно.

Итакъ, всѣ наши соображенія и наблюденія приводятъ къ тому выводу, что власть царя Михаила Ѳедоровича ни въ моментъ его избранія, ни въ ближайшее за нимъ время не была подвергнута никакому ограниченію и выражалась совершенно свободно какъ въ распоряженіяхъ, шедшихъ отъ имени самого государя, такъ и въ подборѣ лицъ, которыхъ государь назначалъ на должности во дворцѣ и въ приказахъ. Этотъ подборъ привелъ къ тому, что въ одинъ правительственный кругъ были сведены дѣятели временнаго правительства 1612 — 1613 гг. и люди Романовскаго круга, близкіе къ государю по родству и свойству или же удостоенные его довѣріемъ по старымъ житейскимъ связямъ. Дѣятельность новаго чиновничества не стѣсняла государя въ его власти и сама не была, повидимому, ничѣмъ стѣсняема, такъ что весьма скоро заслужила упреки въ испорченности и продажности. Не только терпѣвшіе отъ произвола администраціи, но, надо думать, и самъ государь съ надеждою ожидали пріѣзда государева отца изъ Польши, видя въ Филаретѣ возможнаго избавителя отъ приказныхъ и придворныхъ злоупотребленій.

IV.

Говоря о прибытіи Филарета изъ плѣна въ Москву, Масса замѣчаетъ: «во всѣхъ вѣдомствахъ перемѣнены штаты и смѣнены служащіе, но все къ лучшему; все сдѣлано по приказанію самого родителя царскаго, но все заранѣе уже было назначено и опредѣлено» [1]). Къ этому извѣстію Массы надобно отнестись

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1868, августъ, стр. 812.

съ осторожностью. Дѣйствительно около того времени, когда вернулся Филаретъ, въ Москвѣ произошли нѣкоторыя перемѣны: пріѣхавшій съ Филаретомъ думный дьякъ Томило Луговскій былъ сдѣланъ разряднымъ дьякомъ на мѣсто дьяка Сыдавнаго Васильева, переведеннаго въ Казанскій дворецъ. Въ Казанскомъ дворцѣ съ начала 1618 года видимъ князя А. Ю. Сицкаго и дьяка Ѳед. Апраксина вмѣсто бывшаго тамъ ранѣе думнаго дьяка Алексѣя Шапилова [1]). Сыдавный Васильевъ, уступивъ свое мѣсто въ Разрядѣ Т. Луговскому, никого не вытѣснилъ въ Казанскомъ дворцѣ, а только усилилъ собою штатъ послѣдняго. Въ томъ же 1618 году въ Помѣстномъ приказѣ вмѣсто бывшаго тамъ Ѳедора Шушерина появляется думный дьякъ Николай Новокщеновъ [2]). Весною 1618 же года заболѣлъ, а лѣтомъ умеръ посольскій дьякъ Петръ Третьяковъ, котораго Масса называлъ «великимъ канцлеромъ» и считалъ, по силѣ его вліянія на дѣла, «большою страусовою птицей». Съ апрѣля 1618 года вмѣсто Третьякова у посольскаго дѣла становится думный дьякъ Иванъ Тарасьевичъ Курбатовъ-Грамотинъ, не меньшая «птица», чѣмъ Третьяковъ. По отзыву Массы, Грамотинъ, «бывшій посломъ при римскомъ императорѣ, похожъ на нѣмецкаго уроженца, уменъ и разсудителенъ во всемъ и многому научился въ плѣну у поляковъ и пруссаковъ» [3]). Указанныя перемѣны въ высшемъ административномъ штатѣ

---

[1]) Кн. Разр. I, 931 (672—673, 726); Русск. Ист. Библ., II, ст. 1067—1069; А. И., III, № 78.—Въ 1616 году въ Казанскомъ дворцѣ упоминается Петръ Третьяковъ: Р. Ист. Библ., II, ст. 1058.

[2]) «Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Архива Мин. Юстиціи», VI, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 30, 39, 42, 48, 58 и др. Въ 1617 году Н. Новокщеновъ еще былъ въ Новгородѣ (Книги Разр. I, ст. 388).

[3]) Дворц. Разр. I, ст. 314 и 321; *Вѣстникъ Европы*, 1868, августъ, стр. 803 и 811. *Н. П. Лихачевъ*, «Разрядные дьяки XVI в.», по указателю (подъ словами «Грамотинъ» и «Курбатовъ»). Въ чинѣ подьячаго Иванъ Курбатовъ былъ въ посольствахъ къ цезарю Вильяминова и Власьева (въ 1595 г.) и Власьева (въ 1599 г.); см. Пам. Дипл. Снош., II, по Указателю (подъ словомъ «Курбатовъ»).

могли казаться очень существенными, но онѣ были случайны и совершились почти всѣ до пріѣзда Филарета. Связавъ ихъ почему-то съ пріѣздомъ государева отца, Масса почелъ нужнымъ оговориться, что, хотя «все сдѣлано по приказанію самого родителя царскаго, но все заранѣе уже было назначено и опредѣлено».

Вопреки показанію Массы, можно утверждать, что Филаретъ думалъ бороться съ административнымъ неустройствомъ, какое засталъ въ Москвѣ, не перемѣною штатовъ и лицъ, а общими мѣропріятіями. Кругъ приближенныхъ и довѣренныхъ людей во дворцѣ при немъ остался въ прежнемъ составѣ, намъ уже извѣстномъ. Во время Филарета замѣтнѣе становятся нѣкоторые князья Сицкіе, князь А. М. Львовъ, князь Б. А. Репнинъ—изъ той же дворцовой знати, какая сложилась при новой династіи. Опала постигаетъ при Филаретѣ Салтыковыхъ и нѣкоторыхъ изъ думныхъ дьяковъ. Но одни возвышаются, а другіе падаютъ, нисколько не мѣняя общаго состава правящей среды; смѣна лицъ совершается постепенно и не тотчасъ послѣ того, какъ Филаретъ принялъ власть. Салтыковы пали въ октябрѣ 1623 года, Грамотинъ въ декабрѣ 1626 года, Т. Луговскій былъ посланъ въ Казань въ 1628 году; когда именно лишились милостей Ѳ. Лихачевъ и Е. Телепневъ, точно сказать не беремся. Всѣ они были возвращены въ Москву тотчасъ послѣ смерти Филарета въ концѣ 1633 и началѣ 1634 года—знакъ, что опала шла именно отъ «владительнаго» патріарха [1]). Но владительный патріархъ, не стѣсняясь въ изъявленіи своего гнѣва даже на свою высокопоставленную родню, въ родѣ братьевъ Салтыковыхъ, повидимому, никогда не считалъ необходимою общую чистку приказнаго состава, о которой говоритъ Масса.

---

[1]) О Салтыковыхъ С. Г. Г. и Д., III, № 64; о Грамотинѣ Р. Ист. Библ., т. IX, стр. 438, 440; о Луговскомъ Кн. Разр., II, ст. 84. О всѣхъ вообще опальныхъ дьякахъ Дворц. Разр. II, ст. 862 и 867, и Кн. Разр. II, ст. 450. О возвращеніи опальныхъ Р. Ист. Библ., IX, стр. 529, 545, 551.

При немъ серьезныхъ опалъ вообще было очень немного, а въ первые дни своего пребыванія въ Москвѣ онъ думалъ рѣшительно не о смѣнѣ лицъ, а о перемѣнѣ общаго режима. Тотчасъ по своемъ поставленіи въ патріархи онъ указалъ государю на главныя неустройства московской жизни и вмѣстѣ съ сыномъ спрашивалъ земскій соборъ: «какъ бы то исправить и земля устроити?» Въ результатѣ общаго совѣта была цѣлая система мѣръ, которая, какъ извѣстно, преслѣдовала двѣ цѣли: во-первыхъ, поднять платежныя и служебныя силы населенія и, во-вторыхъ, упорядочить администрацію. Для достиженія этихъ цѣлей, сверхъ обычныхъ средствъ, какими тогда обезпечивалось правосудіе и порядокъ, былъ устроенъ, между прочимъ, особый приказъ, получившій названіе «приказа сыскныхъ дѣлъ»,—для того, чтобы «про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивати». Въ этомъ приказѣ сидѣли въ 1619 году бояре князья И. Б. Черкаскій и Д. И. Мезецкій и представляли собою какъ бы высшую судебную инстанцію, куда поступали судныя дѣла изъ другихъ приказовъ [1]. Направленный вообще противъ нарушителей чужого права, насильниковъ и обидчиковъ, приказъ кн. Черкаскаго не былъ направленъ спеціально противъ администраціи и нисколько не повліялъ на ея настроеніе и на перемѣны въ ея составѣ.

Такимъ образомъ, оцѣнивъ приведенныя данныя, мы получаемъ право сказать, что характеръ и общій составъ правящаго круга въ Москвѣ при патріархѣ Филаретѣ не измѣнился. У дѣлъ оставалась та самая среда, которая сформировалась во дворцѣ до прибытія изъ плѣна государева отца. Выше мы опредѣлили ея составъ: въ ней соединились дѣятели временнаго правительства 1612—1613 гг. и люди Романовскаго круга. Остатки стараго княжескаго боярства въ этой средѣ не играли видной

---

[1]) Кн. Разр. I, ст. 612—620. *И. Я. Гурляндъ*, «Приказъ сыскныхъ дѣлъ» (въ «Сборникѣ статей по исторіи права, посвященномъ М. Ф. Владимірскому-Буданову». К. 1904), стр. 91, 95 и слѣд.

роли; а съ рѣзкою опалою и ссылкою въ Пермь князя Ив. Вас. Голицына, который въ 1624 году за «непослушанье и измѣну» былъ признанъ «достойнымъ всякаго наказанья и разоренья», и съ назначеніемъ кн. Д. Т. Трубецкого въ далекій Тобольскъ (январь 1625 г.) [1]) — представители старой княжеской знати и вовсе становятся незамѣтными въ московскомъ правительствѣ. Изъ нихъ намъ могутъ, правда, назвать кн. Д. М. Пожарскаго и кн. Н. И. Одоевскаго. Но врядъ ли кто станетъ утверждать, что Пожарскій пользовался вліяніемъ при дворѣ царя Михаила; а кн. Н. И. Одоевскій сталъ замѣтенъ, къ концу царствованія Михаила, не по своей «породѣ», а потому, что вошелъ въ родство съ Ѳ. И. Шереметевымъ, женившись на его дочери, и сталъ фаворитомъ царской семьи [2]). Съ паденіемъ и смертью виднѣйшихъ представителей старыхъ княжескихъ семей, дѣйствовавшихъ въ смуту, Шуйскихъ, Голицыныхъ, Трубецкихъ, также Куракиныхъ, правящій кругъ въ Москвѣ получаетъ къ серединѣ XVII вѣка еще болѣе опредѣленныя очертанія—дворцовой знати, созданной исключительно близостью къ династіи и ея милостями. Эта новая знать овладѣваетъ не только дѣловымъ вліяніемъ и преимуществами служебной карьеры, но и большимъ матеріальнымъ достаткомъ. За время Михаила Ѳедоровича представители новаго правительства успѣли стяжать себѣ крупныя состоянія и по количеству своихъ земельныхъ

---

[1]) О ссылкѣ Голицына за отсутствіе его самого и его жены на свадьбѣ ц. Михаила см. Дворц. Разр. I, 633, 640—642, 1219—1220.— О назначеніи Трубецкого въ Сибирь—тамъ же, 658—659.—*А. И. Маркевичъ*, «Ист. мѣстничества», стр. 475, 509.

[2]) *Ю. В. Арсеньевъ*, «Ближній бояринъ кн. Н. И. Одоевскій» (въ *Чтеніяхъ О. Ист. и Др.*, 1903, II) Интересны слова царя Алексѣя Михайловича объ Одоевскихъ: «впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково васъ нѣтъ», почему царь и послалъ отъ себя на погребеніе молодого Одоевскаго «сколько Богъ изволилъ» («Собраніе писемъ царя Ал. Мих.» М. 1856, стр. 231). Между тѣмъ земельныя владѣнія Одоевскихъ были тогда одними изъ самыхъ крупныхъ во всемъ государствѣ.

владѣній опередили старые княженецкіе роды. Просматривая данныя росписи помѣстій и вотчинъ 7155 года, обработанныя С. В. Рождественскимъ, удивляешься той послѣдовательности, съ какою земельное обогащеніе сопутствовало тогда служебнымъ и придворнымъ успѣхамъ счастливыхъ фамилій. Первыя мѣста по земельному богатству въ серединѣ XVII столѣтія принадлежали Н. И. Романову, Морозовымъ, кн. Черкаскимъ, Шереметевымъ, кн. Одоевскимъ, Салтыковымъ, Стрѣшневымъ, кн. Львовымъ,—словомъ, тѣмъ семьямъ, которыя прежде были или вновь стали близкими къ царю Михаилу и его роду. Въ этой средѣ первостатейныхъ собственниковъ изъ новой знати замѣтны лишь немногіе князья великой породы: А. Н. Трубецкой, Ѳ. С. Куракинъ, А. И. Голицынъ [1]). Въ общемъ же, выражаясь словами Ю. В. Готье, «XVII столѣтіе видѣло окончаніе процесса разложенія стараго княжескаго землевладѣнія» [2]). Зато начали формироваться земельныя богатства такихъ «обычныхъ людишекъ», какими ранѣе были дьяки: въ росписи 7155 года между крупнѣйшими собственниками наравнѣ съ княжатами значатся дьяки И. Гавреневъ, М. Даниловъ, Ѳ. Елизаровъ, Н. Чистой и другіе подобные. Повидимому, названнымъ дьякамъ не только не уступали въ богатствѣ, но еще и превосходили ихъ знакомые намъ дьяки Т. Луговской, Ѳ. Лихачевъ, И. Грамотинъ и Е. Телепневъ: изъ одного розметнаго списка 7141 года видно, что въ свое время они были богатѣйшими въ своемъ чину [3]). Подъ вліяніемъ изложенныхъ наблюденій С. В. Рождественскій охарактеризовалъ изучаемую среду крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ государства какъ «безсословную». Этотъ терминъ совершенно удобно можетъ быть перенесенъ и на правящую среду того времени, которая по составу совпадала съ средою крупныхъ земельныхъ владѣльцевъ.

---

[1]) *С. В. Рождественскій,* «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка», стр. 228—229.

[2]) *Ю. В. Готье,* «Замосковный край въ XVII вѣкѣ», стр. 414.

[3]) Дв. Разр. II, 859—862.

V.

Итакъ, если царь Михаилъ Өедоровичъ не былъ вынужденъ дѣлить свою власть съ какимъ-либо учрежденіемъ или сословіемъ и правилъ съ помощью свободно имъ подобранной администраціи, то ясно, что господствовавшее въ его время правительственное вліяніе исходило не изъ какой-либо организованной среды, а изъ случайнаго, житейски сплотившагося кружка. Такой кружокъ могъ образоваться въ нѣдрахъ Романовской родни и родственно опекать болѣзненнаго и неопытнаго государя; но такой кружокъ могъ сложиться и на почвѣ политической, на принципѣ партійной солидарности или въ силу общихъ партійныхъ воспоминаній и симпатій. Скорѣе же всего сплотившаяся при Михаилѣ среда связывалась въ одно и то же время и родственными, и партійными связями. Мы укрѣпимся въ этой мысли, если вспомнимъ, что въ смутное время очень замѣтная часть Романовской родни держалась Тушина, а въ царствованіе Михаила въ московскомъ правительствѣ оказались многіе тушинскіе дьяки и дворяне. Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что тушинскія знакомства и связи сохранили свою силу при дворѣ Романовыхъ и что тушинскіе дѣльцы во время М. Ө. Романова дѣлали въ большемъ числѣ и лучшую карьеру, чѣмъ дѣловые люди прочихъ лагерей смутной поры. Конечно, мы не знаемъ интимной стороны тѣхъ отношеній, какія существовали между тушинцами, пережившими бури «смутныхъ лѣтъ и московскаго разоренья»; мы не можемъ возстановить, насколько было сознательно и неслучайно ихъ допущеніе въ администрацію царя Михаила. Но тѣ внѣшніе симптомы, которые доступны нашему наблюденію, говорятъ намъ, что новая московская власть не только не брезговала услугами бывшихъ «воровъ», но охотно двигала ихъ въ первые ряды своихъ сотрудниковъ по управленію какъ внутренними дѣлами, такъ и внѣшнею политикою государства.

Наши замѣчанія будутъ яснѣе, если мы припомнимъ кое-что изъ исторіи Тушина. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы старались показать, что съ первыхъ же минутъ появленія Тушинскаго вора подъ Москвою люди Романовскаго круга стали отпадать отъ Шуйскаго въ сторону Вора. «Шатость» въ томъ отрядѣ, гдѣ начальствовали И. Н. Романовъ и женатые на Романовыхъ князья И. Ѳ. Троекуровъ и И. М. Катыревъ-Ростовскій, была первымъ показателемъ неблагонадежности Романовыхъ съ точки зрѣнія Шуйскаго. Они стали «шататься» раньше, чѣмъ Воръ пришелъ въ самое Тушино. А когда образовался Тушинскій станъ, туда въ первыхъ поѣхали изъ Москвы князья А. Ю. Сицкій и Д. М. Черкаскій, близкіе къ Романовымъ по свойству; присталъ къ Тушину и И. И. Годуновъ, женатый на Романовой; пристали и Салтыковы, родня жены Филарета. Приведенъ былъ туда, наконецъ, и самъ Ростовскій митрополитъ Филаретъ, названный тамъ патріархомъ; онъ терпѣливо сносилъ свое подневольное житье въ Тушинѣ и непринадлежавшій ему санъ вплоть до самаго бѣгства Вора изъ Тушина. Если бы младшій братъ Филарета Ив. Н. Романовъ не сидѣлъ все это время въ Москвѣ съ царемъ Василіемъ, мы рѣшились бы сказать, что Романовы вообще всѣ склонились къ Вору, волею или неволею оставивъ Шуйскаго. Всѣ родные и присные Филарета, переѣхавшіе въ Тушино, стали тамъ первостепенною знатью; вмѣстѣ съ прочими приверженцами самозванца изъ московской и литовско-польской знати они почитались думцами Вора и посылались отъ него для управленія городами. Въ Тушинскихъ же приказахъ, въ роли руководителей центральнаго тушинскаго управленія, сидѣли люди попроще, дьяки въ родѣ Б. Сутупова, Д. Сафонова, П. Третьякова, Ив. Чичерина, Ив. Грамотина, Ѳ. Апраксина и др. Оставаясь всегда въ Тушинѣ, ведя всѣ отрасли тушинскаго хозяйства и управленія, эти люди пріобрѣтали очень

---

[1]) «Очерки по исторіи смуты въ Моск. государствѣ», глава IV, § IX.

важное значеніе для Вора и его партіи: именно они становились истиннымъ тушинскимъ правительствомъ. Къ концу Тушинскихъ дней многіе изъ нихъ, повидимому, слились въ одинъ кружокъ, сохранившій свою цѣлость и послѣ побѣга Вора изъ Тушина въ Калугу. Имѣя во главѣ Филарета, продолжавшаго называться патріархомъ, и близкихъ къ нему Салтыковыхъ, они первые обратились къ Сигизмунду, прося его дать на Москву Владислава. Посольство, пріѣхавшее изъ Тушина къ королю въ январѣ 1610 г., заключало въ своемъ составѣ людей, которые долго потомъ дѣйствовали однимъ кружкомъ при Сигизмундѣ и, по его полномочію, въ Москвѣ [1]). Кромѣ Салтыковыхъ, здѣсь были кн. Ю. Д. Хворостининъ, Л. Аѳ. Плещеевъ, Н. Д. Вельяминовъ, Ив. Р. Безобразовъ, Ив. В. Измайловъ и дьяки Ив. Грамотинъ, С. Дмитріевъ, Ѳ. Апраксинъ, Аѳ. Царевскій. Всего же этотъ кружокъ, судя по грамотамъ тѣхъ лѣтъ, заключалъ въ себѣ до восемнадцати или двадцати человѣкъ. Когда онъ появился съ административными полномочіями отъ Сигизмунда въ Москву, въ сентябрѣ 1610 года, то его встрѣтили тамъ очень враждебно, считая М. Салтыкова и его товарищей «врагами» и «богоотметниками» [2]). Съ точки зрѣнія патріотовъ-москвичей, эти люди были измѣнниками, потому что отъѣхали къ Вору, а затѣмъ служили видамъ Сигизмунда. И тѣмъ не менѣе всѣ названные выше члены кружка при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ благополучно служили законному правительству: кн. Хворостининъ, Плещеевъ, Вельяминовъ, Безобразовъ и Измайловъ въ придворныхъ и ратныхъ службахъ, а Грамотинъ, Апраксинъ и Царевскій — въ прика-

---

[1]) О нѣкоторомъ «кружкѣ» можно говорить потому, что одни и тѣ же имена русскихъ тушинцевъ нѣсколько разъ появляются вмѣстѣ въ разныхъ документахъ того времени, русскихъ и польскихъ, и въ лѣтописи. См. мои «Очерки», глава IV, § IX, и глава V, § II; также примѣчаніе 163.

[2]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 141—142.

захъ [1]). Добрая половина того «воровскаго» круга, который «прежъ всѣхъ» явился изъ Тушина на королевскія послуги подъ Смоленскъ, оказывается при Михаилѣ не только прощенной, но и припущенной къ дѣламъ. Если вспомнить, что исключительныя событія тѣхъ лѣтъ погубили многихъ изъ даннаго кружка еще ранѣе воцаренія Романовыхъ, то можно сказать, что изъ кружка реабилитированы были всѣ вообще уцѣлѣвшіе отъ погрома 1612 — 1613 годовъ. Объ остальныхъ участникахъ кружка извѣстно, что стоявшіе во главѣ кружка Салтыковы остались вѣрны Сигизмунду; одинъ изъ нихъ (сынъ) погибъ во Псковѣ, другой (отецъ) укрылся въ Польшѣ. Знаменитый Андроновъ былъ казненъ въ Москвѣ, какъ мы видѣли, до вступленія въ управленіе Михаила Ѳедоровича; С. Соловецкій и Б. Замочниковъ были замучены на пыткахъ въ Москвѣ еще раньше Андронова. Князья В. Масальскій и Ѳ. Мещерскій, М. Молчановъ, Гр. Кологривовъ и В. Юрьевъ, по словамъ лѣтописи, умерли «злою скорою смертію». В. Яновъ и Е. Витовтовъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ навсегда ушли въ Литву [2]). Остальные получили въ Москвѣ амнистію, а нѣкоторые и большое вліяніе на дѣла.

Нельзя, конечно, удивляться тому, что при воцареніи Романовыхъ вокругъ нихъ поспѣшили собраться ихъ родныя и

[1]) Объ этихъ лицахъ см., напримѣръ, Акт. Зап. Росс. IV, стр. 335 (кн. Хворостининъ), 325 (Плещеевъ), 324 (Вельяминовъ), 374 (Измайловъ), 368 (Безобразовъ), 368, 372, 388 (Грамотинъ), 348 (Дмитріевъ), 328 (Апраксинъ), 348 (Царевскій); Книги Разр. I, 36 (Хворостининъ), 84 (Плещеевъ), 162 (Вельяминовъ), 13—14 (Измайловъ), 180 (Безобразовъ), 169, 408 (Дмитріевъ). О службѣ прочихъ дьяковъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ говорилось выше. Къ числу этихъ лицъ надобно отнести Грязныхъ или Грязновыхъ: отецъ Тимоѳей былъ въ Тушинѣ и у Сигизмунда и съ сыновьями Васильемъ и Борисомъ бралъ у короля земли (А. Зап. Р., IV, стр. 327—328, 337, 340, 346 и др.); что сдѣлалось съ Тимоѳеемъ, неизвѣстно; но сынъ Борисъ въ Москвѣ былъ стольникомъ, сначала патріаршимъ, потомъ царскимъ (Р. Ист. Библ., IX, стр. 473).

[2]) Ник. Лѣт., VIII, стр. 142. Объ Андроновѣ и прочихъ пытанныхъ говорилось нами выше.

ближнія семьи, а въ числѣ прочихъ и тѣ, которыя служили Вору. Князья Сицкіе, Троекуровы, Черкаскіе естественно приблизились въ Москвѣ къ «великимъ государямъ», царю Михаилу и патріарху Филарету, послѣ того, какъ были близки къ послѣднему въ Тушинѣ. Удивительнѣе судьба тушинскихъ дьяковъ. Вѣроятно, исключительною талантливостью и дѣловитостью, а не иными соображеніями, слѣдуетъ объяснять возвышеніе при царѣ Михаилѣ такихъ людей, какъ Петръ Третьяковъ, помянутый Ив. Грамотинъ, Ѳ. Шушеринъ, которые были коренными тушинцами и тѣмъ не менѣе въ Москвѣ потомъ играли очень большую роль. Изъ нихъ о Шушеринѣ мы знаемъ мало. О Третьяковѣ же и Грамотинѣ извѣстно кое-что любопытное. Оба они, повидимому, выдавались своими способностями и своимъ умѣньемъ мѣнять господъ. Третьяковъ служилъ еще первому Самозванцу и при Шуйскомъ, какъ указалъ Н. П. Лихачевъ [1]), былъ разжалованъ изъ дьяковъ въ подьячіе. Отъ Шуйскаго онъ первымъ подьячимъ Посольскаго приказа перебѣжалъ въ Тушино и тамъ сталъ думнымъ дьякомъ. Вора онъ оставилъ поздно, въ 1610 году, и тѣмъ не менѣе во временномъ правительствѣ 1612—1613 годовъ умѣлъ стать первымъ дьякомъ, хотя тамъ и потерялъ титулъ «думнаго». Вторично онъ его получилъ 12-го іюля 1613 г. отъ царя Михаила. Мы видѣли, какъ высоко Масса ставилъ Третьякова по силѣ его вліянія; большое, и притомъ злое, вліяніе на ходъ дѣлъ приписываетъ Третьякову и московскій лѣтописецъ. По словамъ лѣтописи, посольскій съѣздъ подъ Смоленскомъ въ 1615 году разстроился «отъ дьяка отъ Петра Третьякова» по той причинѣ, что московскимъ посламъ онъ изъ Москвы не посылалъ «полново указу». Тогда же и въ Новгородѣ Третьяковъ создалъ бѣды русскимъ людямъ отъ шведовъ, такъ какъ измѣною про

---

[1]) *Н. П. Лихачевъ,* «Разрядные дьяки», стр. 525—528, и *его же* «Библіотека и архивъ Моск. государей», стр. 152. Срвн. у *Карамзина,* XII, прим. 222.

тайныя дѣла «писалъ съ Москвы въ Нѣмцы» [1]). Однако эти злоупотребленія, если только они были, не повліяли на карьеру Третьякова, который и скончался «великимъ канцлеромъ», по терминологіи Массы. Замѣнившій его Ив. Грамотинъ пріобрѣлъ еще бо̀льшую извѣстность, чѣмъ Третьяковъ. Мы видѣли выше, что онъ бывалъ дважды въ Западной Европѣ въ исходѣ XVI столѣтія, какъ подьячій Посольскаго приказа. Первый Самозванецъ сдѣлалъ его думнымъ дьякомъ, а Шуйскій сослалъ его дьякомъ во Псковъ, откуда Грамотинъ и началъ свои похожденія, уйдя въ Тушино. Изъ Тушина явился онъ къ Сигизмунду, отъ Сигизмунда пріѣхалъ дьякомъ въ Посольскій приказъ въ Москву, изъ Москвы во̀-время выѣхалъ опять къ королю, у котораго и оставался въ первое время власти Романовыхъ. Когда именно онъ вернулся въ Москву и чѣмъ заслужилъ прощеніе и милость, сказать трудно. Еще въ 1615 году на офиціальномъ московскомъ языкѣ онъ именовался «измѣнникомъ» и «совѣтникомъ» Гонсѣвскаго вмѣстѣ съ Андроновымъ и другими, подобными [2]). А въ 1618 году онъ уже вѣдаетъ Польскій приказъ въ Москвѣ. Если на самоуправство и «измѣну» Третьякова до насъ дошли жалобы лѣтописца, то на такія же качества Грамотина жаловались сами «великіе государи». Въ концѣ 1626 года ихъ именемъ было объявлено: «былъ въ Посольскомъ приказѣ Иванъ Грамотинъ и, будучи у государева дѣла, государя... и отца ево государева... указу не слушалъ, дѣлалъ ихъ государскія дѣла безъ ихъ государского указу самоволствомъ, и ихъ, государей, своимъ самовольствомъ и упрямствомъ прогнѣвалъ, и за то на Ивана Грамотина положена ихъ государская опала». Грамотинъ былъ сосланъ на Алатырь, а послѣ смерти Филарета снова вошелъ въ милость и получилъ прежнюю должность, отъ кото-

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, стр. 220, 222. Письма Третьякова въ Сборникѣ кн. Хилкова, стр. 72—73, и А. И. II, № 120. Пожалованіе въ думу— Дв. Разр. I, 100.

[2]) *Соловьевъ*, II, 1066, 1077, 1079.

рой по старости отказался самъ въ концѣ 1635 или въ началѣ 1636 года [1]). Удивительно это постоянство царской милости къ такому «перелету», какимъ былъ Грамотинъ: его возвращаютъ изъ ссылки тотчасъ по смерти патріарха, торопясь загладить опалу, шедшую, очевидно, отъ патріарха, милостью «для блаженныя памяти» того же патріарха Филарета. Опираясь на государеву милость и пользуясь государевымъ довѣріемъ, такіе дѣльцы, какъ Третьяковъ и Грамотинъ, сосредоточивали въ своихъ рукахъ управленіе нѣсколькими вѣдомствами, соприкасавшимися обыкновенно съ Посольскимъ приказомъ, именно «четями». Обширныя сферы правительственной дѣятельности и общественной жизни попадали поэтому въ кругъ ихъ вліянія и воздѣйствія и терпѣли отъ ихъ властныхъ рукъ, привыкшихъ къ самоуправству и насилію въ жестокіе годы смуты и «разоренья». Память о Третьяковѣ и Грамотинѣ жила у московскихъ людей и послѣ того, какъ они ушли отъ дѣлъ: не добромъ вспоминали ихъ, напримѣръ, торговые люди въ своей челобитной 1646 года, приписывая ихъ подкупности свои торговыя бѣды [2]).

Если приведенныя нами наблюденія точны и правильны, они вскрываютъ передъ наблюдателемъ чрезвычайно любопытный и важный фактъ. Ни одна политическая партія, ни одна общественная организація изъ дѣйствовавшихъ въ смутное время, не дала такого количества вліятельныхъ представителей въ правительство царя Михаила, какое дало пресловутое Тушино. Какъ намъ кажется, три обстоятельства могутъ до нѣкоторой степени объяснить это поразительное явленіе. Во-первыхъ, вражда Романовыхъ съ Шуйскими естественно вела къ тому, что Романовы не прочь были пользоваться Тушиномъ противъ царя Василья. Пребываніе въ Тушинѣ Филарета, разу-

---

[1]) Русск. Ист. Библ., IX, стр. 438, 440—441.—Адамъ Олеарій, въ изданіи *А. С. Суворина,* С.-Пб. 1906, стр. 136—137. Умеръ Грамотинъ по «Указателю къ боярскимъ книгамъ», въ 7147 году.

[2]) Сосредоточеніе вѣдомствъ отмѣчено Н. П. Лихачевымъ («Разрядные дьяки», стр. 526). Челобитье торговыхъ людей въ А. Э. IV, № 13.

мѣется, не было только подневольнымъ «плѣномъ»: освободившись отъ этого плѣна, Филаретъ обратился, какъ извѣстно, къ королю, а не въ Москву. При этихъ условіяхъ связи, завязанныя Филаретомъ въ Тушинѣ, не были тюремными узами и не разорвались при паденіи самого Тушина. Филаретъ и вообще Романовы имѣли возможность узнать и оцѣнить тушинскіе таланты и давали имъ ходъ въ Москвѣ, вспоминая въ нихъ старыхъ слугъ и союзниковъ тушинскаго патріарха. Во-вторыхъ, съ торжествомъ казачества въ подмосковномъ ополченіи 1611 года тушинскіе бояре кн. Трубецкой и Заруцкій на время получили въ свои руки верховную власть въ странѣ и осуществляли ее съ помощью администраціи, въ которой преобладалъ тушинскій элементъ. Изъ таборовъ Трубецкого этотъ элементъ перешелъ во временное правительство въ освобожденной Москвѣ (вспомнимъ Третьякова и Шушерина) и занялъ здѣсь первыя мѣста, потому что, по извѣстной Тушинской щедрости, обладалъ высшими чинами и званіями, чѣмъ сотрудники Пожарскаго. Въ-третьихъ, численное превосходство казачества въ Москвѣ и сильное его вліяніе въ пору избранія царя Михаила Өедоровича должно было поддерживать въ составѣ правительства тушинскихъ дѣятелей, близкихъ къ казачеству по воспоминаніямъ и традиціямъ «воровского» стана. Мы видѣли въ началѣ статьи, какъ тяжело было давленіе казаческихъ вожделѣній на неокрѣпшую земскую власть: умѣвшіе ладить съ казаками чиновные тушинцы скорѣе всего могли и умѣли ослабить это давленіе.

Если были причины для того, чтобы тушинцы забрали въ свои руки значительную долю власти и вліянія въ Москвѣ и смогли при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ подчинить себѣ Москву такъ, какъ не смогли этого сдѣлать при Ворѣ, то были, повидимому, и особыя послѣдствія ихъ господства въ администраціи и судѣ. Общеизвѣстенъ фактъ, что московское общество того времени было очень недовольно московскимъ чиновничествомъ. Къ 40-мъ годамъ XVII вѣка это недовольство полу-

чило уже очень опредѣленныя формы, а къ исходу 40-хъ годовъ оно повело даже къ открытому бунту въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ. Въ 1642 году провинціальные служилые люди дали царю свой знаменитый отзывъ о московскихъ дьякахъ: «твои государевы діаки и подьячіе (писали они) пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами и, будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатествомъ, неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои строили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя: блаженныя памяти при прежнихъ государѣхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жити». Въ противоположность этому зазорному богатству дворяне о себѣ заявляли, что они разорены «пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ» [1]). Выше было указано, что по боярскимъ книгамъ того времени дьяки значились среди богатѣйшей земельной знати: обличеніе дворянъ, стало быть, не грѣшило противъ истины. А что сами дворяне чувствовали себя близко къ разоренію, это можно заключить изъ многихъ документовъ. По одному частному письму 1641 года видно, что уже въ то время,—значитъ, задолго до мятежей 1648 года, — «земля стала» и шла «мірская молва» про бояръ, что «боярамъ отъ земли быть побитымъ» [2]). Чувства, стало быть, напряглись настолько, что можно было чуять въ воздухѣ грозу. О злоупотребленіяхъ администраціи того времени писалось много, и здѣсь нѣтъ нужды повторять извѣстное; но любопытно будетъ отмѣтить, что, помимо и сверхъ отдѣльныхъ злоупотребленій и неправды, самые обычные пріемы тогдашней администраціи отличались грубостью и распущенностью. Въ расчетѣ на безнаказанность, думные дьяки,—на-

---

[1]) Собр. Г. Гр. и Д. III, стр. 390, 394.
[2]) *Чтенія Моск. Общ Ист. и Др.*, 1894, II, Смѣсь, стр. 18—20.

*

примѣръ, при объявленіи рѣшеній по мѣстническимъ челобитьямъ — дрались и толкались, бранились и сочиняли самовольныя резолюціи, словомъ—«воровали» безо всякаго стѣсненія [1]). Безъ стѣсненія вели себя приказныя власти въ своихъ приказахъ. Въ частныхъ дѣловыхъ отпискахъ тѣхъ лѣтъ находятся любопытныя свѣдѣнія о томъ, почему въ Москвѣ въ приказахъ «дѣла мало вершатся»: «околничей мало ѣздитъ въ приказъ», «волокиты много, издержки великія подьячимъ и людямъ дьячимъ и сторожемъ». Было совершеннымъ исключеніемъ, что дьякъ П. Чириковъ въ первую пору знакомства съ просителями денегъ въ даръ «съ пріѣзду» не взялъ, а говорилъ: «посмотрю де по дѣлѣ, а то де не уйдетъ». Зато впослѣдствіи тотъ же Чириковъ получилъ 30 рублей, «и ему кажется мало». Неудивительно казалось, что бояринъ кн. А. М. Львовъ при просителѣ «въ приказѣ не бывалъ не единожды», если даже его ничтожный подьячій «мало и въ приказъ ходитъ, а потому дѣлу указу нѣтъ». Для того, чтобы улучить милость боярина, надобны были особыя ухищренія; не просто, напримѣръ, требовалось прислать ему рыбы, а именно такой, какую князь Львовъ любитъ: прислали «тридцать сижковъ Свирскихъ, а не Кубенскіе сижки, и тѣхъ сижковъ бояринъ не кушаетъ». Но и Кубенскіе сижки не всегда помогали. «Божія поспѣшенія во всемъ намъ нѣтъ», писалъ одному монастырю его слуга: «бояринъ гораздо гнѣвенъ, споны не стало многимъ монастыремъ, не намъ однѣмъ токмо;... нашу братью деретъ нещадно: самъ указъ учинитъ, да и переговору нѣтъ снова; за кого заступы большіе, тѣмъ и дѣла чинятца». А за кого не было заступъ, съ тѣмъ бояринъ не церемонился: приказывалъ «съ суда» изъ приказа «выбить взашей» и челобитныя дралъ вмѣсто правильнаго по нимъ производства [2]). Таковъ былъ

---

[1]) *А. И. Маркевичъ*, «Исторія мѣстничества», стр. 510.

[2]) «Шестой выпускъ описанія собранія свитковъ, находящихся въ Вологодскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ». Вологда. 1903, стр. 31, 30, 36, 34, 41, 82, 120, 64 и 94.

кн. А. М. Львовъ въ Большомъ дворцѣ; о немъ не сохранилось въ московскомъ обществѣ никакихъ особенно дурныхъ воспоминаній, потому что были люди гораздо похуже,—именно тѣ, которые погибли отъ самосуда московской толпы въ 1648 году. Тѣ же корреспонденты, отъ которыхъ нами взяты строки о кн. Львовѣ, сообщаютъ намъ любопытное свѣдѣніе, что уже въ 1646 году въ Москвѣ ходилъ особый терминъ, которымъ обозначались административные пріемы «земскаго судьи» Л. С. Плещеева и его присныхъ. Одинъ изъ дѣловыхъ ходоковъ стращалъ своихъ непріятелей: «дерну де язъ всѣхъ васъ всѣхъ во дворецъ, не хуже де буду Плещіевщины, выучю де васъ всѣхъ (кричалъ онъ), отбѣлю всѣхъ на лицо, узнаете меня, каковъ вамъ буду» [1]. «Плещеевщина» была такимъ же словечкомъ, какимъ вѣкъ спустя стала «бироновщина». Она означала опредѣленную манеру административнаго хищника, которая современниками опредѣлялась очень точно, именно какъ «во всякихъ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ по его Левонтьеву (т.-е. Плещеева) наученью отъ воровскихъ людей напрасные оговоры». Олеарій поясняетъ намъ, какъ дѣлались эти «оговоры»: Плещеевъ «нанималъ негодяевъ для того, чтобы они ложно доносили на честныхъ людей»,—и выжималъ изъ оговоренныхъ послѣдніе соки [2].

Вотъ до какой степени разврата доходила московская администрація, сложившаяся во время царя Михаила Θеодоровича. Памятуя, что во главѣ ея послѣ смутъ стояли чаще всего печальной памяти тушинскіе дьяки, мы поймемъ, откуда идутъ въ этой администраціи дурные навыки и откуда рождается ненависть къ ней управляемаго общества. Вопреки пословицѣ, «дурная трава» не была тогда выброшена «изъ поля вонъ», а выросла на полѣ и заглушила добрые ростки управленія зем-

---

[1]) Тамъ же, стр. 108.

[2]) Мои «Статьи по русской исторіи», стр. 86. Олеарій, въ изданіи *А. С. Суворина*, стр. 264.

скаго, съ помощью выборныхъ людей «добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ»....

Подведемъ итоги сказанному нами:

1) Избраніе въ цари М. Ѳ. Романова было результатомъ соглашенія временнаго земскаго правительства и казачьей массы, остававшейся въ Москвѣ послѣ ея освобожденія отъ поляковъ.

2) Нѣтъ никакихъ основаній вѣрить преданіямъ о формальномъ ограниченіи власти М. Ѳ. Романова московскимъ боярствомъ или земскимъ соборомъ, при самомъ избраніи его въ цари.

3) Личная власть новаго государя въ первое время его дѣятельности не была ничѣмъ стѣснена ни въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ, ни въ подборѣ правительственныхъ лицъ.

4) Правительственная среда при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ первое время его власти составилась изъ членовъ временнаго правительства 1612—1613 гг., личной родни царя и довѣренныхъ его лицъ. При такомъ пестромъ составѣ правительства изъ него не могло выйти формальныхъ ограниченій власти государя.

5) Въ дѣятельности земскихъ соборовъ времени Михаила Ѳедоровича не было вовсе условій, ограничивавшихъ власть государя или дѣятельность его приближенныхъ лицъ.

6) Съ пріѣздомъ патріарха Филарета ничего не измѣнилось въ составѣ и характерѣ московскаго правительственнаго круга. При Филаретѣ окончательно сложилась новая придворная и чиновная знать изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, какіе были налицо въ 1613 году.

7) Въ этой знати наиболѣе замѣтенъ по численности и вліянію кругъ тушинскихъ знакомцевъ и родственниковъ Филарета, которые въ большомъ числѣ различными путями проникли въ московскую администрацію XVII вѣка.

8) Вліяніе тушинцевъ на общій характеръ правительственной дѣятельности того времени было безусловно вредно и подготовило въ московскомъ обществѣ недовольство и протестъ.

ОБЪ АВТОРѢ СОЧИНЕНІЯ «НА ИКОНОБОРЦЫ И НА ВСЯ ЗЛЫЯ ЕРЕСИ».

(1907).

Въ «Библіологическомъ словарѣ» П. М. Строева въ числѣ произведеній, приписанныхъ князю Ивану Андреевичу Хворостинину, былъ названъ трактатъ «На иконоборцы и на вся злыя ереси, иже въ наша лѣта явленна быша, иже нарекошася и отъ ересей своихъ проименовашеся лют(о)ры, новокрещенцы, колвины и протчія блядословцы ....Списано же бысть сіе собраніе многогрѣшнымъ и непотребнымъ рабомъ Божія восточныя церкви duксомъ Иванномъ». Почему подъ «duксомъ Иванномъ» надлежитъ разумѣть именно князя И. А. Хворостинина, Строевъ не указалъ. Гдѣ онъ сыскалъ это сочиненіе «дукса Иванна» и много ли видалъ его списковъ, Строевъ также не пояснилъ [1]). Глухое упоминаніе «Библіологическаго словаря» о трактатѣ «на иконоборцы» нѣсколько дополнялось и разъяснялось спискомъ рукописей, принадлежавшихъ Строеву и проданныхъ имъ Погодину. Въ этомъ спискѣ, напечатанномъ у Н. П. Барсукова въ его біографіи Строева [2]), поименованъ и трактатъ «на иконоборцы». Естественно заключеніе, что извѣстный Строеву списокъ трактата былъ его личною собственностью и, будучи проданъ имъ Погодину, вошелъ затѣмъ въ составъ Погодинскаго древлехранилища Императорской Публичной библіотеки.

---

[1]) Библіологическій словарь, стр. 289.
[2]) Жизнь и труды П. М. Строева. С.-Пб. 1878, стр. 383.

Однако малая доступность въ прежніе годы этого древлехранилища была причиною того, что трактатъ «на иконоборцы» оставался неизвѣстнымъ до самаго послѣдняго времени. Лѣтъ двадцать назадъ, собирая матеріалы для біографіи и литературной характеристики князя И. А. Хворостинина, я встрѣтилъ самое живое участіе и содѣйствіе со стороны покойнаго Л. Н. Майкова, бывшаго тогда вице-директоромъ Публичной библіотеки. Его удивительно чуткое и теплое отношеніе къ молодымъ ученымъ работникамъ памятно, конечно, всѣмъ, кто начиналъ свой научный путь на его глазахъ. Отъ Л. Н. Майкова среди многихъ цѣнныхъ указаній я получилъ первое точное свѣдѣніе о «Словесахъ дней, царей и святителей» Хворостинина, но трактатъ «на иконоборцы» остался за предѣлами нашего ученаго горизонта, почему въ своей біографіи Хворостинина я и упомянулъ кратко, что этого трактата я въ рукописяхъ не видалъ [1]). Остался этотъ трактатъ неизвѣстнымъ и Д. В. Цвѣтаеву, въ то самое время написавшему свое сочиненіе «Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ» (М. 1887). Немногимъ позднѣе, именно въ 1891 г., г. А. Голубцовъ указалъ на существованіе полемическаго трактата Хворостинина (въ книгѣ «Препія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны»). Г. Голубцовъ полагалъ, что (судя по заглавію) «трактатъ Хворостинина, обнимающій собою почти всѣ пункты обрядоваго разногласія между протестантствомъ и православіемъ, долженъ быть очень любопытенъ» [2]); однако самаго трактата г. Голубцову найти не пришлось. Наконецъ, въ 1893 году Е. В. Пѣтуховъ, работая надъ своимъ изслѣдованіемъ о синодикахъ, встрѣтилъ въ одной изъ рукописей Публичной библіотеки статьи, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ ре-

---

[1]) Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени. С.-Пб. 1888, глава IV, стр. 182.

[2]) Преніе о вѣрѣ, стр. 76—77.

лигіозно-полемической литературѣ XVII вѣка. По мысли И. А. Бычкова онъ склонился къ тому, чтобы приписать ихъ князю И. А. Хворостинину, на это лицо указывали кое-какія данныя текста найденнаго имъ памятника [1]). Но изученный г. Пѣтуховымъ памятникъ не былъ Строевскимъ трактатомъ «на иконоборцы», и рукопись, указанная Строевымъ, осталась неизвѣстною Е. В. Пѣтухову такъ же, какъ и предшествующимъ ученымъ. О полемическомъ творчествѣ Хворостинина послѣ опубликованныхъ г. Пѣтуховымъ статей приходилось судить, какъ и ранѣе, только по тому, что сообщилъ Строевъ (а онъ сообщилъ лишь одно заглавіе).

Въ исходѣ прошедшаго 1906 года профессоръ В. Н. Савва, изслѣдуя рукописи собранія И. Н. Михайловскаго въ Нѣжинѣ, нашелъ среди нихъ сборникъ, заключающій въ себѣ напечатанныя Е. В. Пѣтуховымъ статьи въ соединеніи съ цѣлымъ полемическимъ сочиненіемъ. Сочиненіе это, писанное виршами, по акростихамъ должно быть безъ всякихъ сомнѣній приписано князю Ивану княжъ Андрееву сыну Хворостинину; а, стало быть, оправдывалась и догадка Е. В. Пѣтухова и И. А. Бычкова, усвоившихъ Хворостинину статьи сборника Публичной библіотеки. Полемическое творчество Хворостинина устанавливалось точно, и Императорская археографическая комиссія приняла на себя трудъ изданія полемическихъ сочиненій Хворостинина съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о нихъ профессора Саввы [2]).

Найденныя и обслѣдованныя В. Н. Саввою сочиненія Хворостинина, по всѣмъ соображеніямъ, не совпадали съ тѣмъ трактатомъ, который былъ усвоенъ Хворостинину Строевымъ.

---

[1]) *Е. В. Пѣтуховъ*, «Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ». С.-Пб. 1893. Срвн. мою рецензію на это изданіе въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1893 годъ и въ моихъ «Статьяхъ по русской исторіи».

[2]) Печатается въ «Лѣтописи занятій Императ. археографической комиссіи».

Археографическая комиссія озаботилась сыскать въ Погодинскомъ древлехранилищѣ и привлечь къ изученію Строевскій трактатъ. Онъ оказался въ составѣ Погодинскихъ рукописей подъ № 1216 и дѣйствительно ни въ заглавіи, ни въ текстѣ не обнаружилъ ничего сходнаго съ дѣйствительными сочиненіями Хворостинина. Мало того, немедленно же нашлись данныя, чтобы усумниться въ принадлежности этого трактата Хворостинину; или, вѣрнѣе, не нашлось ни малѣйшихъ основаній связывать это сочиненіе «дукса Иванна» именно съ княземъ Иваномъ Хворостининымъ. Имя «дукса Иванна» наводило мысль скорѣе на другое лицо, не безызвѣстное въ письменности XVII вѣка.

Изслѣдованіе Строевскаго трактата со стороны его состава и литературнаго значенія не входитъ въ задачу настоящей замѣтки. Ограничимся пока лишь общимъ замѣчаніемъ, что этотъ трактатъ, вообще довольно краткій, слѣдуетъ, повидимому, тѣмъ же самымъ литературнымъ образцамъ, какимъ слѣдовали и всѣ современные ему опыты московской полемической письменности. Онъ, напримѣръ, воспроизводитъ весьма точно то мѣсто южнорусскаго сочиненія «О образѣхъ, о крестѣ» и т. д., которое вошло и въ «Изложеніе на лютеры» Насѣдки и въ анаѳематизмы 1639 года, какъ нормальный перечень въ хронологическомъ порядкѣ протестантскихъ «ерессей» [1]. Въ самомъ расположеніи своего матеріала и въ манерѣ его изложенія онъ близко подходитъ къ тому же первообразу полемической техники, какимъ являлось для москвичей первой половины XVII вѣка сочиненіе «О образѣхъ». Зналъ ли нашъ авторъ это сочиненіе непосредственно, или же ознакомился съ нимъ по чьему-либо московскому переводу, рѣшать не беремся. Мы только

---

[1]) Лл. 62—65: «... восташа иконоборцы злѣйшіи древнихъ в Немецкихъ странах во Англіи Авиклев Иан Гусъ егоже сожгоша» и т. д.; срвн. у *Дм. Вл. Цвѣтаева* «Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ», стр. 66—67, и у г. *Голубцова* «Пренія о вѣрѣ», стр. 93—95 (примѣчаніе) и 114.

стоимъ на мысли, что въ исторіи московской полемики съ протестантствомъ нашъ трактатъ врядъ ли получитъ, по внутреннему своему значенію, видное мѣсто. Его авторъ, намъ кажется, любопытнѣе, чѣмъ самое сочиненіе, представляющее собою въ основѣ рядовую компиляцію.

Что касается личности автора, то заключать о ней мы можемъ только косвенно, на основаніи только тѣхъ малыхъ данныхъ, какія заключаетъ въ себѣ изучаемая нами рукопись. Рукопись эта представляетъ собою переплетенный Строевымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ обрѣзанный при переплетѣ, томикъ въ 8-ку, писанный на 190 листахъ полууставомъ первой половины XVII вѣка, со многими дополненіями, исправленіями и замѣчаніями на поляхъ, по мѣстамъ пострадавшими при переплетѣ. На начальномъ не нумерованномъ листѣ находится надпись П. М. Строева: «На иконоборцевъ, соч. дукса Иванна (кажется, кн. Ив. Андр. Хворостинина), при патр. Филаретѣ». На оборотѣ послѣдняго 190-го листа вирши:

«сия книжица на еретики написана мною
утѣшися любимиче вместе со мною».

По листамъ (на лл. 7, 13, 33, 65) запись: «книга ѳедора дементіевича погожево». Тексту книги предшествуетъ, на первыхъ шести листахъ, «оглавление имуще начало краестрочнымъ исторіямъ». Въ немъ означено 22 главы, но 11-я пропущена, такъ что послѣ 10-й слѣдуетъ 12-я. Между тѣмъ въ текстѣ счетъ первыхъ 19-ти главъ идетъ правильно, а потому главы 12—20 оглавленія соотвѣтствуютъ главамъ 11—19 текста. Далѣе глава 21 оглавленія въ текстѣ отмѣчена 30-ою, а глава 22 оглавленія въ текстѣ означено 31-ою. Эта путаница служитъ нѣкоторымъ указаніемъ на то, что сочиненіе дошло до насъ не въ первой уже редакціи и съ плохо скрытыми слѣдами редакціонной работы. Первая глава имѣетъ характеръ краткаго «посланія» патріарху Филарету. Въ немъ авторъ говоритъ патріарху: «Дерзнух азъ вашему святительскому величеству ясно сказати, якоже бо ты сего не вѣси: видѣх и слышах,

иже от іновѣрецъ пришедшіх в нашу православную вѣру овии... паки, яко пси,... на своя блевотины возвращающеся, овіи от наших единовѣрных и единоземнородных прилагающеся им, от нашего закона отходяще до люторского и до колвинского закона, и без всякаго страха Христови враги в посты мясо ядяше, иконы в храминах наших видя и не поклоняющеся, еще же и ругающеся. Подщися, святителю Божій, сие исправити....... Азъ убо, рабъ твой, дерзнухъ на их ереси изложіти от божественных писаній: первое ересь их написа и после ересі их и обличения сказа от божественнаго писанія, от пророк и апостолъ и от святых отецъ; и съ которыя главы или зачала что написах, и вся оглавихъ. Молю твою святыню, раб твой, не прогнѣвайся на мя. Написана же бысть сия книжица на иконоборцы и на иныя еретическия уставы многогрѣшным и непотребным рабом твоим Іоанном, мудръствующе преданія святыя соборныя апостолскія восточныя церкви, имѣюще твое благословеніе»... (лл. 7 — 9). Послѣ начальнаго общаго оглавленія трактата, гдѣ авторъ назвалъ себя, какъ мы видѣли, «дуксомъ Иванномъ», здѣсь онъ вторично пишетъ свое имя въ обращеніи къ патріарху. Онъ называетъ себя и въ третій разъ (на л. 22), повторяя общее заглавіе своего труда предъ 3-ю главою: «списано многогрѣшным и непотребным рабом христовымъ Іоанном дуксом» [1]). Болѣе нигдѣ авторъ себя не именуетъ. Посвятивъ бо̀льшую половину своего писанія защитѣ иконъ и св. креста, онъ въ главѣ 16-й переходитъ къ «молитвѣ святыхъ», далѣе въ главѣ 17-й и 18-й говоритъ «о постѣ», затѣмъ въ 19-й и 20-й (по тексту 30-й) о покаяніи и причащеніи

---

[1]) Кстати замѣтить, что это заглавіе третьей главы (на л. 22) написано, очевидно, не на мѣстѣ: оно имѣетъ характеръ общій («на многия ереси иконоборъственныя» и пр.) и заканчивается словами: «глава I-я», а между тѣмъ на полѣ эта глава означена правильно цифрою 3 и въ общемъ оглавленіи названа: «слово на иконобо(р)ственный соборъ». Въ этомъ заглавіи, попавшемъ не на свое мѣсто, мы видимъ случайно не уничтоженный слѣдъ первой редакціи сочиненія.

и, наконецъ, въ послѣдней главѣ—«о отшедшихъ свѣта сего и о памяти ихъ», то-есть о молитвѣ за умершихъ и о милостинѣ въ память ихъ. На всемъ пространствѣ своего труда онъ только въ трехъ мѣстахъ говоритъ о самомъ себѣ, и эти мѣста должны служить намъ точками отправленія въ нашихъ гаданіяхъ о лицѣ автора. Вотъ эти мѣста.

На лл. 123—124 читаемъ: «Се убо по истиннѣ сказую вамъ пред Богомъ, яко не лжу, свидѣтель бо ми Христосъ, в Негоже вѣрую приятною вѣрою; яко иже сотворю лихву въ словесѣх моих, да приложит ми Христосъ болѣзнь многу ко язвамъ моимъ. Мнѣ убо во времяна лѣтъ моихъ во юности еще бых, и молитвенныя ради вины матере моея общею волею грядохове тамо, иже во едином граде Углече слышахом великаго князя Романа свята суща: (*было написано*: древу же зело суху, *но исправлено*) древъне же зело сущу его быша, уже и костемъ его иссохше, чюдеса многа быша; но не сподоби мя Христосъ дѣянія целителнаго видѣті недостоинства ради моего и скверности, но единому бых свидѣтел и удивихся. Ту служащаго иерѣя Петра мало нечто от мощей святаго испросих на благословение дому; іерей убо и многим частем мощей святых покусихся взяти, и не дадеся ему, и рече ми: неверия ради наю не даются намъ части мощей святаго. Мнѣ же со тщаніем слезъным молихом его и нудихом к тому, зане уже страх велик объя нас; и хотяще уже от раки іерей востати, мнѣ же еще понудівъше его, и се една часть аки воста от мощей святаго и положися в (р)уце его. Исполнился весь храм тои благоюхания дивнаго» и т. д. Рѣчь здѣсь идетъ о мощахъ св. князя Романа Угличскаго чудотворца. Мощи были открыты, по Лѣтописи, въ 7103 (1595) году, а по «повѣсти о чудесахъ»,—въ 7113 (1605) году; въ 1608 же году, въ Угличское разоренье, онѣ были сожжены и уцѣлѣли отъ нихъ лишь обгорѣлыя кости [1]). Авторъ былъ у мо-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XIV (новый лѣтописецъ), стр. 48.— «Повѣсть о чудесахъ св. благовѣрнаго князя Романа Угличскаго чудо-

щей святого, очевидно, до Угличскаго пожара; иначе онъ упомянулъ бы не объ «изсохшихъ» только, но и о горѣлыхъ костяхъ чтимаго имъ князя. Онъ былъ въ Угличѣ съ матерью въ юношескомъ возрастѣ, не по своему почину, а «молитвенныя ради вины матере»,—знакъ, что богомолье въ Угличъ было дѣломъ женскимъ. Если сообразимъ это, то придемъ къ заключенію, что семья автора была, вѣроятно, изъ окрестностей Углича, изъ Угличскаго или сосѣдняго съ Угличемъ уѣзда, такъ какъ женскія богомольныя поѣздки въ ту безпокойную пору врядъ ли могли быть далекими. Съ другой стороны, къ такому же заключенію ведетъ и то обстоятельство, что почитаніе князя Романа было всегда мѣстнымъ и въ московской письменности вовсе не обращалось его «житія», послѣ того какъ «житіе святаго и первыя чудеса его» пропали въ 1608 году [1]). Если мы укрѣпимся въ мысли, что авторъ принадлежалъ по своей семьѣ къ угличскимъ служилымъ людямъ, то нѣкоторое значеніе для нашихъ дальнѣйшихъ заключеній получитъ и та запись, которую мы уже отмѣтили на листахъ нашей рукописи: «книга ѳедора дементіевича погожево». Въ ней слово «дементіевича» написано иными чернилами, чѣмъ прочія слова, и по писанному ранѣе слову «івановича». Значитъ, рукопись принадлежала ранѣе Ѳедору Ивановичу Погожево, затѣмъ перешла къ Ѳедору Дементьевичу Погожево. Оба эти лица извѣстны по боярскимъ книгамъ [2]). Изъ нихъ Ѳедоръ Ивановичъ былъ весьма замѣтнымъ землевладѣльцемъ въ

творца» (Ярославль. 1874. Извлечено изъ *Яросл. Епарх. Вѣд.* 1873 г., №№ 45—48), стр. 20—21.—Житія святыхъ въ изданіи Моск. Синод. типографіи, февраль (М. 1905), стр. 37.

[1]) По любезному сообщенію В. В. Майкова, имѣвшаго случай интересоваться этимъ житіемъ, древняго житія не существуетъ. Помѣщенное въ *Яросл. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1889 годъ (№ 48, № 49) и напечатанное въ отдѣльномъ оттискѣ «Житіе св. и благовѣрн. кн. Романа Владиміровича Угличскаго чудотворца» (Ярославль. 1890) представляетъ собою не житіе XVII вѣка, а позднѣйшее сочиненіе.

[2]) См. эту фамилію въ «Алфавитномъ указателѣ фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ» (М. 1853).

Угличскомъ уѣздѣ и даже одно время угличскимъ воеводою въ первой половинѣ XVII вѣка [1]). И второй происходилъ изъ того же Угличскаго уѣзда: у его отца Дементія Семеновича Погожева, совмѣстно съ братьями Дмитріемъ и Исакомъ и отдѣльно отъ нихъ, были земли въ томъ же Угличскомъ уѣздѣ [2]). Итакъ, и авторъ нашего трактата, и мать его, и два позднѣйшіе обладателя его рукописи такъ или иначе связаны съ Угличемъ. Это даетъ намъ основаніе для того, чтобы искать полнаго имени «дукса Ивана» среди служилыхъ именъ именно Угличскаго уѣзда.

Но раньше, чѣмъ это сдѣлать, посмотримъ на второе и третье упоминанія автора о самомъ себѣ. На лл. 162 об.—168 онъ разсказываетъ о томъ, какъ благостью Господнею онъ исцѣлѣлъ чудесно, по причащеніи св. таинъ, отъ тяжкой и долгой болѣзни. О своей болѣзни онъ говоритъ такъ: «Болѣзнующу ми лѣта четыре [3]) и вящее, яко і царю милостивно преклоншеся к моему моленію и врачи ми вдасть на болѣзненное свобожденние, к симъ убо и множайшая рачителя стяжах, истощевая сребро и злато оскудевая; бѣ же болѣзни зело протяжене бывше, руцѣ оцепеневая, плоть оскудѣвая, кровныя источницы пресыхая, мозгъ от дыма стомахова помрачаяся, оскудеваше плоть, оскудеваше і имѣние, не оскудѣ болѣзни злость...». И когда «уже обмертвѣша мое окаянное тѣло», авторъ обратился къ молитвѣ и покаянію и былъ чудесно помилованъ и сталъ здоровъ. О своемъ чудесномъ выздоровленіи онъ упоминаетъ и еще разъ въ заключеніе своего труда (на листѣ 184), но очень кратко: «во истинну о мнѣ быша велико Божіе милосердіе, его же напреди сказахъ». Изъ этихъ обоихъ мѣстъ рукописи извлекаемъ весьма немного: во-

[1]) *М. А. Липинскій*, «Угличскія писцовыя книги» (Временникъ Яросл. Демидовскаго Лицея), стр. 72, 314, 336, 340, 347, 363, 405.

[2]) Тамъ же, 316, 345, 418.

[3]) Слово «четыре» написано по стертому очень короткому слову,—вѣроятно, «три».

первыхъ, авторъ былъ долго и тяжко боленъ, а во-вторыхъ, онъ былъ настолько близокъ къ царю, что просилъ государя о его врачахъ, и царь прислалъ ему своихъ докторовъ.

Какъ вообще ни скуденъ запасъ данныхъ о лицѣ, подлежащемъ нашему опредѣленію, онъ, однако, можетъ привести къ точнымъ и болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, догадкамъ.

Прежде всего нашъ «дуксъ Иванъ»—не Хворостининъ. Не только потому, что Хворостининъ оказался авторомъ иного сочиненія, но и потому, что вотчина Хворостинина была не въ Угличѣ, а въ Переяславлѣ, и съ Угличемъ у Хворостинина не было, повидимому, ни малѣйшей связи. Кромѣ того, рядовой дворянинъ, какимъ былъ Хворостининъ, врядъ ли бы рѣшился «молить» о царскихъ врачахъ, находясь притомъ въ частыхъ опалахъ и постоянномъ подозрѣніи въ политической и церковной неблагонадежности. Ни одинъ признакъ изъ тѣхъ, какими мы располагаемъ для опредѣленія автора нашего трактата, не подходитъ къ Хворостинину. Оставивъ его имя въ сторонѣ, мы можемъ обратиться къ Угличскимъ писцовымъ книгамъ того времени, къ которому относится изучаемый нами трактатъ, то-есть времени патріарха Филарета и царя Михаила, и посмотрѣть, не найдется ли въ Угличскомъ уѣздѣ среди землевладѣльцевъ такого «дукса Ивана», на которомъ сошлись бы всѣ прочіе установленные нами признаки. Текстъ «Угличскихъ писцовыхъ книгъ», напечатанныхъ г. Липинскимъ, относится именно къ первой половинѣ XVII вѣка и заключаетъ въ себѣ четыре имени князей Івановъ. Во-первыхъ, встрѣчаемъ въ немъ имя князя Ивана Дмитріевича Хворостинина, двоюроднаго брата нашего князя Ивана Андреевича (стр. 176). Но этотъ «дуксъ Иванъ» не могъ быть авторомъ полемическаго трактата, посвященнаго патріарху Филарету, потому что онъ, какъ извѣстно, погибъ еще въ смутные годы (въ 1614 г.) въ Астрахани. Имя его упомянуто въ писцовой книгѣ, какъ вкладчика Троице-Сергіева монастыря, при описаніи монастырскихъ земель. Во-вторыхъ, въ писцовой книгѣ находимъ

имя какого-то князя Ивана (безъ отчества) Хованскаго, но не какъ действительнаго землевладѣльца даннаго времени, а какъ прежняго помѣщика, помѣстныя дачи котораго значатся пустыми среди «порозжихъ помѣстныхъ земель» (стр. 93 и 392). Въ-третьихъ, читаемъ имя князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, упомянутаго по тому поводу, что его вотчина «послѣ была въ роздачѣ за разными помѣщиками» (стр. 94); самъ же князь И. Ѳ. Мстиславскій былъ еще при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ пострижень и заточенъ въ монастырь. Всѣ эти три «дукса Ивана» одинаково не могутъ намъ пригодиться въ нашихъ поискахъ. Зато четвертый дуксъ Иванъ, упомянутый въ писцовой книгѣ, долженъ остановить наше вниманіе. Это владѣлецъ села Краснаго, лежащаго противъ Углича за р. Волгою на рѣчкѣ Корожечнѣ, князь Иванъ Михаиловичъ Катыревъ-Ростовскій, извѣстный уже какъ писатель, близкій къ патріарху Филарету, одинъ изъ самыхъ «большихъ» въ своемъ Ростовскомъ княжескомъ родѣ. Село Красное, отъ котораго вся округа носила названіе Красноселья, было родовымъ имѣніемъ Катырева: «старая его родственная вотчина», какъ выражается писцовая книга (стр. 121, 123). Эта вотчина считалась «отъ предѣлъ града Углича», и въ первое же время появленія чудотворныхъ мощей князя Романа изъ Краснаго бывали богомольцы у мощей. Марта въ 9 день 7113 (1605) года «по вечернемъ пѣніи отъ предѣлъ града Углеча вотчины князя Михаила Петровича Катырева (отца дукса Ивана) села Краснаго Кайдала Головина человѣкъ нѣкій Фокій именемъ» получилъ исцѣленіе отъ мощей князя Романа [1]). Такимъ образомъ, дуксъ Иванъ, разсказавшій въ своемъ сочиненіи «на иконоборцы» о богомольной поѣздкѣ своей въ Угличъ къ мощамъ князя Романа, вполнѣ удобно можетъ быть отожествленъ съ красносельскимъ вотчинникомъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Катыревымъ.

---

[1]) «Повѣсть о чудесѣхъ св. благов. князя Романа» (Ярославль. 18.73), чудо 27-е.

Справедливость этого отожествленія поддерживается не только тѣмъ, что князь Ив. М. Катыревъ былъ вообще писатель, а потому легко могъ упражняться и въ полемическомъ родѣ писательства. Въ біографическихъ данныхъ, какими мы располагаемъ относительно Катырева [1]), найдутся нѣкоторыя подробности, не лишенныя значенія и вѣса для нашей цѣли. Данныя о службѣ И. М. Катырева довольно обильны. Родовитый князь, шуринъ царя Михаила по первому браку съ боярышнею Романовою, приближенный къ новой династіи царедворецъ, князь Иванъ упоминается очень часто въ разрядныхъ записяхъ о придворныхъ службахъ, торжествахъ и столахъ за годы 1613—1640. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы его когда-нибудь постигала опала или чтобы его удаляли отъ двора. Но въ извѣстіяхъ о немъ все-таки есть большой пробѣлъ: именно съ весны и до конца 1619 года, за годы 1620-й и 1621-й, за первую половину 1622 года и за 1623 годъ о Катыревѣ нѣтъ упоминаній. Въ этотъ промежутокъ времени онъ выбываетъ изъ чина стольниковъ и затѣмъ становится на первомъ мѣстѣ въ спискахъ московскихъ дворянъ. Если мы вспомнимъ тяжкую болѣзнь «дукса Ивана», описанную имъ въ его трактатѣ и тянувшуюся «лѣта четыре и вящсе», то, можетъ быть, соблазнимся именно ею объяснить отсутствіе служебныхъ извѣстій о Катыревѣ за годы 1619—1623 и утрату имъ званія стольника. «Дуксъ Иванъ» молилъ царя о царскихъ врачахъ—«на болѣзненное свобожденіе», какъ онъ выразился въ своемъ трактатѣ; и князь И. М. Катыревъ, какъ мы знаемъ изъ одной его челобитной, жаловался государю на нездоровье и отваживался просить лѣкарствъ изъ царской аптеки [2]). Словомъ, впечатлѣніе, какое мы выносимъ изъ сообщеній «дукса Ивана» о немъ самомъ, очень близки къ впечатлѣніямъ, какія дастъ намъ біографія кн. Ив. Мих. Катырева. Въ ней нѣтъ ни одной черты,

---

[1]) Біографическія данныя см. въ моей книгѣ «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени», глава IV.

[2]) А. И. III, № 161.

которая бы шла въ разрѣзъ съ нашимъ предположеніемъ о принадлежности ему трактата «на иконоборцы». Литературный же талантъ и начитанность Катырева легко допускали переходъ его съ историческихъ темъ на религіозно-полемическія.

Такъ, намъ кажется, возможно рѣшить вопросъ объ авторѣ сочиненія «на иконоборцы». Вопросы же о времени появленія этого сочиненія (въ предѣлахъ десятилѣтія 1624—1633 г., отъ выздоровленія автора до смерти патр. Филарета), объ источникахъ трактата и объ обстоятельствахъ его составленія еще ждутъ своего разрѣшенія. Съ изданіемъ самаго трактата въ «Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи» его изученіе будетъ облегчено и, быть можетъ, явится возможность нѣкоторыхъ наблюденій надъ общими свойствами литературнаго творчества князя Катырева. Нельзя сказать, чтобы это былъ хорошо изученный писатель. Если историки воспользовались достаточно его «Повѣстью» и «Написаніемъ о царѣхъ Московскихъ», то историки литературы врядъ ли вполнѣ оцѣнили особенности его стиля и словаря и врядъ ли достаточно точно опредѣлили ихъ значеніе въ общемъ ходѣ культурнаго перелома XVII вѣка и литературной московской эволюціи. Новое сочиненіе Катырева можетъ содѣйствовать опредѣленію сферы его начитанности и тѣхъ вліяній, подъ которыми сложилась его литературная физіономія. Не удивимся, если дальнѣйшее изученіе памятниковъ письменности XVII вѣка усвоитъ Катыреву еще новыя произведенія (напримѣръ, въ области сибирскаго лѣтописанія, близкаго Катыреву по его тобольскому воеводству) и тѣмъ увеличитъ данныя для опредѣленія широкаго круга литературныхъ интересовъ этого любопытнаго московскаго вельможи [1]).

---

[1]) Сравненіе текста «Повѣсти» Катырева съ текстомъ такъ называемой «Строгановской лѣтописи» (Сибирскія лѣтописи. Изданіе Археографической коммиссіи. С.-Пб. 1907) открываетъ несомнѣнные признаки ихъ литературнаго родства не только въ языкѣ, но и въ особенностяхъ самаго творчества. Достаточно указать на поразительное сходство въ обоихъ произведеніяхъ картинъ природы, рѣдко вообще наблюдаемыхъ въ памятникахъ того времени.

СТОЛЯРОВЪ ХРОНОГРАФЪ И ЕГО АВТОРЪ.

(1908).

I.

Двадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось впервые писать о «хронографѣ столяра», то-есть о томъ рукописномъ «хронографѣ, который купленъ покойнымъ исторіографомъ (Н. М. Карамзинымъ) у столяра (какъ сказано въ его записной книжкѣ) и который онъ означалъ симъ именемъ» [1]). Въ ту пору о Столяровой рукописи, перешедшей въ собственность Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ (F, IV, 595), имѣлось уже изысканіе А. Н. Попова [2]). Поповъ привелъ въ извѣстность составъ рукописи, выразившись о ней такъ, что въ цѣломъ она «можетъ быть названа обширнымъ историческимъ сборникомъ, совмѣстившимъ въ себѣ разные историческіе памятники». Между статьями, выписанными безо всякой между собой связи изъ различныхъ редакцій хронографа, Степенной книги и Новаго лѣтописца, въ рукописи столяра, на лл. 522—582 и 643—658, А. Н. Поповъ отмѣтилъ, «безъ отдѣльнаго заглавія, часть какого-то неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненія съ 1604 по 1644 годъ». По мнѣнію Попова, оно было «оригинально и самобытно», почему онъ и напечаталъ это лѣтописное сочиненіе въ своемъ «Изборникѣ». Трудясь надъ рукописью столяра, Поповъ не обратилъ вниманія на то,

---

[1]) Карамзинъ, т. XII, прим. 46.

[2]) А. Поповъ, «Обзоръ хронографовъ русской редакціи», вып. 2-й, 1869 г., стр. 252—256.

что напечатанная имъ часть Столярова хронографа весьма сходна по своему составу съ небезызвѣстнымъ «Лобковскимъ хронографомъ», изъ котораго П. И. Мельниковъ въ свое время извлекъ много данныхъ для исторіи Нижняго-Новгорода въ Смутное время [1]). Если сравнить многочисленныя цитаты Мельникова изъ Лобковской рукописи съ напечатаннымъ въ «Изборникѣ» Столяровымъ текстомъ, то можно притти къ убѣжденію въ полномъ тожествѣ въ этихъ рукописяхъ той статьи, которая получила отъ Попова названіе «неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненія», а отъ Мельникова—«хронографа», писаннаго въ Нижегородскихъ и Арзамасскихъ мѣстахъ.

Взглядъ на «оригинальную и самобытную» статью хронографа столяра, какъ на «лѣтописное сочиненіе», или какъ на «хронографъ» мѣстнаго «лѣтописателя», не встрѣтилъ сочувствія въ изслѣдователѣ мѣстничества А. И. Маркевичѣ. Онъ отозвался о памятникѣ иначе. По его опредѣленію, это—«разряды» и притомъ «въ довольно полномъ видѣ»; такъ какъ, по общему мнѣнію, офиціальныхъ разрядныхъ за Смутные годы не было, то А. И. Маркевичъ полагалъ, что въ хронографѣ столяра мы имѣемъ одну изъ «частныхъ разрядныхъ» [2]). Къ опредѣленію А. И. Маркевича примкнулъ и я въ своей книгѣ, посвященной древне-русскимъ литературнымъ произведеніямъ о Смутномъ времени [3]). Мнѣ казалось, что «повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа есть дѣйствительно разрядная книга» и «произведеніе частнаго лица». Простое утвержденіе А. И. Маркевича я старался обставить возможными доказательствами, и мнѣ какъ тогда они представлялись убѣдительными, такъ и теперь, по истеченіи двухъ земскихъ давностей, кажутся не лишенными смысла. Поэтому я считаю совершенно

---

[1]) «Москвитянинъ», 1850, № 21, кн. 1, ноябрь.

[2]) «О мѣстничествѣ». Ал. Маркевича, 1879, стр. 755.

[3]) «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ», 1888, стр. 270—273.

правильнымъ, что С. А. Бѣлокуровъ въ послѣднее время статью Столярова хронографа поставилъ въ XXIV группѣ «разрядныхъ записей за Смутное время» [1]). Характеризуя эту запись, онъ говоритъ: «по своему изложенію запись эта не строго разрядная, она переполнена различными повѣствовательными извѣстіями и представляетъ нѣчто среднее между извѣстіями разрядовъ и хронографовъ, есть запись разрядно-хронографическая». Въ параллель такой характеристикѣ г. Бѣлокурова можно привести и мой отзывъ, что находящіяся въ памятникѣ многочисленныя вставки лѣтописнаго характера, не имѣющія вида офиціальныхъ разрядныхъ записей, «были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронографъ».

Итакъ, возможны были два взгляда на изучаемое произведеніе: 1) «лѣтописное сочиненіе» мѣстнаго нижегородско-арзамасскаго «лѣтописателя» и 2) частная разрядная съ «повѣствовательными извѣстіями» и «вставками лѣтописнаго характера».

В. О. Ключевскій не отказалъ мнѣ въ чести дать критическій отзывъ о вышеназванной моей книгѣ для Академіи Наукъ при присужденіи Уваровскихъ наградъ въ 1889 г. Въ этомъ отзывѣ онъ остановился, между прочимъ, на Столяровѣ хронографѣ съ тѣмъ, чтобы оспорить мой о немъ «приговоръ». «Итакъ, это памятникъ нелитературный и неофиціальный», такъ резюмировалъ В. О. Ключевскій мой взглядъ и послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній по существу дѣла заключилъ отъ себя такъ: «Легко можетъ быть, что, вопреки мнѣнію автора, мы имѣемъ здѣсь предъ собою памятникъ не только литературный, но и офиціальный». Говоря другими словами, критикъ почелъ Столяровъ хронографъ за «лѣтопись» «по офиціальному порученію». Такая точка зрѣнія отличалась отъ обѣихъ прежнихъ. Если въ свое время я не былъ побѣжденъ желаніемъ начать научную полемику въ защиту своего взгляда, за который про-

[1]) «Разрядныя записи за Смутное время (7113—7121 гг.)». М. 1907 въ «Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Росс.»), стр. XIV, XXII, 275—277.

должалъ держаться, то теперь, конечно, еще менѣе склоненъ къ спору. Но я радъ воспользоваться случаемъ, чтобы представить на судъ чтимаго учителя и критика нѣкоторыя новыя наблюденія надъ текстомъ памятника, способныя нѣсколько опредѣленнѣе освѣтить предметъ давняго разногласія.

II.

Въ послѣднее время я читалъ текстъ памятника по двумъ его спискамъ: 1) Карамзинскому и 2) Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (№ 183). Въ первомъ изъ нихъ изучаемый текстъ писанъ совсѣмъ отдѣльно, кажется, даже на особыхъ тетрадяхъ, и вплетенъ въ книгу вслѣдъ за хронографомъ. Во второмъ спискѣ онъ органически входитъ въ составъ разрядной книги, представляя собою какъ бы продолженіе той изъ редакцій разрядныхъ книгъ, которую гг. Милюковъ и Лихачевъ склонны считать Бутурлинскою [1]). Отличія списковъ очень маловажны (Карамзинскій исправнѣе); всѣ сколько-нибудь существенныя въ нихъ разночтенія указаны С. А. Бѣлокуровымъ [2]). Если принять во вниманіе, что цитаты Мельникова изъ Лобковскаго списка обыкновенно вполнѣ совпадаютъ съ чтеніемъ обѣихъ названныхъ рукописей, то является возможность предполагать, что текстъ памятника дошелъ до насъ неиспорченнымъ и непередѣланнымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ задуманъ, то-есть въ видѣ погодныхъ записей, разрядныхъ и лѣтописныхъ, пригодныхъ для того, чтобы служить продолженіемъ старыхъ редакцій разрядныхъ книгъ, обычно доходящихъ до первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

---

[1]) П. Н. Милюковъ, «Офиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги» (Чтенія, 1887, II), стр. 18—16; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI вѣка», 1888, стр. 334, 337—338. Г. Лихачевъ даетъ подробное описаніе той рукописи, о которой мы сейчасъ говоримъ.

[2]) «Разрядныя записи», стр. 275—277.

Начинается разбираемый памятникъ, безо всякаго заглавія и вступленія, пространной записью о походѣ изъ Астрахани окольничаго И. М. Бутурлина и О. Т. Плещеева въ Кумыцкую землю и о пораженіи тамъ русскихъ войскъ отъ кумыковъ и турокъ (1604—1605 гг.). Въ текстъ этой записи введено нѣсколько разрядныхъ отмѣтокъ случайнаго характера («Того жъ году въ Смоленску былъ бояринъ и воевода князь Василей Кардануковичъ Черкаской» и т. д.). Затѣмъ идетъ разсказъ о походѣ на Москву и о воцареніи перваго самозванца, разсказъ мѣстами очень обстоятельный и оригинальный, мѣстами же совпадающій съ записями другихъ разрядныхъ [1]). Послѣ сверженія самозванца вниманіе автора нашего памятника снова устремляется на Астрахань и Терекъ: онъ разсказываетъ объ отпаденіи Астрахани отъ царя Василія и о похожденіяхъ терскаго самозванца «дѣтины Петрушки», при чемъ не трудно замѣтить, что автору очень хорошо извѣстно только то, что дѣлали казаки съ Петрушкой на Волгѣ между Свіяжскомъ и Царицыномъ. Проводивъ же ихъ оттуда «въ Украинные городы», авторъ какъ бы теряетъ ихъ изъ виду; а когда, по ходу разсказа, онъ снова говоритъ о Петрушкѣ, то заново знакомитъ съ нимъ читателя, сообщая (очевидно, изъ другого источника) про этого «Петрушку родомъ муромца», что онъ «посадцкова человѣка сапожника сынъ, а былъ въ свіяжскихъ стрѣльцахъ въ приказѣ у головы стрѣлецкова у Григорія Елагина и былъ у нево въ денщикахъ». Одинъ изъ источниковъ своего разсказа о Петрушкѣ авторъ обнаруживаетъ мимоходомъ, когда позднѣе разсказываетъ о побоищѣ на Восмѣ въ бояракѣ. При избіеніи тамъ боярами воровъ-казаковъ «только оставили семь человѣкъ живыхъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ нижегородцевъ да арзамасцовъ, что онѣ тѣмъ дворяномъ учинили добро: какъ они шли х Казани (варьянтъ: шли казаки) съ Терка съ

---

[1]) Ср. «Изборникъ», стр. 324—326, и «Разрядныя записи» С. А. Бѣлокурова, стр. 170—171, 196—197.

воромъ Петрушкою Волгою къ вору къ Разстригѣ и воротилися съ воромъ Волгою назадъ, и тѣхъ дворянъ встрѣтили на Волгѣ, и воръ ихъ хотѣлъ побить, и онѣ ихъ не дали побить» [1]). Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что именно отъ этихъ дворянъ, такъ или иначе, шли свѣдѣнія автора о Петрушкѣ на Волгѣ. За разсказомъ о появленіи Петрушки слѣдуетъ очень обстоятельное повѣствованіе о компаніи царя Василія противъ Болотникова и о взятіи Тулы—со многими разрядными данными и съ любопытнымъ эпизодомъ объ Арзамасской и Алатырской смутѣ [2]). Здѣсь впервые выказывается особое вниманіе автора къ дѣламъ и людямъ арзамасскимъ, нижегородскимъ и вообще понизовымъ. Перейдя затѣмъ къ описанію дѣйствій Шуйскаго противъ второго самозванца, авторъ вторично обращается къ арзамасцамъ и внимательно слѣдитъ за ихъ службою на Рязани съ Пр. Ляпуновымъ противъ Лисовскаго [3]) и за ихъ смутами, когда Арзамасъ оказался за Воромъ, а арзамасскіе дворяне и духовенство «пошли всѣ въ Муромъ, а иные въ Нижней» [4]). Въ остальномъ своемъ содержаніи повѣствованіе автора о Тушинскомъ періодѣ смуты представляетъ собою общій очеркъ, любопытный, но довольно краткій и, по обычаю автора, съ разрядными данными. Такимъ же характеромъ отличается и разсказъ о Московской разрухѣ, сосредоточенный на московскихъ и подмосковныхъ событіяхъ; изъ мѣстныхъ дѣлъ авторъ опять-таки приводитъ лишь арзамасскія, именно попытку испомѣщенія въ Арзамасскихъ дворцовыхъ селахъ смоленскихъ дворянъ. Онъ слѣдитъ за судьбою этихъ «смольянъ» и послѣ перехода ихъ изъ-подъ Арзамаса въ Нижній-Новгородъ; даже самое начало нижегородскаго ополченія связываетъ онъ съ призывомъ въ Нижній этихъ смолен-

---

1) Изборникъ, стр. 336.
2) Изборникъ, стр. 333—334.
3) Изборникъ, стр. 339—340.
4) Изборникъ, стр. 345—346.

скихъ выходцевъ [1]). Пространнымъ и любопытнымъ разсказомъ объ освобожденіи Москвы и избраніи М. Ѳ. Романова заканчивается первая часть разбираемаго памятника. Въ ней, какъ мы видимъ, ясно сказывается тяготѣніе автора къ Арзамасу и вообще Понизовью.

Вторая часть повѣствованія посвящена времени царя Михаила Ѳеодоровича и первымъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича; она своимъ строемъ ближе, чѣмъ первая, подходитъ къ обычному типу разрядныхъ этого періода. Въ этой части — всего около 25 крупныхъ разрядныхъ записей, иногда переходящихъ въ живой разсказъ съ цѣнными военно-бытовыми подробностями. На ряду съ событіями, имѣвшими общегосударственный интересъ, авторъ попрежнему помѣщаетъ мѣстныя низовскія («Во 128 и во 129 и во 130 году въ Нижнемъ Новѣгородѣ писцы... писали посадъ и уѣздъ и бортниковъ и мордву». «Въ тѣ же годы въ Арзамасѣ писцы... писали посадъ же и уѣздъ и бортниковъ и мордву») [2]). Въ подборѣ частностей и подробностей замѣтно одно любопытное обстоятельство: съ 123 (1614—1615) года начинаютъ попадаться подробныя и очень благосклонныя свѣдѣнія о службахъ Баима Ѳедорова (позднѣе «Ѳедоровича») Болтина. Въ 123 году онъ назначенъ головою новаго приказа стрѣльцовъ въ Казани. Въ 140 и 141 годахъ онъ былъ посланъ воеводою противъ Литвы въ Сѣвскъ, изъ Сѣвска подошелъ къ Новгородъ-Сѣверску и взялъ его приступомъ, за что и былъ пожалованъ кубкомъ, шубою и денежной придачей. Весь подвигъ Баима Ѳедоровича изображенъ подробно и похвально. Въ татарскій приходъ 141 года Б. Ѳ. Болтинъ сидѣлъ воеводою въ Симоновѣ монастырѣ. Въ 142 году на Поляновкѣ на посольскомъ съѣздѣ онъ былъ головою у стольниковъ и стряпчихъ. Въ 143 году онъ ѣздилъ въ Литву дворяниномъ въ посольствѣ, путь котораго потому и изложенъ

---

[1]) Изборникъ, стр. 352—353.

[2]) Изборникъ, 367; также 358, 363 и др.

подробно въ нашемъ хронографѣ. Въ 150 году Б. Ѳ. Болтинъ посланъ на съѣздъ на «Путивльскую межу» уже въ чинѣ «ясельничаго» и съ титуломъ «намѣстника Серпуховскаго». Наконецъ, въ 152 году онъ встрѣчалъ за Землянымъ городомъ въ Москвѣ королевича Вальдемара и «королевичу Валдемару говорилъ рѣчь» [1]). На описаніи въѣзда и встрѣчи королевича обрывается Карамзинскій списокъ.

Въ Московскомъ спискѣ [2]) еще ранѣе этого извѣстія начинаются посторонніе вставки (напримѣръ, «разрядъ Тоболской и Томской»), и послѣдняго извѣстія о Б. Ѳ. Болтинѣ уже нѣтъ. Зато въ немъ находится новое извѣстіе—о назначеніи Б. Ѳ. Болтина посломъ въ Данію въ 155 году [3]) и, кромѣ того, нѣсколько интересныхъ документовъ, касающихся Арзамаса и рода Болтиныхъ; таковы: запись объ арзамасцахъ Савлуковыхъ, грамота царя Ѳедора Ивановича 7100 года Болтинымъ, арзамасская десятня 7105 года и челобитная Болтиныхъ 7182 года [4]). Если вспомнить, что на Карамзинской рукописи есть по листамъ запись: «сія книга, глаголемая хронографъ Спасскаго игумена Корнилія (1646—1661), что въ Арзамасѣ, а подписалъ я игуменъ своею рукою»,—то получимъ основаніе для того, чтобы связать происхожденіе не одной Московской рукописи, но и самаго изучаемаго памятника—съ Арзамасомъ и Болтиными.

---

[1]) Изборникъ, стр. 360, 368—371, 372, 374, 375—377, 378, 379.

[2]) Съ листа 296 об.; срвн. Изборникъ, стр. 378.

[3]) Листъ 334; срвн. Бантыша-Каменскаго «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», I, М. 1894, стр. 227.

[4]) Листы 333—334, 334 об.—335 об., 336—338 и 339. Срвн. Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в»., стр. 337—338; здѣсь указана еще любопытная запись о Болтиныхъ XVI вѣка, находящаяся на 123 листѣ рукописи.

III.

Изъ общеизвѣстнаго приказнаго матеріала XVII вѣка можно извлечь нѣкоторыя данныя о службахъ Баима (иначе Боима, Обоима) Өедоровича Болтина. Наиболѣе раннее свѣдѣніе о немъ относится къ 1613—1614 гг. Онъ былъ участникомъ зимняго похода князя Д. Т. Трубецкого подъ Новгородъ. Когда шведы стѣснили русское войско въ Бронницахъ («за 20 верстъ отъ Великаго Новгорода»), и «почала быть ратнымъ людямъ тѣснота великая», то «изъ Бронницъ къ государю прислали отъ ратныхъ людей бить челомъ» о дозволеніи отступить. А въ челобитчикахъ былъ присланъ, между прочимъ, «Боимъ Өедоровъ сынъ Болтинъ». Въ Столяровомъ хронографѣ находится очень обстоятельный и колоритный разсказъ объ этомъ походѣ, написанный, очевидно, его участникомъ, человѣкомъ изъ отряда Василія Ивановича Бутурлина. Съ Бутурлинымъ же велѣно было быть въ этомъ походѣ, между прочимъ, «нижегородцомъ и арзамасцомъ» [1]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что авторомъ этого разсказа былъ именно Баимъ Болтинъ, столь часто упоминаемый въ хронографѣ. Въ 1614—1615 г. Баимъ, по указанію хронографа, былъ назначенъ стрѣлецкимъ головою въ Казани; а въ 1620—1622 годахъ служилъ вторымъ воеводою на Теркѣ [2]). Тамъ Баимъ могъ пріобрѣсти тѣ подробныя свѣдѣнія, какія есть въ хронографѣ о пораженіи русскихъ въ Кумыцкой землѣ и вообще объ Астраханскихъ и Терскихъ дѣлахъ начала XVII вѣка. Послѣ Терской службы Баимъ служилъ въ самой Москвѣ «дворяниномъ» [3]), а въ началѣ 1627 года былъ назначенъ дьякомъ Новгородской (Ниже-

---

[1]) Дворц. Разряды, I, 108; Изборникъ, стр. 358—359.

[2]) Изборникъ, 360; Дворц. Разр. I, 484; Книги Разр. I, 720, 764, 871.

[3]) Дворц. Разр., I, 639, 818.

городской) чети. Февраля 16-го «по государеву указу велѣно быти въ Нижегородской чети во дьяцѣхъ Баиму Ѳедорову сыну Болтину, и ко кресту Баимъ приведенъ февраля въ 17 день; имя ему молитвенное Сидоръ» [1]). Въ чети Баимъ оставался до 1632 года, по обычаю появляясь въ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ [2]). Въ 1632 году онъ былъ посланъ противъ литвы и поляковъ воеводою на Сѣверу въ Сѣвскъ. Тамъ ему было суждено совершить самое яркое дѣло его жизни. Передъ самымъ Рождествомъ онъ осадилъ и взялъ приступомъ значительную крѣпость Новгородъ-Сѣверскую, за что и былъ хорошо награжденъ. Успѣхъ Баима былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и видныхъ въ малоудачной войнѣ 1632—1634 гг., и потому въ документахъ того времени есть довольно много о немъ упоминаній, независимо отъ разсказа въ хронографѣ, который можно, кажется, приписать самому Баиму [3]). Возвращенный въ Москву, Баимъ остается тамъ до 1634 года. Раньше было указано, со словъ хронографа, что въ 1633 г. онъ въ ожиданіи прихода татаръ къ Москвѣ сидѣлъ воеводою въ Симоновомъ монастырѣ подъ Москвою. Въ 1634 и 1635 году Баимъ участвовалъ въ посольствахъ при заключеніи Поляновскаго «докончанія» и при возвращеніи праха царя Василія въ Москву [4]). Затѣмъ онъ находился, повидимому, до 1642 года, въ Москвѣ, получивъ въ 1641 г.

---

[1]) Русск. Ист. Библ., IX, стр. 456.

[2]) Свѣдѣнія о Б. Болтинѣ за эти годы разсѣяны по книгамъ и граматамъ въ разныхъ изданіяхъ: Русск. Ист. Библ., т. II, № 146; т. IX, 458, 470 (и далѣе по указателю); Дворц. Разр. I, 907, 915, 969, 972, 995, 1001, 1006, 1029; II, 27, 251; А. А. Э. III, №№ 188, 194, 196; IV, № 6; А. И., III, №№ 149, 151, 160, 166.

[3]) Изборникъ, 368—371; Дворц. Разр., II, 274, 286, 310, 317, 341, 864; Книги Разр., II, 378, 382, 384, 390—391 (730), 421—425, 425—435, 435—436, 460—461; А. А. Э., III, № 206; Акты Моск. Гос., I, № 512.

[4]) Изборникъ, стр. 372, 374—377; Книги Разр. II, 526; срвн. Д. В. Цвѣтаева, «Царь В. Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ». Приложенія, кн. I (Варшава. 1901), стр. XXVI и сл.

чинъ и должность ясельничаго (17-го марта) [1]). Въ 1642 году онъ ѣздилъ въ Путивль «межевать съ литовскими людьми спорныя земли»; разсказъ объ этомъ въ хронографѣ снабженъ любопытными подробностями, объясняющими, почему «земель ничево не размежевали» [2]). Возвратясь въ Москву [3]), Б. Болтинъ въ 1647 году былъ назначенъ посломъ въ Данію и, отправясь туда въ августѣ, вернулся лишь въ началѣ 1648 г. [4]). Въ 1649 г. Баимъ участвовалъ во встрѣчѣ польскихъ пословъ, а въ 1662—1663 гг. былъ вторымъ воеводою въ Тобольскѣ [5]). Послѣдняя, насколько мнѣ извѣстно, служба Баима записана въ 1655 году: онъ былъ въ государевѣ полку въ Смоленскомъ походѣ царя Алексѣя [6]). Въ это время Баиму было уже около 60 лѣтъ и онъ считалъ за собою слишкомъ сорокъ лѣтъ службы...

IV.

Изъ тѣхъ данныхъ, какія мнѣ пришлось собрать, по обстоятельствамъ, поверхностно и спѣшно, возможны все-таки нѣкоторые выводы.

Съ значительной долей увѣренности можно полагать, что изучаемый памятникъ составленъ изъ матеріаловъ, собранныхъ Баимомъ Болтинымъ, и составленъ имъ же самимъ. Баимъ былъ арзамасскимъ землевладѣльцемъ [7]) и служилъ вначалѣ «съ го-

---

[1]) Русск. Ист. Библ., X, стр. 203 (ясельничій вмѣсто Ив. Биркина); А. Юр. Быта, III, № 351. За годы 1633—1638 см., напримѣръ, Дворц. Разр. II, 404, 578, 658, 671, 874; Русск. Ист. Библ., IX, стр. 562.

[2]) Дворц. Разр. II, 682—683; Изборникъ, стр. 378.

[3]) Дворц. Разр. II, 722; Акты Моск. Гос. II, № 267.

[4]) Бантыша-Каменскаго «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», I, стр. 227.

[5]) Дворц. Разр., III, 129—130, 134, 328, 363; Р. Ист. Библ., X, стр. 471, 476; А. П. Барсукова «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 238.

[6]) Дворц. Разр. III, 467.

[7]) Н. П. Загоскинъ, «Архивъ кн. В. И. Баюшева», т. I (Казань. 1882), № 17 и 152.

родомъ», московскимъ же дворяниномъ сталъ позднѣе, вѣроятно, послѣ своего «головства» у стрѣльцовъ въ Казани. Въ Нижнемъ, Арзамасѣ, Саранскѣ Болтины сидѣли и служили цѣлымъ гнѣздомъ, происходя, всего вѣрнѣе, изъ мѣстныхъ инородцевъ [1]). Семейныя и родовыя воспоминанія и личный служебный опытъ въ Поволжьѣ и на Теркѣ дали Баиму достаточный запасъ матеріала для первой части его «хронографа». Служебное счастье вынесло затѣмъ Баима въ верхніе слои московской администраціи и сдѣлало шире его личный кругозоръ. Онъ видѣлъ

[1]) Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Коммиссіи, I, стр. 399, 401, 402, 403; Доп. къ А. И., VI, № 104; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 338; В. и Г. Холмогоровы. «Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовскаго сѣверо-восточнаго края» (Саратовъ. 1891), стр. 42.—Я очень благодарю Ст. Б. Веселовскаго за слѣдующія доставленныя мнѣ свѣдѣнія: «Въ 7093 г. 5 мая упоминается въ Арзамасскомъ уѣздѣ помѣстье Матвѣя Болтина, изъ котораго часть была отдѣлена другому помѣщику. Былъ ли онъ живъ и почему часть его помѣстья была отдѣлена другому, неизвѣстно (Помѣстн. Прик. По Арзамасу отказная кн. № 1, докум. № 17). Кромѣ Матвѣя въ Арзамасскомъ уѣздѣ прочно сидѣло цѣлое гнѣздо Болтиныхъ. Въ 7094 г. упоминаются помѣщики Тешскаго стана Иванъ Дмитріевъ сынъ, Иванъ, Ѳедоръ и Василій Михайловы дѣти Болтиныхъ (Тамъ же, док. № 24). Въ 110 г. 12 іюля по челобитью Ѳедора Михайлова Болтина ему были отдѣлены пустоши и полянки въ его помѣстную дачу въ 240 четей. Весь окладъ его—500 четей (Тамъ же, докум. № 168). Въ 134 г. 1 января въ Тешскомъ же стану упоминаются помѣстья Иваниса, Самсона и Аверкія Ѳедоровыхъ дѣтей Болтиныхъ. Въ челобитной они называли свои помѣстья старинными отца ихъ помѣстьями (По Арзамасу отказная кн. № 5, докум. № 94). Въ 136 г. Иванису Болтину окладъ былъ 400 четей: въ дачѣ у него было въ Арзамаскомъ уѣздѣ 238 четей съ третникомъ. По его челобитью ему была отдѣлена поляна Сергасъ въ додачу къ окладу (Тамъ же, докум. № 130). Въ 147 г. 31-го мая Баимъ Ѳедоровъ Болтинъ билъ челомъ государю, что его окладъ 1000 четей, «и за нимъ де помѣстья въ Арзамасѣ да въ Мещерѣ да на Алатырѣ 781 четь». Въ другомъ челобитьѣ 147 г. онъ говорилъ, что у него въ этихъ же уѣздахъ въ дачѣ 811 четей безъ третника (Отказная кн. № 8, докум. № 33). Онъ просилъ отдѣлить ему черный лѣсъ въ Тешскомъ стану «подлѣ его вотчинныя деревни Вонючки, Лукьяново тожъ, за рѣчкою за Вонючкою» и т. д. Ему было отдѣлено (Отказн. по Арзамасу, кн. № 8, докум. № 21)».

придворную жизнь, посольскіе съѣзды, иноземные дворы. Дьякъ и приказный человѣкъ, онъ интересовался прежде всего служебной стороною своей жизни и только служебныя свои воспоминанія записывалъ на память для себя, своихъ близкихъ и потомства. Его цѣлью, повидимому, было составить свою собственную разрядную, занеся въ нее всѣ тѣ назначенія и службы, какія казались ему достойными записи. Въ однихъ случаяхъ онъ писалъ по личнымъ своимъ воспоминаніямъ; въ другихъ заимствовалъ готовый разрядный матеріалъ, въ родѣ, напримѣръ, статей о посылкахъ царя Бориса къ воеводамъ послѣ битвъ 21-го декабря 1604 года и 20-го января 1605 года [1]). Иногда же, повидимому, онъ пользовался воспоминаніями своихъ близкихъ; предполагаемъ, что такъ онъ записалъ, напримѣръ, любопытнѣйшія подробности погрома въ Таркахъ въ 1604 году или разсказъ о спасеніи арзамасскими и нижегородскими дворянами семи казаковъ на Восмѣ [2]). Самъ Баимъ врядъ ли бы могъ по молодости своей участвовать въ дальнемъ походѣ на кумыковъ, откуда, кстати сказать, немногіе и спаслись; сверхъ того, если бы онъ былъ въ Таркахъ, то, разумѣется, съ городомъ, съ арзамасцами и, въ такомъ случаѣ, непремѣнно упомянулъ бы о своемъ «городѣ» въ перечнѣ участниковъ похода, а этого упоминанія какъ разъ и нѣтъ въ его записи. Если бы, далѣе, Баимъ былъ самъ въ числѣ тѣхъ арзамасскихъ дворянъ, которые на Восмѣ отпросили казаковъ отъ казни, то онъ иначе, подробнѣе, построилъ бы разсказъ о разбояхъ Петрушки и его казаковъ на Волгѣ, а кромѣ того, не преминулъ бы назвать свой «городъ» въ составѣ войскъ, побѣдившихъ на Восмѣ; между тѣмъ, по ходу его изложенія, мы только сами можемъ заключить, что нижегородцы и арзамасцы, участвовав-

---

[1]) Изборникъ, стр. 325—327; С. А. Бѣлокуровъ, «Разрядныя записи», стр. 170—172; 196—198.

[2]) Изборникъ, стр. 321—323 и 335—336; срвн. С. А. Бѣлокуровъ, «Сношенія Россіи съ Кавказомъ», М. 1889, стр. CX.

шіе въ бою, пришли на Восму съ воеводою Гр. Гр. Пушкинымъ изъ Арзамаса черезъ Серебряные Пруды и Дѣдиловъ. Предполагая здѣсь запись Баима не по личнымъ впечатлѣніямъ, а съ чужихъ словъ, мы, конечно, рискуемъ ошибиться. Быть можетъ, и въ этихъ случаяхъ, какъ во многихъ иныхъ, Баимъ самъ былъ участникомъ и очевидцемъ. Свои собственныя впечатлѣнія онъ обыкновенно записывалъ съ большою объективностью, говоря о себѣ всегда въ третьемъ лицѣ и присвоивъ себѣ отчество съ «вичемъ» лишь тогда, когда ему далъ на то право служебный обычай его эпохи. Иногда Баимъ даже и вовсе не упоминалъ своего имени въ записяхъ о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ несомнѣнно лично участвовалъ: такъ было, напримѣръ, въ разсказѣ о зимнемъ походѣ подъ Новгородъ 1614 года. Такъ какъ своимъ записямъ Баимъ придавалъ привычную для служилаго человѣка форму разрядныхъ «статей», то такой пріемъ былъ совершенно обыченъ и понятенъ.

Но время, въ которое Баиму пришлось жить и служить, было исключительнымъ по своему драматизму и богатству историческаго движенія. Самозванщина, разруха, тяжелыя войны съ чужими и своими—давали такое разнообразіе сильныхъ и яркихъ впечатлѣній, что ихъ нельзя было уложить въ короткія строки сухой разрядной отмѣтки. Неудержимо сказывалось желаніе закрѣпить для себя и для потомства подробности пережитаго и выстраданнаго. И вотъ разрядныя замѣтки постепенно выростаютъ въ цѣлое повѣствованіе съ такими подробностями, какія не имѣютъ значенія для службы и мѣстническаго случая, но интересны въ былевомъ и бытовомъ смыслѣ. Дѣловой тонъ разряднаго писанія избавляетъ автора отъ необходимости облекать эти подробности въ вычурную форму книжной рѣчи, установленную литературными вкусами того времени, и этимъ обезпечиваетъ точность и непосредственность описанія. Авторъ, такимъ образомъ, вышелъ изъ казенныхъ рамокъ разрядной, но еще не дошелъ до искусственнаго литературнаго творчества. Онъ на той стадіи исторіографическаго искусства, которое даетъ

хронику и наивный мемуаръ. Нѣчто въ такомъ именно родѣ и создалъ Баимъ Ѳедоровичъ Болтинъ, написавъ въ видѣ хроники современныхъ ему событій какъ бы записки о своихъ службахъ. Словами своего современника онъ могъ бы сказать про себя: «елико чего изыскалъ, толико сего и написалъ»— «понеже бо онъ самъ сіе существенно видѣлъ и иные бо вещи отъ изящныхъ безприкладно слышелъ».

Итакъ, Столяровъ хронографъ не есть ни «лѣтописное сочиненіе мѣстнаго лѣтописателя», ни «лѣтопись по офиціальному порученію», ни, наконецъ, разрядная книга въ обычномъ смыслѣ термина. Если искать для памятника точнаго опредѣленія, то всего скорѣе можно его поставить на первомъ мѣстѣ между «записками» русскихъ людей XVII вѣка, въ непосредственной близости съ записками князя С. И. Шаховского, отъ которыхъ трудъ Болтина отличается замѣчательною полнотою. Подробное изученіе Столярова хронографа съ этой точки зрѣнія очень желательно и можетъ дать интересные результаты.

КЪ ИСТОРІИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

(1909).

Въ 1909 году исполняется двухсотая годовщина Полтавскаго боя, съ котораго по справедливости можно начинать но̀вую русскую исторію.

Какъ значеніе этого событія, такъ и подробности всей Полтавской операціи хорошо выяснены въ нашей военно-исторической литературѣ. Къ тому, что находится въ трудахъ военныхъ спеціалистовъ, гражданскій историкъ врядъ ли будетъ въ состояніи представить существенныя поправки и измѣненія. По крайней мѣрѣ авторъ этихъ строкъ далекъ отъ намѣренія входить въ пересмотръ и критику того, что сдѣлано военными историками для изученія операціи 1707—1709 гг., ибо признаетъ за ними несравненно бо̀льшую, чѣмъ у него, компетентность въ вопросахъ военной исторіи. Но есть въ обстоятельствахъ Полтавской осады и битвы одна сторона, о которой историки-спеціалисты обыкновенно умалчиваютъ и о которой мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ—въ дополненіе и разъясненіе общаго смысла событій, рѣшившихъ исходъ Великой Сѣверной войны именно на берегахъ рѣки Ворсклы.

Всякій изучающій ходъ кампаніи 1709 года долженъ замѣтить одну ея существенную особенность. Попавъ на зимовку въ Украйну въ 1708 году, шведская армія расположилась въ районѣ Роменъ, Гадяча, Лохвицы и Прилукъ и была обставлена почти со всѣхъ сторонъ русскими отрядами. Дальнѣйшія

намѣренія шведовъ были русскимъ неизвѣстны. Осенью 1708 года Петръ писалъ адмиралу Апраксину, что только «въ январѣ все окажется», что намѣрены будутъ дальше дѣлать непріятели [1]). Однако, при такой неопредѣленности положенія, главныя русскія силы безъ колебаній неизмѣнно располагаются восточнѣе шведскихъ позицій, въ Сумахъ, Лебединѣ, Ахтыркѣ. Дѣло имѣетъ такой видъ, какъ будто Петръ ждетъ движенія шведовъ именно на востокъ, черезъ р. Пселъ или по р. Пслу, и готовитъ врагу отпоръ на линіи Псла или Ворсклы. Первыя зимнія столкновенія произошли дѣйствительно на Пслѣ у Гадяча. Съ отступленіемъ русскихъ отъ Гадяча шведы перебрались черезъ Пселъ и на самомъ дѣлѣ предприняли наступленіе въ восточномъ направленіи. Сначала они штурмовали Веприкъ и 6-го января его взяли. Затѣмъ, переждавъ, черезъ Опошню они начали маршъ за р. Ворсклу на Красный Кутъ къ р. С. Донцу. Распутица и ранній разливъ рѣкъ въ февралѣ 1709 г. заставили Карла вернуться на правый берегъ Ворсклы и основаться въ Будищахъ. Но въ апрѣлѣ Карлъ начинаетъ осаду Полтавы на той же Ворсклѣ, очевидно, не имѣя въ виду прямого движенія ни за Днѣпръ, ни на сѣверъ. Явная тенденція шведовъ къ востоку окончательно заставляетъ Петра къ веснѣ перебросить свои главныя силы за Ворсклу и опереть ихъ уже не на Сумы, а на Бѣлгородъ. Въ концѣ января и началѣ февраля 1709 г. Петръ дважды пишетъ Апраксину о томъ, что, по показаніямъ плѣнныхъ «языковъ», шведы имѣютъ въ виду идти на Воронежъ. Царь не склоненъ вѣрить этому; однако, хотя то «неимовѣрно» и «невѣроятно», онъ хочетъ быть осторожнымъ и велитъ адмиралу принять мѣры къ охранѣ на Дону кораблей и хлѣбныхъ запасовъ [2]).

Вотъ этотъ-то фактъ тяготѣнія Карла на востокъ и представляется мало объясненнымъ въ нашей литературѣ. Воен-

---

[1]) *Голиковъ*, IV (изд. 2-ое), стр. 41.
[2]) Тамъ же, 51, 55.

ными историками приводятся обыкновенно два соображенія, которыми долженъ былъ руководиться Карлъ, предпринимая движеніе на востокъ и осаду Полтавы. Во-первыхъ, онъ могъ надѣяться выманить русскихъ на рѣшительный бой угрозой овладѣть такою важною крѣпостью, какою якобы была Полтава [1]); во-вторыхъ, со взятіемъ крѣпости онъ разсчитывалъ пріобрѣсти опорный пунктъ въ Украйнѣ, въ которомъ можно было бы держаться до тѣхъ поръ, пока поспѣетъ помощь отъ Турціи или Польши. Такія мысли находимъ мы и у Карцова («Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны»), и въ «Обзорѣ войнъ Россіи», и въ «Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ». Принимая это общее объясненіе, Д. Ѳ. Масловскій (въ «Запискахъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи», вып. I) высказываетъ еще и то соображеніе, что Петръ сумѣлъ чрезвычайно стѣснить квартирный районъ шведовъ и обставить ихъ своими войсками съ сѣвера, запада и юга: «Карлу XII—говоритъ онъ—оставался почти свободный путь дѣйствія къ Харькову (?), и король, не имѣвшій уже никакой стратегической цѣли, двинулся было въ этомъ безопасномъ для насъ направленіи». Такое же представленіе о чрезвычайной затрудненности положенія Карла имѣетъ и Н. П. Михневичъ (въ «Исторіи военнаго искусства»); по его словамъ, «Карлъ рѣшается на осаду и взятіе Полтавы для того, чтобы чѣмъ-либо блестящимъ занять армію» [2]).

Конечно, положеніе шведской арміи было къ началу 1709 года очень не легко; но можно ли думать, что оно уже тогда стало безнадежнымъ и привело Карла даже къ потерѣ всякой стратегической цѣли? Я полагаю, что такъ думать преждевременно. Сначала надлежитъ изучить исторически всю обстановку про-

---

[1]) Не всѣ современники событій считали Полтаву важною и сильною крѣпостью: «крѣпость оная не вельми трудная была», замѣчалъ, напримѣръ, Ѳеофанъ Прокоповичъ въ «Исторіи Императора Петра В.» (изд. 2-ое, 1788, стр. 244).

[2]) *Масловскій*, стр. 133; *Михневичъ*, стр. 301.

исходившей тогда операціи и постараться угадать, какія возможности представляла она для Карла въ цѣляхъ дальнѣйшаго наступленія на врага. Что Карлъ не хотѣлъ отступать, въ этомъ согласны всѣ историки. Что движеніе на Полтаву сохраняло за нимъ до времени инищіативу дѣйствій, это признаютъ также всѣ. Что Петръ выжидалъ всю зиму 1708 — 1709 года, не имѣя опредѣленнаго плана наступательной кампаніи, это ясно изъ его писемъ. Наконецъ, что шведы хотѣли генеральнаго боя, а Петръ его опасался до самыхъ послѣднихъ недѣль предъ развязкою кампаніи, это тоже внѣ спора. При наличности такихъ условій, естественно поставить вопросъ: направляя упорно свои дѣйствія къ востоку, сначала на Веприкъ, затѣмъ южнѣе—на Опошню и Красный Кутъ, потомъ еще южнѣе — на Полтаву, какую стратегическую цѣль могъ имѣть Карлъ XII? Быть можетъ, на этотъ вопросъ мыслимъ тотъ отвѣтъ, что Карлъ желалъ обойти русскія силы съ лѣваго фланга, имѣя въ виду выйти къ Бѣлгороду и тѣмъ открыть себѣ дорогу внутрь Московскаго государства. Къ такому отвѣту приводятъ, во-первыхъ, нѣкоторые намеки источниковъ, а во-вторыхъ, знакомство съ важнѣйшими путями сообщенія той эпохи.

Въ «Журналѣ государя Петра I», редактированномъ Гюйсеномъ [1]), подъ 4-мъ іюня 1709 года о Полтавѣ сказано: «Непріятель сей городъ держалъ въ атакѣ по совѣту Мазепину для того, что то мѣсто, по мнѣнію его, имѣло удобствовать входу въ Россію и коммуникаціи съ поляками и татары». Показаніе Гюйссена повторено у Голикова, до котораго оно дошло уже изъ вторыхъ рукъ и потому получило болѣе опредѣленную форму: «Завоеваніе Полтавы обѣщало ему (королю) сообщеніе съ поляками, съ казаками и съ татарами и представляло способную ему дорогу къ Москвѣ» [2]). На первый взглядъ, пред-

---

[1]) «Собраніе» Ѳ. Туманскаго, VIII, стр. 85—86.

[2]) *Голиковъ*, IV, изд. 2-ое, стр. 65. Срвн. «Житіе и славныя дѣла Петра Великаго» (Ѳеодози), т. I, стр. 367 (по первому изданію) и 338

ставляется страннымъ, какъ именно Полтава, лежавшая южнѣе зимнихъ квартиръ короля и на краю «дикаго поля», могла дать королю удобство и способъ открыть путь на сѣверъ къ вражеской столицѣ. Однако дѣло могло быть такъ и, всего вѣроятнѣе, именно такъ и было.

Теченіе р. Ворсклы въ старину составляло естественную границу русской осѣдлости и дикаго поля. Вдоль Ворсклы по ея лѣвому берегу шла главная степная дорога «Муравскій шляхъ», по которой ходили изъ Крыма на Москву и враги, и друзья. Дорога эта близко подходила къ берегу Ворсклы: «отъ Ворскла къ Муравской дорогѣ (говоритъ старая роспись дорогамъ) пришло поле чистое, а поперекъ его до Муравской дороги версты три». Въ виду Ворсклы на шляхѣ часто становились лагеремъ татары во время ихъ набѣговъ на Русь; но они не ходили на правый берегъ Ворсклы: «за рѣчку за Ворсколъ царь и большіе люди (то-есть ханъ съ большими силами) не хаживали для того, что по Ворсклу... пришли лѣса большіе, и ржавцы и болота есть». Защита линіи Ворсклы была усилена и искусственными крѣпостями, среди которыхъ Полтава занимала не послѣднее мѣсто, такъ какъ была поставлена вблизи знаменитаго урочища между рѣчками Коломкомъ (Коломакомъ) и Можемъ (Можью), гдѣ проходъ былъ такъ стѣсненъ лѣсами и болотами, что оставлялъ для шляха узкое пространство шириною не болѣе трехъ верстъ. Русскіе перекопали это пространство рвомъ, а возможность обхода для идущихъ съ юга предупредили крѣпостями, въ числѣ которыхъ была и Полтава. Сѣвернѣе Муравскій шляхъ былъ стѣсненъ уже непосредственно Ворсклою, тамъ, гдѣ эта рѣка сходилась въ своемъ верховьѣ съ верховьемъ С. Донца: «опричь Муравской дороги межъ Донца и Ворскла обходу царю крымскому и большимъ людямъ иной дороги нѣтъ» [1]. Въ этомъ

(по второму). У Ѳеодози даже сказано: «представляло способнѣйшую дорогу къ Москвѣ». Голиковъ умѣрилъ выраженіе.

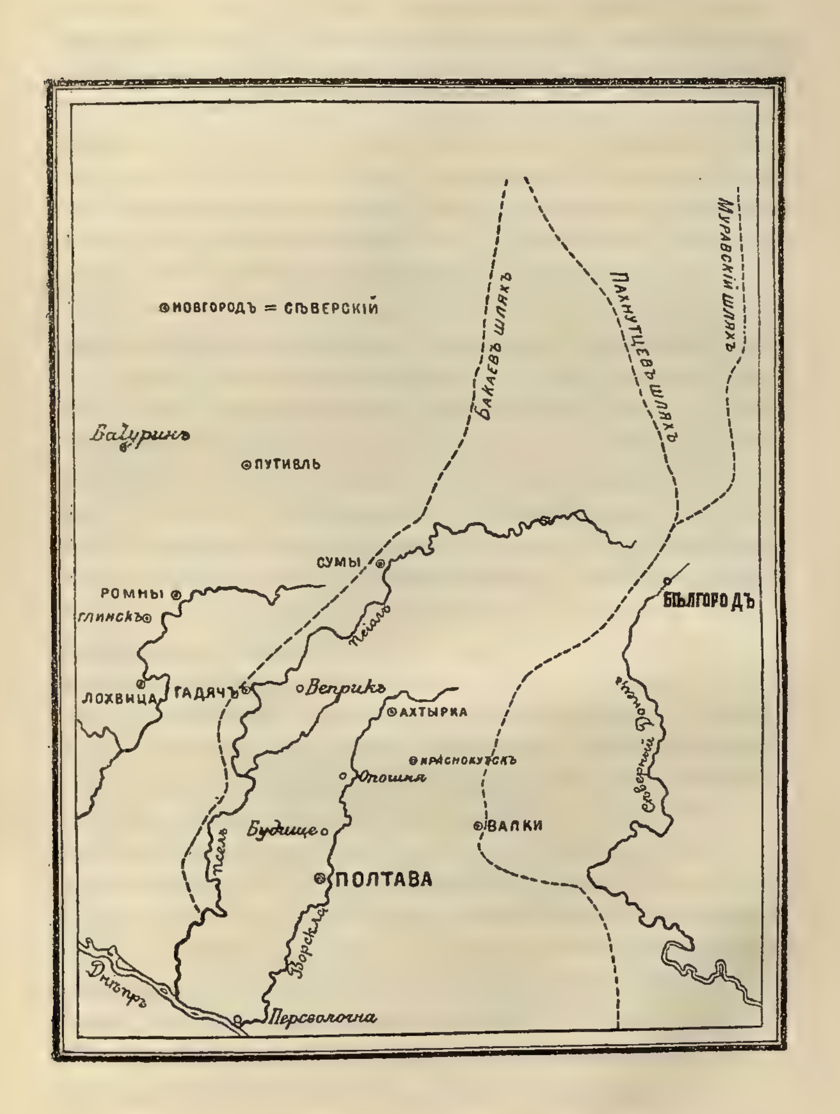
[1] «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства» Д. И. Багалѣя. Харьковъ. 1886, № 1. Какъ

мѣстѣ стояла важная крѣпость Бѣлгородъ, прикрывавшая собою шляхъ отъ покушеній съ юга. Непосредственно же за Бѣлгородомъ, на сѣверѣ отъ него, Муравскій шляхъ выходилъ на просторъ и давалъ отъ себя нѣсколько вѣтвей, которыя приводили на верховья Оки и вообще въ центръ Московскаго государства. Важнѣйшія изъ этихъ вѣтвей носили названія Бакаева шляха и Пахнутцовой дороги. Такимъ образомъ обладаніе Бѣлгородомъ вело за собою возможность оперировать на любомъ изъ многихъ существенно важныхъ путей съ юга къ Москвѣ. Для полноты приводимыхъ справокъ необходимо замѣтить, что въ узелъ названныхъ дорогъ, на верховья Псла и Ворсклы, можно было придти и отъ Днѣпра по р. Пслу «Саадашнымъ шляхомъ» (другое названіе шляха Бакаева), оставивъ отъ себя вправо Ворсклу и Бѣлгородъ [1]).

Сообразивъ расположеніе этихъ путей и вспомнивъ нѣкоторыя обстоятельства похода Карла на Украйну, попробуемъ представить себѣ общій смыслъ движеній шведовъ къ Украйнѣ съ точки зрѣнія сообщенія Гюйссена. Расчеты Карла на Украйну стали явны вскорѣ послѣ переправы его черезъ Днѣпръ. Не имѣя силъ для немедленнаго похода на Москву, онъ въ Украйнѣ думалъ создать себѣ базу для достиженія той же главной цѣли въ близкомъ будущемъ. Хорошо или нѣтъ, но онъ устроилъ себѣ зимнія квартиры на р. Сулѣ и Пслѣ, откуда и долженъ былъ начать свои операціи къ Москвѣ (или же отступленіе). Съ береговъ Псла въ центръ Московскаго государства вели

въ этомъ, такъ и въ другомъ подобномъ изданіи г. Багалѣя («Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.» Харьковъ. 1890) есть много цѣнныхъ топографическихъ и иныхъ свѣдѣній о краѣ, гдѣ проходила кампанія 1709 года.

[1]) Лучшимъ пособіемъ для изученія матеріала о путяхъ служитъ трудъ А. С. Николаева о русскихъ путяхъ сообщенія до конца XVII вѣка въ «Краткомъ историческомъ очеркѣ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи» (Спб. 1900). См. стр. 57—75.

Муравскій шляхъ
Пахнутцевъ шляхъ
Бакаевъ шляхъ
НОВГОРОДЪ = СѢВЕРСКІЙ
Батуринъ
ПУТИВЛЬ
СУМЫ
РОМНЫ
ГЛИНСКЪ
БѢЛГОРОДЪ
Псіолъ
ЛОХВИЦА
ГАДЯЧЪ
Веприкъ
АХТЫРКА
КРАСНОКУТСКЪ
Опошня
Сѣверный Донецъ
Будище
ВАЛКИ
Псёлъ
ПОЛТАВА
Воркла
Днѣпръ
Персволочна

дороги (по старой терминологіи) «сѣверскія» и «польскія». Но на первыхъ разыгралась кампанія 1708 года, истощившая страну, и Карлъ, повидимому, не разсчитывалъ на нихъ. «Польскіе» же (то-есть на «полѣ» бывшіе) пути были заслонены главными русскими силами: русская армія въ Сумахъ и Лебединѣ стояла именно на Саадашномъ или Бакаевѣ шляхѣ, прикрывая собою выходъ на тотъ важный узелъ дорогъ, который былъ на сѣверѣ отъ Бѣлгорода, на верховьяхъ Псла и Ворсклы. Движеніемъ на Веприкъ Карлъ обнаружилъ намѣреніе начать наступленіе по линіи р. Псла. Открывъ здѣсь русскую армію и увѣрившись, что Саадашный шляхъ занятъ русскими прочно, онъ, повидимому, оставилъ мысль овладѣть этимъ шляхомъ и рѣшилъ обойти русскихъ слѣва, завладѣть Бѣлгородомъ и такимъ образомъ стать на Муравскомъ шляхѣ, откуда дѣйствительно открывалась «способная» дорога къ Москвѣ. Быстрый маршъ короля на Опошню и Красный Кутъ былъ попыткою обхода русскихъ позицій; но эта попытка не удалась. По вѣстямъ о движеніи шведовъ русская армія передвинулась къ Ахтыркѣ и Бѣлгороду. У Краснаго Кута король былъ задержанъ отрядомъ ген. Репна, а затѣмъ оттепелью и паводкомъ, и безъ результата отошелъ назадъ за Ворсклу, на ея правый высокій берегъ. Стремленіе короля на востокъ было, конечно, рискованнымъ; но оно испугало Петра. Отъ плѣнныхъ Петръ слышалъ «неимовѣрное» для него извѣстіе, что, идя на Красный Кутъ, Карлъ имѣетъ въ виду Воронежъ. Петръ изъ Ахтырки бросился въ Бѣлгородъ и, хотя уже писалъ Апраксину въ Воронежъ о возможной опасности, однако и самъ поскакалъ туда: выѣхавъ изъ Бѣлгорода 12-го февраля, онъ прибылъ въ Воронежъ уже 14-го [1]). Таково было впечатлѣніе отъ марша шведовъ на Красный Кутъ! Не успѣвъ довести этотъ маршъ до конца и овладѣть Муравскимъ шляхомъ въ Бѣлгородѣ, Карлъ

---

[1]) «Журналъ или поденная записка» Петра В., ч. I, 1770, стр. 183—185.

въ апрѣлѣ пробуетъ выйти за Ворсклу на «поле» еще южнѣе, черезъ Полтаву. Это была послѣдняя и самая рискованная попытка овладѣть упрямо намѣченной операціонной линіей. Въ случаѣ удачи шведы оказывались бы передъ тѣснымъ проходомъ у Коломка и Мжа, который могъ послужить хорошею позиціей для русскихъ, и, только взявъ эту позицію, Карлъ овладѣлъ бы Бѣлгородомъ и дорогами въ Московское государство. Понимая, конечно, это обстоятельство, Карлъ долженъ былъ желать ускорить генеральный бой, ибо надѣялся на побѣду и нуждался въ ней. Но въ періодъ Полтавской операціи русская армія была за Ворсклою на Муравскомъ шляхѣ и, оставаясь тамъ, долго бы могла уклоняться отъ рѣшительной битвы. Если же она сама въ іюнѣ пошла на врага, то, надо думать, потому, что Петръ уразумѣлъ критическое состояніе короля, пораженіе котораго началось въ сущности съ неудачи его марша на Красный Кутъ и Бѣлгородъ.

Такимъ представляется мнѣ общій ходъ Украинской кампаніи 1709 года. До послѣднихъ ея минутъ Карломъ руководитъ безумно смѣлая мысль вторженія въ Московію. Петръ же держитъ свои главныя силы на главныхъ путяхъ, ведшихъ къ Москвѣ и въ защитѣ ихъ полагаетъ свою главную цѣль. Когда же онъ слышитъ, что Карлъ, вмѣсто движенія на Москву, имѣетъ въ виду двинуться на Воронежъ, онъ не скрываетъ своего удивленія, однако спѣшитъ охранять тамъ корабли и хлѣбные запасы. Всѣ существенные моменты кампаніи имѣютъ видъ столкновеній за обладаніе путями (Веприкъ—Саадашнымъ или Бакаевымъ, Красный Кутъ—Муравскимъ). Движеніе на Полтаву было послѣдствіемъ неудачи первыхъ попытокъ Карла выйти на «поле» и имѣло, повидимому, ту же цѣль. Дѣло военной исторіи опредѣлить, что именно заставило Карла отказаться отъ повторенія атаки въ сторону Краснаго Кута и отъ марша вдоль р. Псла, на его верховья, и избрать болѣе кружную дорогу на Полтаву.

БОЯРСКАЯ ДУМА—ПРЕДШЕСТВЕННИЦА СЕНАТА.

I. Древнѣйшій боярскій совѣтъ при князьяхъ Кіевской и Суздальской Руси.—II. Образованіе Московскаго царства. Превращеніе Московскаго князя-вотчинника въ національнаго государя и княжества-вотчины въ государство. Родовая знать и московскіе государи. Устройство государственнаго управленія и царскій синклитъ. — III. Составъ Думы XVII вѣка. Совѣтъ «всѣхъ бояръ». Соборы. Думныя комиссіи. «Судъ бояръ». Ближняя дума. «Избранная рада». Бояре «въ земскомъ» и «въ опричнинѣ». Разгромъ боярства при Іоаннѣ Грозномъ.—IV. Боярская дума въ Смутное время. «Бояре» въ роли временнаго правительства; его неудача.—V. Боярская дума въ XVII вѣкѣ. Думные чины. Практика думы: дума въ составѣ соборовъ; совѣщанія съ сословными представителями. «Комнатная дума» и «Расправная палата», какъ замѣна общихъ собраній думы. — VI. Ученая полемика о характерѣ общихъ собраній думы. Обычный порядокъ общихъ собраній и устройство думныхъ комиссій по типу приказовъ.

Въ 1711 году указами 22-го февраля и 2-го марта царь Петръ Алексѣевичъ «опредѣлилъ быть» Правительствующему или Управительному Сенату «для управленія»: для правды и праваго суда «какъ между народомъ, такъ и въ дѣлѣ государственномъ» и для «сбиранія казны и людей и прочаго всего, чего государя и государства сего интересы требуютъ». Учрежденіемъ Сената былъ окончательно прекращенъ старый порядокъ боярскаго «сидѣнья» о дѣлахъ и былъ упраздненъ тотъ вѣковой боярскій совѣтъ, «синклитъ», съ которымъ Русскіе великіе князья и цари «строили» и «держали» свою землю.

Каковъ же былъ этотъ боярскій совѣтъ и каковы были его обычаи и порядки?

I.

Еще «старый князь Кіевскій» Владиміръ Святой, по словамъ начальной лѣтописи, любилъ «дружину» своихъ соратниковъ и совѣтниковъ и съ ними строилъ порядокъ въ Русской землѣ, «думалъ о строѣ земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ» [1]. Когда предъ Владиміромъ сталъ важный вопросъ о перемѣнѣ вѣры и принятіи христіанства, князь, по разсказу лѣтописца, не самъ рѣшилъ его въ своей совѣсти. Онъ созвалъ на совѣтъ бояръ и земскихъ старѣйшинъ и совѣщался съ ними, что надо сдѣлать. «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» спрашивалъ Владиміръ своихъ совѣтниковъ [2]. При внукахъ и правнукахъ Владиміра Святого, русскихъ князьяхъ XI—XII вѣковъ, боярскій совѣтъ обратился въ постоянную, ежедневную принадлежность княжескаго управленія. Въ литературныхъ памятникахъ того времени упоминается не разъ, какъ по обычаю раннимъ утромъ, «зорямъ восходящемъ», всѣ вельможи и бояре ѣхали къ князю изъ своихъ домовъ. Князь же, проснувшись съ зарею и «заутреннюю отдавши Богови хвалу», при первыхъ лучахъ солнца садился «думати съ дружиною или люди оправливати». Послѣ думы и трудовъ, къ полудню князь распускалъ уже «вся боляры въ домы своя» [3]. Крѣпкій княжескій обычай «сидѣть» и «думать» съ боярами остался только обычаемъ и не перешелъ въ законъ. Боярскій совѣтъ не развился въ учрежденіе въ современномъ значеніи этого слова. Но вся жизнь той эпохи складывалась такъ, что князьямъ нельзя было отваживаться на единоличное рѣшеніе какихъ-либо важныхъ дѣлъ и нельзя было обходиться безъ обычныхъ совѣт-

---

[1]) «Лѣтопись по Лаврентьевскому списку». Спб., 1872, стр. 124.

[2]) Тамъ же, стр. 104.

[3]) Тамъ же, стр. 238; «Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей» за 1899 г., II, Житіе преп. Θеодосія, стр. 61, 65.

никовъ. Когда князь принималъ свое рѣшеніе безъ бояръ, бояре могли просто уклониться отъ его исполненія. Они говорили, что не пойдутъ за княземъ на такое дѣло, которое онъ «о себѣ замыслилъ», безъ ихъ вѣдома и участія. И общественное мнѣніе въ подобныхъ случаяхъ становилось на сторону бояръ: оно осуждало князя за то, что князь не обращался за совѣтомъ къ «мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея» [1]).

Съ такимъ же характеромъ юридически необязательнаго, но житейски неизбѣжнаго княжескаго совѣта дума перешла и въ послѣдующій періодъ русской исторіи. Въ тѣхъ княжествахъ Русскаго сѣверо-востока, которыя стали колыбелью Великорусскаго государства и вырастили первое зерно національнаго объединенія, боярскій совѣтъ сохранился въ своемъ исконномъ видѣ неоформленнаго, но крѣпкаго и общепризнаннаго обычая.

Первыя основы великорусской гражданственности создавались въ условіяхъ очень своеобразныхъ. Великорусская народность складывалась во время заселенія Русью верхняго и средняго Поволжья и сама явилась послѣдствіемъ этого заселенія. Русскіе переселенцы изъ разныхъ княжествъ выходили на пустынную, богатую лѣсами и рѣчными потоками Ростово-Суздальскую окраину, тѣснили прочь рѣдкое финское населеніе, садились на удобныя мѣста и ставили свое нехитрое хозяйство. Во главѣ колонизаціоннаго движенія стояли здѣсь князья—младшее колѣно Мономахова рода, овладѣвшее «Низовскою землею» еще въ началѣ XII вѣка. Руководя заселеніемъ края, призывая къ себѣ населеніе и направляя колонизаціонный потокъ, князья въ своихъ княжествахъ являлись передъ пришлымъ населеніемъ какъ бы первыми заимщиками земель и потому считали свои земли личною собственностью. Княжество ихъ было для нихъ «вотчиною», которую они себѣ сами «налѣзли» и «примыслили» и которую потому прочили своимъ дѣтямъ, мимо всѣхъ остальныхъ сородичей. Въ Низовскихъ кня-

[1]) «Лѣтопись по Ипатскому списку». Спб. 1871, стр. 525, 416.

жествахъ власть князей получила такимъ образомъ патримоніальный характеръ и достигла большой полноты. Въ коренныхъ Русскихъ волостяхъ, Кіевскихъ и Новгородскихъ, вся земля волости тянула къ старшему, «великому» городу, принадлежала его главной святынѣ — «Святой Софіи», «Святому Спасу» или «Святой Троицѣ»; городъ былъ высшимъ земскимъ центромъ. Въ Суздальщинѣ же волости превратились въ княжескіе удѣлы и города стали княжескими крѣпостями. Средоточіемъ волостной жизни здѣсь становился княжескій дворъ, и вѣчевая площадь уже не соперничала съ нимъ за политическое преобладаніе. Какъ единый владѣлецъ и хозяинъ своей земли, князь на сѣверѣ не любилъ ни съ кѣмъ дѣлиться своею властью и имуществомъ и охотно усваивалъ себѣ привычки автократическаго правителя, «хотя единъ властель быти».

Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ князьями «самовластцами» въ ихъ удѣлахъ по старинѣ дѣйствуетъ боярскій совѣтъ. Вокругъ каждаго князя стоятъ его бояре, готовые помочь ему совѣтомъ и ратною силою. Въ малолѣтство князя Дмитрія Донского только усердіе и разумъ преданныхъ ему бояръ удержали первенство за Московскими князьями въ сѣверо-восточной Руси. Немногимъ позднѣе открытая измѣна нижегородскихъ бояръ погубила Нижегородскаго князя Бориса и отдала Нижній Москвѣ. Въ рѣшительную минуту борьбы эти бояре сочли себя въ правѣ сказать своему господину, что они его оставляютъ: «господине княже, не надѣйся на насъ: уже бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть есмя съ тобою, но на тя есмы» [1]. Какъ въ далекую Кіевскую пору, такъ и теперь, вольные княжескіе слуги не задумались воспользоваться своею волею въ ущербъ государю князю и оставили его на погибель. Вотчинное полновластіе князей не могло пока уничтожить первобытныхъ вольностей боярства, сильнаго не одною традиціей, но и матеріальными средствами. Обладая обширными землями, «боярщинами»,

[1] Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XI, стр. 148.

имѣя у себя свои «дворы» съ цѣлыми «воинствами» слугъ и холоповъ, бояре были общественною силою, съ которою князья должны были считаться. И какъ въ старину, такъ и въ удѣльную пору общественное мнѣніе почитало боярское содѣйствіе и боярскій совѣтъ необходимымъ условіемъ доброй княжеской политики. Князья должны «любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды»; князья «сами едини безъ искуснѣйшихъ старцевъ всякаго земскаго правленія да не самочинствуютъ». Такъ говорила тогдашняя письменность [1]). Впрочемъ, житейскія условія и самихъ князей въ ихъ удѣлахъ пріучали, не «самочинствуя», править съ постояннымъ боярскимъ участіемъ. Нѣтъ возможности точно опредѣлить нормальный составъ удѣльныхъ княжескихъ совѣтовъ; но нельзя сомнѣваться, что эти совѣты были ежедневнымъ органомъ княжескаго управленія. «Обычнаго градцкаго ради управленія» совѣтники князя по утрамъ ежедневно сбирались на его удѣльномъ «дворѣ» совершенно такъ же, какъ когда-то, въ Кіевскую пору, ежедневно съѣзжалась къ старымъ Кіевскимъ князьямъ ихъ старшая дружина.

Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ русской исторической жизни, вплоть до образованія Московскаго царства, боярскій совѣтъ соправительствовалъ съ княземъ, представляя собою житейски неизбѣжное, бытовое условіе княжескаго управленія. Ростъ княжескаго авторитета въ сѣверной Руси, обратившій князей въ вотчинныхъ обладателей ихъ удѣловъ, не умалилъ бытового значенія боярской думы въ удѣльныхъ княжествахъ. Однако между княжескимъ полновластіемъ и обязательностью для князей боярскаго соправительства лежало внутреннее противорѣчіе. Удѣльный бытъ его терпѣлъ. Съ нарожденіемъ же Московскаго единодержавія это противорѣчіе должно было вскрыться и найти себѣ то или другое разрѣшеніе.

---

[1]) «Сказанія князя А. М. Курбскаго», изд. 3-е, стр. 37; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XI, стр. 211.

II.

Конецъ XV и начало XVI вѣка въ исторіи русской жизни имѣютъ особо важное значеніе. Въ это время, въ нѣсколько десятилѣтій, создалось могущественное Русское государство и выросли основы національнаго міросозерцанія. Счастливыя пріобрѣтенія великихъ князей Ивана III и Василія III въ нѣсколько разъ увеличили территорію Московскаго княжества и соединили подъ одною властью огромныя пространства Руси «Новогородской» и «Низовской». Московскій князь, дотолѣ окруженный себѣ подобными русскими князьями, съ этихъ поръ сталъ сосѣдомъ «нѣмцевъ» Свейскихъ и Ливонскихъ, Литвы и татаръ. Самая обстановка политической жизни выдвинула на первый планъ, вмѣсто удѣльныхъ междоусобныхъ счетовъ съ русскими князьями, задачи національныя и международныя. Охрана рубежей и населенія отъ иноплеменнаго и иновѣрнаго врага сдѣлалась первою заботою Московскаго государя. Освобожденіе отъ татарскаго верховенства представлялось необходимостью и далось легко. Изъ ханскаго данника Московскій князь силою вещей превратился въ «вольнаго царя». Онъ становился не только «царемъ русскимъ», но и царемъ «всего православія», ибо къ концу XV столѣтія во всемъ православномъ мірѣ не стало иной самостоятельной политической власти. Всѣ «царства» православнаго Востока пали подъ Турецкою грозою; стояло и цвѣло одно лишь Московское царство.

Два послѣдствія проистекали, между прочимъ, изъ столь быстрыхъ политическихъ успѣховъ Москвы. Во-первыхъ, власть Московскаго князя получила новый характеръ. Во-вторыхъ, создались новыя формы дѣйствія этой власти.

Ростъ внѣшнихъ силъ Московскаго княжества поднималъ международное значеніе Московскаго князя. Почувствовавъ себя единымъ главою и защитникомъ всего великорусскаго племени, Московскій князь сталъ считать себя единымъ національнымъ

государемъ и въ сношеніяхъ съ Литвою заявлялъ свои притязанія на всѣ Русскія области, бывшія подъ властью Литовской династіи. Выѣзжіе со славянскаго Юга греки и славяне, а за ними и свои, московскіе, писатели, внушали Московскимъ князьямъ величавую мысль о томъ, что ихъ значеніе не ограничивается національною сферою, а простирается на всю вселенную, на весь православный міръ. Такимъ образомъ, удѣльный владѣтель XIV вѣка, Московскій князь къ XVI вѣку превращался, въ идеѣ, во вселенскаго властителя, единаго во всей поднебесной православнаго царя, въ чье царство «вся христіанская царства снидошася». Получая оцѣнку своей власти въ такого рода теоріяхъ и фикціяхъ, Московскіе государи въ XVI вѣкѣ естественно должны были склониться къ горделивому самоопредѣленію и привыкли ставить себя на одинъ уровень съ Греческими царями. Съ высоты своего предполагаемаго вселенскаго авторитета они стали смотрѣть и внутрь своего государства. Старинныя формы удѣльнаго общежитія ихъ уже не удовлетворяли. Простота отношеній къ управляемой средѣ уже не соотвѣтствовала важности ихъ новаго вселенскаго сана. Вольности удѣльныхъ слугъ казались нетерпимыми. Не только внѣшніе враги, но и домашніе слуги должны были почувствовать и уразумѣть ростъ царскаго авторитета въ Москвѣ.

Такъ мѣнялся характеръ Московской власти въ пору сложенія Московскаго государства. Быстрота этой перемѣны дѣлала ее очень замѣтною для современниковъ. Тѣ изъ нихъ, кому не нравилось новое настроеніе Московскихъ государей, пробовали роптать, хвалили старину и порицали новшества. Великіе князья недовольныхъ устраняли и наказывали. Но отъ этого недовольство не исчезало: напротивъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе оно росло, ибо имѣло въ обществѣ сильные и цѣпкіе корни. Московская жизнь сложилась такъ, что одновременно возносила «высокую руку» Московскихъ князей и ростила вокругъ ихъ трона сильную оппозиціонную знать. Какъ разъ въ пору наибольшихъ успѣховъ Московской династіи, когда Москва соби-

рала подъ свою власть удѣльныя земли, въ Москвѣ сосредоточились въ большомъ числѣ и владѣльцы этихъ земель, удѣльные князья, лишенные своей политической самостоятельности Московскій государь считалъ ихъ своими подчиненными слугами, которыхъ у него было «не одно сто». Сами же они помнили свое династическое происхожденіе и на немъ думали строить извѣстныя притязанія. Они считали себя въ правѣ занимать первыя мѣста при дворѣ, въ думѣ и въ войскѣ Московскаго государя. Они почитали себя также «государями» и на простыхъ бояръ склонны были смотрѣть, какъ на «рабовъ», недостойныхъ стать на одномъ уровнѣ съ ихъ «великими родами». По условіямъ времени, государямъ Московскимъ приходилось уступать родословнымъ притязаніямъ княжеской знати. Во всѣхъ служебныхъ назначеніяхъ государи именовали князей на первомъ мѣстѣ и отдѣльно отъ бояръ: «князи и бояре»—обычная формула официальныхъ перечней той эпохи. На почетнѣйшія мѣста и должности обычно назначались князья же—по великой породѣ своей, какъ «обыкли старѣйшая братія на большія мѣста сѣдати». Такъ какъ нельзя было отрицать родовитость «княжатъ» и такъ какъ тогда родовитому человѣку обычай вездѣ давалъ первенство, то «княжата» невозбранно господствовали на вершинахъ московскаго общества, поговаривая, что государь «не жалуетъ породою», а можетъ жаловать только деньгами и землями.

Внутреннее несоотвѣтствіе между автократическою властью великаго князя и царя и притязаніями родовой княжеской знати, искавшей соправительства съ государемъ, должно было раздражать обѣ стороны. Въ XVI вѣкѣ это раздраженіе привело къ столкновенію царя и знати. Въ юности Іоанна Грознаго бояре-княжата сдѣлали попытку организовать около государя свой совѣтъ («избранную раду», какъ назвалъ его западно-русскимъ терминомъ князь А. М. Курбскій). Боярскій совѣтъ «снялъ», было, съ царя всю власть и поставилъ подъ свою опеку молодого Іоанна. Казалось, что Москва шла отъ цар-

скаго самодержавія къ княжеской олигархіи. Однако Грозный, осмотрясь, «сталъ за себя» и не только разогналъ «раду», но и совершилъ государственный переворотъ, направленный вообще противъ знати и въ пользу демократическаго самодержавія. Извѣстный подъ именемъ «опричнины», этотъ переворотъ состоялъ въ томъ, что къ княжеской знати были примѣнены такія мѣры, какія обыкновенно примѣнялись Москвою въ покоренныхъ земляхъ къ наиболѣе опаснымъ врагамъ. Москва всегда выводила изъ покоренныхъ областей господствующіе слои населенія и замѣняла ихъ московскими поселенцами. Это былъ испытанный пріемъ государственной ассимиляціи. Его-то Грозный и примѣнилъ въ опричнинѣ. Онъ забралъ въ особый порядокъ управленія, въ «опричнину», тѣ области своего государства, которыя обнимали территоріи старыхъ удѣльныхъ княжествъ и въ которыхъ были родовыя вотчины княжатъ-бояръ. Оттуда онъ систематически выселялъ княжатъ на окраины государства и замѣнялъ ихъ своими «опричниками». Покидая родовыя земли и свою старинную осѣдлость, знать разорялась и должна была растерять свои удѣльныя преданія. Она лишалась такимъ образомъ своихъ матеріальныхъ и политическихъ устоевъ: а частыя казни и гоненія отъ Грознаго довершали ея бѣды, уничтожая однѣ княжескія семьи и запугивая другія. Къ исходу XVI столѣтія политическое значеніе княжеской знати было уничтожено въ корень и власть Московскаго государя получила непререкаемый авторитетъ.

Такъ произошло превращеніе великаго князя удѣльной эпохи въ Московскаго монарха. Изъ князя-вотчинника, татарскаго данника, онъ сталъ сначала «царемъ православія»; усвоилъ себѣ роль защитника и представителя сильнѣйшей православной народности въ ея международныхъ отношеніяхъ. Внѣшніе успѣхи повели за собою и передѣлку внутреннихъ отношеній. Царь православія сталъ самодержавнымъ царемъ для своихъ прямыхъ подданныхъ. Новое положеніе власти должно было, конечно, отразиться и на положеніи ея совѣтниковъ-бояръ.

Патріархальный боярскій совѣтъ удѣльнаго князя обращался при новыхъ условіяхъ въ «царскій синклитъ» или въ «царскую палату», становился государственнымъ совѣтомъ при Московскомъ самодержцѣ.

Вторымъ послѣдствіемъ быстрыхъ политическихъ успѣховъ Москвы было созданіе новыхъ формъ дѣйствія Московской власти. Въ удѣльную пору управленіе князя носило частно-владѣльческій характеръ. Называя свое княжество «вотчиною», князь и правилъ имъ, какъ вотчиною. Центромъ управленія былъ «дворъ» князя. «Дворецкій» князя вѣдалъ его земельное хозяйство и челядь; «казначей» хранилъ его денежное богатство, «кузнь» и «рухлядь» (то-есть золото и серебро, мѣха и ткани). Подъ начальствомъ дворецкаго дѣйствовала особая канцелярія—«дворецъ»; подъ отвѣтственностью казначея находились кладовыя и архивъ—«казна», при которой также существовала канцелярія. Въ этихъ канцеляріяхъ «дьяки» вели необходимое письмоводство и вмѣстѣ съ дворецкимъ и казначеемъ судили судъ по дѣламъ, имъ подсуднымъ. Отдѣльныя отрасли княжескаго домоводства и хозяйственнаго управленія «приказывались» княземъ тому или другому его слугѣ и назывались «путями». По своей конструкціи такая администрація была частно-вотчинною. Но ею исчерпывались и всѣ функціи центральнаго княжескаго управленія. Это и было правительство удѣльнаго типа, вѣдавшее всѣ важнѣйшія дѣла княжества. Въ составъ такого правительства входили и бояре-совѣтники князя. Они или принимали на себя должности въ княжескомъ «дворѣ», «путяхъ» и «казнѣ» и становились «боярами введенными», или же, оставаясь внѣ вотчинной администраціи, служили князю ратную службу и сидѣли его «намѣстниками» по городамъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они были думцами князя и по его приглашенію являлись къ нему на совѣтъ. Никакихъ опредѣленныхъ юридическихъ очертаній у этого совѣта не замѣтно. Не опредѣляются ни число его членовъ, ни кругъ подлежащихъ ему дѣлъ, ни порядокъ дѣлопроизводства, ни права совѣт-

никовъ. Мало уловимая «старина» и «пошлина» руководятъ отношеніями въ совѣтѣ. Князь не ограничиваетъ ничѣмъ своей державной воли; слуги вольные князя служатъ ему по свободному желанію и сохраняютъ право отъѣзда отъ одного князя къ другому.

Осложненія внѣшней политики и внутренній ростъ Московскаго государства въ корень измѣнили несложные и нехитрые порядки удѣльнаго управленія. Московское правительство въ XVI вѣкѣ уже не могло довольствоваться «дворцомъ» и «казною» и должно было создать соотвѣтствующія его новымъ нуждамъ и задачамъ учрежденія. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, какимъ именно способомъ создавались эти новыя учрежденія—«приказы». Осложненіе функцій стараго «дворца» и старой «казны», нарожденіе въ прежнемъ кругѣ ихъ вѣдомства новыхъ отношеній и заботъ заставляло выдѣлять изъ ихъ вѣдѣнія тѣ или иныя группы дѣлъ и «приказывать» ихъ особымъ лицамъ. Устраиваясь въ своихъ «приказахъ», эти лица сосредоточивали свои дѣла и своихъ подчиненныхъ въ особыхъ «избахъ» въ Московскомъ кремлѣ. По роду дѣлъ эти избы и получали названіе «Посольской избы», «Разрядной избы», или «Посольскаго приказа», «Помѣстнаго приказа» и т. д. Во второй половинѣ XVI вѣка въ Москвѣ уже существовалъ цѣлый рядъ приказовъ, осуществлявшихъ собою новые органы только-что возникшаго государственнаго управленія. Съ точки зрѣнія современныхъ теорій и техники, это были весьма неблагоустроенныя учрежденія. Но они для своего времени удовлетворительно дѣлали свое дѣло и быстро превратили частнохозяйственный строй удѣла въ извѣстную систему государственной администраціи.

Одновременно съ перерожденіемъ центральнаго управленія совершалась въ серединѣ XVI вѣка коренная перемѣна въ управленіи областномъ. Въ удѣлахъ княжескихъ волости управлялись, во-первыхъ, въ порядкѣ хозяйственномъ—или самимъ княземъ, или ихъ собственниками (боярами и духовенствомъ),

при чемъ хозяину принадлежало и право суда надъ населеніемъ. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ городахъ и волостяхъ князья сажали своихъ «намѣстниковъ», которые «кормились» отъ населенія и управляли имъ, поддерживая порядокъ и отправляя судъ съ помощью своей дворни. Эти архаическія формы администраціи при Іоаннѣ Грозномъ были реформированы. Взамѣнъ намѣстничьяго управленія было вводимо земское самоуправленіе на очень широкихъ началахъ, при чемъ, при опредѣленіи его строя, правительство обыкновенно пользовалось издавна существовавшими въ земщинѣ формами самодѣятельности. Для охраны собственно правительственныхъ интересовъ въ областяхъ появились правительственные агенты съ спеціальными полномочіями (воеводы, городовые приказчики и т. п.). Наконецъ, иммунитеты крупныхъ землевладѣльцевъ подверглись вообще ограниченіямъ; мало того—правительство налагало свою руку не только на исключительныя права землевладѣльцевъ, но и на самое землевладѣніе. Въ «опричнинѣ» Грознаго было ликвидировано княжеское землевладѣніе съ жившими въ немъ остатками державныхъ правъ владѣтелей-княжатъ. Въ теченіе всего XVI вѣка правительство пыталось бороться съ неудобными для государства сторонами льготнаго церковнаго землевладѣнія, и мысль о возможности секуляризаціи церковныхъ земель жила въ правительственномъ сознаніи. Такимъ образомъ государственный строй быстро созрѣвалъ въ Москвѣ въ новыхъ учрежденіяхъ и порядкахъ, начинавшихъ дѣйствовать какъ на вершинахъ общества, въ центрѣ русскаго общежитія, такъ и въ его глухихъ низахъ, въ волостяхъ и крестьянскихъ мірахъ.

Поставленный въ новыя условія народившагося національно-государственнаго порядка, старинный боярскій совѣтъ Московскаго князя неизбѣжно долженъ былъ примѣниться къ этому порядку и получить иной характеръ. Изъ безформеннаго собранія княжескихъ совѣтниковъ ему предстояло обратиться въ высшее руководящее учрежденіе съ широкимъ вѣдомствомъ. Именно въ такой роли «царскаго синклита» и выступаетъ пе-

редъ нами боярская дума XVI вѣка. Вмѣстѣ съ государемъ ведетъ она государственныя реформы и внѣшнюю политику молодого государства, является въ немъ высшимъ судомъ, распоряжается военными силами страны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ тенденцію стать даже политическою силою, неудобною для самодержца-князя, а потому и терпитъ существенныя потрясенія и перемѣны въ своемъ составѣ и работѣ.

III.

Сдѣланныя нами историческія справки показали, что, въ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ Московской жизни, боярская дума въ XVI вѣкѣ получила характеръ «царскаго синклита» съ высокими полномочіями и широкимъ вѣдомствомъ. Она была призвана къ роли руководящаго государственнаго учрежденія и вмѣстѣ съ государемъ строила государственный и общественный порядокъ Московской Руси. Взглянемъ ближе на этотъ періодъ дѣятельности думы.

Прежде всего познакомимся съ составомъ думныхъ чиновъ и думныхъ собраній въ XVI вѣкѣ. Во второй половинѣ этого вѣка составъ думныхъ чиновъ установился окончательно. Членами думы почитались всѣ тѣ служилые люди, которымъ были «сказаны», то-есть пожалованы, чины «боярина» или «окольничаго». Бояре и окольничіе и составляли, по современному выраженію, «боярство думное», которое, въ силу уже своего сана, входило въ совѣтъ государя. Кромѣ нихъ, однако, государь приглашалъ въ думу и простыхъ служилыхъ людей, «дворянъ». Уже въ началѣ XVI столѣтія эти приглашенія не составляли случайности; нѣкоторые дворяне постоянно «живутъ у государя съ бояры въ думѣ» и, такимъ образомъ, составляютъ третій думный чинъ—«дворянъ думныхъ». Все дѣлопроизводство думы ведутъ дьяки,—конечно, дьяки главные или «большіе» среди государевыхъ дьяковъ. Во второй половинѣ

XVI столѣтія имъ усвоивается названіе «думныхъ дьяковъ» и, повидимому, опредѣляется ихъ постоянное число—четыре. Такимъ образомъ складывается офиціальный составъ думы: «бояре» (собственно бояре и окольничіе) и «думные люди» (дворяне и дьяки). Кромѣ того, въ старинныхъ спискахъ вмѣстѣ съ боярами и думными людьми упоминаются старшіе придворные чины: конюшій, дворецкій, казначей, оружничій, кравчій, ловчій. Надо думать, что ихъ служебная близость къ государю открывала имъ путь въ думу независимо отъ того, сказаны ли они были въ думные чины, или нѣтъ. Если мы вспомнимъ, что, кромѣ того, великіе князья вводили въ думу своихъ родственниковъ, князей удѣльныхъ, а также приглашали на совѣтъ и митрополита Московскаго, то окончательно опредѣлимъ кругъ лицъ, входившихъ въ государеву думу.

Бывали случаи, когда Московскій государь звалъ на совѣтъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ и составлялъ изъ нихъ какъ бы общее собраніе своей думы. Офиціальная лѣтопись и другіе документы, говоря о такихъ общихъ собраніяхъ, указываютъ обычно, что государь «совѣтовалъ» или «говорилъ», или «уложилъ» о томъ или иномъ дѣлѣ съ «богомольцемъ своимъ» митрополитомъ и со «всѣми бояры». Выраженіе «бояре всѣ» въ дѣловомъ языкѣ того времени пріобрѣтаетъ характеръ термина, точно обозначающаго именно общее собраніе или общее дѣйствіе полнаго состава думы. Между прочимъ, это выраженіе употреблено въ Судебникѣ 1550 года, въ той его статьѣ (98-й), которая предусматриваетъ порядокъ пополненія Судебника новыми законодательными опредѣленіями. Пополненіе должно совершаться не иначе, какъ «съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору», то-есть по разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи думы. Категоричность этой ссылки на приговоръ «всѣхъ бояръ» повела проф. В. И. Сергѣевича къ заключенію, что въ данной статьѣ Судебника боярами было проведено «несомнѣнное ограниченіе царской власти»: «царь—только предсѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не

можетъ издавать новыхъ законовъ» [1]). Эта мысль, однако, не встрѣтила поддержки у другихъ изслѣдователей. Приговоръ «всѣхъ бояръ» не знаменуетъ здѣсь ограниченія власти, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ важномъ значеніи, какое усвоивалось тогда общему собранію боярской думы въ дѣлѣ законодательства.

Въ случаяхъ особой государственной важности составъ общаго собранія думы расширялся. Государь звалъ въ думу не одного митрополита, а всѣхъ тѣхъ церковныхъ «властей», съ которыми митрополитъ обычно совѣтовалъ о важныхъ церковныхъ дѣлахъ. Получалось соединенное засѣданіе «царскаго синклита» и «освященнаго собора». Такъ, «бояре» и «власти» въ 1550—1551 годахъ сидѣли совмѣстно на церковно-земскомъ соборѣ и разсуждали объ «исправленіяхъ» земскихъ и церковныхъ. Судебникъ и Стоглавъ явились результатомъ этого знаменитаго собора. Иногда же къ «синклиту» и «властямъ» присоединялась и третья категорія совѣтниковъ—представители сословій, земскій соборъ. Это бывало въ самыя важныя минуты Московской жизни, когда власть хотѣла слышать голосъ «всея земли» и опереться на приговоръ «всякихъ чиновъ людей Московскаго государства». Но въ составѣ такихъ расширенныхъ совѣщаній боярская дума не расплывалась и не теряла своей внутренней цѣльности. Царскій «синклитъ» всегда именуется особо, какъ самостоятельная составная часть всякихъ экстренныхъ совѣщаній.

Такимъ образомъ, существованіе въ XVI вѣкѣ общаго собранія думы, «всѣхъ бояръ», не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя, конечно, ручаться, что въ такомъ собраніи всегда присутствовали всѣ до одного члены боярской думы, носившіе думные чины и записанные въ боярскомъ спискѣ. Значительная ихъ часть по службѣ бывала въ отъѣздахъ: сидѣла на воеводствахъ

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ,* «Русскія юридическія древности», т. II (изд. 1896 г.), стр. 369.

въ большихъ городахъ, ѣздила въ посольствахъ и т. п. По замѣчанію проф. В. О. Ключевскаго, въ XVI вѣкѣ «около половины думы дѣйствовало ежегодно внѣ столицы» [1]). Поэтому на собраніяхъ думы «бояре всѣ» собирались далеко не сполна; тѣмъ не менѣе, дѣло представлялось такъ, что боярскій синклитъ дѣйствовалъ въ полномъ своемъ составѣ.

Если важнѣйшія дѣла политики и управленія принято было обсуждать общимъ совѣтомъ всѣхъ бояръ, и даже «со властьми», то для дѣлъ меньшей важности или же спеціальныхъ изъ состава думы выдѣлялись особыя комиссіи, иногда очень немноголюднаго состава. Такъ, руководство дипломатическими сношеніями Московскаго государства принадлежало государю «съ бояры»; но, обыкновенно, не вся дума вела переговоры съ иноземными послами, а лишь немногіе бояре и дьяки, назначаемые «быть въ отвѣтѣ съ послы». Четыре-пять человѣкъ, представляя собою все Московское правительство, договаривались съ иностраннымъ посольствомъ, а думѣ съ государемъ принадлежала только санкція достигнутыхъ переговорами результатовъ или же разрѣшеніе частныхъ затрудненій и недоразумѣній, возникавшихъ въ переговорахъ. Съ отъѣздомъ государя изъ Москвы боярская дума иногда его сопровождала, иногда же оставалась въ столицѣ. Въ послѣднемъ случаѣ государь ввѣрялъ ей текущее управленіе и даже дѣлалъ ей особыя дѣловыя порученія. Такъ, въ 1553 году Іоаннъ Грозный уѣхалъ изъ Москвы на богомолье; «а бояромъ приказалъ государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти», то-есть заняться устройствомъ только-что завоеваннаго Казанскаго царства и реформою мѣстнаго управленія [2]). Въ данномъ случаѣ дума и безъ государя сохраняла за собою полномочія высшаго законодательнаго органа. Но чаще бывало

---

[1]) *В. О. Ключевскій*, «Боярская дума древней Руси», изд. 3-е, стр. 404.

[2]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 523.

такъ, что царь бралъ съ собою своихъ думцовъ («а съ государемъ въ походѣ бояре всѣ») или же давалъ имъ отпускъ въ деревни, пока самъ отсутствовалъ. Тогда въ Москвѣ думы уже не оставалось, а для текущихъ дѣлъ назначалась особая спеціальная комиссія—«Москву вѣдать». Въ ней бывало, обыкновенно, не болѣе десяти лицъ разныхъ думныхъ чиновъ. Они вели все текущее управленіе, давали рѣшенія («чинили указы») по обычнымъ дѣламъ, а дѣла болѣе важныя и отвѣтственныя посылали къ царю «въ походъ». Во время длительныхъ отлучекъ монарха бояре, вѣдавшіе Москву, обращались во временное правительство страны, дѣйствовавшее именемъ государя и думы.

Для наблюдателя, привыкшаго къ особенностямъ Московской практики XVI вѣка, не удивительна та легкость, съ какою измѣнялся составъ присутствій государевой думы въ зависимости отъ условій ихъ дѣйствія. Врядъ ли можно отрицать опредѣленность и твердость этого учрежденія только отъ того, что нѣкоторыя дѣла дума вершала въ полномъ составѣ, другія дѣлала въ соединеніи съ иными учрежденіями и лицами, а третьи за всю думу исполняла немногочисленная думская комиссія. Скорѣе можно удивляться тому, что въ XVI вѣкѣ, параллельно съ общимъ собраніемъ думы или, собственно, «думою», при Московскомъ государѣ образовались постоянныя коллегіи сановниковъ, дѣлавшихъ, какъ будто бы, то же самое дѣло, на какое была призвана боярская дума. Эти коллегіи и компаніи извѣстны въ источникахъ подъ названіями «суда бояръ», «ближней думы», «избранной рады». Насколько устойчивы и постоянны были эти образованія, сказать трудно; слишкомъ мало оставили они послѣ себя слѣдовъ въ историческихъ документахъ.

«Судъ бояръ» была боярская коллегія, повидимому, отправлявшая высшій судъ въ государствѣ. Она существовала уже въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ 1542 году въ документахъ упоминается «палата, гдѣ бояре судятъ». Въ 1557 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что эта «палата», или «комната», иначе назы-

валась—«набережною малою палатой» и, повидимому, постоянно служила не только для собраній боярскаго суда, но и для отвѣтныхъ комиссій думы, которыя въ этой именно палатѣ вели переговоры съ иностранными послами [1]). Изъ указаній на то, что набережная палата—«малая палата», или «комната», можно вывести заключеніе, что въ ней «судила» не вся дума, а немноголюдная, по составу, коллегія. На особенный составъ судной коллегіи намекаетъ и то обстоятельство, что у нея былъ особый дьякъ. Въ 1566 году «у бояръ въ судѣ» былъ дьякъ Б. И. Сукинъ. Въ 1562 году, когда бояре вмѣстѣ съ государемъ отправились въ большой зимній походъ на Полоцкъ, «въ судѣ у бояръ» состоялъ П. В. Зайцевъ [2]). «Судъ бояръ» XVI вѣка служилъ, такимъ образомъ, предшественникомъ позднѣйшаго судебнаго департамента думы—«Расправной палаты» XVII вѣка. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности собрать объ этомъ судѣ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Ясно одно, что его происхожденіе нельзя связывать съ учрежденіемъ опричнины, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи. Опричнина учреждена въ 1565 году, а «судъ бояръ», какъ видимъ, упоминается уже въ 1562 году и ранѣе.

Болѣе имѣется свѣдѣній о такъ называемой «ближней» или «тайной» думѣ. Это былъ тѣсный и интимный совѣтъ особо довѣренныхъ людей при государѣ, съ которымъ государь обсуждалъ всякое интересовавшее его дѣло ранѣе, чѣмъ оно поступало въ думу «всѣхъ бояръ», и независимо отъ того, поступало ли оно вообще въ думу. Составъ ближней думы зависѣлъ всецѣло отъ усмотрѣнія государя. Онъ «пускалъ» къ себѣ въ думу, кого хотѣлъ,—какъ думныхъ, такъ и недумныхъ

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. CXXIX, стр. 40; *В. О. Ключевскій*, «Боярская дума древней Руси», изд. 3-е, стр. 408.

[2]) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. I, № 192; *П. Н. Милюковъ*, «Древнѣйшая разрядная книга официальной редакціи (по 1565 г.)». М. 1901, стр. 234.

людей. Никакихъ формальностей при этомъ не было. Ближняя дума собиралась въ жилыхъ покояхъ государя, по тогдашнимъ выраженіямъ—«въ комнатѣ», «у постели», и обсуждала дѣла какъ бы въ частной бесѣдѣ. Однако участники «ближней» или «тайной» думы носили офиціальный титулъ «ближнихъ» бояръ, дворянъ и дьяковъ, что считалось за великое отличіе и почетъ. Можно думать, что, несмотря на совершенно частный, интимный характеръ совѣщаній, составъ ближней думы при томъ или другомъ государѣ былъ болѣе или менѣе постояненъ, а потому и званіе «ближняго» думца бывало не только почетнымъ титуломъ, но и должностью. Отношеніе ближней думы къ думѣ «всѣхъ бояръ» не было опредѣлено закономъ; житейски же оно складывалось весьма опредѣленно. Московская лѣтопись дважды очень отчетливо открываетъ передъ нами это отношеніе [1]). Когда великій князь Василій III расхворался во время своей богомольной поѣздки по монастырямъ (1533 г.), то ему уже на походѣ пришлось подумать о томъ, какъ устроить свою душу и государство. Онъ призвалъ къ себѣ двухъ ближайшихъ сановниковъ: дворецкаго и «введеннаго» дьяка. Съ ними втроемъ онъ намѣтилъ, кого именно изъ бояръ надлежитъ пригласить къ составленію духовной грамоты. Когда же ему удалось больному доѣхать до Москвы, то намѣченные три-четыре боярина были призваны въ «комнату», и великій князь «нача думати съ бояры». Это была ближняя дума, которая присутствовала при томъ, какъ государь писалъ «духовную свою грамоту и завѣтъ о управленіи царствія». Сдѣлавъ это дѣло, Василій III соборовался, причастился и тогда, призвавъ своихъ братьевъ, митрополита и всѣхъ бояръ, сталъ говорить князьямъ, святителю и «бояромъ всѣмъ» послѣднюю свою волю. Государство Василій «приказывалъ» своему малолѣтнему сыну Іоанну и призывалъ бояръ къ вѣрности ему, «чтобы мой сынъ

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 410 и слѣд.; стр. 523 и слѣд.

учинился на государствѣ государь и чтобы была въ землѣ правда». Такъ шло важное дѣло закрѣпленія власти за малолѣтнимъ государемъ подъ опекою его матери, княгини Елены. Все дѣло было по существу обдумано и оформлено въ интимномъ совѣтѣ въ видѣ личной духовной грамоты великаго князя; «боярамъ же всѣмъ», наравнѣ съ митрополитомъ и государевыми братьями, оно лишь было объявлено къ исполненію. Подобныя же обстоятельства настали въ Москвѣ двадцать лѣтъ спустя (1553 г.), когда преемникъ Василія III, Іоаннъ Грозный, расхворался и, по примѣру отца, составилъ духовную грамоту въ пользу маленькаго сына, царевича Димитрія. Болѣзнь Іоанна была тяжка, и его дьякъ Иванъ Михайловъ (Висковатый) «воспомянулъ государю о духовной». Царь велѣлъ составить текстъ завѣщанія, «совершить духовную». Когда тѣ лица, которымъ было поручено это дѣло, написали духовную, они «начаша государю говорити о крестномъ цѣлованіи», то-есть совѣтовали немедля же привести къ присягѣ маленькому Димитрію двоюроднаго брата царя Іоанна, удѣльнаго князя Владимира Андреевича, и всѣхъ бояръ. Нѣтъ сомнѣнія, что «совершали духовную» и совѣтовали закрѣпить ее присягою ближніе думцы государя. Съ нихъ и началось крестное цѣлованіе: восемь ближнихъ бояръ и думныхъ людей присягнуло въ тотъ же день, и притомъ такъ, что прочіе бояре объ этомъ и не знали. Дѣло о передачѣ престола «пеленочнику» (то-есть малюткѣ) Димитрію было рѣшено, стало быть, въ тѣснѣйшемъ кругѣ интимныхъ совѣтниковъ Іоанна. Когда на другой день въ палатѣ, близкой къ спальнѣ больного царя, ближніе бояре стали приводить ко кресту прочихъ бояръ, среди бояръ начался ропотъ. Ихъ смущало и то, что престолъ переданъ грудному ребенку, и то, что дѣло обставлено для нихъ неясно съ формальной стороны. О «ближнихъ» боярахъ, приводившихъ ко кресту прочихъ думцевъ, эти послѣдніе говорили: «Богъ то знаетъ: насъ бояре приводятъ къ цѣлованію, а сами креста не цѣловали». Повидимому, у думцевъ возникало даже подозрѣніе въ законности

дѣйствій «ближнихъ» бояръ, которые въ отсутствіе государя приводили ихъ къ присягѣ именемъ царя, а сами на глазахъ у думы креста не цѣловали вовсе. Для тѣхъ, кто не считалъ удобнымъ воцареніе грудного младенца, это послужило хорошимъ поводомъ начать смуту. Вотъ къ чему привело слишкомъ пассивное положеніе думы «всѣхъ бояръ» въ важномъ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Однако царь и ближняя дума сумѣли настоять на своемъ и сломили сопротивленіе боярства. Въ теченіе нѣсколькихъ дней всѣ бояре присягнули Димитрію. Мало того: когда впослѣдствіи изъ-за придворной смуты два князя Лобановыхъ-Ростовскихъ задумали отъѣхать въ Литву и были пойманы (1554 г.), то царь поручилъ судъ надъ ними именно своей «ближней» думѣ. Въ томъ же составѣ, въ какомъ ближніе люди дѣйствовали во время смуты у крестнаго цѣлованія, они вели слѣдствіе надъ бѣглецами. Изъ лѣтописи [1]) узнаемъ, что въ ихъ средѣ было 7 или 8 бояръ, 1 окольничій, 1 думный дворянинъ, 1 казначей и 1 думный дьякъ. Таковъ былъ, повидимому, постоянный составъ ближней думы въ эти годы царствованія Грознаго. Самодержавная власть Московскихъ государей не стѣснялась дѣйствовать съ интимнымъ кругомъ своихъ надежныхъ друзей и слугъ, — и въ этомъ была вся сила ближней думы. Но въ то же время, какъ замѣтилъ проф. В. О. Ключевскій, государь, прибѣгая къ тайному совѣту ближнихъ людей, «этимъ самымъ косвенно выражалъ свое признаніе думы всѣхъ бояръ, какъ постояннаго и въ извѣстной степени самостоятельнаго государственнаго совѣта» [2]). Онъ бралъ изъ общей думы въ ближнюю лишь тѣ дѣла, которыя или требовали строгой политической тайны, или касались интимной жизни дворца, или же нуждались въ предварительномъ обсу-

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, сравн. стр. 238 и 523.

[2]) *В. О. Ключевскій*, «Боярская дума древней Руси», изд. 3-е, стр. 329.

жденіи передъ внесеніемъ ихъ въ общую думу. Значеніе «всѣхъ бояръ», какъ государственныхъ совѣтниковъ, этимъ не отрицалось; но сила дѣйствительнаго ихъ вліянія на дѣла, разумѣется, умалялась.

Существовавшая одновременно и рядомъ съ ближнею думою «избранная рада» Іоанна Грознаго пользуется большою извѣстностью, но изучена она очень мало. Это была кратковременная политическая коньюнктура. Выше было сказано, какъ она явилась. Изъ нѣдръ княжеской московской аристократіи возникъ кружокъ лицъ съ цѣлью подчинить себѣ волю молодого государя и направить ее согласно съ политическими идеалами и тенденціями княжескаго боярства. Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣлялъ «раду» самъ Грозный [1]). Онъ смотрѣлъ на членовъ рады, какъ на заговорщиковъ противъ царскаго самодержавія, и опредѣленно указывалъ на княжескія ихъ тенденціи. Но царь нисколько не отожествлялъ «рады» съ своею думою. Центральнымъ лицомъ зломышленнаго боярскаго кружка считалъ онъ «попа» Сильвестра, своего бывшаго любимца, не состоявшаго членомъ боярской думы. По представленію Грознаго, это именно Сильвестръ «примирилъ» къ себѣ многихъ людей, образовалъ изъ нихъ свой кругъ и наполнилъ ими всю администрацію: «ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша». Одного изъ своихъ единомышленниковъ компанія Сильвестра провела даже въ «синклитію», то-есть въ царскую думу. По указанію Грознаго, это былъ кн. Дм. Курлятевъ, котораго мы знаемъ въ составѣ ближней царской думы. Изъ всѣхъ приведенныхъ отзывовъ Іоанна мы можемъ заключить, что «рада» была внѣ думы и представляла собою частный кружокъ временныхъ царскихъ любимцевъ. Князь А. М. Курбскій представляетъ дѣло нѣсколько иначе [2]). Въ своей «Исторіи Іоанна Грознаго» онъ, какъ и самъ Грозный, назы-

[1] «Сказанія князя А. М. Курбскаго», изд. 3-е, стр. 163—169.

[2]) Тамъ же, стр. 9—10.

вастъ учредителемъ рады священника Сильвестра. Сильвестръ будто бы привлекъ къ своимъ видамъ митрополита Макарія и другихъ лицъ изъ духовенства. Вмѣстѣ они собрали около царя «совѣтниковъ», «во старости маститей сущихъ» и «въ среднемъ вѣку», «предобрыхъ и храбрыхъ», и усвоили ихъ царю «въ пріязнь и въ дружбу» такъ, чтобы ему «безъ ихъ совѣту ничего же устроити или мыслити». «И нарицались (прибавляетъ Курбскій) тогда оные совѣтницы у него избранная рада». По этимъ выраженіямъ Курбскаго слѣдуетъ заключить, что рѣчь идетъ объ организованномъ совѣтѣ, тѣмъ болѣе, что именно «радѣ» Курбскій приписываетъ всѣ важнѣйшія государственныя мѣропріятія 50-хъ годовъ XVI-го вѣка. Однако можно считать доказаннымъ, что составъ «рады» не совпадалъ ни съ составомъ общаго собранія боярской думы, ни съ составомъ ближней думы Грознаго. Стало быть, если вѣрить Курбскому, надо предположить, что Сильвестръ организовалъ какой-то особый кружокъ единомышленниковъ, который дѣйствовалъ мимо думы и, благодаря «пріязни» государя, очень вліялъ на ходъ государственнаго управленія. Этотъ кружокъ, конечно, держался у дѣлъ лишь до тѣхъ поръ, пока Іоанну угодно было терпѣть его вліяніе.

Таковы были коллегіи и кружки, дѣйствовавшіе въ XVI столѣтіи рядомъ съ думою «всѣхъ бояръ». Были ли они постоянными или временными, офиціальными или частными, гласными или тайными, они не упраздняли думы «всѣхъ бояръ» и не отнимали у нея значенія главнаго государева совѣта и руководящаго органа управленія. Если иногда они какъ бы закрывали собою думу и вторгались въ сферу ея вѣдѣнія, то, съ другой стороны, они служили ей же вспомогательными органами, подготовлявшими для ея санкціи тѣ дѣла, которыя предварительно разрабатывали и обсуждали.

«Избранная рада» въ несчастную минуту появилась на московскомъ политическомъ горизонтѣ. Въ область государственнаго строительства она внесла элементъ политической интриги

и борьбы. Явившись орудіемъ боярско-княжескихъ вожделѣній, направленныхъ не въ пользу Московской династіи, противъ ея единодержавія и самодержавія, «рада» вызвала бурное противодѣйствіе со стороны Грознаго и увлекла его къ необузданной репрессіи противъ неблагонадежной, «многомятежной» и «измѣнной» княжеской знати. Выше указано, какой характеръ и размѣры приняла эта репрессія, ликвидируя въ «опричнинѣ» крупное землевладѣніе старой московской знати и истребляя въ царской опалѣ цѣликомъ подозрительныя для Грознаго княжескія и боярскія семьи. Развиваясь въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, опричнина захватила въ особый порядокъ управленія добрую половину государства и поставила «опришнинскія», или «дворовыя», земли, внѣ обычнаго правительственнаго руководства боярской думы. Для думы и думцевъ съ началомъ опричнины наступила эпоха тяжелыхъ перемѣнъ и испытаній.

Лѣтопись говоритъ, что Грозный, учреждая опричнину, «государство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякія дѣла земскія приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ, князю И. Д. Бѣльскому, князю И. Ѳ. Мстиславскому и всѣмъ бояромъ». Такимъ образомъ боярская дума («всѣ бояре», которые «въ земскихъ») оставлена въ силѣ. Она должна править государствомъ «по старинѣ» и руководить приказной администраціей: царь «всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлехъ приходити къ бояромъ». Дума должна была вершить эти дѣла; «а ратныя каковы будутъ вѣсти или земскія великія дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлехъ приходити къ государю, и государь съ бояры тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити» [1]). Таковъ исконный, понятный и правильный порядокъ думской дѣятельности. Только онъ предуказанъ не для всего государства, а для того, что осталось «въ земскомъ»; опричнина изъ него ушла. Такъ какъ

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 394 и слѣд.

*

опричнина захватила добрую половину государственной территоріи, то изъ вѣдѣнія думы оказалась изъятою половина государства, и притомъ центральная, коренная. Для управленія этою коренною частью государства создались особыя учрежденія, параллельныя «земскимъ». Въ опричнинѣ у Грознаго были «особно учинены» всѣ «чины», начиная съ думныхъ и кончая конюхами и стрѣльцами. Тамъ видимъ «бояръ и окольничихъ и дворецкого и казначеевъ и дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей». Тамъ были и свои приказы «опришнинскіе», или «дворовые», руководимые дворовыми дьяками: Дворовый разрядъ, Дворовый большой приходъ и т. д. Тамъ должна была образоваться и своя боярская дума. Дѣйствительно, иногда документы говорятъ, что съ государемъ въ походѣ были «бояре изъ опришнины»; надо думать, что они составляли при царѣ не только свиту, но и опричный боярскій совѣтъ (хотя ни одного «приговора» такого опричнинскаго, или двороваго, совѣта намъ неизвѣстно). Такимъ образомъ земская боярская дума, которая должна была сохранить «по старинѣ» и по государеву указу свое правительственное положеніе, на дѣлѣ его не сохранила: она потеряла изъ своего вѣдомства половину областей и перестала быть единственнымъ руководящимъ органомъ управленія. Въ важныхъ случаяхъ государственной практики, когда Грозный понималъ необходимость правительственнаго единства, онъ предписывалъ боярамъ «обоимъ», земскимъ и дворовымъ, соединяться въ одномъ собраніи: «приказалъ государь о рубежахъ (съ Литвою) говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины;... и бояре обои, земскіе и изъ опришнины, о тѣхъ рубежѣхъ говорили»... (1570 г.). Слѣдствіемъ такого своеобразнаго порядка дѣйствія могло быть, конечно, только паденіе авторитета думы—результатъ, къ которому, вѣроятно, и стремился Іоаннъ. Преслѣдуя знать, онъ добился, между прочимъ, и того, что среди бояръ «изъ земскихъ» не осталось къ концу его царствованія ни одного Рюриковича, кромѣ князя

Θ. М. Троекурова, которымъ Іоанну надо было дорожить, какъ талантливѣйшимъ дипломатомъ.

Въ такомъ состояніи вступала дума въ Смутную эпоху Московскаго государства. Умаленная въ своемъ правительственномъ значеніи, съ разстроенным опалами личнымъ составомъ, дума представляла собою въ сущности разбитое учрежденіе. Но традиціи думы никѣмъ не оспаривались: какъ и ранѣе, она оставалась царскимъ синклитомъ, которому принадлежало руководство всѣмъ механизмомъ государственнаго управленія.

IV.

Смутное время началось съ прекращеніемъ вѣковой Московской династіи. Конецъ царскаго рода можно было чувствовать уже въ послѣдніе дни Грознаго. Іоаннъ, кончая свою жизнь, имѣлъ несчастье знать, что его законный сынъ царевичъ Θеодоръ непроченъ по физической немощи, а младшій сынъ Димитрій сомнителенъ въ своей законности, какъ происшедшій отъ седьмой супруги. Спустя немного лѣтъ по смерти Грознаго сошелъ со сцены Димитрій, умершій въ Угличѣ необычной смертью; царь же Θеодоръ, хирѣя, кончалъ свой недолгій вѣкъ бездѣтнымъ. Можно было съ года на годъ ждать царской кончины, а съ нею и «вдовства» Московскаго престола. Къ этому слѣдовало быть готовымъ не только тѣмъ, кто осмѣливался питать надежду на царскій вѣнецъ, но и тѣмъ, кто вообще не былъ равнодушенъ къ судьбамъ царства. Знать, окружавшая тронъ, дѣлилась тогда на два опредѣленныхъ круга. Одинъ состоялъ изъ тѣхъ бояръ, которые были выдвинуты впередъ милостями Московскихъ царей XVI вѣка и составляли, чаще всего, ихъ родню по женамъ-царицамъ. Въ центрѣ этого круга дворцовой знати были семьи Романовыхъ и Годуновыхъ. Изъ первыхъ взята была супруга Грознаго Анастасія, изъ вторыхъ—супруга Θеодора Ирина. Второй кругъ бояръ состоялъ изъ представителей

родовой княжеской аристократіи, уцѣлѣвшихъ отъ грозъ опричнины. Задавленная и запуганная, разоренная и униженная при Грозномъ, эта княжеская знать, однако, не забыла своего происхожденія и своихъ обидъ. Ея вожаки, знатнѣйшіе Рюриковичи князья Шуйскіе и знатнѣйшіе Гедиминовичи князья Булгаковы (Голицыны и Куракины), твердо помнили свое «колѣнство» и свою «породу», иначе говоря, свое родовое старшинство и знатность. Оба круга бояръ должны были зорко слѣдить за «государевымъ здравіемъ» царя Θеодора и ждать его кончины, чтобы такъ или иначе повліять на замѣщеніе престола желательнымъ для нихъ лицомъ. Еще при жизни Θеодора стали обнаруживаться интриги и ссоры между боярами, конечною цѣлью которыхъ было стремленіе получить въ свои руки распоряженіе судьбами престола. Когда же Θеодоръ «преселился въ кровы небесные» (1598 г.), въ боярствѣ началась открытая борьба за власть и тронъ, и боярская дума стала свидѣтельницею сложныхъ политическихъ дѣйствій.

Послѣ кончины царя Θеодора боярской думѣ не пришлось занять командующаго положенія въ государствѣ. Первые дни правила царица Ирина, вдова послѣдняго государя, а послѣ ея удаленія въ монастырь дѣло перешло въ руки земскаго собора, которымъ, повидимому, руководилъ патріархъ, а не бояре. Соборъ избралъ въ цари Бориса Годунова, не затянувъ нисколько избирательной процедуры. А затѣмъ править государствомъ сталъ «нареченный» царь Борисъ. Офиціально дѣло имѣло такой видъ, что печальное междуцарствіе было пережито Москвою мирно и единодушно. Неофиціально же мы знаемъ, что борьба за власть шла въ это время между Годуновыми и Романовыми, а княжеская знать, разбитая и угнетенная опричниной и послѣдующимъ правленіемъ Годунова, не имѣла еще силъ и средствъ принять участіе въ борьбѣ за престолъ. Побѣдивъ Романовыхъ, Годуновъ мало-по-малу привелъ эту сильную боярскую семью, со всѣми ея родственниками и кліентами, къ опалѣ и ссылкамъ. Онъ удалилъ своихъ опасныхъ сопер-

никовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно ослабилъ кругъ дворцовой знати и этимъ очистилъ дорогу къ должностямъ и карьерѣ столь же опаснымъ для него «княжатамъ». Когда явился самозванецъ, и началась война съ нимъ, то во главѣ московскихъ войскъ Борисъ поставилъ именно княжатъ. Они разбили самозванца, ибо въ него не вѣрили. Но когда Борисъ умеръ, и князья Шуйскіе съ Голицыными взвѣсили всѣ политическія обстоятельства того момента, они рѣшили устранить Годуновыхъ, потерявшихъ со смертью Бориса всякую силу. Сына Годунова они свергли съ престола и убили, дѣйствуя во имя ложнаго «царя Димитрія», а этого послѣдняго они думали не допустить до Москвы воинскою силою. Однако войска, повѣривъ въ истинность Димитрія, привели его въ Москву. Тогда княжата, переждавъ необходимое время и собравшись съ силами, свергли съ престола самозванца и умертвили его (1606 г.). Этотъ переворотъ сдѣлалъ княжатъ господами политическаго положенія, такъ какъ дворцовая знать съ паденіемъ Романовыхъ и Годуновыхъ сходила съ политической сцены. Княжата поставили на Московскій престолъ родовитѣйшаго человѣка изъ своей среды—князя Василія Ивановича Шуйскаго. Ни земскій соборъ, ни «бояре всѣ», ни патріархъ не приняли участія въ этомъ дѣлѣ «самоизвольнаго» воцаренія Шуйскаго. Оно было сдѣлано политическою партіей. Нельзя поэтому удивляться той быстротѣ, съ которою распространилось повсюду недовольство Шуйскимъ и его княжеско-боярскимъ правительствомъ. Бурное развитіе общественной смуты повело страну къ кровавому междоусобію; междоусобіе вызвало иноземное вмѣшательство въ московскія дѣла. Лѣтомъ 1610 года царь Василій Шуйскій потерялъ послѣднихъ приверженцевъ и былъ сведенъ съ царства московскою толпою, которая неизвѣстно кѣмъ была собрана на мятежное вѣче. Взамѣнъ царской власти въ Москвѣ стала дѣйствовать временная боярская.

До этой минуты во всемъ ходѣ смуты боярская дума, какъ учрежденіе, не играла замѣтной роли. Одинаково и при Году-

новѣ, и при Шуйскомъ, бояре обычнымъ порядкомъ сидѣли надъ дѣлами внѣшней политики и внутренняго управленія. Въ сферѣ послѣдняго ихъ особенно занималъ вопросъ о регулировкѣ отношеній между рабочей массой и землевладѣльцами, ея «государями», объ укрѣпленіи крестьянъ и холоповъ, объ ихъ регистраціи, о предупрежденіи побѣговъ, возвращеніи бѣглыхъ и т. п. На этой почвѣ росло народное недовольство, ею питалась смута, ее казалось необходимымъ оздоровить. Въ этой дѣловой сферѣ бояре не сходили съ точекъ зрѣнія того сословія, къ которому принадлежали, и стремились прежде всего оградить интересы земельно-служилыхъ классовъ общества. Но въ ихъ думской работѣ не видно никакихъ слѣдовъ «политики» въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Борьба политическихъ круговъ и партій за власть и вѣнецъ шла не черезъ думу, совершалась въ сторонѣ отъ нея и отражалась на думскихъ отношеніяхъ лишь косвенно и случайно, дѣля бояръ на враждебные кружки, усиливая личное вліяніе одних, принижая другихъ. Перевороты, потрясавшіе тогда государственную жизнь, производились не думою, безъ ея вѣдома и участія. Думѣ предоставлялось лишь признавать то, что произошло, и служить тому, кто превозмогъ въ борьбѣ. Но послѣ сверженія Шуйскаго дѣло стало иначе. Никто не спѣшилъ занять освободившійся престолъ: хотя, можетъ быть, и тогда были «желатели царства», но они не обладали ни смѣлостью, ни силою. Земскаго собора налицо въ Москвѣ не было и собрать его изъ областей, охваченныхъ смутою, было не легко. Оставалось боярской думѣ взять на себя заботы объ избраніи государя и принять временное управленіе государствомъ. И дума впервые выступила въ роли временнаго правительства Москвы—«приняла Московское государство, пока Богъ дастъ государя».

Боярской думѣ («князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищи», по тогдашнему выраженію) всею Москвою была принесена присяга, чтобы слушать бояръ и судъ ихъ любить. Наскоро собравъ бывшихъ въ Москвѣ случайныхъ представителей областей

и изъ нихъ составивъ земскій соборъ, дума съ соборомъ повела дѣло къ тому, чтобы пригласить на Московскій престолъ Польскаго королевича Владислава. Были завязаны сношенія съ начальникомъ польскихъ войскъ, подошедшихъ къ Москвѣ, съ гетманомъ Ст. Жолкевскимъ. Дума предъявила Жолкевскому условія избранія Владислава и, когда гетманъ ихъ принялъ, то привела Москву къ присягѣ Владиславу, а затѣмъ вступила въ переговоры съ королемъ Сигизмундомъ о скорѣйшемъ пріѣздѣ королевскаго сына Владислава на его новое царство. Отъ лица думы, патріарха и «всея земли», то-есть земскаго собора, къ королю было послано «великое» посольство. Извѣстно, что король пожелалъ самъ воцариться въ Москвѣ и потому Владислава въ Москву не отпустилъ, а понемногу сталъ прибирать московскія дѣла въ свои руки. Боярская дума не смогла или не хотѣла прямо стать противъ плановъ Сигизмунда и мало-по-малу обратилась въ послушное орудіе королевской политики. Появившіеся въ Москвѣ агенты короля, опираясь на польско-литовскія войска, стали править дѣлами отъ имени думы, а бояре, по ихъ словамъ, «въ то время живы не были». Начальникъ польско-литовскаго гарнизона въ Москвѣ, Гонсѣвскій, «переимал всякія дѣла на себя»: приходилъ въ думу, садилъ послѣ себя своихъ совѣтниковъ, не принадлежащихъ къ настоящему составу думы, и съ ними одними вершилъ всѣ дѣла; «а намъ и не слыхать (говорили ему потомъ бояре), что ты съ своими совѣтниками говоришь и переговариваешь». Правительственная власть думы выродилась въ постыдный плѣнъ. Когда вся Русь возстала противъ Сигизмунда, и земскія ополченія осадили въ Москвѣ королевскій гарнизонъ, бояре-думцы сидѣли неволею въ осадѣ, вмѣстѣ съ ляхами и русскими «измѣнниками». Поэтому, когда Москва была взята ополченіемъ князей Дм. М. Пожарскаго и Дм. Т. Трубецкого, бояръ не стали пускать въ думу и выслали вонъ изъ Москвы въ деревни, какъ измѣнниковъ народному дѣлу. Есть данныя думать, что бояре получили амнистію лишь на Пасхѣ 1613 года, когда «до нихъ милость

царская возсіяла» уже отъ новаго государя Михаила Θеодоровича.

Такъ неудаченъ оказался опытъ боярскаго правительства. Неосновательно было бы, впрочемъ, и ожидать его успѣха. Во-первыхъ, обстоятельства той минуты были чрезвычайно сложны и неблагопріятны для бояръ. Принимая власть, они желали дать ей опору въ земскомъ соборѣ, но не могли собрать этого собора такъ, какъ бы хотѣли, ибо смута не позволила съѣхаться въ Москву выборнымъ отъ городовъ. Къ услугамъ бояръ не было и военной силы, кромѣ иноземнаго войска. Допустивъ же чужое войско въ Москву, бояре стали его плѣнными, а не его начальниками. Такимъ образомъ, «принявъ государство», дума не имѣла силы его держать. Во-вторыхъ, въ самомъ устройствѣ и традиціяхъ думы не было условій, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать это учрежденіе способнымъ «принять государство», стать правительствомъ. Въ своемъ полномъ составѣ дума была только пассивнымъ совѣтомъ государя, органомъ совѣщательнымъ. Какъ только надо было дѣйствовать, государь или сама дума изъ состава «бояръ всѣхъ» выдѣляли ту или иную распорядительную или исполнительную коммиссію. Принявъ временно, въ цѣломъ своемъ составѣ, верховную власть, дума оказалась въ несвойственной ей роли активнаго повелителя и распорядителя. Для этой роли собраніе «всѣхъ бояръ» было непривычно и неприспособлено. Правда, современники говорятъ, что на дѣлѣ во главѣ правительства стали не всѣ бояре, а «пріяша власть государства Русскаго седмь московскихъ бояриновъ». Но справки въ документахъ удостовѣряютъ, что эти семь бояръ не составляли собою особой распорядительной коллегіи, а силою вещей были общимъ собраніемъ думы, малочисленность котораго обусловлена простыми случайностями. Въ своемъ большинствѣ московскіе бояре въ ту минуту или были внѣ Москвы, или стали уже жертвами смутъ. Событія шли такъ быстро, что боярская дума просто не успѣла приспособиться къ своей новой роли, какъ уже выпустила власть изъ рукъ.

Современникъ ядовито замѣтилъ, что «седмочисленные бояре» вовсе не правили и только два мѣсяца наслаждались властью, а затѣмъ «всю власть Русскія земли предаша въ руцѣ литовскихъ воеводъ».

Во всякомъ случаѣ, время «Московскаго разоренья» (1610—1612 гг.) было роковымъ для боярской думы. Она оказалась неспособною управить дѣла государства; она навлекла на себя обвиненіе въ измѣнѣ и въ служеніи врагу Руси—Сигизмунду. По освобожденіи Москвы, въ концѣ 1612 года, старая дума была замѣнена новымъ совѣтомъ соратниковъ и сотрудниковъ князей Пожарскаго и Трубецкого; эти «начальники» временно и управляли дѣлами, а старыхъ бояръ, «которые на Москвѣ сидѣли», въ думу «начальниковъ» не припускали, а «писали о нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ думу, или нѣтъ?» Такъ старую думу подвергли суду всей земли, и судъ былъ суровъ: бояръ удалили изъ Москвы. Они въ Москвѣ не были до тѣхъ поръ, пока 7-го февраля 1613 года земскій соборъ безъ нихъ избралъ въ цари М. Ѳ. Романова. Чтобы закрѣпить это избраніе своимъ согласіемъ, бояре были возвращены въ столицу 21-го февраля; амнистію же они получили только на «Великъ день», въ апрѣлѣ 1613 года. Съ этихъ поръ попрежнему «князь Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищи» сталъ во главѣ «бояръ всѣхъ».

Такимъ образомъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ при вступленіи на царство встрѣтилъ у своего престола двѣ группы совѣтниковъ: старыхъ бояръ, совершенно скомпрометированныхъ, и «начальниковъ» земскаго ополченія, временно державшихъ совѣтъ при князьяхъ Пожарскомъ и Трубецкомъ. Боярской думы, какъ верховнаго учрежденія безгосударной страны, уже совсѣмъ не существовало, такъ какъ измѣнная, послушная королю Сигизмунду боярская дума была сметена событіями и уступила мѣсто властямъ земской рати. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что нуждавшіеся въ амнистіи и пощадѣ бояре не могли ставить царю Михаилу никакихъ условій и не имѣли ни

возможности, ни случая взять съ него какое бы то ни было обязательство. Преданіе о томъ, что царь Михаилъ правилъ на условіяхъ и съ обязательствами, не можетъ относиться къ тогдашней боярской думѣ. Не дума тогда указывала основанія будущаго правопорядка, а самое думу надобно было поднять изъ праха и поставить выше упрековъ въ измѣнѣ народу и вѣрѣ [1]).

V.

Можно прослѣдить по документамъ, какъ царь Михаилъ пополнилъ свою боярскую думу. Въ ней продолжали числиться старые бояре «великихъ родовъ», которыми обыкновенно наполняли думу въ XVI столѣтіи. Но эти «великіе роды» были развѣяны бурями Смутнаго времени. Одна за другою вымирали въ XVII вѣкѣ княжескія фамиліи Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Воротынскихъ и др. Временно, до исхода XVII вѣка, скрылись въ безвѣстности опальные князья Голицыны и Куракины. Измельчали вѣтви уцѣлѣвшихъ Годуновыхъ и Сабуровыхъ. Уцѣлѣвшіе Романовы изъ бояръ стали царскимъ родомъ. Словомъ, не осталось старой знати, какъ цѣльнаго и опредѣленнаго круга лицъ, окружавшаго старую династію. Однако, по старому преданію, представителей этого вѣкового боярскаго круга царь Михаилъ попрежнему возводитъ въ бояре. Въ его думѣ видимъ вновь пожалованныхъ: кн. Одоевскаго, кн. Репнина, Шереметевыхъ, Морозовыхъ и многихъ другихъ, имъ подобныхъ. Но они уже меньшинство. Съ самаго начала,—можно сказать, съ первыхъ дней своей власти,—царь Михаилъ жалуетъ въ думу свою родню независимо отъ ея знатности. Князья Сицкіе, Трос-

---

[1]) См. *С. Ѳ. Платоновъ*, «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.» (СПБ. 1899 г.) и его же «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ» (въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1906 г., декабрь).

куровъ и Лыковъ, дворяне Салтыковы и Стрѣшневы—попадаютъ въ думу именно какъ родичи и свойственники новаго государя. Наконецъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ шире открывается дорога въ думу людямъ не знатнымъ, но способнымъ и заслуженнымъ. Первый рѣзкій тому примѣръ представляетъ назначеніе въ думные дворяне знаменитаго «мясника» Козьмы Минина. За нимъ слѣдуютъ, напримѣръ, дьяки Томило Луговскій и Иванъ Грамотинъ, замѣчательные приказные дѣльцы той эпохи, удостоенные званія думныхъ дворянъ.

Практика Михаилова царствованія укрѣпилась при его преемникахъ: въ теченіе всего XVII вѣка въ думные чины жаловали людей или по ихъ «великой породѣ», или по житейской близости къ государю, или по личной выслугѣ. Аристократически-сословный характеръ прежней думы исчезаетъ въ XVII вѣкѣ и, чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ яснѣе и яснѣе дѣлается ея бюрократическій складъ. Ходъ Московской исторіи въ XVI вѣкѣ ставилъ на очередь вопросы объ отношеніяхъ власти великаго князя къ вольностямъ его свободныхъ слугъ и удѣльнымъ правамъ его служилыхъ князей. Самое существо только-что создавшейся единодержавной власти подвергалось спорамъ и подлежало опредѣленію. Боярская дума пріобрѣтала поэтому характеръ политической арены, гдѣ иногда вспыхивали споры и обострялись отношенія государя и знати. Въ XVII вѣкѣ не было уже ничего подобнаго. Царская власть, единая, національная и крѣпкая, не только никѣмъ не оспаривалась, но, напротивъ, составляла послѣ Смутнаго времени предметъ общаго желанія и сочувствія, какъ лучшая защита отъ внутреннихъ московскихъ смутъ и чужихъ иноземныхъ покушеній. Созданная этою властью дума была ея послушнымъ органомъ и не представляла собою никакой опредѣленной сословной среды и никакихъ оппозиціонныхъ вожделѣній. Она помогала государю управлять, но уже ни мало не связывала его. Въ XVII вѣкѣ, по словамъ извѣстнаго эмигранта Котошихина, царь Алексѣй «какія великія и малыя своего государства дѣла

похочетъ по своей мысли учинити,—съ бояры и съ думными людми спрашивается о томъ мало; въ его волѣ: что хочетъ, то учинити можетъ». Однако необходимость въ руководящемъ и созидающемъ органѣ верховнаго управленія была тогда такъ велика и сильна, что дѣятельность боярской думы нисколько не ослабѣла сравнительно съ XVI вѣкомъ. Напротивъ, проигравъ въ предѣлахъ своего политическаго вліянія, дума въ области законодательства и управленія заняла еще болѣе опредѣленную и крѣпкую позицію. На пространствѣ XVII вѣка изъ неоформленнаго совѣта «бояръ всѣхъ» при государѣ она обнаружила тенденцію обратиться въ рядъ присутствій, дѣйствовавшихъ каждое по своей спеціальности постоянно и независимо отъ того, бывалъ ли въ нихъ лично государь, или нѣтъ.

Чиновный составъ боярской думы въ XVII вѣкѣ остался такимъ же, какимъ былъ въ XVI вѣкѣ. Въ думѣ сидѣли «бояре» и «думные люди». Подъ общимъ именемъ «бояръ» разумѣли собственно «бояръ» и «окольничихъ». По старому обычаю, люди наиболѣе родовитые «сказывались» прямо въ бояре, минуя окольничество (напримѣръ, князья Одоевскіе, князья Голицыны). Другіе начинали съ чина окольничаго съ тѣмъ, чтобы перейти затѣмъ въ бояре. Третьи оставались окольничими весь свой вѣкъ, не поднимаясь до боярства. Старинный порядокъ, по которому въ боярскіе чины производили людей изъ старшихъ придворныхъ чиновъ, уже не строго соблюдался послѣ Смутнаго времени. Въ XVII вѣкѣ боярство становилось доступно не только придворнымъ, но и приказнымъ людямъ. Нѣсколько дьяковъ, выдавшихся по способностямъ въ приказной службѣ, прошло въ думу сначала въ должностяхъ думныхъ дьяковъ, а затѣмъ было произведено въ окольничіе (таковы Гавреневъ, Ѳ. Елизаровъ, Заборовскій). Въ окольничіе, а иногда и въ бояре, проходили въ XVII вѣкѣ и простые дворяне, не служившіе придворныхъ службъ. Таковы, напримѣръ, знаменитые любимцы царя Алексѣя Михайловича Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ; таковы и многіе другіе правительственные дѣятели

XVII столѣтія. Оставшись удѣломъ вѣковой знати, по ея «великой породѣ», боярство понемногу стало служебнымъ отличіемъ и для простыхъ служакъ, наградою личнаго усердія и талантовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выросло и число лицъ, жалуемыхъ боярскими чинами. При старой династіи бояръ и окольничихъ бывало два-три десятка. Въ первой половинѣ XVII вѣка видимъ почти такія же цифры; но къ 1682 году было уже 67 бояръ и 57 окольничихъ. Совершенно также возрастало и число «думныхъ людей». Думные дворяне въ XVI вѣкѣ считались единицами. Во второй же половинѣ XVII вѣка ихъ были уже десятки (38—въ 1682 году). Число думныхъ дьяковъ долго держалось неизмѣннымъ. Въ XVI вѣкѣ ихъ было четыре; они стояли во главѣ главнѣйшихъ московскихъ приказовъ (Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго и Казанскаго дворца) и были какъ бы секретарями думы, ведя дѣлопроизводство думы посредствомъ своихъ приказныхъ канцелярій. Дѣло имѣло такой видъ, какъ будто бы дума, не располагая особою канцеляріею, пользовалась приказами, какъ отдѣленіями своей канцеляріи. Когда въ XVII вѣкѣ Казанскій дворецъ (вѣдавшій Поволжье) былъ переданъ въ управленіе не дьяку, а довѣренному боярину, то думныхъ дьяковъ временно стало трое. Но затѣмъ мы видимъ, вмѣсто одного, двухъ думныхъ дьяковъ въ Разрядномъ приказѣ. А затѣмъ число думныхъ дьяковъ начинаетъ расти и къ концу вѣка доходитъ уже до 14-ти. Какъ представители крупныхъ вѣдомствъ, думные дьяки играли въ думѣ весьма вліятельную роль. Они были и членами совѣщаній, и дѣлопроизводителями думы. Съ увеличеніемъ же числа думныхъ дьяковъ, весьма вѣроятно, эта должность превратилась въ почетное званіе, даваемое за отличіе.

Какъ и въ XVI столѣтіи, при первыхъ государяхъ новой династіи, дума дѣйствовала не всегда въ одинаковомъ составѣ. Попрежнему существовали «отвѣтныя» коммиссіи, и не всѣ бояре бывали въ «отвѣтахъ» для дипломатическихъ переговоровъ съ иноземными послами. Попрежнему бояре безъ государя «Москву

вѣдали», въ маломъ числѣ представляя собою все правительство въ сферѣ текущаго управленія. Какъ ранѣе, «бояре всѣ» входили въ составъ земскихъ соборовъ, представляя въ ряду многихъ группъ соборныхъ участниковъ особую группу—синклитъ. Этотъ синклитъ вмѣстѣ со «властьми» духовными обратился на земскомъ соборѣ 1648—1649 г.г. даже въ отдѣльную верхнюю палату, которой вмѣстѣ съ государемъ принадлежало окончательное разсмотрѣніе законодательныхъ проектовъ и послѣдняя редакція кодекса, «соборнаго уложенія», разсмотрѣннаго соборомъ. Когда правительство царя Алексѣя Михайловича прекратило обычай созывать земскіе соборы и пробовало замѣнять ихъ односословными комиссіями свѣдущихъ людей, то государевы бояре вмѣстѣ съ земскими экспертами не разъ совмѣстно обсуждали дѣла. Такъ, въ 1660—1663 г.г. шли совѣщанія бояръ съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и хлѣбнаго кризиса. Въ 1681—1682 г.г. односословныя комиссіи земскихъ представителей работали въ Москвѣ: служилая—надъ вопросами военной организаціи, тяглая—надъ вопросами податного обложенія. И вотъ однажды члены служилой комиссіи вмѣстѣ съ государемъ, думою и духовными «властьми» составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны вѣкового обычая «мѣстничества». Такъ легко государева дума входила въ разнообразныя дѣловыя соединенія съ тѣми или иными элементами земскаго представительства. Что же касается до совмѣстныхъ собраній синклита съ освященнымъ соборомъ, бояръ съ властями, то эти собранія были весьма обычнымъ явленіемъ практики XVII вѣка. Надлежитъ, для примѣра, вспомнить, что первый приступъ къ работамъ надъ Уложеніемъ 1649 года былъ рѣшенъ на такомъ именно «соборѣ» бояръ и властей 16-го іюля 1648 года.

Болѣе спокойное и, если можно такъ выразиться, болѣе государственное настроеніе государей Московскихъ XVII вѣка дѣлало уже невозможными «опришнинскія» затѣи Іоанна Грознаго. А паденіе княжеской знати послѣ опричнины и смуты

избавляло власть отъ повторенія олигархической «избранной рады» Грознаго. Въ XVII вѣкѣ уже не видно ничего подобнаго. Царь Алексѣй спокойно и величаво характеризуетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ свое отношеніе къ боярамъ и предустановленную роль бояръ въ царствѣ. Богъ «даровалъ намъ, великому государю (говоритъ онъ), и вамъ, болярамъ, съ нами единодушно люди Его, Свѣтовы, разсудити въ правду, всѣмъ равно» [1]). Борьба за власть между удѣльнымъ государемъ и его вольными слугами была закончена въ ужасахъ опричнины. Самый удѣлъ замѣнился государствомъ. Царь и бояре доросли до сознанія, что должны «единодушно» дѣлать великое «государево и земское дѣло». Однако же и при новыхъ условіяхъ дѣятельности не исчезла прежняя «ближняя» дума. Какъ въ XVI столѣтіи, такъ и въ XVII, «ближніе» бояре окружаютъ государя въ качествѣ его ближайшихъ совѣтниковъ, «тайныя думы» думцевъ. Равнымъ образомъ существуетъ и «судъ бояръ» въ XVII вѣкѣ, въ видѣ разныхъ судебно-слѣдственныхъ боярскихъ коммиссій, столь же мало опредѣленныхъ, какъ и ранѣе. Только къ исходу XVII вѣка этотъ судъ получаетъ ясный обликъ постоянной «Расправной палаты».

Указанія на ближнюю думу идутъ отъ времени какъ Михаила Θеодоровича, такъ и Алексѣя Михайловича. Сохранилась любопытная дѣловая переписка царя Михаила съ его отцомъ патріархомъ Филаретомъ за тѣ дни, когда они разлучались и кто-либо изъ нихъ покидалъ Москву для богомольнаго «похода» къ иногороднымъ святынямъ [2]). Сообщая другъ другу о дѣлахъ, царь и патріархъ считали «за обычай», что наиболѣе важныя и секретныя дѣла и донесенія («отписки») не сообщаются всѣмъ боярамъ, а довѣряются только ближайшимъ со-

---

[1]) «Письма царя Алексѣя Михайловича», изд. *П. И. Бартеневымъ* (М. 1858), стр. 225 и 232.

[2]) «Письма русскихъ государей», изд. Археографической Коммисіи», т. I (М. 1848).

вѣтникамъ. «Тѣ, государь, отписки (пишетъ Михаилъ Ѳеодоровичъ патріарху Филарету) мы слушали и ближнимъ бояромъ чести велѣли, а всѣмъ бояромъ чести не велѣли». Мысль о томъ, что государь самъ опредѣляетъ, что сообщить и чего не сообщать боярамъ, одинаково раздѣлялась и царемъ, и патріархомъ. Оба они одинаково не считали себя связанными совѣтомъ всѣхъ бояръ и свободно прибѣгали къ интимнымъ совѣщаніямъ съ одними ближними людьми. Такъ же поступалъ и царь Алексѣй Михайловичъ. О его обычаѣ Котошихинъ говоритъ: «а какъ царю лучится о чемъ мыслити тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре и окольничіе и думные люди въ тое палату, въ думу и ни для какихъ ни буди дѣлъ, не ходятъ, развѣ царь укажетъ» [1]). Эта «палата» ближнихъ людей при царѣ Алексѣѣ получила названіе «комнаты», а ближніе думцы стали зваться «комнатными». Повидимому, ихъ было опредѣленное число (въ одномъ случаѣ, въ 1659 году, указано пять), и царь Алексѣй смотрѣлъ на нихъ, какъ на постоянную коллегію. По одному дѣлу онъ писалъ князю Н. И. Одоевскому: «мы, великій государь, указали о томъ говорить бояромъ нашимъ комнатнымъ всѣмъ; а ты, бояринъ нашъ князь Никита Ивановичъ, въ приговорѣ тутъ былъ же; . . . а нынѣ просишь ты новаго приговору». Царь отказалъ въ новомъ приговорѣ своему любимцу, «потому, что нашъ великаго государя указъ на вашъ боярской приговоръ былъ; . . . а прежъ сего наши, великого государя, указы и ваши боярскіе приговоры бывали крѣпки и постоянны» [2]). Изъ этого видно, что ближняя дума дѣйствовала, какъ учрежденіе, особое отъ «всѣхъ бояръ»; ея приговоръ формально обращался въ «государевъ указъ и боярскій

---

[1]) «О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича», глава II.

[2]) *В. О. Ключевскій*, «Боярская дума древней Руси», изд. 3-е, стр. 327; *А. П. Барсуковъ*, «Родъ Шереметевыхъ», т. IV, стр. 421—423.

приговоръ» и получалъ силу закона «крѣпкаго и постояннаго». Изъ интимнаго и тайнаго совѣта прежняго времени ближняя дума при царѣ Алексѣѣ обратилась какъ бы въ постоянный высшій совѣтъ, носившій на языкѣ современниковъ названіе «палаты», «комнаты». А за ея спиною у царя Алексѣя, по старому московскому обычаю, оказывалась еще и «тайная» дума двухъ-трехъ довѣренныхъ его любимцевъ, даже и не думныхъ по чину людей, съ которыми царь обсуждалъ все, что его интересовало. Своеобразнымъ органомъ этой тайной думы былъ знаменитый «Тайный приказъ» царя Алексѣя, передававшій изъ общаго порядка управленія въ личное распоряженіе государя всякое дѣло, какое государю угодно было взять на свое личное попеченіе.

Итакъ, совокупность «всѣхъ бояръ», повидимому, переставала быть и считаться ежедневно-постояннымъ совѣтомъ государя. Роль такого совѣта переходила къ однимъ «комнатнымъ» боярамъ, дума которыхъ при царѣ Алексѣѣ замѣнила «ближнюю думу» прежняго времени. Такое явленіе уже подмѣчено историками права. По поводу его одинъ изслѣдователь замѣчаетъ, что дума, какъ личный совѣтъ государя, начинаетъ выдѣляться изъ боярской думы, какъ постояннаго учрежденія, носящаго государственный характеръ. По словамъ другого ученаго, при царѣ Алексѣѣ «основное назначеніе «всѣхъ бояръ» было, видимо, сидѣть «за служилыми и приказными дѣлами», вершить «челобитчиковы дѣла»; обсужденіе же «государственныхъ дѣлъ» сосредоточилось въ комнатной и тайной думахъ: послѣдняя подготовляла рѣшенія царя, а первая составляла тѣ боярскіе приговоры, которые закрѣплялись утвержденіемъ царя» [1]). Многолюдныя же собранія «всѣхъ бояръ» стали созываться лишь въ исключительно важныхъ или торжественныхъ случаяхъ московской правительственной практики.

---

[1]) *А. Н. Филипповъ*, «Учебникъ исторіи русскаго права». Часть I (Юрьевъ, 1907), стр. 367—368; *И. Я. Гурляндъ*, «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ» (Ярославль, 1902), стр. 328—329.

Что касается до «суда бояръ», то его устройство и функціи въ XVII вѣкѣ столь же неопредѣленны, какъ и ранѣе. Не будетъ, думаемъ, особо смѣлою и неправильною мысль, что при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ постоянная судная коллегія бояръ дѣйствовала подъ именами «приказовъ»: «Приказа сыскныхъ дѣлъ», «Приказа приказныхъ дѣлъ», «Приказа, что на сильныхъ бьютъ челомъ» и т. п. Въ подобныхъ «приказахъ» сидѣли «большіе» бояре, родные и близкіе самому государю. Къ нимъ поступали дѣла изъ прочихъ приказовъ, какъ въ высшую инстанцію [1]). Такимъ образомъ эти боярскія коллегіи являлись какъ бы высшими блюстителями правосудія и охранителями права и правды. О дѣятельности боярскихъ «приказовъ» извѣстно пока такъ мало, что нѣтъ даже возможности сказать, въ какихъ именно годахъ начинали и кончали они свою дѣятельность и въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились. Разумѣется, этими приказами не ограничивалась судебная функція боярской думы. Мѣстническія дѣла судили особо къ тому назначаемые бояре; особенно важныя дѣла судила вся дума. Но въ учрежденіи судныхъ боярскихъ «приказовъ» ясно сказывалась мысль о необходимости созданія твердыхъ формъ высшаго суда и расправы. Эта мысль уже опредѣленно выражена въ Уложеніи царя Алексѣя. Уложеніе (въ главѣ X, ст. 2) предписываетъ «спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ за чѣмъ вершити будетъ не мощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю. . . и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ; а бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ полатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ». Какіе именно думцы должны были сидѣть о спорныхъ дѣлахъ въ этой палатѣ, неизвѣстно. Но нѣтъ сомнѣнія, что это была правильная коллегія, кото-

---

[1]) *И. Я. Гурляндъ*, «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ», стр. 97—104; его же статья «Приказъ сыскныхъ дѣлъ» въ «Сборникѣ въ честь проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова» (Кіевъ, 1904).

рая имѣла постоянное мѣсто засѣданій и опредѣленный порядокъ слушанія дѣлъ. Въ 1669 году было, напримѣръ, указано точно, въ какіе дни недѣли изъ какихъ приказовъ надлежитъ «къ бояромъ въ Золотую полату дѣла вносить къ слушанію и къ вершенію» [1]). Составъ и порядокъ дѣйствій судно-расправной палаты становится точнѣе извѣстенъ только съ 1681 года [2]). Документы этого года удостовѣряютъ, что князю Н. И. Одоевскому поручено было одновременно и «Москву вѣдать», и вести «расправныя дѣла» съ опредѣленнымъ штатомъ «товарищей»—бояръ, окольничихъ, дворянъ и дьяковъ (всего около 20 лицъ). Коллегія кн. Одоевскаго называлась «Расправною», «Золотою» палатою, «Палатою расправныхъ дѣлъ» и существовала какъ постоянное присутствіе,—мѣняя, впрочемъ, предсѣдателя и членовъ,—до 1694 года. Стоя надъ приказами, она вершила «спорныя дѣла» въ порядкѣ апелляціонномъ и кассаціонномъ», а въ отсутствіе государей изъ Москвы «вѣдала Москву» обычнымъ стариннымъ порядкомъ, обращаясь во временное правительство по дѣламъ текущаго управленія. Такъ создался постоянный департаментъ думы; вмѣстѣ съ «комнатною» думою онъ, повидимому, упразднилъ всякую надобность въ постоянной совмѣстной работѣ «бояръ всѣхъ» и обратилъ общее собраніе думы въ сравнительно рѣдкую форму правительственныхъ совѣщаній.

VI.

Итакъ, ходъ исторической жизни привелъ боярство и боярскую думу къ распаду. Древняя дума «всѣхъ бояръ» была житейски-неизбѣжнымъ, обязательнымъ для князя-государя совѣ-

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. I, 1669 г., № 460.

[2]) *В. О. Ключевскій,* «Боярская дума древней Руси», изд. 3-е, стр. 433 и слѣд.; *С. К. Богоявленскій,* «Расправная палата при боярской думѣ» (въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому». М. 1909, стр. 409 и слѣд.).

томъ, въ которомъ каждый членъ, «вольный слуга» князя, считалъ за собою «право совѣта» и «право отъѣзда». Дума второй половины XVII вѣка состоитъ изъ чиновниковъ, которые не помнятъ правъ, а знаютъ только служебныя обязанности, работаютъ въ приказахъ и въ думныхъ коммиссіяхъ, а въ общія думныя совѣщанія ходятъ лишь по особому зову, «развѣ государь укажетъ». Изъ политически-цѣльнаго, иногда оппозиціоннаго, класса боярство превратилось въ бюрократическую среду случайнаго состава. Изъ совѣта, опредѣлявшаго когда-то политику князя, дума превратилась въ простое орудіе управленія.

По обстоятельствамъ московской жизни это орудіе оказалось настолько несовершеннымъ, громоздкимъ и сложнымъ, что затруднило дѣло его наблюденія и изученія. Какъ уже было показано, предъ глазами изслѣдователей, рядомъ съ боярскимъ «синклитомъ», то-есть общимъ собраніемъ «всѣхъ бояръ», постоянно возникаютъ иныя комбинаціи лицъ: «бояре въ отвѣтѣ», «судъ бояръ», «ближніе бояре», «тайныя думы думцы», «комната», «Расправная палата», «Золотая палата» и т. п. Идя за указаніями такихъ и другихъ подобныхъ терминовъ, ученые юристы стараго времени полагали, что боярская дума дѣлилась на департаменты съ опредѣленными спеціальностями. «Это были отдѣленія думы, кажется, постоянныя», говорилъ, напримѣръ, Ѳ. М. Дмитріевъ: «по всей вѣроятности, отдѣленія завѣдывали различными дѣлами» [1]). Въ основѣ всѣхъ такихъ предположеній лежала мысль, что боярская дума XVII вѣка была правильнымъ учрежденіемъ въ нашемъ смыслѣ слова, съ опредѣленнымъ внутреннимъ устройствомъ и кругомъ вѣдомства. Послѣдующіе историки думы исправили ошибку предшественниковъ. Н. П. Загоскинъ и В. О. Ключевскій, кромѣ Расправной палаты, иныхъ постоянныхъ «отдѣленій» думы не нашли. Но

---

1) *Ѳ. М. Дмитріевъ,* «Исторія судебныхъ инстанцій» (М. 1859), стр. 341.

и они стали на той же мысли, что дума была твердымъ и опредѣленнымъ учрежденіемъ съ дѣятельностью по преимуществу законодательною и судебною [1]). Бытовая опредѣленность состава «царскаго синклита»; ясные слѣды участія синклита въ законодательствѣ, судѣ, внутреннемъ управленіи и внѣшнихъ сношеніяхъ; наконецъ, точныя указанія современниковъ на важную роль думы въ государственной жизни,—все это удостовѣряло, что «синклитъ», или «дума», есть установленіе постоянное. Однако проф. В. И. Сергѣевичъ высказалъ нѣсколько иной взглядъ на дѣло [2]). Говоря о «Московской государевой думѣ», онъ прежде всего и справедливо указалъ на то, что «указовъ, опредѣляющихъ составъ, компетенцію и порядокъ дѣятельности думы, не было издано», и что «всѣ наши знанія основываются на трудно уловимой практикѣ». Затѣмъ проф. Сергѣевичъ рѣшительно отдѣлилъ вопросъ о «думѣ государевой» въ собственномъ смыслѣ этого термина отъ вопроса о «высшемъ судебномъ или правительственномъ учрежденіи, дѣйствующемъ безъ государя въ отведенной для него и болѣе или менѣе самостоятельной сферѣ дѣятельности». Слѣдя затѣмъ за указаніями «трудно уловимой практики», проф. Сергѣевичъ пришелъ къ выводу, что «высшее учрежденіе» первоначально образовалось въ Москвѣ въ 1564—1565 гг., затѣмъ было уничтожено и возникло снова въ серединѣ XVII вѣка. Это была «Расправная палата»—высшее судебно-правительственное установленіе съ особымъ предсѣдателемъ, съ опредѣленнымъ составомъ членовъ, съ полномочіями и властью, основанными на законѣ. Палату необходимо строго отличать отъ думы государевой, хотя та и другая на старомъ языкѣ опредѣлялись терминомъ «бояре». Государева дума не учрежденіе, и «думные люди не суть не-

[1]) *Н. П. Загоскинъ*, «Исторія права Московскаго государства», т. II, выпускъ 1-й (Казань, 1879); *В. О. Ключевскій*, «Боярская дума древней Руси».

[2]) *В. И. Сергѣевичъ*, «Русскія юридическія древности», т. II.

обходимые совѣтники». Государи правятъ единолично. «Они совѣщаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ это нужнымъ; но совѣщаются они не съ учрежденіемъ, а съ такими думцами, которыхъ пожелаютъ привлечь въ свою думу». На дѣлѣ государи созываютъ думу не постоянно, а «по мѣрѣ надобности», и зовутъ въ нее не всѣхъ бояръ, и даже вовсе не бояръ, а кого въ данную минуту пожелаютъ позвать,—людей свѣтскихъ и даже церковныхъ. Дума государева есть совершенно безформенный личный совѣтъ государя,—таковъ конечный выводъ проф. Сергѣевича.

Сильно выраженное и полемически изложенное мнѣніе проф. Сергѣевича открыло собою острую научную контроверзу. Существованіе боярской думы, какъ учрежденія, стало почитаться спорнымъ и заново доказывалось въ послѣдующихъ трудахъ историковъ-юристовъ (А. Н. Филиппова, М. А. Дьяконова и др. [1]). Никто не рѣшился раздѣлить взгляды проф. Сергѣевича и, отказавшись отъ мысли, что боярская дума существовала, признать бытіе въ Москвѣ думныхъ чиновъ безъ служебной думной дѣятельности. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ теоріи В. И. Сергѣевича нашелъ справедливымъ одно лишь указаніе на существованіе у государей Московскихъ интимнаго совѣта. «Вопросъ сводится только къ тому», говоритъ онъ: «могъ ли великій князь имѣть, кромѣ думы, своихъ, такъ сказать, домашнихъ совѣтниковъ и любимцевъ; такое право нельзя отрицать не только у государей, но и у всякаго частнаго лица» [2]). Замѣчаніе это мѣтко указываетъ на одно изъ психологическихъ основаній конструкціи В. И. Сергѣевича. Личный совѣтъ свой Московскіе

---

[1]) *А. Н. Филипповъ*, «Учебникъ исторіи русскаго права», часть I (Юрьевъ, 1907); *М. А. Дьяконовъ*, «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси (до конца XVII вѣка)», томъ I (Юрьевъ, 1907 г.).

[2]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, «Обзоръ исторіи русскаго права», изд. 4-е (Кіевъ, 1905 г.), стр. 167 и др.

государи устраивали дѣйствительно, какъ хотѣли: въ него не входили многіе думные люди и входили недумные. Этотъ совѣтъ отнюдь не былъ учрежденіемъ государственнымъ. Тотъ изслѣдователь, который не различитъ «тайной думы» и «синклита», разумѣется, перенесетъ на послѣдній характерныя черты безформенныхъ интимныхъ совѣщаній государя съ его тайными или частными совѣтниками и друзьями. Такого рода неправильность даже весьма понятна и возможна въ отношеніи именно московскаго «синклита». Выше было не разъ указано, что боярская дума съ чрезвычайною легкостью суживала и расширяла свой составъ. Въ полномъ своемъ комплектѣ синклитъ являлся только въ важныхъ и торжественныхъ собраніяхъ, «соборахъ»; въ ежедневной же практикѣ думцы дѣйствовали въ составѣ или постоянныхъ комиссій, или же случайной наличности членовъ думы, присутствовавшихъ въ Москвѣ и «въ верху», то-есть въ царскомъ дворцѣ. Такой способъ раздѣленія труда отнюдь не уничтожалъ самой идеи синклита, или думы. И весь синклитъ, и его спеціальныя комиссіи пользовались въ подчиненной средѣ одинаковымъ авторитетомъ, носили одно наименованіе «бояръ» и одинаково «приговаривали» по ввѣреннымъ имъ дѣламъ. Съ точки зрѣнія современной бюрократической техники это, конечно, безпорядокъ; для того же времени это былъ очень удобный и всѣмъ понятный способъ дѣйствія.

Возможно установить въ общихъ чертахъ какъ порядокъ общихъ совѣщаній боярской думы, такъ и дѣлопроизводство думскихъ комиссій. Такъ какъ дума не имѣла особой канцеляріи и не образовала особаго архива своихъ дѣлъ, то думскіе порядки изучаются лишь косвеннымъ путемъ—по частнымъ о нихъ сообщеніямъ или по случайнымъ остаткамъ бумажнаго дѣлопроизводства.

Если имѣть въ виду общія собранія думы, «бояръ всѣхъ», то надлежитъ признать за В. О. Ключевскимъ, что «въ своей

ежедневной практикѣ дума была постояннымъ совѣтомъ наличныхъ думныхъ людей, находившихся при государѣ» [1]). Эти думные люди, не отвлеченные изъ столицы служебными посылками и не уволенные въ свои вотчины на отдыхъ, съѣзжались во дворецъ дважды въ день: утромъ и вечеромъ. Во дворцѣ они собирались въ одной изъ палатъ («Передней палатѣ») и ждали «царскаго выходу изъ покою». Ближніе люди, «уждавъ время», входили и во внутренніе государевы покои («въ комнату») [2]). Съ выходомъ государя начиналось «сидѣніе о дѣлахъ». Думные люди разсаживались въ палатѣ на лавкахъ по чинамъ и по «отечеству» или «породѣ», то-есть по степени знатности. Думные дьяки стояли, пока государь не указывалъ имъ сѣсть. Главнымъ образомъ дьяки и вели докладъ тѣхъ дѣлъ, которыя поступали въ думу изъ приказовъ. Когда дѣло рѣшалось и вырабатывался «приговоръ», «приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить и тотъ приговоръ записать». Отъ дьяка съ его «помѣтою» приговоръ поступалъ къ исполненію въ соотвѣтствующій приказъ, гдѣ затѣмъ и хранился. Такимъ же образомъ составлялись и записывались «приговоры» по дѣламъ, возбуждаемымъ въ думѣ самимъ государемъ. До насъ, между прочимъ, дошла любопытная запись царя Алексѣя о тѣхъ дѣлахъ, какія онъ хотѣлъ внести въ думу и поручить «поговорить бояромъ». Это «письмо, о какихъ дѣлахъ говорить бояромъ», свидѣтельствуетъ, что царь вдумчиво готовился къ засѣданіямъ думы, не только помѣчая предметы предстоящаго сужденія, но даже и мотивы возможнаго приговора [3]). Кромѣ приказнаго доклада и государева почина, дѣла въ думѣ возникали еще и по частнымъ челобитьямъ. Сами же думцы очень рѣдко возбуждали въ думѣ вопросы, подлежащіе ея обсу-

---

1) *В. О. Ключевскій*, «Боярская дума древней Руси», глава XXII.

2) «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», глава II.

3) Записки Отдѣленія Археологіи Славянской и Русской Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. II, стр. 733—735.

жденію. Никто не возбранялъ имъ законодательнаго почина, но условія жизни были таковы, что пользоваться этимъ почином не было ни нужды, ни желанія. Пассивная роль думы, какъ совѣта при государѣ, въ обычномъ порядкѣ ея дѣятельности не давала простора законодательной инициативѣ. Однако эта пассивность не вела къ апатіи и послушному безмолвію. Въ засѣданіяхъ думы иногда шли большіе споры, разгоралась борьба мнѣній и вскрывалась вражда боярскихъ партій. При отсутствіи въ практикѣ думы чего-либо похожаго на правильные журналы и протоколы, мы только стороною, изъ лѣтописи или случайныхъ указаній современниковъ, узнаемъ о дебатахъ въ думѣ. Извѣстенъ разсказъ лѣтописи о засѣданіи думы въ 1541 году, при вѣстяхъ о нашествіи крымцевъ на Москву [1]). Маленькій государь, будущій царь Іоаннъ Грозный, поставилъ на обсужденіе бояръ вопросъ о томъ, сѣсть ли ему въ осаду на Москвѣ, или же уѣхать изъ столицы. Митрополитъ и бояре долго и оживленно спорили, пока, наконецъ, «сошли всѣ на одну рѣчь», что государю слѣдуетъ остаться въ Москвѣ. Немногимъ позднѣе, въ 1549 году, бояре препирались не только другъ съ другомъ, но и съ самимъ государемъ при обсужденіи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли настаивать на признаніи Литвою новаго «царскаго» титула Московскаго царя. Возобладало мнѣніе, котораго, повидимому, царь лично не раздѣлялъ, именно, что настаивать пока не слѣдуетъ [2]). Примѣры боярскихъ споровъ встрѣчаются и въ XVII вѣкѣ, при чемъ видно, что споры рождаются иногда даже и не изъ дѣлового разномыслія, а изъ столкновенія родовыхъ и личныхъ честолюбій или изъ взаимнаго недоброжелательства боярскихъ кружковъ [3]). Такъ шли собранія думы обычныя, когда бояре съ государемъ «сидѣли о

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 434—435.

[2]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. LXXI, стр. 291—300.

[3]) *В. О. Ключевскій*, «Боярская дума древней Руси», изд. 3-е, стр. 417—421.

дѣлахъ» простымъ будничнымъ порядкомъ. Если государь указывалъ слушать очередныя дѣла безъ него, бояре слушали ихъ совершенно такъ же, какъ и въ присутствіи царя и, «поговоривъ», то-есть обсудивъ дѣло, «приговаривали». Невозможно сказать, въ какихъ случаяхъ и почему одни боярскіе «приговоры» докладывались государю для полученія по нимъ его санкціи, а другіе просто обращались въ приказы къ исполненію и руководству. Для подчиненной среды всякое рѣшеніе думы имѣло силу закона, какъ государевъ указъ. «Царь государь указалъ, и бояре приговорили», «по государеву цареву указу и боярскому приговору» — таковы были формулы, съ которыхъ обычно начиналось изложеніе московскаго закона. Боярскій приговоръ нераздѣльно сливался съ царскимъ указомъ въ одинъ актъ верховной власти.

Въ случаяхъ особо важныхъ или торжественныхъ не видно такого равнодушія къ полнотѣ думскихъ собраній, какое существовало въ буднее рабочее время. Когда на очередь становился вопросъ большой государственной важности, государи привлекали къ его рѣшенію всѣхъ своихъ совѣтниковъ, посылая за ними даже въ города. Въ свою очередь, и сами думные люди являлись въ столицу при вѣсти о чемъ-либо важномъ. Передъ войною съ Великимъ Новгородомъ Іоаннъ III въ 1471 году «разослалъ» по всѣхъ своихъ совѣтниковъ, собирая въ Москву всѣхъ епископовъ, князей, бояръ и воеводъ для совѣта о предстоящемъ походѣ. Собравшіеся «мыслили о томъ не мало» и приговорили воевать съ новгородцами [1]). Передъ кончиною великаго князя Василія III «мнози бояре съѣхашася изъ своихъ вотчинъ, слышавъ государеву немощь»; такимъ образомъ Василій могъ объявить свою волю о престолонаслѣдіи предъ всѣмъ составомъ своей думы [2]). Въ февралѣ 1613 года, при избраніи на престолъ Михаила Ѳедоровича, сочли необхо-

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XII, стр. 129.
[2]) Тамъ же, т. XIII, стр. 413.

димымъ вызвать въ Москву изъ вотчинъ даже опальныхъ «измѣнныхъ» бояръ, ибо въ столь важномъ дѣлѣ считалось необходимымъ участіе всего «синклита» [1]). Съ теченіемъ времени, когда число думныхъ людей очень умножилось, весь синклитъ собирали, повидимому, рѣдко, довольствуясь совѣтомъ «комнатныхъ» бояръ. Общее собраніе думы понемногу само превратилось въ чрезвычайную торжественную церемонію.

Засѣданія думскихъ комиссій, постоянныхъ и временныхъ, одинаково, происходили подъ предсѣдательствомъ не государя, а старшаго чиномъ и породою боярина. По имени этого боярина звалась обыкновенно и самая комиссія: напримѣръ, «у приказныхъ дѣлъ бояринъ В. П. Морозовъ съ товарищи», «у расправныхъ дѣлъ бояринъ князь Н. И. Одоевскій съ товарищи». Порядокъ дѣлопроизводства въ думскихъ комиссіяхъ весьма приближался къ приказному, такъ что иногда комиссіи даже офиціально именовались приказами. Говорилось, напримѣръ, «в ъ п р и к а з ѣ были у приказнаго дѣла бояре». Въ 1648 году была образована думская комиссія для составленія проекта Уложенія подъ предсѣдательствомъ князя Н. И. Одоевскаго; въ ея вѣдѣніе поступили вызванные для того же дѣла въ Москву земскіе выборные: по тогдашнему выраженію, они были «въ п р и к а з ѣ у князя Н. И. Одоевскаго». Какъ приказные «судьи» въ приказахъ, члены думскихъ комиссій составляли присутствіе, а при этомъ присутствіи формировалась канцелярія изъ дьяковъ и подъячихъ, командируемыхъ въ распоряженіе данной комиссіи изъ разныхъ приказовъ [2]). По внѣшнему устройству думскія комиссіи можно было бы поставить въ ряды московскихъ приказовъ, если бы по своимъ задачамъ и полномочіямъ онѣ не

---

[1]) *С. Ѳ. Платоновъ*, «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», глава I.

[2]) *Н. П. Загоскинъ*, «Исторія права Московскаго государства», т. II, стр. 86; *И. Я. Гурлянъ*, «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ», стр. 86, 98; *С. К. Богоявленскій*, «Расправная палата при боярской думѣ», стр. 415, 426.

стояли надъ приказами. Дѣятельность московскихъ приказовъ не выходила изъ сферы подчиненнаго управленія. Думскія же комиссіи дѣйствовали въ области управленія верховнаго.

Съ приближеніемъ къ періоду реформъ, къ исходу XVII вѣка, дѣятельность этихъ комиссій получила особенное развитіе въ ущербъ старой формѣ совѣщаній «бояръ всѣхъ». Реформа высшаго управленія при Петрѣ Великомъ должна была считаться съ общимъ собраніемъ думы гораздо менѣе, чѣмъ съ комиссіями-«приказами» полномочныхъ бояръ.

ВАСИЛІЙ ОСИПОВИЧЪ КЛЮЧЕВСКІЙ.

(1911).

12-го мая настоящаго года скончался въ Москвѣ В. О. Ключевскій—историкъ, стяжавшій своими трудами необыкновенную популярность и стоявшій во главѣ русской исторіографіи послѣднихъ десятилѣтій.

Сынъ пензенскаго приходскаго священника, В. О. Ключевскій получилъ первоначальное образованіе въ Пензенской духовной семинаріи, а затѣмъ изъ философскаго ея класса перешелъ въ Московскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1865 году по историко-филологическому факультету. Въ 1866—1867 г. появилось уже въ печати «разсужденіе студента Василія Ключевскаго, писанное для полученія степени кандидата по Историко-Филологическому факультету». Это были «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ». Въ 1871 г. была напечатана диссертація В. О. Ключевскаго на степень магистра русской исторіи «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», и въ то же время магистръ Ключевскій началъ преподаваніе гражданской русской исторіи въ Московской духовной академіи. Въ 1879 году, въ октябрѣ, скончался профессоръ С. М. Соловьевъ, и на его каѳедру Московскій университетъ избралъ доцентомъ В. О. Ключевскаго. Съ начала 1880 года В. О. Ключевскій открылъ свое преподаваніе въ университетѣ спеціальнымъ курсомъ по исторіи царствованія императрицы Екатерины II. Исключительный лектор-

скій даръ В. О. Ключевскаго произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на аудиторію, въ которой тогда были студенты: М. К. Любавскій, П. Н. Милюковъ, М. С. Корелинъ, Р. Ю. Випперъ... Семинарій Ключевскаго сразу сталъ цѣниться столь же высоко, какъ и семинарій В. И. Герье. Одновременно съ блестящимъ университетскимъ выступленіемъ В. О. Ключевскаго начался его литературный успѣхъ. Въ январской книгѣ «*Русской Мысли*» за 1880 годъ появилось начало его знаменитаго изслѣдованія «Боярская дума древней Руси». Выпущенное въ 1882 году отдѣльнымъ изданіемъ, оно послужило В. О. Ключевскому докторской диссертаціей, защита которой обратилась въ тріумфъ. Московскій корреспондентъ газеты «*Голосъ*» писалъ о диспутѣ Ключевскаго: «Истиннымъ событіемъ дня на нынѣшней недѣлѣ былъ диспутъ извѣстнаго ученаго г. Ключевскаго, занимающаго уже нѣсколько лѣтъ въ здѣшнемъ университетѣ столь отвѣтственную каѳедру русской исторіи, осиротѣвшую послѣ смерти Соловьева. Давно уже, а можетъ быть, и никогда, древнія стѣны здѣшней almae matris не были свидѣтелями такого шумнаго и единодушнаго восторга, какъ тотъ, которымъ встрѣтила многочисленная публика и студенты появленіе г. Ключевскаго на каѳедрѣ. Среди благоговѣйной тишины ораторъ произнесъ свою вступительную рѣчь, которая поражала какъ глубиною содержанія, такъ и изяществомъ формы. Скромно и очень просто изложилъ онъ главные выводы своей диссертаціи, имѣющіе, по единогласному отзыву офиціальныхъ и неофиціальныхъ оппонентовъ, громадное значеніе для исторіографіи... Впечатлѣніе, произведенное диспутомъ г. Ключевскаго, было близко къ восторженному энтузіазму. Знаніе предмета, мѣткость отвѣтовъ, исполненный достоинства тонъ возраженій, все это свидѣтельствовало, что мы имѣемъ дѣло не съ восходящимъ, а уже взошедшимъ свѣтиломъ русской науки. Нужно же было и видѣть, какимъ громомъ аплодисментовъ встрѣтила публика и учащаяся молодежь провозглашеніе г. Ключевскаго докторомъ русской исторіи. Кто видѣлъ это сердечное, безграничное, восторжен-

ное поклоненіе таланту высокаго учителя, тотъ не забудетъ никогда этихъ минутъ...(«*Голосъ*», 4-го октября 1882 г., № 269).

Съ той поры имя В. О. Ключевскаго получило широкую, всероссійскую извѣстность. Не только его ученики и слушатели, но и читатели его произведеній, любители и спеціалисты, признавали въ немъ исключительныя дарованія и познанія. Авторитетъ В. О. Ключевскаго росъ непрерывно, и самъ В. О. Ключевскій умѣлъ содѣйствовать этому росту новыми трудами. Двоякаго рода были его дальнѣйшіе труды. Во-первыхъ, В. О. Ключевскій печаталъ въ журналѣ «*Русская Мысль*» рядъ спеціальныхъ монографій большого исторіографическаго значенія; во-вторыхъ онъ выступалъ по разнымъ случаямъ, съ «рѣчами», обращенными къ широкой публикѣ. Изъ его монографій особенно замѣчательны «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи» (1885), «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи» (1886), «Составъ представительства на земскихъ соборахъ въ древней Руси» (1890—1892). Къ числу такихъ же монографій относится и «Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему» (*Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Др. Росс.*, 1884). Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ читатели находили любопытнѣйшіе выводы, оригинальныя точки зрѣнія, свѣжій и цѣнный матеріалъ. Монографіи В. О. Ключевскаго давали толчокъ къ дальнѣйшему изученію и изслѣдованію, будили мысль, создавали направленіе. Популярныя «рѣчи» В. О. Ключевскаго, обыкновенно, пріурочивались къ общественнымъ торжествамъ и юбилейнымъ днямъ. Весьма извѣстны двѣ рѣчи о Пушкинѣ (1880 и 1887 г.) по поводу открытія Пушкинскаго памятника и въ пятидесятилѣтіе кончины Пушкина. Не менѣе извѣстны слово въ память преп. Сергія Радонежскаго (1892) и лекція о «добрыхъ людяхъ древней Руси» (1892). Всѣ эти и подобныя имъ произведенія В. О. Ключевскаго такъ обдумывались и обработывались, что не только служили украшеніемъ праздника, на которомъ были сказаны, но и навсегда дѣлались образцами научно-изящной популяризаціи. Репутація

Ключевскаго, какъ большого ученаго и превосходнаго лектора, поднялась и до весьма высокихъ круговъ. Московскій генералъ-губернаторъ великій князь Сергій Александровичъ въ своемъ дворцѣ не разъ устраивалъ избранную аудиторію для Василія Осиповича. Въ 1893—1895 гг. В. О. Ключевскій былъ приглашаемъ въ Аббасъ-Туманъ для чтенія лекцій великому князю Георгію Александровичу. Позднѣе, въ 1902 году, университетскій общій курсъ русской исторіи В. О. Ключевскаго былъ изданъ въ весьма высокихъ сферахъ (по газетнымъ сообщеніямъ—графомъ С. Ю. Витте) въ количествѣ всего 50 экземпляровъ и безъ вѣдома самого Ключевскаго, который по этому поводу писалъ, что «авторъ не принималъ участія въ этомъ изданіи, даже не зналъ о немъ долгое время, не имѣетъ его экземпляра и не искалъ его имѣть». Столь же неожиданный, сколь и лестный симптомъ популярности курса, повидимому, озаботилъ Василія Осиповича не меньше, чѣмъ тѣ литографскія его изданія, въ которыхъ, со многими неисправностями и безъ всякихъ разрѣшеній, печатались «пестрыя студенческія записи, приблизительно и на свой страхъ воспроизводящія изложеніе профессора». Съ 1904 г. В. О. Ключевскій самъ началъ публиковать свой «Курсъ русской исторіи». Послѣднія семь-восемь лѣтъ жизни были имъ посвящены исключительно обработкѣ этого курса, которую В. О. Ключевскій рѣшился, по его словамъ, предпринять «въ близости конца преподавательской работы». Покойный не успѣлъ довершить этого дѣла: вышло всего четыре части «Курса»—до Екатерининской эпохи. Предсмертная болѣзнь застала Василія Осиповича на пятой части труда, изданія которой ждемъ отъ его сына и наслѣдника.

Таковъ научный формуляръ В. О. Ключевскаго. В. О. Ключевскій всегда и всецѣло принадлежалъ наукѣ. Можно сказать, что у него не было «біографіи»: вся его жизнь прошла въ Москвѣ, за книгами и рукописями, за чтеніемъ лекцій и за кабинетною работою. Его отдыхомъ бывала, говорятъ, рыбная ловля да бесѣды въ оживленныхъ кружкахъ московской уни-

верситетской интеллигенціи. Немногіе случаи общественныхъ и политическихъ выступленій В. О. Ключевскаго обнаруживали его малую пригодность къ такого рода дѣятельности, и онъ самъ устранилъ отъ себя возможность стать членомъ государственнаго совѣта по выборамъ. Охотно выступая на каѳедрѣ и много работая въ кабинетѣ, онъ былъ въ сущности доступенъ очень немногимъ, близкимъ къ нему лицамъ. Трудно поэтому дать его характеристику и изобразить генезисъ его взглядовъ и основы его міросозерцанія.

Для людей, которые не стояли близко къ Ключевскому и знали его по его трудамъ или же видали его на каѳедрѣ и въ ученыхъ собраніяхъ, знаменитый историкъ представлялся обаятельнымъ, своеобразнымъ и даже нѣсколько загадочнымъ по своей сложности лицомъ. Къ Ключевскому влекла необыкновенная сила его ума и остроумія и яркая красота его языка и рѣчи. Когда онъ говорилъ свои обдуманные и даже, казалось, заученные лекціи и доклады, невозможно бывало оторвать вниманія отъ его фразы и отвести глазъ отъ его сосредоточеннаго лица. Властная мощь его неторопливо дѣйствовавшей логики подчиняла ему вашъ умъ, художественная картинность изложенія плѣняла душу, а неожиданныя вспышки ѣдкаго и оригинальнаго юмора, вызывая неудержимую улыбку, надолго западали въ вашу память. Подобныя же впечатлѣнія вызывали и тѣ статьи Ключевскаго, которыя были разсчитаны не на однихъ спеціалистовъ. Ихъ чтеніе не только васъ убѣждало и учило, но и давало вамъ эстетическое наслажденіе — богатствомъ и точностью языка, блескомъ выразительной и красивой фразы, художественностью концепцій. Ключевскій совмѣщалъ въ себѣ силу ума и богатство ученаго знанія съ талантомъ поэтическаго воспріятія и воспроизведенія. Въ этомъ секретъ его обаянія. Не на всѣхъ однако равнымъ образомъ дѣйствовали особенности научнаго дарованія Ключевскаго. Были критики, указывавшіе на то, что изобразительность изложенія Ключевскаго, переходившая иногда въ вычурность и манер-

ность, являетъ собою ученое безвкусіе и литературную искусственность. Извѣстно, напримѣръ, нетерпимое отношеніе проф. В. И. Сергѣевича ко всему, что ни писалъ Ключевскій. По мнѣнію покойнаго юриста, «въ сочиненіяхъ такого рода (каковы сочиненія Ключевскаго)... выяснить себѣ настоящую мысль автора нерѣдко представляется дѣломъ очень нелегкимъ». Обусловленное разностью ученыхъ пріемовъ и взглядовъ, осужденіе Сергѣевича имѣло и субъективно-психологическую основу— въ чрезвычайномъ различіи духовной природы обоихъ изслѣдователей. Формально точный и сухой логическій умъ Сергѣевича былъ очень далекъ отъ пониманія манеры, съ какой создавались труды Ключевскаго. Иногда самъ В. О. Ключевскій отступалъ отъ своего обычнаго способа изложенія и печаталъ нѣкоторыя монографіи безъ полной стилистической отдѣлки. Таковъ, напримѣръ, его очеркъ первоначальной исторіи городовъ на Руси, помѣщенный въ первой редакціи «Боярской думы» (*«Русская Мысль»*, 1880 г. №№ 1, 3, 4 и 10). Таковъ «Русскій рубль» и отчасти — изслѣдованія по исторіи крѣпостного права и земскихъ соборовъ. Обращаясь отъ этихъ спеціальныхъ работъ къ болѣе популярнымъ и общимъ трудамъ Ключевскаго, легко можно чувствовать, какъ много содѣйствовала цѣлости и силѣ впечатлѣнія усвоенная Ключевскимъ въ послѣднихъ трудахъ своеобразная литературная манера. Да, великимъ мастеромъ слова былъ Ключевскій! Никто другой не умѣлъ дать читателю такихъ цѣльныхъ и гармоничныхъ настроеній, какъ онъ; никто другой не умѣлъ такъ обвѣять васъ впечатлѣніями отжитыхъ эпохъ.

Спокойствіе объективнаго историка въ высшей степени было присуще трудамъ Ключевскаго. Онъ умѣлъ не увлекаться полемикой ни съ настоящими историками, ни съ дѣятелями прошедшаго. Полемическій элементъ вовсе отсутствуетъ въ изслѣдованіяхъ В. О. Ключевскаго; обходятся даже такіе ученые мнѣнія и выводы, съ которыми, казалось бы, естественно было сосчитаться. И въ прошлое смотритъ нашъ историкъ

если далеко не равнодушно, то весьма сдержанно, обыкновенно не показывая «ни жалости, ни гнѣва». Судъ историка у Ключевскаго дѣйствуетъ чаще всего посредствомъ мимолетнаго сарказма или же благодушнаго, но мѣткаго юмора. На читателя очень воспитательно вліяетъ постоянное умѣнье Ключевскаго быть спокойнымъ и серьезнымъ, несмотря на способность къ ѣдкой шуткѣ. Тѣмъ неожиданнѣе проблески нѣкотораго пессимизма и скорбнаго настроенія въ Ключевскомъ. Иногда читатель чувствуетъ, что историкъ какъ бы неудовлетворенъ настоящимъ. Въ одномъ изъ курсовъ Ключевскій, напримѣръ, такъ отзывался о своей современности: «надо признаться, что это поколѣніе, къ которому принадлежитъ и говорящій, доселѣ плохо разрѣшало свои задачи, и надо думать, что оно сойдетъ съ поприща, не разрѣшивши ихъ». Иногда же (и чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще) скорбь и негодованіе историка обращались въ русское прошлое. Въ IV-й части «Курса» можно отмѣтить нѣсколько поразительныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ. Они таковы, что заставляютъ думать о ростѣ пессимизма въ пожилые годы историка и о нѣкоторой убыли прежняго научнаго самообладанія. Но и вообще и всегда внутреннія настроенія Ключевскаго могли порождать недоумѣніе своею сложностью и неожиданностью. Мы помнимъ, какое удивленіе вызвала всѣми именно Ключевскому усвоенная статья «Грусть», подписанная буквою *К* и напечатанная въ *Русской Мысли* 1891 года въ память 50-лѣтія кончины М. Ю. Лермонтова. Въ статьѣ звучали такія элегическія струны, царило такое настроеніе «поэтической резиньяціи», какихъ нельзя было и предполагать въ «историкѣ Ключевскомъ». Столь же мало отъ историка Ключевскаго можно было ожидать той степени лиризма, съ какою была имъ написана рѣчь памяти императора Александра III (1894). Эти два выступленія Ключевскаго были учтены, какъ симптомы душевнаго перелома, перемѣстившіе его вправо отъ прежнихъ позицій. Но прошло десятилѣтіе, и послѣдніе годы застали нашего историка на прежнихъ позиціяхъ. Душевный

«переломъ» не былъ перемѣною взглядовъ и чувствъ; онъ оказался только симптомомъ большой душевной сложности, въ которой сплелись мудренымъ узломъ самые разнородные элементы русской стихіи и общечеловѣческой мысли.

Научное значеніе трудовъ Ключевскаго весьма велико. Его личная дѣятельность въ Московскомъ университетѣ и въ Московскихъ ученыхъ кругахъ чрезвычайно подняла интересъ къ его предмету — русской исторіи. Послѣ усталаго С. М. Соловьева бодрое и обаятельное преподаваніе Ключевскаго сразу образовало новое настроеніе, сформировало школу. Всякій рефератъ Ключевскаго, всякая его рѣчь на диспутѣ или въ публичномъ собраніи обращались въ событіе, собирали толпу и дѣлали спеціальные сюжеты, имъ обработанные, достояніемъ широкой публики. Закрытыя засѣданія Общества исторіи и древностей россійскихъ, гдѣ Ключевскій былъ предсѣдателемъ, пріобрѣтали для членовъ общества значеніе ученыхъ праздниковъ. Такъ, мало-по-малу Ключевскій сталъ центромъ и главою для всѣхъ тѣхъ, кто тяготѣлъ къ изученію русской исторіи и кто ею интересовался. Естественно, что огромное значеніе личности Ключевскаго повело къ успѣхамъ и той спеціальности, которую онъ представлялъ. Но этимъ, конечно, не ограничивается исторіографическая роль Ключевскаго. Нѣкоторые цѣнители его трудовъ склонны считать его какъ бы творцомъ самой науки русской исторіи. «Ключевскій первый въ русской исторіографіи далъ въ своихъ трудахъ законченный опытъ построенія русской исторіи, основаннаго на ученіи о тѣсной взаимозависимости экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній въ жизни народа. Онъ первый... освѣтилъ съ этой точки зрѣнія весь ходъ русской исторіи, положивъ въ основу своего построенія изученіе экономической эволюціи нашей родины»... (А. А. Кизеветтеръ въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» 1911 г., № 110). По такой оцѣнкѣ, всѣмъ бывшимъ до Ключевскаго попыткамъ синтеза русской исторіи «не хватало прочно установленнаго объединяющаго принципа». Отличительныя свойства

историческаго построенія Ключевскаго указаны здѣсь, разумѣется, вѣрно. Но, по нашему мнѣнію, не хватаетъ надлежащаго указанія на то, что въ своей схемѣ Ключевскій былъ счастливымъ наслѣдникомъ своихъ талантливыхъ учителей и предшественниковъ, до него подготовившихъ историческій матеріалъ и давшихъ образцовые примѣры не только изслѣдованія этого матеріала, но и его синтеза. Значеніе работъ Ключевскаго гораздо лучше опредѣляется не совершенствомъ его схемы, а его исключительнымъ талантомъ изслѣдователя и красотою его художественнаго творчества. Противъ схемы Ключевскаго будутъ спорить, но имъ самимъ всегда будутъ любоваться и у него всегда будутъ учиться.

СЛОВО О Н. М. КАРАМЗИНѢ.

(1911).

Съ чувствомъ большой робости начинаю я мое краткое слово. Хотя оно произносится въ тѣсномъ кругу собравшихся здѣсь родныхъ и почитателей Н. М. Карамзина, однако, говоря о Карамзинѣ, чувствуешь, что говоришь о темѣ общерусской и вспоминаешь только-что произнесенныя предъ вами слова Ѳ. И. Тютчева:

«Что скажемъ здѣсь передъ отчизной,
На что-бъ откликнулась она?»

Вопросъ о значеніи Карамзина въ умственной жизни Россіи его времени—вопросъ не только сложный, но и спорный. Тѣ, кто выступалъ съ оцѣнкою Карамзина, какъ писателя и дѣятеля, рѣзко расходятся въ этой оцѣнкѣ. Для однихъ Карамзинъ — «святое имя» русской литературы, «исполинъ русской словесности». «При семъ магическомъ имени» потрясалась «нервическая система» современниковъ Карамзина, упоенныхъ красотами его «несравненныхъ повѣстей», озаренныхъ «свѣтильникомъ грамматической точности» его твореній, смотрѣвшихъ на Карамзина «съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной Славы и Заслуги». Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ читателей остылъ паѳосъ рѣчей, но продолжала жить теплота чувствъ, возбужденныхъ Карамзинымъ. Въ примѣръ можно привести Ѳ. И. Буслаева. Въ разное время и по разнымъ поводамъ обращаясь

къ Карамзину, Буслаевъ писалъ, что въ его юности Карамзинъ казался ему «самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ въ Россіи», «наставникомъ и руководителемъ каждаго изъ русскихъ, кто пожелалъ бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ». Въ знаменитыхъ «Письмахъ русскаго путешественника» Буслаевъ видѣлъ «необычайную цивилизующую силу», «зеркало, въ которомъ отразилась вся европейская цивилизація». По мнѣнію Буслаева (въ 1866 году), «Письма русскаго путешественника даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія,—частію имѣютъ они его и теперь,—потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка». Каковы ни были оттѣнки отношенія къ «Исторіи Государства Россійскаго», современники ставили ее на первое мѣсто въ кругу однородныхъ трудовъ и говорили, что Карамзинъ сдѣлалъ русскую исторію «извѣстнѣе не только для многихъ, но даже для самыхъ строгихъ судей своихъ». По мнѣнію одного изъ критиковъ (А. Селина), «Исторія Государства Россійскаго» создала въ русскомъ обществѣ высшія требованія къ историческимъ трудамъ, воспитала въ немъ болѣе глубокое историческое пониманіе; «эти высшіе взгляды были слѣдствіемъ поразительнаго для насъ вліянія и безмѣрнаго любопытства къ прошедшему, возбужденнаго величайшимъ изъ талантовъ».

Но рядомъ съ поклоненіемъ Карамзину живетъ осужденіе и растетъ забвеніе. Не говоря объ архаической критикѣ Шишкова и Арцыбышева, вспомнимъ позднѣйшее—именно то, съ чѣмъ приходится считаться въ настоящее время. Не обвиняютъ ли Карамзина за манерность и дѣланность чувствъ и слога въ его трудахъ, за его политическое умонастроеніе, за то, наконецъ, что онъ, какъ историкъ, былъ прославленъ несравненно больше, чѣмъ заслуживали его ученые пріемы и теоріи? Знакомство съ IV главою книги П. Н. Милюкова «Главныя теченія русской исторической мысли» не покажетъ ли читателю, что Карамзинъ

и въ наше время можетъ быть предметомъ не только изслѣдованія, но и обличенія? Большинство, однако, не чтитъ и не обличаетъ Карамзина, а плохо его помнитъ. Теперь потерянъ секретъ успѣха Карамзина, теперь уже не дѣйствуетъ чарованіе его повѣстей, и герои ихъ, по образному выраженію князя П. А. Вяземскаго, «окутались забвенья ризой». Для обычнаго читателя необходимо усиліе ума, чтобы въ приподнятыхъ періодахъ Карамзинской рѣчи уловить ту «пріятность слога», къ которой сознательно стремился авторъ и которая стала литературнымъ откровеніемъ для первыхъ читателей «поразительной» прозы Карамзина. Если наши отцы находили живой интересъ и душевную отраду въ чтеніи «Писемъ», «Исторіи» и повѣстей Карамзина, то наши дѣти уже не читаютъ ихъ иначе, какъ въ курсѣ исторіи литературы. Они улыбаются надъ тѣми ихъ красотами, которыя когда-то трогали и умиляли; имъ надо «объяснять Карамзина», ибо часто они сами его уже не понимаютъ.

Въ курсахъ исторіи литературы такія «объясненія» Карамзина, конечно, существуютъ. Въ нихъ Карамзинъ обыкновенно ставится въ тѣсную связь съ движеніемъ общеевропейской мысли. Переходъ ея отъ космополитизма къ націонализму, характерный для той эпохи, повлекъ за собою переломъ и въ литературной дѣятельности Карамзина. Преклоненіе передъ Европою, порожденное въ Карамзинѣ «идеалами космополитизма», смѣнилось въ немъ «патріотическими настроеніями» подъ вліяніемъ великихъ событій его вѣка. Глашатай европеизма и просвѣщенія, Карамзинъ имѣлъ «великую заслугу» въ томъ, что «приблизилъ литературу къ обществу»; «это былъ первый писатель съ обширнымъ кругомъ непосредственнаго вліяпія и великими заслугами». Однако «его вліяніе, какъ сентиментальнаго писателя, было непродолжительно»; позднѣе, въ области политической, «онъ являлся консерваторомъ», которому остались чужды не только «либеральныя идеи» младшаго поколѣнія, но и «прямыя серьезныя потребности русскаго обществен-

наго и государственнаго быта». Въ такихъ и подобныхъ опредѣленіяхъ мы всегда видимъ, рядомъ съ похвалами, нѣкоторое «но»: или отрицается внутренняя цѣльность нашего писателя, или ограничивается срокъ и предѣлы его литературнаго успѣха. Образъ Карамзина тусклъ и неясенъ, а роль его сводится какъ будто бы къ роли талантливаго передатчика въ русскую публику сначала результатовъ новѣйшей европейской мысли, а затѣмъ итоговъ русской исторіографіи XVIII вѣка. Остается недоумѣніе, почему такое посредничество дало право Карамзину на «великую заслугу» и почему современники почитали Карамзина за «исполина» словесности. Остается горечь сознанія, что Карамзинъ, учившій все русское общество чувствовать и мыслить, самъ не избѣгъ «переворота его міросозерцанія» и рѣзко измѣнилъ свои «настроенія», перейдя изъ Екатерининской въ Александровскую эпоху.

Мнѣ кажется, что можно не слѣдовать современному намъ обычаю строить характеристику Карамзина на нѣкоторой антитезѣ его чувствъ, взглядовъ и настроеній. Дѣятельность Карамзина, взятая въ ея основныхъ чертахъ, проникнута, на мой взглядъ, цѣлостнымъ единствомъ умонастроенія и не страдаетъ противорѣчіями и внутренними несоотвѣтствіями. «Европеизмъ» Карамзина уживался мирно съ его «патріотизмомъ» и взаимная смѣна этихъ настроеній совсѣмъ не бывала «переворотомъ міросозерцанія». Въ ихъ гармоническомъ соединеніи заключалась самая суть міровоззрѣнія нашего писателя; она то и дала, какъ кажется, такой успѣхъ произведеніямъ Карамзина среди современнаго ему общества.

Чтобы понять такую точку зрѣнія, необходимо въ двухъ словахъ вспомнить, при какихъ условіяхъ выросло и сформировалось русское міросозерцаніе въ до-петровской Руси и какой переворотъ оно пережило вслѣдствіе реформъ XVII—XVIII столѣтій. Съ первыхъ вѣковъ русской исторической жизни, въ пору господства у насъ византійскаго вліянія, умы русскихъ книжниковъ были пріучаемы къ враждѣ съ латинскимъ Запа-

домъ и къ противоположенію православной Руси латинствующей Европѣ. Греки воспитали на Руси чувство религіозной исключительности, а ходъ исторіи эту религіозную исключительность превратилъ въ національную замкнутость. Когда въ XV вѣкѣ погибло Греческое царство и взамѣнъ былого величія восточныхъ патріархатовъ настала для нихъ пора тяжелаго рабства, скудости и даже нищеты, Русь почувствовала себя единственной представительницей и поборницей древняго благочестія и стала на защиту своей вѣры, обрядовъ и обычаевъ со всею ревностью религіознаго чувства и со всею наивностью историческаго невѣдѣнія. Русскимъ книжникамъ представлялось, что Руси Богомъ суждено играть высокую роль «новаго Израиля» и суждено основать послѣднее въ мірѣ «православное царство», которое будетъ сіять до вѣка свѣтомъ истиннаго благовѣрія. Съ такой точки зрѣнія все прочее человѣчество представлялось погрязшимъ во тьмѣ невѣрія и предосужденнымъ на погибель. Коснѣвшая въ ересяхъ Европа не прельщала русскіе умы; къ ней относились свысока и отрицательно. Съ XV вѣка такія отношенія жили до XVII, до тѣхъ поръ, пока силою вещей Московскому царству не пришлось начать систематическія заимствованія съ Запада. Презираемая Москвою Европа оказалась сильнѣе Москвы на поприщѣ военномъ и техническомъ; мало того, она умѣла жить полнѣе и веселѣе Москвы. Оттуда русскимъ людямъ довелось усвоивать и то, что было имъ рѣшительно необходимо, и то, что казалось имъ неотразимо пріятно. Оружіе и книга, хитрый механизмъ и дорогой товаръ, регулярный солдатъ и искусный актеръ—все шло съ Запада и говорило о его превосходствѣ и прелестяхъ. Торжество западной культуры чувствовалось Русью чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе; при Петрѣ Великомъ оно было признано офиціально. Съ выступленіемъ Россіи на «театръ славы» старое міросозерцаніе погибло; царской волей «новый Израиль» обращенъ въ ученики Европы. Съ реформою Петра руководящіе классы русскаго общества рѣшительно отвернулись отъ родной старины. Если въ концѣ

XVII вѣка начинали въ Москвѣ вводить «политесъ съ польскаго манеру», то въ Петровомъ Петербургѣ стали жить съ манеру голландскаго и шведскаго, а позднѣе съ манеру французскаго. Какъ раньше московскіе стародумы брезгливо осуждали Западъ, такъ въ Петровское время брезгливо стали относиться къ родному прошлому. Старая привычка противоположенія Руси Европѣ осталась, но измѣнился взглядъ: осуждалось то, что раньше славилось; а то, что раньше презиралось, стало образцомъ для слѣпого подражанія. Въ умственной обстановкѣ XVIII столѣтія русскій человѣкъ чувствовалъ неизбѣжно ту пропасть, которая отдѣляла старую Русь отъ просвѣщенной Европы; чтобы стать европейцемъ, ему надлежало перескочить эту пропасть, бросивъ въ нее всѣ вѣрованія и преданія родного прошлаго. Примиреніе и совмѣщеніе казалось невозможнымъ, да для большинства европеизованныхъ русскихъ не было и желательнымъ. Они съ легкимъ сердцемъ усвоивали европейскіе обычаи и взгляды, не оглядываясь въ до-петровскую Русь.

Только отдѣльные русскіе люди XVIII вѣка не раздѣляли общаго настроенія молодой русской интеллигенціи и смущались вѣковой проблемой объ отношеніи Руси къ Западу. Ни отрицать западную культуру, ни презирать русскія преданія они не могли; но они одинаково же не могли построить стройную систему міровоззрѣнія на синтезѣ двухъ непримиренныхъ стихій: національной старо-русской и общечеловѣческой европейской. Не видя выхода для своихъ сомнѣній и противорѣчій, они не обнаруживали цѣльности настроенія и опредѣленности взглядовъ; но они сами служили яснымъ доказательствомъ того, что настоятельно нужно искать этой цѣльности и опредѣленности, нужно стремиться къ синтезу и разрѣшенію вѣкового противорѣчія. Типическимъ представителемъ людей такого направленія былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, апологетъ старой Руси и поклонникъ просвѣщенія. По отзывамъ изслѣдователей, изучавшихъ его дѣятельность, Новиковъ «не умѣетъ связать въ опредѣленный взглядъ своихъ представленій о ста-

ринѣ, о достоинствахъ русскаго народнаго характера, о просвѣщеніи, о новѣйшей порчѣ нравовъ»; «весь первый періодъ дѣятельности Новикова проходитъ въ борьбѣ между увлеченіемъ нашими національными свойствами и сомнѣніемъ въ ихъ идеальной высотѣ». Внутреннія колебанія между различными точками зрѣнія привели Новикова къ масонству, а масонство отвело его въ иную область интересовъ, обратя энергію Новикова на дѣла филантропіи и народнаго просвѣщенія. Ни Новиковъ, ни иной кто изъ его современниковъ не разрѣшилъ угнетавшей ихъ умъ загадки о томъ, какъ можно бы было согласовать два порядка идей и чувствъ, требовавшихъ въ ихъ душѣ согласованія. Но вопросъ былъ ими поставленъ на очередь, и тема объ отношеніи національнаго сознанія къ принципу космополитизма требовала рѣшенія.

Мнѣ кажется, что это рѣшеніе далъ Карамзинъ и что именно имъ онъ и снискалъ себѣ небывалый успѣхъ въ литературѣ. Въ сознаніи Карамзина вопросъ объ отношеніи національнаго къ общечеловѣческому, конечно, существовалъ, но совсѣмъ не имѣлъ старой остроты и мучительности и обратился въ простую теоретическую тему. Въ произведеніяхъ своихъ Карамзинъ вовсе упразднилъ вѣковое противоположеніе Руси и Европы, какъ различныхъ и непримиримыхъ міровъ; онъ мыслилъ Россію, какъ одну изъ Европейскихъ странъ, и русскій народъ, какъ одну изъ равнокачественныхъ съ прочими націй. Онъ не клялъ Запада во имя любви къ родинѣ, а поклоненіе западному просвѣщенію не вызывало въ немъ глумленія надъ отечественнымъ невѣжествомъ. Космополитическая идея единства міровой цивилизаціи вела его къ утвержденію, что «все народное ничто передъ человѣческимъ: главное дѣло быть людьми, а не славянами». Но это утвержденіе не отрицало ни народности, ни патріотизма. Карамзинъ не противорѣчилъ себѣ, когда въ своемъ знаменитомъ разсужденіи «о любви къ отечеству и народной гордости» писалъ, что «русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою;... станемъ смѣло на ряду съ

другими, скажемъ ясно свое имя и повторимъ его съ благородной гордостью». Исходя изъ мысли о единствѣ человѣческой культуры, Карамзинъ не устранялъ отъ культурной жизни и свой народъ. Онъ признавалъ за нимъ право на моральное равенство въ братской семьѣ просвѣщенныхъ народовъ. «Какъ человѣкъ, такъ и народъ (писалъ онъ) начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: «я существую нравственно». Такая постановка вопроса упраздняла прежній антагонизмъ, разрѣшала прежнія недоумѣнія. Проповѣдь мира и единенія смѣняла собою вѣковые толки о непримиримой разности русской и европейской стихій и была «новымъ словомъ» Карамзина въ русской литературѣ. Это «новое слово» дѣйствовало на умы особенно сильно и вліятельно потому, что не было сказано въ видѣ сухого разсужденія, а явилось основой обаятельныхъ по формѣ литературныхъ твореній. Оно не только убѣждало, оно прельщало.

Современники чувствовали за Карамзинымъ эту патріотическую заслугу моральнаго оправданія нашей народности въ міровой средѣ. Вопреки репутаціи космополита, иногда сопровождавшей имя Карамзина, его почитали за великаго патріота. А. Стурдза, отмѣчая, что въ Карамзинѣ «соединялся духъ русскаго съ европейскою образованностью», признавалъ, что Карамзинъ «началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія». Иными словами ту же мысль выразилъ кн. П. А. Вяземскій, сказавъ, что Карамзинъ показалъ, «что у насъ есть отечество». В. В. Измайловъ хвалилъ Карамзина за то, что онъ «старался при всякомъ случаѣ возвысить въ Россіянахъ чувство народнаго и человѣческаго достоинства»; а Марлинскій отмѣтилъ, что Карамзинъ «преобразовалъ книжный языкъ русскій... и далъ ему народное лицо». Такъ къ числу прочихъ литературныхъ заслугъ и пріятностей Карамзина присоединялась и эта заслуга первыхъ шаговъ на поприщѣ народнаго самоопредѣленія.

Если высказываемыя мною мысли вѣрны, онѣ даютъ намъ

наиболѣе правильное объясненіе того, почему Карамзинъ обратился отъ литературныхъ къ историческимъ трудамъ. Изученіе исторіи народа всегда признавалось лучшимъ средствомъ народнаго самопознанія. Для Карамзина оно и было средствомъ къ тому, чтобы, говоря его собственнымъ словомъ, «русскій по крайней мѣрѣ зналъ цѣну свою».

„СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ“.

(1912).

Отечественная война 1812 года въ жизни Русскаго государства имѣла очень большое значеніе.

Огромныя вражескія силы вошли въ Русскую землю совершенно неожиданно для ея жителей. Если русское правительство задолго имѣло свѣдѣнія о намѣреніи Наполеона начать войну, то изъ простыхъ русскихъ людей никто не могъ предугадать нашествія врага даже и за одинъ годъ до того, какъ оно сбылось. Вовсе нельзя было чаять, что врагъ всего въ два съ половиною мѣсяца дойдетъ отъ дальней границы до «первопрестольной» Москвы и что наша армія дастъ ему дорогу до самой столицы. Пожаръ Москвы для многихъ русскихъ людей казался началомъ погибели всей Россіи. Тѣмъ неожиданнѣе для нихъ оказалось дальнѣйшее: отступленіе французовъ изъ Москвы, совершенное ихъ изгнаніе изъ Россіи къ концу 1812 года, освобожденіе Германіи отъ Наполеона къ концу 1813 года, завоеваніе русскими и нѣмецкими войсками Парижа весною 1814 года и низложеніе Наполеона. Всѣ эти великія событія были пережиты менѣе, чѣмъ въ два года.

Чтобы почувствовать всю силу и важность происшедшихъ потрясеній, надобно было видѣть и перестрадать ихъ. Надобно было испытать неизбѣжный страхъ нашествія дотолѣ непобѣдимой полумилліонной «великой арміи» Наполеона; надобно было видѣть бѣгство и разореніе жителей, разрушеніе селъ, усадебъ и городовъ; надобно было знать лишенія и страданія

отступавшей передъ врагомъ арміи, подвиги сильныхъ духомъ и малодушіе слабыхъ; надобно было, наконецъ, перестрадать потерю и гибель Москвы. Все это повергало души въ трепетъ и отчаяніе, заставляло ожидать близкаго и несчастнаго конца. Но съ той же быстротою, съ какою набѣжала бѣда, она разсѣялась. Съ отступленіемъ Наполеона изъ Москвы не уменьшились жертвы и страданія, но появилась надежда на избавленіе и спасеніе. Вскорѣ затѣмъ она смѣнилась чувствомъ побѣды и торжества надъ врагами, сознаніемъ непобѣдимой силы и мощи Россіи. Мудрено ли, что 1812 годъ сталъ торжественнымъ и свѣтлымъ воспоминаніемъ русскаго народа, что въ сіяньѣ славы и побѣдъ исчезли боль отъ перенесенныхъ страданій и печаль отъ утратъ и разоренія? «Священной памятью 12-го года» гордилась вся Россія.

Прошли года. Героическія воспоминанія о борьбѣ за родину хранили свою свѣжесть. Но съ теченіемъ времени простыми разсказами о бояхъ и подвигахъ уже не ограничивались; искали лучше понять причины гигантской борьбы и полнѣе уразумѣть ея послѣдствія. Выяснилось, что столкновеніе Россіи съ Франціей не было внезапною случайностью и что послѣдствія войнъ съ Наполеономъ отразились не только на политической жизни Европы, но и на внутренней жизни Россіи.

На общей аренѣ европейской политики встрѣча Россіи и Франціи была неизбѣжна, потому что къ началу XIX столѣтія обѣ страны—каждая по своимъ особымъ причинамъ—обнаружили явную склонность къ вмѣшательству въ дѣла прочихъ европейскихъ странъ.

Пережитыя Франціей въ концѣ XVIII столѣтія внутреннія потрясенія вызвали вмѣшательство въ ея жизнь сосѣднихъ государствъ, которыя желали возстановленія во Франціи низложенной династіи и стараго ниспровергнутаго порядка. Французамъ приходилось защищаться отъ иноземныхъ вторженій. Вслѣдствіе разныхъ причинъ ихъ оборона приняла активный характеръ. Отбивъ враговъ отъ своихъ границъ, французы пе-

ренесли войну въ сосѣднія страны, овладѣли многими землями: однѣ присоединили къ Франціи, а въ другихъ устроили особыя республики и утвердили свое вліяніе. Необходимость поддерживать достигнутый успѣхъ вела Францію къ новымъ войнамъ и побѣдамъ. Основатель Французской имперіи, Наполеонъ съ принятіемъ императорскаго титула связывалъ мысль о господствѣ надъ цѣлой Европою и своими походами довершилъ то, что было начато въ эпоху республики. Вся Европа подчинилась его верховенству, кромѣ Англіи и Россіи. Эти же два государства не только не признавали главенства Франціи, но постоянно противодѣйствовали ему. Съ Англіей и Россіей Наполеону предстояла поэтому рѣшительная борьба. Императоръ французовъ не скрывалъ своей вражды къ Англіи, но не имѣлъ средствъ нанести ударъ островному государству, ибо не обладалъ сильнымъ флотомъ. Границы же Россіи были ему доступны: рано или поздно русскому народу предстояло или подчиниться генію Наполеона, или испытать его грозу.

Россія, быть можетъ, избѣжала бы вражды съ Франціей, если бы русское правительство отказалось отъ вмѣшательства въ дѣла средней Европы и отъ протестовъ противъ Наполеона. Но какъ разъ въ ту эпоху русская политика обнаруживала особую наклонность къ участію въ дѣлахъ Запада, и русскій дворъ считалъ вмѣшательство въ международныя отношенія своею прямою задачей. Императоръ Александръ I былъ по преимуществу дипломатомъ, любилъ это дѣло, отличался искусствомъ и способностью вести «политику». Въ этомъ онъ вполнѣ подчинялся условіямъ своего времени. Послѣ громкихъ побѣдъ императрицы Екатерины II и ея громадныхъ завоеваній должны были въ корнѣ измѣниться основы русской политики. До тѣхъ поръ Россія искала своихъ естественныхъ границъ и находилась въ многовѣковой непрерывной борьбѣ съ своими сосѣдями. Отъ Швеціи ей надлежало добыть необходимое Балтійское побережье; отъ Польши и Литвы — родныя русскія земли. На югѣ для Россіи нужно было обезпечить себѣ покой и безопасность отъ разбой-

ныхъ татарскихъ набѣговъ. Цѣлыя столѣтія проходили въ томъ, что русскіе люди, поколѣніе за поколѣніемъ, искали средствъ и союзниковъ для борьбы съ своими сосѣдями и вели войну за войною на своихъ рубежахъ. Вѣковой порядокъ выражался въ томъ, чтобы, воюя съ сосѣдомъ, дружить «черезъ сосѣда» со всѣми тѣми, кто могъ помочь противъ сосѣда. Русское государство, словомъ, вело политику узко-національную, преслѣдуя насущный народный интересъ. Петру Великому удалось побѣдить шведовъ и добыть море на западѣ; Екатеринѣ II удалось возвратить русскія области отъ поляковъ и доканать татаръ присоединеніемъ Крыма и Новороссіи. Вѣковыя цѣли были достигнуты; войны на рубежахъ прекратились; сосѣди перестали быть явными и опасными врагами. Такимъ образомъ вся политическая обстановка при императрицѣ Екатеринѣ II измѣнилась; должна была измѣниться и политическая система. Вмѣсто задачъ народной обороны предъ русской дипломатіей стали задачи иного рода. Онѣ сводились къ тому, чтобы опредѣлить роль Россіи въ средѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ и вліять на ходъ между-народныхъ отношеній въ интересахъ мира и политическаго равновѣсія. Такое пониманіе дѣла возникло уже при дворѣ императрицы Екатерины и императора Павла. Оно должно было повести къ постоянному вмѣшательству Россіи въ европейскія дѣла. И раньше, въ XVIII вѣкѣ, бывало не разъ, что Россія втягивалась въ европейскія столкновенія, но тогда дѣло ограничивалось дипломатической игрою и весьма рѣдко доходило до вооруженій. Со времени же французской революціи русское правительство не считало возможнымъ уклониться отъ дѣятельнаго противодѣйствія Франціи, ибо почитало своимъ долгомъ стать на охрану законнаго порядка въ Европѣ отъ мятежныхъ на него посягательствъ. Вотъ почему при императорѣ Павлѣ и Александрѣ I нѣсколько разъ возгоралась прямая вражда и шли войны съ французами. Непримиримость обоихъ государствъ, Россіи и Франціи выяснялась чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе; понемногу стало очевидно, что имъ не миновать рѣшительнаго столкновенія.

Таковы были основныя причины Отечественной войны. Историческія судьбы непредвидѣнно поставили Россію и Францію одну противъ другой. Обѣ страны шли своими особыми путями, пока ихъ пути не сошлись на роковомъ пересѣченіи. Попытка Наполеона привлечь императора Александра въ союзъ и дружбу послѣ мира въ Тильзитѣ (1807) не могла имѣть удачи, потому что тревожная жизнь тогдашней Европы давала слишкомъ много прямыхъ причинъ и поводовъ для недоразумѣній и ссоръ между союзниками. Въ чемъ заключались эти поводы и причины—объясняетъ первая глава настоящей книги.

Военная гроза 1812 года разбила не Россію, а Французскую имперію. Но и Россія испытала на себѣ рядъ глубокихъ послѣдствій Отечественной войны. Не говоримъ уже о громадныхъ потеряхъ людьми, о разореніи цѣлыхъ областей, о разстройствѣ государственныхъ финансовъ: много лѣтъ русскіе помнили «француза» и «нашествіе двадесяти языкъ» и не сразу могли оправиться отъ своихъ матеріальныхъ утратъ и потрясеній. Вліяніе событій «двѣнадцатаго года» и послѣдовавшихъ за нимъ «освободительныхъ» войнъ отразилось и на духовной жизни русскаго общества, возбудивъ въ немъ сильное внутреннее броженіе.

Прежде всего это броженіе направилось на критику русскаго общественнаго строя и на сравненіе его съ общественными порядками Запада. Россія была тогда государствомъ крѣпостническимъ. По законамъ и порядкамъ императрицы Екатерины II дворянство пріобрѣло въ государствѣ преобладающее значеніе и получило въ свое полное распоряженіе не только трудъ, но, можно сказать, и самую жизнь крѣпостныхъ крестьянъ, жившихъ въ дворянскихъ имѣніяхъ, и дворовыхъ людей, служившихъ въ дворянскихъ усадьбахъ. Крѣпостное право на крестьянъ и дворовыхъ, угнетая народную массу, озабочивало правительство. Крестьянскія волненія противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые злоупотребляли своею властью, тогда случались очень нерѣдко и вели иногда къ открытымъ безпорядкамъ, ко-

торые приходилось усмирять силою. Для правительства возникала двойная забота о томъ, чтобы пресѣчь злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ со стороны дворянъ и безпорядки и бунты со стороны крестьянъ. Вторженіе враговъ въ Россію естественно подняло вопросъ о томъ, не будетъ ли оно поводомъ къ крестьянскимъ возмущеніямъ. Есть такія указанія, что враги Россіи надѣялись на эти возмущенія, а дворяне ихъ ожидали и опасались. На дѣлѣ сколько-нибудь замѣтныхъ крестьянскихъ безпорядковъ не произошло. Мало того—крестьяне участвовали вмѣстѣ съ войсками въ партизанской войнѣ противъ французовъ и сами, одушевленные народнымъ чувствомъ, сбирались въ свои особые отряды для преслѣдованія и истребленія вражескихъ силъ. Несмотря, однако, на благополучный исходъ дѣла, мысль о возможной опасности отъ крѣпостного строя не могла замереть и исчезнуть. Когда русская армія въ 1813—1815 годахъ дѣлала свои заграничные походы, масса дворянъ, въ ней служившихъ, своими глазами увидала европейскій бытъ, въ которомъ уже не было крѣпостныхъ отношеній. Культурное и нравственное превосходство такого быта для русскихъ людей было очевидно, а зло ихъ крѣпостного строя стало имъ еще больше понятно. Возвратившись съ войны на родину, многіе дворяне принесли съ собою мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права и объ измѣненіи государственнаго устройства, основаннаго на крѣпостномъ порядкѣ. Одни изъ нихъ хотѣли скораго и крутого переворота (и даже произвели неудачную попытку такого переворота при воцареніи императора Николая I—14-го декабря 1825 года). Другіе мечтали о болѣе спокойныхъ и постепенныхъ преобразованіяхъ. Самъ императоръ Николай I поставилъ себѣ цѣлью найти способы къ улучшенію быта крѣпостныхъ и много потрудился въ этомъ направленіи, хотя и не рѣшился прямо возбудить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Это сдѣлалъ уже его сынъ—императоръ Александръ II.

Но не только вопросъ о крѣпостномъ правѣ и связанныхъ

съ нимъ реформахъ возникъ въ русскомъ обществѣ послѣ Отечественной войны. Вообще умственная жизнь въ Россіи чрезвычайно оживилась подъ вліяніемъ событій, связанныхъ съ этой войною. Подъемъ патріотическихъ чувствъ въ годы борьбы съ Наполеономъ расшевелилъ русское общество, устремилъ его вниманіе на политическія дѣла, двинулъ въ ряды арміи всѣхъ тѣхъ, кто пылалъ желаніемъ бороться за родину и за освобожденіе человѣчества отъ ига «корсиканца». Общественное возбужденіе получило новую пищу въ заграничныхъ походахъ послѣ Отечественной войны. Очень много русскихъ людей прошло въ нашей арміи черезъ всю Европу, отъ р. Нѣмана до Парижа, видѣло разныя страны, оставалось въ нихъ на военныхъ постояхъ не только мѣсяцами, но цѣлыми годами, и такимъ образомъ основательно знакомилось съ европейскою культурой и нравами. За отцами и братьями, бывшими въ войскахъ, ѣхали на Западъ ихъ семьи — навѣстить родныхъ борцовъ и самимъ повидать Европу, замиренную побѣдами императора Александра I. Путешествія за границу вошли въ чрезвычайную моду. Русскіе совершали прогулки по Европѣ, учились въ германскихъ университетахъ, собирали цѣлыя библіотеки изъ заграничныхъ книгъ, составляли себѣ художественныя коллекціи, вывозили изъ за границы въ свои семьи учителей и гувернеровъ, за границей даже женились и выходили замужъ, заключая браки съ тѣми иностранцами и иностранками, съ которыми знакомились въ свое долгое пребываніе въ чужихъ краяхъ. Чрезвычайное оживленіе сношеній съ Западомъ повело къ тому, что на Руси послѣ 1812 года сталъ замѣтенъ сильный подъемъ образованности, развился вкусъ къ занятіямъ философіей, наукою и литературою, появились философскіе кружки, подготовлялся расцвѣтъ самостоятельнаго творчества въ чудной поэзіи Пушкина и его литературныхъ друзей и послѣдователей. Словомъ, патріотическое оживленіе, вызванное Наполеономъ въ Россіи, перешло отъ военныхъ порывовъ къ мирной просвѣтительной работѣ на поприщѣ народнаго самосознанія.

Вотъ почему, чествуя столѣтіе Отечественной войны и вспоминая кровавый день Бородина и плѣнъ разрушенной Москвы, мы празднуемъ не только военную годовщину, но и народно-культурный праздникъ. Въ бѣдствіи родины, въ крови и пожарахъ 1812 года, народная душа почерпнула не только жажду мести врагу, но и потребность духовнаго и гражданскаго совершенствованія. Военный походъ отъ Москвы на Нѣманъ и отъ Нѣмана въ Парижъ привелъ русскій народъ не только къ окончательному пораженію народнаго врага, но и къ первымъ шагамъ на пути уничтоженія крѣпостного строя и усвоенія лучшихъ сторонъ европейской культуры.

Въ этомъ значеніе «священной памяти двѣнадцатаго года»!

ПРИМѢЧАНІЯ.

— *Къ стр. 1.* Статья о земскихъ соборахъ была первоначально помѣщена въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за мартъ 1883 года и въ томъ же году вышла безъ измѣненій отдѣльною брошюрою.

— *Къ стр. 3.* О достовѣрности извѣстій Степенной книги Хрущова см. ниже, на стр. 201—205, статью „Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 года", а также статью П. Г. Васенка о Хрущовской книгѣ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" за апрѣль 1903 года.

— *Къ стр. 23.* Дата 25 мая основательно заподозрѣна покойнымъ И. Н. Дитятинымъ („Русская Мысль", 1883, декабрь, стр. 91). Самый документъ, ее заключающій, напечатанъ г. Латкинымъ, къ сожалѣнію, неудовлетворительно: „въ исправленномъ рукою современника видѣ" („Земскіе соборы древней Руси", Спб. 1885, стр. 434—440). Въ документѣ важно было бы изучить исправленія сравнительно съ *первоначальнымъ* текстомъ.

— *Къ стр. 26.* Статья о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была написана для прочтенія въ видѣ рѣчи на актѣ С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ 22 октября 1885 года и затѣмъ была напечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за май 1886 года. Сверхъ указанныхъ авторомъ характеристикъ царя Алексѣя, онъ имѣлъ въ виду цѣльный очеркъ личности „гораздо тихаго" царя, находящійся въ „Курсѣ русской исторіи" В. О. Ключевскаго; „Курсъ" этотъ автору былъ извѣстенъ еще въ литографіяхъ. Въ 1912 г. авторъ изложилъ заново характеристику царя Алексѣя для юбилейныхъ къ 1913 году изданій г. Сытина, имѣющихъ выйти въ свѣтъ подъ редакціею В. В. Каллаша и Н. Д. Чечулина.

— *Къ стр. 31.* Кромѣ стараго сборника писаній царя Алексѣя, изданнаго г. Бартеневымъ въ 1856 году, въ послѣдующіе годы появились „Письма царя Алексѣя Михайловича" въ изданіи Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (М. 1896), а также нѣкоторыя резолюціи и замѣтки царя изъ дѣлъ Тайнаго приказа въ трудѣ И. Я. Гурлянда „Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ" (Ярославль. 1902).

— *Къ стр. 40.* Статья о „Новой повѣсти“ была напечатана въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за январь 1886 г. Позднѣе авторъ далъ вторично отзывъ объ этомъ памятникѣ въ своей книгѣ „Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени“ (Спб. 1888, стр. 86 и слѣд.), а самый текстъ „Новой повѣсти“ издалъ цѣликомъ въ XIII-мъ томѣ „Русской Исторической Библіотеки“ (стр. 187—218). Здѣсь настоящая статья перепечатывается потому, что не все ея содержаніе вошло въ книгу „Древнерусскія сказанія и повѣсти“, и въ этой книгѣ не разъ дѣлаются ссылки на статью.

— *Къ стр. 60.* Вопросъ объ авторѣ повѣсти имѣетъ свою „литературу“. Рецензентъ „Русской Мысли“ (П. Н. Милюковъ?), не соглашаясь со мною, говорилъ, что повѣсть составлена не въ Москвѣ, а въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, по тому признаку, что въ повѣсти дважды встрѣчаются слова: „иже *у насъ* въ Троицѣ“ („Русская Мысль“, 1888, мартъ, библіографич. отдѣла стр. 161). На то же указывалъ и г. Скворцовъ въ своей книгѣ „Діонисій Зобниновскій“ (Тверь. 1890, стр. 70—71). Я съ своей стороны въ „Очеркахъ по исторіи Смуты“ (примѣч. 200) позволилъ себѣ высказать догадку, что авторомъ повѣсти былъ дьякъ Григорій Елизаровъ, ушедшій изъ Москвы отъ поляковъ въ Троицкій монастырь: на немъ сходятся всѣ признаки, по какимъ строились до сихъ поръ заключенія объ авторѣ повѣсти.

— *Къ стр. 62.* Статья напечатана въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за іюнь 1888 года.

— *Къ стр. 76.* Замѣтка о началѣ Москвы была напечатана въ журналѣ „Библіографъ“, № 5—6 за 1890 годъ. Въ трудѣ г. Забѣлина „Исторія города Москвы“ (часть первая, М. 1902) можно читать на первыхъ страницахъ то же самое, что докладывалъ И. Е. Забѣлинъ на Московскомъ съѣздѣ.

— *Къ стр. 84.* Рецензія на трудъ Н. Д. Чечулина была помѣщена въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за май 1890 года. Позднѣе въ „Отчетѣ о 33-мъ присужденіи наградъ графа Уварова (Спб. 1892) появился обстоятельный отзывъ В. О. Ключевскаго о томъ же трудѣ Н. Д. Чечулина, и въ немъ были освѣщены нѣкоторыя изъ темъ, затронутыхъ въ настоящей статьѣ.

— *Къ стр. 103.* Рецензія на третій томъ „исторіографическаго“ сочиненія г. Иловайскаго была помѣщена въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за мартъ 1891 года.

— *Къ стр. 127.* Замѣтка о матеріалахъ, публикованныхъ г. Зерцаловымъ, была напечатана въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за май 1891 года. Въ настоящемъ изданіи опущенъ конецъ замѣтки, заключавшій въ себѣ нѣсколько словъ pro domo. Самая же замѣтка печатается потому, что въ ней впервые было дано указаніе на значеніе „земскихъ сказокъ“ 1662 года.

— *Къ стр. 133.* Статья „Какъ возникли чети?“ была напечатана въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за май 1892 года. Часть ея вошла въ мой отзывъ о книгѣ С. М. Середонина: „Сочиненіе Дж. Флетчера Of the Russe Common Wealth, какъ историческій источникъ“ (см. Отчетъ о 34-мъ присужденіи наградъ графа Уварова).

— *Къ стр. 134—135.* Въ послѣднихъ изданіяхъ „Обзора“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова (изд. 3-е, стр. 206—207; изд. 4-е, стр. 195—196) находимъ разборъ мнѣній о происхожденіи четей съ неожиданнымъ заключеніемъ, что всѣ труды „новыхъ изслѣдователей“ имѣютъ лишь тотъ результатъ, что „возвращаютъ вопросъ къ прежнему его состоянію“. Поэтому самъ г. Владимірскій-Будановъ остается при старомъ взглядѣ, согласно осужденномъ „новыми изслѣдователями“. Сводъ матеріала и мнѣній по вопросу о четяхъ сдѣланъ въ статьѣ Е. Д. Сташевскаго „Къ вопросу о томъ, когда и почему возникли чети?“ (въ „Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ“ за 1908 годъ и отдѣльно).

— *Къ стр. 145.* Слова: „четверти существовали одновременно съ опричниной и внѣ ея“ авторъ теперь замѣнилъ бы словами: „четверти существовали одновременно съ опричниной, но независимо отъ нея“.

— *Къ стр. 146 –147.* Авторъ остается и теперь при прежней мысли, что четвертные доходы дума вѣдала сначала чрезъ одного разряднаго дьяка (и тогда чети были подчинены Разряду), а затѣмъ черезъ всѣхъ думныхъ дьяковъ (и тогда чети стали въ соединеніи, кромѣ Разряда, съ приказами Посольскимъ, Помѣстнымъ и Казанскаго дворца). Эта мысль не была принята проф. Дьяконовымъ, который, указавъ, что Большой приходъ упоминается въ 1555—1556 гг., а Четвертная изба въ 1561—1562 г., выразилъ мнѣніе, что чети возникли „изъ вѣдомства казначеевъ“ и очень рано отъ него обособились („Дополнительныя свѣдѣнія о Московскихъ реформахъ половины XVI вѣка“ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за апрѣль 1894 года). Можно думать, что только спеціальное изученіе реформъ Грознаго во всей ихъ совокупности покажетъ, гдѣ тутъ истина.

— *Къ стр. 148—150.* Вопросъ о взаимномъ отношеніи учрежденій „въ опричнинѣ“ и „въ земскомъ“ очень интересенъ. Авторъ имѣлъ случай высказаться по этому вопросу въ „Очеркахъ по исторіи Смуты“ (глава вторая, отд. III).

— *Къ стр. 151.* Эта замѣтка напечатана была въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за май 1893 года. По содержанію своему она тѣсно связывается съ матеріалами, изданными Императорскою Археографическою Коммиссіею подъ заглавіемъ „Вновь открытыя полемическія сочиненія XVII вѣка противъ еретиковъ“ (въ „Лѣтописи занятій“ Коммиссіи, т. XVIII. Спб. 1907) и съ печатаемою ниже въ этомъ томѣ статьею „Объ авторѣ сочиненія на иконоборцы и на вся злыя ереси“.

— *Къ стр. 157.* Замѣтка „о двухъ грамотахъ 1611 года“ была помѣщена въ изданіи „Commentationes Philologicae“—Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго“ (Спб. 1897).

— *Къ стр. 163.* Напечатано въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за февраль 1897 года.

— *Къ стр. 181.* Рецензія на сборникъ писемъ К. Н. Бестужева-Рюмина была напечатана въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за май 1898 года. Нѣкоторое освѣщеніе перепискѣ нашего историка съ

графомъ С. Д. Шереметевымъ можно найти въ трудѣ графа „Царевна Ѳеодосія Ѳеодоровна. 1592—1594“ (въ сборникѣ „Старина и Новизна“, книга V. Спб. 1902).

— *Къ стр. 189.* Напечатано въ „Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества“, т. XI, вып. 1—2 (Спб. 1899).

— *Къ стр. 195.* Статья напечатана въ „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи“ за 1900 годъ, № 12.

— *Къ стр. 201.* Статья напечатана въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за мартъ 1900 года. Той же Степенной книгѣ А. Ѳ. Хрущева посвящено изслѣдованіе П. Г. Васенка въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за апрѣль 1903 года.

— *Къ стр. 206.* Замѣтка объ Угличскомъ кремлѣ составляетъ сокращенное изложеніе доклада на Ярославскомъ областномъ съѣздѣ 1901 года и помѣщена въ „Трудахъ“ этого съѣзда (М. 1902). Въ „Трудахъ второго областного Тверского археологическаго съѣзда“ (Тверь. 1906) находится любопытнѣйшая статья И. А. Тихомірова „Раскопки въ Угличскомъ кремлѣ“ со многими данными по топографіи этого кремля.

— *Къ стр. 211.* Напечатано въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за октябрь 1901 года.

— *Къ стр. 215.* Статья о Никоновомъ сводѣ была помѣщена въ томѣ VII (1902 г.), книжкѣ 3-й „Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ“.

— *Къ стр. 225.* Напечатано въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за декабрь 1902 года.

— *Къ стр. 249.* Было напечатано въ сборникѣ: „Къ 200-лѣтію С.-Петербурга. 1703 —1903. Для учащихся Спб. учебнаго округа“. Спб. 1903.

— *Къ стр. 258.* Рѣчь въ Имп. Русскомъ Историческомъ Обществѣ 10 марта 1904 года. Первоначально напечатано въ „Нижегородскомъ Сборникѣ“ (изд. Т-ва „Знаніе“. Спб. 1905); затѣмъ издано въ 1909 году отдѣльною брошюрою (въ Нижегородской ученой архивной коммиссіи) и въ сборникѣ „Люди смутнаго времени“ (Спб. 1905).

— *Къ стр. 267.* Было помѣщено въ журналѣ „Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія“, 1904 г., № 32.

— *Къ стр. 279.* Первоначально напечатано въ „Журналѣ для всѣхъ“, 1905 г., № 2 и № 3.

— *Къ стр. 339.* Было помѣщено въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1906 г., декабрь.—Въ „Русской Мысли“ 1909 г. (ноябрь) В. И. Алексѣевымъ въ статьѣ „Вопросъ объ условіяхъ избранія на царство М. Ѳ. Романова“ были представлены нѣкоторыя возраженія на эту статью. Въ любопытномъ трудѣ Г. Г. Тальберга „Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Моск. государствѣ XVII вѣка“ (М. 1912) вопросъ о содержаніи и силѣ „условій“ избранія 1613 года получилъ свѣжую постановку. Однако и теперь я не вижу основаній колебаться въ своихъ выводахъ.

— *Къ стр. 407.* Первоначально помѣщено въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1907 г., октябрь, и частію вошло въ предисловіе къ изданію „Вновь открытыя полемическія сочиненія XVII вѣка противъ еретиковъ“ въ XVIII томѣ „Лѣтописи занятій Императорской Археографической Коммиссіи“. Вопросъ о литературной дѣятельности князя И. М. Катырева не можетъ считаться достаточно освѣщеннымъ; кажется, своевременно было бы сдѣлать его предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

— *Къ стр. 420.* Составлено для „Сборника статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому“. М. 1909.

— *Къ стр. 435.* „Къ исторіи Полтавской битвы“ помѣщено было въ „Русской Старинѣ“ за 1909 годъ, январь. Въ IV-мъ томѣ „Трудовъ Имп. Русскаго Военно-Историческаго Общества“ (Спб. 1909), въ изслѣдованіи Н. Л. Юнакова „Сѣверная война. Кампанія 1708—1709 гг.“, г. Юнаковъ подвергъ критикѣ эту мою статью и, „оцѣнивая факты съ военной точки зрѣнія“, согласиться со мною не могъ (стр. 40—44 Примѣчаній). Въ свою очередь, оцѣнка фактовъ „съ военной точки зрѣнія“ оказалась неубѣдительною для меня, тѣмъ болѣе, что взглядъ на дѣйствія Карла XII, высказанный въ моей статьѣ, нашелъ себѣ косвенное подтвержденіе въ шведскомъ изслѣдованіи Артура Стилле (1908), русскій переводъ коего вышелъ въ 1912 году (*А. Стилле.* „Карлъ XII, какъ стратегъ и тактикъ въ 1707—1709 гг. Переводъ со шведскаго А. В. Полторацкаго“. Спб.).

— *Къ стр. 444.* Статья эта составляетъ введеніе въ „Исторію Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ (1711—1911)“, изданную при Сенатѣ въ 1911 г.

— *Къ стр. 495.* Напечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1911 г., ноябрь, и (съ нѣкоторыми сокращеніями) въ сборникѣ „Научнаго Слова“, посвященномъ памяти В. О. Ключевскаго („В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія“. М. 1912).

— *Къ стр. 504.* Первоначально помѣщено во второмъ выпускѣ V-го тома „Остафьевскаго Архива“, издаваемаго гр. С. Д. Шереметевымъ. Краткая рѣчь эта была произнесена въ собраніи 18 іюля 1911 г. по случаю открытія памятника Н. М. Карамзину въ селѣ Остафьевѣ.

— *Къ стр. 513.* Этотъ краткій очеркъ написанъ, какъ предисловіе къ популярной книгѣ П. Гр. Васенка „Двѣнадцатый годъ“ (Спб. 1912).

